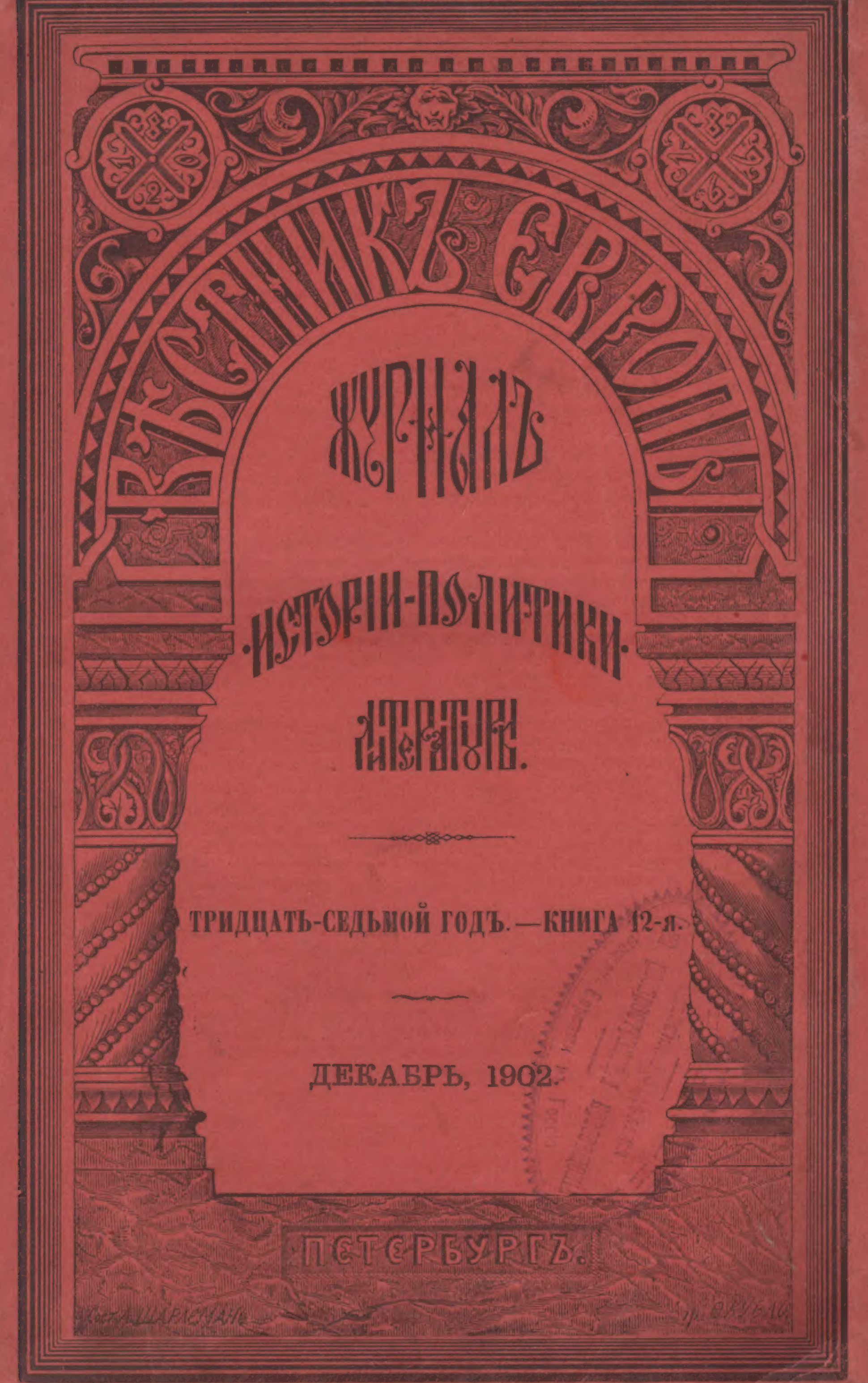

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1902.

ВЫСШІЯ
НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ
ВЪ ШВЕЦІИ

ОЧЕРКЪ.

Многолѣтнее энергичное стремленіе Швеціи къ повсемѣстному насажденію въ странѣ народнаго просвѣщенія увѣнчалось, въ настоящее время, выдающимся успѣхомъ. Дѣйствительно, эта необширная страна, съ суровымъ климатомъ и сравнительно незначительными природными богатствами, съумѣла поставить народное просвѣщеніе на столь высокую ступень развитія, что въ этомъ отношеніи она занимаетъ нынѣ, можно сказать, первое мѣсто въ ряду прочихъ странъ Европы [1]. Казалось бы, что именно Швеція, не особенно богатая страна, должна была бы съ большою осмотрительностью приступать ко всякаго рода нововведеніямъ, сопряженнымъ съ значительными расходами. Отъ нея, поэтому, менѣе, чѣмъ отъ другихъ странъ, можно было ожидать введенія всеобщаго обязательнаго обученія. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, экономическое положеніе Швеціи было даже весьма незавидно. Между тѣмъ, уже и тогда въ этой странѣ замѣчалось сильное стремленіе къ народному просвѣщенію, а тамъ общественное мнѣніе уже давно имѣло значеніе руководящей силы,

[1] Умѣющихъ читать и писать въ Швеціи 98%, Германіи—97%, Швейцаріи—95%, Великобританіи—91%, Франціи—85%, Нидерландахъ—84%, Бельгіи—77%, Австріи—51%, Италіи—45%, Испаніи—25%.

да и само общество было глубоко проникнуто сознаніемъ—что не экономическое благосостояніе страны предшествуетъ развитію народнаго просвѣщенія, напротивъ,—возможно широкое распространеніе въ народѣ просвѣщенія создаетъ прочное экономическое положеніе всѣхъ классовъ населенія.

Въ 1898 году, относительно небогатая Швеція израсходовала на нужды народнаго образованія 29.250.000 кронъ, что составляетъ для каждаго жителя расходъ въ 5,81 кр., или почти 3 р. 50 к. Въ Россіи, при одинаковой напряженности, эта цифра должна была бы возрости до колоссальной суммы, увеличиться почти въ восемнадцать разъ противъ суммы, ассигнуемой у насъ въ послѣднее время на народное образованіе.

Впрочемъ, такая „расточительность“ шведскаго народа въ дѣлѣ удовлетворенія нуждъ народнаго образованія стала проявляться лишь съ момента присвоенія страною права на самообложеніе, а этотъ моментъ совпадаетъ съ началомъ широкаго пользованія самоуправленіемъ. Въ Швеціи крестьянинъ никогда не былъ крѣпостнымъ, хотя и переживалъ иногда весьма тяжелыя времена. Въ настоящее время едва ли можно насчитать много другихъ странъ, имѣющихъ въ своихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ столько представителей изъ мелкаго крестьянства [1]), сколько ихъ приходится на долю шведскаго риксдага. Такое широкое представительство мелкаго крестьянства въ высшемъ государственномъ учрежденіи и потребовало значительнаго повышенія народнаго образованія. Многолѣтній, интенсивный трудъ на этомъ поприщѣ, въ связи съ активнымъ участіемъ крестьянъ въ законодательномъ учрежденіи, весьма много содѣйствовалъ быстрому перерожденію шведскаго народа. Его политическая зрѣлость признана давно, и ею онъ довольно рѣзко отличается отъ многихъ даже высоко образованныхъ народовъ западной Европы. Но съ особенною яркостью она стала проявляться лишь въ позднѣйшее время, какъ непосредственный результатъ широкаго распространенія въ народѣ просвѣщенія, начавшагося въ концѣ первой половины минувшаго столѣтія, а именно съ 1842 года, когда въ Швеціи была реформирована вся школьная система. Затѣмъ, съ преобразованіемъ различныхъ государственныхъ учрежденій, а также по мѣрѣ усложненія жизненныхъ условій, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сталъ увеличиваться спросъ на образованіе. Новые коммунальные законы и улучшеніе устарѣвшихъ формъ правленія,

---

[1]) Въ настоящее время во второй камерѣ изъ 230 членовъ засѣдаютъ только 80 горожанъ и 150 сельскихъ представителей.

также какъ и новый законъ 1866 года, опредѣлявшій порядокъ выборовъ въ риксдагъ,—все это въ значительной степени содѣйствовало повышенію общественныхъ силъ. Одновременно стало замѣтно улучшаться также и экономическое положеніе Швеціи. На всемъ протяженіи, за исключеніемъ далекаго сѣвера, она покрылась густою сѣтью желѣзныхъ и иныхъ путей сообщенія, ея промышленность окрѣпла, у нея выросъ огромный торговый флотъ, явились свободные капиталы и значительно улучшилось сельское хозяйство. Жажда знаній, помимо требованій, предъявляемыхъ развитіемъ промышленности, стала проявляться всюду и съ особою настойчивостью. Низшая народная школа скоро перестала удовлетворять многихъ, и, такимъ образомъ, самъ собою былъ выдвинутъ вопросъ о необходимости учрежденія для народа высшихъ школъ съ теоретическими и практическими курсами. Около этого времени, идея капеллана Грундвига о высшихъ народныхъ школахъ получила практическое осуществленіе въ Даніи. Въ примѣрахъ, слѣдовательно, недостатка не было.

I.

Мысль объ учрежденіи высшихъ народныхъ школъ возникла въ Швеціи въ 1867 году и, притомъ, одновременно въ трехъ пунктахъ. Двое представителей крестьянскаго сословія въ риксдагѣ—Ола Андерсонъ и Свенъ Нильсонъ, жившіе въ области Сконэ, пришли къ убѣжденію о необходимости учредить для взрослыхъ крестьянскихъ сыновей особыя школы, въ которыхъ, наряду съ прохожденіемъ теоретическихъ курсовъ, они пріобрѣтали бы также извѣстную практическую подготовку, необходимую въ крестьянскомъ быту. При содѣйствіи молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ такой высшей народной школѣ, предполагалось внести больше свѣта въ крестьянскую среду и такимъ образомъ распространить въ ней свѣдѣнія, полезныя для земледѣльцевъ. По мнѣнію Андерсона и Нильсона, учрежденіе подобныхъ школъ вызывается также необходимостью дать крестьянамъ возможность постоянно преуспѣвать, дабы они, составляя гражданское общество, могли въ интересахъ всего народа и государства имѣть въ коммунахъ и риксдагѣ вполнѣ свѣдущихъ представителей. Настаивая на необходимости повышенія общаго уровня народнаго образованія и въ особенности сельскаго класса населенія, депутаты утверждали, что высшая народная школа, не отрывая крестьянъ отъ земли, должна стремиться еще больше

къ тому, чтобы привязать къ пей и научить ихъ возможно лучшему воздѣлыванію ея. Они находили возможнымъ учреждать подобныя школы исключительно лишь въ деревняхъ, оберегая, такимъ образомъ, сельскую молодежь отъ городскихъ привычекъ. Однако, какъ осуществить такія мысли и какимъ образомъ организовать школу въ педагогическомъ отношеніи—депутаты провинціи Сконэ сами не могли разрѣшить.

Между тѣмъ, мысль объ учрежденіи высшихъ народныхъ школъ въ Швеціи возникла одновременно также и у доктора Сольмана, дѣятельнаго члена стокгольмскаго „сѣвернаго національнаго общества“ и бывшаго въ то же время однимъ изъ самыхъ талантливыхъ редакторовъ свободомыслящей газеты „Aftonbladet“. На страницахъ этой газеты онъ помѣстилъ о томъ цѣлый рядъ статей, и такимъ образомъ по настоящему вопросу образовался довольно значительный литературный матеріалъ. Не ограничиваясь только статьями теоретическаго характера, Сольманъ отправилъ въ Данію своего сотрудника, доктора Олунда, для практическаго ознакомленія съ постановкой преподаванія и организацiей высшихъ народныхъ школъ. Его корреспонденціи, напечатанныя въ той же газетѣ, читались съ большимъ интересомъ и обсуждались не только всею печатью, но также и въ спеціальныхъ обществахъ, частныхъ кружкахъ и семьяхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за печатью депутаты области Сконэ — Андерсонъ и Нильсонъ. Ознакомившись съ положеніемъ и организацiей высшихъ народныхъ школъ въ Даніи, они увидѣли себя во всеоружіи и немедленно приступили къ осуществленію своихъ первоначальныхъ проектовъ. Общество, подготовленное печатью, отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ ихъ благимъ начинаніямъ. Такое движеніе въ пользу высшихъ народныхъ школъ обнаружилось не только въ образованныхъ слояхъ общества, но оно быстро распространилось также и въ крестьянской средѣ. Совмѣстная дѣятельность представителей интеллигентнаго класса и крестьянскаго сословія ознаменовалась одновременнымъ открытіемъ въ 1868 году трехъ высшихъ народныхъ школъ въ Гвиланѣ, Эннестадѣ и Геррестадѣ. Въ послѣдующіе годы докторъ Олундъ и Андерсонъ основали еще нѣсколько подобныхъ же школъ, но затѣмъ, когда мѣсто директора высшей народной школы въ Гвиланѣ было предоставлено доценту лундскаго университета доктору Гольмстрему, эти школы стали учреждаться во всѣхъ ленахъ [1]) Швеціи.

---

[1]) Въ административномъ отношеніи Швеція раздѣлена на 25 областей, назы-

Причиной, побудившей доктора Гольмстрема заинтересоваться высшими народными школами и затѣмъ направить свои усилія вообще къ поднятію народнаго образованія, послужили встрѣча его и обмѣнъ мыслей съ Флоромъ, выдающимся въ Даніи общественнымъ дѣятелемъ. Объѣздивъ почти всю Швецію, Флоръ вынесъ заключеніе, что общій уровень образованія шведскаго народа и его гражданственность далеко не соотвѣтствовали первоначальному о нихъ представленію, сложившемуся у него до поѣздки въ Швецію. Основываясь на многовѣковой политической свободѣ шведскаго народа, Флоръ надѣялся встрѣтить здѣсь не только бо̀льшую просвѣщенность, но также несравненно бо̀льшее развитіе и проявленіе гражданскаго духа, нежели въ другихъ сѣверныхъ странахъ. Болѣе тѣсное соприкосновеніе съ дѣйствительностью, однако, привело его къ полнѣйшему разочарованію. Доводы датчанина показались доктору Гольмстрему настолько убѣдительными, что, не теряя напрасно времени, онъ тотчасъ же и весьма горячо занялся народнымъ образованіемъ.

Съ 1868 г., вплоть до 1901 г., въ Швеціи было учреждено 30 высшихъ народныхъ школъ для мужчинъ и 25 для женщинъ, причемъ въ каждой области, за исключеніемъ Сконэ, ихъ приходилось по одной или по двѣ. Въ самой сѣверной области—Норрботтенѣ и именно въ Баденѣ, высшая народная школа существуетъ лишь съ 1896 года. Съ ея осуществленіемъ, отчасти сбылась завѣтная мечта Грундвига—распространить подобныя школы вплоть до полярнаго круга.

II.

Въ противоположность Даніи, всѣ шведскія высшія народныя школы учреждены только въ деревняхъ или посадахъ. Въ настоящее время значительная часть этихъ школъ обзавелась собственными домами, причемъ обширныя ихъ помѣщенія, кромѣ аудиторій и квартиръ для педагогическаго персонала, вмѣщаютъ также большое число комнатъ, отдаваемыхъ ученикамъ въ наемъ за весьма умѣренную плату. Отсутствіе достаточнаго числа ученическихъ квартиръ вынуждаетъ учащуюся молодежь искать пріюта у сосѣдей-крестьянъ или же въ другихъ деревняхъ, отстоящихъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ мѣсторасположенія школы.

ваемыхъ ленами, въ число которыхъ, какъ самостоятельная единица, входитъ Стокгольмъ съ пригородами.

Всѣ высшія народныя школы въ Швеціи имѣютъ совершенно одинаковую организацію, причемъ прототипомъ этихъ школъ вполнѣ справедливо считается старѣйшая изъ нихъ—въ Гвиланѣ. Всѣ онѣ возникали по иниціативѣ только частныхъ лицъ, и практическому ихъ осуществленію всегда предшествовали многочисленные доклады и „моціи" [1]) въ риксдагѣ, также какъ и обстоятельныя обсужденія въ частныхъ кружкахъ, въ народныхъ и другихъ собраніяхъ. Разсужденія въ пользу этихъ школъ велись всегда энергично въ различныхъ слояхъ населенія и всегда имѣли цѣлью убѣдить въ необходимости повсемѣстнаго ихъ распространенія. Отдѣльныя лица, общины и нерѣдко даже представители государственной власти принимали самое дѣятельное участіе въ распространеніи этихъ полезныхъ школъ, и съ этою же цѣлью во многихъ областяхъ были собраны весьма значительныя денежныя средства. Такъ, напримѣръ, въ одной только области Вэстманландъ въ теченіе трехъ лѣтъ удалось собрать болѣе 40.000 кронъ. Въ другихъ областяхъ частныя пожертвованія были не менѣе обильны. Благопріятное стеченіе обстоятельствъ и сочувственное отношеніе всего населенія къ идеѣ повсемѣстнаго распространенія высшихъ народныхъ школъ дали возможность, въ послѣднее время, обзавестись наконецъ собственными строеніями и значительными земельными участками. Но первоначально высшая народная школа долго располагала весьма ограниченнымъ числомъ друзей, и только съ 1899 года она стала предметомъ всеобщаго вниманія, насчитывая многочисленныхъ друзей также среди ученыхъ, чиновниковъ и даже офицеровъ.

Въ теченіе тридцати-двухлѣтней дѣятельности высшихъ народныхъ школъ—съ 1868 по 1900 г.—общее число юношей, окончившихъ въ нихъ полный курсъ, не превышало 17.000, а для дѣвушекъ, въ теченіе періода 1873—1900 г., это число доходило до 6.800. За все истекшее время общее число всѣхъ, окончившихъ полный курсъ въ 55 существующихъ высшихъ народныхъ школахъ, достигаетъ лишь 24.000. Въ 1900 году во

---

[1]) Моція (motion)—или предложеніе—можетъ быть вносима каждымъ депутатомъ палаты въ теченіе десяти дней послѣ открытія риксдага. Она подается письменно и, въ случаѣ согласія короля, должна сводиться къ немедленному измѣненію или уничтоженію одного изъ общихъ, дѣйствующихъ законовъ. Петиціонное право не ограничено въ выборѣ предмета и можетъ касаться всякаго государственнаго дѣла. Петиція, въ сущности говоря, имѣетъ значеніе ходатайства передъ правительствомъ о принятіи предлагаемыхъ мѣропріятій и, въ случаѣ согласія короля, передается въ видѣ законопроекта на разсмотрѣніе и утвержденіе слѣдующаго очередного риксдага.

всѣхъ школахъ было 774 учениковъ и 614 учениць, что, въ общей сложности, составляло лишь 1.400 учащихся. Между тѣмъ, въ Даніи, въ 1901 году, обучалось 5.000 человѣкъ въ имѣющихся тамъ 70-ти высшихъ народныхъ школахъ, при численности всего населенія вдвое меньшемъ, чѣмъ въ Швеціи. При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что Швеція населена менѣе плотно, и просвѣтительные центры въ ней значительно удалены отъ районовъ сельской осѣдлости. Будучи менѣе доступными, они оказываютъ на большинство населенія не столь осязательное вліяніе, какъ просвѣтительные центры въ Даніи. Наконецъ, болѣе существенной причиной—почему высшія народныя школы менѣе распространены въ Швеціи — служатъ ея миролюбивая политика и спокойствіе, надолго воцарившееся въ ней послѣ разорительныхъ войнъ 1808—1809 годовъ и 1813—1814 годовъ. Въ теченіе восьмидесяти слишкомъ лѣтъ въ Швеціи не происходило событій, подобныхъ тѣмъ, какія въ 1864 году выпали на долю слабой Даніи. Желая создать хотя какой-нибудь оплотъ, въ случаѣ новыхъ столкновеній, и боясь пагубныхъ для себя послѣдствій отъ начавшейся германизаціи, Данія была вынуждена обратиться къ поспѣшному насажденію у себя высшихъ народныхъ школъ и тѣмъ самымъ, въ сравнительно короткое время, добилась болѣе рѣшительнаго воздѣйствія на духовное развитіе своего народа. Будучи заинтересовано распространеніемъ по всей странѣ высшихъ народныхъ школъ, правительство въ Даніи само содѣйствовало свободному ихъ развитію и оказывало имъ всяческую поддержку. Отличаясь отъ шведскаго правительства большею демократичностью, оно, помимо преслѣдованія политическихъ цѣлей, глубже сознавало нужды своего народа, а потому само спѣшило къ нему на помощь, не дожидаясь особыхъ побужденій. Болѣе медленному распространенію этихъ школъ въ Швеціи содѣйствовало, отчасти, всегда консервативное духовенство. Въ многочисленныхъ случаяхъ, когда поднимался вопросъ о необходимости поднятія народнаго образованія, многіе почтенные пасторы считали болѣе удобнымъ для себя притворяться глухими или же проявлять полнѣйшее къ нему равнодушіе. Въ иныхъ случаяхъ, хотя всегда осторожно, нѣкоторые изъ нихъ приступали даже къ организаціи весьма сильной оппозиціи. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что были и такіе пасторы, которые неоднократно выдѣляли изъ своей среды искреннихъ друзей народа, окрыленныхъ надеждой оказать посильное содѣйствіе его духовному развитію. „Можно надѣяться,—говорится въ одномъ шведскомъ изданіи,—что со вре-

менемъ снова возобновится совмѣстная работа церкви и школы на пользу всей страны и ея народа".

III.

Жизненность и цѣлесообразность высшихъ народныхъ школъ выяснились съ достаточною опредѣленностью лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Нравственное удовлетвореніе, доставляемое ими всему населенію, возбудило къ нимъ всеобщее сочувствіе и довѣріе, несмотря на упорныя попытки ничтожнаго меньшинства отрицать благотворное ихъ значеніе. Шведская высшая народная школа, въ противоположность датской, хотя развивалась чрезвычайно медленно, но ея корни, также какъ и у послѣдней, проникли глубоко въ самые низшіе слои населенія. Дальнѣйшее ея процвѣтаніе вполнѣ обезпечено сознательнымъ стремленіемъ народа къ воспитанію въ себѣ гражданскаго духа и къ пріобрѣтенію полезныхъ знаній. Такое предположеніе подтверждается уже тѣмъ, что высшая народная школа въ Швеціи была призвана къ жизни благодаря только частной иниціативѣ и самодѣятельности низшихъ слоевъ населенія. Она не создалась обычнымъ порядкомъ, подъ давленіемъ только теоретическаго признанія ея необходимости. Напротивъ,—„она родилась въ сердцѣ и мысляхъ самого народа и только въ ихъ глубинахъ получила необходимую для нея теплоту". Въ Даніи эти школы зависятъ отъ одного лица, а именно директора, и потому во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ собою совершенно самостоятельныя учрежденія, не имѣющія ничего общаго съ другими школами. Между тѣмъ, всѣ онѣ пользуются весьма значительными субсидіями отъ правительства. Въ Швеціи высшія народныя школы также учреждались по иниціативѣ частныхъ лицъ, однако онѣ всегда находились подъ непосредственнымъ надзоромъ многочисленныхъ корпорацій, или же частной опеки. Во многихъ отношеніяхъ онѣ все-же представляютъ собою сколокъ съ высшихъ народныхъ школъ въ Даніи, хотя и преслѣдуютъ совершенно иныя цѣли. Не пользуясь въ первые годы своей дѣятельности вспоможеніями отъ государства, онѣ, тѣмъ самымъ, находились внѣ всякой зависимости отъ него. Неподчиненность правительственному контролю содѣйствовала болѣе тѣсному взаимному сплоченію всѣхъ высшихъ народныхъ школъ, что̀ было особенно необходимо первоначально, пока само дѣло еще не наладилось и не успѣло достаточно окрѣпнуть. Свободныя отъ внѣш-

няго вліянія и всякихъ принужденій, а также чуждыя односторонности, шведскія высшія народныя школы „развивались въ здоровой атмосферѣ, при обиліи свѣта и въ духѣ свободнаго развитія".

Открытію высшей народной школы въ Швеціи всегда предшествуетъ учрежденіе особаго союза, состоящаго изъ значительнаго числа лицъ, обязавшихся въ теченіе опредѣленнаго времени гарантировать средства, необходимыя для существованія школы. Каждый членъ подобнаго союза вноситъ единовременно или же ежегодно заранѣе опредѣленную сумму, поступающую въ общій ея фондъ. По взаимному соглашенію всѣхъ членовъ союза, изъ ихъ среды выбирается правленіе, состоящее обыкновенно изъ 5—7 лицъ. Въ кругъ его обязанностей входитъ веденіе отчетности по хозяйству, наблюденіе за порядкомъ и нравственностью учащихся, пріисканіе помѣщенія, приглашеніе преподавателей и опредѣленіе размѣра платы за право слушанія лекцій. Въ концѣ отчетнаго года, на общемъ собраніи учредителей ревизуются всѣ денежныя дѣла, разсматривается отчетность по всѣмъ отдѣламъ хозяйства и составляется смѣта на слѣдующій учебный годъ. Участіе коммуны или сельско-хозяйственнаго общества въ гарантированіи школѣ денежныхъ средствъ влечетъ за собою назначеніе въ правленіе, сверхъ опредѣленнаго штата членовъ, еще по одному отъ каждаго изъ нихъ. Директоръ школы, выбираемый въ большинствѣ случаевъ членами ея правленія, пользуется одинаково съ ними правомъ голоса на всѣхъ засѣданіяхъ и исполняетъ на нихъ обязанности секретаря. Предсѣдатель, вице-предсѣдатель и казначей выбираются исключительно изъ членовъ правленія. Въ концѣ года директоръ школы представляетъ отъ имени правленія подробную отчетность, препровождая ее всѣмъ членамъ школьнаго союза, всѣмъ высшимъ народнымъ школамъ въ Швеціи, въ церковный департаментъ, въ редакціи газетъ, нѣкоторымъ депутатамъ въ риксдагѣ, нѣкоторымъ правительственнымъ лицамъ, всѣмъ ученикамъ школы и, наконецъ, королю Оскару II, проявляющему самое живое участіе въ поднятіи народнаго образованія. Членами правленія могутъ быть только лица, принадлежащія къ школьному союзу, причемъ ихъ общественное положеніе не имѣетъ значенія при выборахъ. Крестьянинъ пользуется здѣсь полнѣйшею равноправностью и засѣдаетъ рядомъ съ богатымъ фабрикантомъ, дворяниномъ-помѣщикомъ, судьей, пасторомъ или офицеромъ.

Во всѣхъ почти школахъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же уставъ съ незначительными видоизмѣненіями въ частностяхъ.

Утвержденіе устава всецѣло зависитъ только отъ лицъ, принадлежащихъ къ школьному союзу. Уставомъ опредѣляются—цѣль школы, предметы обученія, кругъ обязанностей членовъ правленія, права преподавателей и нѣкоторыя правила для учащихся. О цѣляхъ высшей народной школы въ Тэрна ея уставъ говоритъ приблизительно слѣдующее. Цѣлью высшей народной школы должно служить стремленіе къ укорененію истинной вѣры въ Бога и пробужденію среди молодежи любви къ отечеству, основанной, прежде всего, на изученіи природы и исторіи Швеціи. Высшая народная школа должна научить каждаго своего ученика правильному пониманію правъ и обязанностей шведскаго народа. Она должна также всячески содѣйствовать расширенію умственнаго кругозора учащихся и стремиться укрѣпить ихъ нравственныя силы. Преподаваніе должно быть совершенно свободное и его система упрощенная, дабы облегчить ученикамъ возможность усвоенія лекцій. Высшая народная школа обязана прежде всего содѣйствовать облагораживанію души и сердца, чтобы дать странѣ возможно больше честныхъ тружениковъ и добрыхъ гражданъ.

Изъ такихъ цѣлей видно, что высшія народныя школы всѣхъ скандинавскихъ странъ придаютъ весьма серьезное значеніе воспитательному элементу. Это подтверждается нижеприводимыми выдержками изъ различныхъ школьныхъ уставовъ:

„Мы,—говорится въ уставѣ одной норвежской высшей народной школы, — хотимъ пробудить въ молодежи желаніе жить лучшею жизнью и находить въ ней высокіе идеалы. Мы хотимъ пролить возможно больше свѣта, чтобы цѣли жизни были отчетливо видны каждому юношѣ. Мы хотимъ научить каждаго любить и цѣнить свободу, которая одна только содѣйствуетъ расширенію умственнаго кругозора, укореняетъ въ насъ законность, побуждаетъ любить миръ и трудъ, и научаетъ высоко цѣнить свою и чужую жизнь"...

„Мы нуждаемся въ новой школѣ, — говорилъ Грундвигъ,— которую я и называю высшей потому, что она, будучи свободной и предназначаемой только для взрослыхъ, должна перевоспитать народъ и содѣйствовать усвоенію имъ возвышенныхъ взглядовъ на жизнь"...

„Высшая народная школа, — говорится въ уставѣ другой школы, — должна имѣть строго гражданскій характеръ. Она должна открывать глаза народу и помогать ему разбираться въ жизненной дѣятельности; укрѣпляя нравственную связь между мужчиной и женщиной, она возвышаетъ значеніе семьи и на-

учаетъ каждаго ея члена сознавать: „чѣмъ онъ обязанъ Богу, самому себѣ, семьѣ и обществу“...

Выборъ членовъ педагогическаго персонала зависитъ всецѣло только отъ директора, помимо котораго правленіе не можетъ приглашать неизвѣстныхъ ему лицъ. Во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ это правило соблюдается весьма строго, главнымъ образомъ потому, что именно въ этихъ школахъ успѣшность обученія зависитъ исключительно отъ личныхъ качествъ преподавателя. Директоръ обязанъ лично знать его и быть хорошо освѣдомленнымъ насчетъ его предшествующей дѣятельности, и только въ такомъ случаѣ, признавая его вполнѣ подходящимъ, входить съ представленіемъ объ утвержденіи своего выбора. Представляемые дипломы или иные документы, для соисканія мѣста преподавателя, не имѣютъ значенія, также какъ и протекціи или иныя искательства. Преданность дѣлу, настойчивость въ трудѣ и успѣшные результаты предшествующей дѣятельности—вотъ тѣ немногочисленныя условія, которыя даютъ право на полученіе мѣста преподавателя въ высшихъ народныхъ школахъ. Директоръ выбирается на опредѣленный срокъ, не превышающій, однако, пяти лѣтъ, т.-е. на тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго, обыкновенно, гарантируются школѣ матеріальныя средства. Если школа, по прошествіи пятилѣтія, оправдала довѣріе къ себѣ, то организуется новый союзъ для прісканія необходимыхъ средствъ на слѣдующее пятилѣтіе. Съ образованіемъ новаго союза весь штатъ преподавателей выбирается снова, причемъ изъ прежняго состава остаются всѣ, снискавшіе довѣріе школьнаго союза и привязанность учениковъ. Эта система дала хорошіе результаты во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ, пріучивъ учителей относиться серьезно къ своимъ обязанностямъ и полагаться только на собственныя свои силы. Прочность положенія преподавателя обезпечивается контрактомъ, заключеннымъ съ правленіемъ на пятилѣтній срокъ.

Директоръ получаетъ ежегодное жалованіе въ размѣрѣ 3.000 кронъ и, кромѣ того, даровую квартиру въ 5 — 6 комнатъ съ отопленіемъ. Въ нѣкоторыхъ высшихъ народныхъ школахъ лѣтомъ открываются курсы для дѣвицъ, за что директоръ получаетъ добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ 500 кронъ. Онъ не получаетъ пенсіи за выслугу лѣтъ, и, въ случаѣ его смерти, вдовѣ не полагается выдачи пособій. Преподаватель пользуется ежегоднымъ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 1.200 — 1.500 кронъ и, кромѣ того, даровымъ помѣщеніемъ въ 2—3 комнаты съ отоп-

леніемъ. Въ лѣтнее время за лекціи онъ получаетъ, сверхъ своего жалованья, еще добавочное вознагражденіе по усмотрѣнію правленія. Съ 1872 года шведскія высшія народныя школы начали пользоваться субсидіей отъ государства. Школы съ одногодичнымъ курсомъ, въ 1901 году получали не свыше 3.000 кронъ, съ двухгодичнымъ—не болѣе 5.000 кронъ. Высшія женскія народныя школы субсидировались суммою не свыше 1.800 кронъ въ годъ, причемъ особымъ женскимъ курсамъ, при мужскихъ высшихъ народныхъ школахъ, государство отпускало не болѣе 1.000 кронъ. Въ общей сложности государственная субсидія, выдаваемая высшимъ народнымъ школамъ, была значительно увеличена въ 1900 году и доведена до 120.000 кронъ въ годъ. Въ мужскихъ высшихъ народныхъ школахъ плата за право слушанія лекцій колеблется въ предѣлахъ 30—80 кронъ, смотря по программѣ, принятой въ школѣ. Въ женскихъ высшихъ народныхъ школахъ плата понижается почти на половину противъ мужскихъ. Неимущіе ученики въ большинствѣ случаевъ совершенно освобождаются отъ взноса установленной платы или же съ нихъ взимается только половина ея. Насколько дешево обходятся нѣкоторыя высшія народныя школы, можно судить изъ приводимой отчетности, изданной школой съ одногодичнымъ курсомъ. *Приходъ:* государственная субсидія — 2.000 кронъ; отъ общины—2.000 кронъ; отъ сельскохозяйственнаго общества—1.000 кронъ; взносъ учениковъ за слушаніе лекцій—1.000 кронъ; плата, вносимая учениками за наемъ ученическихъ квартиръ при школѣ—700 кронъ; итого 6.700 кронъ. *Расходъ:* жалованье всему педагогическому персоналу—5.000 кронъ; отопленіе и освѣщеніе—700 кронъ; уборка помѣщенія и веденіе книгъ—200 кронъ; объявленія и типографскіе расходы—150 кронъ; пополненіе инвентаря и школьныя пособія — 300 кронъ; почта, фрахты и податныя повинности—350 кронъ; итого 6.700 кронъ. Приходъ и расходъ въ женскихъ высшихъ народныхъ курсахъ, продолжительность которыхъ обыкновенно колеблется въ предѣлахъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, не превышаютъ 1.500 кронъ. Сравнивая женскія высшія народныя школы въ Швеціи съ таковыми же въ другихъ скандинавскихъ странахъ, нельзя не замѣтить, что въ первой относятся къ нимъ безъ надлежащаго вниманія. Дѣйствительно, на нужды этихъ школъ отпускаются весьма ограниченныя средства, принятая въ нихъ программа отличается неполнотою, срокъ прохожденія курса сокращенъ въ четыре раза противъ мужскихъ школъ и, къ довершенію всего, совмѣстное

обученіе дѣвицъ и юношей стало допускаться лишь недавно [1]). Все это не освобождаетъ шведскую націю отъ вполнѣ заслуженнаго ею упрека въ нѣкоторой косности.

Пользуясь государственной субсидіей, шведская высшая народная школа, тѣмъ не менѣе, освобождена отъ правительственнаго контроля. Въ Даніи, напротивъ, надъ нею поставленъ особый чиновникъ въ качествѣ инспектора, который, впрочемъ, совершенно не касается внутренней жизни и не уполномоченъ стѣснять въ ней свободу преподаванія. Его дѣятельность сводится, главнымъ образомъ, къ наблюденію за правильнымъ расходованіемъ денежныхъ суммъ, отпускаемыхъ государствомъ. Избѣгая вредной централизаціи и сознавая необходимость предоставленія высшимъ народнымъ школамъ полнѣйшей независимости, шведское правительство предусмотрительно ограничилось лишь опредѣленіемъ размѣровъ субсидій.

IV.

По своей организаціи высшія народныя школы въ Швеціи представляютъ собою совершенно свободныя учрежденія и рѣзко отличаются отъ правительственныхъ учебныхъ заведеній. Вся дѣятельность послѣднихъ не выходитъ за предѣлы ихъ наружныхъ стѣнъ, и внутрь которыхъ, кстати замѣтить, не особенно охотно пускаютъ посторонняго посѣтителя. Высшія народныя школы, напротивъ, вовсе не отличаются такою замкнутостью, и ея педагогическій персоналъ не боится ни контроля, ни критики. Самый строгій репортеръ — здѣсь желанный гость. Придется ему написать что-нибудь дѣльное о школѣ, указавъ на подмѣченные имъ недостатки — ему будутъ только благодарны. Пожелаетъ онъ написать вздоръ — его высмѣютъ въ печати самымъ безпощаднымъ образомъ. Главнѣйшимъ принципомъ этихъ школъ служитъ возможно тѣсное сближеніе педагогическаго персонала не только съ учащимися, но также и съ окружающей народной средой. Это полезное сближеніе придаетъ высшей народной школѣ большую жизненность и содѣйствуетъ болѣе быстрому распространенію ея благотворнаго вліянія на десятки тысячъ людей изъ низшихъ слоевъ населенія. Будучи доступною всѣмъ и каждому, высшая народная школа сама создаетъ себѣ контроль въ лицѣ всего

---

[1]) Въ Швеціи, въ области Норрландъ только въ послѣднее время открыты двѣ высшія народныя школы съ совмѣстнымъ обученіемъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ.

окружающаго населенія, причемъ этотъ контроль во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ всякимъ инымъ, какого бы вида онъ ни былъ. Господствующій въ этихъ школахъ духъ свободы проявляется также въ ихъ уставахъ и, въ особенности, въ тѣхъ параграфахъ, коими опредѣляются права и обязанности служащихъ. Объ отношеніяхъ педагогическаго персонала къ директору или къ учащимся, какъ и вообще о „подчиненности", не говорится ни одного слова. Ихъ взаимныя отношенія подсказываются самою жизнью и устанавливаются по обоюдному молчаливому соглашенію помимо всякой регламентаціи. Преподаватель пользуется полнѣйшей свободой, влекущей за собою необыкновенную плодотворность его дѣятельности. Судя по сущности школьной организаціи, онъ обязанъ выработать свою собственную систему, имѣть свой собственный методъ преподаванія, основанный на практическихъ данныхъ и выработанный многолѣтнимъ опытомъ на поприщѣ педагогической дѣятельности. Онъ не долженъ придерживаться метода кабинетныхъ тружениковъ, стоящихъ вдали отъ живого дѣла и замыкающихъ школьное дѣло въ возможно тѣсныя рамки. Школа должна быть прежде всего жизненной, и всякія мѣропріятія ограничительнаго свойства дѣлаютъ ее только мертвой, отражаясь неблагопріятно на общемъ развитіи учащихся. Многолѣтняя педагогическая практика давно уже указала на необходимость примѣненія особаго метода во всѣхъ шведскихъ высшихъ народныхъ школахъ и весьма опредѣленно выяснила всѣ слабыя стороны строгой подчиненности преподавателя чинамъ школьной администраціи. На совѣсти преподавателя лежитъ тяжелая отвѣтственность за направленіе умовъ молодежи и ея нравственные идеалы, а потому вполнѣ естественно, что его дѣятельность должна быть ограждена отъ вмѣшательства административныхъ лицъ школы. Приглашая его занять преподавательское мѣсто, администрація школы, тѣмъ самымъ, выражаетъ ему свое полное довѣріе. Не вѣрить ему послѣ этого—было бы верхомъ непослѣдовательности.

Въ высшія народныя школы принимаютъ слушателей не моложе 18-ти лѣтъ. Эта норма обусловлена серьезностью задачъ, преслѣдуемыхъ высшими народными школами. Ихъ учениками могутъ быть лишь взрослые люди, а именно, молодежь, стремящаяся къ самообразованію по собственному своему побужденію, такъ какъ лишь при содѣйствіи убѣжденной молодежи возможно быстрое распространеніе полезныхъ знаній въ окружающей ее деревенской средѣ. Нерѣдко въ эти школы поступаютъ молодые люди 25-ти лѣтъ отъ роду и только въ исключительныхъ случаяхъ

моложе 18-ти лѣтъ. Въ теченіе всего времени существованія въ Швеціи высшихъ народныхъ школъ средній возрастъ учащихся колебался въ предѣлахъ 20—22 лѣтъ для мужчинъ и 18—20 лѣтъ для женщинъ. Помимо опредѣленнаго возраста, другимъ условіемъ для пріема въ эти школы служитъ предъявленіе свидѣтельства объ окончаніи народной или иной школы съ одинаковой программой.

„Методъ—это единственная форма, признаваемая высшей народной школой,—говоритъ Гольбергъ, директоръ школы въ Тэрна. —Имъ опредѣляется ежедневная ея дѣятельность или жизнь. Все живущее создаетъ себѣ положеніе и тѣмъ сильнѣе бьется жизненный пульсъ, чѣмъ правильнѣе и отчетливѣе отчеканивается оно въ характеристическихъ формахъ". Высшая народная школа стоитъ потому особнякомъ. Основанная на принципахъ свободнаго саморазвитія, она должна во всѣхъ отношеніяхъ отличаться отъ прочихъ учебныхъ заведеній, и чѣмъ существеннѣе и рѣзче будетъ это различіе, тѣмъ плодотворнѣе становится ея дѣятельность. Дѣйствительно, она не признаетъ ни вступительныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ, она не выдаетъ своимъ ученикамъ аттестатовъ или иныхъ свидѣтельствъ, и, наконецъ, она не придерживается какой-либо опредѣленной системы въ преподаваніи и чтеніи лекцій. Въ Швеціи высшая народная школа старается по мѣрѣ возможности дать полное удовлетвореніе всѣмъ стучащимся въ ея двери, но въ то же время она отказывается прививать знаніе путемъ принужденія. Отказываясь отъ всякихъ вступительныхъ экзаменовъ и удовлетворяясь лишь представленіемъ свидѣтельствъ объ окончаніи народной школы, она имѣетъ въ виду этимъ самымъ соблюсти интересы представителей бѣднѣйшаго класса населенія, вынужденныхъ зачастую послѣ школьной скамьи, въ возрастѣ 13 — 14 лѣтъ, предаваться усиленному физическому труду въ цѣляхъ поддержанія семьи или же для собственнаго своего пропитанія и, такимъ образомъ, не имѣющихъ свободнаго времени для усвоенія всего объема вступительной программы. Между тѣмъ, сыновья и дочери богатыхъ крестьянъ, при избыткѣ свободнаго времени, въ случаѣ надобности, всегда имѣютъ возможность обратиться къ содѣйствію дьячка или народнаго учителя, которые за небольшое вознагражденіе подготовятъ ихъ къ высшей народной школѣ. Высшая народная школа, такимъ образомъ, служила бы интересамъ преимущественно состоятельныхъ классовъ населенія, что являлось бы вопіющею несправедливостью и противорѣчило бы главной ея цѣли. Она также не признаетъ возможнымъ подвергать своихъ учениковъ различнымъ

испытаніямъ и въ томъ числѣ выпускнымъ экзаменамъ. Въ противномъ случаѣ, она грѣшила бы противъ принятаго ею основного принципа — предоставлять учащимся полнѣйшую свободу.

Высшая народная школа далека также отъ мысли готовить спеціалистовъ. Ея назначеніе—-содѣйствовать только общему развитію молодежи и облагораживанію ея душевныхъ силъ. Въ Швеціи уже существуетъ не мало всякихъ другихъ учебныхъ заведеній, выдающихъ дипломы и свидѣтельства. „Кто ищетъ спеціальныхъ знаній, — говоритъ Гольмбергъ,—тому надлежитъ обращаться къ ремесленнымъ и техническимъ, но не къ высшимъ народнымъ школамъ. Высшая народная школа имѣетъ цѣлью внести больше свѣта въ замкнутую крестьянскую среду, привязанную къ землѣ силою обстоятельствъ. Только въ этой средѣ, удаленной отъ просвѣтительныхъ центровъ и предоставленной самой себѣ, она стремится возбудить интересъ къ жизни, привязать каждаго къ землѣ и преподать полезныя знанія, необходимыя въ обыденной сельской жизни. Производить повѣрку знаній, пріобрѣтенныхъ учениками, она признаетъ совершенно безполезнымъ уже потому, что сама жизнь сдѣлаетъ это гораздо лучше и навѣрно не ошибется въ оцѣнкѣ“. Вмѣсто выпускныхъ экзаменовъ, высшія народныя школы устроиваютъ празднества, имѣющія семейный характеръ. Къ этому торжественному дню собираются въ школьномъ помѣщеніи родители учениковъ, окончившихъ курсъ, сами ученики, весь педагогическій персоналъ, члены правленія, члены школьнаго союза и много другихъ посторонних лицъ. Зданіе школы украшается зеленью и флагами —шведскими, норвежскими и датскими. Задушевная прощальная рѣчь директора къ своимъ ученикамъ завершается прекраснымъ исполненіемъ патріотическихъ пѣсенъ, послѣ чего слѣдуетъ скромный обѣдъ, за которымъ произносятся многочисленныя рѣчи учениками и прочими присутствующими. Этотъ радостный день на всю жизнь сохраняется въ памяти бывшихъ учениковъ и содѣйствуетъ еще большей привязанности ихъ къ школѣ и педагогическому персоналу, съ которымъ они впослѣдствіи не прекращаютъ сношеній.

Высшія народныя школы не выдаютъ дипломовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи курса также на томъ основаніи, что вообще всякаго рода аттестаты вызываютъ среди учениковъ нежелательное соревнованіе. Первенство, какъ и погоня за первенствомъ въ молодыхъ годахъ, при неустановившемся характерѣ, содѣйствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, пробужденію дурныхъ инстинктовъ. Юный лицемѣръ, обладающій большими спо-

собностями и энергіей, можетъ легко обмануть своихъ наставниковъ и добиться первенства въ классѣ. Такимъ образомъ, малонравственный юноша, въ роли первенствующаго, считался бы достойнымъ подражанія. Окончивъ курсъ съ блестящимъ дипломомъ, онъ вступитъ въ жизнь съ затаенною мыслью и здѣсь прокладывать себѣ путь къ первенству. Но жизнь — болѣе суровая и трудная школа, а путь къ славѣ и почестямъ—полонъ всякихъ соблазновъ и препятствій. На этомъ тернистомъ пути нравственно погибаютъ честолюбивые юноши и, падая все ниже и ниже, становятся затѣмъ отъявленными негодяями, для которыхъ преступленія считаются единственнымъ средствомъ достиженія жизненныхъ цѣлей. „Primus", нѣкогда достойный подражанія и составлявшій гордость школы, становится въ жизни отъявленнымъ негодяемъ! Какая безжалостная насмѣшка самой жизни надъ школой и бѣдными педагогами!.. Для шведской высшей народной школы болѣе желателенъ нравственный юноша, съ благороднымъ сердцемъ и возвышенною душою, нежели молодой человѣкъ, черезъ край насыщенный всякими знаніями, но, въ то же время, нравственно неустойчивый. Кто гонится за свидѣтельствомъ, того не удержитъ дома скромная деревенская обстановка. Онъ будетъ всѣми силами добиваться „теплаго мѣстечка" и такъ или иначе стремиться къ тому, чтобы и его тоже „титуловали" какъ-нибудь „поприличнѣе". Его будетъ тянуть въ городъ—иногда разсадникъ всякихъ золъ—между тѣмъ, высшая народная школа стремится каждаго своего ученика привязать къ землѣ.

V.

Подробный, отчетъ, составленный директоромъ высшей народной школы въ Тэрна, весьма обстоятельно знакомитъ насъ съ порядкомъ обученія, принятымъ во всѣхъ подобныхъ школахъ, вслѣдствіе чего мы и обратимся главнымъ образомъ къ разсмотрѣнію этого источника.

Содѣйствуя повышенію народнаго образованія и пробуждая въ своихъ ученикахъ гражданскій духъ, высшая народная школа, кромѣ того, стремится дать и необходимую въ жизни практическую подготовку. Съ этою цѣлью она придаетъ большое значеніе практическимъ занятіямъ и рекомендуетъ своимъ ученикамъ принимать въ нихъ воможно больше активнаго участія. Въ ея программу входятъ слѣдующіе предметы обученія: шведскій языкъ, исторія, географія, общинное устройство и коммунальные законы, госу-

дарственное устройство Швеціи, естествовѣдѣніе, математика, межеваніе и нивеллировка, черченіе и рисованіе, бухгалтерія, каллиграфія и пѣніе. Преподаваніе ведется путемъ чтенія популярныхъ лекцій, во время которыхъ преподаватель задаетъ своимъ слушателямъ многочисленные вопросы и нерѣдко, уклоняясь отъ главной темы, приводитъ попутно примѣры изъ исторіи или современной жизни шведскаго народа. Въ случаѣ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ, онъ старается наводить учениковъ или же самолично разрѣшаетъ болѣе сложные вопросы. Этимъ простымъ способомъ опытный преподаватель, обыкновенно, достигаетъ лучшихъ результатовъ, нежели присяжный лекторъ, хотя бы обремененный большимъ запасомъ знаній, но не умѣющій внести въ свою лекцію полезное оживленіе. Многолѣтніе опыты въ Швеціи показали, что вполнѣ благопріятные результаты обнаруживаются лишь въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ наблюдается больше жизненности, свободы и активнаго участія со стороны учащихся. Во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ въ опредѣленные дни устроиваются, такъ называемыя, „свободныя обсужденія", имѣющія нравственно-воспитательное значеніе. Здѣсь на обсужденіе всей аудиторіи предлагаются многочисленные примѣры, взятые непосредственно изъ жизни, или же нѣкоторые случаи, приводимые въ сочиненіяхъ лучшихъ шведскихъ писателей. Путемъ всесторонняго освѣщенія обсуждаемыхъ вопросовъ преподаватель старается обратить должное вниманіе слушателей на причины происхожденія многихъ явленій въ общественной жизни. Отдавая предпочтеніе психологическому элементу и разсматривая каждое явленіе съ этически-религіозной точки зрѣнія, онъ наводитъ слушателей на мысли, могущія возбудить въ каждомъ слушателѣ чувство состраданія къ слабымъ, бѣднымъ и угнетеннымъ, также какъ и чувство любви и симпатіи ко всему благородному и возвышенному. Указывая на общественные недостатки или слабыя стороны отдѣльныхъ лицъ, преподаватель объясняетъ причины, вызывающія ихъ, и тутъ же приводитъ нѣсколько примѣровъ удачной борьбы съ ними. Его объясненія, несомнѣнно, въ иныхъ случаяхъ могутъ быть нѣсколько тенденціозными, но, тѣмъ не менѣе, этимъ онъ нисколько не вредитъ общему ходу дѣла. Предполагая, что большинство преподавателей вполнѣ опытные люди и стараются принести пользу, руководясь лишь самыми добрыми намѣреніями, можно съ достовѣрностью утверждать, что „свободныя обсужденія" служатъ самымъ сильнымъ и безопаснымъ средствомъ въ рукахъ школы, съ помощью котораго она въ кратчайшій срокъ оказываетъ рѣшительное воздѣйствіе на ду-

ховное развитіе учащихся. Благодаря этимъ „обсужденіямъ“, своевременно открываются глаза у слушателей и спадаетъ тяжелая завѣса, скрывающая отъ народа истину, въ познаніи которой онъ прежде и болѣе всего нуждается. Вполнѣ естественно, что, затрогивая самые жгучіе вопросы дня, „свободныя обсужденія“ представляютъ огромный интересъ для учениковъ, а потому и посѣщаются ими весьма охотно.

Главнѣйшими предметами обученія во всѣхъ шведскихъ высшихъ народныхъ школахъ считаются исторія, географія, общинное и государственное устройство Швеціи. „Исторія,—говоритъ директоръ школы въ Тэрна,—должна служить основаніемъ общественному пониманію и мышленію. Она должна открывать глаза молодежи и содѣйствовать усвоенію правильнаго взгляда на жизнь трудящагося и борющагося народа, чтобы этимъ самымъ наши юноши могли проникнуться духомъ строгаго гражданства. Пусть наша молодежь трудящагося класса поближе познакомится со всѣми основами, на коихъ покоятся религія, общество, семья, трудъ, обычаи и родной очагъ. Мы рождаемся безъ всякаго представленія о нихъ и должны изучить ихъ въ дни нашего юношества. Какимъ же образомъ намъ удастся своевременно получить всѣ необходимыя знанія, если въ число предметовъ обученія нашей школы не войдутъ природа нашей родины, памятники нашей старины и историческое развитіе нашего народа, его поэты, пѣсни, церковь, общинное и государственное устройство? Наши консерваторы,—продолжаетъ онъ же,—упорно твердятъ о безполезности и непрактичности идейнаго образованія, и въ особенности когда оно предлагается трудящемуся сословію. Однако, они не подозрѣваютъ, что ихъ собственная духовная слѣпота содѣйствуетъ проложенію широкаго пути для космополитизма, общественной распущенности и даже радикализма. Если даже для взрослой молодежи трудящагося сословія мы станемъ усердно закупоривать всѣ самые лучшіе источники гуманитарнаго образованія, то будемъ ли мы вправѣ потомъ жаловаться на весь народъ за преступность и недостаточность у насъ общественнаго духа? Ужъ не думаютъ ли господа консерваторы, что все само собою устроится къ лучшему? Именно на трудящемся классѣ должна покоиться вся будущность нашей страны. Только правдивая исторія и свободное преподаваніе могутъ въ значительной степени подогрѣть любовь къ родинѣ и содѣйствовать желанію быть полезнымъ ей. Только осмысленное и справедливое отношеніе ко всему совершающемуся и достойная, сознательная привязанность къ родинѣ способны, въ трудныя минуты, возбудить въ народѣ доброволь-

ное желаніе пойти на крупныя жертвы. Но прежде всего надо просвѣтить его, надо показать въ правдивомъ свѣтѣ все его прошлое и настоящее, надо подарить ему высокіе идеалы, достойные просвѣщеннаго народа... Высшая народная школа должна пробуждать въ народѣ чувство человѣчности и возбуждать въ немъ глубочайшее отвращеніе къ идеѣ насилія. Въ этомъ отношеніи изученіе исторіи имѣетъ также огромное значеніе. Дѣйствительно, только изъ исторіи молодежь трудящагося класса узнаетъ, что свободное развитіе народовъ во всѣ времена служило величайшей побуждающей силой въ духовной ихъ жизни, и что только ею обусловливается достиженіе значительныхъ культурныхъ успѣховъ. Она также узнаетъ, что во всѣ времена человѣческаго бытія немногочисленные, но культурные народы упорно отстаивали свою политическую независимость, свою свободу, свои обычаи, законы, все, что̀ было дорого ихъ сердцу и съ чѣмъ было тѣсно связано ихъ прошлое. Предъ ея глазами развертывается чудовищная картина подавленія мелкихъ народностей, ихъ тщетной борьбы и гибели. Съ другой стороны, она узнаетъ, что нѣкоторымъ малочисленнымъ народамъ удавалось отстоять свою самобытность даже въ тѣ времена полнаго произвола грубой силы, когда всякое право опиралось только на мечъ, когда вѣра въ чудодѣйственную силу темницъ, пытокъ и висѣлицъ была еще слишкомъ глубока, и когда не только простые смертные, но и государственные мужи были проникнуты убѣжденіемъ въ возможности по любому шаблону перекраивать цѣлыя страны и пересоздавать ихъ народы"...

Во всѣхъ скандинавскихъ странахъ—въ Даніи, Норвегіи, Швеціи,—высшія народныя школы придаютъ огромное значеніе изученію исторіи; однако только въ Даніи и Норвегіи оно вызывается сколько-нибудь серьезными политическими соображеніями. „Наша норвежская высшая школа,—говоритъ Хр. Бруннъ,—окрылена надеждой оказать значительное содѣйствіе возрожденію въ Норвегіи духа предковъ. Необходимость этого возрожденія, какъ и всего, ведущаго къ нему, признается у насъ даже крестьянами. Многое, имѣющее чисто-норвежское происхожденіе, успѣло уже исчезнуть въ городахъ, благодаря неудержимому стремленію горожанъ къ иноземному образованію. Между тѣмъ, въ тихой, замкнутой сельской жизни оно сохранилось еще и по настоящее время. Наша высшая народная школа должна поэтому всѣми мѣрами стараться уберечь все свое, оставшееся еще нетронутымъ западно-европейской цивилизаціей. Мы должны поспѣшить на помощь крестьянамъ и своевременно укрѣпить ихъ нравственныя силы на слу-

чай встрѣчи съ чужеземцемъ, могущей произойти во всякое время. Естественно, что въ этихъ цѣляхъ школа должна давать своимъ ученикамъ надлежащее образованіе, хотя и не узко національнаго характера, но все-же содѣйствующее развитію осмысленнаго патріотизма"... Преподаваніе отечественной и всеобщей исторіи въ шведскихъ высшихъ народныхъ школахъ, впрочемъ, вовсе не сводится къ проповѣдыванію нетерпимости и исключительности и служитъ, главнымъ образомъ, средствомъ къ пробужденію гражданскаго духа.

Ознакомленіе учениковъ съ общиннымъ устройствомъ и общинными законами перенесено исключительно на практическую почву. Въ аудиторіи ученики образуютъ, примѣрно, общинное правленіе, распредѣляя между собою соотвѣтствующія должности. Одинъ, напримѣръ, завѣдываетъ денежными средствами общины, другой—призрѣніемъ бѣдныхъ, третій—путями сообщенія и т. д. Выборы въ общинное правленіе, также какъ и его засѣданія—все это продѣлывается въ аудиторіи съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей и въ присутствіи учащихся. Въ имѣющіяся особыя книги, кромѣ того, заносятся всѣ протоколы примѣрнаго засѣданія и предполагаемыя смѣты. Благодаря этому методу, ученики въ самое непродолжительное время успѣваютъ весьма основательно изучить всѣ особенности общиннаго строя и общинные законы въ полномъ ихъ объемѣ. Критическое отношеніе присутствующихъ, выражающееся въ детальномъ разборѣ всѣхъ послѣдовавшихъ распоряженій, вноситъ въ эти занятія особую оживленность и возбуждаетъ къ нимъ большой интересъ. Въ числѣ присутствующихъ почти всегда можно видѣть крестьянъ изъ ближайшихъ деревень, слѣдящихъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣмъ происходящимъ и нерѣдко принимающихъ дѣятельное участіе въ жаркихъ спорахъ. Такимъ образомъ, дѣятельность высшей народной школы переносится далеко за предѣлы ея мѣсторасположенія и усугубляется польза, приносимая этими практическими занятіями.

Отечественная географія также проходится весьма основательно. Кромѣ подробнаго изученія природы и достопримѣчательностей Швеціи, ученикамъ читаются лекціи объ условіяхъ жизни въ разныхъ частяхъ ея, о заводской промышленной дѣятельности страны, о путяхъ сообщенія, и пр., и пр., причемъ обращается весьма серьезное вниманіе на подробное изученіе географической карты Швеціи.

По математикѣ каждый ученикъ проходитъ столько, сколько онъ вообще успѣетъ усвоить, хотя, напримѣръ, по алгебрѣ курсъ

ограниченъ до уравненій первой и второй степени. По геометріи, обыкновенно, успѣваютъ пройти всю планиметрію. Юноши занимаются математикой весьма охотно,—но большинство дѣвушекъ обнаруживаетъ къ этому предмету не только полнѣйшее равнодушіе, но даже непреодолимое отвращеніе.

Межеваніе и нивеллировка сперва проходятся теоретически, по учебнику. Весной ученикамъ выдаютъ инструменты, и они нѣсколько дней на свѣжемъ воздухѣ занимаются измѣреніями и съёмкой мѣстности. Зачерчиваніе плановъ сопровождается иллюминованіемъ всѣхъ деталей соотвѣтствующими красками. Къ этимъ занятіямъ ученики проявляютъ большой интересъ, и всѣ работы исполняются ими весьма тщательно.

По черченію, кромѣ вышеупомянутыхъ работъ, обращается вниманіе на вычерчиваніе географическихъ картъ, геометрическихъ фигуръ, простѣйшихъ рисунковъ мебели, полевыхъ орудій, плановъ и разрѣзовъ несложнаго типа жилыхъ строеній, конюшенъ, сараевъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ. Кромѣ того, на бумагѣ исполняются планы и разбивка цвѣтниковъ, огородовъ и небольшихъ садовъ, съ иллюминованіемъ всѣхъ деталей. Всѣ чертежи и рисунки исполняются въ различныхъ масштабахъ.

Счетоводство и книговодство проходятся лишь настолько, насколько они необходимы въ несложномъ крестьянскомъ обиходѣ, причемъ только незначительная часть учениковъ практически изучаетъ также торговое счетоводство. Ученицы ограничиваются усвоеніемъ несложнаго счетоводства по домашнему хозяйству.

Шведскимъ языкомъ ученики занимаются довольно много. Въ программу занятій входитъ: прохожденіе грамматики, упражненіе въ письмѣ, громкое, выразительное чтеніе, переводы съ датскаго и норвежскаго языковъ на шведскій, составленіе довѣренностей, удостовѣреній и дѣловыхъ писемъ и писаніе небольшихъ сочиненій преимущественно на темы описательнаго характера. Научаясь правописанію и правильному изложенію своихъ мыслей, ученики, кромѣ того, знакомятся съ письмоводствомъ, необходимымъ для каждаго крестьянина въ его обыденной деревенской жизни. Стремясь, помимо научныхъ истинъ, дать своимъ ученикамъ также практическую подготовку, высшая народная школа тѣмъ самымъ располагаетъ въ свою пользу ихъ родителей, отдающихъ всегда предпочтеніе практическимъ занятіямъ. Шведскій крестьянинъ, прежде всего, самъ человѣкъ весьма практичный, и желаетъ, поэтому, въ лицѣ своего сына имѣть серьезнаго помощника, а не болтуна и верхогляда. Онъ мирится съ идей-

нымъ образованіемъ сына только потому, что въ школѣ онъ пріобрѣтаетъ, кромѣ того, много полезныхъ свѣдѣній, облегчающихъ веденіе широкаго хозяйства. Сверхъ всего перечисленнаго, ученики высшей народной школы знакомятся съ лучшими образцами шведской изящной литературы, народными сагами и біографіями выдающихся шведскихъ поэтовъ и писателей.

Естествовѣдѣніе проходится особенно подробно уже потому только, что большинство учениковъ принадлежитъ къ земледѣльческому классу и современныя условія жизни требуютъ основательнаго изученія этого предмета. Лекціи по химіи, физикѣ, геологіи и почвовѣдѣнію сопровождаются показываніемъ таблицъ, рисунковъ, чертежей, инструментовъ и несложныхъ опытовъ. Ученицы, кромѣ того, изучаютъ кухонную химію, физіологію и домашнюю гигіену. Въ Швеціи давно уже стараются обратить вниманіе будущихъ матерей на серьезное ознакомленіе съ главнѣйшими основами правильнаго ухода за ребенкомъ и борьбы съ многочисленными болѣзнями, похищающими ежегодно десятки тысячъ дѣтей. Высшая народная школа, желая идти на встрѣчу обществу, стремящемуся къ пониженію смертности въ Швеціи [1]), обращаетъ особое вниманіе ученицъ на правила соблюденія чистоты помѣщенія, воздуха, питьевой воды, постели, бѣлья, собственнаго тѣла и пр. Лекціи по вышеуказаннымъ предметамъ читаетъ ученицамъ непремѣнно женщина.

Слово Божіе не входитъ отдѣльнымъ предметомъ преподаванія въ общую программу занятій, хотя высшія народныя школы весьма заинтересованы тѣмъ, чтобы ученики были проникнуты христіанскимъ духомъ. Въ нѣкоторыхъ высшихъ школахъ сами преподаватели устроиваютъ христіанскія бесѣды, причемъ выборъ темы зависитъ исключительно только отъ нихъ же самихъ. Начало и конецъ ежедневныхъ занятій сопровождаются пѣніемъ молитвъ и псалмовъ.

Пѣніе имѣло всегда большое значеніе въ жизни скандинавскихъ народовъ, а потому вполнѣ естественно, что на него обращается много вниманія во всѣхъ мѣстныхъ школахъ. Высшая народная школа озабочена проведеніемъ въ жизнь только лучшихъ народныхъ пѣсенъ и совершенно вытѣсняетъ неприличныя,

---

[1]) Въ западной Европѣ за 1861—1870 гг. и 1886—1895 гг. смертность достигала 26,1 и 23,3 на тысячу человѣкъ; между тѣмъ, въ Швеціи, за тѣ же періоды, она достигала лишь 18,3 и 16,5 человѣкъ на тысячу. За періодъ 1886—1895 гг. смертность въ европейскихъ странахъ достигала: въ Швеціи—16,5, въ Норвегіи—16,9, въ Даніи—18,7, въ Англіи—18,8, въ Шотландіи—19, въ Нидерландахъ—20, въ Бельгіи—20,2, въ Швейцаріи—20,2, въ Финдляндіи—20,2, во Франціи—22,5, въ Германіи—24, въ Италіи—27, въ Венгріи—32 и въ Россіи—34.

сложенныя въ различныхъ притонахъ. Она не задается цѣлью организовывать у себя стройные хоры и обучать учениковъ трехголосному пѣнію. Въ лучшемъ случаѣ она довольствуется исполненіемъ пѣсенъ въ два голоса. Пѣніе также не входитъ въ число отдѣльныхъ предметовъ обученія, но имъ, обыкновенно, начинаются и заканчиваются всѣ лекціи по исторіи и географіи, а также такъ называемыя „свободныя обсужденія".

Высшая народная школа въ Тэрна придерживалась въ 1897 г. слѣдующаго росписанія занятій. Ежедневно между 7,30—7,45 часами утра исполнялось пѣніе молитвъ и псалмовъ, послѣ чего слѣдовали лекціи между 7,45—8,45, 9—10, 10—11, 11,15—12,15, 2—3, 3—4, 5—6 и 6—7 часами. Шведскому языку, включая сюда литературу, въ недѣлю удѣлялось 7 часовъ, исторіи—4 ч., географіи—3 ч., естествовѣдѣнію—4 ч., счетоводству и математикѣ—6 ч., черченію и рисованію—4 ч., каллиграфіи—3 ч., книговодству — 2 ч., общиннымъ законамъ и государственному устройству—2 ч., теоретическому курсу межеванія и нивеллировки—1 ч., свободнымъ обсужденіямъ—1 ч., бесѣдамъ—2 ч., практическимъ занятіямъ по дѣламъ общиннаго правленія—1 1/2 ч., диспутамъ—1 1/2 ч., пѣнію—2 ч., прочимъ практическимъ занятіямъ—2 часа; итого—46 часовъ въ недѣлю. Въ субботу занятія оканчивались немного раньше обыкновенныхъ дней.

Во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ ежегодно устроиваются 2—4 празднества для учениковъ, на которыя приглашаются также крестьяне, давно окончившіе въ нихъ курсъ. Въ эти дни всѣ помѣщенія украшаются зеленью, флагами и транспарантами, приглашаются мѣстные музыканты, устроиваются литературныя чтенія, причемъ декламируются лучшія произведенія шведскихъ поэтовъ, произносятся рѣчи и всѣ присутствующіе соединеннымъ хоромъ исполняютъ народныя и нѣкоторыя патріотическія пѣсни. Во многихъ мѣстностяхъ существуютъ союзы, членами которыхъ состоятъ исключительно мужчины и женщины, окончившіе курсъ въ высшихъ народныхъ школахъ. Они поддерживаютъ тѣсныя сношенія со школой и нерѣдко собираются въ ея помѣщеніи послушать особыя лекціи и чтенія, устроиваемыя для нихъ педагогическимъ персоналомъ.

Высшія народныя школы имѣютъ свой собственный печатный органъ и могутъ похвалиться выпускомъ значительнаго числа изданій, вышедшихъ изъ-подъ пера не только лицъ педагогическаго персонала, но также и бывшихъ учениковъ.

К. Грэнгагенъ.

ВЪ БУДАЕВСКОЙ УСАДЬБѢ

РОМАНЪ.

I.

Тихій вечеръ ранней весны давно уже надвигался на землю—и незамѣтно наступилъ въ роскошномъ паркѣ Будаевской усадьбы.

Краски темнѣли на небѣ, точно жухли на недавно подмалеванномъ холстѣ; темнѣли и просвѣты длинныхъ аллей, безконечно тянувшихся въ разныхъ направленіяхъ парка; подъ развѣсистыми вѣтвями вѣковыхъ деревьевъ складывались шатры вечерней тьмы, а подъ кустами—свивались клубами темносинія тѣни.

Казалось, природа укладывалась спать и окутывалась покрываломъ, боясь ночного холода.

За темными рощами, въ которыя постепенно переходилъ будаевскій паркъ, луна еще не вставала, да и небо затянуто было плотной завѣсой густыхъ, почти черныхъ облаковъ.

Въ обширномъ цвѣтникѣ передъ домомъ старинной архитектуры пахло свѣже взрыхленной землей, липкими почками деревьевъ, молодой травой и нѣжнымъ, неопредѣленнымъ запахомъ раннихъ весеннихъ цвѣтовъ. И вообще воздухъ вокругъ старой усадьбы напоенъ былъ ароматомъ, тѣмъ еле уловимымъ благоуханіемъ, которое составляетъ прелесть только-что родившейся весны.

Въ садъ выходила широкая и длинная терраса; ея стеклянную крышу поддерживали высокія, круглыя колонны, сдѣланныя изъ кирпича и облицованныя известкой. Терраса шла вдоль всего задняго фасада дома и была такъ велика, что почти невозможно было разсмотрѣть отчетливо лица людей, которые находились бы на разныхъ ея концахъ.

Высокое и широкое окно, выходившее на лѣвое крыло террасы, открылось подъ напоромъ чьей-то сильной руки. Въ темномъ отверстіи окна показался силуэтъ дѣвушки.

Она сѣла на подоконникъ, выглянула въ окно и стала жадно вдыхать прохладный воздухъ душистаго весенняго вечера.

Легкій вѣтерокъ, точно играя и шутя, проносился по террасѣ и освѣжалъ пылавшія щеки дѣвушки.

И она почувствовала, какъ „скверное" настроеніе уходитъ отъ нея съ каждымъ прохладнымъ лобзаніемъ весенняго вѣтерка.

Скверное настроеніе овладѣло ею недавно, передъ вечеромъ—она сама не могла бы въ точности опредѣлить,—почему и когда именно. Ей вспомнилось, что еще утромъ, когда ярко засвѣтило солнце, а въ паркѣ запѣли птицы, она чувствовала себя прекрасно, бодро и весело.

Но по мѣрѣ того, какъ проходилъ этотъ чудный, свѣтлый день,—странная тревога прокладывала себѣ путь въ ея ровно бившееся сердце. И сердце стало биться чаще и безпокойнѣе.

Къ вечеру въ комнатѣ стало душно, и щеки ея запылали. Ей захотѣлось свѣжей волны воздуха, который, вмѣстѣ съ весенними ароматами, могъ бы ей принести и успокоеніе.

Теперь она зорко вглядывалась изъ открытаго окна въ насупившійся паркъ и въ тѣни, перебѣгавшія въ немъ подъ деревьями и кустами.

Ей казалось, что старый паркъ живетъ своей особой жизнью, своимъ самостоятельнымъ дыханіемъ. Ему до нея нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, и онъ тихо подсмѣивается надъ ея треволненіями.

А еще такъ недавно, еще сегодня, у нея было что-то общее съ этимъ паркомъ, гдѣ она часто проводила время часами, въ безмолвной бесѣдѣ съ его деревьями, кустарниками, лужайками и куртинами, скамейками и бесѣдками.

Въ немъ были укромные уголки, островки зелени, оазисы цвѣтовъ, гроты и павильоны, которые она любила съ дѣтства, съ которыми сжилась съ самаго ранняго возраста.

За куртинами цвѣтника, прямо передъ окномъ ея комнаты открывалась широкая и безконечно-длинная аллея, обсаженная

могучими платанами. Въ самомъ концѣ аллеи, упиравшейся въ высокую каменную ограду, находилась калитка, за которой непосредственно начиналась роща.

Въ этомъ мѣстѣ, надъ оградой возвышалась небольшая каменная терраса съ коринѳскими колоннами, по которымъ взбѣгали изъ рощи тонкія и цѣпкія вѣтви плюща; колонны казались затканными этими лакированными листьями, среди которыхъ попадались иногда голубовато-лиловые цвѣты павилики.

Отецъ дѣвушки называлъ плющъ паразитомъ и довольно презрительно называлъ его тонкія и цѣпкія вѣтви „ползучимъ гадомъ“, живущимъ на счетъ соковъ деревьевъ, къ которымъ онъ цѣпко привязывался.

Но ей плющъ казался вѣрнымъ другомъ, тѣмъ другомъ, который, разъ привязавшись къ дереву, остается ему вѣрнымъ и неизмѣннымъ до конца жизни.

Въ ея поэтичныхъ грезахъ плющъ былъ эмблемой вѣрности и дружбы; въ одну изъ своихъ мечтательныхъ минутъ, на каменной скамейкѣ коринѳскаго павильона, она выгравировала сталью слѣдующія слова: „Je meurs où je m'attache“.

Такова, въ ея образѣ мыслей, эмблема плюща и ея собственная эмблема, потому что она давно привязалась къ Будаевкѣ, къ ея барскому дому, къ ея парку, рощѣ, полямъ и лугамъ. Она сжилась, сроднилась съ ними, родилась среди нихъ и съ радостью готова была бы умереть вотъ на этой самой высотѣ коринѳскаго павильона, въ который изъ парка вели каменныя ступени, искрошенныя временемъ и покрытыя въ углахъ зеленымъ мохомъ.

Сколько разъ забиралась она въ этотъ павильонъ съ книгой въ рукахъ! Сколько разъ книга выскальзывала изъ ея рукъ, а дѣвушка прислушивалась къ своимъ мечтамъ или къ голосамъ природы—къ этому странному шороху рощи, къ этому ворчанію скрипучихъ платановъ, къ стрекотанію кузнечиковъ, къ пѣнію птицъ, къ аромату лѣсныхъ цвѣтовъ, къ безмолвію неба, къ расцвѣткѣ кустовъ и деревьевъ!

Именно прислушивалась,—потому что шорохи, звуки, краски и ароматы были для нея голосами природы, которые много говорили ея душѣ, взросшей и воспитанной въ одиночествѣ, среди парковъ и рощъ этой забытой, покинутой владѣльцами усадьбы. Это были ноты той великой и сложной симфоніи, которую она называла „Жизнью Природы“ и въ которой было для нея все такъ гармонично и прекрасно...

Она стояла у окна и съ тревогой всматривалась въ этотъ паркъ, молчавшій теперь какимъ-то трагическимъ молчаніемъ, точно въ предчувствіи бѣды.

Небо все больше и больше заволакивалось тучами, и тьма въ паркѣ становилась все гуще и гуще.

И на душу дѣвушки набѣгали облака.

Почему этотъ паркъ кажется ей уже чужимъ, уже далекимъ, начавшимъ свое отступленіе? Никогда еще она не видѣла его такимъ насупившимся и мрачнымъ.

Она знала его ранней весной, вотъ какъ теперь, съ его свѣтло-свѣтло-зелеными почками, съ его нѣжной бархатистой травкой и блѣдно-голубымъ небомъ. Въ это время года онъ точно одѣвался въ легкія, прозрачныя ткани самыхъ неопредѣленныхъ цвѣтовъ, и тогда въ немъ была какая-то странная гармонія полутоновъ, сладко и томно дѣйствовавшая на ея молодую душу.

Въ разгарѣ лѣта паркъ проявлялъ особую силу жизни: платаны, дубы, каштаны одѣвались въ темно-зеленую густую листву, точно въ тяжелыя, дорогія ткани; густѣла трава на полянкахъ, которыя казались покрытыми плюшемъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ зеленой гаммы. Въ куртинахъ и цвѣтникахъ ярко пестрѣли всевозможные цвѣты, наполняя сладкимъ и тяжелымъ благоуханіемъ воздухъ. Солнце привѣтливо заглядывало сквозь чащу причудливо вырѣзной листвы, кое-гдѣ накладывая позолоту на края стволовъ; среди этой темно-зеленой симфоніи, залитыя солнцемъ лужайки казались отдѣльными золотыми нотами, придававшими особую выразительность, особую силу общему радостному мотиву жизни. Прорываясь черезъ вѣтви и промежутки листьевъ, солнце разсыпало на аллеи тысячи золотыхъ кружковъ, нарушавшихъ монотонность широкихъ голубовато-зеленыхъ тѣней, и тогда казалось, что по этимъ аллеямъ разсыпаны расточительнымъ богачомъ червонцы. И всюду чувствовался мощный избытокъ жизни.

Осенью линяли краски, богатыя зеленыя ткани изнашивались, и красавица-природа какъ будто всюду спѣшила замѣнить до смерти ей надоѣвшій зеленый цвѣтъ всѣми оттѣнками желтаго. Симфонія перестроивалась въ другую тональность; желтѣла трава, отцвѣтали цвѣты на клумбахъ, а листья на деревьяхъ становились мѣдно-красными, темно-коричневыми, лимонно-желтыми; точно не желая нарушать общей гармоніи, небо тоже блѣднѣло, чтобы не звучать диссонансомъ въ этой новой молльной симфоніи. Иногда по рощѣ и парку проносилась струя холодноватаго и рѣзкаго осенняго вѣтра и срывала сухіе, отжившіе сучья. И

платаны, медленно роняя широкіе, сухіе листья, съ шумомъ падавшіе на аллею, казалось, плакали тяжелыми слезами. Среди этой замиравшей природы, среди этихъ поблекшихъ тоновъ, на куртинахъ доцвѣтали яркіе осенніе цвѣты и въ ихъ рѣзкой окраскѣ было какое-то наглое ликованіе, смѣлая похвальба.

И вотъ пошелъ снѣгъ, покрывая куртины, вѣтви и полянки своимъ серебрянымъ покровомъ; онъ какъ будто устроивалъ природѣ дорогой металлическій футляръ, чтобы лучше сохранить всѣ ея цѣнности на будущее время. Странные эффекты давала тогда широкая аллея, тянувшаяся передъ окномъ комнаты дѣвушки. Темно-коричневый листопадъ на аллеѣ, присыпанный серебристой снѣговой пудрой, давалъ глазу красивыя пятна Такой печальной красотой прошлаго бываетъ красива головка бывшей красавицы, въ темныхъ волосахъ которой неумолимое время прокладываетъ сначала серебряныя нити, а потомъ цѣлыя пряди сѣдины. Ночью, при свѣтѣ луны, широкая платановая аллея казалась таинственнымъ античнымъ путемъ священной рощи, въ мрачной чащѣ которой должны были происходить какія-нибудь мистеріи.

Зимній вѣтеръ кружился иногда по аллеѣ, точно плясалъ при лунѣ дикую пляску, вздымая снѣгъ и крутя его въ воздухѣ; снѣгъ внезапно, въ разныхъ мѣстахъ аллеи, вздымался партіями, которыя вытягивались въ длинные, тонкіе вихри, походившіе на привидѣнія въ саванахъ. И они такъ же быстро исчезали въ воздухѣ, теряясь среди оголенныхъ сучьевъ, какъ быстро возникали на землѣ изъ снѣжныхъ сугробовъ.

Вѣтеръ завывалъ въ печной трубѣ; казалось, цѣлый оркестръ игралъ въ паркѣ зимнюю симфонію, съ ея унылыми мотивами, съ ея заунывными пѣснями, въ которыхъ было столько рыдающихъ, точно срывавшихся съ голоса звуковъ. Дѣвушка стояла тогда прислонившись къ оконному стеклу, узорчато изукрашенному снаружи морозомъ, и часами вглядывалась въ аллею, на которой шелъ зимній балъ серебристыхъ снѣжинокъ, крутившихся въ вихрѣ медленнаго бѣлаго вальса...

Да, этотъ паркъ былъ истиннымъ другомъ дѣвушки. Она сжилась съ нимъ, чувствовала его, понимала его, любила его. Онъ умѣлъ таинственно говорить съ ней на ей одной понятномъ языкѣ. Онъ умѣлъ огорчать ее и тотчасъ же находить утѣшеніе. Онъ печалилъ, веселилъ и развлекалъ ее. Онъ давалъ ей высокія радости наслажденія звуками, красками и движеніемъ. Онъ давалъ ей въ этой забытой усадьбѣ ощущеніе жизни, пріучилъ и привязалъ ее къ себѣ невидимыми, но прочными нитями...

И ей теперь разстаться съ нимъ?

О, никогда! Скорѣе умереть, легче умереть!

Она отошла отъ открытаго окна въ глубь комнаты и задумалась.

II.

Тихій вечеръ становился молчаливѣе и мрачнѣе; все затихло въ паркѣ словно передъ грозою, хотя грозы не могло быть такой ранней весною.

На небѣ скапливались почти черныя тучи; вечернюю тишину нарушали отдаленныя трели не то лягушекъ, не то какой-то неизвѣстной птицы, и когда эти трели умолкали, становилось еще безмолвнѣе, еще мрачнѣе вокругъ.

Изрѣдка раздавались съ другого конца террасы отдѣльные выкрики карточныхъ игроковъ, и странно и больно нарушали настроеніе весенняго вечера.

Дѣвушка недолго мечтала, сидя въ высокомъ и покойномъ креслѣ; ее потянуло на воздухъ, на террасу, въ глубь таинственнаго и мрачнаго теперь парка, къ той коринѳской бесѣдкѣ, гдѣ она такъ часто повѣряла рощѣ свои самыя сокровенныя мысли.

Она вышла на террасу.

Два желтыхъ огня, заключенныхъ въ матовые стеклянные шары, освѣщали отдаленный уголъ ея блѣднымъ опаловымъ пламенемъ.

За ломбернымъ столомъ сидѣло четверо мужчинъ, и одинъ изъ нихъ, заслышавъ шаги на террасѣ, крикнулъ:

— Вѣра, ты?

— Я, папà...—откликнулась дѣвушка.

— Ты—чтò?

— Ничего, пойду прогуляться по парку.

— Будетъ дождь.

— Такъ что же? Я буду сидѣть въ коринѳскомъ павильонѣ.

— Ты распорядилась, чтобы намъ приготовили чай?

— Какъ же. Все будетъ готово къ десяти часамъ.

— Удостоили бы подойти къ намъ! — крикнулъ хриплымъ голосомъ одинъ изъ партнёровъ, прерывая бесѣду.

— Здравствуйте, Иванъ Михайловичъ!—отвѣтила ему Вѣра.—Нѣтъ, спасибо, я не подойду къ вамъ. Я не люблю винта. Мнѣ жаль время, которое вы тратите на него во всѣ времена года.

— „И въ ненастные дни занимались они—дѣломъ“,—про-

говорилъ Иванъ Михайловичъ,—а вотъ ужъ дальше, убей меня Богъ,—не помню. Что-то такое „мѣломъ“, а какъ, ей Богу, не знаю. Ну, все равно, зажмурьте глаза и подойдите. Вы зажмурите глазки, а я вамъ ручку поцѣлую.

Но Вѣрѣ не хотѣлось нарушать своего настроенія и, проговоривъ:—„обойдетесь и такъ“,—она быстро сбѣжала со ступенекъ террасы и исчезла во тьмѣ, подъ вѣтвями платановъ.

Ее преслѣдовали нѣкоторое время голоса:

— Добрый вечеръ, Вѣра Дмитріевна!

— Вы на Вавакина злы, а за что же насъ обижаете?.. Вы говорите—три пики? Я—пассъ.

— Но ежели я говорю сразу: три пики—должны вы меня поддержать?

Раздраженнымъ голосомъ партнёръ отвѣтилъ:

— А ежели у меня карты самыя эѳіопскія?

— Все равно, скажите что-нибудь...

Больше Вѣра ничего не слыхала. Ее охватило безмолвіе весенней ночи. Все быстрѣе и быстрѣе шла она по аллеѣ къ любимому павильону.

На террасѣ продолжали играть.

Вавакину, который игралъ съ отцомъ Вѣры, ужасно не везло. Что ни игра—ремизъ. Это происходило и отъ его неумѣнья играть, и отъ его художественной натуры: при видѣ пяти незначительныхъ картъ одной масти, воображеніе его разыгрывалось, и онъ старался, во что̀ бы то ни стало, вытянуть игру, которая неизбѣжно лопалась по всѣмъ швамъ при розыгрышѣ. Система широкой игры ему не удавалась, и онъ вздумалъ подсиживать, но это выходило еще хуже. Онъ утаивалъ взятки и „прозѣвывалъ“ сносныя игры.

— Плохи вы сегодня, Иванъ Михайловичъ,—сказалъ ему его партнёръ.

— И вовсе даже нѣтъ, Дмитрій Александровичъ. Нужно удивляться, напротивъ, тѣмъ чудесамъ, которыя я дѣлаю съ такими эѳіопскими картами. Ей Богу! Вотъ, даже побожился.

Но его прервалъ одинъ изъ играющихъ.

— Божитесь, не божитесь, а вы играете какъ истый сапожникъ. И еще вамъ, можно сказать, везетъ, хотя вы и влюблены.

Онъ сказалъ это отрывисто, рѣзко, сухимъ голосомъ, не допускавшимъ возраженія.

— Ну, теперь будетъ баталія!—сказалъ четвертый партнёръ, складывая карты на столъ, въ ожиданіи чего-то интереснаго.

Вавакинъ взглянулъ на него.

— Вы ошибаетесь, Аѳоній Петровичъ. У меня съ Сазановымъ никакой баталіи быть не можетъ, — проговорилъ онъ. — Я—врачъ, и мнѣ, какъ врачу, отлично извѣстно, что Діомидъ Степановичъ страдаетъ особымъ родомъ психическаго разстройства—говорить всѣмъ въ лицо „правду", или то, что̀ онъ считаетъ правдой. Ей Богу, вы больны, Діомидъ Степановичъ. Посмотрите, какой вы худой и желтый,—сказалъ онъ Сазанову.

— Я здоровъ, какъ можетъ быть здоровъ человѣкъ на пятомъ десяткѣ жизни. Но еслибы я былъ тяжко боленъ, то, конечно, предпочелъ бы умереть безъ вашей помощи. Потому что вы такой же плохой врачъ, какъ и винтёръ. И даже хуже.

Вавакинъ передернулъ своими широкими плечами, провелъ рукой по сѣдѣющимъ волосамъ и оглядѣлъ присутствующихъ, какъ бы приглашая ихъ подивиться вмѣстѣ съ нимъ на этого рѣдкаго чудака.

— Благодарю васъ и за эту правду. Но скажите: неужели вы не могли бы говорить вашу правду только тѣмъ, кто о ней спрашиваетъ? Я, напримѣръ, вовсе не спрашивалъ вашего мнѣнія ни о моей игрѣ, ни о моей любви, ни о моихъ врачебныхъ способностяхъ. Допускаю охотно, что я плохой винтёръ и еще худшій врачъ. Но при чемъ тутъ любовь? Ей Богу, не понимаю.

— Вы не влюблены въ Вѣру Дмитріевну?

Вавакинъ спокойно улыбнулся.

— Допустимъ и это. Но развѣ кто-нибудь у васъ объ этомъ спрашивалъ? Крыжовъ у васъ спрашивалъ? Тормиловъ спрашивалъ? Я—спрашивалъ?

— Никто, — раздражительно отвѣтилъ Сазановъ.—Но я не вижу причины не говорить о томъ, что̀ всѣ знаютъ. И наконецъ это пришлось къ слову, и вы просто придрались къ этому слову. У васъ пренепріятный характеръ.

— Это называется съ больной головы на здоровую,—возразилъ Вавакинъ.—Намъ всѣмъ казалось, что это у васъ непріятный характеръ. У васъ настоящая манія говорить „правду" въ глаза. Повторяю, это психозъ. Еслибы этого не было, вы до сихъ поръ служили бы непремѣннымъ членомъ присутствія. Но васъ уволили, потому что вы невыносимы съ своей правдой. Ей Богу же вы невыносимы, Діомидъ Степановичъ.

Крыжовъ и Тормиловъ поспѣшили прекратить этотъ разговоръ.

— Однако, господа, не вернемся ли мы къ винту? Я—безъ козыря,—сказалъ Крыжовъ,—а вы что̀, Дмитрій Александровичъ?

— Я—пассъ,—отвѣтилъ Тормиловъ.

Но Сазановъ не унимался.

— Да, я невыносимъ, потому что говорю правду. Я знаю это — таково наше время. Но мнѣ невыносимо наше время и наше общество, которыя изолгались до послѣдней возможности. Лгать—нынѣшняя система. Чѣмъ она лучше системы говорить правду? Я не вижу. Нужно имѣть нѣкоторое мужество, чтобы говорить правду... Три трефы... Все это условности. Некрасивой женщинѣ вы льстите изъ любезности. Глупо! Я говорю ей прямо, что она некрасива. Она и другіе сами это знаютъ... Я говорю: три бубны... Обыкновенно Вавакину говорятъ, что онъ играетъ мило, спокойно, пріятно, чтобы не сказать, что онъ играетъ какъ сапожникъ. Онъ и всѣ это знаютъ. Почему не сказать того, что̀ всѣ знаютъ, а непремѣнно навыворотъ? Глупо!.. Я—пассъ, больше ничего.

— Можно взять?

— Берите... Я не вижу, почему ложь лучше правды? Вотъ вы всѣ молчите, потому что всѣ изолгались и вамъ трудно сознаться, что я говорю правду. Губернаторъ сдѣлалъ нелѣпое заключеніе на моемъ докладѣ о видахъ на урожай. Я ему сказалъ, что это чрезвычайная нелѣпость. Онъ и всѣ это сознавали. Почему не сказать того, что̀ сознается всѣми?.. Вотъ, напримѣръ, Вавакинъ пропускаетъ, и благодаря этому его единственный козырь пропадетъ. Я и говорю: глупо!

— Хочу пропустить и пропускаю, — огрызнулся Вавакинъ.

— И опять условная ложь. Вы это говорите, чтобы не сказать правды:—„да, я сдѣлалъ нелѣпѣйшую ошибку по неумѣнью играть“. Но у васъ не хватаетъ гражданскаго мужества.

— Отстаньте! сказалъ Вавакинъ.

Тормиловъ улыбнулся.

— Да, лучше было бы бить,—проговорилъ онъ, а Крыжовъ съ видимымъ удовольствіемъ забралъ взятку.

Сазановъ сдѣлалъ новый ходъ и продолжалъ:

— Губернаторъ предписалъ мнѣ въ недѣлю представить подробный отчетъ о ходѣ эпизоотіи въ моемъ районѣ. Въ моемъ районѣ двадцать-двѣ волости и ни одной порядочной дороги. Чтобы только объѣздить ихъ, нужно четыре-пять дней при хорошей погодѣ. Кромѣ того, нужно вездѣ побывать, всѣхъ опросить, все обдумать, вернуться домой и еще дня три составлять отчетъ. Я и сказалъ губернатору:—„ваше требованіе свидѣтельствуетъ о полномъ вашемъ незнакомствѣ съ дѣломъ“... Мы кон-

чили партію: три туза, четыре онёра. Простая коронка... Вотъ почему я вышелъ въ отставку, Вавакинъ.

— Отстаньте.

Они начали новую партію, и Крыжовъ спросилъ Тормилова:

— А что̀, Дмитрій Александровичъ, „англичанинъ“ вашъ дѣйствительно затра пріѣзжаетъ?

Тормиловъ съ наружнымъ спокойствіемъ придвинулъ къ себѣ прикупку и отвѣтилъ:

— Да, завтра. Все приготовлено уже для его пріема. Вѣра, по крайней мѣрѣ, говорила мнѣ, что сама осматривала комнаты и приводила все въ порядокъ. Мнѣ самому некогда было. Разныя дѣла и отчетъ...

— Вотъ вы говорите это такъ спокойно, — ввязался Сазановъ: — а между тѣмъ я ясно вижу, что вы волнуетесь.

— Я? Съ чего вы взяли? У меня все въ порядкѣ.

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь и даже совершенно увѣренъ. Но вы волнуетесь. И это очень естественно, когда въ свое родовое имѣнье пріѣзжаетъ хозяинъ, никогда въ немъ не бывавшій, и въ особенности такой, какъ вашъ „англичанинъ“, какъ вы его называете. Ему наша жизнь чужда, наши порядки дики. До тридцати-двухъ лѣтъ онъ прожилъ въ Англіи, имѣетъ слабое представленіе о родинѣ и слабѣйшее—о нашемъ хозяйствѣ. И вотъ вы волнуетесь: ка̀къ ему показать то, ка̀къ объяснить это. И ка̀къ ему покажется то, и ка̀къ это...

— Онъ говоритъ, по крайней мѣрѣ, по-русски?—спросилъ Вавакинъ.

— Какъ мы съ вами,—отвѣтилъ Тормиловъ.—И даже пишетъ отлично.

— Но почему же такъ?

— Это совершенно просто. Онъ родился въ Лондонѣ, но съ дѣтства имѣлъ русскаго гувернера и воспитателя. Будаевъ, его отецъ, а мой покойный товарищъ по московскому университету, служилъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ и женился на англичанкѣ. Онъ пріѣзжалъ сюда съ женой, когда она была беременна. Здѣсь, осенью, онъ простудился и умеръ, а англичанку наша деревня такъ напугала, что она поспѣшила убраться въ Лондонъ. Тамъ и родился Владиміръ Сергѣевичъ. Онъ оставался тамъ съ матерью и два раза только пріѣзжалъ въ Москву сдавать экзамены. Теперь онъ служитъ, какъ и братъ его, въ посольствѣ, младшимъ секретаремъ, что-ли. Мать его умерла два года тому назадъ.

Онъ замолчалъ, сдалъ карты, разобралъ ихъ и, объявивъ игру, снова заговорилъ, обращаясь къ Сазанову.

— Чего же мнѣ волноваться, Діомидъ Степановичъ? Я вѣдь не простой, наемный управляющій, а старый другъ его покойнаго отца, его товарищъ по университету. И отецъ его мнѣ вполнѣ довѣрялъ, да и онъ тоже. Доказательство, что ни разу не пріѣзжалъ провѣрять мои дѣйствія.

— А зачѣмъ теперь ѣдетъ?—спросилъ Сазановъ.

— Онъ хочетъ окончательно раздѣлаться съ имѣньемъ, продать его. Я не взялъ на себя этой отвѣтственности и настоялъ, чтобы онъ самъ пріѣхалъ. Онъ хочетъ навсегда поселиться въ Лондонѣ.

— Ну, вотъ и причина вашего волненія. Куда вы дѣнетесь? Вы провели въ этомъ гнѣздѣ всю жизнь, съ тридцати лѣтъ, бросивъ для этого дѣла, по просьбѣ Будаева, даже службу. Вы сжились съ имѣньемъ, съ деревней, съ домомъ, потеряли здѣсь жену, пріобрѣли дочку. И вдругъ все это бросить? Передать имѣнье, которое не ваше, но какъ бы ваше, какому-нибудь купцу Обиралову и сдѣлаться его приказчикомъ?

— Ни у какого купца Обиралова ни приказчикомъ, ни управляющимъ я не останусь,—рѣзко отвѣтилъ Тормиловъ.

— На службу поступите? — участливо спросилъ Крыжовъ.

— На службу въ моемъ возрастѣ поступать поздно. Я уже отвыкъ отъ чиновничьей службы. Но о чемъ вы, господа, волнуетесь? Будаевъ зоветъ меня въ Лондонъ, управлять его тамошними дѣлами и имѣньемъ.

— И вы поѣдете?—спросилъ Сазановъ.

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣтилъ Тормиловъ.

— Ну, вотъ и причина волненія вашего, да, пожалуй, и нашего,—сказалъ Сазановъ. — Нельзя же на старости остаться безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни...

Тормиловъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Вы стоите на своемъ. Я волнуюсь. Пусть такъ! Но безъ дѣла и безъ средствъ я, во всякомъ случаѣ, не останусь. Меня зовутъ къ себѣ наши сосѣди Скуридины. Ихъ имѣнье—въ трехъ верстахъ отсюда и не хуже Будаевки.

— Знаемъ!—сказали Сазановъ и Крыжовъ.

— Условія отличныя. И Клавдія Егоровна, и Евгенія Львовна, тоже постоянно живутъ за границей — эти въ Парижѣ, на водахъ и въ Ниццѣ — и имъ нуженъ вѣрный человѣкъ. Имѣнье стало меньше давать дохода, и онѣ рѣшили это лѣто провести здѣсь, чтобы изслѣдовать причины и посовѣтоваться со мной. Можетъ быть, я приму ихъ условія. Вы видите, особенно волноваться нечего... Мы безъ одной, но робберъ нашъ.

— Кончили?—спросилъ Вавакинъ. —Ну, если кончили, недурно напиться чаю.

— Съ коньякомъ? — обратился къ нему Сазановъ.—Зачѣмъ говорить: — „напиться чаю“, когда слѣдуетъ сказать: — „напиться коньяку“?

— Ей Богу, вы мнѣ надоѣли, Сазановъ.

— Вотъ въ первый разъ вы сказали именно то, что̀ думаете.

Крыжовъ и Тормиловъ подсчитывали результаты игры, а Вавакинъ, вынувъ изъ портсигара толстую папиросу, закурилъ ее и сошелъ съ террасы въ паркъ.

III.

Вѣра сидѣла въ своей любимой бесѣдкѣ и всматривалась въ рощу, тѣни въ которой быстро сгущались.

Она продолжала мечтать.

Вотъ, среди ночной тьмы мелькаютъ по безконечнымъ, безлюднымъ въ эту пору полямъ свѣтлыя точки. Какъ будто таинственное пресмыкающееся извивается, съ шипѣніемъ и свистомъ, по черной землѣ, спѣша изъ далекихъ, невѣдомыхъ ей странъ, сюда, къ этой родной рощѣ, къ этому милому парку.

Но это не чудовище, а поѣздъ, обыкновенный поѣздъ, и свѣтлыя точки—окна вагоновъ. Въ одномъ изъ нихъ, сидя на мягкой скамьѣ, дремлетъ тотъ, кого всѣ будаевцы называютъ „англичаниномъ“. Завтра онъ будетъ уже въ этомъ домѣ.

Какая тоска, какая печаль! Онъ нарушитъ ея уединеніе, ворвется въ качествѣ хозяина въ ихъ мирную жизнь, начнетъ заводить новые порядки и, можетъ быть, уволитъ отца ея отъ службы или продастъ имѣнье этому Щеклѣеву, который давно уже подбирается къ Будаевкѣ.

Отецъ говоритъ въ послѣдніе дни о Скуридиныхъ. Какъ будто это одно и то же! Въ Будаевкѣ родилась Вѣра, въ Будаевкѣ ей хотѣлось бы и умереть. Здѣсь дорогъ ей каждый кустъ, здѣсь мило ей каждое дерево, а у Скуридиныхъ ей все, все чужое.

Какъ странно, какъ несправедливо, что земля—собственность. Развѣ воздухъ можетъ принадлежать опредѣленному хозяину? Никто не можетъ лишить ее права дышать воздухомъ родины, но, вотъ, можетъ пріѣхать этотъ чужеземецъ и лишитъ ее права на родную землю.

По вѣрѣ и по рожденію этотъ хозяинъ Будаевки—русскій. Здѣсь, въ этомъ домѣ складывалась жизнь его предковъ съ стародав-

нихъ временъ. Они вили себѣ уютное, надежное гнѣздо, прочно устраиваясь на этой землѣ, среди этого парка. Поколѣніе работало на поколѣніе и ткань прошлаго служила матеріаломъ для будущаго. А онъ, потомокъ этой древней семьи—чужой теперь для родины. Что представляетъ онъ собою: русскаго помѣщика съ душою лорда? Всѣ связи его—тамъ, гдѣ-то, на далекомъ-далекомъ, туманномъ островѣ, небо котораго покрыто копотью фабричныхъ трубъ.

Вѣра вздрогнула.

Яркая зарница вспыхнула и погасла на темномъ небѣ, среди деревьевъ рощи.

Ночью роща казалась мрачной, таинственной, печальной. Она точно спала, скорчившись подъ темнымъ пологомъ неба, которое походило на темносинее одѣяло съ пестрыми цвѣтами мелькавшихъ весеннихъ зарницъ. Вѣрѣ чудилось, что и роща, какъ она сама, встревожена неизбѣжной будущностью и грезитъ о томъ страшномъ времени, когда будущій владѣлецъ Щеклѣевъ нагонитъ сюда мужиковъ съ топорами, которые начнутъ рубить деревья, а потомъ корчевать пни.

Низко, надъ головою Вѣры склонилась вѣтка дерева съ липкимъ и душистымъ весеннимъ листочкомъ. Онъ точно наклонился къ ней, чтобы поцѣловать ее въ лобъ. Ее тронула эта ласка рощи; но листокъ былъ холоденъ, сыръ отъ ночной росы, и по тѣлу ея пробѣжала дрожь. Ей показалось, что роща дрожитъ отъ страха подъ своимъ одѣяломъ и покрылась холодной испариной.

Никогда еще роща не казалась ей такой встревоженной, такой безпокойной, съ ея могучимъ дыханіемъ, съ ея глубокими, таинственными тѣнями.

Безпрестанно вспыхивавшія зарницы нарушали теченіе ея мыслей. Когда послѣ вспышки становилось еще темнѣе вокругъ, Вѣра вновь возвращалась къ своимъ мечтамъ, все къ тѣмъ же мечтамъ о родинѣ.

Родина имѣетъ власть надъ человѣкомъ. Человѣкъ—растеніе, корни его—въ землѣ. Онъ не вѣтеръ, свободно носящійся по полямъ...

По длинной аллеѣ послышался скрипъ шаговъ.

Вѣра быстро повернула голову по направленію къ массивному темному силуэту стараго барскаго дома, который глядѣлъ на нее двумя-тремя освѣщенными окнами.

По аллеѣ, среди густой тьмы, она, послѣ долгаго напряженія, разглядѣла темную фигуру.

— Кто это?—спросила она.

— Утѣшится жена, и лучшій другъ забудетъ друга, но я не забуду тебя! „Тебя“ — это для поэзіи. И не могу утѣшиться, когда васъ нѣтъ около меня,—хриплымъ голосомъ проговорила темная фигура.

— Ахъ, это вы, Иванъ Михайловичъ!.. Вы меня испугали. Что̀ вамъ?

— Пугается тотъ, у кого на душѣ неопрятно. У васъ, красавица, душа опрятная, и бояться вамъ некого и нечего. Все равно какъ мнѣ. А нужно мнѣ, чтобы вы шли съ нами чай пить.

— Винтъ кончили?—спросила она, съ сожалѣніемъ разставаясь съ своимъ излюбленнымъ мѣстомъ и спускаясь по ступенькамъ на аллею парка.

— О, yes!—какъ, вѣроятно, будетъ говорить владѣлецъ этого имѣнья, когда пріѣдетъ сюда. Винтъ кончили. Все было какъ по программѣ: Сазановъ говорилъ, по обыкновенію, намъ всѣмъ свою „правду“ въ лицо, хотя его никто объ этомъ не спрашивалъ. Ей Богу, онъ мнѣ шибко надоѣлъ въ послѣднее время, и я его, кажется, побью. Ей Богу, кончится тѣмъ, что побью.

— Ну, полно, что̀ вы! Неужели вы не привыкли къ нему?

— Не привыкъ и не хочу привыкнуть!—упрямо отвѣтилъ докторъ.—И что̀ его правда? Кому она нужна? И какъ будто онъ одинъ взялъ подрядъ говорить правду? Всѣ мы говоримъ правду, когда не лжемъ.

— Онъ доказалъ, что онъ *всегда* говоритъ правду, и даже пострадалъ за это по службѣ.

— Ну, потомъ, что̀ же еще? Всѣ нападали на меня, что я плохо играю. Какъ будто я говорилъ когда-нибудь, что хорошо играю? Папа̀ вашъ разсказывалъ объ „англичанинѣ“... Что̀ ни говорите, а онъ разстроенъ, то-есть папа̀, а не англичанинъ. Крыжовъ подсиживалъ и алчно хваталъ взятки, пропущенныя, конечно, мною...

Вѣра молча слушала болтовню доктора, безшумно, мягко, словно тѣнь двигаясь, вмѣстѣ съ нимъ, по направленію къ дому.

Ночь была тихая, теплая, и всѣ пили чай на широкой террасѣ.

Вѣра и Вавакинъ точно выплыли изъ океана тьмы, когда появились на террасѣ.

Тормиловъ крутилъ папироску, отпивъ чай. Крыжовъ пилъ чай съ блюдечка и уничтожалъ одну за другою круглыя домашнія булочки, какъ-то пугливо посматривая на Сазанова, точно боялся, что и Сазановъ начнетъ ѣсть булки.

Говорили о какомъ-то Трофимѣ Сулѣ, который будто бы, несмотря на свою старость, такой негодяй, равнаго которому нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ.

— Не вывернется онъ у меня, клянусь честью,—говорилъ между двумя глотками Крыжовъ.—Давно слѣжу. Да ловокъ каналья, какъ вьюнъ. Скользитъ между пальцами... Это вы печете булочки, Вѣра Дмитріевна? Ну да, не сами, но подъ вашимъ наблюденіемъ. Превосходныя булочки. Я еще возьму.

— Пожалуйста...

— Такъ я и говорю: мошенникъ-мужикъ. Воръ-мужикъ—этотъ Трофимъ Сула. Ну, да и я малый не промахъ.

— Вы?—поднявъ лѣвую бровь, что̀ у него служило признакомъ ироніи, спросилъ Сазановъ.

— Да, я,—равнодушно отвѣтилъ Крыжовъ.

— Да какой же вы „малый“ и какой же вы „не промахъ“? И какой вы исправникъ, Крыжовъ, когда вы просто хорохорящійся индюкъ, не больше! И я даже удивляюсь, что васъ держатъ исправникомъ.

Крыжовъ подумалъ-было, не обидѣться ли ему, и даже чуть не поперхнулся булкой, которую только-что препроводилъ въ ротъ. Но потомъ, очевидно, раздумалъ, потому что привыкъ уже, также какъ и другіе, къ рѣзкимъ выходкамъ Сазанова.

— А я удивляюсь, какъ васъ земля терпитъ и носитъ на себѣ, Діомидъ Степанычъ. Языкъ вашъ—врагъ вашъ,—отвѣтилъ, наконецъ, онъ и спокойно сталъ допивать чай.

Тормилова, очевидно, угнетала мысль о пріѣздѣ Будаева, потому что онъ больше молчалъ, куря свою „самокрутку“, а когда говорилъ, то больше о вещахъ, имѣвшихъ отношеніе къ пріѣзду помѣщика.

— Вѣра, я на тебя полагаюсь,—говорилъ онъ,—во всемъ, что касается комфорта. Принесла ли прачка постельное бѣлье?

— Принесла, папа̀, не безпокойся, пожалуйста.

— И умывальникъ въ *его* комнатѣ починили?

— И умывальникъ починили.

— Мнѣ нашъ сегодняшній вечеръ напоминаетъ пиръ во время чумы, или послѣдній день Помпеи...—сказалъ Вавакинъ, наливая коньяку въ чай.

— Глупо!—проворчалъ Сазановъ.—Что̀ вы – существовали, что-ли, въ тѣ времена, что вамъ что-то ихъ напоминать можетъ?

— Маньякъ!—въ полголоса проговорилъ Вавакинъ, но прямо ничего ему не возразилъ.

— И потомъ, что̀ общаго между этими событіями и нашимъ вечеромъ?

Вавакинъ молчалъ.

— Я васъ спрашиваю, Вавакинъ,—не унимался Сазановъ.

— Отстаньте, злобный маньякъ!—огрызнулся наконецъ докторъ.

— И Помпея, и чума тутъ ни при чемъ, а только развѣ коньякъ, которымъ вы, какъ я вижу, злоупотребляете.

— Я васъ не звалъ къ себѣ въ менторы. Вамъ жаль коньяка?

— Ничуть, онъ не мой.

— Ну, такъ и замолчите, ей Богу!

— Господа, да будетъ вамъ!—сказала Вѣра.—Это скучно. Ваши мелочныя ссоры въ этотъ тихій весенній вечеръ особенно непріятны... Учитесь у природы: какой миръ, какая тишина! А вы только ругаетесь. Это, право, досадно.

— Вздоръ!—возразилъ Сазановъ, и Вѣра съ удивленіемъ на него взглянула.—Поэтическій вздоръ и фактическая ложь! Борьба за существованіе—правда. Какой миръ въ природѣ, когда повсюду борьба!.. Грубая сила; одно растеніе живетъ на счетъ другого, какъ и люди. Одинъ звѣрь вырываетъ добычу у другого, точь-въ-точь какъ у людей. Давно пора бросить этотъ лживый вздоръ и не питаться вредными обманами.

— Ого!—возразила Вѣра.—Вы все больше и больше уходите въ свою философію, въ своемъ уединеніи? Вонъ ужъ вы какъ заговорили! Безъ поэтическаго обмана, Діомидъ Степанычъ, трудно прожить. Иллюзія нужна человѣку, въ особенности тамъ, гдѣ дѣйствительность скучна и однообразна. Безъ обмана, безъ лжи, не было бы поэзіи.

— Ну, да... „тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“... Старо это...

— Да, старо, но очень вѣрно... Постойте... Вы слышите шумъ за калиткой?

Разговоры смолкли.

Дѣйствительно, среди безмолвія ночи раздавалось за оградой парка шипѣніе, стукъ, точно отъ какой-то машины, потомъ послышались голоса, хохотъ, взвизгиванье.

IV.

Вскорѣ на аллеѣ показались три тѣни, направлявшіяся къ террасѣ въ полномъ безмолвіи: одна тѣнь шла впереди, другія двѣ сзади.

Вѣра встала изъ-за стола, подошла къ ступенькамъ, спускавшимся въ садъ, и остановилась.

— Евгенія Львовна,—вы?—спросила она.

Въ отвѣтъ раздался шопотъ и смѣхъ, сначала сдержанный, потомъ все громче и громче.

— Конечно, это вы,—сказала Вѣра.

— Мы васъ хотѣли испугать, подкравшись незамѣтно.

— Это довольно мудрено. Вашъ автомобиль шипитъ и кряхтитъ, какъ чудовище.

— Неужели слышно сюда?

— Я думаю! Но такъ какъ мы васъ открыли, то идите сюда, чай пить.

— У васъ гости?

— Обычное общество. Папины винтёры.

— Я тоже не одна.

— Тѣмъ лучше, — безъ особеннаго одушевленія отвѣтила Вѣра.

Гости вошли на террасу.

Вѣра занялась чаемъ.

Евгенія Львовна, которая держала въ рукахъ гитару, начала ее настраивать. Всѣ какъ-то сразу смолкли.

Сазановъ разсматривалъ новоприбывшихъ, послѣ того какъ его представили Евгеніи Львовнѣ. Онъ это дѣлалъ довольно безцеремонно и смотрѣлъ на нее пристально, какъ на какую-нибудь иллюстрацію журнала съ картинками. Потомъ, точно перевернувъ страницу, онъ перевелъ взоры на ея спутниковъ, молодого офицера и студента въ щегольской тужуркѣ. Окончивъ осмотръ, онъ равнодушно отвернулся и зѣвнулъ.

Евгенія Львовна однимъ глазомъ косо взглянула на него и, взявъ нѣсколько вступительныхъ аккордовъ, запѣла:

Скажи, зачѣмъ тебя я встрѣтилъ,
Зачѣмъ тебя я полюбилъ?
Зачѣмъ твой взоръ улыбкой мнѣ отвѣтилъ
И счастье въ жизни подарилъ?
Тебя отнимутъ отъ меня,
Ты не моя, ты не моя...

Всѣ, кромѣ Сазанова, зааплодировали.

— Чудно,—съ авторитетомъ сказалъ Вавакинъ.

— Великолѣпно,—подтвердилъ Крыжовъ.

Тормиловъ и Вѣра одобрительно и сочувственно кивали головами, а молодые люди, прибывшіе съ Евгеніей Львовной, ничего не говорили членораздѣльнаго, а какъ-то тихо вздыхали отъ избытка чувствъ, пробужденныхъ словами этого романса.

Евгенія Львовна кончила романсъ, отложила гитару и принялась за чай.

Отхлебнувъ изъ чашки, она вдругъ обернулась къ Сазанову:

— Вамъ не нравится?—спросила она его.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ онъ, — если вы спрашиваете про пѣніе.

— Именно про пѣніе. Вамъ не нравится самый романсъ, его исполненіе или голосъ исполнительницы?—съ чуть насмѣшливой ноткой спросила она.

— Мнѣ не нравится романсъ, исполненіе и голосъ.

Евгенія Львовна отодвинула чашку, совсѣмъ уже повернулась лицомъ къ Сазанову и съ удивленіемъ его оглядѣла.

— Я здѣсь недавно, и очень жалѣю, что до сихъ поръ не имѣла удовольствія васъ знать,—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ проговорила она.

Вавакинъ подталкивалъ въ бокъ Крыжова, а ногой подъ столомъ Тормилова; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подмигивалъ Вѣрѣ, заранѣе предвкушая интересную сцену.

— Во всемъ, что̀ вы сказали, одно только правда: что вы здѣсь недавно,-- сказалъ Сазановъ Евгеніи Львовнѣ.

— Остальное?—вызывающе спросила она.

— Остальное—ложь.

Евгенія Львовна вскочила съ своего мѣста. Молодые люди издали восклицанія, которыя можно было принять за „о, „о!“.

Тормиловъ съ сердцемъ отшвырнулъ подъ столомъ ногу Вавакина, который все больше и больше толкалъ его, и, обратившись къ своей гостьѣ, сказалъ:

— Евгенія Львовна, вы не обращайте, пожалуйста, вниманія на слова Діомида Степаныча. Онъ взялъ себѣ странную привилегію говорить всѣмъ въ глаза правду. Почему онъ думаетъ, что одинъ только онъ знаетъ правду—не знаю.

Евгенія Львовна съ любопытствомъ посмотрѣла на Сазанова.

— Я нисколько не обижаюсь, и у каждаго своя манера веселиться. Я очень люблю все, что̀ оригинально. Но я хотѣла бы знать, въ чемъ ложь?

— Ложь въ томъ,—нисколько не смущаясь, отвѣтилъ Сазановъ, какъ будто не о немъ вовсе шла рѣчь,—будто вы жалѣете, что не знали меня раньше. А правда—въ томъ, что вы жалѣете, что узнали меня.

— Почему жалѣю?

— Потому что вы привыкли къ лести и поклоненію, а не къ правдѣ и критикѣ.

— Такъ. Можетъ быть, вы столь же категорично отвѣтите мнѣ и относительно моего пѣнія.

— Непремѣнно. Оно не нравится мнѣ потому, что въ голосѣ вашемъ нѣтъ души, въ исполненіи нѣтъ искренности, а

только передразниванье цыганъ; а въ самомъ романсѣ—пустой наборъ словъ для риѳмы.

Евгенія Львовна съ любопытствомъ на него поглядѣла.

— Quel type!..—проворчалъ офицеръ.

— Обратный декадентъ!—шепнулъ студентъ.

Евгенія Львовна примолкла, какъ бы разбираясь въ впечатлѣніи, которое произвели на нее слова Сазанова, потомъ проговорила:

— Не знаю, повѣрите ли вы мнѣ на этотъ разъ, но вы мнѣ нравитесь. Я обожаю все оригинальное.

Смущеніе, которое овладѣло Тормиловымъ и Вѣрой послѣ словъ Сазанова, теперь прошло.

— А я терпѣть не могу ничего грубаго,—сказалъ Вавакинъ.

— Неправда,—отвѣтилъ ему Сазановъ.—Вы любите именно водку и табакъ.

Офицеръ и студентъ фыркнули, остальные улыбнулись.

Сазановъ не унимался.

— Вы находите оригинальнымъ, что я не вѐсхищаюсь вашимъ пѣніемъ?—спросилъ онъ у Евгеніи Львовны.

— Нѣтъ, не то. Я нахожу оригинальнымъ, что вы говорите всѣмъ правду, или по крайней мѣрѣ то, что̀ считаете правдой.

Но Евгеніи Львовнѣ Сазановъ съ его грубыми выходками уже видимо надоѣлъ. Она сама привыкла относиться довольно свободно къ людямъ, и эта привычка образовалась въ ея характерѣ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, благодаря ея независимому положенію, красотѣ и богатству, а также баловству, которое окружало ее въ домѣ старухи-тетки, гдѣ она росла послѣ смерти матери, скончавшейся года три послѣ ея рожденія.

Она привыкла къ лести, подобострастію, къ своеволію. Встрѣча съ такимъ независимымъ въ своихъ сужденіяхъ человѣкомъ, какимъ съ первыхъ же словъ обрисовался передъ ней Сазановъ, не могла быть ей пріятна.

— Курнаковъ, — обратилась она къ офицеру, — ступайте, нарвите мнѣ въ саду цвѣтовъ, которые такъ вкусно пахнутъ. Можно, Дмитрій Александровичъ?—обратилась она къ Тормилову.

— Пожалуйста.

— А вы,—сказала она студенту,—ступайте къ автомобилю и ждите меня тамъ. Мы сейчасъ ѣдемъ.

— Но, Евгенія Львовна...

Она топнула ногой.

— Безъ разговоровъ! Ступайте и посмотрите, нѣтъ ли меня тамъ?

Студентъ нéхотя всталъ, но повиновался.

Она засмѣялась.

— Это мои рабы,—сказала она, ни къ кому не обращаясь. —Бѣлые негры. Оба влюблены. Одинъ уклоняется отъ лагерей и взялъ отпускъ, чтобы провести часть лѣта у насъ въ имѣньи и вздыхать, глядя на меня; другой уклоняется отъ экзаменовъ съ той же цѣлью...

— Для чего же вы смущаете молодежь?—спросилъ Сазановъ.

Она даже не взглянула на него.

— Жизнь коротка, — заговорила она, обводя всѣхъ взглядомъ и какимъ-то нарочито небрежнымъ тономъ. — Молодость еще короче. Надо пользоваться и тѣмъ, и другимъ. Оба мои раба глупы и иногда съ ними тошно; но безъ нихъ въ этой глуши было бы еще тошнѣе; не надъ кѣмъ было бы показывать свою силу. А человѣкъ счастливъ только тогда, когда можетъ показывать другимъ свою силу. Я думаю, что мы стали такими нудными вслѣдствіе уничтоженія крѣпостного права.

— Богъ знаетъ, что̀ вы говорите!—вскрикнула Вѣра.

— Вамъ это не нравится? Я знаю. Вы—дѣвушка стараго типа. Это имѣетъ свою прелесть, какъ старинное, наивное письмо въ картинѣ какого-нибудь мастера прошлаго вѣка. Держу парѝ, что вы обожаете деревню, мужичковъ, паркъ, весеннія ночи и вообще буколику и шатобріановщину. Вы можете понравиться человѣку съ утонченнымъ и искалѣченнымъ воображеніемъ...

— А вы?—смѣясь, спросилъ Вавакинъ.

— А я—нетронутому юношѣ.

— Почему?

— Потому что каждый человѣкъ ищетъ то, что̀ для него ново, дополненія къ тому, чего у него не хватаетъ. Знаете что̀? Бракъ есть нелѣпость; нѣчто изжитое, изношенное, какъ старая юбка, которая разлѣзается отъ малѣйшаго неосторожнаго обращенія. И напрасно стараются такъ охранять эту сношенную юбку. Но если выходить замужъ... я бы вышла за человѣка, котораго бы ненавидѣла. Такой союзъ былъ бы проченъ. Онъ бы любилъ, я бы ненавидѣла. Свѣтъ и тѣнь, звукъ и пауза, въ общемъ—гармонія.

Сазановъ сдѣлалъ презрительное лицо, какъ бы желая сказать: „болтай, болтай, все это для рисовки,—все равно, я ни одному слову не вѣрю“. Вавакинъ нелѣпо радовался жестокости этихъ словъ и пилъ коньякъ. Крыжова всегда утомляли „умные“ разговоры, и онъ прилично дремалъ. Тормиловъ въ душѣ не соглашался съ „чудодѣйкой-дѣвицей“, но старался не показать вида; Вѣра конфузилась. Она всегда конфузилась при богатой и знатной сосѣдкѣ, которая ѣздила на автомобилѣ и велосипедѣ

въ деревнѣ, одѣвалась какъ въ городѣ, играла въ лаунъ-теннисъ и крокетъ, душилась необыкновенными духами и говорила такія слова, отъ которыхъ ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

— Дисгармонія, вы хотите сказать?—поправилъ ее Вавакинъ.

— Ничуть. Я всегда говорю то, что̀ хочу сказать. Представьте, я „его“ безумно люблю. „Онъ“ меня любитъ еще безумнѣе. Сложите обѣ любви—выйдетъ патока, сладость, какъ тотъ медъ, который намъ подаютъ въ усадьбѣ. Развѣ можно ѣсть много меду и питаться только имъ? И нельзя питаться однимъ сыромъ, который остеръ какъ человѣческая ненависть. Но когда послѣ тепленькаго супу идетъ здоровый кусокъ мяса, потомъ какой-нибудь пикантный соусъ, потомъ рыба, зелень, наконецъ сладкое блюдо, кофе, сыръ и такъ далѣе, то обѣдъ разнообразенъ и вкусенъ, и все взаимно дополняетъ другъ друга, и одно вкусовое ощущеніе смѣняется другимъ. Получается полное удовлетвореніе. Не такъ ли, докторъ?

— Такъ иногда лечатъ катарры желудка,—отвѣтилъ Вавакинъ:—разнообразіемъ пищи. Но вѣдь катарръ—патологія. Впрочемъ, и здоровому человѣку весьма полезно разнообразіе пищи.

— Вотъ видите. Любовь и ненависть—два необходимыхъ элемента счастья, какъ добро и зло—необходимые элементы жизни. Наша религія проповѣдуетъ одно добро. Это—прѣсно, и вотъ почему люди становятся все менѣе религіозными. Въ нее надо бы подложить перцу.

— Вы большой знатокъ кулинарнаго искусства.

— А вы—коньяку.

Вавакинъ засмѣялся и перелилъ рюмку.

— Евгенія Львовна, вотъ вамъ цвѣты,—сказалъ вошедшій на террасу офицеръ и протянулъ ей букетикъ пахучихъ желтыхъ цвѣтовъ.

Она взяла ихъ и закрыла ими лицо, вдыхая весенній ароматъ. Его она даже не поблагодарила.

— Какъ они хорошо пахнутъ!—сказала она.—Мнѣ всегда дѣлается радостно, когда я ощущаю пріятный запахъ. Такъ весело на душѣ. Правда—хорошо?

И она протянула букетикъ доктору.

Вавакинъ сунулъ въ него свой красный носъ и сѣдые усы, шумно втянулъ въ себя воздухъ и спокойно проговорилъ:

— Какъ будто дорогимъ коньякомъ.

Евгенія Львовна усмѣхнулась, отобрала букетъ, встала и начала прощаться.

— Ахъ,—сказала она,—я и забыла поговорить о главномъ. Я вѣдь заѣхала узнать, когда пріѣдетъ Будаевъ? Я слышала—завтра?

— Завтра,—отвѣтили въ одинъ голосъ Тормиловъ и Вѣра.

— Я хотѣла васъ просить, чтобы вы передали ему наше приглашеніе. Тётя и я встрѣчались съ нимъ одинъ сезонъ въ Лондонѣ и очень рады были бы съ нимъ повидаться. Тётя очень хорошо знала его отца. Такъ, пожалуйста, скажите, какъ только онъ станетъ свободнѣе, чтобы посѣтилъ насъ. Скажете?

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Тормиловъ.

Евгенія Львовна кивнула всѣмъ головой и сбѣжала съ террасы въ цвѣтникъ. Офицеръ—за нею.

И вскорѣ съ отдаленнаго конца аллеи раздался ея голосъ:

Тебя отнимутъ отъ меня,
Ты не моя, ты не моя!...

Вавакинъ, копируя ее, хриплымъ голосомъ запѣлъ:

Ты не моя, ты не моя,
И я—не твой, и я—не твой!

V.

Будаевъ ѣхалъ въ свое родовое имѣнье, сидя въ элегантномъ экипажѣ, который былъ ему поданъ на станцію, отстоявшую отъ деревни въ нѣсколькихъ верстахъ.

День былъ радостный, свѣтлый, весенній. Нѣжно-зеленаго цвѣта зелень прекрасно рисовалась на молочно-голубомъ небѣ, давая симфонію полутоновъ въ мягкомъ золотистомъ освѣщеніи солнца. Теплые свѣтло-коричневые тона̀ вспаханныхъ полей походили на коричневые фоны картинъ Веласкеза.

Все трепетало въ сіяніи этого радостнаго весенняго дня. На душѣ Будаева лежало, однако, какое-то унылие.

Онъ чувствовалъ себя далекимъ путникомъ, игрою судьбы и обстоятельствъ заброшеннымъ въ невѣдомую страну съ новымъ для него пейзажемъ, въ которомъ было что-то декадентское, въ томъ смыслѣ этого слова, какъ его понимаетъ „большая публика“, предполагающая, что смыслъ декадентства заключается въ томъ, чтобы все было наоборотъ, какъ въ какомъ-нибудь фантастически-астрономическомъ романѣ, гдѣ люди похожи на полу-птицъ. полу-лягушекъ, висящихъ въ воздухѣ; гдѣ всѣ законы тяжести и равновѣсія нарушены; гдѣ долины имѣютъ странный пустынный видъ, а горы похожи на сахарныя головы.

Такъ и Будаеву, во время его длиннаго путешествія отъ границы Россіи до маленькой станціи, на которой ему надлежало выйти, все казалось чрезвычайно удивительнымъ и совершенно наоборотъ. Экспрессъ мчалъ его съ изумительной быстро-

той. Но съ границы это уже былъ не экспрессъ, а курьерскій поѣздъ, который спѣшилъ удивительно медленно, выжидалъ трехъ звонковъ, четырехъ свистковъ и еще чего-то на самыхъ, казалось бы, незначительныхъ станціяхъ; послѣ всѣхъ этихъ звуковъ онъ пускался очень неохотно въ путь, пыхтя, сопя и раскачиваясь, какъ бы дѣлая уступку нелѣпой прихоти пассажировъ; въ недостатокъ времени у нихъ онъ самымъ рѣшительнымъ и убѣжденнымъ образомъ не вѣрилъ.

Вспоминались Будаеву колоссальныя станціи-дворцы англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, вокзалы Франкфурта, Кёльна и другихъ городовъ, черезъ которые ему доводилось проѣзжать, и онъ сравнивалъ ихъ теперь съ русскими станціями, походившими на небольшія и невысокія казармы или на дешевыя загородныя дачи, неизбѣжнаго „бревенчатаго“ стиля, окрашенныя въ темно-кирпичный цвѣтъ.

И публика была въ вагонахъ особенная: каждый пассажиръ, точно тщедушный муравей, съ огромной ношей на спинѣ, тащилъ самъ, или при помощи носильщика, уйму чемодановъ, свертковъ, подушекъ и одѣялъ, загромождая чужія мѣста и заводя скандалы съ сосѣдями.

Будаевъ ѣхалъ въ отдѣльномъ купэ, но могъ все это видѣть своимъ наблюдательнымъ взглядомъ. Его англезированная душа возмущалась этой малой культурностью, этой невыработанной традиціей путешественника, этимъ отсутствіемъ туристскаго канона.

А поѣздъ шелъ черепашьимъ ходомъ; иногда останавливался тамъ, гдѣ не полагалось, потому что загоралась ось, — „кто-жъ ее знаетъ, анаѳему, почему“!

Будаевъ скучалъ; эти нелѣпые звонки, свистки и остановки раздражали его, и тогда скука нѣсколько проходила.

„Къ чему эта безпощадная трата времени? — думалъ онъ, иронически улыбаясь: — такъ расточать время можетъ только страшный богачъ, но Россія—вовсе не такой богачъ. Очевидно, здѣсь незнакомы съ поговоркой „время—деньги“, и никто никуда не спѣшитъ. Воображаю, что̀ думаетъ обо всемъ этомъ мой Джонъ, въ сосѣднемъ вагонѣ“...

На одной станціи курьерскій поѣздъ былъ задержанъ на полтора часа.

Долго не могли добиться причины.

Желчный начальникъ станціи раздраженно отмалчивался; оберъ-кондукторъ, на вопросъ о томъ, скоро ли двинется поѣздъ, весьма серьезно отвѣтилъ:

— Должно̀, что сегодня.

Одинъ пассажиръ принялъ это за шутку дурного тона и сталъ весьма нелитературно ругаться.

Оберъ-кондукторъ взглянулъ на него съ изумленіемъ.

— Я не шучу, а говорю серьезно, — заявилъ онъ. — На четвертой верстѣ товарный сошелъ съ рельсовъ. Вытребовали поѣздъ. Ежели поспѣютъ, то къ вечеру управятся. А пока путь несвободенъ. Не даютъ пути...

Все это онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто то, что̀ случилось, было такъ же естественно, какъ смѣна дня и ночи въ природѣ.

Да и публика находила все это естественнымъ, а если и волновалась, такъ больше отъ скуки и потому что вообще въ такихъ случаяхъ принято волноваться.

Будаевъ дивился и этому происшествію, и этому добродушію и спокойствію пассажировъ.

У нихъ, въ Англіи, это такая рѣдкость—неисправности въ желѣзнодорожномъ движеніи,—настоящее событіе, о которомъ пишутъ, говорятъ, волнуются. Здѣсь, очевидно, это—стихійное явленіе.

Онъ ходилъ вдоль вагона, по платформѣ и объяснилъ вышедшему изъ вагона Джону причину остановки.

Роли ихъ помѣнялись.

По переѣздѣ границы, Будаевъ долженъ былъ ухаживать за своимъ камердинеромъ, который, конечно, ни звука не зналъ по-русски, хотя и мало терялся во время этого длиннаго пути.

Какъ истый сынъ своей родины, Джонъ никогда нигдѣ не стѣснялся, ни отъ чего не приходилъ въ смущеніе и повидимому чувствовалъ себя прекрасно среди чужой ему публики и среди чужой страны.

Въ буфетахъ онъ указывалъ перстомъ на то, что̀ ему нужно; а если того, что̀ онъ хотѣлъ, не было, онъ пускалъ въ дѣло мимику. Его достаточно понимали.

Только однажды произошло недоразумѣніе.

Джону захотѣлось рыбы; а такъ какъ на столѣ ея не было среди блюдъ, то Джонъ сложилъ свои руки въ длину и оттопырилъ крайніе пальцы, что̀ должно было обозначать плавники, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлалъ руками плавательныя и нырятельныя движенія.

Буфетчикъ былъ очень занятъ спѣшнымъ удовлетвореніемъ со всѣхъ сторонъ выражаемыхъ ему оффиціантами желаній публики, и вникнувъ, мимоходомъ, въ мимику Джона, очевидно принялъ ее за оскорбительный символическій знакъ.

— Я тебѣ самъ такую штуку покажу, что ты отъ меня ку-

баремъ отлетишь!—сказалъ онъ и къ самому лицу Джона поднесъ свой кулакъ.—Я, братъ, тебѣ за твою фигу такую дулю поднесу, обезьянья ты морда!..

Джонъ ровно ничего не понялъ, но обидѣлся и отошелъ, не получивъ на этотъ разъ рыбы и удовлетворившись какой-то снѣдью, которая на станціонномъ языкѣ называлась „бифштексомъ“, а на пассажирскомъ—„подошвой“.

Джонъ очень изумился причинѣ остановки поѣзда и, расположившись на платформѣ въ почтительномъ отдаленіи отъ Будаева, сталъ молча наблюдать мѣстные нравы.

Онъ очень былъ удивленъ, когда по многочисленнымъ разговорамъ пассажировъ съ бабами понялъ, что бабы продаютъ молоко, но безъ „крынь“.

— Молоко возьми, а крыню отдай!—говорили бабы.

— Чудачки вы бабы!—отвѣчали пассажиры.—Вѣдь въ твоей „крынѣ“ бутылки двѣ молока, куда же я его дѣну? Въ карманъ налить, что-ли?

— Молоко бери, а крыню отдай, — уныло повторяла продавщица.

— Да я тебѣ за нее лучше деньги заплачу.

— Ни... крыню отдай!

Тогда пассажиръ отдавалъ крыню вмѣстѣ съ молокомъ и сердито махалъ руками, отходя прочь.

— Какъ же можно продавать жидкость безъ посуды? — не удержался Джонъ и спросилъ весьма почтительно у Будаева, который самъ заинтересовался этимъ обстоятельствомъ.

Но Будаевъ рѣшительно не могъ придти ни къ какому естественному объясненію и недоумѣвалъ.

— Смотрите, Джонъ,—вдругъ сказалъ онъ:—вотъ та̀къ, вѣроятно, можно купить молоко безъ посуды.

Какой-то толстый купецъ въ длиннополомъ сюртукѣ подошелъ въ это время къ бабѣ, которая нерѣшительно выпустила, наконецъ, крыню изъ своихъ рукъ и повторила:

— Молоко возьми, а крыню отдай.

— Ладно ужъ, слыхалъ,—отвѣтилъ купецъ, и, не долго думая, приложился къ кувшину губами.

Онъ не оторвался отъ кувшина, пока все содержимое не перешло въ его чрево.

Тогда онъ началъ отдуваться, отдалъ крыню и деньги бабѣ, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ прочь.

Джонъ пришелъ въ настоящій восторгъ.

— А-о!—воскликнулъ онъ.—О, yes! Теперь я понимаю. Но не всѣ могутъ сдѣлать это.

Остальныя бабы, поглядывая на счастливицу съ завистью, ушли съ полными крынями и съ разобиженнымъ видомъ.

Станція была маленькая.

Въ буфетѣ на стойкѣ лежало нѣсколько яицъ, черствый хлѣбъ, селедка и какія-то сласти.

Больше ничего съѣдобнаго не было; зато водки было сколько угодно.

Наконецъ, къ вечеру пустились въ путь.

Будаевъ съ Джономъ ѣхали потомъ по широкой проселочной дорогѣ, весьма плохо содержимой или, вѣрнѣе, вовсе не содержимой, чему Джонъ тоже не мало удивлялся.

Будаевъ совершенно не зналъ этихъ мѣстъ, какъ не зналъ ничего въ Россіи, кромѣ Москвы, да и ту весьма плохо.

Вокругъ пестрѣли полевые цвѣты, все больше желтенькіе и бѣленькіе. Кое-гдѣ блестѣла узкой лентой рѣчка; по дорогѣ попадались имъ истощенныя женщины, хилые мужики, истомленные зимней проголодью или отхожими промыслами, съ которыхъ они къ лѣту вернулись на землю, какъ настоящіе ея рабы, прикованные къ ней невидимыми цѣпями, какъ прикованы къ ней корнями кое-гдѣ попадавшіяся деревья.

И мужики, и деревья, не хотѣли умирать, потому что чувствовали, что не совершили еще всего, что̀ отъ нихъ требовала жизнь. Одни страдали отъ голода и неурожаевъ, другія—отъ бездождія и засухъ. Но и тѣ и другіе жили прикованные невѣдомой властью къ этой почвѣ.

VI.

Въ усадьбѣ всѣ были встревожены несвоевременнымъ прибытіемъ Будаева.

Онъ долженъ былъ, по разсчету, пріѣхать днемъ, но солнце уже начало заходить, а его еще не было.

Никто не зналъ объ опозданіи поѣзда, и Тормиловъ посылалъ на станцію нарочнаго, который и вернулся съ извѣстіемъ, что „машина стоитъ въ Лыковѣ, а когда будетъ—про то неизвѣстно“.

Поѣздъ, дѣйствительно, простоялъ въ Лыковѣ до вечера, какъ предсказывалъ кондукторъ, а потомъ поплелся дальше съ тою же черепашьей скоростью, какъ шелъ раньше, вовсе, повидимому, не желая нагонять запозданіе и ради этого, можетъ быть, тоже сойти съ рельсовъ.

Поэтому на станцію Будаевку прибыли около семи часовъ вечера, вмѣсто того, чтобы прибыть къ двѣнадцати.

Вѣра Дмитріевна чрезвычайно волновалась, удивлялась порой сама этому волненію, но уже считала невозможнымъ скрывать его.

И самъ Тормиловъ, какъ ни старался самъ отъ себя и отъ дочери скрыть свое волненіе, не могъ сдѣлать этого.

Въ послѣднюю минуту все оказалось не такъ, какъ желательно, а главное, за хлопотами, Вѣра не успѣла перебраться изъ своей комнаты въ главномъ зданіи усадебнаго дома во флигель.

А это было необходимо, потому что никто не зналъ, какую комнату выберетъ для себя хозяинъ; а комната Вѣры была очень хороша уже тѣмъ, что выходила прямо на террасу и въ садъ.

— Гдѣ же теперь?—растерянно спрашивала Вѣра у отца. —Теперь, все равно, не успѣть перенести все... Какъ же быть-то?

Тормиловъ пожурилъ ее.

— Надо было раньше подумать, Вѣра. Ну, да не бѣда, рѣшимъ по его пріѣздѣ. Къ ночи, во всякомъ случаѣ, успѣемъ. Ты только не волнуйся. Обѣдъ-то готовъ?

— Все сдѣлано. Хорошо, что послали нарочнаго, а то весь обѣдъ былъ бы испорченъ.

Какъ только выяснилось, что Будаевъ рѣшилъ пріѣхать въ деревню, Тормиловъ тотчасъ же послалъ Вѣру въ городъ, нанять лучшую кухарку; сами они обходились обыкновенно деревенской стряпухой, которую Вѣра по книжкамъ обучила готовить простой столъ.

И Вѣра, и Тормиловъ, уже дня три какъ ѣли пищу, приготовляемую городской кухаркой, которой оба остались очень довольны.

Экипажъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ, и все въ старомъ барскомъ домѣ заволновалось.

Тормиловъ, дѣлавшій видъ, что читалъ книгу, хотя его мысли были далеко отъ печатныхъ строкъ, тяжело вздохнулъ и, закрывъ книгу, бросился на встрѣчу прибывшему.

Вѣра послѣдовала за нимъ, думая съ какимъ-то несвойственнымъ ей и неожиданнымъ раздраженіемъ:

„Вотъ онъ, новый хозяинъ... зачѣмъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ“?!

Будаевъ поздоровался съ управляющимъ и его дочерью очень сердечно, и такъ какъ Вѣра ожидала отъ него еще меньшаго, то онъ ей понравился.

Своими свѣтлыми, нѣсколько холодноватыми глазами онъ скользнулъ по ней взоромъ, который на мгновеніе, какъ бы заинтересовавшись ея лицомъ, остановился на ней съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Будаевъ тотчасъ же попросилъ указать приготовленныя ему и Джону комнаты, сказалъ нѣсколько словъ по-англійски Джону и скрылся.

Тормиловъ вернулся къ дочери на террасу.

Они не знали, чтò предпринять, за что взяться и въ нерѣшительности ходили взадъ и впередъ.

— Онъ, кажется, очень милый! —неопредѣленно проговорила Вѣра, немного понизивъ голосъ, хотя никто ее услышать не могъ.

Тормиловъ сомнительно покачалъ головой.

— Тебѣ онъ не нравится, папà?

Тотъ пожалъ плечами.

— Право не знаю, милая. Я не привыкъ такъ, сразу, по лицу узнавать людей,—тоже почти шопотомъ отвѣтилъ онъ.— Въ немъ что-то не-русское... И мнѣ кажется, онъ начнетъ здѣсь мудрить на англійскій ладъ.

— Можетъ быть,—задумчиво проговорила она:—онъ получилъ англійское воспитаніе; онъ родился тамъ, въ Лондонѣ, и лишенъ былъ родины съ перваго дня жизни. По-моему, это большое несчастье, но развѣ это его вина? Да и мать его нельзя ни въ чемъ обвинять. Ей чужда была наша жизнь, ее нельзя же было заставить жить въ нашей деревнѣ. Одно меня смущаетъ...

— Чтò именно?—съ любопытствомъ спросилъ Тормиловъ, который считалъ дочь очень умною дѣвушкою и давно уже взялъ привычку прислушиваться къ ея мнѣніямъ.

— Да то, что онъ ни разу за эти долгіе годы не вспомнилъ о родной деревнѣ, не заглянулъ сюда, хотя бы изъ приличія или любопытства. Вѣдь здѣсь, на деревенскомъ кладбищѣ похороненъ его отецъ. Это—старое родовое имѣніе, а онъ ни разу не поинтересовался своей вотчиной.

— Я думаю, онъ недолго пробудетъ здѣсь и даже не останется на лѣто. Какъ только уладитъ дѣла, онъ навѣрное укатитъ къ себѣ.

— Развѣ дѣла можно такъ скоро устроить?

— И да, и нѣтъ. Можно все рѣшить въ общихъ чертахъ, а потомъ я могу дѣйствовать по довѣренности... Однако, чтò же мы ходимъ здѣсь? Я пойду къ себѣ, надо кое-что подготовить...

Они разошлись.

Часъ спустя, состоялся обѣдъ, къ которому Будаевъ пригласилъ управляющаго съ дочерью.

Будаевъ успѣлъ умыться, переодѣться въ свѣжее бѣлье и изящный англійскій лѣтній костюмъ.

Джонъ приготовилъ-было ему смокингъ, такъ какъ Будаевъ, по давно усвоеннымъ англійскимъ традиціямъ, всю свою жизнь обѣдалъ или во фракѣ, или въ смокингѣ, но здѣсь онъ рѣшилъ допустить эту вольность, несмотря даже на то, что ему предстояло обѣдать въ обществѣ дѣвушки.

Очутившись, послѣ долгаго и утомительнаго пути, въ своемъ родовомъ гнѣздѣ, онъ почувствовалъ, какъ странная атмосфера родныхъ полей, по которымъ онъ ѣхалъ сюда, родного воздуха, стараго барскаго дома постепенно охватываетъ его.

Никогда она не испытывалъ прежде такой истомы, которая овладѣла имъ теперь.

Разница между громаднымъ городомъ, съ его шумомъ и суетливою жизнью, и этой деревенской тишиной была ощутительна. Было бы просто дико, совершенно нелѣпо облачиться въ торжественный костюмъ five o'clock'овъ и парадныхъ обѣдовъ съ электрическимъ освѣщеніемъ, цвѣтами и декольтированными дамами.

Поэтому онъ съ улыбкой отрицательно покачалъ головой, увидя смокингъ, и потребовалъ отъ Джона лѣтній костюмъ.

Джонъ позволилъ себѣ осторожное замѣчаніе, которое можно было принять за напоминаніе.

— Кажется, съ сэромъ будетъ обѣдать молодая миссъ?

— О, yes!—отвѣтилъ Будаевъ,—но вы не смущайтесь, Джонъ. Здѣсь, кажется, все очень просто.

Онъ, однакоже, зналъ, что Джонъ, въ душѣ, не одобритъ такого нарушенія традицій своей чопорной родины и даже мысленно произнесетъ: „shoking“!

Но тѣмъ не менѣе настоялъ на своемъ.

Обѣдъ шелъ вяло; разговоръ не клеился, несмотря на то, что Будаевъ, какъ свѣтскій человѣкъ, старался его поддерживать. Но Тормиловъ и его дочь были молчаливы, чувствовали себя связанными.

— Я очень радъ,—сказалъ Будаевъ,—что, наконецъ, пріѣхалъ на родину. Странно это представить: имѣть родовое имѣнье и ни разу не быть въ немъ.

— Да, конечно...—произнесъ Тормиловъ.

— А вы долго разсчитываете пробыть здѣсь?—спросила Вѣра.

Этотъ вопросъ показался Тормилову не совсѣмъ деликатнымъ, и онъ взглядомъ заявилъ ей объ этомъ.

Вѣра сконфузилась.

— Ахъ, простите, можетъ быть мнѣ не слѣдовало объ этомъ спрашивать,—сказала она, покраснѣвъ.

— О, нѣтъ, отчего же?—поспѣшилъ ее выручить Будаевъ.—Нѣтъ, миссъ... простите,—улыбнулся онъ,—я забылъ освѣдомиться о вашемъ имени...

Ему сказали.

— Въ Россіи,—продолжалъ онъ,—ужасно неудобная манера называть всѣхъ по имени и отчеству. Мнѣ кажется, нужно имѣть для этого громадную память, когда вращаешься въ боль-

шомъ обществѣ. Между тѣмъ эта память могла бы быть упражняема на чемъ-нибудь болѣе полезномъ. Вы не находите? За границей все это гораздо проще.

— Нѣтъ, не нахожу,— отвѣтила Вѣра, и отецъ опять тревожно взглянулъ на нее.

— Нѣтъ? Почему же?

— Всѣ эти сэръ и миссъ, monsieur и madame — такъ безличны, такъ общи... Они не обязываютъ къ внимательному отношенію къ человѣку, съ которымъ говоришь. Имена индивидуальны... Мнѣ кажется, вдумчивѣе относишься къ человѣку, котораго нужно называть по имени, онъ является единицей, а не общей категоріей, которую называютъ monsieur или madame.

Будаевъ на минутку задумался, внимательно взглянулъ на нее и сказалъ:

— Въ вашихъ словахъ есть что-то для меня новое. Это интересно... Вы меня спрашивали, долго ли я здѣсь пробуду? Не думаю... Какъ только состоится эта продажа...

Вѣра невольно нахмурила брови, и онъ это замѣтилъ и замолчалъ.

Разговоръ опять упалъ, и нѣкоторое время всѣ ѣли молча.

Чувствуя неловкость, Будаевъ заговорилъ, обращаясь къ Тормилову, имя котораго онъ зналъ, потому что состоялъ съ нимъ въ перепискѣ.

— Дмитрій Александровичъ,—сказалъ онъ,—я передъ вами большой должникъ: вы управляли моимъ имѣньемъ, несли труды, въ то время какъ я о немъ не заботился.

— Да, я управлялъ имъ при вашемъ покойномъ батюшкѣ, Владиміръ Сергѣевичъ,—не зная, что̀ отвѣтить, сказалъ Тормиловъ.—Но вы нисколько мнѣ не обязаны...

— Вы были товарищемъ и другомъ моего отца...

— О, да! Мы очень любили другъ друга, но я занимался имѣньемъ столько же изъ дружбы, какъ и изъ необходимости имѣть средства къ существованію... И вотъ я всю жизнь прожилъ здѣсь, въ вашемъ родномъ гнѣздѣ; здѣсь родилась моя дочь, здѣсь схоронена моя жена. Я имѣлъ теплый уголъ и воспиталъ дочь. Кто же изъ насъ у кого въ долгу? Я оканчиваю уже жизнь. И вотъ это мое первое горе—простите, Владиміръ Сергѣевичъ, что я для перваго же знакомства позволяю себѣ говорить съ вами такъ откровенно...

— Ради Бога... пожалуйста... Но въ чемъ же ваше горе?

— Что мнѣ на старости лѣтъ придется разстаться съ этимъ гнѣздомъ.

Вѣра была въ восторгѣ, что отецъ ея задѣлъ эту животрепещущую тему, которая ее жгуче интересовала.

Жадно приготовилась она выслушать отвѣтъ Будаева.

Будаевъ поднялъ голову.

— Ахъ, это...—сказалъ онъ.—Да, дѣйствительно... вамъ это не должно быть пріятно. Но вамъ не о чемъ безпокоиться. Я, конечно, приму въ соображеніе ваши личные интересы, и вы не останетесь безъ... безъ дѣла.

— Я не о томъ,—смущенно отвѣтилъ Тормиловъ.—Дѣло у меня всегда найдется,—не безъ тайной гордости прибавилъ онъ.—Мнѣ просто жаль этой родовой усадьбы. Здѣсь жили ваши дѣды и отцы... Сколько поколѣній выростилъ этотъ старый домъ и этотъ еще болѣе старый садъ...

Теперь Тормиловъ побѣдилъ свое смущеніе.

Обыкновенно молчаливый и несловоохотливый отъ природы, онъ становился многорѣчивымъ, когда рѣчь заходила о Будаевкѣ, съ которой онъ сжился и сросся точно въ органическое цѣлое и смотрѣлъ на нее точно на свое родовое помѣстье.

— И вотъ,—продолжалъ онъ,—придетъ какой-нибудь Щеклѣевъ, домъ превратитъ въ огромный амбаръ для ссыпки зерна, садъ вырубитъ...

— Для чего?—удивленно спросилъ Будаевъ.

— А Богъ его знаетъ, для чего. Такая ужъ у нихъ у всѣхъ страсть все рубить! Можетъ быть, для того, чтобы устроить здѣсь какія-нибудь хозяйственныя постройки, я не знаю... Нѣтъ, конецъ Будаевкѣ!..

— Я васъ понимаю,—прервалъ его Будаевъ.—Люди привыкаютъ къ своимъ мѣстамъ. Я это чувствую по себѣ. Мнѣ, напримѣръ, все здѣсь чуждо и странно. Все, что я успѣлъ видѣть по дорогѣ...

Вѣра укоризненно на него посмотрѣла.

— Я ничѣмъ не связанъ съ этимъ мѣстомъ,—продолжалъ онъ,—и меня тянетъ обратно. Я даже такъ думаю, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать сюда, а сдѣлать все за-глаза. Но это вы вѣдь настояли, чтобы я непремѣнно пріѣхалъ.

— Безъ васъ невозможно было бы рѣшить многихъ вопросовъ.

— Я думаю, вы преувеличиваете. Я, все равно, мало понимаю во всемъ этомъ и не знаю ни мѣстныхъ порядковъ, ни здѣшнихъ обычаевъ. Я вамъ буду плохимъ помощникомъ.

Вѣра вслушивалась въ его рѣчь.

Онъ говорилъ отлично по-русски, и это какъ будто удивляло ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примиряло съ нимъ.

Иногда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, ей казалось, что онъ

запинался и какъ бы обдумывалъ оборотъ рѣчи, или переводилъ его съ мелькнувшей у него англійской мысли.

Но это случилось всего раза два въ теченіе вечера.

Незамѣтно она всматривалась въ его наружность.

Онъ былъ очень изященъ и строенъ, настоящій баринъ. И въ его манерахъ и низковатомъ, хорошо звучащемъ голосѣ было что-то барское.

Лицо его не отличалось мужественностью—черты его были мягки,—но въ особенности ее поразили его руки, нѣжныя, бѣлыя, какъ у женщины, съ длинными, тонкими пальцами и выхоленными ногтями.

Онъ носилъ англійскій проборъ до самаго затылка и его свѣтло-каштановые волосы слегка завивались широкими, волнистыми прядками.

Глаза его имѣли нѣсколько холодное, жестковатое выраженіе, а губы часто складывались въ улыбку, въ которой была какая-то скрытая иронія.

Въ его лицѣ было много привлекательности, какой-то привѣтливости и простоты, несмотря на кажущуюся съ перваго взгляда холодность обращенія.

— Итакъ,—проговорилъ Тормиловъ,—вы окончательно рѣшили продать Будаевку.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Отчего вы на меня смотрите съ такимъ удивленіемъ и укоромъ?—улыбнувшись, обратился онъ къ Вѣрѣ.

Вѣра смѣшалась.

Но, взглянувъ ему прямо въ глаза, она сразу почувствовала, что можетъ ему сказать правду.

Несмотря на тревожный взглядъ отца, она, все-таки, сказала:

— Да, Владиміръ Сергѣевичъ, я нѣсколько удивлена, это правда.

— У васъ очень выразительные глаза, и видите, я сразу угадалъ. Что̀ же васъ такъ удивляетъ?

Вѣра не старалась выбирать выраженій.

— Если позволите, я скажу вамъ откровенно. Меня удивляетъ та легкость, съ которой вы рѣшаетесь разстаться съ родовымъ имѣньемъ или съ роднымъ гнѣздомъ, какъ по старинному выражается папа̀.

Будаевъ улыбнулся.

— Вѣра Дмитріевна, я имѣю удовольствіе васъ знать только нѣсколько часовъ; вашего батюшку я знаю только по письмамъ; отца моего я вовсе не зналъ; никого здѣсь кругомъ не знаю. Будаевка—для меня совершенная неизвѣстность. Вся моя жизнь

протекла въ Англіи. Тамъ у меня собственность и служба. Я воспитанъ тамъ, я привыкъ къ тому строю и людямъ. Скажите сами: что̀ меня можетъ привязывать здѣсь?

Она сначала не нашлась, что̀ отвѣтить.

Но потомъ нерѣшительно проговорила:

— Но вѣдь вы русскій; русскій если не по воспитанію, то по крови...

— Моя мать была англичанкой.

— Да, я знаю. Но вы носите русское имя, вы служите Россіи, вы исповѣдуете нашу вѣру. Неужели человѣкъ можетъ такъ далеко уйти отъ родины, что онъ становится глухъ къ ея голосу?

Онъ опять улыбнулся своей загадочной, полу-насмѣшливой улыбкой.

— Мы когда-нибудь подробно поговоримъ объ этомъ, если позволите,—привѣтливо сказалъ онъ.—Позвольте также надѣяться, что ни вы, ни вашъ батюшка не лишите меня вашего общества, и мы будемъ завтракать и обѣдать вмѣстѣ.

— Благодарю васъ,—отвѣтила она, покраснѣвъ.

А Тормиловъ прибавилъ:

— Я только-что хотѣлъ сказать вамъ, Владиміръ Сергѣевичъ, по этому поводу, что мы васъ, можетъ быть, стѣсняемъ...

— О, нисколько, увѣряю васъ. Мнѣ было бы очень невесело, еслибы мнѣ пришлось здѣсь жить одному, безъ общества.

Вѣра вспомнила теперь порученіе.

— Ахъ,—сказала она,—я чуть не забыла: Скуридины просили меня передать вамъ, что очень рады были бы, еслибы вы ихъ посѣтили.

Лицо Будаева замѣтно оживилось.

— Скуридины?—переспросилъ онъ.

— Да, ихъ имѣнье въ семи верстахъ отсюда, онѣ наши сосѣди... ваши сосѣди,—поправилась Вѣра.

— Да, я знаю. Но развѣ онѣ здѣсь?

— Какъ же!

— Онѣ постоянно вѣдь живутъ за границей.

— Ихъ имѣнье стало давать меньше дохода, и онѣ рѣшили провести здѣсь это лѣто, чтобы узнать причину. Онѣ даже обращались къ папѣ, чтобы помочь имъ разобраться въ этомъ...

— Такъ онѣ здѣсь...—задумчиво проговорилъ онъ.—Обѣ?

— Да. Евгенія Львовна и Клавдія Егоровна.

— А Евгенія Львовна не скучаетъ здѣсь безъ автомобиля и бицикля?

— У нея здѣсь и то, и другое.

Будаевъ разсмѣялся.

— Ну! Это—другое дѣло. У нея всегда большія затѣи,—сказалъ онъ.—Не потому ли и имѣнье стало давать меньше доходности?—обратился онъ къ Тормилову.

— Я еще не занимался ихъ дѣломъ и достовѣрно ничего сказать не могу. Но я и самъ такъ подозрѣваю.

— Я непремѣнно у нихъ буду,—сказалъ Будаевъ.—И даже при первой возможности. Онѣ—милые люди. И Евгенія Львовна преинтересная дѣвушка.

— Вы находите?—вырвалось у Вѣры, и она почувствовала разочарованіе къ Будаеву.

— О, да... мы съ ней провели одинъ очень веселый сезонъ въ Лондонѣ. А вы... развѣ не находите?

— Кто? Я?.. Она очаровательна!—проговорила Вѣра и натянуто улыбнулась.

Обѣдъ кончился, какъ и начался, очень вяло.

Будаевъ извинился усталостью въ дорогѣ и, простившись съ своими собесѣдниками, удалился къ себѣ.

VII.

Утромъ Будаевъ пригласилъ къ себѣ Тормилова, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о продажѣ и придти къ какимъ-нибудь соглашеніямъ съ покупателемъ.

Но Тормиловъ не сразу приступилъ къ дѣлу.

— Чтобы рѣшить вопросъ о продажѣ,—сказалъ онъ,—нужно имѣть яркое представленіе о томъ, что̀ продаешь. Вы же, Владиміръ Сергѣевичъ, совершенно незнакомы съ вашимъ имѣньемъ. Кромѣ того, слѣдовало бы убѣдиться, въ какомъ состояніи оно находится, а для этого необходимо ознакомиться съ отчетомъ по управленію.

Будаевъ отрицательно покачалъ головой.

— Съ имѣньемъ я знакомъ по вашимъ длиннымъ и обстоятельнымъ отчетамъ, которые вы мнѣ присылали ежегодно; я его знаю, какъ свой домъ въ Лондонѣ и коттэджи въ его окрестностяхъ. И мнѣ совершенно не нужно провѣрять ваши отчеты и дѣйствія по управленію. Вы—не простой, наемный управляющій, а товарищъ моего отца, человѣкъ, которому онъ безусловно довѣрялъ. Зачѣмъ вы хотите сдѣлать меня недовѣрчивѣе отца, котораго я не зналъ, но о которомъ слышалъ, что онъ былъ очень дѣловымъ человѣкомъ.

— Это вѣрно. Онъ зналъ толкъ въ этихъ дѣлахъ.

— Вотъ видите.

— Благодарю васъ за довѣріе, Владиміръ Сергѣевичъ. Но позвольте мнѣ еще разъ, въ качествѣ ли управляющаго, или въ качествѣ друга вашего покойнаго батюшки, заявить вамъ, что продавать Будаевку было бы большой ошибкой. Можетъ быть, вы назовете это вмѣшательствомъ не въ свое дѣло, но я чувствую, что обязанъ это сдѣлать. Простите, я не знаю въ точности состоянія всего вашего имущества, но, насколько я знаю, вы не нуждаетесь въ деньгахъ, а въ особенности не нуждаетесь экстренно.

— Вы совершенно правы.

— Но въ такомъ случаѣ...

— Я вамъ объясню. Вотъ въ чемъ дѣло. Я не думаю возвращаться когда-нибудь въ Россію, чтобы здѣсь поселиться. Я прожилъ всю жизнь въ Англіи, частью въ Лондонѣ, частью въ шотландскомъ имѣньи моей матери. Нужно вамъ сказать, что на имѣньи этомъ лежатъ теперь большіе долги; я хочу очистить его отъ этихъ долговъ, все привести въ порядокъ, чтобы на старости лѣтъ имѣть убѣжище. Это—чудное, прекрасное, благоустроенное имѣнье въ горахъ, въ прекрасной мѣстности. Имѣнье это досталось матери уже обремененное долгами, да еще покойная матушка кое-что прибавила. Вотъ я и хочу Будаевку продать, а то имѣнье очистить.

— Такъ, — задумчиво проговорилъ Тормиловъ.—Я ничего не могу возразить вамъ по поводу самаго вашего рѣшенія. Это, конечно, дѣло хозяина. Но какъ управляющій и какъ... русскій,— съ особымъ удареніемъ подчеркнулъ онъ это слово,—я долженъ возразить съ вашего разрѣшенія.

— Пожалуйста!—улыбнувшись, сказалъ Будаевъ.

— Мнѣ жаль, что такое прекрасное имѣнье, родовое, барское, перейдетъ къ Щеклѣеву. Это разъ. Второе—то, что Щеклѣевъ откуда-то пронюхалъ, что вы, во что̀ бы то ни стало, хотите отдѣлаться отъ имѣнья, и сильно сжался. Онъ не даетъ хорошей цѣны и хочетъ пріобрѣсти его за безцѣнокъ.

— Развѣ нельзя поискать другого покупателя?

— Нѣтъ. И искать нечего. Щеклѣевъ у насъ единственный, который можетъ все-таки дать крупную сумму. Онъ вообще скупаетъ все, что̀ возможно въ уѣздѣ, да и въ губерніи. Остальное—мелочь. Изъ дворянъ—Колодищевъ, Вадимъ Степановичъ, да Скуридины—болѣе крупные землевладѣльцы; но Колодищевъ, хотя и очень богатый,—всецѣло поглощенъ своимъ имѣньемъ, въ которомъ заводитъ всевозможныя новшества и образцовое веденіе хозяйства, и не хочетъ разбрасываться и расширяться; а Скури-

дины сильно пошатнули свои дѣла и даже нуждаются теперь въ ссудѣ. У нихъ Богъ знаетъ что̀ дѣлалось въ имѣньи! Сами онѣ жили постоянно за границей, сюда никогда не показывались, а здѣсь шелъ настоящій грабежъ. Легко подорвать имѣнье и хозяйство, но очень трудно все вновь наладить, особливо не имѣя запаснаго капитала. Остальные помѣщики—мелочь, и имѣнья ихъ заложены и перезаложены. Многія даже будутъ продаваться за долги банку. Есть еще и третья причина, по которой не слѣдовало бы продавать Будаевку, по крайней мѣрѣ сейчасъ.

— А именно?

— Прошли слухи,—и весьма достовѣрные,—что въ двухъ верстахъ отсюда назначено мѣсто для станціи новой вѣтви желѣзной дороги. Тогда Будаевка возростетъ въ цѣнѣ сильно. За что̀ же, въ самомъ дѣлѣ, терять?

Онъ помолчалъ, тяжело перевелъ духъ, потому что не привыкъ такъ долго и такъ много говорить.

Но привязанность къ Будаевкѣ, которую онъ любилъ какъ свое дѣтище, а также слово, данное имъ дочери, отговорить „англичанина“ отъ его безумной затѣи, придали ему энергіи.

— Ради Бога, Владиміръ Сергѣевичъ,—вновь началъ онъ,—не подумайте, что я, говоря такъ, блюду свои интересы.

Будаевъ сдѣлалъ протестующій жестъ.

— Конечно, я очень привязанъ къ вашему имѣнью и мнѣ съ дочерью будетъ очень больно разстаться съ этими мѣстами и съ этимъ домомъ, но даю вамъ слово, что въ данную минуту я думаю только о вашихъ интересахъ и менѣе всего о своихъ.

Будаевъ сказалъ:

— Вамъ не къ чему говорить это. Я вамъ вполнѣ вѣрю.

— Мои интересы,—продолжалъ Тормиловъ,—мало пострадаютъ отъ того, что Будаевка будетъ продана. Меня зовутъ Скуридины. Я говорю, конечно, о матеріальныхъ интересахъ. Имѣнье Скуридиныхъ можно еще спасти и дѣла ихъ поправить,—конечно, если взяться за это немедленно. И онѣ предлагаютъ мнѣ хорошія условія. Такъ что мой личный интересъ былъ бы, напротивъ, въ немедленной продажѣ Будаевки. Потомъ, черезъ годъ, черезъ два, будетъ поздно—и у Скуридиныхъ мнѣ нечего будетъ дѣлать. Все это я говорю для доказательства...

Но Будаевъ давно уже порывался прервать его.

— Позвольте, Дмитрій Александровичъ,—сказалъ онъ.—Почему Скуридины? Я вовсе не думалъ, продавая Будаевку, лишаться вашихъ дружескихъ услугъ. Развѣ я не писалъ вамъ, что прошу принять въ свое завѣдываніе всѣ мои дѣла въ Англіи. У меня есть контора по управленію домомъ, коттэджемъ и шот-

ландскимъ имѣньемъ—и вы могли бы занять мѣсто главнаго управляющаго. Конечно, окладъ вознагражденія былъ бы мною значительно увеличенъ—и въ матеріальномъ смыслѣ вы только бы выиграли.

Тормиловъ рѣшительнымъ отрицательнымъ жестомъ отклонилъ это предложеніе.

— Сердечно благодарю васъ,—сказалъ онъ,—но это невозможно.

— Почему?

— Владиміръ Сергѣевичъ! Я уже немолодъ, чтобы начинать жизнь сызнова. Я не знаю ни языка, ни порядковъ, ни мѣстныхъ условій вашей родины—Англіи. Что̀ я тамъ буду дѣлать и какую могу принести пользу?

— Ахъ, да! Я забылъ, это чисто русскій взглядъ,—сказалъ Будаевъ, и какая-то нотка чуть замѣтнаго презрѣнія проскользнула въ его голосѣ. — У насъ надъ такими вопросами рѣшительно никто никогда не задумается. Да вы и сами знаете: на югѣ Россіи есть много англичанъ, не только управляющихъ дѣлами, но и организовавшихъ ихъ. Они ѣдутъ въ Россію, устроиваютъ заводы, ставятъ ихъ на широкую ногу, рѣшительно ничѣмъ не смущаются. Для нихъ главное—дѣло и его выгода. Все остальное—пустяки. Съ мѣстными условіями они знакомятся въ годъ—два, и могу васъ увѣрить—основательно; а языкъ изучаютъ и въ еще болѣе короткій срокъ. Такъ же поступаютъ бельгійцы и французы, когда ѣдутъ въ чужія страны. А вамъ даже организовывать ничего не пришлось бы, а только принять все готовое и устроенное въ свое завѣдываніе.

Тормиловъ молча выслушалъ эту длинную рѣчь.

— Все это такъ, — возразилъ онъ, наконецъ, — но я уже старъ для этого... и слишкомъ люблю Россію, чтобы разстаться съ нею. И потомъ—я не одинъ. У меня дочь, Владиміръ Сергѣевичъ. Оторвать ее отъ родной почвы... она никогда не согласится на это.

Будаевъ иронически улыбнулся.

— Да, да,—проговорилъ онъ,—я успѣлъ уже замѣтить, что Вѣра... Дмитріевна—большая патріотка и, кажется, страстная и убѣжденная. Но вѣдь это, можетъ быть, потому, что она ничего не видала, кромѣ Будаевки? Очень можетъ быть, что Лондонъ ей понравился бы больше Будаевки... Жалѣю, жалѣю отъ души, что эта комбинація не удастся. Мнѣ, все-таки, очень бы хотѣлось имѣть около себя вѣрнаго и уважаемаго человѣка, друга моего отца.

Онъ подумалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, вамъ не придется брать мѣста у чужихъ людей. Я не хочу и не могу допустить этого. Вы все ссылаетесь на вашу старость—тоже излюбленная манера русскихъ; у насъ стариками называются люди, приближающіеся къ восьмидесяти, а вамъ, я думаю, нѣтъ и шестидесяти лѣтъ. У насъ въ этомъ возрастѣ люди интенсивно работаютъ, у васъ—уже думаютъ объ отдыхѣ. Но вы, дѣйствительно, много работали и долго управляли нашимъ имѣньемъ, оказавъ большія услуги нашей семьѣ. Я думаю, что вы не лишите меня права быть вамъ признательнымъ и назначить вамъ пенсію, если мы продадимъ Будаевку.

— Я не хотѣлъ бы обидѣть васъ отказомъ, Владиміръ Сергѣевичъ,—но я предпочелъ бы работать. Я, дѣйствительно, не такъ еще старъ, какъ вы справедливо замѣтили. Но я вамъ очень признателенъ за ваше великодушіе.

— Это—не великодушіе, а долгъ, и притомъ долгъ пріятный. И вы даже не имѣете права отказываться. Но мы еще поговоримъ объ этомъ. Вотъ вы меня смутили этой желѣзной дорогой. Хотя я привыкъ не измѣнять своимъ рѣшеніямъ, но, съ другой стороны, было бы просто непрактично не выждать—и продать имѣнье за безцѣнокъ.

Лицо Тормилова стало расцвѣтать.

— Нельзя ли поговорить съ Щеклѣевымъ и поставить ему на видъ эту постройку станціи? Можетъ быть, онъ согласится прибавить?

Тормиловъ разсмѣялся.

— Вы, вѣроятно, судите по вашимъ покупателямъ? Ваши берутъ карандашъ, разсчитываютъ точно, и если дѣло выгодно и деньги позволяютъ, то покупаютъ или же, въ противномъ случаѣ, отказываются.

— Ну, да...

— У насъ не такъ. Наши покупатели, особливо такой, какъ Щеклѣевъ и ему подобные, никакихъ точныхъ разсчетовъ не признаютъ. Они играютъ на стороннихъ соображеніяхъ: на нуждѣ продавца, на всевозможныхъ побочныхъ обстоятельствахъ. Онъ отлично знаетъ, что̀ стòитъ Будаевка, но ежели ее можно купить за грошъ—отчего не купить. И Щеклѣевъ почему-то убѣжденъ, что вамъ деньги нужны чуть не въ два дня и что вамъ, во что̀ бы то ни стало, нужно отдѣлаться отъ имѣнья. И купить-то онъ хочетъ потому, что отлично знаетъ о предполагаемой станціи. А потомъ, когда это осуществится, онъ продастъ имѣнье въ пять разъ дороже. Такъ всѣ они дѣлаются милліонерами, а наше дворянство—нищими. Кто же виноватъ?..

Будаевъ задумался, ничего не отвѣтивъ.

Тормиловъ, пользуясь этимъ молчаніемъ, началъ читать ему отчетъ по управленію, который Будаевъ слушалъ разсѣянно, а можетъ быть и вовсе не слушалъ.

Тормиловъ, изрѣдка взглядывая на него, внутренно удивлялся и старался рѣшить задачу: что̀ за человѣкъ этотъ странный помѣщикъ; съ одной стороны—чисто англійскій умъ, здраво, просто, трезво и практически смотрящій на вещи и даже гордящійся этимъ дѣловымъ взглядомъ; съ другой—типичный русскій баричъ, легкомысленно относящійся къ своему добру, совершенно не интересующійся тѣмъ, что̀ безъ него дѣлалось въ имѣньи.

Отчетъ онъ читалъ долго, пока не явился Джонъ и не пригласилъ ихъ къ завтраку.

Джонъ былъ чисто одѣтъ и выбритъ. Онъ былъ небольшого роста и очень худъ, такъ что скорѣе походилъ на камердинера, и дѣйствительно, онъ состоялъ исключительно при баринѣ, а за столомъ служилъ Петръ, давнишній лакей Тормилова.

Джонъ ѣлъ въ буфетной, вмѣстѣ съ Петромъ и остальной прислугой. Онъ былъ очень неразговорчивъ и молчаливъ, и его раздражало, что эти русскіе оглядываютъ его, какъ какого-нибудь рѣдкаго звѣря въ зоологическомъ саду.

Но уже Будаевъ успѣлъ сообщить ему, со словъ Тормилова, что у Скуридиныхъ есть горничная англичанка, и Джонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда ему удастся повидаться съ землячкой и подѣлиться съ ней впечатлѣніями.

Тормиловъ и Будаевъ встали.

Управляющій сказалъ:

— Владиміръ Сергѣевичъ, я забылъ доложить вамъ: вчера не успѣли освободить комнату, которую занимала Вѣра. Комната очень удобна и хорошо расположена; она выходитъ прямо на террасу и въ садъ.

— Да... такъ что̀ же?

— Сегодня мы ее освободимъ. Вѣра перейдетъ во флигель.

— Зачѣмъ?—спросилъ Будаевъ.

— Можетъ быть, вы возьмете ея комнату? Она вамъ, навѣрное, понравится.

— Нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого. Прошу васъ. Вообще, я не хотѣлъ бы вносить никакого нарушенія порядка въ вашъ режимъ. Ничего не перемѣняйте и не стѣсняйтесь въ вашихъ привычкахъ. Что̀ бы то ни было, я не останусь здѣсь долго. Да у меня и отпускъ всего на два мѣсяца, а я еще хочу побывать въ Парижѣ передъ возвращеніемъ въ Лондонъ. И моя комната мнѣ очень нравится. И спальня, и вообще весь тотъ уголъ дома.

VIII.

Послѣ завтрака, Будаевъ, уступая настояніямъ Тормилова, рѣшилъ отправиться осмотрѣть имѣнье, по крайней мѣрѣ въ его главныхъ чертахъ.

Былъ поданъ экипажъ—очень удобный и помѣстительный тарантасъ.

Будаевъ сказалъ Вѣрѣ:

— Вы не откажетесь сопутствовать намъ? Мнѣ было бы очень пріятно, еслибы вы мнѣ показали мою Будаевку вмѣстѣ съ вашимъ батюшкой. Вы вѣдь такъ любите это имѣнье, и оно, къ тому же, ваша родина.

— Съ удовольствіемъ, — просто отвѣтила она. — Это такое наслажденіе ѣздить по этимъ чуднымъ мѣстамъ.

— Есть развѣ красивыя мѣста?—спросилъ онъ.

— Дивныя!—восторженно подтвердила она.

Будаевъ и Вѣра сѣли рядомъ, Тормиловъ—напротивъ, и экипажъ двинулся въ путь.

Вѣра на этотъ разъ не чувствовала никакого стѣсненія, и ей даже казалось, что она давно знакома съ Будаевымъ.

И въ его тонѣ было какъ будто больше простоты и искренности, чѣмъ наканунѣ.

Поэтому разговоръ завязался быстро и не прекращался во все время объѣзда.

По обѣимъ сторонамъ дороги шли безконечныя поля, свѣтлоизумруднаго цвѣта, точно покрытыя дорогимъ плюшевымъ ковромъ.

На горизонтѣ синѣли лѣса, и нѣжно-голубое небо опрокинулось надъ этой безпредѣльной далью.

День обѣщалъ быть жаркій, а свѣтлыя облака, скапливавшіяся на нѣкоторыхъ участкахъ неба, обѣщали дождь или легкую грозу, по замѣчанію Вѣры.

— Настоящей грозы, конечно, не будетъ, еще рано, хотя въ нашихъ краяхъ онѣ случаются и въ это время года. Но дождь къ вечеру, пожалуй, будетъ.

Встрѣчались мужики, привѣтливо и учтиво кланявшіеся Вѣрѣ и Тормилову и съ любопытствомъ оглядывавшіе Будаева.

Нѣкоторые даже останавливались или, пройдя мимо, оборачивались, какъ будто видѣли нѣчто необыкновенное.

Они шли изъ села, бѣлая церковь котораго виднѣлась вдали, между двумя покатостями, образовывавшими ложбину.

— Это и есть село Будаевка,—сказалъ Тормиловъ.

У одной межи, отдѣлявшей крестьянскую землю отъ помѣщичьей, экипажъ остановился, и всѣ изъ него вышли.

Проходившіе два мужика стали и съ наивнымъ добродушіемъ слушали барскія рѣчи.

Вѣра ласково съ ними поздоровалась и спросила у одного, какъ здоровье его жены.

— Животомъ мается,—сказалъ онъ:—и не разберешь—тяжела стала, что-ли, или надорвамшись.

— А ты бы къ доктору ее сводилъ,—сказала Вѣра.

— Это—къ Вавакѣ-то?

— Ну, да, къ нему.

— Не...—сказалъ мужикъ.—Не поведу. У насъ и безъ его выпользуютъ.

— Отчего же не хочешь къ нему?—спросила она.

— А для ча? Три дня ходи—николи не поймать. Все одно, что вѣтеръ по пашнѣ ловить.

— Ну, хочешь, я ему скажу, когда будетъ на селѣ, чтобы побывалъ.

— А скажи, пожалуй,—равнодушно отвѣтилъ онъ.

Другой мужиченко, ледащій и худой, съ жалкой, встрепанной бороденкой, безучастно слушалъ этотъ разговоръ и какъ-то безпомощно-слезливо мигалъ глазами.

— Вотъ у Терентья жена болѣетъ,—сказала Вѣра,—а у тебя какъ, все благополучно?

— У меня-то?—торопливо произнесъ онъ.—А ничего, слава те, Христосъ, у меня-то. Кормы плохи,—неожиданно прибавилъ онъ, суетливо завозившись на мѣстѣ,—плохи кормы. Подобралась пищія-то, значитъ, пищія подобралась. А то—ничего, слава-те, Христосъ. Почитай-что жевать нечего. Скотина дохнетъ, али что... Опять же червь.

— Какой червь?

— А червь. Божій червь, стало быть. Такъ полагаю, всѣ кормы пожретъ, червь-то. Голодовка будетъ отъ червя-то. Всѣ, скажемъ, наши поля—въ червѣ. Оно точно, что Божій онъ, червь-то, а истинно—пожретъ все до чиста. Въ ёмъ, стало быть, башка да брюхо. А окромѣ эвтого ничего и нѣту, въ червѣ-то. А то—ничего, слава-те, Христосъ, все благополучно.

— Вы бы извели червя-то,—растерянно посовѣтовала она, сама сознавая, что совѣтуетъ нѣчто неисполнимое.

— Кого это? Червя-то? Не извести червя. Какъ это можно, чтобы червя извести. Онъ—отъ Бога. Коли Господь послалъ его намъ и наказалъ ему: „жри“—ёнъ и жретъ. А мы что? Мы ничего—на все Его воля.

— А у насъ, въ экономіи, нѣту. Вы сами виноваты,—дѣловитымъ, хозяйскимъ тономъ говорила Вѣра.—Запускаете, не слѣдите. Отчего его у насъ нѣтъ? Кажется, земли наши близко.

— Червя-то нѣтъ? Извѣстно отчего,—самоувѣренно проговорилъ мужиченко и заёрзалъ на мѣстѣ.

— Вотъ какъ! Отчего же?

— Стало быть, Господь не указалъ. Не указалъ Господь. Ступай, г-гритъ, жри на мужицкой земли, а економію обойди. Онъ и обходитъ. А еще другая, поди, причина есть.

— Какая?

— Про то Господу извѣстно. А мы не извѣстны. Какъ это можно, чтобы мы Господню волю знали? Намъ не открыто. Не открыто, сказываю, намъ. Вотъ чтò!

— Пустое мелешь, дядя Митрій, — остановилъ его Терентій:—какъ это можно, чтобы Богъ послалъ червя мужикамъ, а помѣщика обошелъ? Для Бога всѣ, чай, одинаковы. Тутъ другая причина, въ земной утробѣ.

— Э?—удивленно проговорилъ дядя Митрій.—А какая жъ такая причина?

— Не иначе, что наша земля истощимши, а господская отдыхаетъ. Подъ паромъ отдыхаетъ. Сначала родитъ, а потомъ ей отдыхъ. А наша—безъ отдыху, вотъ на ней всякая нечисть и водится. Тля, ежели правильно сказать. Все одно какъ на человѣкѣ, который ежели изможденъ.

— Эге,—проговорилъ Митрій, которому это объясненіе, повидимому, понравилось.—Може оно и такъ, а только намъ неизвѣстно. Неизвѣстны мы, вотъ чтò! Може оно и такъ. А только коли весенній червь—пропадемъ съ голоду. Нàчисто, всѣ какъ есть.

— А вы бы земству о червѣ-то заявили,—опять посовѣтовала Вѣра.

— Земству-то? А нѣшто земство противъ Господа можетъ? Супротивъ мужика оно, точно, большую силу имѣетъ,—заявилъ Митрій.—А супротивъ Господа гдѣ жъ ему управиться, земству-то? Никакъ это невозможно.

Вѣра пожала плечами.

Къ нимъ подошелъ третій мужикъ, въ лицѣ котораго явно было видно озлобленіе. Онъ ни съ кѣмъ не поздоровался, никому не поклонился, угрюмо взглянувъ на Вѣру и на своихъ односельчанъ.

Когда же онъ увидѣлъ стоявшаго невдалекѣ Будаева и Тормилова, лицо его приняло суровое и презрительное выраженіе.

— Здравствуй, Трофимъ Сула!—привѣтливо сказала ему Вѣра.

Но онъ не отвѣтилъ ей на привѣтствіе.

Будаевъ, давно прислушивавшійся къ разговору Вѣры съ мужиками, съ удивленіемъ глядѣлъ теперь на Трофима Сулу и придумывалъ подходящее объясненіе его странному поведенію.

И по его вопросительному взгляду видно было, что онъ рѣшительно ничего не понималъ.

Сула угрюмо, уныло, тупо уставился въ землю и сказалъ своимъ сельчанамъ:

— Чего зря-то языки распустили? Пустое трезвоните. Земля рожаетъ, червь отъ Господа,—передразнилъ онъ ихъ обоихъ по очереди.—И ничего не отъ рожденія и не отъ Господа. А какъ мы есть мужики, такъ намъ—червь. А какъ они помѣщики—имъ хлѣбъ. Отъ несправедливости это, болѣе ни отъ чего.

Никому не поклонившись, онъ съ тѣмъ же злобнымъ, независимымъ видомъ, съ какимъ пришелъ, и ушелъ.

Будаевъ проводилъ его долгимъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилось недоброе чувство.

Вѣра подмѣтила этотъ недобрый огонекъ и еще подмѣтила, что онъ вообще смотритъ на мужиковъ съ какимъ-то брезгливымъ чувствомъ.

Сердце ея сжалось, ей сдѣлалось за него больно.

Она захотѣла разъяснить Будаеву этого загадочнаго человѣка и сказала ему:

— Вы смотрите на него съ такимъ недоумѣніемъ...

— Мнѣ не встрѣчались до сихъ поръ такіе странные люди,—пожавъ плечами, отвѣтилъ онъ.

— Да, если хотите, онъ страненъ. Но онъ—сынъ своего народа, а народъ этотъ загадоченъ и страненъ, въ особенности...

Она замялась, потому что почувствовала, что готовится сказать неловкость.

— Въ особенности,—повторилъ Будаевъ.

И она рѣшилась:

— Въ особенности для иностранца, то-есть, я хотѣла сказать—для чужого, для непосвященнаго.

Онъ усмѣхнулся.

— Ахъ, я читалъ много объ этомъ,—насмѣшливо проговорилъ онъ:—святая Русь, мужичокъ—не мужикъ, а мужичокъ, непремѣнно,—народъ-сфинксъ, великій молчальникъ и прочее. Весь арсеналъ загадочныхъ и слащавыхъ словъ... Неужели это до сихъ поръ продолжается?—съ тѣмъ же брезгливымъ оттѣнкомъ докончилъ онъ.

Она смотрѣла на него испуганно, жалостливо.

„Такъ вотъ онъ какой!“—мелькало у нея въ умѣ.

— Отчего не говорятъ про себя англичане: святая Великобританія? фермерчикъ—вмѣсто фермеръ и тому подобное? Потому что это было бы смѣшно и... глупо. Приторная слащавость идетъ всегда рядомъ съ безсиліемъ, безволіемъ. Почему государство, народъ могутъ быть святыми, когда оба могутъ совершать много преступленій и мерзостей? Почему мужичокъ, а не мужикъ? Почему именно сфинксъ? Это скучно, и я всегда зѣвалъ, когда мнѣ доводилось читать эти народническія фальшивыя книжки. Но я, кажется, васъ обидѣлъ? У васъ такой обиженный и печальный видъ...

Она не сразу отвѣтила, собираясь съ духомъ.

— Если хотите, да,—наконецъ, сказала она, почувствовавъ свободу, потому что отецъ ея ушелъ далеко отъ нихъ въ поле.

. Они медленно пошли за нимъ.

Онъ видимо скучалъ и шелъ медленно, сбивая палкой попадавшіяся ему травки.

— Да, — продолжала она, — мнѣ обидно это слышать. Я люблю Россію, люблю этотъ народъ. Больно, когда обижаютъ любимое. Надо сердцемъ понять этотъ народъ...

— Почему именно сердцемъ? —перебилъ онъ ее.—Почему всѣ другіе народы постигаются умомъ, а нашъ—сердцемъ?

— Я не знаю...—не нашлась она.—Вѣроятно, потому, что другіе народы не такъ обездолены. Да и вообще, я думаю, любить можно сердцемъ, а не умомъ. Вотъ Трофимъ Сула... онъ грубъ, мраченъ, суровъ, это правда. Онъ производитъ несимпатичное впечатлѣніе, но сила его душевная велика. На него обрушилось величайшее горе, но онъ не упалъ, не спился, онъ стоитъ по прежнему крѣпокъ и могучъ, какъ дубъ.

— Какое несчастье?

— Его сына убила въ экономіи Колодищева паровая машина. Жена его умерла отъ тифа, который ходилъ здѣсь годъ тому назадъ. Онъ остался бобылемъ. Онъ былъ крѣпкій мужикъ —и несчастье это не подкосило его. „На все Божья воля“— вотъ девизъ ихъ всѣхъ. Ныньче, за недоимки, продали его избу. Понятно, онъ ненавидитъ и паровыя машины, и помѣщиковъ, которые ихъ заводятъ, и становыхъ...

— Скудость ума!—сказалъ Будаевъ.—Неумѣнье разобраться въ явленіяхъ жизни. При чемъ же тутъ машины и помѣщики? Несчастный случай—не больше, и притомъ самый обыкновенный.

— Чтобы такъ разсуждать, надо быть развитымъ человѣкомъ. Откуда же имъ взять это развитіе?

— Вотъ народники лучше бы и развивали ихъ, чѣмъ бить передъ ними земные поклоны.

— Никакое ученье не пойдетъ на голодное брюхо,—рѣзко и грубовато сказала она.—Сначала надо накормить человѣка, а потомъ учить его.

Они замолчали.

— Этотъ Сула, кажется, вамъ очень по душѣ? — спросилъ Будаевъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Очень. Я люблю его и уважаю за твердость его духа.

— Этого мужика?—проговорилъ Будаевъ.—Вы возводите его въ герои?

Въ его вопросѣ былъ презрительный тонъ.

Глаза ея сверкнули, и она твердо отвѣтила:

— Да, этого мужика. У него могли бы поучиться многіе наши интеллигенты. Когда я была маленькой и упала въ воду подъ мельничное колесо, онъ спасъ меня съ опасностью жизни. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ, и я этого никогда не забуду. То-есть, того самозабвенія, той святой простоты, съ которою онъ это сдѣлалъ. Отецъ разсказывалъ, какъ онъ дико на него посмотрѣлъ, когда онъ ему предложилъ вознагражденіе за подвигъ. „Свѣчу поставь въ храмѣ, а мнѣ ничего не надо за ея душу",—сказалъ онъ, и въ этихъ словахъ—все его величіе.

Они подошли къ Тормилову.

Управляющій сталъ объяснять Будаеву систему хозяйства, которую онъ завелъ на этихъ поляхъ, но Будаевъ слушалъ молча, разсѣянно, скучая и видимо ничего не понимая. Онъ имѣлъ видъ настоящаго городского жителя, никогда не выѣзжавшаго изъ каменныхъ улицъ и не умѣвшаго отличить колоса ржи отъ тимоѳеевой травы.

Въ концѣ концовъ, Тормиловъ сконфуженно умолкъ, и всѣ отправились къ экипажу, чтобы продолжать путь.

Митрій и Терентій все еще стояли у межи и теперь разсматривали съ видимымъ наслажденіемъ экипажъ.

Они щупали колеса, постукивали пальцами по кузову и вздыхали.

— Знатная штука!—восклицали они по очереди.

— Хату продай, поди и тѣмъ не укупишь. Нѣтъ, не укупишь!—вздыхалъ Митрій.

— Гдѣ ужъ?—подтвердилъ Терентій.

Увидя господъ, оба, ни слова не прибавивъ, повернули къ селу и пошли.

Теперь экипажъ везъ ихъ къ лѣсу.

Всѣ молчали, чувствуя какую-то неловкость, несвободу.

Тормиловъ ясно видѣлъ, что ничѣмъ не заинтересуетъ по-

мѣщика, который, очевидно, твердо рѣшилъ рано или поздно разстаться съ Будаевкой, несмотря ни на какіе доводы.

Все равно, если это не случится сейчасъ, то случится позже, черезъ годъ.

Это его искренно огорчало. Онъ никакъ не могъ себѣ представить, что ему придется навсегда покипуть это излюбленное старое гнѣздо.

Вѣра чувствовала разочарованіе и неловкость. Судя по вчерашнему, Будаевъ рисовался ей прекраснымъ, простымъ, даже душевнымъ человѣкомъ — такъ говорилъ онъ съ ней искренно просто, любезно. Сегодня онъ казался уже ей черствымъ эгоистомъ, напускающимъ на себя простоту, какъ манеру свѣтскаго человѣка.

Будаевъ приглядывался къ обоимъ, и ихъ то угрюмый, то блаженный, при видѣ полей и рощъ, видъ нѣсколько раздражалъ его.

Но такъ какъ молчать всю дорогу было неловко, то онъ заговорилъ:

— Не сердитесь на меня, Вѣра Дмитріевна...

Тормиловъ съ испугомъ взглянулъ на дочь.

„Опять что-нибудь наговорила!—подумалъ онъ:—вѣдь этакая у нея горячая голова".

— За что?—удивилась она.

Будаевъ шутливо обратился къ ея отцу:

— Я непочтительно отнесся къ любимцу Вѣры Дмитріевны.

— Къ Трофиму Сулѣ,—пояснила она отцу, улыбнувшись и готовая уже все простить Будаеву.

— Грубый мужикъ!—проговорилъ Тормиловъ, не зная, чью сторону взять.

Она вспыхнула.

— Зачѣмъ ты говоришь такъ?—рѣзко сказала она.—Зачѣмъ ты неискрененъ? Вѣдь ты самъ его очень любишь?

Тормиловъ смутился.

— Ну, да... положимъ. Но это не мѣшаетъ ему быть грубымъ и дерзкимъ.

— Вѣра Дмитріевна,—съ своей обычной усмѣшкой началъ Будаевъ, и невозможно было понять говоритъ онъ искренно или съ ироніей: — вы отличаетесь, какъ я вижу, нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ. Можно любить человѣка и сознавать его недостатки. Не правда ли? И можно не любить того, что̀ вы любите, и быть все-таки „хорошимъ" человѣкомъ? Или нельзя?

— Конечно можно,—сказала она. — Но нельзя не любить родины и свой народъ. Нельзя!—съ убѣжденіемъ подтвердила она.

Тормиловъ незамѣтно тронулъ ногой ея ногу.

„Да угомонись ты, ради Бога!“—досадливо подумалъ онъ.

— Свою родину! свой народъ!—повторилъ Будаевъ.—Полноте, пожалуйста. Все это — слова. И слова, которыя меньше всего относятся ко мнѣ.

— Но вѣдь вы же русскій, русскій! — съ возмущеніемъ вскрикнула она.

— Право, не знаю,—тихо отвѣтилъ Будаевъ, и Вѣрѣ почудилось, что въ его голосѣ проскользнула, крадучись, грустная нотка.—Отецъ мой русскій, я—православный, это вѣрно. Но я человѣкъ безъ отечества. Я такъ же говорю по-англійски, какъ по-русски; ни въ православную, ни въ англиканскую церковь я не хожу, къ этому я позорно равнодушенъ. Но воскресенья соблюдаю по-англійски, свято. И вообще у меня привычки англійскія, которыя перешли ко мнѣ отъ матери-англичанки. Вы знаете, въ Лондонѣ, въ Сити, есть церковь Baw-Bells Church... Кто родится въ домѣ, въ которомъ слышится звонъ колокола этой церкви, только тотъ считается у англичанъ истымъ, настоящимъ, прирожденнымъ лондонцемъ. Я родился именно подъ звуки этого колокола, въ Сити, гдѣ у матери моей былъ домъ. Такъ какой же я русскій? Но иногда... признаніе это, мнѣ кажется, понравится вамъ...—шутливо произнесъ онъ, — мнѣ вдругъ дѣлается невыносимо тоскливо въ Лондонѣ, и мнѣ противны дѣлаются эти Picadilly, Regent-Street'ы и народъ, который по нимъ ходитъ. Какая-то тоска овладѣваетъ мною и меня куда-то тянетъ.

— Это голосъ отчизны просыпается въ вашей душѣ,— серьезно сказала она.

— Вы имѣете склонность къ поэзіи,—неопредѣленно проговорилъ Будаевъ и продолжалъ, тоже въ серьезномъ тонѣ:— Можетъ быть. И мнѣ кажется, что это было однимъ изъ стимуловъ, который побудилъ меня, наконецъ, сдаться на увѣщанія Дмитрія Александровича и пріѣхать сюда. Ну и что̀ же? Я здѣсь чувствую тоску по Лондону, по Европѣ. Мнѣ все здѣсь чуждо и странно, и мало симпатично, по крайней мѣрѣ за эти два дня, что я здѣсь и за эту почти недѣлю, что я въ Россіи.

Онъ почувствовалъ неловкость и сейчасъ же поправился.

— Еслибы я не встрѣтилъ такихъ милыхъ людей, какъ вы и вашъ батюшка, я, кажется, завтра уѣхалъ бы отсюда.

Вѣра благодарно ему улыбнулась, Тормиловъ смущенно пробормоталъ что-то.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Будаевъ,—не требуйте отъ меня какой-то пылкой любви къ Россіи, которая мнѣ чужда, непонятна, далека отъ меня. Да еще такъ, вдругъ, сразу!.. Дайте привыкнуть.

Я—международный человѣкъ, признаю—типъ самый несимпатичный для нашего времени, но типъ будущаго. Я человѣкъ безъ родины. Я думаю, впрочемъ, что въ будущемъ всѣ будутъ международны,—о, въ далекомъ будущемъ, конечно, и самыя понятія о патріотизмѣ исчезнутъ съ лица земли.

— Когда это будетъ?—съ недоумѣніемъ спросила Вѣра, которая до сихъ поръ никогда не слыхала такихъ рѣчей и которой показалось въ нихъ что-то новое и интересное.

— Я не знаю,—отвѣтилъ онъ.—По всей вѣроятности, когда не будетъ „ни эллинъ, ни іудей“, ни язычникъ, а можетъ быть тогда, когда всѣ люди будутъ братья, какъ училъ Христосъ и желалъ этого.

— Не знаю,—вдумчиво взглянувъ на Будаева, сказала Вѣра, и ему въ эту минуту очень понравились ея глаза. — Можетъ быть, вы и правы, а я не права, но когда еще это будетъ! А пока... человѣкъ безъ родины мнѣ кажется страннымъ явленіемъ... страннымъ и страшнымъ... какъ человѣкъ безъ тѣни! Знаете вы эту сказку?

Онъ засмѣялся, и въ его смѣхѣ было что-то холодное, жестокое.

— Знаю,—сказалъ онъ.—Я говорю, что вы поэтъ. У васъ все такія поэтическія сравненія. Позвольте и мнѣ вступить на этотъ путь. Я „человѣкъ безъ тѣни“,—пусть. А вы знаете, кого вы мнѣ напоминаете?

— Кого?

— У насъ, въ Лондонѣ, на „Empire-театрѣ“ давали балетъ „Коппелія, или дѣвушка съ эмалевыми глазами“. Вотъ вы напоминаете мнѣ дѣвушку съ эмалевыми глазами. У васъ такіе загадочные глаза. Въ нихъ свѣтилась жизнь только когда старикъ Коппеліусъ гипнотизировалъ ихъ. Въ вашихъ глазахъ вспыхиваетъ жизнь, когда вы говорите о Россіи и „мужичкахъ“. Россія—вашъ Коппеліусъ. Въ остальное время глаза ваши точно покрыты непроницаемой эмалью. Я готовъ найти въ вашихъ глазахъ загадочность, но не заставляйте меня находить эту загадочность въ вашихъ „мужичкахъ“. Вы видите,—во мнѣ говоритъ славянская кровь...

— Почему?

— Какъ только я попалъ въ загадочную страну, я заговорилъ о загадочности и готовъ ее видѣть тамъ, гдѣ, можетъ быть, ея и нѣтъ на самомъ дѣлѣ...

Вѣра насупилась.

Ей вдругъ не понравился этотъ игривый тонъ Будаева, который, по ея мнѣнію, не шелъ къ нему и котораго она отъ него не ожидала.

— Здѣсь есть нѣкто гораздо болѣе похожій на дѣвушку съ эмалевыми глазами,—суховато сказала она.

— Да? — удивляясь перемѣнѣ ея настроенія, спросилъ Будаевъ.—Кто же это?

— Евгенія Львовна Скуридина.

— Ахъ, Женя Скуридина...

„Почему *Женя?*" — подумала Вѣра, но ничего не сказала.

— Почему же она похожа на дѣвушку съ эмалевыми глазами?

— Потому что Коппелія была вѣдь, кажется, куклой?

Наступило неловкое молчаніе.

Тормиловъ возмутился и злобно уставился на дочь.

Будаевъ замолчалъ и не оправдывался въ своемъ неудачномъ сравненіи. Вѣра сама нашла свою выходку рѣзкой и неумѣстной.

Удивительно, какъ она не умѣла говорить съ этимъ человѣкомъ! Они знакомы всего два дня, а уже нѣсколько разъ у нихъ выходили неловкія столкновенія.

Смутно сознавала она свою безпомощность, свое неумѣнье держать себя съ свѣтскими людьми.

Вѣдь въ его сравненіи ея съ куклой, конечно, не было и не могло быть ничего оскорбительнаго. Напротивъ, онъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что она—красавица.

Но она привыкла къ ординарнымъ разговорамъ Вавакина, Крыжова и другихъ, къ рѣзкимъ выходкамъ Сазанова, къ рѣчамъ крестьянъ.

Откуда ей взять этотъ легкій тонъ безцѣльной и свѣтской болтовни, въ которой полагается говорить вовсе не то, что̀ думаешь, а все, что̀ подвернется на языкъ, лишь бы это было красиво и не тяжеловѣсно?..

Экипажъ остановился у опушки лѣса, и всѣ вышли изъ тарантаса.

Тормиловъ сталъ опять объяснять Будаеву свои хозяйственныя соображенія: сколько десятинъ занимаетъ лѣсъ, какихъ породъ деревья, сколько можно опредѣлить на срубъ, сколько въ годъ продается бурелома и отжившаго лѣса.

Будаевъ слушалъ опять молча, сосредоточенно, на этотъ разъ стараясь понять. Неловкость еще не совсѣмъ прошла въ немъ.

Иногда онъ задавалъ наивные, въ хозяйственномъ смыслѣ, вопросы, чѣмъ приводилъ въ смущеніе Тормилова и въ досадливое настроеніе Вѣру, которая кое-что понимала въ хозяйствѣ, въ особенности въ лѣсномъ, потому что обожала лѣсъ.

Они пошли по лѣсной тропѣ.

Будаевъ счелъ нужнымъ возстановить прежнія отношенія.

— Скажите,—спросилъ онъ у Вѣры:—вы не скучаете здѣсь зимою? У васъ есть общество? Есть близкіе люди?

— Общество есть, но для меня мало интересное. Это па̀пины винтёры. Врачъ Вавакинъ, который боится микробовъ, питаетъ нѣжную страсть ко мнѣ и къ коньяку и всячески уклоняется отъ леченія; тѣмъ не менѣе, любитъ поговорить при случаѣ о честности. Потомъ исправникъ Крыжовъ—совершенно безцвѣтная личность, непозволительно обращающійся съ мужиками, и Сазановъ, конекъ котораго—„правда", всѣмъ намъ ужасно надоѣвшая. Вотъ и все. Есть сосѣди: вотъ теперь Скуридины, но ихъ никогда не бываетъ въ имѣньи—это рѣдкій случай. Колодищевъ еще. Его очень рѣдко вижу. Онъ очень занятъ хозяйствомъ и дѣлами. Чудный, исключительный человѣкъ. Но это все гости папы. Я же провожу время одна. Ѣмъ, сплю, много хожу, еще больше читаю. Хожу въ село, гдѣ у меня много знакомыхъ мужичковъ, простите... мужиковъ.

— И между ними—вашъ другъ Сула?

— И между ними мой другъ Сула.

— Вы ведете созерцательную жизнь,—сказалъ Будаевъ,—и теперь мнѣ многое выясняется. Но неужели же вамъ никогда не хотѣлось вырваться отсюда, освѣжиться, повидать свѣтъ и людей?

— Нѣтъ, никогда. Зачѣмъ? Люди вездѣ, я думаю, болѣе или менѣе одинаковы, а освѣжаться, какъ вы говорите, я не чувствую потребности.

— Почему?

— Я не чувствую духоты, затхлости, чтобы явилось желаніе освѣжаться. Я считаю, что здѣсь-то и есть свѣжій воздухъ. Зачѣмъ и куда я поѣду искать его?

Будаевъ ничего не отвѣтилъ, но она продолжала:

— Запросы отъ жизни у меня самые ограниченные... Что̀ же дѣлать! Я здѣсь родилась, здѣсь умру. Если даже тамъ, за этой синей далью, лучше,—зачѣмъ я буду узнавать это лучшее? Чтобы отравить себѣ существованіе, вернувшись сюда? Я вовсе не хочу этого. И потомъ, возьмите растеніе, привыкшее къ извѣстной почвѣ и климату, и пересадите его на новую почву и подъ другое небо—оно зачахнетъ.

Будаевъ задумчиво проговорилъ:

— Да, власть родины, должно быть, ужасная власть. Человѣкъ, какъ дерево, пускаетъ въ землю корни. Всякіе корни—рабство. Это цѣпи, приковывающія человѣческую душу. Въ концѣ концовъ, эти цѣпи дѣлаются сладкими, какъ и тѣ рабскіе инстинкты, которые они рождаютъ.

Вѣра быстро возразила:

— Боже мой! Что̀ не рабство? Все рабство. Свѣтская жизнь тоже налагаетъ цѣпи. И какія! Вѣдь и любовь—рабство, и привязанность къ дѣтямъ, землѣ, дому, обстановкѣ—все это сковываетъ, все „привязываетъ", все дѣлаетъ рабомъ. Но не дай Богъ быть свободнымъ какъ вѣтеръ и не носить на себѣ ни одной изъ этихъ цѣпей! Тогда человѣкъ теряетъ все человѣческое и превращается въ ничто... въ... я не знаю, какъ сказать!

— Въ формулу?

— Да, именно, въ отвлеченную формулу. Въ тѣнь... или, лучше, въ существо безъ тѣни.

— Вотъ мы и опять пришли къ этому...

— Да, опять, — грустно согласилась она и посмотрѣла на него своими эмалевыми глазами, въ которыхъ засвѣтился и погасъ огонекъ глубокой жалости.

Солнце быстро садилось за лѣсной прогалиной и окрашивало густымъ вишневымъ цвѣтомъ и тропу, и стволы деревьевъ.

Пора было возвращаться домой.

Прогулка оказалась очень долгой и никто не разсчиталъ времени.

Сильно запоздали къ обѣду.

Когда экипажъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ, надвигался уже на Будаевку вечеръ. Тучи скопились на небѣ и заняли бо̀льшую его часть.

Зарницы вспыхивали и потухали вдали, за чернымъ силуэтомъ рощи. На мгновеніе становилось свѣтло на небѣ, гдѣ неожиданно открывались тучи, какъ будто съ жгучимъ любопытствомъ столпившіяся у открывшейся двери, чтобы заглянуть, что̀ дѣлается на землѣ.

Потомъ и земля, и тучи, и рощи—все исчезало, точно въ океанѣ чернилъ.

Уже не было душно, какъ днемъ.

Въ воздухѣ запахло землею, какъ пахнетъ иногда сыростью отъ кучи земли, вырытой изъ свѣжей могилы на кладбищѣ. И еще пахло отъ рощи молодой зеленью, и въ этомъ запахѣ было что-то сложное: медъ, смола, странный ароматъ земли. Въ общемъ все это давало то тонкое благоуханіе весны, которое не поддается точному опредѣленію, но несомнѣнно чувствуется.

Вѣра полной грудью вдыхала въ себя этотъ воздухъ.

— Какой вечеръ, какая весна!—проговорила она въ полголоса. —Я думаю, нигдѣ не бываетъ такого запаха весною, какъ у насъ. И нигдѣ не можетъ быть такой очаровательной природы.

Она ни къ кому не обращалась съ этимъ замѣчаніемъ,

какъ бы проговоривъ его для себя, для провѣрки своихъ собственныхъ чувствъ, и ея спутники промолчали.

Только Будаевъ улыбнулся своей полу-иронической улыбкой. Но было уже почти темно, и она не видала этой улыбки.

IX.

Будаевъ сидѣлъ на террасѣ и читалъ англійскій романъ.

Прошло уже нѣсколько дней со дня его пріѣзда.

По усвоенной имъ издавна привычкѣ и воспитанію, онъ велъ здѣсь тотъ же режимъ, какимъ всегда жилъ за границей.

Утромъ онъ обливался холодной водой, дѣлалъ гимнастику, занимался дѣлами до завтрака; потомъ часъ или два читалъ, послѣ чего отправлялся на прогулку и бродилъ по окрестностямъ до полной усталости.

Онъ съ дѣтства привыкъ ко всевозможнымъ физическимъ упражненіямъ, но здѣсь у него не было велосипеда и недоставало гребного спорта; поэтому онъ замѣнилъ все это утомительными прогулками.

Около семи часовъ подавался обѣдъ.

Послѣ обѣда и до чая онъ оставался на террасѣ и приглашалъ посидѣть съ нимъ Тормилова съ дочерью.

Большею же частью, въ теченіе цѣлаго дня, онъ оставался одинъ или же перекидывался нѣсколькими словами съ Джономъ.

Джонъ, повидимому, не скучалъ.

Онъ ко всему приглядывался съ любопытствомъ, какъ будто попалъ въ какую-то фантастическую страну, гдѣ все его очень забавляло и удивляло. Больше же всего его удивляла одежда русскихъ мужиковъ и ихъ обувь. Лапти онъ разсматривалъ какъ величайшую рѣдкость, выкраденную изъ какого-нибудь зала Британскаго музея. Удивляли его и штаны, и рубаха, одѣваемыя на голое тѣло, и онъ никакъ не могъ себѣ усвоить, что это не нижнее бѣлье, а верхнее платье.

Такая „манера“ одѣваться казалась ему „shocking“, и онъ относился къ ней неодобрительно.

Онъ купилъ даже пару лаптей и попробовалъ ихъ одѣть, но тотчасъ же снялъ и спряталъ, какъ рѣдкость, въ сундукъ.

Съ будаевской прислугой онъ быстро сошелся, и они отлично стали понимать другъ друга; онъ даже удивлялся смѣтливости русскаго народа, и уже не опасался за изобрѣтенную имъ мимику.

Лакей Петръ, кухарка Агаѳья и горничная Даша прекрасно понимали, когда онъ просилъ „вйски“, и твердо выучили это

слово; въ свою очередь онъ выучился правильно произносить слово „водка“.

Сидя за столомъ въ буфетной, онъ говорилъ по-англійски, мѣшая слова съ жестами и все болѣе и болѣе вырабатывая выразительную мимику лица; они говорили по-русски, и удивительно, что всѣ отлично понимали другъ друга и весело смѣялись.

Только людей въ „нижнемъ бѣльѣ“ почему-то не любилъ Джонъ и считалъ ихъ всѣхъ поголовно „бродягами“. Онъ даже, кажется, слегка боялся, когда деревенскіе мужики приходили въ усадьбу по какимъ-нибудь дѣламъ, и косо, недружелюбно смотрѣлъ на нихъ.

Особенное уваженіе у прислуги онъ заслужилъ своимъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ воскресенью.

Въ этотъ день онъ отказывался отъ водки, ѣлъ сдержанно, почти ничего не говорилъ и читалъ, почти не отрываясь, Библію.

— Ишь вѣдь, басурманинъ, а тоже вѣдь христіанинъ! — искренно удивлялся Петръ.

— Извѣстно, поди, тоже въ Бога вѣруетъ! — соглашалась Даша.

— И даже водки не глотаетъ въ божій день, — одобрительно поддерживала кухарка, — не то что наши мужики: какъ воскресенье, такъ безпремѣнно чтобы нализаться.

И уваженіе къ Джону росло и укрѣплялось.

Для Будаева дни проходили чрезвычайно однообразно и походили одинъ на другой, какъ близнецы.

Сначала онъ испытывалъ скуку, какой-то страхъ передъ тѣмъ количествомъ времени, котораго всегда удивительно много оставалось впереди.

Но потомъ время пошло нѣсколько быстрѣе, въ особенности когда вечеромъ собирались вокругъ него Тормиловъ и Вѣра.

Его все больше и больше занимали разговоры Вѣры, ея сужденія и выводы.

Иногда онъ имъ удивлялся и задавалъ себѣ вопросъ, откуда могли выработаться такіе сложные взгляды у дѣвушки, прожившей до двадцати почти лѣтъ безвыѣздно въ усадьбѣ.

Но потомъ онъ узналъ, что это было не такъ, и что она блестяще кончила курсъ въ губернской женской гимназіи и много читала.

Одно время у нея даже было стремленіе отправиться въ Петербургъ, для довершенія образованія и поступленія на высшіе курсы.

Однако, эта мечта быстро прошла у нея, какъ-то сама собою. Ей жалко было оставить отца одного, да и кромѣ того

она рѣшила навсегда поселиться въ деревнѣ, которая вполнѣ удовлетворяла ее во всѣхъ отношеніяхъ.

Это, какъ понялъ изъ ея разсказовъ Будаевъ, произошло вовсе не изъ ограниченности ея натуры; напротивъ, ея умъ былъ бодръ и дѣятеленъ, и она интересовалась всѣми вопросами жизни и многими изъ вопросовъ искусства. Обо всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся явленіяхъ текущаго времени она имѣла достаточно точныя и достаточно полныя свѣдѣнія и понятія.

Но натура ея была такъ же проста, какъ просты были ея потребности. Жизнь въ городѣ казалась ей чрезвычайно сложной, обремененной совершенно лишними, ни къ чему ненужными условностями, только стѣсняющими человѣка, который, по ея мнѣнію, прежде всего долженъ быть простъ, чтобъ сохранить свободу своего духа.

И когда отецъ съ дочерью уходили, Будаевъ чувствовалъ такое состояніе, какъ будто его убаюкали, загипнотизировали мощными, тихими, простыми рѣчами, какъ гипнотизируетъ въ дѣтствѣ несложная, однотонная пѣсенка няньки.

Тихіе голоса, спокойныя рѣчи, простыя слова, ничего лишняго, ничего прянаго, ничего волнующаго. Все въ какихъ-то полутонахъ, полунастроеніяхъ. Таковы здѣсь люди.

Но такова и природа.

Вокругъ тишина; только роща, волнуемая иногда тихимъ вечернимъ вѣтеркомъ, шелеститъ и нашептываетъ какія-то непонятныя рѣчи; и шопотъ ея такой же однотонный, такой же баюкающій, какъ и людскія рѣчи.

Въ особенности поражала Будаева сельская природа, когда онъ выходилъ вечеромъ въ поля.

Безконечныя поля подъ безконечнымъ звѣзднымъ пологомъ неба; темно-синія безмолвныя дали. Ни голоса, ни звука, ни пѣсни. Какая-то мягкая симфонія тишины.

Иногда отъ нея жутко дѣлается, но иногда въ душу льется мягкій покой, вызывающій усыпленіе.

Развѣ здѣсь можно страдать безсонницей, когда все клонитъ, зоветъ ко сну? Когда надышешься этимъ воздухомъ,—кажется, будто наглотался опіума, или что въ воздухѣ разлито какое-то снотворное средство.

И онъ чувствовалъ, какъ эта тишина, это безмолвное небо, эти недвижимые въ вѣчномъ покоѣ поля окутываютъ, обволакиваютъ, засасываютъ его, и какъ силы его убываютъ, и какъ онъ привыкаетъ къ этой непривычной ему жизни.

Это новое настроеніе казалось ему забавнымъ, и онъ съ

любопытствомъ и изумленіемъ, точно исподтишка, приглядывался и прислушивался къ нему.

Съ удивленіемъ чувствовалъ онъ, что мало-по-малу охладѣваетъ къ физическимъ упражненіямъ, къ гимнастикѣ и ходьбѣ.

Бывали минуты, когда, казалось бы, никакая сила не въ состояніи его поднять съ кресла. Ему было лѣнь двигаться, лѣнь думать, лѣнь желать.

Случись это съ нимъ въ Лондонѣ, онъ бы просто испугался и пошелъ къ доктору, потому что это показалось бы неестественнымъ; здѣсь это казалось ему въ порядкѣ вещей, и онъ этого не боялся, потому что, во всякомъ случаѣ, былъ твердо увѣренъ, что скоро настанетъ день, когда онъ энергичнымъ движеніемъ стряхнетъ съ себя все это навожденіе и покинетъ эту мягкую пуховую постель, которая называется Будаевкой и годится, какъ ему казалось, для разслабленныхъ натуръ или для выздоравливающихъ больныхъ, но не для людей, полныхъ энергіи и жажды жизни.

Такъ думалъ онъ, сидя на террасѣ.

Горничная Даша доложила ему, что пріѣхалъ Колодищевъ съ визитомъ.

Колодищевъ вошелъ на террасу.

Это былъ мужчина высокаго роста, прекраснаго сложенія. Одѣтъ онъ былъ въ чечунчовый костюмъ, англійскаго покроя, отлично сшитый, прекрасно на немъ сидѣвшій. Но сорочка на Колодищевѣ была не крахмальная, а мягкая, шолковая, что̀, впрочемъ, страннымъ образомъ нисколько не нарушало его внѣшней элегантности.

Казалось, это происходило отъ того, что онъ умѣлъ какъ-то носить костюмъ и къ его фигурѣ рѣшительно все бы шло, что̀ бы онъ ни надѣлъ.

На ногахъ у него были высокіе сапоги, а въ рукахъ онъ держалъ соломенную шляпу.

Жесты его были широки, пластичны, благородны, и въ нихъ сказывалось его происхожденіе. Голосъ звучалъ низкими „барскими“ нотами; лицо его было красиво, и суровое выраженіе сѣрыхъ глазъ подъ густыми черными бровями очень шло къ этому лицу, дышавшему силой и мужествомъ, какъ и вся его фигура. Небольшая бородка съ начавшейся просѣдью и расчесанные довольно длинные усы, слегка приподнятые по краямъ кверху, придавали ему Мефистофелевское выраженіе.

— Я недавно узналъ, что вы пріѣхали,—представившись и поздоровавшись, сказалъ онъ,—и рѣшилъ навѣстить васъ.

— Я очень радъ этому,—искренно отвѣтилъ Будаевъ, крѣпко

пожавъ ему руку.—Я чувствую себя точно въ монастырѣ и все никакъ не могу собраться навѣстить сосѣдей.

— Скучаете?—спросилъ Колодищевъ.—Городскому жителю здѣсь не ужиться долго, если онъ не имѣетъ твердаго намѣренія разъ навсегда поселиться здѣсь.

— А вы постоянно здѣсь живете?

— У меня имѣнье.

— Какъ же, я знаю. Чуть ли не самое большое въ губерніи.

— Да. И я живу здѣсь почти безвыѣздно. Впрочемъ, осенью, разъ въ два-три года на нѣсколько мѣсяцевъ уѣзжаю за границу, куда-нибудь на воды полечиться. Я не скучаю, я привыкъ.

— И давно вы поселились здѣсь?

— Давно. Пріѣхалъ я какъ-то весной, передъ поѣздкой за границу; откладывалъ поѣздку со дня на день, да такъ и не поѣхалъ. Незамѣтно подошла осень, и мнѣ никуда не захотѣлось двинуться съ мѣста. Такъ и остался. Къ слѣдующей веснѣ приказалъ все распродать въ Петербургѣ, кое-какую мебель и цѣнныя вещи перевезти сюда, да такъ вотъ и зажилъ.

— Вы говорите страшныя вещи!—сказалъ Будаевъ.

Колодищевъ засмѣялся.

— Почему страшныя?

И оба вдругъ почувствовали необъяснимую симпатію другъ къ другу.

— А вдругъ этакая метаморфоза со мною можетъ случиться?—сказалъ Будаевъ.—Но я вовсе не хочу этого.

— Съ вами это никогда не случится.

— Почему?

— Потому что вы, какъ я знаю, родились въ городѣ, да еще за границей. У васъ нѣтъ связей съ родиной; нѣтъ тѣхъ незамѣтныхъ нитей, которыя съ лѣтами крѣпчаютъ и привязываютъ васъ къ мѣсту рожденія, гдѣ протекло все ваше дѣтство. Я—какъ разъ наоборотъ. Я родился здѣсь, здѣсь получилъ всѣ первыя впечатлѣнія отроческаго возраста. Я только воспитывался и служилъ въ Петербургѣ. Здѣсь—все мнѣ близко и дорого. И вотъ я вернулся сюда. Мнѣ сорокъ-пять лѣтъ. Это такой возрастъ, когда блага городской жизни кажутся дешевымъ обманомъ и когда начинается у человѣка созерцательное настроеніе par excellence. У одного, конечно, позже, у другого раньше. Но это неизбѣжно. Жизнь природы—отличный врачъ, куда лучше нашего Вавакина. Вы не знаете его?

— Нѣтъ, еще не познакомился.

— Типъ. Влюбленъ въ дочь вашего управляющаго и, кажется, твердо рѣшилъ на ней жениться.

— Вотъ какъ! А она? Кстати, что это за дѣвушка? Я недавно съ ней познакомился и не успѣлъ разгадать ее.

Колодищевъ засмѣялся.

— Ее и разгадывать нечего. Прекрасная, здоровая, простая натура. Очень несложная, но это не значитъ, что ограниченная. Вполнѣ русская дѣвушка, не городская конечно, а именно такая, какая можетъ только вырости на здоровой деревенской почвѣ. Однимъ словомъ, у нея очень много общаго со мною, и на этомъ единственномъ основанiи Вавакинъ въ свои частыя нетрезвыя минуты ревнуетъ ее ко мнѣ.

Будаевъ внимательно посмотрѣлъ на Колодищева.

Колодищевъ говорилъ съ нимъ ясно, просто, не стѣсняясь, какъ будто зналъ его не эти десять минутъ, а давнымъ-давно, цѣлые годы.

— Безъ всякихъ основанiй, конечно!—разрѣшилъ себѣ этотъ вопросъ Будаевъ.

— Ну, конечно!—смѣясь, отвѣтилъ Колодищевъ.—Какiя же основанiя? Я ее очень люблю, это вѣрно, но какъ братъ можетъ любить сестру, потому что души у насъ родственныя и вкусы одинаковы. Мы оба любимъ деревню и мужичковъ и болѣемъ ихъ нуждами.

„Мужичковъ,—подумалъ Будаевъ:—совсѣмъ какъ она“.

— Но любить что-нибудь сообща,—продолжалъ Колодищевъ,—совсѣмъ не значитъ любить другъ друга. Я уже пережилъ тотъ возрастъ, когда легко влюбляются въ молоденькихъ дѣвушекъ. А она несомнѣнно въ томъ возрастѣ, когда влюбляются, чего и желаю ей отъ души, только положительно не знаю, какъ это осуществится... Здѣсь все такiе неинтересные мужчины. А женихъ, кажется, одинъ Вавакинъ, да и тотъ никуда не годится.

— Вы очень заняты въ имѣньи?—спросилъ Будаевъ.

— Очень—и мнѣ некогда скучать.

— Но что вы дѣлаете?

— Какъ что? Все. Встаю рано, слѣжу за работами. У меня паровыя молотилки и всякiя другiя машины. Потомъ, обойдя службы, объѣздивъ полевыя работы, лечу мужиковъ, отъ которыхъ нѣтъ отбою.

— Вы развѣ врачъ по профессiи?

— Ничуть. Врачъ по профессiи Вавакинъ, но онъ не лечитъ, отсталъ. А я не врачъ—и лечу. Что же дѣлать? Пришлось выписать книжки и знакомиться съ элементарной медициной. У меня аптека, которою я самъ завѣдую. Практикой и опытомъ достигаю, большею частью, хорошихъ результатовъ, и, право,

такъ навострился, что могу лечить даже довольно сложныя болѣзни. Вавакинъ состоитъ врачомъ моей экономіи, и я ему плачу деньги. Неловко смѣнить его, разъ онъ считается земскимъ врачомъ. Но мужички ему не вѣрятъ и обходятъ его.

— Я видалъ кое-кого изъ здѣшнихъ мужиковъ.

— И какое они произвели на васъ впечатлѣніе? — съ живостью спросилъ Колодищевъ.

— Самое неблагопріятное,—откровенно сознался Будаевъ.

— Почему?—серьезно взглянувъ ему въ глаза, спросилъ гость.

— Это какіе-то дикари,—отвѣтилъ Будаевъ,—по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть. Они разсуждали о какомъ-то червѣ. Богъ знаетъ, что̀ они только говорили. А еще одинъ какой-то Сула,—котораго, повидимому, особенно уважаетъ m-lle Тормилова,—такъ это прямо какой-то разбойникъ.

При имени Сулы лицо Колодищева нахмурилось, потомъ взоръ его сдѣлался грустнымъ.

— Да,—медленно произнесъ онъ:—темный народъ нашъ мужикъ! И всѣ его обвиняютъ въ невѣжествѣ, въ звѣрствѣ, во тьмѣ. Но гораздо темнѣе его тѣ, кто держитъ его въ этой тьмѣ. Я знаю,—съ живостью сказалъ онъ,—Вѣра Дмитріевна очень любитъ этого Сулу, про котораго вы говорите. Въ ея глазахъ это герой, способный на безкорыстный подвигъ. Это, можетъ быть, такъ и есть. Это мужикъ-философъ; кромѣ того, онъ озлобленъ...

— Она говорила мнѣ о несчастіи, которое случилось съ его близкими у васъ.

— Да...—тяжко вздохнувъ, сказалъ Колодищевъ.—Что̀ же дѣлать! Сами они всегда въ этомъ виноваты, потому что рѣшительно не берегутся и не щадятъ своей жизни. Но главная вина—на насъ, не съумѣвшихъ просвѣтить ихъ. Развѣ виноватъ ребенокъ, котораго близко подпустили къ паровой машинѣ, если она искрошитъ его? Но мы не можемъ обойтись безъ этихъ „дѣтей“, къ несчастью, и намъ не хватаетъ силъ и средствъ превратить этихъ дѣтей во взрослыхъ. Это—большая ошибка! Какъ будто мы боимся, что когда они выростутъ, то поймутъ наше безсиліе, и намъ тогда уже съ ними не справиться. Не въ этомъ ли секретъ пребыванія ихъ въ темнотѣ, противъ разсѣянія которой никѣмъ ровно ничего не предпринимается? У меня есть школа и учительница. Но̀ это дѣло плохо идетъ. Какъ учить, когда люди не доѣдаютъ?

„Опять слова Тормиловой“,—подумалъ Будаевъ.

— То же мнѣ говорила Вѣра Дмитріевна,—не утерпѣлъ онъ.

— Непремѣнно. Это вамъ скажетъ всякій, кто знакомъ съ нашей деревнею и условіями ея существованія. И кромѣ того, мы съ Вѣрой Дмитріевной однихъ „политическихъ убѣжденій“,— засмѣялся онъ.—Я уже вамъ сказалъ это. А что мужики дики— такъ это вѣрно. На первый взглядъ—удивительный народъ: чѣмъ больше дѣлаешь имъ добра, тѣмъ они становятся подозрительнѣе. Ужъ больно у нихъ подорвана вѣра въ добро. Вездѣ они видятъ подвохъ и каверзу. Я ли для нихъ не стараюсь, искренно и безкорыстно, а они все мечутся, все волками смотрятъ. Сдѣлаешь какую-нибудь льготу, послабленіе, простишь долгъ, ссуду, анъ, гляди, ужъ онъ тебѣ на шею сѣлъ и никакъ не можетъ объяснить себѣ этой снисходительности добротой или сердечнымъ порывомъ, а только, молъ, тѣмъ, что колодищевскій баринъ „больно ужъ простъ“, что̀ значитъ—просто шутъ. Ну, а какъ же съ дурака, не понимающаго своей пользы, не сорвать? И стараются сорвать. Вотъ тутъ-то и нужно отбросить всякую сентиментальность и показать свою силу и умъ. Ничего они такъ не уважаютъ, какъ силу и умъ. Слабость и простоту они рѣшительно не уважаютъ, хотя и стараются воспользоваться ими. Кто жъ себѣ врагъ!

Будаевъ слушалъ внимательно.

Колодищевъ, видя, что онъ заинтересовался, продолжалъ говорить. Это былъ его конекъ, на которомъ онъ могъ ѣздить сколько угодно, разъ засѣлъ на немъ.

Всѣ эти вопросы близко касались его, и онъ говорилъ о нихъ всегда съ увлеченіемъ.

— Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ запахалъ большой кусокъ моего поля. Я промолчалъ. Три года онъ продолжалъ имъ пользоваться. Наконецъ, я запротестовалъ. Но онъ уже вообразилъ, что это поле его, и ничего нельзя было подѣлать. Пришлось обратиться къ суду и силой отнять этотъ кусокъ. Вмѣсто благодарности за трехлѣтнее безвозмездное пользованіе— что̀ же вы думаете?—онъ пригрозилъ меня „сжечь“.

— Какъ сжечь?

— Да такъ: подобраться ночью, да зажечь какую-нибудь постройку.

— Но вѣдь это ужасно!

— Ну, не такъ ужъ ужасно! Будемъ слѣдить. Впрочемъ, на первый взглядъ ужасно; нужно только понять, а когда поймешь— простишь. У нихъ нѣтъ представленія о чужихъ правахъ; они въ родѣ дикарей:—„у меня отнимутъ—зло, я отниму—добро“. Вотъ, напримѣръ, Сула считаетъ меня истиннымъ виновникомъ своего несчастья. И у него какъ-то инстинктивно выработался свой

особый философскій взглядъ: земля, какъ вода, какъ воздухъ, не можетъ принадлежать опредѣленному человѣку, личности, а есть общественное достояніе всего человѣчества... Понятно, онъ не такъ выражается, это только изложеніе. У него все это по-своему...

Будаевъ слушалъ Колодищева внимательно. Онъ любовался его мужественнымъ, красивымъ лицомъ, разгорѣвшимся взоромъ. Онъ чувствовалъ, что этотъ человѣкъ говоритъ съ увлеченіемъ и убѣжденіемъ.

Но въ своей душѣ онъ не находилъ настоящаго отклика на эти рѣчи.

Онъ оставался холоденъ и равнодушенъ, и въ первый разъ, можетъ быть, самъ удивился этому.

Неужели Тормилова права, что это происходитъ потому, что онъ—„человѣкъ безъ тѣни"?

И онъ прислушался къ тому, о чемъ говорилъ теперь его сосѣдъ.

Очевидно, тотъ сдѣлалъ какой-то переходъ, потому что Будаевъ не могъ уловить связи.

Колодищевъ, между тѣмъ, говорилъ:

— То-и-дѣло слышишь теперь въ окрестностяхъ: такого-то помѣщика сожгли. Темный народъ, что и говорить! Но мы всѣ въ этомъ въ большей части виноваты. Они привыкли смотрѣть на насъ какъ на людей, которыхъ можно эксплоатировать. Какъ-то принесла ко мнѣ въ усадьбу баба своего ребенка, тщедушную дѣвочку. Кормить, говоритъ, нечѣмъ. Приказалъ—ежедневно отпускать ей молоко въ потребномъ количествѣ. Черезъ полгода приходитъ опять, и уже не проситъ униженно, какъ прежде, а требуетъ: „давалъ молоко, такъ ужъ и одѣнь дѣвчонку". Одѣлъ. И даже приказалъ накупить и нашить всего въ прокъ. Опять приходитъ: „одѣлъ, такъ возьми ее совсѣмъ къ себѣ, пусть у тебя живетъ; выростетъ—служить будетъ, а ты *за то*, что я тебѣ ее отдала, выдавай мнѣ ежемѣсячно деньги". Ну, конечно, я ее прогналъ.

X.

Къ завтраку собрались неожиданно гости.

Проѣзжалъ мимо усадьбы Крыжовъ и „счелъ долгомъ представиться нашему желанному гостю".

Будаевъ принялъ его любезно и оставилъ завтракать.

Потомъ, вскорѣ послѣ Крыжова, явился Вавакинъ и тоже представился.

И онъ остался завтракать.

Будаевъ чувствовалъ себя нѣсколько растеряннымъ среди этихъ незнакомыхъ и чуждыхъ ему людей и интересовъ.

Колодищевъ, въ концѣ концовъ, нагналъ на него порядочную скуку своими длинными разсужденіями, но все-таки онъ былъ воспитаннымъ и свѣтскимъ человѣкомъ.

Остальные же показались Будаеву совсѣмъ странными.

Крыжовъ походилъ на цивилизованнаго военнаго писаря, очень гордящагося своимъ положеніемъ въ уѣздѣ.

Онъ былъ худъ, раздражителенъ отъ безконечной ѣзды на перекладной по деревнямъ и отъ вѣчныхъ ссоръ съ мужиками при „выколачиваньи“ недоимокъ.

Вавакинъ вошелъ въ угнетенномъ состояніи духа, что̀ всегда бывало съ нимъ до завтрака.

Послѣ первой же рюмки водки, онъ неприлично крякнулъ отъ удовольствія, а потомъ, послѣ второй, совершенно повеселѣлъ и сталъ разговорчивъ.

Будаева поразилъ внѣшній его видъ и небрежность, съ которою онъ былъ одѣтъ.

Ради торжественнаго визита, онъ облачился въ какой-то черный куцый сюртукъ, который, очевидно, давно уже сталъ ему узокъ, а можетъ быть и былъ узокъ съ самаго начала.

При малѣйшемъ рѣзкомъ движеніи, сюртукъ этотъ трещалъ по всѣмъ швамъ и какъ-то удивительно хрустѣлъ, точно издавалъ стоны отъ боли.

Пристяжной воротничокъ крахмальной сорочки постоянно вылѣзалъ у Вавакина изъ-подъ воротника сюртука, плохо приложенный, неудобно сидѣвшій; Вавакинъ его поправлялъ безпрестанно, что̀ дѣйствовало на нервы другихъ. Наконецъ, онъ его просто-на̀-просто отцѣпилъ и спряталъ въ карманъ, оставивъ свою толстую, какъ у вола, шею безъ всякаго украшенія.

Онъ былъ плотный, потный и коренастый, красный, потому что ему всегда было жарко. Узенькіе черные глаза его, точно коринки, обложенные тѣстомъ, выглядывали съ этого лица съ туповатымъ выраженіемъ, и онъ, освободившись отъ обязанности поправлять воротничокъ, безпрестанно теперь приводилъ въ порядокъ свои густые, сѣдоватые, непослушные волоса. Усы у него были въ безпорядкѣ, лѣзли ему въ ротъ, а жидкая бороденка его была некультурно-растрепана.

Крыжовъ, очевидно, обладалъ гастрическимъ разстройствомъ, потому что ѣлъ съ разборомъ, осторожно, счищая соуса̀ и вынимая мякишъ изъ хлѣба, довольствуясь одной коркой. Но кромѣ гастрическаго разстройства у него былъ еще хроническій на-

сморкъ, потому что онъ тяжело дышалъ, а во время ѣды довольно неприлично сопѣлъ.

Колодищева оба они встрѣтили довольно странно. Крыжовъ—съ явно-выраженнымъ недоброжелательствомъ, которое онъ старался въ первыя минуты скрыть преувеличенной вѣжливостью.

Вавакинъ относился къ помѣщику съ какой-то дѣланной добродушной шутливостью.

Познакомившись съ Будаевымъ, оба сразу взяли развязный тонъ, въ которомъ чувствовалось провинціальное: „насъ-молъ ничѣмъ не удивишь", и „мы-молъ сами не лыкомъ шиты".

Вѣру все это ужасно коробило, а Тормиловъ сталъ вдвое безгласнѣе, чѣмъ бывалъ обыкновенно.

Будаевъ же былъ со всѣми очень любезенъ и корректно выдерживалъ роль хозяина, хотя все это свалилось на него довольно неожиданно, и онъ никакъ не разсчитывалъ на столь раннее открытіе сезона визитовъ.

— Ну, какъ вы нашли наши палестины? — спросилъ его Крыжовъ, и самъ же отвѣтилъ на свой вопросъ: — мѣста здѣсь хорошія, воздухъ легкій и климатъ ровный. Природа тоже хороша. Народишко плохъ. Въ этомъ съ грустью надобно сознаться.

И онъ тотчасъ же вызывающе посмотрѣлъ на Колодищева. Такъ какъ Колодищевъ пропустилъ мимо ушей его слова, то онъ пожелалъ его вызвать на словесное состязаніе.

— Плохъ, говорю, народишко. Очень плохъ. Мнѣ, какъ администратору, это даже очень хорошо извѣстно. Нашъ достоуважаемый помѣщикъ Вадимъ Степановичъ, конечно, съ этимъ не согласенъ. Вѣдь вы не согласны, Вадимъ Степановичъ?

— Не согласенъ.

Крыжовъ усиленно засопѣлъ.

— Ну, конечно. Развѣ же я не знаю. И само собой—наговорили уже нашему любезному хозяину кучу чудесъ про нашего мужичка?

Будаевъ въ душѣ улыбнулся.

— А мужичокъ нашъ, — продолжалъ Крыжовъ, — просто дрянь. Тупъ, неразвитъ, лѣнтяй, пьяница, просто можно сказать—шулеръ. А вы не находите, что онъ плохъ. Странно это, и даже обидно-съ.

Колодищевъ все молчалъ.

— Нѣтъ-съ, извините, — не отставалъ Крыжовъ, которому страстно хотѣлось завести разговоръ на эту тему, чтобы показать Будаеву, что онъ можетъ заинтересовать общество, — молчаніе ничего не доказываетъ. А вы докажите-съ обратное.

— Зачѣмъ?

— Для выясненія истины. Извините, я не даромъ завелъ этотъ разговоръ. Вопросъ, можно прямо сказать, животрепещущій по нашимъ мѣстамъ. И поводъ къ тому есть.

— Какой?

— Я не зря началъ этотъ разговоръ, Вадимъ Степановичъ. Не зря-съ. Вотъ вы на дняхъ опять внесли недоимку за этого Трофима Сулу. Мужикъ лѣнтяй, и притомъ грубый лѣнтяй, не признающій никакихъ обязанностей съ своей стороны, просто, можно сказать—соціалистъ.

— Экъ, куда хватилъ! — прыснулъ Вавакинъ, только-что опрокинувшій въ свой широкій ротъ рюмку коньяку и томно взглянувшій на Вѣру, потому что зналъ, что, защищая Сулу, сдѣлаетъ ей пріятное.

— Непремѣнно-съ соціалистъ. Такъ сказать, безсознательный, допускаю. Но это у него отъ испорченной натуры. Вы не имѣете удовольствія знать этого субъекта?—спросилъ онъ Будаева.

— Имѣю.

— Какъ, уже познакомились?

— Нѣтъ, видѣлъ, мелькомъ.

— Нѣтъ-съ, а вы извольте познакомиться. Увѣренъ, будете моего мнѣнія. А вотъ Вадимъ Степановичъ не находятъ въ немъ ничего предосудительнаго и платятъ за него который разъ недоимку. Это развратъ-съ. Мужикъ самъ долженъ работать. Это и я захочу ничего не дѣлать, а чтобы мнѣ шло жалованье. Всякій этого захочетъ. А вы говорите—не плохъ народъ.

Колодищевъ не выдержалъ.

— Не народъ плохъ, а вы всѣ плохи.

— Кто—мы?

— Администраторы. — И онъ пожелалъ подчеркнуть свою мысль.—Я не говорю о всѣхъ, а вотъ о такихъ, какъ вы, Аѳоній Петровичъ. А такихъ много.

— Такъ-съ. Чѣмъ же это мы такъ плохи? Про себя скажу, я стараюсь, и не чувствую себя плохимъ. Не имѣю повода-съ. И начальство меня отличаетъ.

— Ну, хватили!—пробормоталъ Вавакинъ. — Вы говорите: исправникъ, а помните, Сазановъ васъ назвалъ не исправникомъ, а хорохорящимся индюкомъ? Ей Богу, вы—индюкъ.

— Иванъ Михайлычъ!—остановила его Вѣра въ полголоса, и онъ покорно умолкъ.

Но Крыжовъ не обидѣлся.

— Сазановъ—оригиналъ,—сказалъ онъ какъ бы въ поясненіе Будаеву:—и, можетъ быть, даже больше, чѣмъ оригиналъ. Отъ такого человѣка ничего не обидно. А вотъ отъ Вадима Степа-

новича обидно. Мы плохи! Всѣ мы плохи, а мужички—золото. Мы для нихъ стараемся, трудимся, съ перекладной не слѣзаемъ, все для нихъ дѣлается, а имъ все—мало!

— Что̀ же для нихъ дѣлается?—спросилъ съ любопытствомъ Будаевъ.

— Все-съ!

— Нѣтъ, ужъ начали, такъ говорите,—сказалъ Колодищевъ. —Все—это очень много, но что̀ же именно?

— Извольте, я скажу, ежели вы сами не изволите припоминать, достоуважаемый Вадимъ Степановичъ. Начать хотя бы съ просвѣщенія. Общества трезвости работаютъ-съ. Губернская администрація работаетъ-съ. Земство работаетъ-съ. Всѣ заняты только мужичкомъ.

— А проку мало,—сказалъ Колодищевъ.

— Я же говорю: мужикъ плохъ. Вонъ, сколько денегъ идетъ для его развлеченія и образованія. Какой народный театръ выкатили въ нашемъ губернскомъ городѣ, а плата за входъ—пятачокъ-съ; а тутъ у нихъ и драма, и пѣнье, и аудиторія для лекцій, и фонографъ, и волшебный фонарь, и все-съ. Даже жалко такихъ денегъ. Университетъ-съ, одно слово!

Колодищевъ остановилъ его.

— Вотъ, кажется, въ первый разъ, что мы съ вами согласимся, Аѳоній Петровичъ. Именно университетъ, и именно жалко бросаемыхъ на все это денегъ, которыя могли бы быть употреблены съ большей пользой. Но говорить объ этомъ не сто̀итъ. Всѣ увлечены народными театрами, и даже меня сочли бы за мрачнаго ретроградa, если бы я заговорилъ противъ нихъ. Никто не хочетъ понять этого: народный театръ—это университетъ, высшій курсъ, высшая школа. Кто же посылаетъ ребенка въ университетъ и кто начинаетъ ребенка учить высшимъ наукамъ, когда онъ не знаетъ еще азбуки? Нашему народу даютъ сразу университетъ, то-есть театръ, аудиторію, лекціи. Это нелѣпость и насмѣшка! Ему нужна простая начальная школа. Воспитайте, образуйте, научите его...

— И накормите,—вставила Вѣра.

— Да, и накормите его, а потомъ посылайте въ театръ и аудиторію. У насъ же начали съ другого конца.

— Вотъ, вотъ! Такъ всегда... одно недовольство...

— Трудно быть довольнымъ, когда постановленіе земства о десяти новыхъ начальныхъ школахъ опротестовано за неимѣніемъ денегъ, а народный театръ выстроили и истратили около пятидесяти тысячъ.

— Ну, вотъ, ну, вотъ... — какъ бы обращаясь за помощью

къ Будаеву, проговорилъ Крыжовъ, не находя, что̀ отвѣтить по существу дѣла.

Но въ Будаевѣ онъ поддержки не встрѣтилъ.

— Если все это такъ,—сказалъ Будаевъ,—то я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Вадима Степановича.

— Что̀, братъ, Аѳонъ!—вскрикнулъ Вавакинъ.—Вотъ тебѣ и влетѣло! Ей Богу, влетѣло! Не хорохорься.

Его опять остановила Вѣра.

— У насъ въ Англіи,—продолжалъ Будаевъ,—все это иначе. Все систематично, послѣдовательно и логично. Одно идетъ за другимъ, одно вытекаетъ изъ другого; а вѣдь создавать высшія учрежденія, не имѣя низшихъ, это все равно что начать строить домъ съ крыши, а не съ фундамента. Это, правда, нелѣпость, и меня это очень удивляетъ, что это такъ.

Но онъ вдругъ замолчалъ, сконфузившись, что поставилъ въ примѣръ Англію.

И вообще ему вдругъ стало какъ-то тошно.

Люди странные сидѣли передъ нимъ, нѣчто въ родѣ каррикатуръ, которыя онъ часто видалъ въ иллюстрированныхъ романахъ Диккенса; рѣчи вели они дикія, безсистемныя и совершенно безцѣльныя, очевидно—произносимыя лишь для того, чтобы убить время.

Одинъ Колодищевъ былъ ему по душѣ, но и то казался далеко не дѣловымъ человѣкомъ той англійской складки, къ которой онъ такъ привыкъ, а какимъ-то сентиментальнымъ благотворителемъ-лэндлордомъ, которыхъ ему что-то не доводилось наблюдать въ Англіи.

Правда, онъ мало вращался среди англійской земельной аристократіи, а имѣлъ больше сношенія съ лондонскими городскими жителями.

XI.

Будаевъ былъ очень радъ, что кончился завтракъ, и, воспользовавшись тѣмъ, что Колодищевъ уѣзжалъ, вышелъ его провожать.

Тормилова вызвала изъ-за стола Даша, сказавъ, что къ нему пришли мужики.

Будаевъ пообѣщалъ себѣ вернуться, чтобы еще разъ вблизи посмотрѣть на этого „таинственнаго русскаго мужичка“, которымъ всѣ были такъ вокругъ заняты, и о которомъ всѣ такъ трогательно заботились, и которому, оказывается, все-таки ужасно плохо живется.

Но не успѣлъ Тормиловъ положить салфетку, какъ три му-

жика въ лаптяхъ, съ вклокоченными головами и бородами точно сшитыми и свернутыми на сторону, ввалились прямо на террасу.

Къ этому пріучила ихъ Вѣра, и противъ этого всегда протестовалъ Тормиловъ, который требовалъ, чтобы они являлись по своимъ нуждамъ въ контору или, въ лѣтнее время, во дворъ передъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась контора.

Будаевъ какъ разъ огибалъ въ это время съ Колодищевымъ и Крыжовымъ террасу, и Тормиловъ сконфузился чрезвычайно.

— Чтò за порядки, братцы! — укоризненно сказалъ онъ.— Сколько разъ говорено, чтобы ходили въ контору?

Будаевъ услышалъ это и проговорилъ:

— Примите ихъ здѣсь, Дмитрій Александровичъ. Я сейчасъ вернусь.

— Все ты!—сердито сказалъ Тормиловъ въ полголоса Вѣрѣ.

Она смущенно пожала плечами.

— Налейте-ка мнѣ коньячку—посошокъ! — попросилъ Вавакинъ.

— Не довольно ли, Иванъ Михайловичъ?

— Ей Богу, мало! И притомъ нѣсть вреда въ куреніи табака и въ потребленіи коньяка, какъ говоритъ мнѣ въ утѣшеніе нашъ сельскій попикъ, о. Павелъ. Да вѣдь и я самъ это знаю, какъ врачъ: чтò есть табакъ и коньякъ? Наркотическія. Medicamenta heroïca! Повышаютъ они тэмпъ жизни, ей Богу! А коньякъ, кромѣ того, сушитъ, чтò для моей комплекціи пользительно зѣло. А лишая меня онаго, вы, стало быть, желаете моей смерти. Dixi.

Вѣра улыбнулась.

— Пейте,—сказала она,—чтò съ вами сдѣлаешь!

— Вотъ за это ручку! А мы выпьемъ и послушаемъ сихъ Гостомысловъ.

Гостомыслы стояли съ рваными шапчонками въ заскорузлыхъ рукахъ и переминались съ ноги на ногу въ нерѣшительныхъ позахъ.

— Чтò тебѣ, Ефимъ?—спросилъ Тормиловъ, обратившись къ ближайшему.

Въ это время Будаевъ, незамѣченный, вернулся на другой конецъ террасы, гдѣ онъ оставилъ свой кофе. Будаевъ сѣлъ въ качалку, не желая мѣшать разговорамъ, и слушалъ издали.

— Хлѣбушка!—однотонно отвѣтилъ мужикъ и уставился въ управляющаго немигающими, узкими глазами. Борода его заростила всѣ его щеки и чуть-что не подошла къ самымъ глазамъ.

— Хлѣбушка намъ!—такъ же однотонно, какъ эхо, откликнулся другой.

Третій мужикъ молчалъ, хмуро уставясь въ землю.

— Да съ какой стати? — вскрикнулъ Тормиловъ. — Гдѣ я вамъ возьму хлѣба?—всплеснулъ онъ руками и сконфуженно поглядѣлъ на Вѣру и на столъ, уставленный всевозможными яствами, еще неубранными.

Повидимому, эти два обстоятельства подѣйствовали на него раздражительно, и онъ рѣзко сказалъ мужикамъ:

— Весь розданъ, нѣтъ у меня хлѣба.

— А что же, скажемъ, мнѣ теперь дѣлать? — равнодушно, какъ бы для проформы, проговорилъ Ефимъ. — Дѣлать-то, скажемъ, что?

И онъ не могъ уже отвести глазъ отъ Даши, которая проходила по палисаднику, мимо террасы, съ двумя тарелками, наполненными мясомъ и хлѣбомъ. За ней, повизгивая, прыгали двѣ дворовыя собаки, предвкушая вкусный завтракъ.

Оба мужика смотрѣли теперь на эти тарелки, не будучи въ силахъ оторвать отъ нихъ свои взоры.

— Мнѣ-то какое дѣло? — вдругъ насупившись и напустивъ на себя суровость, отвѣтилъ Тормиловъ. Ему было очень непріятно, что какъ разъ во время этого разговора Даша вздумала кормить собакъ, и еще ему было непріятно, что Вѣра не съумѣла все это организовать какъ слѣдуетъ: мужики вваливаются прямо на террасу, а Даша ходитъ черезъ садъ изъ лѣни, чтобы не сдѣлать нѣсколько шаговъ лишнихъ.

Неужели Вѣра не могла подумать обо всѣхъ этихъ мелочахъ, право?!

Мужики оторвались отъ соблазнительнаго зрѣлища и молча переминались съ ноги на ногу.

— Мнѣ-то какое дѣло?—опять сказалъ онъ имъ. — Ступай въ земство.

— Тамотка уже роздано, — отвѣтилъ мужикъ и, увидѣвъ какъ Вавакинъ прихлебывалъ коньякъ, вкусно облизнулся. — Какъ же таперича быть-ти?

— Это меня не касается.

Вѣра съ удивленіемъ взглянула на отца.

Она, впрочемъ, знала, что онъ нерѣдко раздражается, когда говоритъ съ мужиками, но теперь въ его рѣшительномъ тонѣ она заслышала что-то особенное.

— Выдай, ваша милость! — вдругъ взвизгнулъ мужикъ, видимо набравшись, наконецъ, храбрости отъ голоду.

— Ну ты, Господи! Да откуда же я возьму? Говорю, весь хлѣбъ роздалъ, нѣту хлѣба.

— Заработаемъ!—заныл ъ другой мужикъ.

— Да какъ же ты заработаешь? Вотъ баба-то твоя тяжелá,—ну, какая она ужъ работница?

— Опростается поди, усё отработаемъ.

А его товарищъ затянулъ на одной нотѣ:

— Овсеца вовсе нѣтути; конопля, скажемъ, и та подошёдши.

— Ну, да, у васъ все такъ, все ползетъ по швамъ. Ступайте въ контору,—тамъ все разберемъ. Приду ужò. А ты чтò?—обратился Тормиловъ къ третьему, который не двинулся съ мѣста.

— А мы, стало быть, къ ихней милости!—и онъ кивнулъ головой на Вавакина.

— А! Ну, это не мое дѣло,—облегченно проговорилъ Тормиловъ.—Ну? Чтò же вы не идете?

Мужики затопали ногами и какъ-то мелкой, боковой рысью скатились съ террасы.

Они уже знали, что приказаніе идти въ контору равносильно исполненію ихъ просьбы.

Вавакинъ высоко поднялъ брови.

— Ко мнѣ?—переспросилъ онъ, удивившись, какъ будто онъ былъ не врачомъ, а адвокатомъ, къ которому обратились за врачебной помощью.

Мужикъ заскрипѣлъ какъ ржавое колесо:

— Баба моя больна, замаялась сердешная, вò какъ замаялась,—молодица, ей поди бы работать, а она лежитъ сколько дёнъ, дюже неможется.

Вавакинъ тупо уставился на мужика.

— Мается, говоришь?—спросилъ онъ.

— Вò какъ.

— А чтò же у нея такое?

— Чего это?

— Мается-то чѣмъ, безтолочь ты этакая?!... На чтò жалуется-то?

— Ни на что, батюшка. Всѣмъ довольна. Что-жъ жаловаться? Лежитъ въ избѣ, питаемъ чѣмъ можемъ. Всѣмъ довольна.

— Фу ты!—разсердился Вавакинъ и неистово закричалъ:—болитъ-то чтò? Чтò болитъ-то?

— У ей-то?

— Ну, да, конечно, не у тебя.

— Животомъ мается, сердешная.

— Ну, ладно, ступай. Банки поставишь. Ужо пришлю фельдшера. Авось не помретъ.

— Гдѣ помереть!—согласился мужикъ.

Но Вѣра возмутилась.

Ничего не сказавъ, она укоризненно взглянула на Вавакина и, отведя мужика въ сторону, стала его подробно разспрашивать.

Потомъ ушла въ свою комнату и вынесла какіе-то порошки.

Во время ея отсутствія, Вавакинъ сталъ разносить мужика.

— Порядку не знаете!—ворчалъ онъ.—Прямо сюда прёте! Что здѣсь—санитарный пунктъ, что-ли? Эко дѣло, поди,—мается! Не помретъ, чай! Нѣжности какія, скажи, пожалуйста!

И пользуясь отсутствіемъ Вѣры, онъ налилъ рюмку коньяку и разомъ выпилъ ее.

Мужикъ кланялся Вѣрѣ и благодарилъ ее.

— Дай Богъ здоровья, матушка. Гдѣ жъ фелшара ждать? Это только слово, что фелшаръ...

— Скажи бабѣ-то своей, что сама навѣдаюсь черезъ часъ.

Мужикъ ушелъ.

Будаевъ сидѣлъ въ глубинѣ террасы и издали, никѣмъ не замѣченный, полускрытый японскими ширмами, слушалъ и наблюдалъ всѣ эти сцены.

Ему сдѣлалось какъ-то не по себѣ.

Ничего подобнаго онъ до сихъ поръ не представлялъ себѣ. Ему показалась страшной нелѣпостью эта подлинная русская жизнь, которой онъ до сихъ поръ не видѣлъ вблизи, и которую представлялъ себѣ иначе.

Среди полей, пожираемыхъ какимъ-то червемъ, стоитъ его Будаевскій дворецъ, полный дорогихъ предметовъ, изящныхъ бездѣлушекъ, вкусныхъ яствъ и дорогихъ винъ. Оазисъ полнаго довольства среди голодающаго, нищенскаго населенія.

Мужики умоляютъ о кускѣ хлѣба, въ то время какъ собакъ кормятъ этимъ хлѣбомъ и мясомъ. Люди мрутъ отъ болѣзней, въ то время какъ существуетъ здѣсь врачъ и фельдшеръ и даже земская аптека. И вмѣсто врача, который пьетъ дорогой коньякъ и масляными глазами смотритъ на красивую дѣвушку, леченіемъ больныхъ занимаются по необходимости профаны, въ родѣ Колодищева и Вѣры.

Народъ гибнетъ отъ самаго элементарнаго невѣжества, и мужики мало чѣмъ отличаются отъ какихъ-нибудь африканскихъ дикарей, а имъ строятъ какіе-то театры и аудиторіи, вмѣсто начальныхъ школъ.

Помѣщики вносятъ за неисправныхъ плательщиковъ недоимки, а мужики „жгутъ“ помѣщиковъ, и этимъ выражается ихъ благодарность.

Но вѣдь это какая-то дичь, сказка? Вѣдь это же—нелѣпость, невозможная въ цивилизованной странѣ!

Онъ не привыкъ къ такой жизни. Какъ можно ѣсть, когда кругомъ стонутъ отъ голода? Какъ можно благотворить, когда тебя за это „сожгутъ“? Конечно, и въ Лондонѣ существуетъ пролетаріатъ; но жизнь въ огромной столицѣ—не то, что жизнь въ деревнѣ. Тамъ нѣтъ такого непосредственнаго общенія между богатымъ и бѣднымъ классомъ; нужда не лѣзетъ такъ дерзко, такъ назойливо на глаза достаточному человѣку... И во всякомъ случаѣ, тамъ, по крайней мѣрѣ, можно обѣдать спокойно.

Бѣжать отсюда и какъ можно скорѣе! А еще его убѣждаютъ не продавать Будаевки! А что ему здѣсь дѣлать? Заняться леченіемъ мужиковъ, какъ Колодищевъ и Вѣра, или начать читать въ народной аудиторіи объ открытіи Америки Колумбомъ, когда мужики не знаютъ не только Америки, но даже простой азбуки.

„Нелѣпость, нелѣпость, нелѣпость!“—мысленно твердилъ онъ, и долго не могъ придти въ себя отъ изумленія.

XII.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней, Вѣра бродила утромъ въ рощѣ.

Въ легкомъ свѣтломъ фуляровомъ платьѣ, въ широкой соломенной шляпкѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, она шла по лѣсной тропинкѣ въ глубокой задумчивости.

Въ зеленовато-золотистыхъ сумеркахъ лѣса, стройная и изящная, она казалась лѣсной феей съ ея задумчиво красивымъ лицомъ, свѣтло-каштановыми волосами и загадочными эмалевыми глазами.

Лицо ея было въ тѣни, такъ какъ широкія поля соломенной шляпки защищали его отъ этихъ зеленоватыхъ сумерекъ. Она чувствовала въ этотъ день какую-то странную грусть и вообще была неважно настроена.

Совсѣмъ, совсѣмъ другого ожидала она отъ пріѣзда Будаева. Но вотъ ужъ онъ живетъ здѣсь около двухъ недѣль и только думаетъ о томъ, какъ бы ему окончательно переговорить съ Щеклѣевымъ.

А Щеклѣевъ „выдерживаетъ“, не ѣдетъ, несмотря на посланное ему извѣстіе о пріѣздѣ помѣщика, выдерживаетъ вѣроятно для того, чтобы показать, что онъ вовсе не торопится этой покупкой, а въ случаѣ чего—можетъ легко и отказаться отъ нея. Она его хорошо вѣдь знаетъ.

Будаевъ сердится на эту проволочку.

Еще бы! Онъ привыкъ дѣлать дѣла на европейскій ладъ: быстро, точно, осмысленно, безъ лишняго пустословія, безъ взаимнаго подсиживанья, принимая во вниманіе лишь одну дѣйствительную выгоду оцѣнки.

Въ послѣднее время Будаевъ мраченъ.

Очевидно, все ему здѣсь уже надоѣло, и онъ никакъ не разсчитывалъ на затяжку. Положимъ, времени еще немного прошло, но дѣло-то вѣдь еще и не начиналось.

Вѣра нагнулась, заинтересовавшись какимъ-то голубымъ цвѣточкомъ.

Потомъ она пошла дальше.

Она такъ любила этотъ славный, родной лѣсъ, съ его таинственной тишиной, съ его странной безмятежной жизнью, съ его живительнымъ воздухомъ, наполненнымъ запахомъ цвѣтовъ, съ его шелестомъ листьевъ, журчаньемъ ручейка на днѣ крутого оврага и пѣньемъ лѣсныхъ птицъ.

Она думала, что Будаевъ привыкнетъ мало-по-малу къ этой мирной, родной природѣ, что онъ полюбитъ эти свѣтло-зеленыя поля, изумрудный лѣсъ, молочно-голубое небо, темныя фіолетовыя дали, эти червонные закаты и пурпурные восходы солнца, этотъ поэтичный свѣтъ серебряной луны и спокойное мерцанье звѣздъ въ глубинѣ безпредѣльнаго небеснаго шатра.

Она думала, что онъ полюбитъ этихъ обездоленныхъ людей, живущихъ тамъ, вдали отъ усадьбы, въ грязныхъ избахъ, среди физическихъ страданій, среди болѣзней и голодовокъ, среди тяжелой работы. Она думала, что онъ пойметъ, почему эти люди иногда не выдерживаютъ и начинаютъ мучительно жаловаться, а начавъ жаловаться, приходятъ въ озлобленіе, несмотря на всю глубокую вѣру ихъ въ то, что Богъ опредѣлилъ человѣку трудиться въ „потѣ лица“, чтобы имѣть право на жизнь.

Страдая, работая и временами озлобляясь, они рѣдко разсуждаютъ и еще рѣже задаются вопросомъ: зачѣмъ, для чего нужна имъ эта нелѣпая, мучительная жизнь?

Такіе вопросы и Вѣрѣ рѣдко приходили на умъ, и она ни разу еще не съумѣла себѣ отвѣтить на нихъ удовлетворительно.

Но Будаевъ не полюбилъ ни этой природы, ни этихъ людей.

Да и какъ могъ бы онъ полюбить ихъ?

Кромѣ той поѣздки, на которую его вынудилъ ея отецъ, онъ ни разу не двинулся съ мѣста.

Онъ сталъ даже неразговорчивъ, молчаливъ, какъ-то угрюмъ. Не хуже Трофима Сулы!—улыбнулась она.—Конечно, свѣтски-угрюмъ; онъ остался все тѣмъ же вѣжливымъ, корректнымъ бариномъ.

Но ихъ завтраки и обѣды стали проходить вяло, скучно, несмотря на то, что проходили въ разговорахъ.

Будаевъ говорилъ обо всемъ, но больше всего о Лондонѣ, о заграничной жизни. Русской жизнью онъ совершенно не инте-

ресовался. Остальное время онъ проводилъ въ своемъ кабинетѣ, читая англійскія книжки или разговаривая подолгу съ Джономъ.

Оба сердились, что газеты приходится читать два раза въ недѣлю, когда посылали на слишкомъ отдаленную станцію нарочнаго.

Такимъ образомъ „Times“ прибывалъ въ Будаевку съ опозданіемъ на двѣ, а иногда и на три недѣли, и это ужасно раздражало его.

Сухой трескъ раздался подъ ногами Вѣры.

Она вздрогнула и вышла изъ задумчивости. Это была вѣтка, на которую она наступила.

Выйдя изъ задумчивости, Вѣра вдругъ поймала себя на неожиданномъ открытіи: а вѣдь все время она только и думаетъ о Будаевѣ.

Около часу гуляетъ она по лѣсу, но уже не ощущаетъ въ себѣ ни прежняго наслажденія прогулкой, ни прежняго отраднаго покоя.

Мысль ея все чаще и чаще возвращается къ нему, къ этому новому и странному для нея явленію жизни.

Мысль эта, какъ привязавшійся напѣвъ, держитъ ее въ плѣну.

Зачѣмъ?

Она досадливо пожала плечами и пошла дальше.

На поворотѣ тропы она встрѣтила вдругъ Вавакина.

Его приземистая фигура стала передъ нею, загородивъ ей путь.

Онъ растопырилъ руки.

— Не пущу дальше. Стопъ!

— Здравствуйте!—сказала она.

Вавакинъ былъ особенно непріятенъ ей въ послѣднее время.

Онъ сталъ какъ-то особенно усиленно пить. И тонъ его сдѣлался совершенно невозможнымъ. Онъ позволялъ себѣ какіе-то намеки, двусмысленности, шуточки по отношенію къ ней и Будаеву, а она рѣшительно не выносила его въ этомъ состояніи.

— Вы какъ сюда попали?—спросила она его, чтобы что-нибудь сказать.

— Собственными ногами, красавица. Позвольте ручку.

Она неохотно протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ продолжительнымъ поцѣлуемъ.

— Я потому спросила, что, знаю, вы не особенный любитель лѣса и вообще прогулокъ.

— Вѣрно! Не люблю лѣса, когда въ немъ никого нѣтъ или когда въ немъ мужики, занимающіеся порубкой. Но когда въ немъ лѣсная фея—люблю лѣсъ!

Она холодно взглянула на него.

— Вы развѣ знали, что я здѣсь?—спросила она.

— Не зналъ, но чувствовалъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ.

— Вотъ какъ! И давно ваше сердце стало такимъ чувствительнымъ аппаратомъ? Да и не знаю, какъ оно могло почувствовать вѣсть, когда я вовсе о васъ не думала.

— Кха!—крякнулъ онъ.—Вы думали, конечно, о немъ?

Вѣра строго посмотрѣла на него.

— О комъ это о немъ?—холодно сказала она.—Говорите яснѣе. Я не люблю загадокъ.

— О немъ! О комъ же еще? Конечно, объ „англичанинѣ“.

— Я еще менѣе загадокъ люблю эти шутки,—рѣзко сказала она.—Поэтому, если хотите идти со мною, то совѣтую отъ нихъ воздержаться.

— Ого! Какъ вы это говорите!.. Но я вовсе не шучу. Вся округа говоритъ и думаетъ только о немъ. Всѣ заинтересованы имъ. Воздухъ наполненъ имъ. Куда ни толкнись—все только Будаевъ, да Будаевъ. Ей Богу! Такъ что̀ же удивительнаго, что и вы о немъ можете думать? Ей Богу, ничего удивительнаго нѣту. Но ежели вы не думаете о немъ, то это мнѣ доставляетъ радость.

— Вамъ?!—воскликнула она и даже остановилась.

— Мнѣ. А что?

— Удивляюсь.

— Почему?

— Да что̀ же вамъ-то? Не все равно развѣ, о комъ я думаю?

— А я думаю, что не все равно. Сначала мечтали о Колодищевѣ, а теперь мечты тянутся къ Будаеву.

Вѣра вспыхнула.

Она зонтикомъ стала сбивать головки травъ.

— Съ вами невозможно говорить, потому что вы отвѣчаете не на вопросы. О Колодищевѣ я никогда не думала. Я его очень уважаю и люблю, но тѣхъ намековъ, которые вы дѣлаете, я не допущу.

— Колодищевъ не влюбленъ въ васъ?

— Вздоръ, конечно. Но если даже и такъ, это не значитъ, что и я въ него влюблена. А относительно Владиміра Сергѣевича такъ ни того, ни другого нѣтъ. И это вы отлично знаете... Но все это не относится къ дѣлу. Положимъ, я влюблена въ... Будаева. Вамъ-то что̀, спрашиваю я васъ?

Она это сказала беззаботнымъ, шутливымъ тономъ, чтобы не дать ему ни малѣйшаго повода подумать противное. Еслибы она разсердилась, онъ бы счелъ себя правымъ.

— Мнѣ—много, Вѣра Дмитріевна. Потому что я самъ давно влюбленъ въ васъ.

Она звонко разсмѣялась.

— Вы?—проговорила она.

— Да, я. Что̀ же тутъ удивительнаго? Я не могу влюбиться? Или нѣтъ, вѣрнѣе: полюбить.

— Отчего же? Всякій человѣкъ способенъ полюбить что-нибудь кромѣ...

— Коньяка, вы хотите сказать? Зло и немилосердно. Зло и несправедливо. Во-первыхъ, не всякій способенъ любить, а только тотъ, у кого есть сердце...

— А развѣ есть люди безъ сердца?—все въ томъ же шутливомъ тонѣ спросила она. — Вы плохой врачъ, это я давно знаю. Но у васъ нужно отнять дипломъ, если вы способны предположить, что можетъ существовать человѣкъ, лишенный такого важнаго о̀ргана...

— Вы все шутите. Но я повторяю, любить можетъ человѣкъ съ сердцемъ. Будаевъ, напримѣръ, любить не можетъ, потому что у него вмѣсто сердца нумеръ „Таймса".

Вѣра опять вспыхнула и на этотъ разъ разсердилась.

— Я васъ очень прошу,—дрогнувшимъ голосомъ сказала она,—оставить въ покоѣ Владиміра Сергѣевича.

— Это васъ такъ трогаетъ?—хихикнулъ докторъ.

— Да, это меня трогаетъ.

Они пошли молча.

Вѣра шла насупившись, смотря въ землю, какъ будто внимательно и сосредоточенно присматривалась къ цвѣтамъ.

Вавакинъ посвистывалъ, что̀ дѣлалъ всегда, когда находился въ растерянномъ состояніи духа.

Онъ молча смотрѣлъ искоса на Вѣру, на ея опущенные глаза въ голубой тѣни отъ широкихъ полей шляпки, на ея тяжелые свѣтло-каштановые волосы, на ея плотно сжатыя прекраснаго рисунка губы, и наконецъ проговорилъ въ полголоса:

— Вы на меня еще сердитесь?

Она съ досадой взглянула на него.

— Зачѣмъ вы идете со мною?—рѣзко сказала она.—Другой, на вашемъ мѣстѣ, давно ушелъ бы въ другую сторону.

— Но ежели мнѣ пріятно гулять съ вами?

— Не вижу,—что̀ можетъ быть пріятнаго. Я не въ духѣ, вы это должны чувствовать.

— Вотъ я и хочу развеселить васъ.

Она улыбнулась.

— Вашими-то пріемами? Странная идея!

— А вотъ, однако, вы улыбнулись.

И вдругъ онъ заговорилъ въ серьезномъ тонѣ, въ такомъ тонѣ, котораго она никогда не слыхала отъ него прежде.

Она насторожилась и вдумчиво посмотрѣла на него, до того это ее поразило.

— Вѣра Дмитріевна, — началъ онъ, — прошу васъ, отнеситесь ко мнѣ внимательно на этотъ разъ. По всей вѣроятности, мы говоримъ съ вами сегодня въ послѣдній разъ.

Она не поняла его.

— Почему въ послѣдній разъ? — удивленно спросила она.

— Я рѣшилъ перевестись отсюда.

— Вы? Вы рѣшились перевестись отсюда? Куда? Когда? Зачѣмъ?

— Извольте, я отвѣчу на всѣ ваши вопросы. Куда — не знаю. Туда, гдѣ дадутъ мнѣ мѣсто, если дадутъ еще... — грустно добавилъ онъ. — А то, можетъ быть, погонятъ въ отставку. Какой же я врачъ, я вѣдь знаю...

Ее тронуло это признаніе.

— Вы могли бы быть хорошимъ врачомъ, еслибы взяли себя въ руки.

— Ну, оставимъ это... Когда? — Я не знаю. Какъ можно скорѣй, какъ только удастся, и чѣмъ скорѣе удастся — тѣмъ лучше. Чтò вы на меня такъ смотрите? Вы думаете, я говорю неправду? Клянусь, я говорю правду, не хуже, чѣмъ говоритъ ее Сазановъ. И еще клянусь: я сегодня ничего еще не пилъ. Потому я и не въ духѣ, но зато могу говорить ясно и здраво. Ну, а третій вопросъ посложнѣе. Зачѣмъ? Вотъ именно, зачѣмъ? А впрочемъ, чтò же тутъ сложнаго? Очень даже просто, — съ напускной храбростью сказалъ онъ, и тотчасъ же тихо, тихо прибавилъ: — все дѣло въ томъ, что я люблю васъ.

Это признаніе, такъ неожиданно свалившееся на Вѣру, такъ не шло къ этому коренастому, бòльшею частью нетрезвому человѣку, съ некрасивымъ лицомъ, маленькими глазками и растопыренными короткими пальцами, что ей стоило большого труда, чтобы не разсмѣяться.

Будь это въ другое время, она бы сочла это одной изъ многочисленныхъ его грубоватыхъ шутокъ, которыя онъ говоритъ въ состояніи легкаго опьяненія.

Но теперь, увидя его убитую горемъ фигуру, всмотрѣвшись въ его безпокойно бѣгавшіе глазки, ей стало его до слезъ жалко.

— Иванъ Михайловичъ, милый, — также тихо сказала она: — зачѣмъ это? Зачѣмъ? Ну, зачѣмъ? Мы были съ вами друзьями, хорошими друзьями. Я часто бранила васъ за ваше поведеніе, но я любила васъ, какъ хорошаго человѣка. И вы относились ко мнѣ по-дружески. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ это?

Она остановилась и скорбно глядѣла на него, потому что чувствовала, что онъ дѣйствительно, не въ шутку страдаетъ.

Онъ стоялъ передъ ней, какъ уличенный въ непозволительной шалости школьникъ, какъ человѣкъ, на котораго внезапно свалилась штукатурка, самъ изумлявшійся своей смѣлости и той легкости, съ которою у него вырвалось это признаніе, давно уже шевелившееся въ его отуманенномъ мозгу и начавшемъ застывать сердцѣ.

Но говорить надо было, онъ это чувствовалъ.

Нельзя же такъ стоять безъ конца и не оправдываться.

Онъ чувствовалъ, что его признаніе требовало оправданія.

— Видите ли,—началъ онъ робко:—можетъ быть, я сказалъ вамъ рѣзко, очень рѣзко... нужно было подготовить... но это въ первый разъ со мной, ей Богу, въ первый разъ. И я не умѣю. Вотъ такъ вырвалось... Право, не знаю какъ. Можетъ быть, такъ и не дѣлается. Но какъ дѣлается—я не знаю... Я привыкъ все валить на чистоту, напрямикъ. Вотъ я и говорю: я люблю васъ. И самъ знаю, что коротко это, рѣзко...

Она поспѣшила ему помочь.

— Иванъ Михайловичъ, но что̀ же дальше? Это—большое несчастье для васъ, но... на что̀ вы надѣетесь, чего вы хотите?

— Натурально, вашей руки. То-есть, брака, чего же больше?

Она почувствовала точно оскорбленіе въ этихъ словахъ.

Вдругъ все сочувствіе, вся жалость къ нему у нея пропала.

— Этого никогда не будетъ,—холодно и сухо отвѣтила она, и сейчасъ же раскаялась въ этой холодности и сухости. И вообще она сама не знала, что̀ въ ней творится.

Но Вавакинъ уже сталъ приходить въ себя.

— Никогда не будетъ,—проговорилъ онъ твердымъ голосомъ, въ которомъ какъ будто зазвучала обида.—Но почему? Почему вы не хотите выйти за меня? Я вѣдь не такъ же старъ, мнѣ нѣтъ пятидесяти. Я служу, получаю порядочное жалованье; наконецъ, на что вы разсчитываете въ этой глуши?

Мало-по-малу онъ приходилъ въ обычное возбужденіе.

— И почему вамъ, ей Богу, не выйти за меня? Такъ вѣдь легко и вовсе засидѣться, въ особенности въ нашихъ краяхъ. Вѣдь не на Колодищева же и не на Будаева вы, въ самомъ дѣлѣ, разсчитываете?

Теперь онъ чувствовалъ неодолимую жажду отмстить ей за то униженіе, которое только-что перенесъ.

Она закусила губы и съ ненавистью упорно посмотрѣла на него, но ничего ему не отвѣтила.

— Почему вы не хотите выйти за меня? — уже совсѣмъ рѣзко спросилъ онъ ее и остановился.

— Могу я не хотѣть выйти за васъ или не могу?—отвѣтила она ему въ томъ же тонѣ.

— Можете, конечно, но почему? Почему?

Она разсердилась.

— Вы хотите знать причину?

— Обязательно.

— Потому что я васъ не люблю. Не люблю такъ, какъ надо любить, чтобы выйти замужъ за человѣка.

Вавакинъ насмѣшливо и протяжно свистнулъ.

— Э-ва!—съ обычной грубостью протянулъ онъ.—Нашли причину, ей Богу! Зачѣмъ же непремѣнно любить? Довольно, ежели одинъ кто-нибудь любитъ. А къ другому это придетъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Обязательно. Не можетъ не придти. Я знаю одного человѣка, который слышать не могъ запаха спаржи. А потомъ полюбилъ и даже пристрастился. Ей Богу! Всякая идіосинкразія можетъ пройти.

— Моя – неизлечима,—сказала она опять въ шутливомъ тонѣ, такъ какъ ея раздраженіе уже прошло. Очень забавно показалось ей упоминаніе о спаржѣ.—Это у меня должно быть органическое,—продолжала она.—И притомъ, право же, у васъ очень мало общаго со спаржей.

Вѣра засмѣялась, но Вавакинъ былъ все еще золъ и хмуръ.

— Какъ хотите, — сказалъ онъ мрачно-рѣшительнымъ тономъ, — я не отступлюсь отъ этой идеи. Я хочу на васъ жениться, и думаю, что, рано или поздно, вамъ необходимо будетъ сдѣлать этотъ шагъ.

Она нахмурила брови.

— Необходимо?—задумчиво проговорила она, какъ бы отыскивая тайный смыслъ, который могъ бы скрываться въ этомъ словѣ.—Почему необходимо? Что̀ вы хотите сказать?

— Всяко бываетъ. И не такое бываетъ... „Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацiо, что̀ и не снилось нашимъ мудрецамъ“... Вотъ вамъ кажется невозможнымъ это, а я увѣренъ,—я, ей Богу, увѣренъ, что это случится.

— Оставайтесь при этой увѣренности,—опять раздраженно сказала она, потому что ощутила нѣкоторый суевѣрный страхъ при такой категоричности.—Никто, конечно, не можетъ отнять у человѣка увѣренности, разъ онъ увѣренъ.

— Это точно. Ничего вы со мной не подѣлаете. Такъ я

буду ждать!—самымъ естественнымъ и дѣловымъ тономъ сказалъ онъ, точно дѣло шло объ уплатѣ по векселю.

Она пожала плечами.

— Послушайте, Вавакинъ,— сказала она:—еслибы не было такъ рано, то я подумала бы, что въ васъ говоритъ коньякъ, а вы сами ни при чемъ.

— Ахъ, оставьте вы мой коньякъ въ покоѣ! Никому онъ не приноситъ вреда, ей Богу!

— Кромѣ какъ вамъ самимъ.

— Можетъ быть-съ. Но это опять-таки никого не касается. Я же не пристаю къ вамъ, что вы пьете кофе?

Они опять двинулись въ путь молча.

У калитки сада, къ которому они незамѣтно подошли, пройдя рощу, Вавакинъ опять остановился, растопырилъ руки и упрямо проговорилъ:

— Подумайте хорошенько, Вѣрочка...

— Пожалуйста, не называйте меня такъ... Хотя вы и знали меня дѣвочкой, но я не желаю, чтобы меня такъ называли, въ особенности послѣ нашего разговора.

— Когда-нибудь да буду васъ звать такъ, упрямая дѣвица. Такъ не все ли равно—раньше или позже? И что̀ значитъ раньше, что̀ позже? Ей Богу, это условно.

Не отвѣчая ему, она прошла въ калитку.

Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, не зная, слѣдовать ли за нею, или удалиться.

— Прощайте, Иванъ Михайловичъ!—шутливо сказала она ему.—Будьте здоровы.

— И вамъ того же!

Онъ побрелъ назадъ и, по издавна усвоенной имъ привычкѣ, началъ вслухъ разсуждать самъ съ собой, разводя руками и качая головой.

— И какъ это я раньше не сообразилъ всего этого? Какъ не догадаться было, что я влюбленъ?—Онъ постукалъ себя пальцемъ по лбу.—Проклятая башка! Что̀ бы догадаться до пріѣзда Будаева? Чего добраго, этотъ англичанинъ нагадитъ. Старъ, братъ, становишься, Михайлычъ: сообразительность въ ущербѣ. А діагнозъ и не такой дуракъ, какъ я, съумѣлъ бы поставить. Неужто же я ее прозѣваю? Вотъ вздоръ! Ужъ чего я захочу, то непремѣнно будетъ.

И успокоившись на этой мысли, онъ углубился въ рощу.

XIII.

Въ послѣднее время Вѣра чувствовала, что съ ней творится что-то неладное.

Ея всегдашнее ровное, спокойное расположеніе духа все чаще и чаще стало покидать ее. Она ощущала какую-то странную, необъяснимую тревогу, душевное смятеніе, тоску, которой никогда не испытывала прежде.

Ее тянуло куда-то въ даль, и она совершала длинныя прогулки по полямъ и лѣсамъ, шла быстро, какъ будто желая уйти отъ тѣхъ темныхъ мыслей, которыя зарождались въ ея головѣ, отъ тѣхъ ощущеній, которыя тревожили ея сердце. Ни этихъ мыслей, ни этихъ ощущеній она не могла себѣ выяснить, и это все походило на неопредѣленную боль, глухо ощущаемою организмомъ при зарожденіи въ немъ какой-нибудь серьезной болѣзни.

Часто она не приходила домой обѣдать и объясняла свое отсутствіе затянувшейся прогулкой.

Очень неохотно встрѣчалась она теперь съ Будаевымъ. Его скучающій, угнетенный видъ, вѣжливые и вялые разговоры болѣзненно дѣйствовали на нее.

Она чувствовала, что не можетъ уважать этого человѣка, такого равнодушнаго къ тому, что̀ она любитъ, и такого чужого имъ всѣмъ.

И при встрѣчѣ съ нимъ ей дѣлалось какъ-то не по себѣ. Она пробовала анализировать это необыкновенное чувство, впервые посѣтившее ее, но такъ какъ она не привыкла анализировать и разбираться въ сложныхъ вопросахъ духа, то у нея совершенно ничего не выходило въ результатѣ.

Въ концѣ мая наступилъ день годовщины смерти ея матери. Въ этотъ день она издавна привыкла ходить на сельское кладбище, гдѣ о. Павелъ служилъ по ея просьбѣ панихиду.

Въ сопровожденіи отца она отправилась на кладбище, но послѣ панихиды не захотѣла вернуться съ нимъ домой, а осталась у могилы матери.

Сельское кладбище, окруженное съ трехъ сторонъ крестьянскими нивами, а четвертой прилегавшее къ опушкѣ лѣса, содержалось довольно исправно и имѣло уныло-красивый видъ съ его поэзіей смерти.

Оно было бѣдно, и только два памятника рѣзко выдѣлялись на фонѣ покосившихся крестовъ крестьянскихъ могилъ. Одинъ принадлежалъ ея матери, другой—монументальный—представлялъ изъ себя фамильный склепъ Будаевыхъ. Здѣсь были похоронены

прадѣдъ, дѣдъ и отецъ Владиміра Сергѣевича съ ихъ женами. Только мать послѣдняго владѣльца Будаевки нашла успокоеніе въ Англіи. Подъ небольшой красивой часовней, воздвигнутой надъ склепомъ, было еще много мѣста, разсчитаннаго для будущихъ поколѣній этой старой дворянской семьи.

Когда она рѣшила наконецъ уйти съ могилы матери и проходила мимо часовни, она увидѣла, какъ низенькая чугунная рѣшотка отворилась, и изъ часовеньки вышелъ Будаевъ.

Она никакъ не ожидала этой встрѣчи и вздрогнула.

Ей хотѣлось уйти незамѣченной, и она сдѣлала движеніе въ сторону, но было уже поздно, потому что Будаевъ окликнулъ ее.

— Здравствуйте, Вѣра Дмитріевна!—сказалъ онъ ей просто и по привычкѣ крѣпко пожалъ ей руку.—Васъ въ послѣднее время рѣдко видно... Какъ поживаете?

Онъ говорилъ это съ своей обычной холодной вѣжливостью, и она отлично чувствовала, что онъ говоритъ эти слова—какъ сказалъ бы всякія другія, соотвѣтствующія случаю.

Она холодно отвѣтила ему:

— Благодарю васъ...

— Я собрался посѣтить могилу покойнаго батюшки,—сказалъ онъ.

— Только теперь?—вырвалось у нея, и она покраснѣла, тотчасъ же сообразивъ неловкость вопроса: точно она упрекала его въ отсутствіи сыновняго чувства къ памяти отца.

Его всегдашняя полу-насмѣшливая улыбка легла на его лицо.

— Только теперь,—отвѣтилъ онъ.—Это нехорошо? Но что̀ вы хотите: отца я совершенно не зналъ, и откуда же мнѣ взять сыновнее чувство? Я и не спѣшилъ. Тѣмъ болѣе, что я врагъ всякаго сентиментализма, да еще по самому существу своему не могущаго быть искреннимъ. И потомъ, въ этой растительной жизни, которую я веду здѣсь, въ этой атмосферѣ русской деревни, гдѣ все такъ тихо, точно въ могилѣ, есть, право, что-то разслабляющее, и я начинаю опасаться за свое будущее. Если мнѣ еще придется прожить здѣсь съ мѣсяцъ, я, кажется, окончательно лишусь способности желать, способности проявлять свою волю. Русская деревня навѣваетъ какой-то гипнотическій, тяжелый сонъ.

Его слова были ей непріятны и холодомъ прошлись по ея душѣ.

— Вы все нападаете на нашу деревню,—неохотно сказала она,—на нашу милую, родную деревню, гдѣ природа такъ же проста, какъ люди, и гдѣ вѣетъ такой тишиной!

— Тишиной могилы,—улыбнулся онъ.—Я смотрѣлъ нашъ фамильный склепъ,—прибавилъ онъ.—Онъ очень хорошо содержится, и, видимо, кто-то наблюдаетъ за нимъ. Много свѣжихъ цвѣтовъ... Надо будетъ поблагодарить вашего батюшку. У него образцовый порядокъ во всемъ.

— Вы можете на этотъ разъ поблагодарить меня,—сказала она.—Это я забочусь о цвѣтахъ...

— Да? — протянулъ онъ. — Я очень тронутъ, благодарю васъ. Но почему вы взяли эту заботу на себя?

Она укоризненно взглянула на него.

— Здѣсь похоронена моя мать. Такъ какъ я, вѣроятно, сентиментальна по природѣ,—что̀, конечно, является большимъ недостаткомъ въ вашихъ глазахъ,—то я часто бываю здѣсь. Мнѣ, поэтому, ничего не стоитъ слѣдить за могилой покойнаго товарища моего отца. Я и дѣлаю это.

Онъ продолжительно посмотрѣлъ на нее, и она, замѣтивъ этотъ взглядъ, смутилась.

— Что̀ вы такъ задумались?—невольно спросила она.

— Я удивляюсь вамъ,—долженъ онъ былъ отвѣтить.—Удивляюсь вашей любви къ деревнѣ, къ усадьбѣ, къ кладбищу. Все это вамъ безконечно близко... Я не испытываю ничего подобнаго, и меня нѣсколько удивляетъ эта привязанность къ одному мѣсту, только потому что человѣкъ случайно родился на немъ.

Она раздраженно сказала ему:

— Но вѣдь вы же привязаны къ Лондону?

— Я? Нисколько. Еслибы меня перевели въ нашу парижскую миссію, или даже въ Римъ, Вѣну, я ничего не имѣлъ бы противъ этого. Я, вообще люблю крупные центры и жизнь въ нихъ.

— Какой вы... чужой!—вырвалось у нея.

Онъ опять улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ.

— Да, чужой, чужой намъ по духу,—продолжала она, мало-по-малу одушевляясь.—Вы презираете все, что̀ мы любимъ...

— О, „презираете“! Это сильно сказано.

Но она почувствовала какой-то внутренній порывъ и, перебивая его, продолжала:

— Вы ненавидите все, что̀ намъ дорого и близко. Какой же вы русскій? Только по имени и по вѣрѣ? Но духъ у васъ чужой. Вы не любите Россіи, вы какъ тотъ чужеземецъ, который, по словамъ Лермонтова, былъ,—помните?—

Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой законъ и нравы,

Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что̀ онъ руку подымалъ!

Будаевъ громко засмѣялся, что̀ случалось съ нимъ чрезвычайно рѣдко.

— Позвольте, позвольте, я никого еще не убилъ, и никакого кроваваго мига еще не было!—сказалъ онъ.

— Изъ пѣсни слова не выкинешь, — уже смущенно отвѣтила она.

— И право же я никого и ничего не презираю.

— Но вы не любите, не любите Россіи,—настойчиво говорила она.—Вы смертельно скучаете среди насъ, васъ тянутъ къ себѣ „иные берега, иныя волны"...

Вы въ поэтическомъ настроеніи сегодня...

Но она не обратила вниманія на эти слегка насмѣшливыя слова.

— Да, вы мечтаете уѣхать отсюда, чтобы никогда больше не пріѣзжать. Сами вы здѣсь, но духъ вашъ далеко, далеко...

Она остановилась у часовни и показала рукой на склепъ.

Онъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, поглядѣлъ на нее. Вѣра, съ ея глубокими эмалевыми глазами, съ ея прекрасной тонкой и изящной фигуркой, прекрасно выдѣлявшейся на темной зелени кустовъ, была очень красива. Въ ея загадочныхъ глазахъ горѣлъ теперь огонекъ сильнаго душевнаго волненія.

Протянутой рукой она указала на склепъ и проговорила какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ:

— Настанетъ день, когда привезутъ сюда ваши останки и положатъ ихъ рядомъ съ вашими предками. Я не знаю, гдѣ тогда будетъ вашъ духъ и гдѣ онъ найдетъ успокоеніе. Но тѣломъ вы будете отдыхать въ родной землѣ. Золотыя нивы, зеленыя поросли, темныя лѣсныя дали будутъ окружать вашу могилу...

Она вдругъ остановилась. Ей сдѣлалось стыдно. Густая краска залила ея лицо.

Онъ съ искреннимъ недоумѣвающимъ любопытствомъ взглянулъ на это лицо.

— Ухъ, какая могильная поэзія!—мягко улыбнулся онъ, и на этотъ разъ въ улыбкѣ его не было ничего ироническаго.— Вы точно духъ могильный предвѣщаете мнѣ скорую смерть.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — горячо сказала она.—Живите, живите долго! Отъ всей души желаю вамъ этого. И простите меня за мои неумѣстныя, ненужныя слова. Я сама не знаю, что̀ со мною сегодня.

— Сегодня?—переспросилъ онъ ее съ удареніемъ.

— Да, сегодня. А что̀?

— Я думалъ,—вообще въ послѣдніе дни.

Она промолчала, какъ бы задумавшись надъ его словами.

— Да, правда,—сказала она, наконецъ:—я сама не знаю, что̀ со мною. Простите меня.

— О, за что̀ же? Вы ничего обиднаго не сказали. Вы сказали правду. Когда я умру, меня, конечно, привезутъ сюда, гдѣ похоронены мои предки, даже если Будаевка будетъ уже собственностью купца Щеклѣева.

— Это преступленіе,—твердо сказала она.

— Что̀—преступленіе? Продавать землю Щеклѣеву? Конечно, я охотно продалъ бы ее Колодищеву, напримѣръ, но, сколько мнѣ извѣстно, онъ не имѣетъ желанія покупать ее.

Они пошли къ кладбищенскому выходу.

— Послушайте, Вѣра Дмитріевна,—послѣ нѣкотораго молчанія, серьезнымъ тономъ сказалъ онъ.—Повѣдайте, какъ вы смотрите на жизнь? Какой вашъ идеалъ жизни? Тотъ ли, который красной нитью проходитъ черезъ всю нашу литературу?

— А какой именно?

— Я не знаю... идеалъ какого-то самоотреченія, аскетизма, жажды духовнаго подвига, страданій, вообще—что-то мрачное, тяжелое, буддійское. Одинъ англійскій ученый читалъ въ лондонскомъ литературномъ обществѣ объ этомъ идеалѣ славянской души, и я удивлялся ему,—до того этотъ идеалъ суровъ и теменъ. И вы исповѣдуете его, несмотря на вашу цвѣтущую молодость и... красоту?

Она не обратила вниманія на послѣднее слово и крайне серьезно, съ внутреннимъ убѣжденіемъ отвѣтила ему:

— Нужно другимъ отдавать то, что̀ имѣешь.

Онъ приподнялъ брови, крайне удивленный тономъ этого отвѣта столько же, сколько и словами.

— Даже самое дорогое?

— Даже самое дорогое.

— А если ничего не имѣешь?—пошутилъ онъ.

Но она еще серьезнѣе, какъ бы не допуская шутки въ такихъ вопросахъ, отвѣтила:

— Тогда надо отдать самого себя. Я это и стараюсь дѣлать,—просто продолжала она.—Польза отъ меня небольшая, но я живу въ деревнѣ, никуда не хочу и отдаю всю себя на служеніе крестьянамъ. Для себя я ничего не ищу, ничего не желаю. Я страдаю ихъ страданіемъ и радуюсь ихъ радостью. Та польза, какую я вношу въ ихъ жизнь, ничтожна. Но вѣдь

и я сама по себѣ—ничто. Ахъ, еслибы у меня было имѣнье,—конечно, я съумѣла бы принести имъ большую пользу. Но я думала, что еслибы каждый человѣкъ, даже маленькій, даже ничтожный, умѣлъ и желалъ бы принести на общее благо все то, что̀ принести въ силахъ, въ суммѣ это вышло бы значительно, и счастья прибавилось бы на землѣ. Мы съ отцомъ—служащіе, несамостоятельные люди, но мы дѣлаемъ все, что̀ можемъ и что̀ должны дѣлать, чтобы облегчить участь этихъ обиженныхъ судьбою людей.

— Крестьянъ?—спросилъ онъ.

— Да, крестьянъ. И повѣрьте, Дмитрій Сергѣевичъ, самый тяжелый день нашей жизни будетъ тотъ, когда Будаевка станетъ Щеклѣевкой и когда этотъ кулакъ начнетъ опутывать своими сѣтями этотъ бѣдный, темный народъ.

Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить ей, какъ вдругъ около нихъ, за оградой кладбища, послышались звонкіе и веселые голоса.

Они вышли въ поле, на дорогу.

Офицеръ и студентъ, увидя Вѣру, шумно привѣтствовали ее.

Оба стали у своихъ велосипедовъ. Одинъ привинчивалъ гайку свернувшагося на сторону сѣдла; другой дорожнымъ насосомъ надувалъ воздухомъ ослабѣвшую шину.

— Позвольте васъ познакомить,—сказала Вѣра остановившемуся въ недоумѣніи Будаеву.—Это... гости Евгеніи Львовны и Клавдіи Егоровны: monsieur Курнаковъ... monsieur Бериловъ, а это—Владиміръ Сергѣевичъ Будаевъ.

— Ахъ, Владиміръ Сергѣевичъ... очень пріятно, — сказалъ Курнаковъ. — Вотъ неожиданная встрѣча. А мы отъ васъ, изъ Будаевки...

— Очень жалѣю, что вы меня не застали.

— Да мы *никого* не застали,—проговорилъ Бериловъ,—ни васъ, ни Вѣры... Дмитріевны.

— Но мы можемъ вернуться всѣ вмѣстѣ, — предложилъ Будаевъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—сказалъ испуганно Курнаковъ:—Евгенія Львовна будетъ сердиться. Мы обѣщали къ завтраку.

— Да, мы обѣщали къ завтраку, — какъ эхо подтвердилъ Бериловъ, не отрываясь отъ своей шины и накачивая ее.

Фуражка его была сдвинута на затылокъ, и потъ градомъ струился по его молодому, вишневаго цвѣта лицу. Быстрая ѣзда возбуждала ихъ, и оба говорили какими-то особенно громкими голосами.

— Дѣло въ томъ, что Евгенія Львовна просила насъ заѣхать къ вамъ, чтобы передать вамъ ея приглашеніе.. 22 мая—

день рожденія Клавдіи Егоровны, и обѣ желали бы васъ видѣть въ Садкàхъ.

— Садкѝ—это имѣніе Скуридиныхъ,—пояснила Вѣра.

— Ахъ, да! я и не зналъ, что вы этого не знаете... Вѣдь вы недавно здѣсь...—сказалъ студентъ.—Нѣтъ, но каковы проклятыя дороги!—съ негодованіемъ продолжалъ онъ, обращаясь за сочувствіемъ къ Вѣрѣ.—Чуть не погубилъ машину! Положимъ, у меня лучшая американская машина—видите это клеймо. Если будете покупать, то только Кливлэндъ. И тормазъ на заднее колесо. Видите? Съ катящимися роликами — это не портитъ резины. Ахъ, что̀ же это я, заболтался! Ѣдемъ, Benjamin?

— Ѣдемъ, Jean. Я думаю, мое сѣдло не свернется.

— Мы и такъ опоздали, благодаря каторжнымъ дорогамъ. Мое почтеніе! Очень пріятно познакомиться. У васъ нѣтъ съ собой машины? Нѣтъ? Я съ удовольствіемъ, когда хотите... Вѣра Дмитріевна, мы васъ будемъ учить,—хотите? Не хотите?—напрасно...

Они вскочили на свои велосипеды и съ большимъ трудомъ запедалировали.

Потомъ оба сдѣлали вольтъ и повернули къ Будаеву и Вѣрѣ.

— Ахъ, да!—крикнулъ, не сходя съ велосипеда, Бериловъ:—вѣдь мы и забыли спросить: что̀ отвѣтить Евгеніи Львовнѣ?

— Вѣрнѣе сказать, мы не дали возможности отвѣтить,—поправилъ Курнаковъ.

— Смотрите! Смотрите! Я почти стою на мѣстѣ. Этого очень трудно достигнуть. Но я работаю на чэмпіонатъ.

— Поблагодарите за приглашеніе. Я непремѣнно буду.

— Олъ-райтъ!

Велосипедисты скоро исчезли изъ виду.

Будаевъ разсмѣялся.

— Ну, эти, по крайней мѣрѣ, врядъ ли исповѣдуютъ вашъ идеалъ самоотреченія!—сказалъ онъ Вѣрѣ.

Она съ нескрываемымъ презрѣніемъ отвѣтила:

— О, конечно, нѣтъ!—горячо сказала она.—Одинъ „работаетъ“ на чэмпіонатъ, вы слышали; другой даже надъ этимъ, кажется, не работаетъ. И оба состоятъ на посылкахъ у очаровательной Евгеніи Львовны. Она держитъ ихъ какъ комнатныхъ собачекъ, кормитъ ихъ и выпускаетъ гулять, но не иначе какъ съ какимъ-нибудь порученіемъ.

— Ого! Вотъ новое качество, о которомъ я не подозрѣвалъ: у васъ презлой языкъ.

Она пожала плечами.

Это неожиданное появленіе этихъ „шутовъ гороховыхъ“, какъ

она ихъ въ душѣ называла, сильно раздражило ее. Во-первыхъ, они помѣшали ея интимному разговору съ Будаевымъ; во-вторыхъ, она знала, что, увидя ее вмѣстѣ съ нимъ, да еще на кладбищѣ, они сочинятъ какую-нибудь „гнусную сплетню".

— А вамъ они нравятся? — спросила она. — Должно быть, да—вѣдь у нихъ нѣтъ аскетическаго идеала...

— Что-жъ,—отвѣтилъ Будаевъ,—по моему, это вполнѣ естественно. Молодость имѣетъ свои права и законы.

— Значитъ, я старуха,—улыбнулась она, и, отказавшись отъ его экипажа, подъ предлогомъ желанія сдѣлать прогулку, она отошла отъ него и углубилась въ луга, гдѣ высокая трава скоро скрыла ее отъ его взоровъ.

XIV.

Чѣмъ больше подвигалось впередъ лѣто, тѣмъ все болѣе и болѣе выяснялось, что деревнѣ угрожаетъ голодовка. Годъ тому назадъ, будаевскіе крестьяне пережили то, что на оффиціальномъ языкѣ называлось недородомъ. Всѣ подобрались хлѣбомъ и уже бѣдствовали. Въ воздухѣ чувствовался зной, готовый перейти въ засуху, а на поляхъ появился въ изобиліи какой-то червь и безпощадно съѣдалъ молодые всходы.

Все впало въ уныніе.

Только Будаевка была какой-то житницей, потому что въ ней былъ порядочный запасъ зерна, сваленный въ амбары въ урожайный годъ и до сихъ поръ еще не окончательно израсходованный.

Щеклѣеву посылались письма, ѣздили къ нему нарочные, но письма и нарочные, очевидно, не находили его, потому что онъ уѣзжалъ то въ „губернію" то ѣздилъ по „округѣ" и дѣлалъ видъ, что не особенно интересовался предстоящей покупкой.

Будаевъ спалъ и видѣлъ, какъ бы поскорѣе уѣхать, а Тормиловъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы задержать его здѣсь.

Отношенія съ Вѣрой у него остались какія-то невыясненныя, странныя, послѣ этого случайнаго свиданія на кладбищѣ.

При другихъ онъ почти не говорилъ съ нею, а иногда даже чуть-чуть иронизировалъ надъ ея горячностью и пылкостью. Оставаясь наединѣ съ нею, что случалось крайне рѣдко, онъ охотно вдавался въ длиныя разсужденія съ нею все по поводу тѣхъ же вопросовъ, такъ волновавшихъ ее.

Но самъ онъ больше молчалъ и слушалъ, оставаясь холод-

нымъ и безучастнымъ къ страданіямъ деревни, которыя были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ея страданіями.

Вокругъ было неспокойно; начиналось какое-то глухое броженіе.

Крыжовъ все чаще и чаще сновалъ по окрестностямъ на своей перекладной и сталъ еще болѣе худъ, желченъ и золъ.

Однажды онъ пріѣхалъ въ Будаевку совершенно растерянный.

Лицо его было блѣдно, губы дрожали отъ злости.

Онъ вошелъ на террасу, гдѣ сидѣли Будаевъ и Тормиловъ, обсуждая условія продажи имѣнья во всѣхъ деталяхъ.

— Здравствуйте!—сказалъ Крыжовъ отрывисто.—Я вамъ не мѣшаю?

— Нисколько,—отвѣтилъ Будаевъ.

— Я ѣхалъ мимо, изъ Колодищевки. Заѣхалъ передохнуть.

— Пожалуйста. У васъ такой усталый видъ.

Тормиловъ взглянулъ на Крыжова и понялъ, что въ его дѣятельности произошло что-то важное.

Онъ только-что хотѣлъ задать ему вопросъ, какъ самъ Крыжовъ сказалъ:

— Будетъ усталый видъ! Вы развѣ ничего не слыхали?

Будаевъ и Тормиловъ переглянулись.

— Нѣтъ, ничего...

— Вчера вечеромъ сожгли Колодищева.

Будаевъ не совсѣмъ понялъ это выраженіе.

— Какъ сожгли?!—вскрикнулъ онъ.

— Ну, да. У него обширныя службы во дворѣ. Ихъ подожгли съ трехъ сторонъ. Къ счастью, кучеръ его не спалъ и поднялъ тревогу. Начали тушить загорѣвшееся зданіе и потушили, какъ пожаръ начался въ другомъ углу, потомъ — въ третьемъ. Нашли связки соломы и пустую коробку спичекъ. А, каково? Убытокъ небольшой, все удалось залить. Еще хорошо, что у него прудъ близко и легко таскать воду.

— Никого не поймали?—съ тревогой спросилъ Тормиловъ.

— Кха!—откашлялся съ желчнымъ видомъ Крыжовъ.—Поймаешь этихъ мерзавцевъ! Я и безъ поимки знаю, что тутъ не безъ Сулы. Озлобленный, дерзкій мужикъ. Какой-то фанатикъ. Нѣтъ, вы поймите, господа,—воодушевился Крыжовъ,—вѣдь это ужасъ что̀ такое! Сула мститъ Колодищеву за случившееся съ нимъ когда-то несчастье. Сула на меня смотритъ звѣремъ, потому что я только исполнилъ то, что̀ я долженъ былъ исполнить, и продалъ его „худобу". Да вѣдь какъ же не продать-то, коли онъ упорно не платитъ недоимки?..

— Ну, вамъ всюду мерещится Сула... — неохотно сказалъ Тормиловъ.

— А вы готовы за этого негодяя въ огонь и въ воду! — озлобленно крикнулъ Крыжовъ. — Его обязанность платить подати. Обязанность гражданина. Пойдите, втемяшьте этому фанатику, что это—его обязанность! Положимъ, у мужиковъ—червь; урожая не будетъ, все будетъ выѣдено червемъ. Но что же дѣлать? Мнѣ-то что дѣлать? Мужики становятся дерзки. Вчера староста, при встрѣчѣ со мной, не снялъ шапки и говорилъ дерзко. Надо же было показать примѣръ. Я его послалъ въ городъ на высидку.

Тормиловъ всплеснулъ руками.

— Что вы дѣлаете, Аѳоній Петровичъ! Во время косовицы, въ самый разгаръ работъ, вы его сажаете... Вѣдь вы бьете его по карману, вы разоряете его хозяйство. И потомъ вы удивляетесь, что крестьяне васъ ненавидятъ!

— А что же мнѣ дѣлать? Нуженъ примѣръ. Строгій примѣръ. Сегодня не сниметъ шапки. Прошло благополучно. Завтра наговоритъ дерзостей, а послѣ-завтра—гдѣ-нибудь ночью укокошитъ дубиной.

— Какое несчастье, что вы смотрите на подчиненныхъ вамъ крестьянъ какъ на какихъ-то разбойниковъ! Вотъ въ чемъ ваша бѣда.

— Вы—либералъ, Дмитрій Александровичъ, я это давно знаю. Вы и ваша дочь. Вы ведете хозяйство, но вы все-таки довольно далеки отъ крестьянъ. Это они на насъ смотрятъ чуть не какъ на разбойниковъ.

— Если и такъ, то имъ это простительнѣе, чѣмъ вамъ. Они неразвиты, первобытны. Развѣ, напримѣръ, близко зная крестьянскій бытъ, какъ вы говорите, вы бы не могли отложить эту высидку до окончанія всѣхъ полевыхъ работъ, если ужъ высидка такъ необходима?

— Совершенно необходима. Повторяю: для примѣра. И откладывать нельзя—пройдетъ впечатлѣніе. Дайте только поймать мнѣ на чемъ-нибудь Сулу. Ого-го, что я съ нимъ сдѣлаю, съ мерзавцемъ! Будетъ онъ у меня мутить народъ. Вѣдь это ужасно, что дѣлается!—возмущался Крыжовъ.—Вчера же урядникъ донесъ мнѣ, а становой подтвердилъ, что какой-то Анисимъ-пьяница бродитъ по деревнѣ и подговариваетъ крестьянъ не звать попа на требы, подъ тѣмъ, молъ, предлогомъ, что попъ спрашиваетъ дорого, а имъ и такъ туго. На меня, говоритъ, сойдетъ благодать Господня, потому жизнь моя правильнѣе поповой, и я буду васъ окрещать и погребать задаромъ. Нѣтъ, что вы на это скажете? Но вѣдь отцу Павлу надобно же жить чѣмъ-нибудь, коли у него четверо ребятъ? Надо, я васъ спрашиваю?

— Все это ужасно ненормально,—вставилъ наконецъ свое слово Будаевъ.—Я вижу, что нашъ общественный крестьянскій строй разъѣдаютъ глубокія язвы. Конечно, священнику надо жить. Но онъ долженъ бы получать жалованье, разъ требы являются обязательными и священникъ является въ роли служащаго, оффиціальнаго лица, безъ функцій котораго нельзя обойтись.

Крыжовъ поморщился и потеръ себѣ лобъ.

— Да, конечно,—вяло отвѣтилъ онъ,—но что же дѣлать? Не намъ перестраивать эти порядки. Курьезная жизнь. Мало ли что здѣсь бываетъ! Вамъ, Владиміръ Сергѣевичъ, и во снѣ не снилось того, что здѣсь бываетъ. Дикіе вѣдь люди. А вы говорите—Англія! —обратился онъ къ Будаеву, хотя тотъ ровно ничего не говорилъ.—Далеко-съ намъ до Англіи!

— Да...—протянулъ Будаевъ.—Очень, очень далеко.

И все бòльшее и бòльшее изумленіе охватывало его отъ всѣхъ этихъ встрѣчъ и разговоровъ.

Періодическіе неурожаи, хлѣбные паразиты, эпидемическія болѣзни, падежи скота, невѣжество и мракъ, мелкая, безпощадная война двухъ земельныхъ классовъ—вотъ та Россія, какою онъ видѣлъ ее въ дѣйствительности, и которая казалась ему далекою отъ той Россіи, какую онъ зналъ по книжкамъ.

„Что тутъ можетъ подѣлать одинъ человѣкъ, еслибы даже онъ возлюбилъ свое отечество, какъ о томъ неустанно твердитъ Вѣра Дмитріевна?—думалъ онъ.—Нужно быть гигантомъ, чтобы всколыхнуть этотъ застоявшійся океанъ“.

„Ахъ, да скоро ли, наконецъ, пріѣдетъ Щеклѣевъ?“—съ тоскою сказалъ онъ себѣ.

XV.

Въ имѣньи Скуридиныхъ, Большихъ-Садкахъ, ждали гостей, по случаю дня рожденія бабушки, Клавдіи Егоровны.

Старухѣ было шестьдесятъ-пять лѣтъ, но она была еще очень подвижной, очень бодрой, благодаря дѣятельной жизни, которую она издавна вела.

Она жила постоянно за границей, съ давнихъ, очень давнихъ временъ. Родившаяся въ богатой семьѣ стараго дворянскаго рода, она получила французское воспитаніе и говорила по-русски только въ случаѣ необходимости, затрудняясь въ нѣкоторыхъ оборотахъ и вставляя чуждыя для русскаго слуха фразы.

Въ деревнѣ она, конечно, очень скучала и согласилась пріѣхать сюда ради внучки, Евгеніи Львовны, отъ которой отчасти зависѣла въ денежномъ отношеніи, потому что ея личныя сред-

ства, благодаря ея постоянному абсентеизму изъ Россіи и дорогому „train“ жизни, который она вела за границей, сильно пошатнулись въ послѣднее время, въ чемъ она, впрочемъ, обвиняла не столько себя, сколько правительство и въ особенности одинъ ὀрганъ его—министерство финансовъ, „благодаря неудачнымъ операціямъ котораго сдѣлался кризисъ, а мы всѣ оттого пострадали“.

Клавдія Егоровна, овдовѣвшая въ молодости, жила всегда самостоятельно и только недавно стала жить съ внучкой, послѣ того какъ у Евгеніи Львовны умерла мать, и молодая дѣвушка осталась безъ всякаго руководства и надзора.

Эта совмѣстная жизнь нѣсколько стѣсняла Клавдію Егоровну, и она стала усиленно мечтать о скорѣйшей выдачѣ своей внучки замужъ.

Пріѣхавъ въ Садки на это лѣто, она тотчасъ же, съ своей обычной энергіей, „обшарила“ всѣ помѣщичьи углы и не нашла ничего путнаго для Евгеніи Львовны.

Колодищевъ, который былъ у нея съ визитомъ, ей „не показался“. Медвѣдь какой-то, вѣчно сидящій въ своей деревенской берлогѣ и обожающій, къ тому же, эту берлогу.

Будаевъ жилъ въ Англіи, и, слѣдовательно, его нечего было и считать.

Сазановъ, о которомъ она кое-что слышала, какъ о маньякѣ, тоже не шелъ въ счетъ. Она даже съ нимъ не познакомилась.

Было еще нѣсколько незначительныхъ, мелкихъ помѣщиковъ, о которыхъ не стоило даже думать и говорить, да былъ еще Щеклѣевъ, богатѣйшій „мужланъ“, который, само собою, ни подъ какимъ видомъ не годился для ея внучки въ женихи.

Поэтому, когда она узнала о пріѣздѣ Будаева, то сразу оживилась и обрадовалась.

„Un gentilhomme pur sang,—подумала она:—il pourrait très convenablement faire l'affaire de la petite“.

Но Будаевъ, съ которымъ они провели очень пріятный saison въ Лондонѣ, почему-то до сихъ поръ не показывался у нихъ въ усадьбѣ.

Это обстоятельство очень интриговало старуху.

„Надо это аппрофондировать“,—рѣшила она и послала „les satellites de la petite“ — Берилова и Курнакова—въ Будаевку, чтобы пригласить ея владѣльца къ нимъ.

Когда оба сателлита вернулись, она ихъ допросила.

— Ну, чтò?—спросила она, сидя въ столовой за кофе.—Видѣли вы ce grand nigaud de Boudaëff?

— О, yes!—смѣясь, сказалъ студентъ.

— Довольно мрачный типъ, бабушка,—досказалъ офицеръ.

— Вы меня старите, мой молодой другъ, какая же я вамъ бабушка?—замѣтила она ему.

— Позвольте, я на пять лѣтъ старше вашей внучки. Развѣ у васъ не могъ бы быть такой внукъ?

— Mettons, но не въ этомъ суть. Онъ будетъ?

— О, yes!—сказалъ Бериловъ.

— Прекрасно. Какъ вы его нашли?

Молодые люди переглянулись.

— Мы спросили въ усадьбѣ—гдѣ онъ, и поѣхали въ поле.

— Vous n'y êtes pas... Я васъ спрашиваю, какъ вы его нашли?

— Но мы вамъ отвѣчаемъ... А, да! Эврика! Понялъ!—крикнулъ Бериловъ.—Benjamin, бабушка хочетъ знать наше впечатлѣніе.

— Именно,—подтвердила она.

— Il est très bien,—сказалъ Курнаковъ.—Англійскій стиль, строгій и скучноватый, какъ хорошая англійская мебель.

— Выдержанный коньякъ. Extra dry,—подтвердилъ Бериловъ.

— Sans blague! — строго остановила ихъ старуха. — Какъ онъ вамъ показался?

— Бабушка!—взмолился Курнаковъ. — Nous ne tenons pas absolument à lui faire des éloges. Вы отъ насъ требуете невозможнаго. S'pas, Jean?

— О, yes.

— Почему невозможнаго?

— Но, позвольте, я читаю въ вашихъ тайныхъ мысляхъ: вы хотите сдѣлать его женихомъ Евгеніи Львовны?

— Еслибы и такъ, Курнаковъ?

— Но мы протестуемъ!—заявилъ Бериловъ.—Pas vrai, Benjamin,—мы протестуемъ?

— Mais sans doute.

— Вамъ-то какое дѣло?—возмутилась бабушка.

— Но мы влюблены, бабуся. Мы сами влюблены.

— По уши,—сказалъ Бериловъ.

— И даже выше.

Клавдія Егоровна насмѣшливо оглядѣла ихъ своими еще живыми, выразительными глазами.

— Вы? Allons donc! Вы—два Аякса, и говорите-то вы одинаково, какъ мальчишки, вырвавшіеся на свободу. Какіе вы женихи, когда васъ за ухи надо драть!..

— За *уши*, бабуся.

— Это все равно. Но, пожалуйста, бросьте вашъ балаганъ, говорите серьезно, если способны на это.

— А какъ же нѣтъ? Извольте... Курнаковъ, ты будешь дѣлать докладъ?

— Ну, я, все равно. Вотъ, бабушка,—началъ онъ дѣловымъ тономъ:—мы выѣхали, согласно полученнаго нами секретнаго предписанія, въ девять часовъ тридцать минутъ. Сначала все шло прекрасно.

— Пре и красно...— сбалаганилъ Бериловъ.

— Не перебивай!—остановилъ его Курнаковъ.—Но потомъ у меня свернулось сѣдло на сторону, а у него шины начали выпускать духъ... Или наоборотъ, я, можетъ быть, спуталъ... Какъ это было, Бериловъ?

Клавдія Егоровна хлопала глазами.

— Ah, ça!—сказала она наконецъ.—En voilà des farceurs! Voyons, mes amis, будете вы говорить толкомъ, а не то я васъ прогоню.

— И оставите безъ сладкаго?

— Нѣтъ, просто прикажу запречь экипажъ и отвезти на станцію.

— Угроза подѣйствовала, — сказалъ Курнаковъ. — Voilà. Я продолжаю. Дѣло въ томъ, что я не усмотрѣлъ въ Будаевѣ элементовъ жениха — для Евгеніи Львовны, по крайней мѣрѣ.

Клавдіи Егоровнѣ не хотѣлось выдавать своихъ тайныхъ проектовъ, но, заинтересовавшись этимъ мнѣніемъ своего посланнаго, она не удержалась, чтобы не спросить:

— Почему это, скажите пожалуйста?

— Пунктъ первый и единственный...

Для бо́льшаго эффекта онъ сдѣлалъ продолжительную паузу.

— Voyons ce пунктъ?

— Онъ влюбленъ.

— Кто влюбленъ?

— Mais... le monsieur en question. О комъ же мы говоримъ? Будаевъ.

— Будаевъ влюбленъ?

— Да, Будаевъ влюбленъ.

— Que me chantez-vous là? Въ кого можетъ быть влюбленъ такой человѣкъ, какъ Будаевъ, въ этой волчьей ямѣ?

— Но... въ женщину, конечно! s'pas, Jean?

— О, yes! Впрочемъ, нѣтъ, не въ женщину...

— Какъ не въ женщину?—удивился Курнаковъ.

— Нѣтъ. Въ дѣвушку.

— Ну... это почти одно и то же. Итакъ, онъ влюбленъ въ дѣвушку.

— Въ кого же, Боже мой! И какъ вы можете это знать? Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ вамъ признаній?

— Кто умѣетъ смотрѣть, тому не надо признаній.

— Такъ говорите же, наконецъ, толкомъ!

— Вотъ, вотъ! Фонъ картины: сельское кладбище, poétique ça, hein? Итакъ—сельское кладбище. Описывать декорацію?

— Passons. Я это знаю: плиты, кресты, церковь—et ainsi de suite.

— Ну, такъ вотъ. На кладбищѣ—натурально, могилы. Среди могилъ—мавзолей, въ родѣ усыпальницы древнихъ фараоновъ Будаевской династіи. Фигуры, картины, для оживленія фона: молодой фараонъ Voldemar... ну, пусть будетъ четвертый, хотя я не знаю, исторически ли это вѣрно. И молодая египетская дѣвушка—Вѣра.

— Вѣра? Почему же она египетская?

— У нея разрѣзъ глазъ египетскій. Египетскіе глаза у нея. Ты замѣтилъ, Jean?

— О, yes!

— И такіе же загадочные, какъ у муміи. Вѣра—это дочь управляющаго.

— Тормилова?

— Вы угадали. Развѣ это не буколическая идиллія? Молодой помѣщикъ, сельское кладбище и дочь управляющаго? Развѣ мы не вправѣ были заключить, что тутъ любовь?

— Tiens, tiens!—задумчиво проговорила Клавдія Егоровна.

Бериловъ, которому приходилось долго молчать, опять сбалаганилъ.

Онъ бросился поддерживать старуху подъ руки.

— Чтò съ вами?—удивленно сказала она.

— Вы говорите: tiens, tiens! Вотъ я и держу.

Она досадливо пожала плечами.

— Если вы не врете,—обратилась она къ Курнакову,—то въ вашемъ разсказѣ есть интересное.

— Да лишусь я лицезрѣнія Евгеніи Львовны, ежели я совралъ хотя на пятачокъ!

— Кто произноситъ мое имя?—спросила, входя въ столовую, Евгенія Львовна.—А, это вы?!—разочарованно протянула она.

Молодые люди кинулись цѣловать ей руки.

Она лѣниво отбивалась отъ нихъ и говорила своей протяжной манерой:

— Надоѣли... надоѣли. Вы ужасно скучные. Еслибы я знала, что вы такіе скучные, я бы не взяла васъ въ деревню.

Бериловъ замахалъ руками и залаялъ по-собачьи.

— Что съ вами?—спросила она.

— Вы говорите о насъ какъ о собачкахъ. „Скучный Боби, я не возьму тебя больше гулять“. Амъ, амъ!

— Отстаньте!—сказала Евгенія Львовна.—Пойдите куда-нибудь посмотрѣть, нѣтъ ли меня тамъ?

Курнаковъ трагически взглянулъ на Берилова.

— Пойдемъ, Боби, на кухню?

— Пойдемъ, Нéро; можетъ быть, намъ добрая кухарка дастъ хорошую говяжью кость.

— За что, Боби?

— За то, что мы благовоспитанные шпицы.

И оба, залаявъ по-собачьи, вышли изъ комнаты.

Дѣвушка даже не улыбнулась.

Она подсѣла къ столу.

— Что за конференція была у васъ съ этими клоунами?

— Нѣтъ, такъ...—уклончиво отвѣтила бабушка.

— Сто противъ одного: vous avez encore parlé о Будаевѣ.

— Ну такъ что-жъ?

— Дался онъ вамъ, право. Будаевъ—ci, Будаевъ—là. Enfin, если онъ не хочетъ ѣхать, зачѣмъ тянуть его насильно? Я, мѣсяцъ тому назадъ, сама была въ усадьбѣ и просила передать ему наше приглашеніе. Мѣсяцъ тому назадъ! И онъ не пріѣхалъ ни разу, хотя мы близкіе сосѣди. Это даже не корректно, не по-джентльменски.

— Я сейчасъ узнала новость,—прервала ее бабушка.

— Ужъ не отъ этихъ ли ищеекъ?—она кивнула головой по направленію къ дверямъ.

— Отъ нихъ. Будаевъ влюбленъ.

— Въ кого?—небрежно спросила она.

— Въ Вѣру Тормилову.

— Въ Вѣру!—засмѣялась Евгенія Львовна.—C'est le comble! Но это чистый вздоръ. И ваши ищейки, bonne maman, все вѣдь врутъ. Вѣра—эта народница, эта мѣщаночка въ Шиллеровскомъ вкусѣ—и Будаевъ! Что̀ можетъ быть между ними общаго? Это клевета на него, и ее выдумали эти глупые мальчишки, которымъ вы имѣли... неосторожность повѣрить. Хотя... въ концѣ концовъ, какое намъ до всего этого дѣло? И что̀ намъ Будаевъ? Интересный знакомый, съ которымъ мы случайно встрѣчались въ Лондонѣ, какъ со многими изъ русской колоніи.

Клавдія Егоровна покачала головой.

— Будаевъ молодъ, красивъ, холостъ и богатъ,—значительно сказала она.

— И?..—протянула Евгенія Львовна, прищурившись.—И значитъ, годится мнѣ въ женихи? Удивительно, бабуся, какая у васъ страсть искать мнѣ жениховъ. Это остатки русской закваски, національнаго качества. Рядомъ съ европейкой въ васъ сидитъ сваха, коренная московская сваха.

Клавдія Егоровна укоризненно покачала головой.

— Женя,—сказала она,—твоя покойная мать, когда умирала...

Евгенія Львовна засмѣялась и продолжала, какъ затверженный урокъ:

— То сказала: „вотъ дочь моя; смотри, сестра, за нею"... или что-то въ этомъ родѣ. Пожалуйста, не заботься такъ о моей судьбѣ. Я о ней сама позабочусь, когда настанетъ время. И вообще,—нахмуривъ брови, продолжала она:—я не люблю опеки. Я признаю самостоятельность...

Евгенія Львовна вышла изъ комнаты и подумала:

„Bonne maman, хотѣла сказать, что Будаевъ—партія. Онъ молодъ, холостъ и богатъ, а мы—наканунѣ разоренія... Пожалуй, объ этомъ стòитъ подумать"...

Потомъ она тряхнула головой, какъ бы желая отогнать отъ себя эти мысли, но мысли не желали отходить отъ нея, и она сказала себѣ:

„Il y a de l'étoffe dans tout ça... Онъ—партія, ergo... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не попробовать его завлечь? Наконецъ, отчего не завести, просто-нà-просто, легкій деревенскій романъ, даже и безъ всякихъ брачныхъ поползновеній, такъ, отъ скуки. Petit roman de château? Вотъ только эта простушка тутъ замѣшалась... Какъ бы не испортила всего дѣла"...

Вообще, мысль о Будаевѣ видимо заняла ее. Она кликнула своихъ сателлитовъ, вскочила на велосипедъ и умчалась.

Сателлиты, какъ рѣзвые щенки, издавали радостныя, молодыя восклицанія, говорили на перебой глупости, которыя ей вначалѣ казались смѣшными, а теперь надоѣли смертельно, и она велѣла имъ ѣхать молча.

Это молчаніе и быстрая ѣзда помогали зрѣть мыслямъ и разыгрываться воображенію...

XVI.

Будаевъ пріѣхалъ между тѣмъ къ Скуридинымъ, съ Тормиловымъ и Вѣрой; Вавакинъ, Колодищевъ и Крыжовъ давно уже сидѣли у Клавдіи Егоровны.

Когда онъ остался съ нею вдвоемъ, старуха сказала ему:

— Mon cher Владиміръ Сергѣевичъ, мы очень рады васъ видѣть; Евгенія скоро должна вернуться, и я говорю также за нее. Mais à vrai dire, вы заставили себя долго желать...

Будаевъ извинялся какъ могъ.

— Клавдія Егоровна,—сказалъ онъ,—простите великодушно. Я попалъ въ первый разъ въ деревню... надо было осмотрѣться —столько новыхъ впечатлѣній. Мнѣ какъ-то трудно было рѣшиться покинуть усадьбу.

— И хорошія—новыя впечатлѣнія?

Онъ серьезно отвѣтилъ:

— Неурожаи, засухи, жучки, горятъ лѣса и деревни, поджигаютъ помѣщичьи усадьбы, мрутъ люди отъ эпидемій, падаетъ скотъ отъ эпизоотій... Крестьяне озлоблены, исправникъ суровъ, преслѣдуетъ крестьянъ за недоимки, которыхъ, какъ говорятъ, имъ платить нечѣмъ; во время работъ сажаетъ ихъ „на высидку". Вотъ мои новыя впечатлѣнія. Все темно и жалко въ этой русской жизни. Говорятъ, нужно жалѣть крестьянъ, нужно чувствовать къ нимъ любовь. Я не знаю, почему... но я не чувствую къ нимъ ни того, ни другого. Мнѣ здѣсь душно и тянетъ вонъ отсюда. Отчего я не чувствую къ нимъ любви и жалости? Я не знаю. Я уже имѣлъ случай слышать, что я—педантъ и законникъ на англійскій ладъ. Можетъ быть...

Старуха слушала его не прерывая и старалась вникнуть въ его слова, чтобы понять, съ какой стороны вѣтеръ дуетъ.

Онъ чувствовалъ себя здѣсь свободнѣе, вольнѣе, и ему хотѣлось говорить. Тамъ, въ Будаевкѣ, Вѣра съ своей любовью къ деревнѣ непріятно дѣйствовала на него. Онъ стѣснялся говорить при ней такъ, какъ думалъ.

— Я не знаю,—продолжалъ онъ,—и не понимаю внутренней логики вещей. Тамъ, гдѣ люди образуютъ общество, по-моему, все должно быть основано на законности. Иначе невозможно управлять людьми. Гдѣ отношенія урегулированы, тамъ очень мало мѣста жалости и поблажкамъ. Здѣсь—все наоборотъ. Вѣдь налоги должны быть, повидимому, сообразованы съ платежными силами населенія; слѣдовательно, недоимки должны быть рѣдкимъ исключеніемъ изъ правила или же результатомъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Здѣсь—хроническія недоимки, и что же, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать исправнику, какъ не требовать съ крестьянъ того, что законъ требуетъ отъ исправника? По-моему, онъ поступаетъ логично, законно и правильно, и если бы поступалъ иначе, то былъ бы плохимъ исправникомъ. А здѣсь всѣ обвиняютъ его въ безсердечіи и суровости. При чемъ тутъ

сердце? Я не знаю, есть ли законъ, чтобы мужики снимали передъ нимъ шапки. Если есть, онъ опять правъ, сажая ихъ въ какую угодно рабочую пору. И я беру его сторону. Если народъ болѣетъ, то нужно, чтобы была врачебная помощь. У насъ на огромное пространство—Вавакинъ, qui se grise и играетъ въ карты, но не лечитъ. Тогда зачѣмъ же держать его, а не смѣнить? Но мнѣ говорятъ: жалко лишить человѣка послѣдняго куска хлѣба. Жалко болящаго мужика и жалко человѣка, который приноситъ этому мужику явный вредъ.

Онъ пожалъ досадливо плечами.

— И вотъ разберитесь въ этой сентиментальности, которая, кажется, происходитъ не отъ сердца, а отъ какой-то логической распущенности. И я ничего не понимаю; не понимаю логики вещей, не могу уловить смысла этой странной жизни. Тогда мнѣ говорятъ, что я иностранецъ, „англичанинъ“. Но я хочу быть просто-на-просто человѣкомъ, разсуждающимъ логично. И я не могу этого.

Клавдіи Егоровнѣ сдѣлалось вдругъ невыносимо скучно.

Она ожидала отъ него легкаго разговора, въ которомъ она могла бы почерпнуть интересовавшія ее свѣдѣнія о его отношеніяхъ къ Тормиловой, а вмѣсто того онъ осудилъ ее на слушаніе какой-то безконечно длинной лекціи.

— Вотъ мои впечатлѣнія,—продолжалъ онъ все тѣмъ же ровнымъ и спокойнымъ тономъ;—я не знаю, хороши они или дурны. Мнѣ приходилось очень часто говорить объ этомъ съ m-lle Тормиловой, которая заражена страстной любовью къ мужичку и родинѣ...

„Enfin!“—подумала старуха, и очень обрадовалась случаю вставить нужное ей слово.

— Vous êtes toujours un bon causeur, какимъ я знавала васъ въ Лондонѣ,—любезно сказала она ему.—Mais à propos. Вы упомянули о m-lle Тормиловой. Вы знаете, что мы переманиваемъ ея отца къ себѣ?

— Знаю. И, кажется, онъ склоняется на это, несмотря на предложеніе съ моей стороны.

Заговоривъ о Тормиловыхъ, Клавдія Егоровна почувствовала почву подъ ногами.

Она хитровато улыбнулась, похлопала Будаева по рукѣ и сказала:

— Mon cher, Владиміръ Сергѣевичъ, бѣгаютъ слухи, что вы влюблены.

— Я? Grand Dieu!—искренно удивился онъ.—Въ кого же?

— Вы не догадываетесь?

— Нисколько.

— Но... въ m-lle Тормилову.

Будаевъ вдругъ ощутилъ какую-то неловкость. Ему стало не по себѣ, какъ это иногда бываетъ, когда другіе подмѣтятъ въ человѣкѣ черту, которой онъ рѣшительно не допускалъ въ себѣ.

— Quelle idée!—смущенно проговорилъ онъ.—Она милая дѣвушка, очень симпатичная, правда, немножко скучная съ своей любовью къ родинѣ и народническими идеалами, которые далеки отъ меня и чужды мнѣ... пока, по крайней мѣрѣ. Вотъ почему я хочу скорѣе раздѣлаться съ имѣньемъ и уѣхать.

— Бѣгство?.. Значитъ, есть кусочекъ правды?

— Ни крошки. Просто, я чувствую, какъ будто меня жизнь закутываетъ здѣсь въ какую-то душную вату, которая обволакиваетъ меня со всѣхъ сторонъ. И я боюсь ослабѣть... Я обожаю силу и мощь, какъ физическую, такъ и нравственную. Un point, c'est tout.

— Ахъ, вы говорите совсѣмъ какъ Женя. Она такъ любитъ силу и самостоятельность, спортъ. Она совсѣмъ дѣвушка nouveau siècl'я... бициклистка, шофёзка, смѣла на языкъ до дерзости...

— Я, къ сожалѣнію, очень мало знаю Евгенію Львовну, — суховато сказалъ онъ.

Къ обѣду вернулась Евгенія Львовна съ молодежью.

Обѣдъ прошелъ вяло.

Всѣ шли въ разбродъ. Евгенія Львовна пикировалась съ Колодищевымъ, который съ увлеченіемъ разсказывалъ Вѣрѣ Дмитріевнѣ о поджогѣ и отвѣчалъ отрывисто Скуридиной, когда она вторгалась въ разговоръ.

Вѣра Дмитріевна слушала его съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ обыкновенно, и наблюдала за Будаевымъ, съ которымъ Евгенія Львовна кокетничала напропалую, какъ она кокетничала только-что съ Колодищевымъ; Вѣра знала, что она кокетничала потому, что Колодищевъ богатъ, а Евгенія Львовна почти разорена.

Теперь она ведетъ ту же игру съ Будаевымъ, вѣроятно чтобы возбудить непріятное чувство въ Колодищевѣ и чтобы заявить на всякій случай свои права на Будаева передъ Вѣрой.

Вѣрѣ сдѣлалось тоскливо наблюдать за этой игрой, и ей хотѣлось скорѣе встать изъ-за стола и уйти въ садъ, который былъ очень хорошъ въ Скуридинѣ.

Бабушка больше молчала, принявъ наблюдательную позицію.

Курнаковъ и Бериловъ много ѣли, еще больше пили, сначала разболтались, но Евгенія Львовна не удостоивала ихъ вниманіемъ, и имъ сдѣлалось скучно.

Крыжовъ одинъ говорилъ за всѣхъ, стараясь поддерживать общій разговоръ; но такъ какъ онъ все говорилъ объ одномъ и томъ же, что уже достаточно всѣмъ надоѣло, то ему предоставляли говорить, видимо не слушая его и не вникая въ его рѣчи.

Вавакинъ молча, сосредоточенно, мрачно пилъ и посматривалъ на Вѣру.

Въ концѣ обѣда онъ вдругъ, слегка стукнувъ кулакомъ по столу и выразительно уставившись на Вѣру, ни съ того, ни съ сего, среди случайнаго молчанія, громогласно произнесъ:

— А все-таки... „она вертится": „э пуръ си муове"...

Всѣ разсмѣялись—до того это было неожиданно, и это обстоятельство развеселило общество.

Курнаковъ прыснулъ со смѣху. Бериловъ раскашлялся.

— Tiens, quel type!—сказалъ онъ въ полголоса.

Вѣра сурово взглянула на доктора.

— Кто вертится? Ваша голова?—спросила она.

— Я—Галилей, ежели онъ сказалъ это,—не отвѣчая на ея вопросъ, проговорилъ Вавакинъ: — упрямства и во мнѣ много. Посадите меня въ тюрьму, какъ его посадили, ежели только его посадили, а я все-таки скажу:—она будетъ моею.

— Кто?—спросилъ Курнаковъ.

— А вамъ-то что?—огрызнулся докторъ.

— Готовъ, спёкся,—толкнувъ ногой Курнакова, тихо сказалъ Бериловъ.—Lâche-le...

— Она будетъ моею!—еще разъ протянулъ Вавакинъ речитативомъ.

Всѣ какъ-то сразу замолчали.

Однимъ стало неловко за этого врача, постепенно утратившаго человѣческій обликъ, другіе ничего не поняли. Вѣра нахмурила брови, Будаевъ силился разгадать таинственное значеніе этихъ словъ, а Евгенія Львовна какъ-то двусмысленно подхихикивала.

Евгенія Львовна произвела на Будаева какое-то странное, двойственное впечатлѣніе; она ему нравилась въ Лондонѣ, нравилась и теперь, потому что была красива.

Красива была и Вѣра, но совсѣмъ не такой красотой. Въ симпатичномъ, открытомъ, привѣтливомъ лицѣ Вѣры все было ясно, просто, отчетливо. Грустные, задумчивые глаза ея, эти эмалевые глаза, которые нравились Будаеву, свидѣтельствовали о той работѣ духа, которая происходила въ ней. Иногда они были такъ же просты, какъ ея улыбка, какъ яркій цвѣтъ ея щекъ, какъ вся она—воплощеніе типичной русской дѣвушки съ ея естественными и простыми идеалами добра и общаго блага,

идеалами, почерпнутыми изъ самой простой книги, которая только существуетъ въ мірѣ—изъ евангелія.

Въ лицѣ Скуридиной было много неправильностей и не было строгой чистоты линій. Задорный носикъ, слегка вздернутый, съ нервными, тонкими ноздрями, плутоватые глаза, прелестныя брови, нѣсколько тяжеловатая нижняя часть лица, съ чуть-чуть опущенными углами губъ.

Но въ общемъ это лицо было и миловидно, и красиво. Только никакъ нельзя было догадаться—искренно ли она смѣется, отъ души ли шутитъ. Никогда нельзя было узнать, что̀ скрывается за этимъ взоромъ и за этимъ красивымъ бѣлымъ лбомъ, окруженнымъ мелкими завитками свѣтлыхъ шелковистыхъ волосъ.

Въ рамкѣ большого города, какъ Лондонъ, она была какъ-то болѣе у-мѣста, чѣмъ въ этой простенькой деревенской рамкѣ.

Она не могла относиться серьезно ни къ Крыжову, занимавшему ее разсказами о злодѣйствахъ мужиковъ, ни къ Вавакину, напивавшемуся при каждомъ удобномъ случаѣ, ни къ Колодищеву, съ его искреннимъ культомъ мужика и деревни, тяготѣвшему къ этому простенькому полевому цвѣточку — Вѣрѣ. Пренебрежительно и обидно-насмѣшливо относилась она и къ своимъ „адъютантамъ“, отъ которыхъ не знала теперь, какъ отдѣлаться.

Одного Будаева она считала человѣкомъ своего круга, но сообщеніе бабушки, сдѣланное ей со словъ „ищеекъ“, заставило ее внимательнѣе приглядѣться къ нему, въ результатѣ чего получилось разочарованіе.

Къ остальнымъ гостямъ она относилась очень внимательно и любезно, потому что это были гости, и потому что другихъ людей не было въ этой скучной деревнѣ.

Послѣ обѣда всѣ отправились въ садъ, и всѣмъ какъ-то сразу сдѣлалось легче.

— Скажите, — начала Евгенія Львовна, обращаясь къ Будаеву:—вы долго еще пробудете у насъ?

— Право, не знаю. Все зависитъ отъ дѣлъ.

— *Только* отъ дѣлъ?

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Отъ чего же еще?

— Я не знаю. Иныхъ держатъ дѣла, другихъ—магниты.

— Какіе магниты?

— Разные бываютъ магниты. Вотъ насъ, напримѣръ, держитъ имѣнье. Теперь въ Парижѣ скоро grand prix, а мы должны сидѣть здѣсь... хотя и въ очень пріятномъ обществѣ,—улыбнулась она,—но, къ сожалѣнію, оно собирается не часто. Вы, на-

примѣръ, рѣшительно не захотѣли вспомнить вашихъ лондонскихъ друзей. Вы, конечно, скажете то, что̀ говорятъ обыкновенно...

— Что̀ же говорятъ обыкновенно?

— „Я былъ очень занятъ, столько дѣлъ, ни минутки свободной“...

Будаевъ улыбнулся.

— Я занятъ?! Никто бы этому не повѣрилъ. Я—идеалъ бездѣльнаго человѣка.

— А! Тогда причина серьезнѣе: вы просто не хотѣли насъ видѣть.

— И это нѣтъ! Это ни въ какомъ случаѣ.

— Mais alors? Есть же какое-нибудь объясненіе?

— Всему есть на свѣтѣ объясненіе. Я велъ созерцательную жизнь; нѣтъ, невѣрно: растительную. Мнѣ лѣнь было двигаться.

Она съ вызовомъ посмотрѣла на него.

— Это страшное чудовище,—въ упоръ, смѣло глядя ему въ глаза, спросила она:—не дочь управляющаго?

Этому вопросу онъ удивился больше всего.

— Вѣра Дмитріевна? Вотъ странный вопросъ! Мнѣ уже нѣсколько человѣкъ намекали на это.

— А вы—что̀?

— Удивляюсь и только.

— А я удивляюсь вашему удивленію.

— Но почему, ради Бога?

— Во-первыхъ, гласъ народа — гласъ Божій. Во-вторыхъ, Луиза Миллеръ, pardon, Вѣра Тормилова—очень миленькая дѣвушка, хотя и немножко—какъ бы это сказать?—немножко hausgebacken—домашнее печенье, очень нѣжное, сдобное и приторное. Но есть многіе, которые это любятъ.

— Вѣра Дмитріевна очень хорошая дѣвушка, — серьезно сказалъ онъ, — и я ее очень уважаю, но... до любви это такъ далеко, какъ...

— Il ne faut jurer de rien. И потомъ, вовсе не такъ далеко, какъ вамъ кажется. „Уваженіе“—c'est déjà quelque chose. Или прелюдія, или вырожденіе любви. Я бы не могла перенести, чтобы меня уважали. Я настолько молода, и могу пока обойтись безъ этого почтеннаго чувства. Уваженіе и любовь—ça ne se marie pas. Можно любить, не уважая, и уважать, не любя.

— Остановитесь на послѣднемъ по отношенію къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ и меня.

— Такъ что вы увѣрены, что это не прелюдія?

— Увѣренъ.

Она засмѣялась, и въ этомъ смѣхѣ было что-то натянутое, непріятное.

— Держитесь на этой точкѣ! — продолжала она, точно бравируя такой скользкой темой. — C'est pas prudent.

— Отчего такой осторожный совѣтъ?

— Это просто. Развѣ вы не видите, что Колодищевъ влюбленъ въ этотъ полевой цвѣтокъ нѣжнаго колера и безъ аромата?

— Колодищевъ?

— Ну, да.

— А она? — живо спросилъ Будаевъ.

Евгенія Львовна косо взглянула на него.

„Tiens, tiens!" — съ досадой подумала она. — „Pauvre bonne maman съ ея вѣчной фразой: „твоя покойная мать, умирая, поручила мнѣ" et ainsi de suite"!

— А она? — повторила Евгенія Львовна. — Но согласитесь, что я дѣлаюсь провинціальной кумушкой-сплетницей. Enfin, — пожала она плечами, — je vous demande un peu, что можно здѣсь еще дѣлать? Но вернемся къ героинѣ. Она не влюблена въ Колодищева. Она бы любила его, еслибы у нея не началась недавно опасная дѣвичья эпизоотія, pardon, эпидемія — лихорадка влюбленности.

— Она влюблена?

— Непремѣнно.

— Это не секретъ?..

— Въ кого именно? Ничуть. Въ васъ.

Онъ отступилъ на шагъ.

Что-то непріятное прошло у него по душѣ.

Съ какой стати всѣ намекаютъ на это и вмѣшиваются, безъ всякаго основанія, въ интимнѣйшія стороны чужой жизни? Какая убійственная, чисто-русская манера — залѣзать въ чужую душу и обшаривать ее!

— На этотъ разъ, — суховато проговорилъ онъ и вѣжливо улыбнулся: — вы сдѣлали крупную ошибку, и я не могу поздравить васъ съ наблюдательностью.

— Фраза, которая покрываетъ ремарку: „онъ смущенъ", — вызывающимъ тономъ сказала она. — Смотрите, Колодищевъ ей напѣваетъ свои неизмѣнныя буколики: мужичокъ, коровушка, „ну тащися сивка", „сяду я за столъ и подумаю, какъ на свѣтѣ мнѣ одинокому". Или разсказываетъ ей о томъ, какъ помогъ ребеночку одной бабы, — хорошо еще, если не „бабочки", — отъ желудочка. Эти захватывающія темы когда-то интересовали ее — ну, по крайней мѣрѣ, какъ меня интересовало одно дивное бирюзовое колье въ витринѣ одного магазина на rue de la Paix. Теперь она

слушаетъ однимъ ухомъ. Ухо ея тамъ, но глаза ея здѣсь. Колодищевъ производитъ на нее своими рѣчами впечатлѣніе осенняго дождя, отъ котораго она не можетъ отдѣлаться. И она вся въ трепетномъ ожиданіи солнца, затѣненнаго досадной тучей.

— Сколько символовъ!—воскликнулъ онъ.

— О, yes! Солнце—это вы, досадная туча — это я, потому что я заслоняю васъ. Ей недостаетъ зонтика, чтобы укрыться отъ дождя. Я не дамъ ей зонтика. И en fin de compte, если вы ничего этого не видите, то вы или неискренни, или... ненаблюдательны: возвращаю вамъ это назадъ.

Онъ слегка поклонился.

Она говорила насмѣшливымъ тономъ, вышучивая Вѣру, отлично сознавая, что ничто не дѣйствуетъ такъ на чувство, какъ насмѣшка.

— Я не знаю, — войдя во вкусъ, продолжала она:—дѣлалъ ли ей предложеніе ce cher Вавакинъ. Но онъ тоже влюбленъ въ нее. Что они находятъ всѣ въ ней? Вы видите, я говорю какъ старая, завистливая дѣва. Вы не возражаете?

— Только-что собирался. Еслибы не ваше молодое лицо и не вашъ свѣжій, молодой голосъ, можно было бы дѣйствительно подумать, что слышишь рѣчи старой дѣвы.

Она не обратила вниманія на эти слова.

— Я знаю, впрочемъ, почему они всѣ влюблены въ Луизу Миллеръ. A propos, dans ses moments perdus, m-r Тормиловъ играетъ на скрипкѣ—и сходство тогда становится полнѣе. Да, такъ это оттого, что по букету—цвѣтокъ. А ужъ у насъ такой букетъ мужчинъ... Ну, не буду, не буду, милый дипломатъ; вижу, на васъ это дѣйствуетъ болѣзненно. И я, дѣйствительно, превращаюсь въ провинціалку. Что дѣлать: если еще поживу дольше въ этой берлогѣ—и совсѣмъ такою сдѣлаюсь.

Онъ радъ былъ, что представился случай перемѣнить тему разговора.

— А вы долго еще думаете прожить здѣсь?—спросилъ онъ.

— Н...не знаю,—нерѣшительно отвѣтила Евгенія Львовна. —Боюсь, что долго. Надо знать, что скажетъ Тормиловъ, разсмотрѣвши наши дѣла. Они запущены. Мы просимъ о дополнительной ссудѣ дворянскаго банка, чтобы уѣхать. Положеніе пиковое, какъ выражается иногда Крыжовъ. Бабушка глубоко увѣрена, что мнѣ ничего другого не остается, какъ выйти хорошо замужъ. Хорошо—это Колодищевъ, у котораго большое, очень большое имѣнье и—нигдѣ незаложенное. Но Колодищевъ и я—это „въ одну телѣгу не можно впречь коня и лань“ — такъ, кажется? А вотъ что, развѣ отбить его отъ Тормиловой?—шут-

ливо спросила она. — Но вѣдь выйти за Колодищева, значитъ сдѣлаться помѣщицей и зарыться въ деревнѣ съ голодными мужиками и бабами съ больными животами. Нѣтъ, этого я не могу. Если наши дѣла не поправятся, я буду писать книгу: „Journal d'une décavée“ и зарабатывать деньги личнымъ трудомъ.

Ему опять сдѣлалось непріятно, какъ будто онъ почувствовалъ, что ему необходимо предложить ей свои услуги въ той или иной формѣ.

И онъ очень обрадовался, когда бабушка позвала ее къ себѣ по какому-то дѣлу.

XVII.

Колодищевъ разговаривалъ съ Вѣрой, но, получая отъ нея односложные, вялые отвѣты, былъ очень удивленъ.

Она уже не походила на ту Вѣру, которую онъ зналъ всегда —энергичную, бодрую, ясную и веселую.

Онъ чувствовалъ, что какая-то тайная грусть поселилась въ ней и мѣшаетъ ей жить по прежнему.

Онъ всячески старался подойти къ этому вопросу, чтобы его выяснить, но она видимо уклонялась отвѣтить ему прямо.

Тогда онъ просто спросилъ ее:

— Что̀ съ вами въ послѣднее время, Вѣра Дмитріевна?

Она вздрогнула.

— Со мной? Что̀ вы хотите, чтобы со мной было?

— Вы разсѣяны, васъ что-то гложетъ. Вы уже далеко не прежняя Вѣра.

Она засмѣялась.

— Съ чего вы это взяли? Я все та же.

Колодищевъ печально покачалъ головой.

— Хотѣлось бы, чтобы это было такъ. Но это не такъ. Вы знаете, я привыкъ на все смотрѣть прямо и просто. Позвольте поговорить съ вами о томъ, что̀ давно уже занимаетъ меня.

Вѣра испуганно взглянула на него.

— Развѣ это необходимо?—спросила она.

— Да, для меня это необходимо. Но я не краснорѣчивъ и не умѣю говорить такъ, какъ, можетъ быть, это принято. Суть вотъ въ чемъ. Будаевъ продаетъ имѣнье. Вы, конечно, съ вашимъ батюшкой не можете остаться на службѣ у Щеклѣева.

— О, нѣтъ!—сказала она, на этотъ разъ горячо.

— Точно также Дмитрію Александровичу не къ чему брать мѣсто у Скуридиныхъ. Не къ чему, потому что ихъ пѣсенка,

кажется, спѣта. Вѣроятно, въ концѣ концовъ, рано или поздно это имѣнье останется за банкомъ, или же его купитъ тотъ же Щеклѣевъ.

— И?—спросила она.

— Вамъ тяжело будетъ разстаться съ этими мѣстами. И я вамъ предлагаю: переѣзжайте ко мнѣ. Вашъ батюшка будетъ помогать мнѣ по хозяйству, мы съ нимъ ужъ, конечно, условимся. Ну, а потомъ...

Онъ вопросительно взглянулъ на нее, какъ бы ожидая отъ нея помощи, поддержки.

Но взглядъ ея былъ испуганный и холодный.

Онъ не сказалъ ей того, что̀ готовилось сорваться съ его языка.

— Ну, а потомъ видно будетъ,—печально договорилъ онъ.

— Хорошо, поговорите съ папой,—тѣмъ же тономъ сказала она.

И вдругъ оба вздрогнули.

Тебя отнимутъ отъ меня
Ты не моя, ты не моя!

—пропѣлъ чей-то голосъ.

Это была Евгенія Львовна, которая съ своей гитарой подкралась близко къ нимъ.

Она звонко захохотала.

— Испугала? Ну, простите... Захотѣлось подурачиться. Или, можетъ быть, вамъ не понравились слова? Такъ грустно, когда приходится говорить: ты не моя, иль: ты не мой!

Вѣра надулась.

Ей не понравилась эта выходка. Колодищевъ ничего не отвѣтилъ.

Курнаковъ и Бериловъ, услыхавъ пѣніе, прибѣжали на голосъ Евгеніи Львовны и стали упрашивать ее пѣть.

— Отстаньте!—сказала она:—захочу—буду пѣть, не захочу —не буду; а если буду, то не для васъ, во всякомъ случаѣ.

— А для какого же счастливца?

— Вотъ, чтобы разбудить его,—и она указала на спавшаго глубокимъ сномъ на скамьѣ подъ деревомъ Вавакина.

Всѣ разсмѣялись.

Вавакинъ внезапно проснулся отъ этого смѣха и протеръ глаза.

— Это вы надо мной?—ни къ кому не обращаясь, спросилъ онъ.

— Въ родѣ этого,—отвѣтилъ Курнаковъ.

Вавакинъ уже протрезвѣлъ и искалъ глазами Вѣру, которая уходила въ глубь сада.

Онъ понялъ, что ее инстинктивно тянуло туда, гдѣ былъ Будаевъ.

Евгенія Львовна взяла подъ руку Колодищева и пошла съ нимъ въ противоположную сторону.

Курнаковъ и Бериловъ усѣлись рядомъ съ докторомъ, съ которымъ у нихъ за послѣднее время установились короткія отношенія амикошоннаго свойства.

Они вышучивали Вавакина при всякомъ удобномъ случаѣ, а онъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, говорилъ имъ дерзости. Никто изъ этого тройственнаго союза не обижался одинъ на другого, и въ сущности, всѣ очень мирно и не безъ удовольствія проводили время и коротали деревенскую скуку.

— Ну, что̀ вы уставились на меня, словно никогда не видали?—спросилъ ихъ Вавакинъ.

— Мы изучаемъ въ послѣднее время миѳологію,—отвѣтилъ Бериловъ.

— Вотъ на̀! Я васъ объ этомъ не спрашиваю.

— Мы хотимъ знать, какой видъ имѣлъ Бахусъ.

— Ну и что же?

— Ну, вотъ вы и похожи на него. Вамъ бы еще вѣнокъ надѣть на голову изъ виноградной лозы—сходство было бы полное.

— А вы знаете, па кого вы похожи?

— На кого?

— На двухъ дрессированныхъ пуделей.

Молодые люди разсмѣялись, нисколько не обидѣвшись.

Вавакинъ досадливо махнулъ рукой.

— И смѣетесь-то вы пощенячьи, ей-Богу!—пробормоталъ онъ.—Создастъ же Господь такіе типы!

— Ну ужъ, на чемъ природа ошиблась, такъ это на васъ, Эскулапъ. Вы—Эскулапъ, который ничего не понимаетъ въ медицинѣ. Вы—Бахусъ, который ничего не понимаетъ въ винѣ. А туда же еще выдумали ухаживать за женщинами, въ которыхъ столько же понимаете, какъ въ медицинѣ и винѣ,—сказалъ Курнаковъ.

— А вы въ чемъ понимаете?

— Въ женщинахъ.

— Скажите, пожалуйста! А откуда вы взяли, что я ухаживаю за женщинами?

— Не за женщинами, а за женщиной.

— За кѣмъ?

— За Тормиловой, конечно.

Вавакинъ крякнулъ.

— А откуда это видно?—недовольно спросилъ онъ.

Курпаковъ ему объяснилъ:

— Оттуда. У васъ въ глазахъ — масло.

— Такъ.

И вдругъ Вавакину пришла идея спросить у молодого человѣка его мнѣніе о Вѣрѣ.

— А вы какъ о ней разсуждаете?

— Да ничего. Экстерьеръ хорошъ. Постановка корпуса правильная, портретъ недуренъ. Но чтобы судить о женщинѣ, нужно видѣть ее на велосипедѣ. Во всякомъ случаѣ, экземпляръ недурной, балловъ на десять. Ну, а нутро—неважное. Сельскій типъ. И притомъ, влюблена.

Вавакинъ оживился.

— Ну? А въ кого?

— Конечно, не въ васъ, старый сатиръ.

— Не въ васъ ли, молодой пудель?

— Нѣтъ. Въ Будаева, очевидно, если моя наблюдательность меня не обманываетъ.

— Такъ. А отчего вашъ пріятель молчитъ все время?—спросилъ Вавакинъ, которому вдругъ стало непріятно вести разговоръ на эту тему.

Бериловъ поднялъ голову.

— Мнѣ здѣсь стало скучно. Дамъ мало,—отвѣтилъ онъ;—а тѣ, которыя на лицо, скучны какъ осенній день. Ничего не можетъ быть тоскливѣе влюбленной женщины... если она влюблена не въ васъ. И потомъ...—онъ внимательно взглянулъ на Вавакина,—я соскучился по Петербургу и хотѣлъ бы уѣхать. Надоѣло.—Онъ еще пристальнѣе посмотрѣлъ на врача.—Знаете что̀?

— Не знаю. Глупость какая-нибудь.

— Съ какой точки зрѣнія. Вотъ что̀: нѣтъ ли у васъ ста рублей безъ опредѣленнаго назначенія? Вы—врачъ, у васъ должна быть свободная наличность. Дайте мнѣ сто рублей, и я даю слово, что уѣду отсюда завтра же.

— Да мнѣ-то что̀? Живите хоть до осени, или вовсе поселитесь здѣсь.

— Но я васъ буду изводить.

— А сколько угодно. Меня всѣ изводятъ. Я привыкъ. Даже нашъ праведникъ Сазановъ—и тотъ изводитъ.

— Ахъ, Сазановъ!—сказалъ Курнаковъ.—Кстати, что̀ съ нимъ, гдѣ онъ? Я его совершенно не вижу въ послѣднее время.

— Мнѣ, конечно, все равно,—проговорилъ Бериловъ,—по вашъ Сазановъ—идіотъ.

— Мнѣ не все равно, но я того же мнѣнія,—подтвердилъ Вавакинъ.

— А насчетъ ста рублей?

— Разнаго... Съ Сазановымъ что-то творится плохое. Меня на дняхъ призывала ключница его. Но я ничего не понялъ.

— По обыкновенію,—замѣтилъ Бериловъ.

Вавакинъ злобно взглянулъ на него.

— Ну, вы...—сказалъ онъ. И обращаясь къ Курнакову, продолжалъ:—Онъ сталъ худъ, какъ скелетъ. И все толкуетъ о правдѣ. „Все надо сжечь, чтобы уничтожить ложь“. А хуже всего то, что къ нему повадился Сула, и они о чемъ-то совѣщаются. Какъ бы худа не вышло. Забылъ сказать Крыжову. Сазановъ просто помѣшанный и кончитъ худо. Запирается отъ людей, ничего не ѣстъ, не пьетъ. Недоброе съ нимъ творится, недоброе.

Бериловъ засмѣялся.

— Ну, у васъ вѣдь кто не пьетъ—помѣшанный. Можно подумать—вы геній. Дадите сто рублей?

— Отстаньте.

Всѣхъ позвали въ домъ пить чай, а послѣ того всѣ разъѣхались.

XVIII.

Было уже темно, когда Ефимъ Акимычъ Щеклѣевъ пріѣхалъ съ поѣздомъ на вокзалъ изъ губерніи.

Окончивъ всѣ свои многочисленныя дѣла, онъ рѣшилъ, наконецъ, что пора взяться за Будаевское дѣло, такъ какъ „дальнѣйше тянуть опасно, какъ бы не вышелъ какой оборотъ, а между прочимъ доподлинно узнано о желѣзной дорогѣ, и какъ бы Будаевка не прошла мимо носу“.

Ѣдучи въ тарантасѣ въ Будаевку, онъ долго раздумывалъ о предстоящей покупкѣ.

— Какъ бы того, „канкарентъ“ какой не наклюнулся?—говорилъ онъ въ полголоса, какъ имѣлъ обыкновеніе обсуждать дѣла.—Да кто же бы? Кажись, вокругъ никого. Господинъ Колодищевъ не канкарентъ, потому не хочетъ расширяться, а господа Скуридины и вовсе даже безсильны. Нѣтъ, съ этой стороны опаски нѣтъ. А вотъ Тормиловъ, чай, пронюхалъ про дорогу да и настроитъ этого самого „англичана“. И задорожатся, чего добраго...

Раскинувъ такимъ образомъ умомъ, Щеклѣевъ сталъ клевать носомъ, потому что на вокзалѣ много ѣлъ и еще больше „переложилъ за галстукъ“; вообще, это былъ человѣкъ весьма

трезвый и строгій въ потребностяхъ, потому что любилъ обладать всѣми своими силами и всей ясностью ума, которыя были совершенно необходимы для веденія его обширныхъ дѣлъ.

И въ такомъ нормальномъ состояніи это былъ человѣкъ съ елейной рѣчью на устахъ, съ елейной наружностью. Все дѣлалось именемъ Господа Бога и по Его соизволенію.

Но когда онъ допускалъ себя до выпивки и кутежа, то его елейная натура какъ-то сразу стушевывалась и пропускала сквозь себя всю затаенную необузданность исконнаго самодурнаго духа.

И теперь, послѣ угощенія на вокзалѣ, голова у него кружилась и на душѣ мутило. Въ особенности въ тѣ моменты, когда тарантасъ подскакивалъ на глубокихъ колеяхъ и „вытряхивалъ ему душу“.

— Никита, стой!—сказалъ онъ кучеру.—Не въ моготу мнѣ. Словно на кораблѣ качаетъ. Дай-ко-сь, я выйду да промнусь малость. И до усадьбы, поди, недалечко.

— Недалечко, Яфимъ Акимычъ. И ночь теплая.

— А ты не разсуждай. Это дѣло хозяйское. Разсуждаешь, а возжи распустилъ. Держи коней, говорю.

Онъ съ трудомъ вылѣзъ изъ тарантаса, и его вдругъ качнуло.

— Ишь, винище проклятое!—проворчалъ Щеклѣевъ.—И что̀ за вино на вокзалѣ—ровно отрава. Мошенникъ этотъ буфетчикъ, право, мошенникъ!

Онъ шелъ, качаясь изъ стороны въ сторону.

— Эй, кто тамъ?—крикнулъ онъ, обернувшись и разслышавъ шаги.—А! Мужикъ съ бабой! А куда идете?

— Въ село,—отвѣтилъ мужикъ.

— А по какой такой надобности?—присталъ Щеклѣевъ, которому хотѣлось болтать.

— Безо всякой надобности. Сельскіе мы.

— Такъ. Ну что-жъ, какъ урожай ожидается?

— Плохо. Голодовка будетъ.

— Что̀ такъ?

— А такъ. Сначала это мочило, потомъ сушило, а еще червь ѣлъ. А таперя жукъ откуда ни возьмись.

— Такъ. А еще что̀?

— А болѣе ничего. Народъ болѣетъ, скотъ болѣетъ.

— А вы лечите.

Мужикъ махнулъ рукой.

— Пошто? Противъ Господа нешто пойдешь? На все Его святая воля. Ему лучше знать. Да и какіе лекаря-то? Прислали „ветерана“, чтобы, значитъ, скотину лечилъ, а онъ замѣсто того,

чтобы лечить, говоритъ, убивать ее надо. Нешто можно скотину убивать? А коли, говоритъ, не убьете, солдатъ вызову. Нешто это лекарь? Прямо, разбойникъ.

— Такъ,—задумчиво проговорилъ Щеклѣевъ, но его нисколько не интересовали эти подробности: ему хотѣлось узнать что-нибудь о Будаевѣ.—Слышь ты,—сказалъ онъ, убѣдившись, что мужикъ самъ не заговоритъ объ этомъ:—а что̀ болтаютъ про будаевскаго помѣщика?

— А что̀ болтаютъ? Всякое болтаютъ. Будто не нашей онъ вѣры, что-ли, и не нашего племени. Будто землю его,—потому онъ неправильно ею владѣетъ,—отберутъ ее отъ него и крестьянамъ дадутъ...

— Ну-ну!—заволновался Щеклѣевъ, понемногу трезвѣя и соображая:—сейчасъ ужъ и отдадутъ! Смотри, скажи своимъ тамъ, чтобы и думать не могли! Потому какъ эта земля моя будетъ—я ее покупаю у Будаева-то...

— Ты покупаешь?—протянулъ мужикъ.

— А я-жъ. Кто-жъ больше.

— Экая, скажемъ, напасть...

— Что̀-о?—зарычалъ, совершенно отрезвѣвъ, Щеклѣевъ.— Что̀ ты сказалъ?

— Напасть, говорю...

— Какъ такъ напасть? Почему напасть?

— Прижимаешь ты больно, Яфимъ Акимычъ. Тяжко мужику подъ тобой... А еще другое: мужики хотѣли сами купить черезъ банку. Сказываютъ, въ губерніи банка такая есть, что мужикамъ деньги даетъ, чтобы, значитъ, ловчѣе земли отбирать.

Это было ново для Щеклѣева; объ этой комбинаціи съ имѣньемъ Будаева онъ еще не слыхалъ.

— Дурачье!—обозлился онъ.—Туда же лѣзете! Какая такая банка вамъ деньги дастъ? Свою землю зря червю жрать даете, такъ, вишь, мало вамъ для червя корму. Сидѣли бы, знай, да помалкивали. А ты мужикъ умный, ты разговори, вотъ что̀. Это вѣдь, я знаю, вашъ путаникъ, Сула Трофимъ, все подстраиваетъ, мерзавецъ. Охъ, и побываетъ же онъ въ Сибири, какъ пить дать, побываетъ!

— А коли продается, такъ что-жъ не купить? За что̀ тутъ, скажемъ, Сибирь?—возразилъ мужикъ

— А ты у меня поговори!—зарычалъ Щеклѣевъ.—Вотъ я исправнику нажалуюсь. Всѣмъ вамъ попадетъ по пятое число. Бунтовщики!

Мужикъ испуганно толкнулъ бабу, и оба свернули въ сторону.

Щеклѣевъ почувствовалъ себя трезвымъ и вдругъ заторопился.

— Давай-ка сюда!—крикнулъ онъ кучеру.—Да погоняй, авось доберемся, пока еще не легли спать.

Щеклѣевъ ощущалъ тревогу.

Ужъ и вправду не переигралъ ли онъ съ будаевскимъ имѣньемъ? Можетъ, ждали, ждали его, да и сообразилъ этотъ Тормиловъ и о дорогѣ, и о крестьянскомъ банкѣ. Ну, это еще посмотримъ! Хоть и жохъ этотъ Тормиловъ, и туго свое дѣло знаетъ, а только вѣдь и онъ, Щеклѣевъ—не промахъ... Еще разрѣшитъ ли земство эту покупку такимъ разореннымъ крестьянамъ? А и дуракъ онъ самъ, что-ли? Развѣ у него въ земствѣ нѣтъ руки?

Тѣмъ не менѣе, онъ усиленно гналъ лошадь, а кучеру давалъ легкіе тумаки въ спину.

Въ усадьбѣ пили чай, когда по дорогѣ раздался стукъ колесъ Щеклѣевскаго тарантаса.

— А вѣдь это нашъ покупатель,—заявилъ Тормиловъ.

Сердце Вѣры вдругъ перестало биться.

Вотъ, наконецъ, та развязка, которой она такъ боялась. Въ послѣднее время Щеклѣевъ съ его проектомъ покупки Будаевки сталъ ей казаться миѳомъ и во всякомъ случаѣ чѣмъ-то такимъ далекимъ, такимъ не скоро осуществимымъ, что она уже перестала тревожиться за участь усадьбы и ея милой, дорогой рощи.

Но, вотъ, это далекое сдѣлалось вдругъ близкимъ, какъ внезапно нагрянувшая туча, отъ которой нѣтъ болѣе никакого спасенія.

— Какъ, вы думаете, это—Щеклѣевъ?—радостнымъ голосомъ спросилъ Будаевъ, и эти радостныя ноты больно отозвались на душѣ Вѣры.

— Онъ, конечно, онъ. Ну, да, вотъ этотъ Соловей-разбойникъ самолично жалуетъ сюда.

— Чай да сахаръ!—елейнымъ голосомъ сказалъ Щеклѣевъ, входя на террасу и посмотрѣвъ по колоннамъ, отыскивая гдѣ-нибудь образъ; но, не найдя его, перекрестился на воздухъ.—Здравствуйте, Дмитрій Александровичъ, какъ Господь Богъ носитъ?—Здравствуйте, Вѣра Дмитріевна.—А это будутъ сами владѣлецъ?

Онъ подошелъ къ Будаеву.

— Пріятно ознакомиться. Прощенья прошу, что поздновато вкатился. На станціи позадержали малость, да и то сказать—дорога... Колеи, дождей давно не было...

Несмотря на развязный тонъ, онъ, видимо, былъ смущенъ и старался по лицамъ, освѣщеннымъ желтыми огоньками садовыхъ подсвѣчниковъ, угадать, какъ стоятъ его фонды, и не случилось ли что-нибудь особенное за столь долгое время его отсутствія.

Но угадать ничего не могъ.

— Мы васъ давно ждали,—сказалъ холоднымъ тономъ Будаевъ, незамѣтно разсматривая гостя.—Я изъ-за васъ три недѣли лишнихъ здѣсь пробылъ. Да еще, вѣрно, придется прожить столько же, если вы будете попрежнему нерѣшительны.

— Вотъ сейчасъ начнетъ ломаться и говорить, что имѣнье ему ненужно и прочее,—сказалъ Вѣрѣ Тормиловъ въ полголоса.

Но Щеклѣевъ отвѣтилъ:

— Рѣшительности въ насъ много, очень даже много. Съ Господней помощью переговоримъ ноньче же, ежели пожелаете, потому мнѣ завтра утречкомъ ѣхать надо.

— Эге!—сказалъ Вѣрѣ Тормиловъ.—Это что-то новое. Никогда онъ такъ не говоритъ. Вѣрно, пронюхалъ про дорогу.

— Сегодня поговоримъ, сегодня и рѣшимъ. Можно и условьице сдѣлать этакое домашнее, промежду себя. И нотаріуса не тревожить покамѣстъ.

Ему налили чаю.

Щеклѣевъ удобно усѣлся, сталъ дуть на чай и пить въ прикуску.

— Ужъ вы меня извините, ваша милость,—обратился онъ къ Будаеву,—что, можетъ быть, не во благовременье. Человѣкъ я занятой; какъ выбралась минутка, такъ, стало быть, я и пріѣхалъ.

— Пожалуйста. Куда же вы, Вѣра Дмитріевна? — спросилъ Будаевъ, замѣтивъ, что она хочетъ уйти.

— Вы будете говорить о дѣлахъ; я не хочу мѣшать вамъ.

— Чѣмъ вы можете помѣшать? Намъ, кажется, и говорить не о чемъ съ господиномъ Щеклѣевымъ? Наши условія ему давно извѣстны. Нѣтъ, пожалуйста, останьтесь,—вы такъ вѣдь любите сидѣть въ это время на террасѣ...

Вѣра осталась, хотя ей мучительно больно было слушать разговоръ о продажѣ ея любимаго гнѣзда.

XIX.

Щеклѣевъ молча пилъ чай, видимо „обмозговывая“ положеніе.

— Ну, что же, — сказалъ Дмитрій Александровичъ, обращаясь къ Щеклѣеву, потому что замѣтилъ недоумѣвающій взглядъ Будаева.

— А что же?—спросилъ Щеклѣевъ.—Это вы насчетъ покупки?

— Конечно.

— Такъ вѣдь такого дѣла зря нельзя дѣлать, сидя за чаемъ. Дѣло большое, огромадное дѣло. Вотъ, стало быть, отойдемъ отъ стола, присядемъ въ кабинетѣ и потолкуемъ, благословясь.

Ему, видимо, не нравилось, что здѣсь сидѣла Вѣра, взгляды которой на эту продажу ему были извѣстны изъ неоднократныхъ разговоровъ съ нею.

Онъ боялся ея вліянія и противодѣйствія, потому что никакъ не могъ уловить сущности ея отношеній къ помѣщику и къ самому дѣлу въ его послѣднемъ фазисѣ.

Будаевъ усмѣхнулся.

— Простите меня... Ефимъ Акимычъ, кажется? Но я недавно въ Россіи и не совсѣмъ еще усвоилъ здѣшніе обычаи. У насъ это дѣлается проще.

— Какъ же?—съ любопытствомъ спросилъ Щеклѣевъ.

— Позвольте. Не будемъ даже говорить, какъ это дѣлается гдѣ бы то ни было. А просто станемъ разсуждать логично. — Мнѣ хочется продать имѣнье, вамъ—купить. Вотъ пунктъ первый и достаточно ясный.

— Это точно.

— Пунктъ второй. Условія мои вы знаете. Съ вами ведется переписка уже около полугода. Вы не можете не знать условій. Третье. Имѣнье вамъ извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ. Вы здѣсь живете, изъѣздили его вдоль и поперекъ, осматривали не разъ и не два. Планы, бумаги, описи—все у васъ имѣется. Такъ въ чемъ же дѣло? Написать предварительное условіе и внести задатокъ.

— Дороговько просите, Владиміръ Сергѣевичъ.

— Но вы, кажется, въ принципѣ согласились на эту цѣну?

— Сгоряча. Ей Богу, съ горяча. Дороговько. Не будетъ ли какой уступочки?

Тормиловъ вступился.

— Ой, Ефимъ Акимычъ, прогадаете! Я вамъ прямо заявляю: уступки не будетъ. Мы даже хотимъ увеличить цѣну...

Щеклѣевъ безпокойно заёрзалъ на стулѣ.

— Это по какому же случаю, смѣю васъ обезпокоить?

— А по случаю проведенія дороги. Мы имѣнье придержимъ, а черезъ годъ, полтора—возьмемъ за него втрое.

„Такъ и есть!—подумалъ Щеклѣевъ:—о дорогѣ уже сообразили“.

— А болѣе ничего не скажете?

— Ничего,—съ недоумѣніемъ отвѣтилъ Тормиловъ.

„О мужикахъ, стало быть, ничего неизвѣстно“.

— Такъ,—отвѣтилъ Щеклѣевъ. — Оно, дѣйствительно, до-

рога... только вѣдь кто-жъ ее знаетъ, будетъ она или не будетъ. А ежели будетъ,—такъ ли пройдетъ, или какъ?

— Не безпокойтесь, все это очень хорошо извѣстно.

— Такъ... — поглаживая бороду, проговорилъ Щеклѣевъ.— Опять же цѣну вы увеличить можете, а только покупщика не найдете.

— А почему такъ?

— Потому капиталистовъ въ округѣ нѣту.

Будаевъ пожалъ плечами.

Его раздражалъ этотъ ни къ чему не нужный разговоръ, въ которомъ онъ, какъ европеецъ, не видѣлъ ничего дѣлового, а только что-то шантажное, какое-то прижиманіе, недобросовѣстное пользованіе обстоятельствами.

— Позвольте же,—сказалъ онъ,—имѣнье это вы хотите купить или не хотите?

— Отчего же? — отвѣтилъ Щеклѣевъ. — Купить завсегда можно.

— Хорошо, значитъ—хотите, хотя и высказываетесь какъ-то неопредѣленно. Стòитъ оно этой цѣны или не стоитъ?

— Отчего же?—Всякой цѣны стоитъ.

— Тогда въ чемъ же дѣло?

— Да отчего же не поторговаться?—раздражился Щеклѣевъ, припертый вопросами Будаева къ стѣнѣ.—Гдѣ же видано, чтобы такое дѣло безъ торгу было? Это не порядокъ. И бублика у торговки не купишь, не поторговавшись. А это не бубликъ. Безъ благословенія Божія на такое дѣло не пойдешь и безъ торгу рубля не выложишь. Даже будто неприлично такъ вдругъ, взялъ да и выложилъ все на столъ. Гдѣ же это видано-съ?

— Ахъ, ну если дѣло все въ томъ, чтобы поговорить лишній часъ, такъ сдѣлайте одолженіе. Я не зналъ, что это необходимо и что безъ этого неприлично.

— Совсѣмъ даже напротивъ! Дѣло не въ разговорѣ, а въ уступкѣ.

Тормиловъ серьезно прервалъ его:

— Вотъ чтò, Ефимъ Акимычъ. Время позднее, а завтра, вы говорите, вамъ ѣхать нужно. Поэтому мы рѣшили съ Владиміромъ Сергѣевичемъ кончить сегодня. Если вы не хотите, сдѣлка съ вами не состоится, вотъ и все. Мы найдемъ другого покупателя.

— Кого же бы это?

„Непремѣнно съ мужиками снюхался",—подумалъ онъ испуганно.

— А ужъ это наше дѣло. Найдемъ.

— Капиталистовъ нѣту, вотъ что̀, — съ спокойной увѣренностью проговорилъ Щеклѣевъ.

— Гдѣ это? Въ Россіи нѣту?

— Зачѣмъ? Здѣся нѣту.

— Тамъ мы, въ Петербургѣ, въ Москвѣ поищемъ. Словомъ, вотъ послѣднія условія: купчая, пошлина и всякіе расходы, какіе могутъ быть—на вашъ счетъ. Вы прибавите къ нашей прежней цѣнѣ семьдесятъ-три тысячи рублей. Задатокъ внесете при подписаніи предварительнаго условія и не позже пятнадцатаго іюня, а всѣ деньги—по вводѣ васъ во владѣніе.

Щеклѣевъ отъ ужаса замахалъ руками и затрясъ головой.

— Это не по-божески... это не по-божески, какъ хотите-съ. Господь Богъ васъ накажетъ... — растерянно говорилъ онъ. Но потомъ растерянность прошла и елейность исчезла.

Онъ разсердился.

— Это капканъ-съ. Капканъ-съ. Но я не лисица и не волкъ. Это все одно, что на медвѣдя съ топоромъ идти.

— Да позвольте, какой же капканъ? Кто же васъ въ немъ держитъ? Не нравятся наши условія—переночуйте, а завтра уѣзжайте. Никто васъ не держитъ насильно, это вы напрасно. Полюбовная сдѣлка—не капканъ. Наше дѣло—предложить, ваше—согласиться, а насилія здѣсь никакого нѣтъ, это вы напрасно.

Щеклѣевъ замолчалъ, видимо борясь съ собою.

Будаевъ тоже молча наблюдалъ эту сцену.

Вѣра почти не слышала, что̀ говорили. Сердце ея билось мучительно, какъ тогда, наканунѣ пріѣзда владѣльца, когда она съ грустью думала о разлукѣ съ роднымъ гнѣздомъ.

Вотъ въ этомъ внезапномъ молчаніи, наступившемъ послѣ оживленныхъ разговоровъ, есть что-то страшное, рѣшающее. Сейчасъ оно кончится и кончится ея мирная жизнь въ Будаевкѣ.

Сквозь широкіе просвѣты террасы, Вѣра всматривалась въ милую рощу, синѣвшую передъ нею въ голубоватомъ свѣтѣ луны. Набѣгали тучи, изъ которыхъ срывались крупныя капли перваго лѣтняго дождя. Вдали, какъ и тогда, въ вечеръ ея перваго серьезнаго горя, вспыхивали зигзаги далекой молніи надвигавшейся грозы.

Роща точно примолкла. И Вѣрѣ опять показалось, что изъ таинственныхъ нѣдръ рощи ползутъ на нее какія-то безформенныя тѣни. И ей слышался уже стукъ топоровъ Щеклѣевскихъ дровосѣковъ, и сердце ея мучительно, больно сжалось.

Неужели гроза надвигается на нее такъ рѣшительно и неумолимо?

И она чувствовала, что съ продажей гнѣзда для нея наступитъ великое горе и ее окружитъ безпредѣльная пустыня.

Гдѣ бы они ни очутились съ отцомъ, она будетъ одна безъ этой рощи и... безъ Будаева, который уѣдетъ навсегда въ Лондонъ.

При послѣдней мысли ей стало жутко.

Какъ будто въ грозную ночь разверзлись небеса, и при яркомъ, ослѣпительномъ блескѣ молніи она впервые заглянула въ таинственную глубину своей души. И на этой глубинѣ, куда она въ послѣднее время боялась опускаться даже съ завязанными глазами, чтобы не испугаться того, что̀ тамъ шевелилось и назрѣвало, она увидала нѣчто страшное, чего она боялась пуще смерти.

Но оно было, несомнѣнно было тамъ, свило себѣ гнѣздо и прочно-прочно усѣлось.

Она до боли сжала свои похолодѣвшія руки и опустила глаза, отвернувшись отъ рощи и не желая встрѣчаться со взоромъ того, кто такъ незамѣтно сдѣлался ей дороже рощи, дороже этого стараго дома.

Со стороны двора слышался шумъ.

Оралъ Джонъ, орала городская кухарка, и Петръ, и Даша — всѣ съ кѣмъ-то горячо спорили.

И чей-то грубый голосъ покрывалъ ихъ всѣхъ и говорилъ:

— Мнѣ, значитъ, до барина. Ишь, развозились, ровно цѣпныя собаки. Сволочь! Мнѣ до барина по самонужному дѣлу!..

Тормиловъ вышелъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и вернулся на террасу съ Трофимомъ Сулой.

Вѣра удивленно взглянула на нихъ. Будаевъ посмотрѣлъ мрачно на мужика: онъ очень не любилъ его, послѣ того, что̀ наслышался о немъ, а послѣ пожара у Колодищева приказалъ слѣдить за нимъ Джону и ни подъ какимъ видомъ не пускать въ усадьбу.

Глаза Щеклѣева безпокойно забѣгали, когда онъ увидѣлъ на лицѣ управляющаго торжество.

— Что̀ тебѣ? — спросилъ Будаевъ, обращаясь къ Сулѣ, суровымъ тономъ. — Тебя не пускали, зачѣмъ ты ворвался?

— Рвется песъ, — грубо отвѣтилъ Сула, мрачно, точно пойманный волкъ, оглядывая присутствовавшихъ. Но при видѣ Вѣры взглядъ его смягчился. — Я не песъ. Я по дѣлу, отъ обчества. По дѣлу я. Твой нѐхристь этотъ ровно собака цѣпная.

— Говори, что̀ нужно?

Тормиловъ поспѣшилъ объяснить дѣло.

— Владиміръ Сергѣевичъ, — сказалъ онъ въ примирительномъ тонѣ: — Трофимъ отъ общества крестьянъ, чтобы узнать, не захотите ли вы продать Будаевку имъ.

— Такъ, такъ!—закивалъ Сула головой, а Тормиловъ подмигнулъ Щеклѣеву, позеленѣвшему отъ злости.

— Вотъ вамъ и капиталисты!—сказалъ онъ ему.

Щеклѣевъ отъ неожиданности потерялъ способность рѣчи. Онъ никакъ этого не ожидалъ и былъ внѣ себя отъ злости.

— Такъ что, значитъ, обчество промежду себя рѣшило,— продолжалъ Сула. — Извѣстно, какъ продаете дѣдовщину, а у насъ земли, извѣстно, мало... Рѣшили позычить въ банкѣ. Слыхамши, что Яфима Акимыча тарантасъ къ усадьбѣ катитъ, поопасались, извѣстно, какъ бы промежду пальцевъ не ушло. И наказали, стало быть, заявку сдѣлать. Проси, молъ, намъ продать и въ банку отъ себя, молъ, обратиться, потому мы люди, извѣстно, темные, а только о той банкѣ, извѣстно, тоже наслышаны.

Щеклѣевъ пріобрѣлъ способность рѣчи.

— Куда вамъ, голь этакая, будаевскія земли? И съ своими-то не управляетесь, червей кормите...—злобно сказалъ онъ.

— Наша земля истощенная... устала родить, вотъ ее то червь, то жукъ и точитъ. Господская земля—молодая, здоровая...

— Ишь, ишь, что̀ задумали, черти! Сколько тыщъ тутъ надо! Сколько тыщъ! Всѣхъ грамотѣевъ сберите, да съ старшиной—не сосчитаете.

Сула косо взглянулъ на Щеклѣева и, презрительно плюнувъ на сторону, не удостоилъ его на этотъ разъ отвѣта.

— Такъ какъ же, стало быть? Обнадежить?—обратился онъ къ Будаеву и Тормилову, по очереди глядя на обоихъ.

— Дурья ты голова, право дурья! — опять вскипѣлъ Щеклѣевъ. — Вѣдь землю-то я покупаю,—чего-жъ ты лѣзешь съ своимъ косматымъ рыломъ?

— Рыло какъ рыло, — обидѣлся Сула. — А ты, чай, изъ господъ будешь? И не суйся ты, ради Господа, промежъ насъ!

Вѣра съ трепетомъ и упованіемъ смотрѣла на Будаева. Эта комбинація не приходила ей въ голову. Теперь она сіяла отъ радости. По крайней мѣрѣ, если ужъ надо, чтобы земля была продана, пусть она принадлежитъ „мужичкамъ“, ея любимымъ, роднымъ мужичкамъ, а не этому кровопійцѣ Щеклѣеву. Но Будаевъ молчалъ, и она сильно тревожилась за исходъ дѣла.

„Ахъ, отчего папа̀ ему ничего не скажетъ?“ — мучительно думала она.

— Вотъ какой ты мужикъ! — упрекалъ, между тѣмъ, Сулу Щеклѣевъ. — Какъ же это ты такъ при господахъ позволяешь себѣ грубости? Бога вы забыли, вотъ что̀! И выдумали же по-

слать кого мужики! Да тебѣ давно въ Сибири пора гнить, каторжникъ ты этакій, за всѣ твои дѣла.

Сула вдругъ грозно надвинулся на него, и Щеклѣевъ, испуганно отступивъ, спрятался за спину Тормилова, который стоялъ около него.

— За какія такія дѣла?—грубо сказалъ Сула. — Ну-ко-сь? За какія? Я мужиковъ не грабилъ, какъ ты! Видѣлъ ты мои дѣла, сказывай? Самого въ Сибирь бы давно посадить, коли бы все справедливо у насъ было на свѣтѣ. А то чтò! Укрываете только одинъ другого. Я-те покажу: „каторжникъ"!

— Успокойся, Сула, — сказалъ наконецъ Будаевъ, и Вѣра стала жадно его слушать, — успокойся! Я тебѣ отвѣчу на твой вопросъ. Видишь ли, у меня уже раньше были переговоры съ Ефимомъ Акимычемъ...

Щеклѣевъ высунулся изъ-за спины Тормилова и радостно закачалъ головой.

— И если онъ теперь,—продолжалъ Будаевъ,—согласится на поставленныя ему условія, окончательныя, то я не вижу возможности прервать съ нимъ переговоры. Самъ, я думаю, поймешь, это было бы несправедливо, не по-божески, — добавилъ онъ, улыбнувшись.

Вѣра поникла головой, и слезы затуманили ея глаза.

Щеклѣевъ совсѣмъ выбрался изъ-за своей засады.

— Я согласенъ, — твердо проговорилъ онъ. — Дороговько, это нечего сказать, а только согласенъ. Ишь чтò выдумали: обчество! Банка! Черти!—вдругъ расхрабрился онъ.—Я вамъ покажу супротивъ меня идти! Дозвольте, сударь, — обратился онъ къ Будаеву,—написать этакую предварительную замѣточку-съ и, можетъ, заодно и задаточекъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ, — возразилъ Будаевъ, — я вашему слову вѣрю. Уговоритесь съ Дмитріемъ Александровичемъ и въ городѣ все сдѣлаете. У Дмитрія Александровича довѣренность на все.

— Такъ... Все одно это. Вы отъ своего барскаго, дворянскаго слова не отступитесь, такъ надо полагать. Ну, вотъ, съ Господней помощью и порѣшили! — приходя опять въ елейное настроеніе, сказалъ Щеклѣевъ. — Благодареніе Господу, а безъ Его святой воли ни одинъ волосъ... не только-что дѣло такое огромадное.

И вдругъ онъ радостно, мелко, злорадно захихикалъ, взглянувъ на Сулу.

— Чтò, братъ? Ау, братъ! Будаевка-то? Ась? Мы-ста, обчествò! Ахъ, забодай тя жукъ навозный, шуты вы ряженые! Получилъ финкòсъ подъ носъ?

— Ефимъ Акимычъ!—съ негодованіемъ вскрикнула Вѣра, и взоръ ея загорѣлся. Какъ вамъ не стыдно!

Сула мрачно насупился, и взглядъ его метнулъ молнію.

— Отказъ, значитъ,—сказалъ онъ, стиснувъ зубы.—Пропадай всѣ пропадомъ, мужики?

Будаевъ собрался уйти съ террасы.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ Сулѣ,—но о чемъ же вы раньше думали?

— Извѣстно, оплошали, опоздали. Ну, ладно!—и въ тонѣ его послышалась угроза, когда онъ повернулся, чтобы выйти.— Пропадать, такъ пропадать всѣмъ!

Это онъ проговорилъ тихо, но Вѣра услыхала его слова.

Она вздрогнула отъ какого-то темнаго смысла его словъ и предчувствія чего-то недобраго.

Быстро направилась она за Сулой и, нагнавъ его въ палисадникѣ, остановила за рукавъ.

— Стой, Трофимъ!—сказала она ему дрожащимъ голосомъ. —Ты задумалъ что-то недоброе...

Сула опустилъ свой взглядъ въ землю, избѣгая смотрѣть на дѣвушку.

Губы его были плотно сжаты и всклокоченная борода и усы его скрывали его злую усмѣшку.

— Говори, говори что-нибудь!—теребила она его за рукавъ.—Говори, задумалъ что̀ или какъ?

— Все одно пропадать!—глухимъ голосомъ, неопредѣленно отвѣтилъ онъ.

И вдругъ, воодушевившись, тѣмъ же „внутреннимъ“ голосомъ, который, казалось, помимо его воли вырывался изъ его губъ, онъ продолжалъ:

— Люди мрутъ, скотина, извѣстно, дохнетъ, жрать нѐча. Щеклѣй помѣщикомъ станетъ—всѣ подохнемъ. Такъ ужъ, извѣстно, лучше одинъ конецъ.

Онъ повернулся, чтобы идти, высвободивъ свой рукавъ изъ рукъ Вѣры.

Она бросилась за нимъ.

— Трофимъ, Трофимъ!—въ полголоса говорила она, чтобы ее не услыхали на террасѣ.—Опомнись!

Онъ пріостановился, тряхнулъ головой.

— Ты, барышня, ничего не бойся съ батюшкой своимъ. Тебѣ бѣды не будетъ,—проговорилъ онъ съ чувствомъ, и, поднявъ свою заскорузлую руку, погладилъ ея шелковистые волосы.

Затѣмъ твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ, уже больше не

оборачиваясь и не слушая ее, вышелъ изъ сада и скрылся въ ночной тьмѣ.

XX.

Нѣсколько дней послѣ этого событія Вѣра избѣгала свиданій съ Будаевымъ.

Ей было тяжело видѣть его, говорить съ нимъ.

И онъ чувствовалъ по отношенію къ ней что-то стѣснительное, какое-то душевное неудобство, хотя въ душѣ считалъ, что поступилъ вполнѣ дѣловымъ образомъ и иначе поступить не могъ.

Иначе поступить—значило бы пойти на эту слащавую сентиментальность, на эту чувствительность, которая ему была такъ противна во всѣхъ русскихъ дѣловыхъ сношеніяхъ.

Онъ считалъ, что поступилъ и разумно, и честно, не обойдя перваго покупателя, съ которымъ сговаривался около полугода.

Какія же основанія были обойти его? Гражданскій долгъ, любовь къ „мужичку“? Но любви этой онъ не чувствовалъ и не признавалъ, потому что сословіе крестьянъ, по его мнѣнію, должно быть равноправнымъ сословіемъ въ государствѣ, наравнѣ съ прочими. У всѣхъ свои обязанности и права. При чемъ же тутъ какая-то ненормальная, болѣзненная любовь непремѣнно къ одному сословію?

У нихъ, въ Англіи, любой фермеръ былъ бы обиженъ, еслибы на него стали смотрѣть съ этой сентиментальностью и ставить его въ положеніе опекаемаго ребенка.

Тамъ всѣ сознаютъ свои права, не поступятся ими, и никому не нужно, сверхъ законныхъ правъ, еще какой-то сверхсмѣтной любви лэндлорда...

Щеклѣевъ уѣхалъ на другой день, обѣщавъ вернуться къ концу недѣли и „однимъ духомъ“ оборудовать все дѣло.

Вѣра упрекала отца, что онъ не взялъ сторону крестьянъ. Горько упрекала.

Но онъ сказалъ ей въ оправданіе:

— Вѣруня! Я вѣдь только управляющій, ты забываешь это. Интересы помѣщика, и только его интересы, должны руководить моими дѣйствіями.

— Развѣ, съ точки зрѣнія его интересовъ, не все равно, кому продать землю?

— Конечно, нѣтъ. Продать ее мужикамъ—это ужасно долгая канитель: нужно возиться съ обществомъ, съ земствомъ, съ крестьянскимъ банкомъ, между тѣмъ какъ, ты знаешь, Владиміръ Сергѣевичъ очень торопится этой продажей. Потому я и

молчалъ. Само собой, будь я помѣщикомъ, я бы продалъ нашимъ мужичкамъ и, конечно, на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Ты мнѣ можешь повѣрить.

Послѣ этого разговора Вѣрѣ сдѣлалось очень грустно, и она съ трепетомъ стала ждать окончательной развязки.

Съ Будаевымъ она почти не встрѣчалась, кромѣ обѣденныхъ часовъ.

Да и Будаевъ ждалъ, повидимому, съ нетерпѣніемъ возможности уѣхать.

Джонъ тоже горѣлъ нетерпѣніемъ. Ему было очень скучно. Англичанка Скуридиныхъ, вскорѣ послѣ знакомства съ нимъ, должна была покинуть своихъ господъ, которые все болѣе и болѣе стѣснялись деньгами и стали экономить на всякихъ мелочахъ.

Она уѣхала въ Англію, а Джонъ остался въ обществѣ Петра, Даши и кухарки, и немилосердно скучалъ, а по мѣрѣ того, какъ его забирала скука, онъ озлоблялся и свирѣпѣлъ. Его бодрой, энергичной натурѣ нуженъ былъ выходъ. Поэтому онъ часто придирался къ своимъ временнымъ товарищамъ по буфетной и заводилъ съ ними ссоры.

Будаевъ проводилъ бо̀льшую часть времени въ рощѣ и въ лѣсу.

Его тянуло въ даль, къ обычной жизни, къ обычнымъ служебнымъ дѣламъ, къ обычному укладу и порядкамъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ продажа была, наконецъ, въ принципѣ рѣшена, онъ рвался изъ имѣнья и мечталъ о томъ времени, когда поѣздъ умчитъ его въ „цивилизованныя страны".

Но удивительное дѣло! Чѣмъ яснѣе представлялъ онъ себѣ день отъѣзда, тѣмъ страннѣе чувствовалъ онъ себя.

И когда онъ прислушивался къ этому образовавшемуся въ его душѣ чувству, онъ съ удивленіемъ видѣлъ, что это чувство похоже на жалость.

Ему было грустно разстаться съ этими мѣстами, съ Тормиловымъ, съ Вѣрой! Въ особенности съ Вѣрой!

И это было до того для него неожиданно и ново, что онъ испугался. Это было весьма плохимъ признакомъ, и ужъ этого привходящаго въ его поѣздку обстоятельства онъ никакъ не ожидалъ.

При видѣ Вѣры, какъ-то вдругъ осунувшейся, поблѣднѣвшей и замолкшей, бродившей по дому и саду какъ привидѣніе, ему дѣлалось больно и непріятно. Онъ чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ, и много разъ старался разъяснить себѣ это чувство.

Что̀ это? Угрызеніе совѣсти или что-нибудь другое, посерьезнѣе, что̀ незамѣтно подкралось къ нему и овладѣло его душой?

Такъ раздумывалъ Будаевъ, гуляя по лѣсу въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней.

Онъ услышалъ за собой шаги и обернулся нахмурившись. Онъ очень не любилъ, когда прерывали его задумчивую прогулку.

Это былъ Вавакинъ, и Будаевъ постарался сдѣлать на своемъ лицѣ любезную улыбку.

Какъ могъ онъ встрѣтить иначе посторонняго человѣка и гостя?

Онъ поздоровался съ врачомъ.

Вавакинъ былъ нервно возбужденъ и разстроенъ. Лицо его было хмуро и сердито.

— Гуляете?—отрывисто спросилъ онъ у Будаева.

— Да, какъ видите. А вы... по дѣлу?

— Н-нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ врачъ.—Я такъ... и отчасти по дѣлу. Ну что,—продолжалъ онъ, уже болѣе свободнымъ тономъ:—слыхалъ я, что продажа Будаевки окончательно рѣшена?

— Она давно была рѣшена.

— Но теперь это вопросъ недалекаго будущаго?

— Надѣюсь.

— И вамъ не жаль покинуть наши мѣста?

Будаевъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— Конечно, жаль,—любезно проговорилъ онъ,—и въ особенности тѣхъ милыхъ людей, которыхъ я встрѣтилъ здѣсь. Но...

Вавакинъ крякнулъ.

— Милыхъ людей!—Да... оно дѣйствительно. Я знаю одного милаго человѣка, который будетъ въ отчаяніи... Ей Богу, знаю.

Будаевъ вздрогнулъ и сурово взглянулъ на Вавакина.

— Да?—медленно сказалъ онъ.—На что вы хотите намекнуть?

— Какъ на что? На то, что всѣмъ намъ ясно. Намъ всѣмъ, да и вамъ, полагаю.

— Я васъ не понимаю.

— Будто? А между тѣмъ весьма понятно. Ясно какъ хинный порошокъ.

Будаевъ поднялъ брови. Въ тонѣ врача слышалось раздраженіе.

„Что онъ пьянъ, что-ли?"—подумалъ Будаевъ.

Но Вавакинъ повидимому не былъ пьянъ; однако какое-то душевное раздраженіе видимо присутствовало въ немъ.

— Можетъ быть, вы будете менѣе загадочны и объясните мнѣ ваши слова яснѣе? Я не знатокъ въ хинныхъ порошкахъ и вообще въ медицинѣ,—сухо проговорилъ Будаевъ.

— И я въ ней не большой знатокъ. Но ежели вы непремѣнно хотите... я...

— Прошу васъ.

— Вотъ. Есть одна дѣвушка... э! да что̀ говорить аллегоріями! Однимъ словомъ—Вѣра Дмитріевна...

— Да... и что̀ же?

— Ну, такъ она влюблена же въ васъ. Ей Богу! По горло.

Лицо Будаева сдѣлалось еще строже и холоднѣе.

— Она вамъ признавалась въ этомъ?

— Ничуть.

— Но тогда по какому же праву...

— Э! Какія тамъ права! Это, можетъ быть, въ Англіи все права и права,—грубовато сказалъ Вавакинъ.—А здѣсь какія же права? Я вижу—что̀ вижу. А что̀ вижу, о томъ и говорю. Она влюблена, діагнозъ вѣрный. Она такая была ясная, спокойная. Теперь покой ея смущенъ. А она не изъ такихъ, которыя мѣняютъ свои увлеченія. И увлеченіе ея—тяжелый недугъ. Ужъ вѣрьте. Я ее знаю давно.

Будаевъ смутился. Онъ долго искалъ, что̀ отвѣтить, и наконецъ спросилъ своего гостя:

— Зачѣмъ вы это сообщаете мнѣ? У васъ есть опредѣленная цѣль?

— Непремѣнно. А какъ же безъ цѣли? Жила себѣ дѣвушка, жила тихо, мирно, спокойно. Любила свою деревню, старый усадебный домъ и мужичковъ. Можетъ быть, даже нашла бы партію, не блестящую, конечно, потому что гдѣ же тутъ настоящіе люди? Но все-таки. Допустимъ, что какой-нибудь серьезный... ну... хотя бы и не особенно молодой человѣкъ сдѣлалъ ей предложеніе...

Будаевъ внимательно вслушался въ его слова.

— Вы намекаете на Колодищева?—наивно спросилъ онъ.

Вавакинъ покраснѣлъ и разсердился.

— Совсѣмъ нѣтъ! Почему—Колодищевъ? Я говорю вообще, теоретически. Мало ли кто? Не одинъ же здѣсь Колодищевъ—достойный женихъ. Ну, и вдругъ пріѣзжаетъ такой блестящій мужчина, какъ вы...

Будаевъ криво усмѣхнулся.

— Благодарю васъ,—насмѣшливо проговорилъ онъ.

— Да-съ! Пріѣзжаетъ и смущаетъ. Дѣвушка не видѣла такихъ мужчинъ въ нашей ямѣ. Ну, натурально, того... застрадала. И что̀ же? Этотъ самый господинъ вдругъ уѣзжаетъ. Ну, вотъ и несчастье ея на всю жизнь. Ужъ потомъ никто другой и не подступись. Ей Богу! Вотъ и все.

— Все?

У Будаева мелькнула въ головѣ скверная мысль.

— Это вы говорите по ея порученію?—спросилъ онъ.

Вавакинъ замахалъ руками.

— Да что вы это, ей Богу! Да какъ это вамъ могло придти въ голову?

— Такъ сами отъ себя?

— Ну, конечно.

— Съ какою же цѣлью вы мнѣ это говорите?

Вавакинъ подумалъ, подумалъ, потомъ съ недоумѣніемъ развелъ руками.

— Вотъ это, дѣйствительно, съ какой цѣлью?—проговорилъ онъ.—Ей Богу, не знаю! Просто такъ. Это меня мучаетъ, вотъ и все. Или нѣтъ! Цѣль существуетъ. Отчего бы вамъ не поговорить съ ней въ такомъ духѣ? Отрезвить, что-ли? Богъ ее знаетъ,—можетъ быть, она забрала себѣ что-нибудь въ голову и воображаетъ, что это того... осуществимо. Знаете, этакую сдѣлать рѣшительную операцію? Отсѣчь разомъ, примѣнить дезинфекцію. Часто человѣкъ выздоравливаетъ. Ей Богу? А? Что-жъ ее такъ-то мучить зря? А?

Будаевъ неожиданно для себя согласился вдругъ съ доводами Вавакина.

— Я могу стать въ нелѣпое положеніе,—смущенно проговорилъ онъ:—вдругъ ничего подобнаго нѣтъ и это одна ваша фантазія?

— Ну, ужъ это будьте увѣрены! Я зря тоже вѣдь болтать не стану. А когда все это пройдетъ,—кто знаетъ, можетъ быть она сдѣлается благоразумнѣе и... и... ну, да мало ли что можетъ быть наконецъ и какъ можетъ устроиться ея судьба?

— Если все это такъ, вы правы. Надо принять мѣры и положить этому заблужденію конецъ. Благодарю васъ.

— Одно слово еще. Я вамъ открылъ тайну Вѣры. Впрочемъ, все-таки думаю, что вы и сами знали эту тайну или догадывались о ней. Во всякомъ случаѣ, я не хотѣлъ бы, чтобы она знала, откуда это идетъ.

— Будьте увѣрены. Я васъ не выдамъ.

И на этихъ словахъ они разстались.

Будаевъ круто повернулъ и пошелъ къ усадьбѣ. На душѣ его было смутно.

Какое-то странное, небывалое еще чувство зарождалось на глубинѣ его души и росло въ ней, выростая во что-то большое, тяжелое и тревожное.

Вѣра вдругъ стала ему безконечно мила и близка.

XXI.

Вѣра сидѣла на террасѣ и читала книгу.

Тормиловъ былъ въ конторѣ и на террасѣ никого не было.

Будаевъ прямо подошелъ къ ней.

Въ ея темныхъ глазахъ вспыхнулъ огонекъ испуга, и она какъ-то инстинктивно закрыла книгу и сдѣлала движеніе удалиться.

Лицо Будаева было строго и холодно. Около губъ его блуждала прежняя ироническая улыбка, которую такъ не любила Вѣра.

Ему хотѣлось сказать ей что-нибудь теплое, привѣтливое, ласковое, но онъ взялъ себя въ руки и сдержанно поздоровался съ нею.

„Надо быть холоднѣе,—подумалъ онъ,—не слѣдуетъ распускаться. Недостаетъ еще этого увлеченія, которое можетъ сдѣлаться несчастіемъ на всю жизнь".

— Вы развѣ не хотите посидѣть со мной?—спросилъ онъ, замѣтивъ ея движеніе—Я помѣшалъ вамъ читать, простите.

— Нисколько,—просто проговорила она:—я всегда рада поговорить съ вами.

Онъ улыбнулся.

— Отчего вы улыбаетесь?—спросила она его удивленно.

— Да вотъ, вы говорите, что рады поговорить со мной, а между тѣмъ явно избѣгаете меня.

Она покраснѣла.

— Вы ошибаетесь. Я васъ вовсе не избѣгаю.

— Я скоро уѣзжаю,—твердо сказалъ онъ, и замѣтилъ, какъ при этихъ словахъ глаза ея потухли и губы плотно сжались.—Да, я скоро уѣзжаю,—повторилъ онъ.—Лишь бы только Щеклѣевъ опять не затянулъ дѣла.

— Вы такъ торопитесь?—грустно пожавъ плечами, сказала она.—Вамъ скучно здѣсь?

— Нѣтъ, не то. Но мой отпускъ скоро кончится, и я не хочу просить новаго. Да наконецъ, я пріѣхалъ сюда по дѣлу, съ опредѣленной цѣлью, и хотѣлъ бы, чтобы это уже кончилось. Но я здѣсь не скучалъ,—любезно добавилъ онъ,—не скучалъ, потому что встрѣтилъ милыхъ и симпатичныхъ людей.

Она не обратила вниманія на эту любезность.

— Владиміръ Сергѣевичъ! — вдругъ рѣшившись, начала она:—позвольте мнѣ еще разъ поговорить о вашемъ дѣлѣ?

Онъ поморщился.

— Пожалуйста,—вяло сказалъ онъ.

— Я хотѣла просить васъ за нашихъ мужичковъ.

— Ахъ, это...

— Да. Если ужъ вы рѣшили продать Будаевку, продайте имъ. Они бѣдны и у нихъ мало земли. Она нужна имъ, до зарѣзу нужна. Вѣдь деньги вы, все равно, получите, и не все ли равно, получите вы ихъ изъ банка или отъ Щеклѣева? И наконецъ,—набравшись храбрости, сказала она,—неужели ваше сердце молчитъ и нечувствительно къ нуждамъ крестьянъ?

— Мое сердце молчитъ въ данномъ случаѣ,—жестко отвѣтилъ онъ, потому что этотъ разговоръ ему былъ непріятенъ и онъ разсчитывалъ на другой. — Въ дѣловыхъ сношеніяхъ я не признаю голоса сердца, а только голосъ выгоды. И корректность дѣловыхъ отношеній мѣшаетъ мнѣ измѣнить слову, данному первому покупателю. Нигдѣ такъ не дѣлается. И увѣряю васъ,—нигдѣ въ Европѣ въ дѣлахъ никакой роли не играетъ чувство.

— Очень жаль, но и намъ, право, мало дѣла до Европы.

— Это уже политика,—улыбнулся онъ.

— Въ которой я ничего не понимаю? Отчего же,—докончите вашу фразу...

— Нѣтъ, я не говорю этого. Охотно вѣрю, что вы понимаете, но я не понимаю, къ чему, дѣлая такое простое дѣло, какъ передача имѣнья на выгодныхъ для себя условіяхъ, задаваться широкими вопросами, говорить о любви къ человѣчеству, объ обязанностяхъ патріота, о самобытности Россіи, и прочее, и прочее.

Ее оскорблялъ его насмѣшливый тонъ.

Она горячо заговорила:

— Итакъ, ничто не привязываетъ васъ къ родинѣ, для которой вы чужой, какъ и она для васъ! Всю жизнь жить въ чужой странѣ, всю жизнь слушать чужую рѣчь, всю жизнь жить точно въ гостяхъ у людей, которые не могутъ на васъ смотрѣть какъ на своего, хотя вы и родились подъ звуки благовѣста какой-то лондонской церкви! Какая должна быть тоска, порой, въ вашей груди; и вы только не сознаетесь въ этомъ или не сознаете этого, пока вы еще молоды. Но настанетъ старость, захочется отдохнуть въ своемъ углу, дома!.. Еслибы вы продали землю крестьянамъ, они бы вернули вамъ вашу усадьбу, потому что привыкли смотрѣть на васъ какъ на своего, а не на чужого. Вы бы могли имъ даже не продавать усадьбы. Щеклѣевъ васъ никогда не пуститъ сюда! Никогда. Потому что вы баринъ, вы дворянинъ, а онъ — кулакъ и міроѣдъ; потому что онъ презираетъ нашихъ ослабѣвшихъ, сознательно разоряющихся дворянъ, бѣгущихъ изъ своихъ помѣстій, покидающихъ родину ради

своихъ вкусовъ, прихотей и капризовъ. Въ Щеклѣевыхъ теперь сила. И наши помѣщики уступаютъ имъ свое первенствующее значеніе, отдаютъ Щеклѣевымъ народъ въ рабство, во вторую крѣпостную зависимость. Такъ думаетъ мой отецъ, и я объ этомъ много думала, и вѣрю ему, и согласна съ нимъ.

Онъ съ возростающимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея возбужденной рѣчью.

Глаза ея теперь горѣли вдохновеннымъ пламенемъ, грудь высоко вздымалась, потому что она говорила торопливо, задыхаясь, какъ бы боясь, чтобы не остановили ее, не помѣшали высказать до конца все то, что накопилось у нея на душѣ. Румянецъ игралъ на ея обыкновенно блѣдныхъ за послѣднее время щекахъ.

Ему казалось, что какой-то внутренній голосъ, можетъ быть голосъ родины, духъ этой странной Россіи, которой онъ не понималъ и не любилъ, говорилъ въ ней.

— Но когда-нибудь, — продолжала она,—родина призоветъ васъ. Голосъ ея властно зазвучитъ по струнамъ вашего сердца. Смотрите, какъ бы не было поздно! Вамъ не откликнуться тогда на ея призывъ, и родина можетъ отмстить вамъ, оставивъ въ вашемъ сердцѣ незамѣнимую пустоту, незаполнимую пропасть.

Будаевъ, улыбаясь, задумчиво проговорилъ:

— Никто, конечно, не знаетъ души человѣка—это тайна запертой двери. Но вы желаете вѣрить въ сказки, въ волшебныя сказки, какъ всѣ эти призывы, отмщенія и голоса „родины“. Но вѣдь это романтизмъ какой-то, который давно пора сдать въ архивъ.

— Развѣ въ Англіи не любятъ ничего родного? Развѣ тамъ не существуетъ патріотизма?

— О, конечно, существуетъ! Но совсѣмъ другого оттѣнка. Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего сентиментальнаго, романтическаго. Тамъ любятъ родину, какъ нѣчто конкретное, но не какъ идею. Между родиной и людьми, населяющими ее, тамъ существуетъ какъ бы родъ нотаріальнаго договора, для полученія взаимныхъ выгодъ. Если и требуются жертвы, то только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ сказать, въ боевое, военное время. И тогда, конечно, всякій охотно идетъ на эти жертвы. У насъ же этихъ жертвъ требуютъ во всякое, самое обыкновенное время, пходя, ради какой-то жажды къ жертвамъ, къ покаянію, къ самобичеванію. Я только здѣсь это понялъ. Колодищевъ схоронилъ себя въ деревнѣ, чтобы приносить жертву помощи „мужичкамъ“; имъ, ради идеи, онъ принесъ въ жертву свою личную жизнь. Вавакинъ никакихъ жертвъ не приноситъ,

а только пьетъ. Но и онъ не можетъ пить просто, „безъ идеи“, безъ слезы. Онъ сначала напьется, а потомъ кается, да можетъ быть, и пьетъ-то ради того, чтобы получить возможность испытать сладость покаянія. Крыжовъ не просто взыскиваетъ недоимки, потому что такъ нужно, а взыскиваетъ идейно, возводитъ это въ какой-то культъ, въ одну изъ функцій своего существованія, дѣлаетъ это съ наслажденіемъ, съ подъемомъ, съ захватомъ. И вы требуете отъ меня жертвы—и непремѣнно идейной. Всѣ мои привычки, всѣ вкусы, влекутъ меня отсюда, а вы говорите: все это выбросьте за бортъ, принесите жертву родинѣ, похороните себя здѣсь, гдѣ вамъ не по нутру. Это будетъ подвигъ. Зачѣмъ? Выгода говоритъ мнѣ, что мнѣ надо продать имѣнье, въ которомъ я не живу, чтобы устроить то, въ которомъ я живу. Вы опять говорите: если нужно продать, то не просто продайте, а съ идеей; продайте „мужичкамъ“, хотя бы это было и невыгодно. Вотъ эта жажда подвига, идеи, меня поражаетъ...

Вѣра выслушала молча его длинную рѣчь.

— Чтò удивительнаго? — сказала она. — Мы молоды, насъ увлекаетъ „идея“, какъ вы говорите. Западъ вашъ старъ, онъ охладѣлъ къ идейной сторонѣ жизни, къ порыву. Онъ заботится о комфортѣ, объ удобствахъ жизни, какъ всѣ старики. А вы похожи на младенца, на юношу, который воспитывался у стариковъ и перенялъ отъ нихъ всѣ ихъ повадки и взгляды, отвыкъ отъ воздуха полей и лѣсовъ, привыкъ сидѣть въ комнатѣ со старшими и наслушался ихъ старыхъ рѣчей. Ничего не можетъ быть печальнѣе такого юноши, который презираетъ своихъ юныхъ сверстниковъ, ненавидитъ игры и бѣготню, чуждъ высокихъ порывовъ, неспособенъ на подвигъ и жертву, а только твердитъ то, чтò говорятъ старики. Нѣтъ ничего хуже преждевременной старости...

— Какъ нѣтъ ничего хуже и молодящихся стариковъ. Мнѣ кажется, Россіи пора бы уже перестать считать себя младенцемъ и всѣ свои невзгоды, неустройство и неурядицы взваливать на свою молодость. Однако,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—мы далеко ушли отъ начала нашего разговора и наговорили другъ другу не мало непріятныхъ вещей.

— Да, — согласилась она, — вернемся къ дѣлу. Я должна вамъ сказать, что если вы откажете мужикамъ,—можетъ выйти очень нехорошая исторія.

— Вотъ какъ!—удивился онъ.—Какая же?

Она нѣсколько колебалась, прежде чѣмъ сказать то, чтò ее безпокоило эти дни.

Наконецъ, она рѣшилась.

— Здѣшніе крестьяне въ послѣднее время очень озлоблены. Они болѣютъ, голодаютъ, скотъ у нихъ падаетъ, Крыжовъ совсѣмъ озвѣрѣлъ и душитъ ихъ безпощадно... они могутъ поджечь экономію. Я очень боюсь, чтобы Сула...

При этомъ имени Будаевъ почувствовалъ вдругъ озлобленіе.

— Трофимъ Сула! — вскрикнулъ онъ. — Не говорите мнѣ о немъ! Я его не боюсь. Это вы сдѣлали изъ него здѣсь какого-то Фра-Діаволо на русскій ладъ, доморощеннаго рыцаря-разбойника... Удивительное дѣло — всѣ его боятся и всѣ благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ какой-то грядущей силой! Это — безобразіе. Прошу васъ вѣрить, — жестко сказалъ онъ, — что, при первой его попыткѣ повліять на мужиковъ въ этомъ смыслѣ, я сообщу все Крыжову и попрошу исправника удалить отсюда этого интереснаго разбойника. Давно, наконецъ, пора водворить законность и устранить произволъ.

Онъ говорилъ горячо, волнуясь и негодуя, и это очень не походило на него, всегда спокойнаго и уравновѣшеннаго.

Вѣра смотрѣла на него съ грустью и недоумѣніемъ.

Они долго молчали послѣ этого, но Будаевъ чувствовалъ, какъ раздраженіе не улегалось въ немъ, а все росло и росло, превращаясь въ какое-то странное озлобленіе, которому надо было дать выходъ.

За эти дни нервы его совершенно расшатались, и онъ, никогда не испытывавшій этого раньше, приписывалъ это состояніе продолжительному пребыванію своему въ деревнѣ, въ совершенно неподходящихъ для него условіяхъ.

Она грустно смотрѣла на него, и горькое, обидное, больное чувство ложилось на ея сердце.

Будаеву вспомнились слова Вавакина, и ему захотѣлось окончательно разсѣять „недоразумѣніе“, если оно дѣйствительно существовало на лицо.

— Скорѣе бы все это кончить, — мрачно проговорилъ онъ, — и уѣхать отсюда. *Ничто* не привязываетъ меня здѣсь. Ни страна, ни порядки, ни люди.

Вѣра низко поникла головой.

Онъ видѣлъ, что слова его оскорбляютъ ее, и видѣлъ, какъ голова ея все ниже и ниже склонялась.

Но ему хотѣлось довести до конца необходимое объясненіе.

— Природа здѣсь плохая, скучная, монотонная, — продолжалъ онъ „оскорблять“ ея любовь къ роцинѣ: — все поля и лѣса, на протяженіи сотенъ верстъ. Уныло такъ кругомъ... Неужели вы не находите этого?

Она отрицательно и печально покачала головой.

— Я никогда, никогда не могъ бы поселиться здѣсь навсегда; мнѣ казалось бы, что я погребенъ заживо въ какомъ-нибудь склепѣ. Съ меня довольно будетъ, если меня похоронятъ на здѣшнемъ кладбищѣ, когда я умру. Но добровольно лечь въ эту могилу—нѣтъ, слуга покорный! Я родился въ городѣ, привыкъ къ городу и никогда не промѣняю его на Будаевку съ ея скучными Колодищевыми и Крыжовыми и съ такими героями, какъ вашъ Сула...

Въ его тонѣ звучало такое пренебреженіе къ этой дѣйствительности, которою она жила, что она почувствовала наконецъ въ его словахъ оскорбленіе, и вопросительно взглянула на него.

Онъ пожалъ плечами.

— Мнѣ очень жаль,—проговорилъ онъ,—что я повидимому оскорбилъ ваше чувство...

— Да, мнѣ больно слышать это отъ васъ.

— Повторяю, мнѣ очень, очень жаль, но я говорю искренно, то, что̀ думаю, и то, что̀ чувствую. Знаете что̀? Я скажу больше. Предположимъ, что я здѣсь полюбилъ какую-нибудь дѣвушку... вѣдь, въ концѣ концовъ, ничего необыкновеннаго нѣтъ въ такомъ предположеніи.

Она отвернулась отъ него, и на глазахъ ея задрожали слезы. Она сдѣлала надъ собой героическое усиліе и постаралась овладѣть собою.

— Да... — проговорила она страннымъ голосомъ.—Предположимъ невозможное. Что̀ же дальше?

— Какъ бы страстно я ни любилъ и какою бы взаимностью мнѣ ни отвѣчали, при одной мысли о томъ, что мнѣ пришлось бы жениться и свить себѣ здѣсь постоянное гнѣздо, я—тотчасъ бы уѣхалъ отсюда, уѣхалъ бы самымъ постыднымъ образомъ, просто-на̀-просто бѣжалъ бы потихоньку и отъ этой любимой дѣвушки, и отъ своей любви, и отъ самого себя.

Вѣра вдругъ встала, взяла со стола книгу и, высоко поднявъ голову, проговорила спокойнымъ, но нѣсколько высокомѣрнымъ тономъ:

— Сердечно радуюсь за васъ, Владиміръ Сергѣевичъ, что съ вами не случилось и не можетъ случиться такой печальной исторіи. Мнѣ жаль было бы и этой дѣвушки, и васъ. Но,—она улыбнулась,—вамъ нечего бояться, вы застрахованы. Влюбиться или полюбить можетъ тотъ, у кого есть сердце. Люди, не признающіе отечества, люди, презирающіе родную страну, не могутъ любить. У нихъ вмѣсто сердца—твердый камень. И... увѣряю васъ, вамъ никогда не придется „бѣжать“ отсюда. Вы можете просто уѣхать, какъ уѣзжаютъ всѣ, кому то нужно. Русская дѣ-

вушка не можетъ полюбить человѣка безъ родины, человѣка, презирающаго то, что̀ она любитъ. Прощайте, Владиміръ Сергѣевичъ.

Она гордо наклонила голову и спустилась съ террасы.

Будаевъ остался одинъ.

Ему было неловко, не по себѣ. Онъ находилъ себя смѣшнымъ; онъ думалъ, что разрушаетъ стѣны темницы, которыхъ въ дѣйствительности вовсе не было. Дуракъ Вавакинъ,—но онъ еще глупѣе Вавакина, потому что повѣрилъ ему.

И накопившееся въ его душѣ озлобленіе быстро растаяло. Ему было больно, что онъ, повидимому, оскорбилъ эту дѣвушку своими не очень тонкими, грубоватыми намеками.

И странное, смутное чувство становилось теперь въ его душѣ на мѣсто озлобленія, уходившаго оттуда. Еслибы Вѣра заплакала, ему было бы легче. Но она ушла съ гордо поднятой головой, съ презрѣніемъ въ красивыхъ глазахъ. Это его оскорбляло. Такъ, значитъ, все это вздоръ, что̀ наговорилъ ему Вавакинъ? Все вздоръ?!

И это сознаніе, что Вѣра не любитъ его, не увлеклась имъ, не страдаетъ при мысли о скорой разлукѣ, что она страстно любитъ только своихъ мужичковъ" и Трофима Сулу и занята только заботами о ихъ благополучіи и счастьѣ, произвела въ его душѣ какую-то странную реакцію, къ которой онъ со страхомъ сталъ прислушиваться. Равнодушіе Вѣры обидѣло его до боли.

Почему, если онъ къ ней такъ же равнодушенъ, какъ къ какой-нибудь другой? Вѣдь не можетъ же быть ему больно, если онъ узнаетъ, что кто-нибудь къ нему равнодушенъ?

XXII.

На другой день послѣ этого объясненія, Вѣра Дмитріевна, подъ какимъ-то предлогомъ, будто въ ея комнатѣ много солнца и черезчуръ жарко въ эту лѣтнюю пору, переговоривъ съ отцомъ, переѣхала въ самый дальній флигель изъ главнаго зданія усадьбы.

— Зачѣмъ это?—спросилъ ее Тормиловъ, пытливо глядя ей въ глаза.—Ужъ не поссорились ли вы съ Владиміромъ Сергѣевичемъ? Не наговорила ли ты чего-нибудь лишняго?

— Ну... что̀ за фантазіи, папа̀... Ты въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что мои слова что-нибудь для него значатъ.

И она засмѣялась.

Тормиловъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Какъ знаешь, какъ знаешь... Но Владиміръ Сергѣевичъ будетъ очень удивленъ. Онъ меня спроситъ. Что̀ сказать ему?

— Ахъ, Боже мой! Да то и скажи. Не безпокойся, онъ такъ мало интересуется всѣми нами, что даже не замѣтитъ этого переселенія.

Но Будаевъ замѣтилъ.

Трудно было не замѣтить, когда Вѣра Дмитріевна не только переѣхала, но сказалась больной, перестала появляться за общимъ столомъ и попросила отца, чтобы ей приносили обѣдать во флигель.

И Будаевъ сталъ замѣчать, какъ безконечно долго тянулись дни и какъ медленно-медленно протекали обѣденные часы его tête-à-tête съ Тормиловымъ.

Отсутствіе Вѣры давало себя чувствовать.

Помѣщику и управляющему почти не о чемъ было теперь говорить другъ съ другомъ. Все было переговорено и рѣшено. Будаева рѣшительно не интересовали мелкіе вопросы хозяйства и управленія. Не интересовали никогда, а теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, потому что онъ самъ уже считалъ себя лишь временнымъ гостемъ Будаевки.

Щеклѣевъ опять не подавалъ признаковъ жизни и не вызывалъ письмомъ Тормилова въ городъ.

И каждый разъ, сходясь за обѣдомъ, Будаевъ спрашивалъ у Тормилова:

— Ну, что̀, отъ Щеклѣева ничего нѣтъ?

— Нѣтъ ничего.

— Однако, что̀ же это значитъ?

— Можетъ быть, боленъ или его задержали какія-нибудь дѣла въ Харьковѣ. Мы можемъ не безпокоиться. Я хорошо знаю Щеклѣева. Это дѣло окончательно рѣшенное.

— Да?.. тѣмъ лучше,—задумчиво говорилъ Будаевъ.

И этимъ оканчивались всѣ ихъ разговоры. Остальное время они обѣдали молча.

Только одинъ разъ Будаевъ спросилъ:

— А какъ же здоровье Вѣры Дмитріевны?

Тормиловъ смутился.

— Ничего, благодарю васъ.

— Она выходитъ?

— О, да. Она почти все время проводитъ въ рощѣ.

Будаевъ не зналъ этого.

Онъ рѣшилъ тотчасъ же послѣ обѣда отправиться туда, какъ вдругъ привезли письмо отъ Щеклѣева.

Онъ писалъ, что его задержали дѣла, и онъ никакъ не могъ

сдѣлать раньше то, что̀ обѣщалъ. Но теперь онъ побывалъ въ городѣ, передалъ нотаріусу всѣ бумаги и просилъ составить условіе продажи, купчую и все, что̀ нужно. Нотаріусъ заваленъ дѣлами и раньше недѣли не обѣщаетъ подготовить все это. Такъ что черезъ недѣлю, а для вѣрности черезъ десять дней, онъ, Щеклѣевъ, ждетъ Тормилова въ городъ.

„И тогда однимъ духомъ все покончимъ“,—вспомнилъ Будаевъ слова Щеклѣева.

Странно, что это извѣстіе не доставило радости Будаеву, по крайней мѣрѣ той радости, на которую онъ разсчитывалъ. Напротивъ, ему сдѣлалось грустно.

— Дмитрій Александровичъ, — сказалъ онъ: — теперь, мнѣ кажется, самое время поговорить о вашей судьбѣ.

Тормиловъ хотѣлъ отклонить отъ себя этотъ разговоръ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, Владиміръ Сергѣевичъ, — искренно сказалъ онъ.—Я найду себѣ мѣсто. Я даже сдѣлалъ кое-какіе шаги. Я непремѣнно устроюсь.

Но Будаевъ о дѣловыхъ предметахъ любилъ говорить дѣловымъ тономъ и прервалъ своего управляющаго.

— Вы не можете помѣшать мнѣ исполнить то, что̀ я считаю своимъ долгомъ,—сказалъ онъ своимъ отрывистымъ тономъ.— Вы не хотите больше служить у меня, это рѣшено. Не станете вы служить и у Щеклѣева, даже если бы онъ хотѣлъ этого. Я не могу допустить, чтобы старый другъ моего отца служилъ у Щеклѣева.

Тормиловъ улыбнулся.

— Да Щеклѣевъ и не держитъ управляющихъ. Онъ все дѣлаетъ самъ.

— Ну, вотъ видите. Мѣсто у Скуридиныхъ—вздоръ. Я не знаю, что̀ будетъ со Скуридиными, — онѣ, кажется, разорены. Хорошо, если она выйдетъ замужъ, а иначе я не знаю, что̀ ихъ ожидаетъ. Я слышалъ еще что-то о Колодищевѣ?

— Да, онъ говорилъ со мной и предлагалъ мнѣ переселиться къ нему и помогать въ его хозяйствѣ.

— Это ваше дѣло,—нахмурившись, сказалъ Будаевъ:—я не могу помѣшать вамъ отклонить или принять это предложеніе. Я же, съ своей стороны, дѣлаю вамъ предложеніе: при продажѣ имѣнья Щеклѣеву удержать Косой-Уголъ. Тамъ есть очень хорошая ферма въ старомъ англійскомъ стилѣ—мнѣ указалъ на нее Джонъ, и я побывалъ на фермѣ. Верхній этажъ—очень хорошее помѣщеніе изъ четырехъ комнатъ, и какъ все у васъ, содержится этотъ коттэджъ-ферма образцово. Я укрѣплю этотъ Косой-Уголъ за вами, то-есть просто передамъ вамъ въ полную

собственность, и назначу вамъ пенсію. Вы будете вполнѣ обезпечены. Этотъ клочокъ земли будетъ вашъ, а тамъ уже ваше дѣло—взять или не взять мѣсто у Колодищева...

— Владиміръ Сергѣевичъ...—началъ смущенно Тормиловъ, но въ это время послышались неистовые звонки и крики. На террасу вскорѣ взбѣжала Евгенія Львовна.

Она была возбуждена, красная и потная отъ быстрой ѣзды на велосипедѣ, который она оставила на кленовой аллеѣ у дерева.

— Bonjour! —сказала она весело, подавая свою прелестную ручку съ длинными тонкими пальцами, затянутую въ перчатку, Будаеву.—Comment va? Здравствуйте! — кивнула она головой Тормилову.—Помѣшала? Нѣтъ? Тѣмъ лучше. А у васъ обоихъ такіе виды, какъ будто вы рѣшали вопросы о существованіи республики Андоры.

— Мы говорили о дѣлахъ, но вы намъ нисколько не помѣшали. Мы уже кончили. Вѣдь, правда, мы *окончательно покончили* съ этимъ вопросомъ?—съ удареніемъ спросилъ Будаевъ у Тормилова, какъ бы желая получить его согласіе.

Въ его вопросѣ и взорѣ было столько настойчивости и воли, что Тормиловъ наклонилъ голову.

— Да,—сказалъ онъ.

— Благодарю васъ. Вы очень успокоили меня.

Тормиловъ вышелъ.

— Ну, вотъ и все,—сказалъ Будаевъ, обращаясь къ Евгеніи Львовнѣ.—Je suis à vous. Какъ мило съ вашей стороны, что вы пріѣхали!

— Ah, voilà! Кому-нибудь нужно быть милымъ. Вы не ѣдете,—пріѣхала я. Но представьте себѣ, какой ужасъ! Вы слышали звонки?

— Какъ же.

— Я чуть не задавила теленка. Il se fait tard, и ничего не видно. Все-таки я его замѣтила. Звоню, звоню, потому что свернуть некуда, а онъ вообразилъ, что я играю съ нимъ, и прямо прыгаетъ на бисиклетъ. Чуть-чуть не упала.

Будаевъ засмѣялся.

— Развѣ теленокъ можетъ понимать велосипедные звонки?

— Ну да, ну да, такой глупый! Я и говорю... Бабуся вамъ кланяется. Адъютанты—тоже.

— А гдѣ же они?—удивился Будаевъ.

Евгенія Львовна протяжно свистнула.

— Renvoyés! Прогнала. Надоѣли смертельно. Я сама скучаю въ этой Скуридинской трущобѣ, и они вдругъ вздумали скучать, изъ подражанія или ужъ не знаю какъ... Я и говорю:—ну,

миленькіе, если ужъ вы будете на мою тоску еще нагонять вашу, то merci... вотъ вамъ Богъ и пирогъ.

— Какъ—пирогъ?!

— Это такая русская пословица, когда хотятъ кого-нибудь выгнать, то говорятъ: вотъ вамъ Богъ и пирогъ! Значитъ, надо уходить. Ну, да это все равно. Я говорю офицеру:—возвращайтесь въ лагери, палатки соскучились безъ васъ. А другому тоже говорю:—fichez-moi le camp, хотя у васъ и нѣтъ палатки, но дѣвайтесь куда хотите. И представьте, эти юноши... Ахъ, нѣтъ, вы никогда себѣ этого не представите!..

— Что̀ такое?

— Они придрались къ моей поговоркѣ и говорятъ, то-есть, говоритъ одинъ, но, все равно, за обоихъ.—„Хорошо, говоритъ, мы уѣдемъ, давайте намъ пирогъ".—Завтра получите. Я приказала спечь пирогъ имъ на дорогу, но figurez-vous, что они подразумѣвали иносказательно—деньги. Имъ не съ чѣмъ было выѣхать. Нѣтъ, скажите, куда они дѣваютъ деньги? У нихъ было по сту рублей, когда они сюда пріѣхали. И здѣсь ихъ истратить! Куда, я васъ спрашиваю?

— Не знаю,—улыбнулся Будаевъ.

Но она была искренно раздражена.

— Ils étaient logés, nourris et blanchis, alors quoi... Не могли же они истратить на женщинъ? Я не думаю, чтобы здѣсь женщины сто̀или такъ дорого? Hein, qu'en dites vous?

Будаевъ пожалъ плечами.

— Ничего не могу вамъ сказать,—я этимъ вопросомъ не занимался.

Она увидѣла, что увлеклась, и сконфузилась.

— Enfin, я имъ достала по пятидесяти рублей, хотя Курнаковъ находилъ, что мало, и все говорилъ о какихъ-то прогонахъ, суточныхъ и поверстномъ срокѣ. Но такъ или иначе, je les ai expediés.

Она весело засмѣялась.

— Вы сегодня очень оживлены, какъ будто произошло съ вами что-нибудь пріятное,—сказалъ ей Будаевъ.—Но другой разъ не шутите съ русскими пословицами. Какъ все русское, онѣ требуютъ глубокаго изученія и осторожнаго обращенія.

— Можетъ быть, ça ne m'interesse guère. А что я весела—это вѣрно! Я думаю, будешь веселой, когда мы на будущей недѣлѣ уѣзжаемъ за границу.

— А!—удивился Будаевъ.—Это рѣшено? Такъ, значитъ...

— Нѣтъ, ничего не значитъ. Имѣнье не удается ни продать, ни заложить. Вѣроятно, его продадутъ, въ концѣ концовъ,

за долги банку. Но намъ съ бабусей удалось, какъ говоритъ Курнаковъ, „перехватить малую толику у человѣка съ свободной наличностью, у котораго оказалась сумма безъ опредѣленнаго назначенія“. Вотъ мы и ѣдемъ.

— Ну... а потомъ?—осторожнымъ голосомъ спросилъ Будаевъ.

— А потомъ продадутъ имѣнье; можетъ быть, что-нибудь очистится отъ банковскаго долга.

— А потомъ?—уже смѣлѣе спросилъ Будаевъ.

— Après nous le déluge!—засмѣялась она.—Ну, что̀ это, право, вы все съ своими „а потомъ?“! Развѣ я знаю? Теперь я полна счастьемъ, что мы выбираемся отсюда. При нѣкоторой экономіи, намъ хватитъ года на полтора. Ой, только не говорите: „а потомъ?“! Здѣсь жить невозможно. Въ деревнѣ тифъ и какая-то желтуха или краснуха—que sais-je? Всѣ бѣгутъ. И мы бѣжимъ. Я говорю бабушкѣ:—бабуся, я вовсе не хочу умирать ни отъ тифа, ни отъ краснухи и ни отъ какого другого цвѣта. Filous! Ну, вотъ я и заѣхала къ вамъ по двумъ дѣламъ.

— Даже по дѣламъ?

— O, yes.

— Voyons ces дѣла.

— Во-первыхъ, купите у насъ автомобиль. Мнѣ онъ стоилъ кучу денегъ, и онъ почти новый. Я вамъ уступлю его за тысячу. Cela vous va-t-il?

Будаевъ улыбнулся.

— Я его куплю, чтобы васъ избавить отъ него. Но я не вижу, что̀ я буду съ нимъ дѣлать, здѣсь, въ деревнѣ?..

— Бабушка говоритъ, что его можно приспособить къ какой-нибудь молотилкѣ или мотовилкѣ, я не знаю,—однимъ словомъ, къ какой-то машинѣ, которыя на поляхъ что-то дѣлаютъ, не то сѣютъ, не то жнутъ.

— Но я самъ продаю имѣнье и сельско-хозяйственными работами не занимаюсь. И я думаю даже, что это невозможно, что̀ вы говорите...

— Ну, такъ я нашла! Подарите его вашей лѣсной феѣ. Декадентская картинка: лѣсная фея на автомобилѣ, среди лѣсной лужайки.

— Pardon, кто это—лѣсная фея?

— Ну, фея этого за̀мка, Burghexe—Вѣра.

Будаевъ сильно нахмурился.

Она замѣтила это и примолкла, побоявшись, что можетъ испортить дѣло, и, пожалуй, онъ не купитъ автомобиля.

— А второе дѣло?—холодно спросилъ онъ.

— А второе—гораздо важнѣе. Мы хотимъ просить васъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. Подумайте, это будетъ такъ весело, такъ весело! Мы остановимся въ Парижѣ... Потомъ покупаемся гдѣ-нибудь—въ Трувиллѣ, Остенде или Бланкенберге,—enfin, гдѣ захотите, а на saison—въ Лондонъ. Ахъ, какъ это было бы хорошо! Однѣмъ ѣхать—такъ скучно! Двѣ женщины... Вы согласитесь, pas vrai?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— При всемъ желаніи, не могу, Евгенія Львовна.

— Вы думаете, будетъ невесело?—уныло спросила она, видя, какъ этотъ долго комбинированный и серьезный планъ,—такъ или иначе „овладѣть“ Будаевымъ—встрѣчаетъ такой рѣшительный отпоръ.

— Я не думаю этого,—напротивъ. Но я не могу ѣхать такъ скоро.

— Мы подождемъ,—быстро сказала она.

— Но я, право, даже не могу опредѣлить времени. И я не собираюсь въ Парижъ. Мнѣ надо заѣхать...

Евгенія Львовна прервала его.

— Тутъ, очевидно, дѣло не во времени,—сказала она, улыбаясь.

— А въ чемъ?—удивленно спросилъ онъ.

— Въ магнитѣ,—опять не удержалась она отъ намека.

— Въ какомъ магнитѣ?—холодно спросилъ Будаевъ.

Но она не смутилась его холодностью.

— Allons, jouons cartes sur table,—сказала она, коснувшись его руки.—Дѣло, конечно, въ Вѣрѣ. Скажите, она вамъ очень, очень нравится? A vrai dire,—продолжала она, не давая ему времени отвѣтить,—она мнѣ тоже очень нравится, какъ художественное произведеніе, для котораго содержаніе безразлично, важна форма! Ну... и форма у нея прекрасна. Картинка въ старомъ вкусѣ немного, гдѣ и формы, и колоритъ, и рисунокъ un peu trop prononcé, нѣсколько натуралистическаго направленія... Мало неопредѣленнаго, недоконченнаго, что̀ даетъ просторъ фантазіи, мечтамъ и догадкамъ, какъ тѣ современныя произведенія искусства, въ которыхъ есть что-то недоговоренное, тревожное. Но она вполнѣ отвѣчаетъ англійскому вкусу. Знаете, какъ есть марки шампанскаго спеціально англійскаго вкуса—extra dry. Однако, любовь...

Будаевъ рѣзко прервалъ ее:

— Прошу васъ, не будемъ говорить ни о Вѣрѣ, ни о Любви, ни даже о Надеждѣ,—сказалъ онъ, все еще вѣжливо, но холодно улыбаясь.—Мы говорили о поѣздкѣ за границу. Эта поѣздка въ

данное время для меня невозможна. Причинамъ, которыя я привелъ, вы не вѣрите. Soit. Но не все ли равно, какія причины? Позвольте мнѣ вручить вамъ за купленный мною автомобиль... Вы мнѣ его пришлете при первой оккaзіи...

Евгенія Львовна была сконфужена и собиралась уѣзжать.

По дорожкѣ, мимо террасы раздались шаги, и въ наступившей темнотѣ вечера обрисовалась фигура дѣвушки.

Евгенія Львовна насторожила слухъ и вглядѣлась въ тьму.

— Вѣра Дмитріевна,—вы?—окликнула она проходившую.

Вѣра вздрогнула отъ неожиданности.

Она избѣгала въ послѣднее время показываться около усадьбы, и выбрала теперь эту дорогу, какъ ближайшую, потому что знала, что въ эту пору на террасѣ обыкновенно никто не сидѣлъ.

Сердце ея забилось отъ ревниваго чувства, когда она узнала голосъ Евгеніи Львовны.

— Это я.

— Идите сюда, на террасу!

— Я спѣшу домой,—сухо отвѣтила Вѣра.

Но такъ какъ Евгенія Львовна и подошедшій въ это время къ периламъ Будаевъ настаивали, то она нехотя вошла.

— Вотъ,—начала Евгенія Львовна,—я уговариваю Владиміра Сергѣевича ѣхать съ нами. Чтò вы на это скажете?

Вѣра удивленно взглянула на него.

— Я? Чтò я могу сказать? Владиміръ Сергѣевичъ, вѣроятно, самъ знаетъ, чтò ему дѣлать.

— О, да, конечно; но не въ этомъ дѣло. Мы съ бабушкой бѣжимъ отсюда. Всѣ растерялись, всѣ напуганы. Въ деревнѣ тифъ, который принимаетъ настоящіе размѣры эпидеміи. И никто не принимаетъ никакихъ мѣръ. Врачъ—одинъ, да и тотъ не врачъ, а Богъ знаетъ чтò. Я говорю о Вавакинѣ; онъ безсиленъ помочь чему-нибудь. Аптекъ нѣтъ, лечебницъ нѣтъ, ухода нѣтъ. Какая некультурная страна!

Сердце Вѣры тревожно забилось.

Ей показалось, что въ эту минуту что-то рѣшается важное, серьезное, большое въ ея жизни. И это важное, серьезное и большое, будто бы, зависитъ отъ отвѣта Будаева.

Она незамѣтно взглянула на него, ожидая его отвѣта.

— Я уже сказалъ вамъ, милая Евгенія Львовна,—проговорилъ Будаевъ,—что я не поѣду съ вами. И вообще не поѣду, пока не уладится тутъ все съ дѣлами. И вы напрасно тратите ваше краснорѣчіе.

Вѣра почувствовала глубокую благодарность къ нему за этотъ отвѣтъ.

— Какъ знаете. A bon entendeur—salut. Но я бѣгу. Merci, я вовсе не хочу заразиться отъ мужиковъ тифомъ и умереть въ этой дырѣ. А вы?—обратилась она къ Вѣрѣ.—Вы, конечно, останетесь?

— Я, конечно, останусь. Бѣжать я не собираюсь, и вообще считаю, что бѣжать съ поля сраженія могутъ...

Она почувствовала, что зашла нѣсколько далеко.

— Трусы?—закончила за нее Евгенія Львовна.—Ну что жъ! Пущай!—какъ выражаются здѣсь не только мужики, но и интеллигенты.—И она взяла насмѣшливый, издѣвательскій тонъ:—А вы, конечно, будете стоять на своемъ „честномъ“ посту, ухаживать за больными, растирать бабамъ животы и обкладывать мужиковъ компрессами,—однимъ словомъ, совершать тысячи такого рода великихъ подвиговъ?

Въ ея тонѣ звучало явное недоброжелательство къ Вѣрѣ, даже нескрываемое раздраженіе и обидная насмѣшка.

И вдругъ всегда спокойная, всегда уравновѣшенная Вѣра вспылила. Точно этотъ наглый тонъ Скуридиной былъ тѣмъ бичомъ, который ей нанесъ ударъ по лицу.

— Да, да, да!—твердо, рѣзко и громко проговорила она:— я останусь, я буду ухаживать за больными, я буду совершать эти тысячи подвиговъ, какъ вы выражаетесь, подвиговъ мелкихъ, незначительныхъ, словомъ—по моей мелкой и незначительной натурѣ. И я думаю, что каждый изъ этихъ подвиговъ, къ которымъ вы относитесь съ такимъ явнымъ презрѣніемъ, выше подвига бѣгства, трусливаго бѣгства ради спасенія своей жизни. И что̀ вамъ за дѣло до меня? Вы хотите бѣжать—бѣгите. Мнѣ некуда бѣжать, а если бы и было куда—я осталась бы. Эти грязные мужики и бабы, которыхъ вы ненавидите и презираете, когда-то кормили и поили васъ своимъ даровымъ, крѣпостнымъ трудомъ. Вы были господами, они—рабами, и если бы не было ихъ и ихъ каторжнаго труда, можетъ быть не было бы и васъ, не было бы и меня. Эта земля, эти мужики вскормили насъ. У меня есть долгъ передъ ними, какъ и у васъ. Я хочу уплачивать этотъ крупный долгъ мелкими суммами, потому что я не богата ни умомъ, ни силами, ни средствами. Вы находите, что можно все взять у довѣрчиваго кредитора и бѣжать за границу, даже не заплативъ процентовъ. Ваше дѣло! Дѣло вашей совѣсти и добросовѣстности. Но зачѣмъ же увлекать по этому пути другихъ...

Евгенія Львовна насмѣшливо улыбалась.

Въ концѣ рѣчи Вѣры, которая задыхалась отъ овладѣвшаго ею волненія, она поморщилась и проговорила:

— Ой, какъ старо! Я недавно читала какой-то журналъ конца шестидесятыхъ годовъ, попавшійся мнѣ случайно. Тамъ точь-въ-точь то же. Можетъ быть, и вы его читали?..

— Я не читала никакихъ журналовъ, я говорю то, что̀ чувствую. Вы не чувствуете такъ—я васъ не упрекаю, но жалѣю тѣхъ, кто не чувствуетъ своего долга передъ родиной, чье сердце не бьется за-одно съ ней, кто не понимаетъ прелести этихъ полей, лѣсовъ и деревень. За этими синими лѣсами и зелеными полями лежатъ безконечныя степи и луга, убогія деревни, въ которыхъ живутъ темные люди въ темныхъ хатахъ. Голодъ, болѣзни, нищета царствуютъ въ этихъ темныхъ хатахъ. Вы, люди, живущіе въ розовыхъ лучахъ, въ барскихъ усадьбахъ, сытые, обутые, одѣтые и праздные, бѣжите отъ этой тьмы, спасая свое благополучіе, не хотите приподнять край темной завѣсы и заглянуть за нее. Ваше дѣло! Но я... не люблю и не уважаю такихъ людей...

— Мѣщанство!—проговорила въ полголоса Евгенія Львовна, такъ чтобы ее слышалъ Будаевъ и не слыхала Вѣра.—А вы,—обратилась она къ Будаеву, не удостоивъ прямымъ отвѣтомъ Вѣру,—все-таки остаетесь? Остаетесь платить долги, по счетамъ, которые предъявляетъ всѣмъ намъ m-lle Тормилова?

Она хихикнула и встала. Встали и Вѣра, и Будаевъ, который стоялъ теперь рядомъ съ Евгеніей Львовной.

Сердце Вѣры тревожно забилось и въ надвигающихся сумеркахъ она, затаивъ дыханіе, старалась разглядѣть выраженіе лица Будаева, предугадать его отвѣтъ.

Это была мучительная, тягостная для нея минута.

Вдругъ онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ Вѣрѣ и какимъ-то особеннымъ, дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Да, я уже говорилъ вамъ,—я остаюсь.

Вѣра вздрогнула и схватилась за сердце, которое ужасно забилось.

Правда ли? Не ослышалась ли она?

— И... надолго?—спросила Евгенія Львовна.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ:—можетъ быть... надолго.

Онъ чувствовалъ, какъ какая-то теплая, теплая волна прилила къ его сердцу, и какъ на его душѣ дѣлалось такъ хорошо, какъ никогда на ней не бывало.

Странное, небывалое чувство овладѣло имъ; то чувство, которое давно незамѣтно подкрадывалось къ нему, стучалось въ его сердце, какъ бы прося разрѣшенія войти туда.

Какъ и когда именно оно вошло—онъ не зналъ. Какъ онъ неосторожно впустилъ его туда—онъ не помнилъ. Но оно вошло,

оно жило теперь тамъ, оно просилось наружу и стуки его онъ явственно слышалъ.

Вотъ передъ нимъ та Вѣра, которую онъ такъ недавно еще оскорбилъ, и которую не видѣлъ нѣсколько дней. Это та же Вѣра и не та. Она вдругъ стала къ нему близкой, и черты лица ея, и ея голосъ, и ея рѣчи,—все получило вдругъ иной оттѣнокъ, иное освѣщеніе...

„Господи!—взмолился онъ со страхомъ,—да что̀ же это такое"?!

Евгенія Львовна захохотала и, быстро сбѣжавъ съ террасы, исчезла съ своимъ велосипедомъ въ ночной тьмѣ.

XXIII.

Вѣра стояла и дрожала какъ въ лихорадкѣ.

Какъ бы по взаимному уговору, оба молча сошли съ террасы и направились по аллеѣ къ рощѣ.

Все такъ же молча, точно прислушиваясь къ голосамъ, которые звучали въ ихъ душахъ, точно боясь нарушить это торжественное безмолвіе ночи, они вошли въ коринѳскую бесѣдку.

Давно, давно не посѣщала этой бесѣдки Вѣра. Когда-то здѣсь повѣряла она своему дорогому лѣсу тайны своей дремавшей души.

И вотъ она опять на этой вершинѣ, опять окружена своей любимой зеленой природой, въ которой столько ей понятной поэзіи.

Тихо шепчутся деревья, точно разсказывая другъ другу волшебныя сказки; ярко свѣтятъ съ чернаго неба свѣтлыя звѣзды. И такъ любовно журчитъ гдѣ-то неподалеку ручей. И душа Вѣры теперь на высотѣ. Неожиданно быстро поднялась она туда, и ей теперь страшно, удержится ли она тамъ?

Не сонъ ли это? Не мечта ли, не греза?

Вѣдь что̀ же произошло, какія слова были произнесены? Ничего не произошло и ничего не было сказано. Откуда же взялось это томительно-сладкое чувство, которое вдругъ, разомъ наполнило ихъ сердца?

Долго домъ стоялъ запертый наглухо плотными ставнями. Тьма царила въ немъ, шорохи раздавались въ углахъ, а стѣны затягивались паутиной. Скрипѣли половицы, пищали мыши и все отдавало запустѣніемъ и выморочностью.

Но вотъ пришелъ кто-то и властной рукой распахнулъ ставни. Одного мгновеннаго движенія этого было достаточно, и картина рѣзко измѣнилась.

Въ темныя комнаты ворвался лучъ яркаго лѣтняго солнца и освѣтилъ тайну запертой двери. Все повеселѣло, все заискрилось въ этихъ яркихъ золотыхъ лучахъ. И такъ стало весело, такъ уютно, такъ отрадно въ темной, затхлой комнатѣ.

Но кто же этотъ волшебникъ?

И какъ будто изъ рощи принесъ ей отвѣтъ ночной вѣтерокъ: этотъ волшебникъ—любовь.

И вотъ она слышитъ надъ собой нѣжный знакомый, но словно перерожденный голосъ.

— Я обидѣлъ васъ недавно, Вѣра Дмитріевна. Вы должны простить меня. Но и вы относились ко мнѣ враждебно. Вы не допускали близости между нами, вы смотрѣли на меня какъ на чужого вамъ, пришлаго человѣка, ворвавшагося въ вашу мирную обитель, въ вашу тихую деревенскую жизнь. Вначалѣ еще какъ будто была надежда на наше сближеніе. Но потомъ вы какъ-то сразу отдалились отъ меня... Отчего вы относились ко мнѣ такъ враждебно?

Она стиснула свои руки, и когда заговорила, то не узнала своего голоса.

— Я считала васъ гордымъ, замкнутымъ, холоднымъ ко всему, что̀ я люблю,—тихо отвѣтила она.—Развѣ это было не такъ? Наши характеры, наши взгляды, наши чувства такъ не походили другъ на друга. Вы презирали то, что̀ я любила, вы такъ безучастно относились къ нашимъ полямъ и лѣсамъ, какъ будто мое отечество—не ваше. Что̀ изъ того, что вы родились на чужбинѣ? Но здѣсь жили ваши предки, вашъ отецъ, здѣсь онъ и похороненъ. Здѣсь живетъ *вашъ* народъ, съ духомъ котораго вы связаны неразрывными, хотя и невидимыми нитями; здѣсь складывался поколѣніями духъ русскаго человѣка, гдѣ бы онъ ни родился. Вы—сынъ этой родины, хотя бы вы никогда не видали ея, хотя бы вы забыли о ней. Пусть эта природа и эти люди никогда ничего не говорили вашей душѣ. Но это временно. Повторяю вамъ, настанетъ время, когда этотъ призывъ раздастся въ вашемъ сердцѣ. И я относилась къ вамъ холодно, враждебно, какъ вы говорите, потому что я не могла... любить человѣка, который пришелъ сюда какъ чужеземецъ, какъ гость, который только и думаетъ, какъ бы уйти отсюда.

Она замолчала.

Ей хотѣлось сказать ему много, очень много, но она не знала, съ чего начать, чѣмъ кончить. Одна мысль набѣгала на другую. Ей хотѣлось сказать ему что-нибудь краткое, въ чемъ заключалась бы вся ея мысль, что-нибудь горячее, какъ слезы,

которыя капали теперь изъ ея глазъ, и въ чемъ заключалось бы все ея чувство.

Но слова оставались словами, такими блѣдными для выраженія чувства, такими холодными, несовершенными и далекими отъ дѣйствительности!

И она говорила ему все то же, что̀ говорила уже много разъ: о патріотизмѣ, о родинѣ, о любви къ своему народу, когда хотѣла сказать только одно—о своей любви къ нему!

Но, можетъ быть, одно вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ другого, и именно эти слова высказываютъ ея сокровенную мысль?

Она не знала и замолкла въ безпомощной позѣ.

Будаевъ взялъ ее за руку.

— Да, все это было во мнѣ и, кажется, прошло... Я благодарю васъ за то, что вы заставили меня полюбить эту грустную природу, что вы заставили меня стать близкимъ всему тому, что̀ вы такъ горячо и беззавѣтно любите. Вы заставили меня познать и пріобрѣсти отечество. Да, можетъ быть вы правы, Вѣра...

Она радостно вздрогнула: онъ въ первый разъ назвалъ ее такъ.

— Человѣку нужна родина; быть можетъ, настанетъ время, когда просвѣтлѣетъ даль и проглянетъ сквозь туманъ солнце для всѣхъ. Тогда люди сравняются, и понятіе объ отечествѣ поблекнетъ. А пока мы еще люди земли. Мы не настолько сильны и мощны, чтобы порвать цѣпи, приковывающія насъ къ землѣ.

Ей почудился протестъ, невольный, стихійный протестъ сильнаго человѣка противъ этихъ цѣпей. Очевидно, онъ хотѣлъ сказать что-нибудь другое, но по пути мысль, какъ волна, захлестнула его и отнесла въ сторону.

Ей было больно.

Она съ тоской оглядѣлась вокругъ.

Луна не свѣтила и не пѣлъ соловей, какъ пѣлъ здѣсь,—такъ, казалось, еще недавно, весной. Не пахло тяжелымъ, сладкимъ запахомъ розъ и лилій, потому что онѣ уже отцвѣли. Садъ высохъ, пожелтѣлъ, опустѣлъ подъ жаркими лучами лѣтняго солнца; но когда онъ заговорилъ снова, въ душѣ ея расцвѣтала весна.

— Можно жить,—говорилъ онъ:—можно жить и наслаждаться жизнью даже связаннымъ всѣми этими обязательными идеями о благѣ народа, о любви къ родинѣ. Можно такъ жить, когда къ этимъ обязательнымъ цѣпямъ прибавить другія—цѣпи любви... Тогда все покажется въ иномъ свѣтѣ.

Она грустно покачала головой.

— Нѣтъ, — тихо проговорила она,—чувство должно быть свободно. Гдѣ цѣпи—тамъ его нѣтъ. Нужно любить свободно, открыто, въ силу потребности, а не въ силу долга и обязан-

ностей. Что̀ бы ни любить! Хотя бы и родину. Человѣкъ безъ родины—перекати-поле, которое носится изъ одного края въ другой, гонимое вѣтромъ, нигдѣ не находя себѣ убѣжища. Развѣ это свобода? Она подчиняется вѣтру, и вѣтеръ гонитъ его по своему произволу...

— Вѣра!—съ чувствомъ произнесъ онъ, и она вся замерла отъ испуга: вотъ насталъ тотъ великій моментъ, который она смутно предчувствовала, трепетно ожидала. Сейчасъ онъ скажетъ роковыя слова, которыя могутъ измѣнить всю ея жизнь.

И вдругъ чей-то хриплый, фальшивый голосъ пропѣлъ у самой бесѣдки внизу:

— Ты не моя, и я не твой!
Ахъ, я не твой! ахъ, я не твой!..

И затѣмъ—гадкій, пьяный смѣхъ.

Иллюзія ночи была смята, растоптана.

Будаевъ быстро отошелъ отъ Вѣры.

Вавакинъ смѣялся.

— Вы здѣсь?—кричалъ онъ имъ.—А я васъ всюду ищу...

Вѣра нагнулась черезъ перила.

— Что̀ вамъ нужно?—гнѣвно сказала она ему.

— Ежели я пришелъ, значитъ нужно,—грубо отвѣтилъ Вавакинъ.—Что̀ же, вы такъ увлеклись, что ничего не видите и не слышите? Спускайтесь скорѣе! Взгляните на небо...

XXIV.

И Будаевъ, и Вѣра разомъ подняли головы.

— Боже мой, что̀ это?—съ замершимъ сердцемъ вскрикнула она.

Все небо было окрашено яркимъ пурпуромъ.

Внизу раздавался хохотъ пьянаго Вавакина.

— Вы думаете, что это заря? Запѣли соловушки до зари, анъ это зарево.

— Пожаръ!—проговорилъ Будаевъ, быстро сходя внизъ и какъ бы освобождаясь вдругъ отъ кошмара, такъ внезапно и неожиданно завладѣвшаго имъ.

— Да, пожаръ,—прошептала Вѣра, слѣдуя за нимъ.

Со стороны усадьбы слышались крики, тотъ неопредѣленный гамъ и шумъ, который всегда бываетъ при пожарахъ и который похожъ издали на шумъ грознаго, все наростающаго прибоя.

За высокимъ домомъ небо было красно. Сквозь узкій проулочекъ, образуемый домомъ и флигелемъ, виднѣлись огненные языки, ярко вспыхивавшіе и вдругъ потухавшіе, то высоко вздымавшіеся

въ какой-то яростной злобѣ, то вдругъ падавшіе, точно въ изнеможеніи. Клубами поднимался дымъ съ тучами искръ, блиставшихъ на его сѣроватомъ фонѣ.

Похоже было на то, что горѣла солома.

— Господи, горитъ усадьба!—шептала Вѣра, и вдругъ въ ея памяти возсталъ темный образъ Трофима Сулы, когда онъ уходилъ по дорожкѣ сада, нѣсколько дней тому назадъ, съ угрозами на устахъ и съ горящимъ ненавистью взоромъ.

„Трофимъ исполнилъ свою угрозу,—мелькомъ пронеслось у нея въ головѣ:—что̀ будетъ, что̀ будетъ теперь"!..

Меньше всего она думала теперь о своихъ личныхъ дѣлахъ, но на самомъ днѣ ея испуганной души она ощутила инстинктивное сознаніе, что этотъ пожаръ уничтожаетъ не только усадьбу, но и ея только-что зародившееся счастье.

Усадьба была цѣла.

Горѣлъ флигель и притомъ съ разныхъ концовъ. Въ одномъ мѣстѣ пламя утихало, въ другомъ неожиданно разгоралось.

Мужики и даже бабы собрались вокругъ горящаго зданія.

Появились топоры, багры, ведра съ водой. Тормиловъ былъ здѣсь же и спокойно, дѣловито распоряжался всѣмъ.

Больше всѣхъ волновался и путалъ урядникъ.

Онъ бѣгалъ по всѣмъ направленіямъ, суетился, кричалъ и ругался.

— Тащи воду! Воду тащи, анаѳема! А ты чего стоишь разиня ротъ? А? Вотъ я тебя ужо̀ въ холодную! Народъ тоже! Рвань, а не народъ.

На нѣкоторыхъ онъ наскакивалъ съ кулаками.

Мужики и бабы дѣлали, однако, свое дѣло и отмахивались отъ урядника какъ отъ назойливой и надоѣдливой мухи.

Они его знали давно и знали, что̀ онъ дѣлается истинно свирѣпымъ въ присутствіи Крыжова и по его спеціальному требованію; внѣ же этихъ обстоятельствъ это у него было только служебной манерой, не больше.

Флигель горѣлъ исправно, когда Будаевъ съ Вѣрой подошли къ нему. Вавалинъ, помотавшись безъ нужды около пожара, куда-то исчезъ и больше уже не показывался.

Вѣра увидѣла въ отдаленіи группу мужиковъ, стоявшихъ, повидимому, безъ дѣла, что̀ ее удивило.

Она подошла къ нимъ, и сердце ея сжалось отъ боли.

Среди нихъ стоялъ связанный по рукамъ Трофимъ Сула. Видъ у него былъ дикій, озлобленный; онъ походилъ на пойманнаго звѣря. Волосы на головѣ и бородѣ были всклокочены и въ нихъ виднѣлись кусочки запутавшейся соломы; глаза его были

воспалены и налиты кровью; онъ злобно вращалъ ими и съ ненавистью смотрѣлъ на окружавшихъ его мужиковъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ пучокъ соломы и огарокъ свѣчки — должно быть, вещественныя доказательства предполагаемаго преступленія.

— Хамы, сволочь!—ругалъ онъ изрѣдка окружавшихъ его мужиковъ.—Свово въ полонъ взяли, ровно врага...

Онъ пробовалъ рвать веревки, которыми связаны были его руки, но только усиливалъ боль, и тогда, въ видѣ компенсаціи, принимался за ругательства.

— Нишкни, Сула!—говорили мужики, среди которыхъ Вѣра узнала Терентія и Митрія. — Мы што? Намъ, скажемъ, приказано: сторожи, мы и сторожимъ.

— Хамы! Сволочь!—огрызался Сула, который, видимо, находилъ облегченіе въ этихъ словахъ.

Около мужиковъ стоялъ Джонъ, къ удивленію Вѣры тоже расвирѣпѣвшій и наскакивавшій на Сулу съ англійскими ругательствами.

Онъ именно, какъ оказалось, поймалъ его въ сѣняхъ съ пукомъ зажженной соломы и тутъ же, схвативъ его за шиворотъ выволокъ въ переулокъ и побилъ.

За это продолжительное время бездѣйствія, англійская энергія накопилась въ его организмѣ и искала примѣненія и выхода.

Она и нашла ихъ въ Трофимѣ Сулѣ, котораго онъ билъ съ жесточайшимъ сладострастіемъ.

И теперь, при взглядѣ на подскакивавшаго къ нему Джона, Трофимъ Сула дрожалъ какой-то мелкой дрожью отъ безсильной ярости, точно затравленный охотниками волкъ, и, сжимая кулаки, связанные повыше кисти, говорилъ:

— Подойди, подойди, басурманская рожа! Вотъ я тебѣ плюну въ твою харю! Нѣтъ, братъ, врешь! Не уйти тебѣ отъ меня, дай срокъ!

Джонъ, произнеся какое-то англійское ругательство, при видѣ подходившей Вѣры замѣшался въ толпѣ и исчезъ.

Вѣра подошла и съ горестью во взорѣ взглянула на Трофима Сулу.

Въ его лицѣ что-то дрогнуло, когда онъ встрѣтился съ ней глазами, и оно какъ будто просвѣтлѣло на мгновеніе.

— Трофимъ!—вскрикнула она.—Ты? Ты связанъ...

— А я-жъ, барышня.

— Что̀ ты сдѣлалъ, что̀ сдѣлалъ!—крикомъ вырвалось у нея.

Трофимъ угрюмо молчалъ.

Митрій отвѣтилъ Вѣрѣ:

— А кто же его знаетъ, что̀ онъ сдѣлалъ. Англичанъ

сказывалъ, будто поджогъ, что-ли. Поджогъ, сказывалъ. Ну, извѣстно, говорятъ: вяжи. Вяжи, говорятъ. А только сумлѣваемся мы съ Терехой. Такъ скажемъ, зачѣмъ ему поджигать, какая корысть? Корысть-то какая, скажемъ?

— Врешь ты все, сволочь! — вдругъ прервалъ его Трофимъ, поднявъ голову. — Выгораживаешь, анаѳема! Врешь! Буде запираться! Я — поджогъ. Извѣстно, я. Кто-жъ больше? Все вѣдь я. Гдѣ что̀ горитъ — все я. Запираться не стану. Зачѣмъ запираться? Извѣстно, терпѣли, доколѣ невтерпёжъ стало. Исправникъ душитъ, сажаетъ, продаетъ мужика, — кому заступиться, какъ не помѣщику, скажемъ? А помѣщикъ продаетъ насъ Щеклѣю-Ироду! А Щеклѣй, извѣстно, задушитъ, со всѣмъ съ потрохомъ сожретъ, все одно, что червь. По злобѣ я это, по злобѣ. А вы — сволочь, хамы! — обратился онъ къ мужикамъ. — Я за васъ, а вы мнѣ — руки къ лопаткамъ...

— Наше дѣло подневольное, Трофимъ, — заегозилъ Митрій, — подневольное наше дѣло! Мы что̀? Сказано: — вяжи! — ну, мы и того, значитъ, вяжемъ. Вяжемъ, значитъ, потому...

— А я-жъ и говорю: хамы! Вяжемъ! — передразнилъ онъ мужика. — А ты развяжи, такъ я опять спалю, вотъ те слово, — спалю.

— Да замолчи ты, Трофимъ, ради Христа! — проговорила Вѣра, ломая руки. — Погубишь ты себя!

Трофимъ опустилъ голову и замолкъ. Все, что̀ накопилось у него на душѣ, повидимому уже вылилось, и теперь въ ней ничего не осталось.

Онъ окинулъ присутствующихъ равнодушнымъ взглядомъ и тряхнулъ головой.

Въ это время появился около этой группы Вавакинъ. Пожаръ потухалъ. По землѣ стлался черный, ѣдкій дымъ, перемѣшанный съ искрами. Стало вдругъ темнѣе.

Будаевъ отыскивалъ Вѣру, и увидя ее около мужиковъ, подошелъ.

Взоръ Сулы, который онъ поднялъ на помѣщика, загорѣлся гнѣвомъ, но губы его были плотно сжаты, и онъ ничего не сказалъ. Будаевъ уже зналъ отъ урядника, въ чемъ дѣло.

Вавакинъ, пьяный, подошелъ къ Сулѣ.

— Что̀, братъ... попался? А? Попался, голубчикъ! Такъ тебѣ, мошенникъ, и надо. Всыпятъ, вотъ, ей-ей, всыпятъ, а потомъ прогуляешься по Владимірке...

Вѣра остановила его съ негодованіемъ.

— Какъ вамъ не стыно, Иванъ Михайловичъ! — сказала она.

— Чего стыдно, печальница горя народнаго? Чего стыдно-то?

Ты жги, ежели хочешь, да не попадайся; а попался, голубчикъ, пожалуй-ка на цугундеръ! Такъ-то-съ. Стыдно ему, а не мнѣ. Я бы его, распротоканалью, носомъ въ пламя, носомъ-съ, опалилъ бы его, какъ свинью...

— Молчите!—крикнула Вѣра.—Вы пьяны!

— Пьянъ, да уменъ, два угодья въ немъ!—сказалъ Вавакинъ, но тѣмъ не менѣе какъ-то сконфуженно сжался и скрылся за спинами мужиковъ, которые засмѣялись при его послѣднихъ словахъ.

Подошелъ и Тормиловъ, которому нечего было больше дѣлать на пожарѣ.

Вѣра бросилась къ нему.

Нервы ея не выдержали, и она заплакала.

— Папа,—сквозь слезы говорила она,—спаси Трофима! Его связали, но онъ не виноватъ. Его затравили, какъ волка, его озлобили, онъ наговариваетъ на себя съ отчаянья. Вѣдь погубятъ его, окончательно погубятъ.

Тормиловъ упорно молчалъ и смотрѣлъ на Будаева.

Въ старомъ управляющемъ боролись два противоположныхъ чувства: чувство жалости и старой привязанности къ Сулѣ, котораго онъ такъ давно зналъ, и который когда-то спасъ его дочь отъ гибели, и чувство законности, которое не позволяло ему ходатайствовать за явнаго поджигателя.

Вѣра тоже смотрѣла выжидательно на Будаева.

Вавакинъ высунулся изъ-за спины мужиковъ и съ любопытствомъ ожидалъ, что̀ скажетъ Будаевъ.

Подошелъ къ этой группѣ и урядникъ.

— Интересно, — въ полголоса проговорилъ Вавакинъ,— какъ-то поступитъ нашъ влюбленный лордъ?

И даже крякнулъ отъ удовольствія.

Будаевъ чувствовалъ, что отъ него всѣ ждутъ чего-то. Но чего? При чемъ онъ тутъ? Есть на лицо законная власть, которой и надлежитъ поступить такъ или иначе.

Но Вѣра смотрѣла на него такъ просительно, съ такой мольбой во взорѣ плачущихъ глазъ, что онъ почувствовалъ физическую необходимость сказать что-нибудь, выразить какъ-нибудь свое участіе въ дѣлѣ.

Онъ подошелъ къ Сулѣ.

— Ты поджогъ?—спросилъ онъ его съ суровымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

Но возбужденіе дня прошло въ Трофимѣ Сулѣ, и онъ отвѣтилъ уставшимъ, ослабѣвшимъ голосомъ:

— А хоша-бы и я.

Вѣра вдругъ подошла къ Будаеву близко-близко и проникновеннымъ, дрожащимъ голосомъ сказала ему:

— Отпустите его, Владиміръ Сергѣевичъ... онъ несчастный, бѣдный, озлобленный....

Дальше она не могла говорить.

Она чувствовала, какъ Будаевъ колебался. Врожденное съ дѣтства чувство законности связывало его. Въ первое время, въ мысляхъ Будаева не возникло даже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, какъ должно поступить съ поджигателемъ. Сула совершилъ преступленіе; улики ясны; поджигатель долженъ быть наказанъ. Тамъ, въ Англіи, не нашлось бы, конечно, ни одного такого смѣльчака, которому пришло бы на умъ просить о пощадѣ преступника. Тамъ слишкомъ глубоко внѣдрилось въ умы и въ весь укладъ общественной жизни чувство законности. И, конечно, ни одинъ полисменъ или констэбль, ни одно лицо, облеченное властью, даже и не вняло бы голосу такого непрошеннаго защитника. Но здѣсь, въ этой странѣ, которую онъ только-что началъ понимать—не умомъ, а сердцемъ—все вѣдь не такъ, какъ тамъ... въ этой странѣ, гдѣ преступниковъ иначе не называютъ, какъ „несчастными", и Сула является не только достойнымъ кары, но еще и „жалости". И Будаевъ почувствовалъ, какъ въ его душѣ, обыкновенно холодной и замкнутой, затеплилось новое чувство, чисто русское, и ему вдругъ стало „жаль этого несчастнаго". Мысленно онъ тотчасъ же упрекнулъ себя за это и обозвалъ это новое чувство „нежелательнымъ атавизмомъ".

Вѣра поняла, что опять наступилъ *для нея* рѣшительный моментъ. И въ словѣ Будаева будетъ для нея рѣшеніе судьбы. Если онъ изъ чувства къ ней уступитъ, значитъ—это чувство очень серьезно. Сула будетъ свободенъ, она—счастлива. Ея судьба и судьба Сулы зависятъ теперь отъ него одного.

Будаевъ взглянулъ на нее и прочелъ въ ея глазахъ ту душевную муку, которая терзала ее жестоко въ эту минуту.

Но онъ все еще сдерживалъ себя и колебался.

Но вдругъ точно что-то изнутри толкнуло его, и онъ быстро, какъ бы не давая себѣ возможности отступленія, внятно проговорилъ:

— Развяжите его и отпустите.

Но тутъ вступился урядникъ.

— Никакъ невозможно, Владиміръ Сергѣевичъ, — сказалъ онъ.—Никакъ невозможно. Потому какъ мужикъ совершилъ преступленіе и подлежитъ карѣ отвѣтственности. Что̀ жъ мы будемъ поджигателей распущать по округѣ? Ежели бы онъ еще заперся,

а то начисто сознался. Да и пойманъ съ поличнымъ. Никакъ невозможно.

Вѣра радостно вскрикнула, услыхавъ слова Будаева, и, схвативъ его руку, крѣпко прижалась къ нему.

— Я васъ прошу это сдѣлать для меня, — сказалъ Будаевъ, чувствуя и сознавая, что урядникъ правъ; но, разъ уже вступивъ на неправый путь, онъ рѣшилъ дойти до конца. — Сула дастъ слово, что это не повторится, и это будетъ хорошимъ урокомъ для него. Наконецъ, я его беру на поруки. Однимъ словомъ, я отвѣчаю за него.

— Уйду я! — заговорилъ Сула тѣмъ же голосомъ. — Уйду вовсе отсюда. Далеко уйду. Слуху отъ меня не будетъ. Послѣднее продамъ, видъ выправлю и уйду.

— Я не знаю, — нерѣшительно проговорилъ урядникъ: — право, не знаю, это противъ кары отвѣтственности. И потомъ, Аѳоній Петровичъ... Какъ рѣшитъ Аѳоній Петровичъ. Я могу мѣста лишиться. А за что̀ я буду мѣста лишаться? Изъ-за негодяя Сулы?

— Не безпокойтесь. Я самъ скажу Аѳонію Петровичу. Я все это устрою и возьму *всю* — понимаете ли? — всю отвѣтственность на себя. Вѣрьте моему слову.

— Аѳоній Петровичъ давно на него точитъ зубы. Жаль ему будетъ, что упустили.

— Нѣтъ, нѣтъ, я это устрою, — вы, пожалуйста, не безпокойтесь.

Урядникъ еще разъ нерѣшительно взглянулъ на Будаева, на Вѣру, на Тормилова, и на Тормиловѣ остановился его вопросительный взоръ.

Очевидно, онъ больше довѣрялъ ему, чѣмъ помѣщику, потому что зналъ его дольше и больше.

— Вамъ нечего опасаться, — сказалъ Тормиловъ, и тогда урядникъ крикнулъ мужикамъ:

— Развяжите его!

Все-таки урядникъ счелъ долгомъ прочитать нотацію Сулѣ, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Слушай ты! Вотъ, по просьбѣ господина помѣщика, тебя, негодяя, отпустили. Долженъ ты чувствовать благодарность аль нѣтъ?

Но Сула, повидимому, не чувствовалъ благодарности, потому что угрюмо молчалъ, уставясь взоромъ въ землю.

Урядникъ продолжалъ:

— Но ежели ты, скотина, еще попадешься... ну, смотри!.. Прямо сказать — сгною тебя!..

И не будучи достаточно краснорѣчивымъ, урядникъ помогъ своему краснорѣчію жестомъ: поднесъ къ самому носу Сулы свой увѣсистый кулакъ.

Сула расправлялъ руки, отекшія отъ впивавшихся въ нихъ веревокъ.

— Уйду я,—тупо и угрюмо повторилъ онъ. — Вовсе даже уйду. Тошно мнѣ видѣть всѣ эти рожи. Боже мой, какъ тошно! Прощенія просимъ!..

И онъ, покачиваясь, исчезъ въ ночной тьмѣ.

Всѣ облегченно вздохнули и разошлись.

На мѣстѣ пожарища тлѣли кое-гдѣ угли и поднимался къ небу тонкій сизый дымокъ.

На востокѣ блѣднѣло небо, пробуждаясь передъ грядущей зарей.

XXV.

Джонъ ходилъ въ радостномъ настроеніи по комнатамъ и террасамъ: Будаевъ бралъ его съ собою въ городъ, куда онъ собрался совершенно неожиданно, съ странной внезапностью и стремительностью.

Будаевъ разсчитывалъ пробыть тамъ недѣлю, и потому Джонъ укладывалъ всѣ необходимыя вещи, какъ будто они собирались въ очень долгій путь.

Тормиловъ пришелъ къ Будаеву, сидѣвшему на террасѣ, и спросилъ, въ которомъ часу запрягать лошадей.

Проходившая мимо Вѣра услыхала этотъ вопросъ и вздрогнула.

„Онъ уѣзжаетъ?—подумала она.—Куда? Зачѣмъ? Надолго ли“?

Не находя отвѣта на эти вопросы, она не могла удержаться отъ жгучаго любопытства.

Поведеніе Будаева послѣ пожара ее удивляло и разстроивало. Владиміръ Сергѣевичъ сдѣлался замкнутымъ, неразговорчивымъ, сумрачнымъ. Два дня прошло послѣ этого событія, и они встрѣчались, какъ въ первый день прибытія его въ имѣнье, совершенно чужими людьми. Они обмѣнивались общими фразами, ничего незначащими любезностями, какъ будто ничего между ними не произошло.

Вѣра чувствовала душевную растерянность.

Да что̀ же произошло? — задавала она себѣ вопросъ по нѣскольку разъ въ день. Ничего существеннаго, важнаго между ними не было. Однако, тамъ, въ коринѳской бесѣдкѣ, совершилось нѣчто такое, что̀ перевернуло всю ея душу.

Послѣдняго, рѣшающаго слова между ними сказано не было. Но зачѣмъ непремѣнно слова? Какъ будто не бываетъ опредѣленныхъ отношеній безъ формальныхъ словъ? Развѣ взгляды его недостаточно краснорѣчиво говорили ей о любви? Развѣ звукъ его голоса не проникалъ въ ея сердце? Развѣ она не поняла, что онъ ее любитъ?

Ахъ, любовь, любовь! любовь, безъ которой она прожила столько лѣтъ, которой недоставало въ ея существованіи. Вотъ, она блеснула ей среди ея унылаго, безцвѣтнаго дня яркимъ весеннимъ лучомъ. И одного этого луча было достаточно, чтобы освѣтить всю ея жизнь. И жизнь показалась ей такой прекрасной, такой радостной, такой свѣтлой. Это не тѣ радости, которыя даетъ сознаніе свято исполняемаго долга, это—радость особенная, личния,. близкая и дорогая ей.

Она проходила теперь мимо Будаева и трепетно ждала, что онъ окликнетъ ее.

Но отчего лицо его такъ блѣдно, отчего глаза его такъ вопросительно и грустно смотрятъ на нее?

И она не находила отвѣта на эти мучительные вопросы, и сердце ея мучительно, болѣзненно сжималось.

Быть можетъ, она тогда ошиблась, принявъ за любовь то, что̀ вовсе не было любовью? Но она почувствовала его любовь сердцемъ, а развѣ сердце дѣвушки, которая никогда не любила, можетъ такъ грубо ошибаться?

— Вѣра Дмитріевна! — окликнулъ ее Будаевъ, подходя къ periламъ террасы.—На одну минутку.

Радостно, какъ встрепенувшаяся послѣ ненастья птичка, она взбѣжала на террасу.

Тормиловъ ушелъ сдѣлать распоряженіе о лошадяхъ.

Она готова была броситься на шею къ Будаеву, но онъ сдержанно поклонился ей и сказалъ:

— Вѣра Дмитріевна, я уѣзжаю сегодня въ городъ... на недѣлю... Не думаю, чтобы меня задержали тамъ дольше.

Она ждала другого обращенія, и ее непріятно поразило то, что онъ назвалъ ее по имени и отчеству, а не просто Вѣра, какъ тогда въ бесѣдкѣ.

Она грустно опустила голову, избѣгая его взгляда.

— Я это знаю... — тихо сказала она: — я еще вчера слышала распоряженія папы кучеру.

— Я ѣду по дѣламъ,—продолжалъ онъ, впадая въ прежній дѣловитый тонъ.—Тамъ будетъ ждать меня Щеклѣевъ, отъ котораго я получилъ письмо.

— Вы продаете Будаевку,—еле слышно сказала она, и голосъ у нея прервался.

„Все кончено. Я повѣрила въ волшебную сказку“,—промелькнуло у нея.

— Нѣтъ, я не продаю Будаевки,—твердо проговорилъ онъ.—Я рѣшилъ разойтись съ Щеклѣевымъ. Въ концѣ-концовъ, онъ вѣдь не давалъ никакого задатка и тянулъ безсовѣстно долго это дѣло. Я думаю, что не поступлю некорректно, отказавшись отъ этой сдѣлки. Я рѣшилъ продать имѣнье крестьянамъ, кромѣ усадьбы съ прилегающей къ ней землею подъ рощей и лѣсомъ. Усадьба останется моею, моимъ pied-à-terre въ Россіи. Это мнѣ не очень удобно, потому что продажа затянется надолго... но надо иногда поступаться своими интересами въ пользу своихъ соотечественниковъ, —не правда ли?

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, душа ея расцвѣтала и сердце начинало биться учащеннѣе.

„Онъ любитъ, онъ любитъ!“—радостно что-то пѣло у нея на душѣ. Она подняла на него восторженный взоръ.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо вы это рѣшили!—воскликнула она, не обративъ даже вниманія на то, что въ его послѣднихъ словахъ звучалъ оттѣнокъ прежней ироніи.

— Ну, вотъ видите! Вы такъ этого хотѣли. Я радъ, что могъ доставить вамъ это удовольствіе. Очень радъ. Вашъ батюшка останется здѣсь управляющимъ усадьбой. Въ случаѣ, если крестьянамъ почему-либо не удастся купить землю—о, не по моей винѣ, повѣрьте!—я буду отдавать имъ ее въ аренду, Дмитрій Александровичъ будетъ распоряжаться всѣмъ этимъ, и онъ уже далъ мнѣ согласіе остаться здѣсь на прежнихъ условіяхъ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, какъ благодарить!..

— Это мнѣ нужно благодарить васъ... Ваша горячая любовь къ родинѣ, къ „мужичкамъ“—заразила меня. Я ихъ не такъ люблю, какъ вы... но современемъ, быть можетъ... Вы видите, воздухъ отчизны остался не безъ вліянія на „черстваго англичанина“.

И затѣмъ онъ протянулъ ей руку и отрывисто сказалъ ей:

— Прощайте. Мнѣ пора ѣхать.

Ей вдругъ сдѣлалось страшно.

— Развѣ мы не увидимся?—дрожа, спросила она.

— Я сейчасъ уѣзжаю,—уклончиво отвѣтилъ Будаевъ, и тотчасъ же, какъ бы боясь дальнѣйшаго продолженія разговора, позвалъ Джона.

Вѣра Дмитріевна, несмотря на радостное извѣстіе, чувство-

вала какое-то внутреннее неудовлетвореніе. Того слова, котораго она такъ жадно ждала, она не услышала, и самъ Будаевъ казался ей страннымъ. Что-то недоговоренное было въ его словахъ, которыми онъ какъ будто хотѣлъ скрыть грядущія событія.

Но это чувство неудовлетворенности прошло у Вѣры Дмитріевны къ вечеру.

Сознаніе, что Будаевка будетъ принадлежать крестьянамъ, что усадьба, роща и лѣсъ останутся навсегда во владѣніи Владиміра Сергѣевича, и что она съ отцомъ не должна будетъ покинуть этотъ любимый старый домъ, наполнило ее радостью.

И въ концѣ-концовъ, навѣрное, по своемъ возвращеніи, онъ, наконецъ, ясно и безповоротно скажетъ то слово, котораго она ждетъ отъ него вотъ уже нѣсколько дней.

При встрѣчѣ съ отцомъ, она бросилась ему на шею, обняла его своими молодыми, сильными руками и заплакала.

Чувству ея необходимъ былъ выходъ. Оно долго накоплялось въ ея душѣ и властно, шумно, требовательно просилось наружу.

Тормиловъ былъ несказанно удивленъ этимъ порывомъ. Онъ не ждалъ его отъ своей сдержанной, всегда замкнутой, мало экспансивной дочери.

Еле-еле слышно, вся дрожа отъ счастья и замирая отъ овладѣвшаго ею чувства, она прошептала:

— Ахъ, папа, какъ я счастлива! Папа, папа, я счастлива!

Онъ хотѣлъ спросить объясненія, но она такъ поспѣшно отняла свои руки и такъ горячо плакала, что онъ растерялся.

Потомъ она быстро исчезла.

XXVI.

Роскошный паркъ Будаевской усадьбы стоялъ подъ покровомъ дружно надвигавшейся осени.

Быстро блекли краски, и зеленый цвѣтъ деревьевъ спѣшно замѣнялся богатѣйшей гаммой желтаго. Всюду виднѣлись свѣтло-желтые, лимоннаго цвѣта листья, мѣшавшіеся съ темно-оранжевыми, мѣдно-красными и темно-коричневыми. Какъ будто призванный кѣмъ-то, невидимый для глаза, обойщикъ торопливой рукой снималъ старыя зеленыя драпировки и всюду замѣнялъ надоѣвшій уборъ—желтыми. Пожелтѣла трава на полянахъ, облетѣли цвѣты на куртинахъ, и клумбы стояли сумрачныя съ оголившимися стволами когда-то роскошныхъ и дорогихъ цвѣтовъ рѣдкой культуры.

Блѣдное небо, заволоченное тучами, печально и уныло гля-

дѣло сверху на эту умиравшую природу. Струи рѣзковатаго и холоднаго вѣтра проносились по лѣсу, срывая отжившіе листья и сламывая сухіе мелкіе сучья. Аллея платановъ имѣла грустный видъ. Медленно, одинъ за однимъ срывались съ нихъ широкіе, тяжелые листья и, вяло кружась въ сыромъ воздухѣ, падали на промокшую землю, точно плакали о слишкомъ скоро минувшемъ лѣтѣ.

Сиротливо взбирался по колоннамъ коринѳской бесѣдки плющъ, цѣпляясь за нихъ своими тонкими вѣтками, точно боясь разстаться съ тѣмъ мѣстомъ, къ которому онъ такъ привыкъ съ молоду.

Въ павильонѣ сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ Вѣра.

Давно-давно она уже не всходила сюда съ книгой въ рукахъ, давно-давно не прислушивалась она къ своимъ мечтамъ, къ шопоту рощи, къ ворчанію скрипучихъ платановъ, къ шуму ихъ тяжелыхъ желтыхъ слезъ. Давно-давно голоса природы — эти пѣсни родины — не волновали уже ея захолодѣвшей души.

Все было такъ холодно, такъ жутко вокругъ и такъ ей теперь чуждо!

А давно ли она такъ чутко прислушивалась къ этой чудной и сложной симфоніи, которую она называла „Жизнью Природы“ и въ которой находила столько гармоніи и поэзіи!

Милый лѣсъ, родная роща, такіе близкіе, такіе дорогіе ей съ дѣтства! Зачѣмъ они плотно замкнули свои уста, такъ много говорившія ея сердцу? Зачѣмъ такъ мрачно и сурово смотрятъ они на нее теперь подъ этимъ желто-коричневымъ одѣяніемъ осени? Разлюбили ли они ее, или перестали понимать ея дѣвичьи грёзы? Или она разучилась вникать въ ихъ любовный шопотъ?

Они стали чужими ей, какъ и она имъ. Они далеко разошлись другъ отъ друга. Она измѣнила имъ. Когда-то она ничего не любила, кромѣ нихъ; имъ повѣряла свои мечты и тайны. У нихъ спрашивала совѣта, къ нимъ обращалась за утѣшеніемъ. И вотъ они мстятъ ей теперь за измѣну и холодно, угрюмо смотрятъ на ея горе своими слезливыми осенними глазами.

Вглядываясь въ коричневые тона рощи, Вѣрѣ казалось, что деревья никогда уже больше не будутъ нашептывать ей волшебныхъ сказокъ природы и никогда въ душѣ ея не раздастся радостныхъ пѣсенъ жизни; никогда и никуда она не уйдетъ отъ этой угрюмой тьмы, и никогда хоръ зеленаго лѣса не прозвучитъ свѣтлымъ гимномъ среди красныхъ азалій и желтыхъ чайныхъ розъ, наполнявшихъ куртины.

Страшныя сумерки жизни будутъ дружными усиліями надвигать на нее холодъ осенняго вечера, стужу безконечной зимней

ночи. И дрожащій лучъ луннаго свѣта никогда не освѣтитъ тьмы ея жизни.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ все это случилось! Зачѣмъ и кому нужно было оторвать отъ блѣдныхъ мечтаній бѣдную дѣвушку, влюбленную въ природу, приподнять уголъ завѣсы, скрывавшей отъ нея настоящую жизнь, гдѣ любовь поетъ свои опьяняющія пѣсни, и потомъ наглухо закрѣпить этотъ приподнятый уголъ и навсегда скрыть отъ нея эту торжественную картину счастья?!

Есть два несчастія въ жизни,—припоминались ей слышанныя когда-то слова мечтателя Сазанова:—желать, чего не имѣешь, и обладать всѣмъ, чего пожелаешь. Только одно и осталось это утѣшеніе, утѣшеніе сознавать, что счастья нѣтъ на землѣ и не можетъ его быть, потому что желанія прекращаются съ жизнью, а удовлетвореніе ихъ рождаетъ новыя.

Да и что̀ такое жизнь?

Для мужиковъ—отбываніе обязательной, тяжелой повинности, которая прекращается смертью. Весь ихъ жизненный путь проходитъ въ минимумѣ, и смерть является желанной избавительницей, вѣчнымъ отдыхомъ послѣ вѣчнаго, каторжнаго труда.

А для нея жизнь оказалась плохо разыграннымъ фарсомъ на сценѣ плохого провинціальнаго театра. Все такъ нелѣпо, такъ плохо поставлено. Слишкомъ рано опустилась занавѣсь, слишкомъ поздно поднявшись. Актеры не знали ролей; говорили—когда слѣдовало молчать; молчали—когда нужно было говорить. Цѣлые монологи остались невысказанными, сцены—перепутанными, діалоги—смятыми.

Зачѣмъ было идти на такое нелѣпое представленіе и такъ дорого платить за свое мѣсто?

И вдругъ ей вспомнилась яркая зарница, мелькавшая здѣсь весною, за рощей, внезапно вспыхивавшая и сразу потухавшая. Теперь—осень, ночь, и никогда больше не станетъ вспыхивать для нея яркая зарница.

Вѣра заглянула въ книгу. Строки, точно колья поваленнаго забора, зарябили въ ея глазахъ. Она уже прочла это мѣсто о жизни, похожей на плохое представленіе, не поняла его, а теперь, оказалось, оно засѣло въ ея душѣ и сдѣлалось ея мыслью. Что̀ новаго скажетъ ей книга? Ничего болѣе вѣрнаго не прочтетъ она въ ней.

И она закрыла ее равнодушной рукой.

И вдругъ, съ ясной отчетливостью, предстала въ ея воображеніи картина ея послѣдняго свиданія съ Будаевымъ. Она всѣ тѣ дни искала съ нимъ встрѣчи. И вотъ они встрѣтились въ лѣсу.

Она много и трепетно ждала отъ этого свиданія. Но при

первомъ же взглядѣ на него она поняла, что для нея все вдругъ кончено. Онъ стоялъ передъ нею блѣдный, чуть смущенный, но въ глазахъ его она прочла свой приговоръ. Взоръ ихъ былъ холоденъ, какъ въ тотъ первый день, когда она съ нимъ познакомилась. И голосъ его звучалъ рѣшительно и твердо; Будаевъ, очевидно, дѣлалъ видимыя усилія, чтобы не проявить овладѣвшаго имъ волненія.

Онъ прямо подошелъ къ ней. Привыкнувъ твердо идти къ цѣли, не смущаясь никакими препятствіями, не колеблясь при видѣ ея растерянности и удивленія, онъ безъ всякихъ предисловій сказалъ ей:

— Дорогая Вѣра Дмитріевна... Я уѣзжаю изъ Будаевки навсегда. Изъ города, гдѣ я увижусь съ Щеклѣевымъ и гдѣ я исполню все, что̀ вамъ обѣщалъ, я проѣду прямо на поѣздъ, который умчитъ меня въ помѣстье моей покойной матери, въ окрестностяхъ Cliveden'а. Вы хотите знать—почему? Потому что я не хочу этой зарождающейся любви къ родинѣ и... къ вамъ. Я не хочу этой любви. Помните, какъ-то я говорилъ вамъ, что власть родины превращаетъ человѣка въ растеніе, имѣющее корни въ землѣ? Эти корни—рабство. Человѣкъ привыкаетъ къ рабству и начинаетъ находить въ немъ сладость скованной воли. Вотъ, такое же рабство и любовь, связывающая человѣка по рукамъ и ногамъ и привязывающая его къ землѣ, къ дому, къ дѣтямъ, къ обстановкѣ. Выслушайте меня до конца. Я всегда, больше смерти, боялся этого рабства. Союзы нужны слабымъ, сильные—не нуждаются въ нихъ. Я хочу одиноко нести бремя жизни. Вы говорили, что человѣкъ безъ родины—человѣкъ безъ тѣни, пустоцвѣтъ, безвременникъ, перекати-поле, которое вѣтеръ переноситъ изъ края въ край. Пусть такъ! Я и хочу быть этимъ перекати-поле. Пусть вѣтеръ носитъ меня по жизненной степи. Вѣтеръ—сила, которая играетъ моей силой. Это во всякомъ случаѣ—не цѣпи, которыми человѣкъ прикованъ къ землѣ. Я хочу взять отъ жизни наибольшее, что̀ она можетъ дать. Простите меня, но сидѣть въ деревнѣ и думать о благѣ народа, устроивать чайныя, школы, народные дома—для меня такая перспектива невозможна. Я не знаю еще самъ, чего хочу отъ жизни, но я хочу отъ нея взять все, что̀ только она можетъ мнѣ дать. Въ какой формѣ, когда и какъ это сдѣлается—не знаю. И сдѣлается ли это—тоже не знаю. Но попробую. Простите, если я смутилъ вашъ покой. Я смутилъ и свой собственный. Прощайте...

Она вспомнила всю эту длинную рѣчь, которую онъ произнесъ быстро, какъ бы не давая себѣ времени одуматься, какъ бы боясь, чтобы она его не прервала.

И потомъ онъ взялъ ея холодную руку, поцѣловалъ ее и такими же торопливыми шагами, какъ торопливы были слова его, онъ отошелъ отъ нея, ни разу не обернулся и наконецъ скрылся за деревьями.

Что сдѣлалось съ нею послѣ этой неожиданной сцены съ Будаевымъ? Что пережила она, оставшись одна? Лучше никогда, никогда и не вспоминать объ этомъ!..

Горькая, мучительная усмѣшка легла на ея блѣдныя губы.

„Одни хотятъ минимума отъ жизни: это мужики,—прошептала она;—другой хочетъ взять отъ нея все, то-есть максимумъ. Кто изъ нихъ правъ“?..

Она прижала руки къ глазамъ, глубоко, тяжело вздохнула и, тряхнувъ головой, спустилась по ступенькамъ павильона, чтобы пойти въ рощу, но голосъ отца, раздавшійся съ террасы, остановилъ ее.

— Вѣра! Иди домой, становится холодно! Мы уже кончили играть, дай намъ чаю.

Она вздрогнула и пошла къ дому.

Не все ли равно, куда идти?

Вавакинъ, Крыжовъ, Тормиловъ и Колодищевъ, который теперь замѣнялъ изрѣдка Сазанова, кончили играть въ винтъ.

Вавакинъ, по обыкновенію, окончательно усвоенному имъ въ послѣднее время, былъ нетрезвъ и при видѣ Вѣры подмигнулъ ей глазомъ.

Онъ какъ-то по-дурацки расшаркался передъ нею и вошелъ въ домъ.

Колодищевъ холодно ей поклонился и презрительно посмотрѣлъ на врача.

Крыжовъ былъ занятъ какимъ-то важнымъ дѣломъ, о которомъ говорилъ съ Тормиловымъ.

Тормиловъ мелькомъ взглянулъ на дочь, къ которой относился теперь бережно, какъ къ больному ребенку. Онъ зналъ, что она больна душою, и догадывался, почему,—но никогда ни однимъ словомъ не проговорился ей, ожидая, когда ея наболѣвшее чувство потребуетъ отклика его души и его отцовскаго участія въ ея тяжеломъ горѣ...

Холодныя дождевыя капли начали, между тѣмъ, перепадать съ угрюмаго неба; казалось, оно плакало рѣдкими, безсильными слезами, и глухая осенняя ночь воцарилась надъ Будаевской усадьбой...

Валер. Свѣтловъ.

ФЕДЕРАЦІЯ ЖЕНСКИХЪ КЛУБОВЪ

ВЪ АМЕРИКѢ.

Въ маѣ текущаго года происходила въ городѣ Лосъ-Анжелесъ, въ Калифорніи, шестая двухгодичная „конвенція“ генеральной федераціи американскихъ женскихъ клубовъ—General Federation of women's clubs—конвенція, состоявшая изъ 1.200 делегатовъ и такого же числа альтернатовъ,—въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ посѣтительницъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Союза. Конвенція эта была такъ велика по составу и по числу желавшихъ присутствовать, что въ городѣ не было зданія, которое могло бы вмѣстить ее цѣликомъ, и потому засѣданія происходили одновременно въ двухъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ—концертномъ театрѣ и синагогѣ, стоящихъ рядомъ на одной улицѣ и вмѣщающихъ слишкомъ три тысячи человѣкъ. Концертный театръ нашего города—огромное спеціальное зданіе, обыкновенной американской театральной конструкціи, состоящей въ томъ, что ложъ не полагается, и два верхніе яруса спускаются довольно близко къ сценѣ и даютъ нѣсколько десятковъ рядовъ стульевъ для зрителей, одинъ выше другого; при этомъ сцена выдвинута впередъ задней стѣны, занятой огромнымъ органомъ, такъ что она открыта зрителямъ и съ боковъ того полу-эллипса, который составляетъ залу, хотя и видятъ они ее въ профиль, а не en face. Благодаря такой конструкціи, помѣстительность нашихъ концертныхъ театровъ, вѣроятно, вдвое превышаетъ помѣстительность зданій той же площади европейской конструкціи, по которой верхніе ярусы дѣлаются только въ глубину одной ложи, и съ боковъ театра углубленная въ заднюю стѣну сцена со-

всѣмъ не видна. Въ данномъ случаѣ на сценѣ, впереди, стояли столы для бюро конвенціи, а сзади—стулья для почетныхъ посѣтительницъ, предсѣдательницъ штатныхъ федерацій и значительныхъ отдѣльныхъ клубовъ; кругомъ платформы, внизу, были столы для представителей прессы—до двухсотъ изданій со всѣхъ концовъ Союза прислали на конвенцію спеціальныхъ корреспондентовъ—и затѣмъ всѣ ярусы зрительной залы были биткомъ набиты делегатами. Каждый штатъ имѣлъ свое опредѣленное мѣсто, обозначенное шолковымъ знаменемъ съ его именемъ; указывали мѣста молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, называемыя здѣсь ushers; демократичность страны не допускаетъ въ такихъ случаяхъ наемныхъ лицъ, и, какъ и на парадныхъ свадьбахъ, лекціяхъ, засѣданіяхъ многочисленныхъ обществъ, въ церквахъ и т. д., usher'ы эти выбираются изъ молодежи семействъ членовъ собранія,—въ данномъ случаѣ изъ дочерей членовъ мѣстныхъ женскихъ клубовъ, особый комитетъ которыхъ завѣдывалъ всѣмъ устройствомъ дѣла. Комитетъ этотъ былъ организованъ еще года полтора тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ предшествовавшая конвенція федераціи, происходившая въ маѣ 1900 г. въ г. Мильвоки, въ штатѣ Висконсинѣ, избрала мѣстомъ слѣдующей—именно нашъ городъ; состоялъ этотъ комитетъ изъ слишкомъ ста членовъ, выбранныхъ отъ мѣстныхъ женскихъ клубовъ, и подраздѣлялся на нѣсколько десятковъ подкомитетовъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ извѣстной деталью; были подкомитеты креденціаловъ делегатовъ, программы конвенціи, прессы, помѣщеній, украшенія ихъ, встрѣчи делегатовъ на поѣздахъ, помѣщенія ихъ въ отеляхъ и частныхъ домахъ, снабженія ихъ каретами во время пребыванія въ городѣ, экскурсій въ окрестности, и т. д. Благодаря такой организаціи, всякая деталь оказалась вполнѣ разработанной, и публикѣ пришлось не мало удивляться той предусмотрительности и ловкости, съ которыми мѣстныя наши дамы справились съ этимъ чрезвычайно сложнымъ и дѣйствительно большимъ дѣломъ. Наши трансконтинентальныя желѣзныя дороги привезли слишкомъ 50 спеціальныхъ поѣздовъ посѣтительницъ конвенціи; высчитываютъ, что ихъ было свыше восьми тысячъ; всѣ были встрѣчены на станціи, размѣщены по квартирамъ, перезнакомлены между собою, словомъ, приняты въ чужомъ отдаленномъ городѣ какъ бы дома; на всякій ихъ вопросъ, на всякую нужду было кому отвѣтить и помочь устроить то или другое. Благодаря активному участію женскихъ членовъ моей семьи, въ работѣ какъ вышеупомянутаго комитета, такъ и самой конвенціи, я имѣлъ возможность слѣдить по первоисточ-

никамъ, такъ сказать, за ходомъ всего этого очень новаго, даже для Америки, дѣла, и не могъ не вывести того заключенія, что и женская половина американскаго народа обладаетъ удивительными организаторскими способностями, замѣчательнымъ умѣньемъ выработать всѣ детали и довести успѣшно всякое дѣло, какъ бы ново и велико оно ни было, до благополучнаго конца. Завидна эта способность, особенно для русскаго человѣка, за полнымъ отсутствіемъ опыта и выдержки во всемъ, что̀ касается какой-либо самодѣятельности, обыкновенно крайне безпомощнаго въ этомъ отношеніи.

Въ обоихъ помѣщеніяхъ засѣданія происходили по три раза въ день —утромъ, послѣ завтрака, и вечеромъ, такъ что конвенція работала 8—10 часовъ въ день, ежедневно. Въ первое, торжественное засѣданіе, конвенцію привѣтствовали губернаторъ штата, мэръ города, предсѣдательница штатной федераціи калифорнскихъ женскихъ клубовъ, предсѣдательница мѣстнаго комитета по организаціи и т. д.; отвѣчали имъ предсѣдательница генеральной федераціи и конвенціи и другіе ея чины. Затѣмъ слушались привѣтствія и отчеты иностранныхъ женскихъ клубовъ—Англіи, Австраліи, Британской Индіи, Африки и т. д., уже присоединившихся къ американской генеральной федераціи. Изъ послѣдующихъ засѣданій только три—четыре были посвящены дѣловымъ вопросамъ, касавшимся измѣненій въ организаціи какъ генеральной, такъ и штатныхъ федерацій, условіямъ пріема отдѣльныхъ клубовъ, финансовому отчету, отчетамъ постоянныхъ комитетовъ, выборамъ чиновъ на слѣдующее двухлѣтіе и т. д.; всѣ остальныя были отданы рефератамъ членовъ па всевозможныя темы и преніямъ по ихъ поводу. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ разрослась дѣятельность американскихъ женскихъ клубовъ, и какъ ихъ вліяніе успѣло проникнуть во всѣ отрасли человѣческаго прогресса вообще, необходимо дать понятіе объ общей программѣ конвенціи. Нѣсколько засѣданій было посвящено образованію вообще и женскому въ особенности; разсматривались такіе вопросы, какъ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, значеніе преподаванія искусствъ въ народныхъ школахъ и ихъ вліяніе на дѣтскую психологію, необходимость преподаванія въ нихъ же домашней экономіи, опасность примѣненія недостаточно испытанныхъ новыхъ системъ, новыхъ пріемовъ въ образованіи, значеніе внѣклассныхъ занятій и экскурсій, необходимость учрежденія спеціально организованныхъ мѣстъ для дѣтскихъ игръ и занятій для дѣтей въ вакантное время и т. д. Всѣ эти вопросы обсуждались не съ точки зрѣнія спеціалиста-

педагога, а съ чисто жизненной, практической, съ точки зрѣнія матери и семьи; это была не сухая отвлеченная теорія, а выводы и разсужденія опыта и обычныхъ повседневныхъ требованій и наблюденій. Нѣсколько засѣданій было отдано рефератамъ относительно промышленной работы женщинъ и дѣтей и разбору законодательствъ различныхъ штатовъ и желательныхъ реформъ въ этомъ отношеніи; особый комитетъ, назначенный предшествовавшей конвенціей для изслѣдованія положенія женщины и дѣтей въ промышленности страны, представилъ обширный докладъ, занявшійся особенно огражденіемъ женскаго и дѣтскаго труда законодательствомъ, съ выясненіемъ его несовершенства и отсталости во многихъ штатахъ. Особенно интересны были засѣданія, посвященныя обсужденію рефератовъ, касавшихся реформъ государственнаго и муниципальнаго устройства. Возможность и необходимость женскаго вліянія были особенно подчеркнуты въ такихъ вопросахъ, какъ законодательство и организація учрежденій для исправленія порочныхъ дѣтей, преступныхъ женщинъ, для обезпеченія народнаго здравія, извѣстныхъ сторонъ городского хозяйства. Эти рефераты и вызванныя ими пренія были, на мой взглядъ, особенно цѣнны именно потому, что не относились ко всему существующему съ огульнымъ осужденіемъ, съ плеча, такъ сказать, а напротивъ, указывая на хорошія стороны, требовали ихъ поддержки и поощренія, и относились къ худымъ съ чисто практической точки зрѣнія, съ указаніемъ не только путей и методовъ къ ихъ исправленію, но и результатовъ, достигнутыхъ уже въ разныхъ мѣстахъ исключительно женскимъ вліяніемъ. Одно засѣданіе было посвящено путешествующимъ библіотекамъ и коллекціямъ произведеній искусства. Вопросъ этотъ все больше и больше занимаетъ общественное мнѣніе Америки, и его практическая организація и необходимыя условія для достиженія наилучшихъ результатовъ составили предметъ нѣсколькихъ превосходныхъ рефератовъ и дали пищу весьма интереснымъ преніямъ. Оказывается, что дѣло это идетъ всего успѣшнѣе именно тамъ, гдѣ имъ заняты женщины, такъ какъ его сухость и монотонность, несмотря на несомнѣнность и обширность приносимой пользы, неспособны заинтересовать собою мужчинъ въ достаточной степени. Отдѣльное засѣданіе было посвящено прессѣ и тому положенію, какое должны занимать въ ней женщины-репортёры, число которыхъ быстро ростетъ съ каждымъ годомъ и неизбѣжно вліяетъ все болѣе и болѣе на характеръ ежедневныхъ газетъ.

Я крайне сожалѣю, что размѣры журнальной статьи не по

зволяютъ мнѣ привести всю эту программу цѣликомъ—такъ много было въ ней интереснаго и такъ она была разнообразна. Впрочемъ, и вышеизложеннаго достаточно, чтобы указать на ея выдающіяся стороны; остается только добавить, что съ полдюжины засѣданій было отдано цѣликомъ искусству; между американскими женскими клубами имѣется значительный процентъ,—можетъ быть, одна седьмая или даже шестая цѣлаго,—занимающійся исключительно искусствомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Они не ограничиваются живописью, музыкой и скульптурой, но занимаются и архитектурой, и фотографіей, и выжиганіемъ по дереву и кожѣ, и даже керамикой, переплетнымъ и мозаичнымъ дѣломъ.

Что женскіе клубы занимаютъ чрезвычайно прочное и вліятельное мѣсто въ общественной жизни современной Америки, было доказано, между прочимъ, и тѣмъ, что весьма многія другія исключительно женскія ассоціаціи,—нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ гораздо дольше самаго старшаго изъ женскихъ клубовъ и занимаются дѣлами общечеловѣческаго характера, преимущественно благотворительными, — нашли нужнымъ прислать на конвенцію своихъ представительницъ и представить какъ бы отчеты о своей спеціальной дѣятельности. Современное феминистское движеніе нашло въ Америкѣ прочную точку опоры въ женскихъ клубахъ, концентрировавшихся въ формѣ генеральной федераціи, которая быстро и принимаетъ характеръ средоточія всѣхъ чисто женскихъ общественныхъ предпріятій. Въ Америкѣ имѣется съ десятокъ національныхъ женскихъ организацій, преслѣдующихъ извѣстныя спеціальныя цѣли; до сихъ поръ онѣ дѣйствовали отдѣльно, каждая въ своей сферѣ—теперь, благодаря федераціи женскихъ клубовъ, онѣ сближаются и соединяются въ одно цѣлое, болѣе или менѣе компактное, и вліяніе женщины вообще, конечно, весьма существенно выиграетъ, благодаря этому единенію. Одной изъ такихъ организацій является женская лига потребителей,—Consumer's league,—поставившая своей задачей улучшеніе положенія работающихъ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ, въ магазинахъ и лавкахъ. Домашніе расходы семьи, покупка платья и жизненныхъ припасовъ въ Америкѣ почти всецѣло находятся въ рукахъ женщинъ—мужчинамъ некогда этимъ заниматься, они заняты своимъ дѣломъ, дѣлаютъ деньги, которыя и расходуются женщинами; сплочиваясь въ одно цѣлое въ извѣстномъ городѣ или мѣстечкѣ, онѣ представляютъ изъ себя такую силу, которую мѣстнымъ фабрикантамъ и купцамъ нельзя игнорировать безнаказанно, безъ

опасенія за свои доходы; они должны выслушивать ихъ представленія и требованія, вынуждены пытаться идти съ ними рука объ руку. Женскія лиги потребителей обсуждаютъ часы работы, удобства служащихъ, ихъ вакаціи съ сохраненіемъ содержанія, оздоровленіе ихъ помѣщеній; продавщицы въ магазинѣ, въ сущности, беззащитны, находятся вполнѣ въ рукахъ своего нанимателя; организація въ ремесленные союзы имъ крайне затруднительна, такъ какъ предложеніе труда этого рода огромно, всегда превышаетъ спросъ, и онъ не требуетъ особыхъ познаній, — а между тѣмъ ихъ число очень велико, достигая въ большихъ городахъ цѣлыхъ десятковъ тысячъ. Женскія лиги потребителей и занимаются преимущественно улучшеніемъ ихъ положенія, и ихъ требованія въ этомъ отношеніи уже успѣли оформиться, и обыкновенно получаютъ удовлетвореніе, какъ бы ни прижимистъ былъ купецъ и чего бы они ему ни стоили. Необходимо, конечно, имѣть въ виду, что всякія подобныя реформы идутъ въ Америкѣ весьма медленно, начинаются всегда компромиссами, и не должны ни въ какомъ случаѣ имѣть въ виду насилія въ какой-либо формѣ и съ чьей-либо стороны; тактъ и практичность американской женщины всего лучше иллюстрируются именно ея упѣхами на этой почвѣ, такой шаткой, трудной и неблагодарной. Необходимы масса работы, послѣдовательность, терпѣніе, благоразуміе; приходится дѣйствовать исключительно убѣжденіемъ противъ прямыхъ карманныхъ интересовъ своихъ же мужей, отцовъ и братьевъ. Тѣмъ не менѣе, женскія лиги потребителей уже достигли самыхъ осязательныхъ результатовъ: вездѣ, гдѣ онѣ работаютъ, продавщицы имѣютъ право на удобныя сидѣнья, снабжаются хозяевами здоровыми завтраками, пользуются однимъ послѣ-обѣда въ недѣлю для отдыха, не подлежатъ диктаторскимъ штрафамъ за опозданіе, ограждены болѣе или менѣе отъ фаворитизма и явныхъ несправедливостей; между ними и произволомъ нанимателя стоитъ извѣстная сила, способная, въ случаѣ крайности, разорить его своимъ вмѣшательствомъ. Для каждаго непредубѣжденнаго читателя должно быть ясно, что такое положеніе вещей можетъ быть достигнуто только прочной организаціей, упорнымъ трудомъ, неусыпнымъ наблюденіемъ — вѣдь женскія лиги потребителей не имѣютъ за собой ровно ничего, кромѣ своего нравственнаго авторитета. Будучи хорошо ознакомленъ съ фактами, съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, я не могу — въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ — не указать тутъ же на абсолютную несостоятельность того крѣпко укоренившагося въ Европѣ объ Америкѣ убѣжденія, что

эта послѣдняя — исключительно страна всемогущества доллара. Еслибы это было такъ,—такія явленія, какъ дѣятельность женскихъ лигъ потребителей, были бы невозможны. Онѣ не шумятъ и не кричатъ объ этой дѣятельности, не задаются широковѣщательными, неисполнимыми бумажными программами, имѣющими перевернуть человѣчество, а упорно, энергично работаютъ въ своихъ собственныхъ норахъ, улучшая шагъ за шагомъ положеніе своихъ беззащитныхъ сестеръ и урывая у доллара одно за другимъ человѣческія права его экономическихъ рабынь, въ прямой, несомнѣнный ущербъ своимъ собственнымъ личнымъ интересамъ. И такихъ явленій, такихъ скромныхъ, но серьезнѣйшихъ проявленій высшихъ человѣческихъ стремленій, преслѣдуемыхъ стойко и умѣло, всечасно и повсемѣстно работающихъ по всему пространству Союза, въ Америкѣ, конечно, гораздо больше, чѣмъ, напр., въ Россіи, хотя они и ускользаютъ отъ поверхностнаго, случайнаго наблюдателя нашихъ нравовъ только потому, что не кричатъ на всѣхъ перекресткахъ во всеуслышаніе о томъ, что̀ они намѣрены сдѣлать — а дѣйствительно работаютъ и дѣлаютъ свое тихое, но огромное дѣло. Да проститъ мнѣ читатель это невольное отступленіе отъ предмета—оно вырвалось у меня только благодаря случайно представившейся возможности пристально вглядѣться въ дѣятельность городской нашей женской лиги потребителей, вице-президентомъ которой состоитъ моя жена; у нея уходитъ на эту работу не мало времени, противъ чего я было-вздумалъ бунтовать — и былъ, въ концѣ концовъ, посрамленъ. Наша общественная жизнь такъ обширна и многообразна, и въ то же время такъ некриклива, что, несмотря на то, что я живу въ Америкѣ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, постоянно приходится натыкаться на новыя, весьма крупныя явленія, открывать, такъ сказать, въ Америкѣ новыя Америки, одну за другою.

Къ сожалѣнію, мнѣ лично пришлось присутствовать только на одномъ засѣданіи конвенціи: во-первыхъ, доступъ мужчинамъ въ это женское святилище былъ сравнительно труденъ; во-вторыхъ, я былъ очень занятъ другими дѣлами. Мое личное впечатлѣніе было нѣсколько своеобразно. Я былъ крайне удивленъ, что въ средѣ делегатовъ абсолютно преобладали пожилыя и даже старыя женщины; молодыхъ и даже сравнительно молодыхъ между ними было очень мало—десятки въ тысячахъ. Въ тѣхъ засѣданіяхъ мѣстныхъ женскихъ клубовъ, въ которыхъ мнѣ приходилось бывать прежде, молодыя женщины, вѣроятно, преобладали по численности—въ конвенціи же ихъ почти совсѣмъ не было.

Объясняли это тѣмъ, что молодымъ женщинамъ, у которыхъ въ большинствѣ случаевъ есть маленькія дѣти, уѣхать за три-девять земель, въ стоящій на краю свѣта Лосъ-Анжелесъ, больше чѣмъ на недѣлю, очень трудно, часто невозможно; поэтому въ делегаты попали болѣе или менѣе свободныя отъ семейныхъ обязанностей женщины, которыхъ могли временно замѣнить дома взрослыя дѣти. Да и расходы на такую поѣздку, какъ ни экономничай, неизбѣжно очень значительны. Ничто лучше не выразило дѣйствительно серьезнаго интереса женщинъ Америки вообще къ конвенціи ихъ федераціи, какъ та пунктуальность, съ которой онѣ на нее явились, несмотря на разстояніе и расходы,—всего 2—3% делегатовъ уступили свои мѣста альтернатамъ; мнѣ говорили, что и это имѣло вліяніе на возрастъ присутствующихъ, такъ какъ молодыя женщины и въ финансовомъ отношеніи обыкновенно еще не достигаютъ возможности дѣлать такіе крупные расходы, гораздо болѣе легкіе для женщинъ уже пожилыхъ и болѣе состоятельныхъ.

Огромный театръ наполненъ сверху до низу исключительно женщинами; въ морѣ ихъ свѣтлыхъ цвѣтныхъ костюмовъ двѣ-три мужскія фигуры въ черномъ кажутся совершенной несообразностью, какимъ-то темнымъ, неумѣстнымъ пятномъ; все это представляетъ собою совсѣмъ необычную картину уже по одному тому своеобразному шелесту, который издаетъ тяжелый шолкъ при каждомъ движеніи. Этотъ шелестъ настолько силенъ, что затрудняетъ слухъ; женскіе голоса, громадное большинство которыхъ и относительно слабо вообще, и не выработано предварительнымъ опытомъ для такихъ большихъ аудиторій, являются совершенно недостаточными и слышны только на весьма небольшомъ пространствѣ. Только очень немногіе изъ ораторовъ конвенціи были слышны всему театру—рѣчи большинства пропадали настолько, что утрачивали свое непосредственное вліяніе, и возстановлялись въ своей полнотѣ для самихъ слушателей только стенографическими отчетами газетъ слѣдующаго дня. Пройдетъ, вѣроятно, много времени, прежде чѣмъ женщины будутъ въ состояніи быть слышимыми въ такихъ же большихъ конвенціяхъ при подобныхъ условіяхъ, и для достиженія этого имъ придется прежде всего устранить шолкъ и довольствоваться для своихъ костюмовъ при такихъ оказіяхъ болѣе скромными, болѣе молчаливыми матеріями и серьезно поработать надъ своими голосами. Представители прессы сидѣли такъ близко, что имъ каждое слово было слышно вполнѣ отчетливо,—и мнѣ пришлось обратиться къ ихъ помощи, дабы передать то общее впечатлѣ-

ніе, которое вынесла о конвенціи пресса, а съ нею и нашъ городъ. Пресса удивлялась почти единогласно тому знанію парламентарнаго права, которое проявили какъ бюро засѣданій, такъ и дебатировавшіе члены; за все время было сдѣлано только очень немного ошибокъ, и то незначительныхъ, по такимъ спорнымъ вопросамъ, по которымъ нерѣдко ошибаются и опытныя во всѣхъ отношеніяхъ мужскія собранія. Необходимо замѣтить, что почти въ каждомъ засѣданіи предсѣдательствовали различныя женщины; работа предсѣдателя въ такомъ большомъ собраніи очень тяжела, требуетъ усиленнаго нервнаго напряженія, неусыпнаго вниманія, находчивости и быстроты—и женщины конвенціи съ большимъ успѣхомъ справлялись съ нею; одна за другой онѣ доказывали на опытѣ, что многія изъ нихъ вполнѣ способны и къ такой работѣ, какъ она несомнѣнно ни была нова для нихъ. О предсѣдательницѣ федераціи, предсѣдательствовавшей безсмѣнно на всѣхъ дѣловыхъ засѣданіяхъ, я не слыхалъ и не читалъ ничего, кромѣ самыхъ восторженныхъ похвалъ; это была замѣчательно умная, остроумная и тактичная госпожа, удивительно ловко справлявшаяся со многими весьма тернистыми вопросами; едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, что женщина вообще значительно впечатлительнѣе и обидчивѣе мужчины, и требуетъ для управленія своими собраніями гораздо большей ловкости и тонкости пониманія, а въ такомъ большомъ собраніи, передъ лицомъ, такъ сказать, всего сѣвероамериканскаго Союза, никому, конечно, не желательно было попасть въ просакъ и ударить лицомъ въ грязь. Хотя, конечно, безъ промаховъ не обошлось, но я не слыхалъ ни объ одномъ инцидентѣ, который поставилъ бы кого-либо въ неловкое положеніе—такъ быстро и остроумно исправляли предсѣдательницы такіе промахи. Особенно ловко и умѣло, безъ всякой, откровенно ожидавшейся самими женщинами, шероховатости, былъ обсуженъ и рѣшенъ самый щекотливый и животрепещущій дѣловой вопросъ, занимавшій не только женскіе кружки, но и всю страну—это вопросъ о допущеніи въ генеральную федерацію негритянскихъ женскихъ клубовъ. Такихъ клубовъ въ Америкѣ пока очень немного, но штатная федерація женскихъ клубовъ штата Массачузетса приняла одинъ изъ нихъ въ свою среду, противъ чего возсталъ поголовно весь югъ, и настоящей конвенціи пришлось высказаться рѣшительно по этому вопросу. Новая-Англія стояла безусловно за допущеніе, Западъ и Центръ были за компромиссъ, а Югъ былъ готовъ удалиться, еслибъ негры были признаны большинствомъ равноправными. Было, конечно, не мало жесто-

чайшихъ радикаловъ и pro, и contra, и искреннее разрѣшеніе казалось абсолютно недостижимымъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло было разрѣшено и удовлетворительно, и безповоротно, и безъ возбужденія вредной, опасной партійной ненависти: конвенція рѣшила, и въ сущности единогласно, что штатныя федераціи вольны сами установлять правила пріема въ свою среду новыхъ клубовъ, какъ бѣлыхъ, такъ и цвѣтныхъ, а для пріема въ генеральную федерацію необходимо единогласное согласіе всѣхъ членовъ ея исполнительнаго совѣта; а такъ какъ въ немъ всегда есть члены и отъ женскихъ клубовъ юга, то такой пріемъ и останется вполнѣ зависящимъ отъ ихъ усмотрѣнія въ будущемъ. Конвенція разсудила—и, по моему крайнему убѣжденію, вполнѣ основательно,—что такъ какъ громадное большинство женскихъ клубовъ имѣетъ, прежде всего, частный, обыкновенно даже прямо интимный характеръ, причемъ политическія или политико-экономическія воззрѣнія новаго члена имѣютъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ его личныя умственныя и, главное, нравственныя свойства,—то и пріемъ его въ клубъ, какъ и отдѣльнаго клуба въ федерацію, долженъ быть основанъ не на требованіяхъ, ставимыхъ въ такихъ случаяхъ политическими, научными или благотворительными обществами, а на требованіяхъ такихъ учрежденій, какъ масонскія ложи или соціальные мужскіе клубы, т.-е. не по большинству голосовъ, а при условіи единогласности выбора. Такимъ образомъ, и волки—Новая-Англія—оказались сыты, и овцы—Югъ—остались цѣлы. Рѣшеніе вопроса предоставлено времени и обстоятельствамъ, безъ вреднаго раскола и революціи; современные женскіе клубы оказались практичнѣе рабовладѣльцевъ Юга и аболиціонистовъ Сѣвера 1860 года.

Само собой разумѣется, что современное женское движеніе и рельефнѣйшіе его выразители—женскіе клубы—имѣютъ и по сейчасъ въ средѣ сильнаго пола Америки ядовитѣйшихъ противниковъ и хулителей, относящихся къ нимъ не только недоброжелательно, но и съ глумленіемъ. Что „курица не птица, женщина—не человѣкъ"—извѣстный сортъ людей будетъ утверждать, или по крайней мѣрѣ думать про себя, еще долгое время. Рабство женщины—и матеріальное, и, преимущественно, умственное и нравственное, продержится на нашей прекрасной планетѣ, по моему мнѣнію, дольше всѣхъ другихъ рабствъ—и крѣпостного, въ разныхъ формахъ, по имени-ли, по значенію-ли, и политическаго, и даже политико-экономическаго. Для своего окончательнаго освобожденія ей придется воевать долго, упорно, усиленно—и съ неравнымъ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ поше-

ніе, рожденіе и кормленіе дѣтей навсегда останутся тяжелымъ и, такъ сказать, сверхштатнымъ пассивомъ на ея сторонѣ, пассивомъ, который будетъ требовать отъ нея и лишнихъ усилій, и лишняго времени, и лишнихъ страданій—сравнительно съ мужчиной. Міръ такъ полонъ борьбы—и за существованіе, и за гегемонію, и за престижи разнаго рода, сорта и наименованія,—что борьба женщины съ своими отцами, братьями и, въ особенности, мужьями—кажется этимъ послѣднимъ и лишней, и ненужной, способной сдѣлать жизнь, и безъ того несладкую, совершенно невыносимымъ бременемъ. Словами женщина ничего не подѣлаетъ, ничего не докажетъ своему властелину—ей необходимо работать, дѣйствовать и быть крайне осторожной въ выборѣ путей и методовъ для этой работы. Ей необходимо осязательно доказывать мужчинѣ основательность своихъ требованій, свои способности, свое умѣнье. Она не должна ожидать, чтобы ей повѣрили на̀ слово—противъ нея вѣковыя традиціи, тысячелѣтнія предубѣжденія, которыя можно побѣдить только фактами. Мужчина требуетъ и будетъ требовать доказательствъ—разсужденій для него недостаточно, и къ нимъ однимъ онъ останется глухъ и нѣмъ. Вся Америка, напримѣръ, съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдитъ за послѣдствіями дарованія полнаго права голоса во всѣхъ дѣлахъ своимъ женщинамъ штатами Вайомингомъ, Колорадо, Айдахо и Монтаной. Замѣчательно, что примѣру перваго послѣдовали именно сосѣдственные съ нимъ непосредственно штаты, имѣющіе лучшую возможность оцѣнить послѣдствія дарованія такого права; теперь онъ уже окруженъ ими со всѣхъ сторонъ, и очередь—за ближайшими къ этимъ послѣдователямъ. Я бесѣдовалъ съ нѣсколькими делегатами въ конвенціи отъ этихъ штатовъ, уже нѣсколько лѣтъ пользующимися правомъ голоса, желая узнать, въ чемъ заключаются прямые его результаты, и можно ли ихъ осязательно оформить? Вотъ что̀ отвѣтила мнѣ одна изъ нихъ, очень серьезная и вдумчивая дама: „Это правда, что обыкновенно мы подаемъ свои голоса съ нашими мужьями и отцами. Мы еще ни разу не пытались назначать свои тикеты, хотя бы частичные, ни разу не предъявляли какихъ-либо особыхъ требованій. Зато ни одинъ завѣдомый негодяй, ни одинъ изъ тѣхъ кабатчиковъ, которые, до дарованія намъ права голоса, почти всецѣло управляли по своему усмотрѣнію хотя бы нашимъ, напримѣръ, городомъ, не могутъ теперь и надѣяться на избраніе. Противъ такихъ людей мы вооружаемся поголовно, что̀ бы тамъ ни пѣли наши благовѣрные, какъ бы они ни были сами ими опутаны и какъ бы они ни пытались вліять на насъ.

Мы забаллотировываемъ ихъ своими голосами, какъ бы сильны ни были ихъ мужскія партіи. Неизбѣжность такого исхода такъ хорошо установлена въ нашихъ штатахъ напередъ, что въ послѣдніе года нашъ правительственный персоналъ, въ особенности городской, перемѣнился почти цѣликомъ. Мы еще недостаточно образованы политически, чтобы составлять программы и вести самостоятельную борьбу; да мы и не хотимъ этого, и сами не вѣримъ въ цѣлесообразность „женскихъ" политическихъ партій,— и потому вліяніе нашихъ голосовъ въ національныхъ дѣлахъ едва ли замѣтно; зато у себя дома мы—несомнѣнная сила, такъ какъ мы безошибочно умѣемъ сами по себѣ отличать негодяевъ политикановъ отъ честныхъ людей, и положительно не допускаемъ ихъ до участія въ нашемъ управленіи; а это, само собой разумѣется, быстро очищаетъ политическіе нравы и обычаи, поднимаетъ персоналъ, уничтожаетъ подкупы, взяточничество, грязный фаворитизмъ, преступную бездѣятельность власти и всѣ тѣ язвы, которыми такъ полна была политическая жизнь нашихъ штатовъ, когда ею завѣдывали одни мужчины. Однимъ словомъ, наше вторженіе въ эту жизнь послужило могучимъ очистительнымъ для нея фильтромъ—заслуга, если хотите, чисто пассивная покуда, но очень высоко оцѣненная лучшими нашими общественными дѣятелями между самими мужчинами". Если моя собесѣдница и была, вѣроятно, нѣсколько оптимистична въ своихъ заключеніяхъ, тѣмъ не менѣе, я думаю, что, въ общемъ, она была права, и что вліяніе дарованія женщинѣ права голоса всего рѣзче и быстрѣе проявляется именно въ очерченномъ ею направленіи. Если женщина и не можетъ еще создать чего-либо новаго и самостоятельнаго въ политической жизни страны, ея голосъ все-таки въ громадномъ большинствѣ случаевъ будетъ поданъ инстинктивно противъ грязи, подлости и обмана, особенно въ дѣлѣ общественномъ, не касающемся прямо ея семьи и близкихъ. Я лично довѣряю ей въ этомъ случаѣ неизмѣримо больше, чѣмъ любому нашему политикану-мужчинѣ.

Возможность такой женской конвенціи, возможность такого очевиднаго проявленія дѣловитости, умѣлости и знаній, дѣлается еще болѣе поразительной, если принять въ соображеніе крайнюю, сравнительно, кратковременность существованія женскихъ клубовъ въ Америкѣ вообще. Я закончу настоящую статью краткой ихъ у насъ исторіей.

Зимой 1868 года клубъ печати города Нью-Іорка давалъ парадный обѣдъ путешествовавшему по Америкѣ и читавшему публично въ ея большихъ городахъ выдержки изъ своихъ рома-

новъ Чарльзу Диккенсу. Нѣсколькимъ сдѣлавшимъ прессу своей профессіей женщинамъ, желавшимъ присутствовать на этомъ обѣдѣ и лично почтить знаменитаго романиста, было довольно грубо отказано въ билетахъ—предполагалось одно чисто мужское общество, въ которомъ женщинамъ не было мѣста, не потому, чтобъ онѣ не имѣли на это права, какъ писательницы, а потому что онѣ—женщины. Госпожа Кроли—mrs J. C. Croly—одна изъ получившихъ такой отказъ дамъ, глубоко имъ оскорбленная, задумала открыть женщинамъ въ будущемъ возможность дѣйствовать въ такихъ случаяхъ самостоятельно, независимо отъ мужчинъ; она собрала нѣсколькихъ друзей, и онѣ рѣшили основать исключительно женскій клубъ. Идея была, однако, такъ нова, что изъ пяти присутствовавшихъ на первомъ собраніи женщинъ три, посовѣтовавшись съ мужьями, нашли ее непрактичной и отказались отъ участія уже черезъ два-три дня; тѣмъ не менѣе госпожа Кроли продолжала свою пропаганду, и черезъ нѣсколько времени ей удалось собрать 14 женщинъ, и первый женскій клубъ Америки былъ организованъ въ городѣ Нью-Іоркѣ въ апрѣлѣ 1868 года подъ именемъ „Сорозиса", отъ греческаго слова: σωρός, въ сущности—куча, скопленіе. Первая рѣчь перваго президента этого клуба, госпожи Кэри—mrs Alice Cary, настолько хорошо обрисовываетъ положеніе дѣла въ то время, 34 года тому назадъ, что я не могу не привести слѣдующую изъ нея выдержку: „Женскій клубъ! Да это нѣчто неслыханное! Что̀ вы будете съ нимъ дѣлать? Какія у васъ могутъ быть цѣли или стремленія? Таковы тѣ вопросы, которые ежедневно задаются мнѣ съ того момента, какъ мы заговорили о нашемъ предпріятіи,—конечно, мужчинами. И я отвѣчала, что мы только желаемъ скромно подражать ихъ собственному примѣру.—У васъ есть свои клубы,—почему же и намъ не имѣть своихъ?—говорила я.

„Мы, конечно, такъ сказать, „выскочили изъ оглобель", и намъ приходится сознаваться, со стыдомъ и униженіемъ, въ нашихъ дикихъ и преступныхъ фантазіяхъ. Начиная ab ovo, мы оказываемся виновны въ томъ, что желаемъ усвоенія женщинами болѣе широкихъ и глубокихъ идей; стремимся къ тому, чтобы онѣ думали самостоятельно, сами составляли бы свои убѣжденія и взгляды на вещи, не столько потому, что это ихъ право, какъ потому, что это ихъ долгъ. Мы также предлагаемъ открыть женщинамъ новые пути къ заработку; сдѣлать ихъ менѣе зависящими и менѣе обременительными для другихъ лицъ; освободить ихъ отъ такъ имъ присущаго недовѣрія къ собственнымъ силамъ, отъ связывающей ихъ дѣятельность застѣнчивости; научить ихъ, что

всякая работа, какова бы она ни была, разъ она дѣлается ею свободно и соотвѣтствуетъ ея способностямъ и симпатіямъ, можетъ исполняться ею безъ опасенія спуститься ниже на общественной лѣстницѣ, а напротивъ, съ убѣжденіемъ, что и самая работа будетъ ею возвышена. Мы предлагаемъ заявить свой горячій протестъ противъ пустыхъ сплетенъ, противъ безцѣльной траты времени, противъ злоупотребленія имъ; требуемъ права дѣлать то, на что̀ мы способны, и говорить объ этомъ безъ испрашиванія позволеній и безъ унизительныхъ препятствій, не для исключительнаго блага нашего пола, а для общей пользы — то, что̀ вредно моему брату, вредно мнѣ, и что̀ вредно мнѣ, вредно и ему, — еслибъ онъ только взялъ на себя трудъ обдумать это и понять; оно вредно ему, сознаетъ онъ это или нѣтъ. Таковы, — отвѣчала я, — нѣкоторыя изъ нашихъ стремленій и цѣлей. Мы не утверждаемъ, что успѣли уже оформить наши планы и опредѣлить наши пути. Мы подобны дѣтямъ, ищущимъ дороги во мракѣ, потому что не слѣдуетъ забывать, что не прошло еще и полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ наши народныя школы были открыты дѣвочкамъ даже въ самыхъ культурныхъ мѣстностяхъ нашей страны. Какимъ же образомъ можете вы ожидать отъ насъ той же мудрости, которой вы сами запасались въ теченіе многихъ столѣтій изъ школъ и университетовъ и изъ опыта исключительнаго управленія дѣлами человѣчества?

„Мы сознаемъ наши недостатки, наше несовершенство, но мы чувствуемъ, милостивые государи, что, несмотря на нихъ, честная, серьезная и скромная попытка къ лучшей жизни и болѣе широкой культурѣ заслуживаетъ болѣе сердечнаго и болѣе симпатичнаго къ ней отношенія, чѣмъ то, которое мы до сихъ поръ отъ васъ встрѣчали гдѣ-либо. Даже высшіе представители нашей интеллигенціи, вожаки нью-іоркской прессы, проявили такое отсутствіе великодушія относительно насъ, въ какомъ мы ихъ никогда и не подозрѣвали.

„Еслибы мы могли предусмотрѣть тѣ сарказмы и насмѣшки, съ которыми мы были встрѣчены, они одни, сами по себѣ, были бы совершенно достаточнымъ поводомъ къ организаціи этого клуба; теперь, когда онъ представляетъ собою совершившійся фактъ, они послужатъ самымъ сильнымъ импульсомъ къ его укрѣпленію и расширенію. Но, друзья мои, эти насмѣшки и сарказмы, въ концѣ-концовъ, представляютъ собою не что̀ иное, какъ признаніе нашей силы, и должны, и будутъ поощрять насъ къ болѣе смѣлымъ и широкимъ заявленіямъ, къ болѣе энергичнымъ усиліямъ для основанія дружной и компактной органи-

заціи, и все, что нужно для того, чтобы создать изъ нея могучую силу для общаго блага въ будущемъ, это—согласная и дружная работа съ нашей стороны. Нѣкоторыя изъ насъ не могутъ разсчитывать, что онѣ доживутъ до этого прекраснаго будущаго, но мы должны помнить и должны быть довольны и тѣмъ, что наши попытки расчистятъ дорогу тѣмъ, кто будетъ слѣдовать за нами, когда мы уже будемъ покоиться въ нашихъ могилахъ“ [1]).

Кто бы вы ни были, читатель, и какъ бы вы ни относились къ нашей прекрасной половинѣ,—развѣ вы можете найти, положа руку на сердце, хоть какое-нибудь серьезное возраженіе противъ этихъ скромныхъ, трогательныхъ по своей искренности и глубокой правдѣ желаній? Развѣ же женщины дѣйствительно не были лишены всего этого только потому, что онѣ—женщины?

„Сорозисъ“ города Нью-Іорка считается разсадникомъ женскихъ клубовъ въ Америкѣ, и онъ же съ теченіемъ времени мастерски выработалъ весьма многія стороны ихъ дѣятельности; онъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ своей организаціи и методовъ, служилъ и служитъ моделью для множества другихъ клубовъ. Тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ большимъ составомъ, подраздѣляются на секціи, и члены присоединяются къ одной, двумъ, даже тремъ изъ нихъ, смотря по тому, что именно интересуетъ ихъ болѣе. Такихъ секцій бываетъ до тридцати въ одномъ клубѣ, и спеціализація занятій и работы все увеличивается. Состоятельные клубы нанимаютъ лектрисъ-спеціалистокъ, учительницъ иностранныхъ языковъ, и т. д.

„Сорозисъ“ же положилъ начало и настоящей генеральной федераціи женскихъ клубовъ Америки. Уже въ 1889 г. онъ, празднуя свое совершеннолѣтіе, 21 годъ своего существованія, пригласилъ къ участію въ этомъ торжествѣ делегатовъ отъ всѣхъ имѣвшихся въ то время въ союзѣ женскихъ клубовъ, числомъ 97. На этомъ собраніи и было рѣшено организовать постоянную федерацію—и первая ея конвенція засѣдала въ 1890 г., въ г. Нью-Іоркѣ, и къ ней присоединились 63 женскихъ клуба изъ 17 штатовъ. Тогда же было положено начало организаціи клубовъ одного штата въ штатныя федераціи. Въ 1892 г. число принадлежавшихъ къ генеральной федераціи клубовъ возросло до 189. Лѣтомъ 1893 г., во время Колумбовой выставки въ

[1]) Пророчество это, конечно, воочію исполнилось уже, и вѣроятно гораздо скорѣе, чѣмъ это предполагала сама госпожа Кэри; и она, и госпожа Кроли, обѣ умерли, но ихъ имена, конечно, будутъ вѣчно жить въ сердцахъ настоящаго и будущихъ женскихъ поколѣній Америки.

Чикаго, федерація устроила спеціальный женскій конгрессъ, на которомъ присутствовали делегаты отъ 258 клубовъ. Въ конвенціи 1894 г. приняли участіе 350 клубовъ; въ 1896—478 отдѣльныхъ клубовъ и 20 штатныхъ федерацій, считавшихъ въ своей средѣ 947 клубовъ. За 1898 г. у меня нѣтъ оффиціальныхъ цифръ, но въ конвенціи 1900 г. приняли участіе 2.675 клубовъ съ 166.903 членами; кромѣ того, было извѣстно, что въ союзѣ было 126 клубовъ съ 9.424 членами, не присоединившимися еще формально къ федераціи. Къ сожалѣнію, оффиціальныя цифры вышеописанной, послѣдней конвенціи 1902 года еще недоступны,—но я слышалъ, что число женскихъ клубовъ въ союзѣ въ настоящій моментъ значительно превышаетъ 4.000, а число членовъ въ нихъ—300.000.

Сотни клубовъ въ разныхъ городахъ уже успѣли обзавестись собственными зданіями, стоющими десятки тысячъ долларовъ каждый, и число клубовъ, и число членовъ въ нихъ быстро ростетъ съ каждымъ днемъ; дѣятельность ихъ все расширяется, захватывая все большее число отраслей, и чувствуется и государствомъ, и штатами, и, въ особенности, городами. Время явныхъ насмѣшекъ и сарказмовъ надъ ними, конечно, прошло безвозвратно, ихъ конвенціи привѣтствуются губернаторами и мэрами, и, можно думать, недалекъ тотъ день, когда женщина будетъ выслушиваться съ почтеніемъ и въ конгрессѣ Союза.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ВѢРОВАНІЯ и СУЕВѢРІЯ
у
КИТАЙЦЕВЪ

По личнымъ наблюденіямъ.

Китайскій народъ, который мнѣ главнымъ образомъ пришлось наблюдать въ теченіе пяти лѣтъ пребыванія моего въ Пекинѣ и его окрестностяхъ, имѣетъ свою наружную жизнь и— сокровенную, мало доступную для наблюденія чужеземца. Китайское населеніе представлялось мнѣ съ самаго перваго знакомства, при въѣздѣ въ Пекинъ, и въ послѣднюю минуту, черезъ пять лѣтъ, при выѣздѣ изъ него, все такимъ же, волнующимся, шумливымъ народнымъ моремъ, которое имѣетъ свои постоянные приливы и отливы, но оно еще не обнаружило всей своей силы, не разыгралось грозной бурей, не расходилось еще громадными волнами.

Меня интересовала прежде всего видимая, наружная жизнь китайскаго населенія, какъ бывшая мнѣ доступной и понятной. Съ поверхности этой жизни я надѣялся мало-по-малу проникнуть въ ея глубину, собирая всѣ проявленія народной жизни, поскольку выражались они въ народныхъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ и религіозныхъ сказаніяхъ.

Знакомство мое съ народною китайскою жизнью я началъ съ предмета наиболѣе близкаго для каждаго человѣка—съ его здоровья. Китайцы не только охотно, но и довѣрчиво относились къ моимъ разспросамъ, понимая отлично, что мною руко-

водитъ лишь одинъ интересъ знанія ихъ быта, ихъ жизни, и сами, въ свою очередь, интересовались всѣмъ, что̀ касалось до непонятныхъ имъ проявленій въ жизни иноземцевъ. Проживъ пять лѣтъ среди китайцевъ, я пришелъ къ одному заключенію: на почвѣ справедливости и взаимности общеніе возможно между этимъ трудолюбивымъ народомъ и каждымъ чужеземцемъ. Культура китайскаго народа самобытна, равно какъ самобытно и его мышленіе. Проявленія жизни и быта китайцевъ во многихъ отношеніяхъ настолько первобытны, что для насъ, европейцевъ, они непонятны и непріятны, зато во многихъ другихъ отношеніяхъ условія жизни и быта китайцевъ стоятъ неизмѣримо выше условій жизни и быта цивилизо́ванныхъ западныхъ народовъ. Въ отношеніи охраненія своего здоровья отъ разнообразныхъ вредныхъ вліяній китайцы отстали далеко отъ европейцевъ. Китайцы и до сего времени живутъ въ суевѣрныхъ преданіяхъ сѣдой старины, населяя всю видимую природу добрыми и злыми духами, демонами. Видя на себѣ вредное вліяніе климатическихъ условій и не зная, какъ объяснить ихъ, китаецъ прибѣгаетъ къ помощи суевѣрія. Такъ, по климатическимъ условіямъ, май мѣсяцъ, т.-е. пятый мѣсяцъ года (китайцы не имѣютъ названій мѣсяцевъ, а обозначаютъ ихъ по порядку цифрами), въ Китаѣ особенно проявляетъ вредное вліяніе на здоровье населенія. Во время мая мѣсяца часты заболѣванія, часты случаи солнечнаго удара и общая болѣзненность въ населеніи повышается. Чтобы объяснить себѣ эту повышенную заболѣваемость, китайцы создали существованіе довольно многочисленныхъ злыхъ духовъ, демоновъ, которыхъ назвали именемъ „Ся“. Подъ этимъ именемъ „Ся“ собраны всѣ злые духи, которые тѣми или иными способами вредятъ человѣку и отнимаютъ у него счастіе на землѣ. Чтобы защитить себя отъ этихъ вредныхъ силъ, китайскій народъ знаетъ только единственное средство, которое выражается въ ношеніи на шеѣ амулетовъ и въ заклинаніяхъ, которыя такъ искусно умѣютъ дѣлать жрецы, даосы. Всякое климатическое явленіе, сколько-нибудь отступающее отъ обычнаго, а особенно появленіе эпидеміи, вызывающей среди населенія повышенную заболѣваемость, народъ объясняетъ вліяніемъ злыхъ демоновъ, которымъ или приноситъ жертвы, чтобы задобрить, или думаетъ устрашить ихъ и отогнать отъ земли, устроивая процессіи, весьма многолюдныя, съ грохотомъ, шумомъ и трескомъ пускаемыхъ въ воздухъ ракетъ, фейерверковъ, криками и ударами палокъ въ мѣдные гонги. Болѣзни усиливаются во время наступленія лѣтнихъ жаровъ, особенно когда задуютъ знойные юго-восточные вѣтры, приносящіе изъ Монголіи тучи пыли

и песку. Ежегодно такіе вѣтры проносятся надъ Пекиномъ, но дуютъ лишь въ продолженіе трехъ-четырехъ дней, затѣмъ вѣтеръ мѣняетъ свое направленіе. Бываютъ, однако, нерѣдки года̀, когда юго-восточный вѣтеръ дуетъ продолжительное время, и, какъ говорили мнѣ старики-китайцы, этотъ періодъ времени достигаетъ иногда сорока дней. Тогда наступаетъ жизнь, полная ужаса и мученій. Температура держится постоянно въ 40^{0} R, зной невыносимъ днемъ, а ночь не приноситъ прохлады. Дышать тяжело, не хватаетъ воздуха. Люди и животныя страдаютъ одинаково. Листва на деревьяхъ засыхаетъ, свертывается въ трубочки и опадаетъ. Деревья остаются голыми, растительность на поляхъ вся погибаетъ отъ засухи. На всей природѣ ложится одна общая печать унынія. Вокругъ безжалостно палящаго своими лучами солнца появляются блѣдные круги. Надъ землей повисаетъ какъ бы завѣса, удручающая и безъ того угнетенную душу человѣка; во всей силѣ выказывается тогда его безсиліе передъ могуществомъ природы. Ужасъ сковываетъ всѣ его помыслы; страхъ, что божество неба, благодѣтельное для человѣческаго рода, отказалось отъ него, доводитъ до отчаянія, взывающаго къ Небу о милосердіи. Въ храмахъ совершаются заклинанія, а книга церемоній великаго учителя народа—Конфуція—предписываетъ строгій постъ, состоящій не только въ воздержаніи въ пищѣ, питіи, развлеченіяхъ, но требуетъ и уединенія.

По счастію, такіе продолжительные знойные вѣтры рѣдко бываютъ, но и въ обычное время, когда по календарю назначенъ первый лѣтній день, простой народъ на дверяхъ своихъ жилищъ наклеиваетъ заклинанія, отгоняющія злыхъ духовъ. День начала лѣта знаменуется выполненіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ, обязательныхъ для каждаго китайца. Въ каждомъ домѣ совершается слѣдующее: берется бокалъ, наполненный водой, и въ него всыпается превращенный въ мелкій порошокъ краснаго цвѣта какой-то минералъ, который китайцы называютъ „чин-кунъ“ и которому приписывается ими чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ, принятый внутрь, онъ очищаетъ весь организмъ, разрушаетъ внутри всѣ яды и уничтожаетъ всѣ вредныя вліянія, а примѣняемый снаружи, какъ обмываніе и растираніе, онъ излечиваетъ всякіе накожные нарывы и язвы. Въ цѣломъ своемъ видѣ минералъ носится на шеѣ, какъ амулетъ, такъ какъ обладаетъ могуществомъ не допускать приближаться къ человѣку привидѣніямъ и злымъ демонамъ. Тигры и гіены отъ страха убѣгаютъ въ лѣса и горы. Кускомъ этого минерала у дѣтей проводятъ по всему тѣлу, прикасаются ко лбу и шеѣ, чтобы пре-

дохранить дѣтей отъ вередовъ и сыпей, которые такъ обильно покрываютъ во время лѣта кожу дѣтей. Примѣняя всѣ предохранительныя средства, указанныя предками, каждый вноситъ въ ихъ исполненіе свои личные вкусы. Нѣкоторые китайцы сдѣланнымъ воднымъ растворомъ вытираютъ себѣ лицо, а остатокъ разливаютъ по полу дома, чтобы изгнать злого духа, если онъ запрятался гдѣ-нибудь въ помѣщеніи, а также чтобы удалить и всѣхъ зловредныхъ пауковъ и другихъ ядовитыхъ насѣкомыхъ.

Кромѣ средствъ борьбы, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, среди народа есть не мало и своихъ собственныхъ, созданныхъ вѣковыми наблюденіями и обычаями. Въ каждой семьѣ мать-китаянка собираетъ сама, по веснѣ, на поляхъ или покупаетъ лекарственныя пахучія вещества, которыя зашиваетъ въ ладанку, и вѣшаетъ эту ладанку на шею своему ребенку. Ладанкѣ придается самая разнообразная форма, то въ видѣ подушечки, то въ видѣ тигра, птицы, насѣкомаго, вѣера или въ видѣ какихъ-нибудь другихъ животныхъ. Ладанки украшаются вышивками или золотыми нитями—у богатыхъ цвѣтъ матеріи предпочитается красный. Ладанки эти имѣютъ двоякое благодѣтельное значеніе. Китайцы вѣрятъ, во-первыхъ, что запахъ пахучихъ лекарственныхъ веществъ разрушаетъ тѣ зловредныя испаренія, которыя проникаютъ въ тѣло человѣка, а во-вторыхъ, они убѣждены, что пахучія вещества обезвреживаютъ всѣ болѣзненныя выдѣленія и заразныя начала, находящіяся въ самомъ организмѣ человѣка. Глубокая вѣра въ это цѣлебное дѣйствіе пахучихъ веществъ основана на томъ обстоятельствѣ, что въ буддистскихъ книгахъ, пользующихся большимъ авторитетомъ у китайцевъ, говорится, что разъ Будда излечился отъ своей болѣзни вдыханіемъ запаха цвѣтка лотоса. Исторія медицины говоритъ, впрочемъ, что запахамъ въ древности придавалось большое значеніе, какъ лечебнымъ средствамъ, у грековъ, римлянъ и, въ средніе вѣка, у европейцевъ. Убѣждены были многіе, что вдыханіе пахучихъ средствъ можетъ предохранить отъ заболѣваній. Красный цвѣтъ пользуется преимуществомъ передъ всѣми остальными цвѣтами потому, что онъ напоминаетъ собою цвѣтъ персика, а персику китайцы приписываютъ преимущественную добродѣтель и могущество въ уничтоженіи силы злыхъ духовъ и вреднаго ихъ вліянія на человѣка. Талисманы и ладанки пользуются самымъ обширнымъ распространеніемъ во всѣхъ слояхъ китайскаго народа. Но однихъ талисмановъ все-же недостаточно; въ помощь къ нимъ, какъ предохранители, въ домахъ вѣшаютъ по стѣнамъ

изображенія различныхъ божествъ, сдѣланныя на подобіе куколъ. Каждая такая кукла вышита на матеріи шелками. Куколъ вѣшается въ домѣ по числу живущихъ въ немъ, такъ какъ каждая такая кукла является замѣстительницей каждаго члена семьи, и каждой куклѣ, поэтому, достается имя того лица, которое она замѣщаетъ. Часто это имя бываетъ даже написано на груди куклы. Въ первый день лѣта всѣ эти куклы, провисѣвшія цѣлый годъ, снимаются и сносятся въ одно мѣсто, гдѣ и располагаются въ рядъ. Передъ ними ставятся различныя яства, какъ бы въ благодарность за сдѣланное благодѣяніе членамъ семьи за истекшій годъ, а благодѣяніе это, по мнѣнію китайцевъ, состояло въ томъ, что куклы эти принимали въ себя всѣ вредныя начала, бывшія въ домѣ, и охраняли этимъ членовъ семьи отъ дѣйствія этихъ началъ, которыя предназначались для людей злыми духами. По окончаніи приношеній, куклы эти всѣ выносятся во дворъ и сжигаются. Вмѣстѣ съ ними сжигается и заключавшееся въ нихъ зло, а члены семьи остаются защищенными. На мѣсто сожженныхъ куколъ выставляются новыя. Сколько дѣтской наивности, сколько безпомощности кроется въ этихъ вѣрованіяхъ китайскаго народа!

Май, т.-е. пятый мѣсяцъ луны, празднуется, какъ первый мѣсяцъ лѣта, повсюду въ Китаѣ. Съ ранняго утра въ первый день мѣсяца украшаются зеленью ворота и двери домовъ. Изъ зелени вяжутся букеты съ непремѣннымъ присутствіемъ вѣточки аира, полыни и головки чесноку вмѣстѣ съ корнемъ и листьями. Этотъ букетъ прикрѣпляется или надъ выходными воротами на улицу, или надъ окнами; многіе изъ китайцевъ бросаютъ его даже на крышу домовъ цѣлой большой связкой. Значеніе этихъ растеній, какъ цѣлебныхъ, обусловливается несомнѣнно ихъ сильнымъ запахомъ, который, по мнѣнію китайцевъ, обезвреживаетъ зловредныя начала болѣзней. Букеты зелени вѣшаютъ надъ дверями и окнами для того, чтобы болѣзни не проникли въ домъ! Чеснокъ считается самымъ дѣйствительнымъ предохранительнымъ средствомъ, дѣйствующимъ на 99 болѣзней. Китайцы, поэтому, безъ чесноку жить не могутъ, и ежедневно употребляютъ его въ пищу. Для европейца, не привыкшаго къ запаху чеснока, случайное пребываніе среди китайцевъ бываетъ весьма тяжело, но китаецъ отъ чесноку ни за что не откажется: чеснокъ въ пищѣ удлиняетъ жизнь! Китайцамъ извѣстно также и врачебное дѣйствіе чесноку, какъ хорошаго глистогоннаго.

Послѣ чесноку китайцы придаютъ большое цѣлебное значеніе полыни, о благодѣяніяхъ которой написаны цѣлыя книги;

въ книгахъ указано время, когда надо рвать полынь, именно 5-го мая и до пѣнія пѣтуховъ; указанъ способъ, какъ надо вязать полынь въ связки, чтобы она имѣла силу предохранять отъ гибельныхъ повѣтрій. Листья полыни имѣютъ обширное примѣненіе: отваромъ изъ нихъ моютъ лицо и все тѣло, вѣтку полыни женщины вплетаютъ въ свою прическу, а также и въ волоса дѣтей, все съ одной и той же цѣлью—предохранить отъ злыхъ вліяній.

Китаянки иногда въ свою прическу втыкаютъ вмѣстѣ съ вѣткой полыни изображеніе тигра, сдѣланное изъ шолка, имѣющее тоже значеніе амулета, такъ какъ тигръ служитъ защитой противъ злыхъ демоновъ. Послѣ полыни въ большомъ употребленіи являются вѣтви ивы и смоковницы, такъ какъ эти дерева служатъ символами долголѣтія и жизненности. Насколько большое значеніе придается китайцами силѣ этихъ деревьевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго изреченія: „Втыкая въ дверь дома вѣтви ивы или смоковницы, становишься живучѣе дракона“. Многія изъ китаянокъ убѣждены также, что, втыкая вѣтви полыни въ свою прическу, онѣ тѣмъ самымъ дѣлаются болѣе ловкими и сильными. На многихъ домахъ подъ пучками выставленной полыни и чесноку дѣлается надпись на красной бумагѣ: „Да служатъ листья полыни знаменами, призывающими тысячи благодѣяній, а головки чесноку—да отгонятъ милліоны привидѣній“.

Вѣра въ чудесныя и цѣлебныя силы растеній не есть, однако, принадлежность только странъ Востока. Если мы обратимся къ Европѣ, то увидимъ, что растенія въ жизни ея народовъ также играли весьма видную роль и продолжаютъ имѣть немаловажное значеніе и до сего дня.

Значеніе растеній было и есть для народа не только цѣлебное, но и чудодѣйственное по силѣ, которая могла отвращать отъ человѣка злыя козни нечистыхъ духовъ и вредныхъ повѣтрій. Не говоря уже про средніе вѣка, которые оставили намъ обычай украшать церкви и дома растеніями, укажу на такія пахучія травы, каковы укропъ, чебрецъ, замѣняющія чеснокъ, и на вѣтви березы, замѣняющія иву. Въ научной европейской литературѣ мы имѣемъ весьма интересное изслѣдованіе о культѣ растеній у разныхъ народовъ, принадлежащее перу D-r'a Maynhardt, подъ названіемъ: „Baumkultur der Germaner und ihrer Nachbarstämme“. Изъ этой книги мы узнаемъ, что въ Швеціи и Норвегіи на Ивана-Купалу воздвигаютъ повсюду лѣтнюю мачту съ пѣтухомъ наверху, и въ то же время украшаютъ дома и комнаты зеленью. Этотъ обычай распространенъ одина-

ково и въ городахъ, и въ деревняхъ. То же самое дѣлаютъ на 1-е мая, на Ивана-Купалу и на Троицынъ день. Украшенное дерево-мачту носятъ по деревнямъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ. Такое же дерево укрѣпляютъ надъ воротами и надъ хлѣвами, такъ какъ у населенія держится повѣрье, что коровы больше тогда даютъ молока и что колдуны не будутъ въ состояніи дѣлать вреда. Такимъ образомъ, вѣрованія китайцевъ отвѣчаютъ когда-то распространенному вѣрованію въ майское дерево у европейцевъ, обратившееся нынѣ лишь въ веселое празднество мая. Полынь также пользуется и до сего дня большимъ уваженіемъ среди европейскихъ народовъ. У французовъ въ Пикардіи существуетъ и понынѣ вѣрованіе, что злые духи боятся полыни. Во многихъ странахъ держится повѣрье, что въ ночь на Ивана-Купалу подъ корнемъ полыни можно найти уголь, который будетъ покровительствовать его владѣльцу, предохраняя его отъ заболѣванія язвами, лихорадкой и пр. Миѳологія растеній имѣетъ много общаго у всѣхъ народовъ. Извѣстно также, что римляне вѣшали на дверяхъ своихъ домовъ гирлянды изъ боярышника, дабы отгонять вредныя вліянія и болѣзнь отъ обитателей дома и отъ животныхъ. Въ Греціи эту же роль играло лавровое дерево, а въ Египтѣ—аиръ.

У китайцевъ, какъ народа исключительно земледѣльческаго, самые выдающіеся праздники пріурочены въ честь неба, бога солнца, богини земли. Празднество въ честь богини земли торжественно совершается по всему Китаю три раза въ годъ: весной, послѣ посѣва и появленія на поляхъ первой зелени; лѣтомъ, когда жатва готова, и осенью, послѣ уборки жатвы. Осенній праздникъ жатвы—самый торжественный и самый чтимый народомъ. Земля, составляющая культъ почитанія у всѣхъ народовъ, только у китайцевъ сохранила этотъ культъ въ полной чистотѣ и неприкосновенности. Китаецъ ставитъ богиню земли во главѣ остальныхъ божествъ. Оно и понятно: земля питаетъ человѣка и все живущее на ней, земля производитъ для человѣка все необходимое ему въ жизни; земля является самой любящей матерью человѣчества, создавшей человѣка и берущей его снова къ себѣ. „Мать сыра-земля“—и до сего дня еще говоритъ русскій человѣкъ; „земля-кормилица“—говоритъ русскій пахарь, имѣющій много общаго въ своихъ понятіяхъ съ земледѣльцемъ-китайцемъ. Осенній праздникъ жатвы, справляемый 15-го августа (15-й день 8-й луны), начинается торжественными служеніями въ китайскихъ храмахъ; народъ за благодѣянія, ему оказанныя богиней, приноситъ на ея алтарь жертвы отъ урожая,

а также предъ изображеніемъ богини ставятся мясныя блюда, пироги, сласти и вино, приготовленное изъ проса. На домашнихъ алтаряхъ ставятся передъ богиней спеціально въ этотъ день приготовленные пирожки изъ риса пополамъ съ мукой. Пирожки дѣлаются круглые по формѣ и приготовляются на пару́. Эти пирожки имѣютъ свое названіе—„цзи". Въ этотъ день къ старшему въ родѣ собираются всѣ родные и разсаживаются за общимъ столомъ вокругъ пирожковъ. Вмѣстѣ съ пирожками ставятъ на столъ блюдо съ жженымъ сахаромъ и другими сластями. Обиліе яствъ и сластей имѣетъ, конечно, значеніе: мать-земля даетъ своимъ дѣтямъ изобильную жатву, составляющую для народа и богатство, и благодѣяніе. Земля, являясь матерью живущаго, имѣетъ супругомъ своимъ лучезарное солнце, которое тепломъ своимъ поддерживаетъ жизнь, даваемую землей, животворитъ все ею рождаемое. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія земледѣлія создавались все новыя и расширялись старыя вѣрованія народа-земледѣльца. Хотя земля повсюду едина и неизмѣнна, но произведенія ея слишкомъ разнообразны. Не зная, какъ объяснить это богатство и разнообразіе даровъ земли, народъ создалъ рядъ божествъ для каждой страны, покровительствующихъ земледѣльцу и тѣсно примыкающихъ къ общей ихъ матери, богинѣ земли. Въ каждой странѣ эти божества, покровители земледѣлія, называются властелинами земли, о каждомъ изъ нихъ народъ создалъ свою особую легенду. Объ одномъ изъ нихъ, властелинѣ полей, преданіе говоритъ, что онъ былъ первоначально сыномъ министра работъ во времена династіи Яо. Будучи юношей, онъ поражалъ всѣхъ особымъ даромъ водворять равновѣсіе между водою и землею, т.-е. онъ могъ повелѣвать водѣ и защищалъ землю отъ наводненій, чѣмъ оказывалъ народу-земледѣльцу истинное благодѣяніе, за которое и былъ обращенъ въ божество. Но все-таки земля давала народу много непонятнаго, производя растенія столь рѣдкія по своему виду и окраскѣ. Отсюда народныя вѣрованія создали еще пять божествъ, изъ которыхъ каждое имѣло свое личное свойство. Одно изъ божествъ производило изъ земли все, что̀ имѣло синій цвѣтъ, другое—все, что̀ имѣло красный, третье производило огнецвѣтные предметы, четвертое—желтые, а пятое—черные. Но народная мысль не остановилась на своихъ первоначальныхъ созданіяхъ, а, развиваясь дальше, обобщила всѣ видимыя созданія природы въ одно божество, которое и было властелиномъ всѣхъ божествъ. Это божество является уже сыномъ земли и солнца, располагаетъ властью надъ всей природой: онъ посылаетъ на землю

дождь, снѣгъ, росу, иней, вѣтеръ, посредствомъ которыхъ существуетъ постоянное общеніе Неба и Земли. Въ честь этого бога и подвластныхъ ему боговъ, покровителей земли, народъ создалъ уже свой земледѣльческій гимнъ, въ которомъ, восхваляя благодѣянія, оказываемыя божествомъ народу-земледѣльцу, говоритъ, что должно приносить богу жертву отъ всѣхъ плодовъ земли: и отъ проса, и отъ овецъ.

Китайскій народъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни и земледѣлія, отдѣлилъ все непонятное для него въ явленіяхъ природы отъ понятнаго ему труда земледѣльца и этотъ трудъ облекъ живою человѣческою плотью, создавъ своего патріарха земледѣлія, подобно русскому Микулѣ Селяниновичу. Своему патріарху земледѣлія китайскій народъ сообщилъ легендарное происхожденіе, сдѣлавъ его сыномъ горы Ли. Жилъ этотъ мирный витязь труда, какъ говорятъ китайскія лѣтописи-былины, въ періодъ за 2205—1766 г. до Р. Хр.; онъ первый сталъ правильно воздѣлывать всѣ сорта злаковъ и растеній, научивъ правильному труду и народъ. Память этого патріарха земледѣлія чествуется и до сихъ поръ въ народѣ. Въ честь своего героя-земледѣльца народъ устроиваетъ и моленія въ храмахъ, и развлеченія. Въ храмахъ возсылаются моленія о ниспосланіи теплыхъ дождей, о томъ, чтобы просо все умножалось, и чтобы мужчины и женщины благословлены были изобиліемъ. По окончаніи моленій, населеніе идетъ въ театръ, который въ дни народныхъ праздниковъ устроивается труппою бродячихъ артистовъ на площади селенія подъ открытымъ небомъ. Театральное представленіе сопровождается громкой музыкой, крайне непріятной для уха европейца. Музыка состоитъ въ ударахъ въ гонги и барабаны, сопровождаемыхъ звуками флейты и визгливыми голосами актеровъ. Китайскій народъ до сего дня настолько еще вѣруетъ въ свое общеніе со всей природой, что зрители и слушатели театральныхъ представленій глубоко убѣждены въ томъ, что и боги пользуются этими зрѣлищами, невидимо присутствуя на представленіяхъ. Иногда такія театральныя представленія устроиваются прямо въ честь боговъ.

Празднество, совершаемое въ честь богини земли лѣтомъ, происходитъ 6-го числа 6-й луны, т.-е., въ половинѣ іюня—началѣ іюля, когда наливаются всѣ колосья злаковъ, зерна тяжелѣютъ, поспѣваютъ всѣ фрукты. Трудъ земледѣльца даетъ видимый плодъ, радуетъ его душу. „Открыты врата Неба“, говорятъ китайцы, когда земля даетъ хорошій урожай. Празднество начинается обычными моленіями и жертвоприношеніями богинѣ земли

передъ ея изображеніемъ и отличается отъ празднества весною и осенью лишь тѣмъ, что молодежь исполняетъ рядъ суевѣрныхъ обычаевъ. Многіе еще и теперь вѣрятъ, что если въ этотъ день поставить во дворъ новую деревянную лоханку, наполнить ее водой, надъ которой надо держать зеркало и внимательно смотрѣть въ него, то можно увидать дѣйствительно разверстыя небеса, что и обѣщаетъ великое счастіе. По поводу такого зрѣлища, удостоившіеся его счастливцы разсказываютъ обычно, сообразно вкусамъ китайскаго человѣка, слѣдующую исторію. Они говорятъ, что видѣли длинный столъ, накрытый красной скатертью, а за столомъ сидѣлъ старецъ съ длинной бѣлой бородой. На головѣ у этого старца была корона. По мнѣнію разсказчиковъ, старецъ этотъ можетъ быть не иной кто, какъ привратникъ неба, или даже самъ его властелинъ. Не всякій, конечно, удостоивается видѣть небо разверстымъ, но что небо въ этотъ день разверзается,—этому вѣрятъ всѣ китайцы и объясняютъ это явленіе различно. Одни говорятъ, что небо разверзается для того, чтобы боги могли видѣть поступки и жизнь всѣхъ людей. Другіе же стараются объяснить это тѣмъ, что богиня земли, все оплодотворяющая, воспринимаетъ въ свою грудь живительные солнечные лучи. Посылаемый съ неба дождь одѣваетъ ее зеленой одеждой, и небо заботится о ростѣ травъ и злаковъ для жизни человѣка на землѣ. Разверзается небо, говорятъ третьи, въ благодарность человѣку за его трудъ и заботы о землѣ. Небо видитъ эти труды и говоритъ объ этомъ человѣку. Какъ бы народъ ни старался объяснить прирожденную ему жизнь чувства и мысли, онъ вездѣ доказываетъ, что въ душѣ его горитъ та искра чудеснаго, которая вложена каждому Творцомъ Неба и Земли!

Китайцы, будучи народомъ исключительно земледѣльческимъ, не отдѣляютъ понятія богатства отъ плодородія земли. Они до мозга костей убѣждены въ томъ, что только тотъ народъ богатъ, у котораго земля плодородна. Этимъ только и объясняется то глубокое уваженіе, которое всеобще у всего китайскаго народа къ труду земледѣльца. Трудъ земледѣльца послѣ занятій науками считается самымъ благороднымъ. Въ земледѣліи только китайскій народъ видитъ главные и основные устои общественнаго счастія и благополучія. Всѣ китайскіе мыслители, говоря о частныхъ, отдѣльныхъ видахъ богатствъ, единогласно утверждаютъ, что такія частныя богатства возможны и позволительны только тогда, когда каждый человѣкъ изъ народа имѣетъ достаточно для своего пропитанія. „Для чего будетъ служить каменный уголь,—гово-

рятъ старики-китайцы, приверженцы народной старины,—машины, металлы, если у народа не будетъ достаточно пропитанія и одежды, доставляемыхъ всѣмъ земледѣліемъ". Только земледѣліе составляетъ источникъ народнаго благополучія. Понятно поэтому, что такъ глубоко живетъ въ китайскомъ народѣ уваженіе къ труду земледѣльца и что самъ императоръ въ день празднества въ честь Неба проводитъ въ почвѣ ограды храма плугомъ земледѣльческую полосу.

Богиня земледѣлія Ту-ди-гунъ чтится всѣмъ китайскимъ народомъ. Къ празднеству въ честь богини земли примыкаетъ, какъ второстепенное, празднество въ честь бога богатства, занимающаго также весьма почетное мѣсто среди всего человѣчества. Богатство любятъ всѣ, и всѣ стремятся его достигнуть. Въ каждой китайской семьѣ, будетъ ли это земледѣлецъ, ученый, купецъ, чиновникъ, военный, нищій и воръ—одинаково богъ богатства окружается почетомъ, и среди домашнихъ боговъ помѣщается и статуэтка изъ фарфора, глины или бронзы и этого божка—Да-дуцза, что въ переводѣ значитъ: „Великое брюхо". Мечты разбогатѣть такъ доступны и понятны каждому человѣку! Богъ богатства представляется благообразнымъ старикомъ, съ большимъ отвислымъ животомъ, сидящимъ въ креслѣ; въ рукѣ онъ держитъ большой кошель съ деньгами. Въ семействахъ купцовъ богъ богатства пользуется особымъ почетомъ, и въ честь его ежемѣсячно каждое 2-ое и 16-ое число совершаются жертвоприношенія съ возліяніемъ вина, куреньями и сожиганіемъ золотой бумаги. Богатые купцы въ этотъ день приглашаютъ къ себѣ на обѣдъ главныхъ своихъ сотрудниковъ и служащихъ. Воздавая почетъ богу богатства, земледѣлецъ и купецъ одинаково призываютъ благословеніе на свои труды. Въ приморскихъ и приречныхъ мѣстностяхъ Китая въ дни этого празднества готовится даже особое блюдо: вареный рисъ съ устрицами. Блюдо это какъ бы служитъ выраженіемъ желанія, чтобы богиня земли дала одинаково людямъ и богатства моря, и богатства земли.

Китайскій народъ, чрезвычайно наблюдательный, но не могущій уяснить себѣ соціальныхъ явленій общественной жизни, старается объяснять ихъ вмѣшательствомъ божествъ въ дѣла человѣка. Наблюдая крайне неравномѣрное распредѣленіе богатства и благъ земныхъ среди людей, китайскій народъ объясняетъ эту несправедливость такъ. Властелинъ неба послалъ бога богатства на землю и приказалъ распредѣлить между людьми всѣ блага земли поровну, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Исполненію этого повелѣнія воспротивилась жена бога богатства и

убѣдила своего супруга ослушаться и не исполнять повелѣнія властелина неба. Если всѣ люди будутъ равно богаты, говорила она, то на землѣ станетъ царство эгоизма, каждый будетъ жить только для себя, и общественная жизнь будетъ невозможна. Богъ богатства убѣдился доводами своей жены и распредѣлилъ богатства неравномѣрно. Отсюда и существуютъ на землѣ богатые и бѣдные. Китайцы, однако, не одобрили поступка жены бога и, почитая ея супруга, почитая другихъ богинь, ее совершенно исключили изъ общаго сонма божествъ, и тѣмъ, быть можетъ, выразили ей порицаніе!

Съ развитіемъ жизни шло развитіе и народнаго міровоззрѣнія и народнаго мышленія. Все болѣе и болѣе охватывалъ умъ народа и его сердце разнообразный, то грозный, то добрый, но непонятный для него по прежнему міръ явленій природы, подавлявшій все существо человѣка своимъ величіемъ. Не имѣя знаній, чтобы объяснить себѣ явленія жизни, и въ то же время съ жадной пытливостью стараясь проникнуть въ окружавшій его таинственный міръ, китайскій народъ создалъ себѣ героевъ-людей, надѣливъ ихъ безсмертіемъ. Такихъ безсмертныхъ благодѣтелей считаетъ для себя китайскій народъ восемь, и всѣ они принадлежатъ къ даосамъ, т.-е. послѣдователямъ ученія объ истинномъ пути, ведущемъ къ безсмертію.

Главный изъ восьми даосовъ—па-сянь—называется *Чжун-ли-цюань*; онъ изображается въ костюмѣ ученаго, съ вѣеромъ или персикомъ въ рукѣ, но покрытый женскимъ головнымъ уборомъ. Преданія говорятъ, что при рожденіи его совершались чудеса: отъ тѣла его исходилъ необычайный свѣтъ, и онъ началъ говорить на седьмой день. Въ дальнѣйшемъ повѣствуется, что онъ былъ генераломъ и участвовалъ въ войнѣ противъ Тибета, но потерпѣлъ пораженіе и былъ казненъ. Даосская легенда, однако, не признаетъ этого, а утверждаетъ, что, потерпѣвъ пораженіе, онъ скрылся въ горы совершенно одинъ. Въ горахъ его встрѣтилъ монахъ-отшельникъ и указалъ путь къ спасенію—дао. Принявъ ученіе монаха, Чжун-ли-цюань достигъ такого совершенства, что взятъ живой на небо. У даосовъ существуетъ убѣжденіе, что безсмертный спускается иногда съ неба на покинутую имъ землю и, помахивая своимъ чудеснымъ вѣеромъ, возвращаетъ жизнь умершимъ. Существуетъ нѣсколько изображеній этого безсмертнаго съ различными варіаціями. Изображается онъ или ѣдущимъ на ци-линѣ (миѳическій единорогъ), или стоящимъ на черепахѣ; иногда аистъ несетъ ему палку.

Второй безсмертный, *Хань-сянъ-цзы*, покровитель садовни-

ковъ, изображается съ вѣеромъ и корзиною персиковъ. Изображается также ѣдущимъ на львѣ или стоящимъ на баснословной рыбѣ ао.

Третій безсмертный, *Цао-го-цзю*, покровитель актеровъ, изображается съ кастаньетами въ рукахъ. Изображается или ѣдущимъ на ци-линѣ, или стоящимъ на ракѣ.

Четвертый безсмертный, *Ли-те-гуай*, покровитель маговъ и чародѣевъ, при жизни былъ великимъ ученымъ и философомъ. Знанія и могущество его были такъ велики, что онъ могъ отдѣлять душу отъ тѣла, и, оставивъ тѣло на землѣ, отправиться въ путешествія. Ли-те-гуай изображается безобразнымъ, хромымъ старикомъ, опирающимся на костыль, а на спинѣ у него прикрѣплена тыквенная горлянка. Изображается онъ ѣдущимъ или на оленѣ, или стоящимъ на крабѣ. Ли-те-гуай при жизни своей былъ здоровымъ, красивымъ и молодымъ; сдѣлался же безобразнымъ старикомъ, благодаря слѣдующему обстоятельству. Однажды онъ отправился къ учителю своему Лао-цзы на небо, оставивъ тѣло свое на землѣ и поручивъ охранять его своему ученику въ теченіе семи сутокъ. Ученикъ его не могъ, однако, выполнить возложенное на него порученіе, такъ какъ былъ отозванъ къ умиравшей матери. Тѣло осталось одно и въ это время по одной версіи было истреблено пожаромъ, а по другой версіи —было съѣдено тигромъ. Когда душа Ли-те-гуай вернулась на землю, то не могла найти своего тѣла. Чтобы имѣть какое-нибудь пребываніе на землѣ, душа вошла въ лежавшій на дорогѣ трупъ умершаго отъ голода калѣки. Вотъ причина, по которой онъ изображается хромымъ и старымъ.

Пятый безсмертный, *Лань-цай-хэ*, покровитель музыкантовъ, изображается съ флейтой въ рукѣ. Народное сказаніе сохранило о немъ много интереснаго, касающагося личныхъ его качествъ. Легенда передаетъ, что Лань-цай-хэ ходилъ въ изорванной рубашкѣ, одну ногу имѣлъ въ сапогѣ, а другую босую. Зимою онъ ложился въ снѣгъ и не простужался,—отъ него шелъ только паръ. Всѣ, кто зналъ его съ дѣтства, видѣли, что онъ совершенно не старѣетъ и не измѣняется. Жизнь онъ велъ самую безпутную: ходилъ какъ сумасшедшій по рынкамъ, бормоталъ пѣсни, смыслъ которыхъ былъ непонятенъ для большинства. Былъ въ полномъ смыслѣ слова безсребренникъ. Если давали ему денегъ, то онъ носилъ ихъ на веревкѣ. Если веревка обрывалась и деньги падали, то онъ ихъ не поднималъ и даже не смотрѣлъ на нихъ. Если же онѣ оставались цѣлы, то онъ раздавалъ ихъ бѣднымъ и пропивалъ. Однажды, когда онъ пировалъ на бал-

конѣ трактира, послышался звукъ флейтъ и кларнетовъ. Лань-цай-хэ сошелъ внизъ, сѣлъ на аиста и поднялся съ нимъ на воздухъ, бросивъ съ себя на землю башмакъ, поясъ и рубашку. Изображается онъ ѣдущимъ на ци-линѣ или стоящимъ на рыбѣ. Есть преданія, что Лань-цай-хэ была женщина, а не мужчина.

Шестой безсмертный, *Люй-дунь-бинь*—покровитель врачей и цирюльниковъ. При жизни своей онъ отличался своею ученостью. Жилъ онъ удалившись въ пещеру, въ которой занимался самоуглубленіемъ и созерцаніемъ. Здѣсь написалъ онъ нѣсколько книгъ. Въ пещерѣ посѣтилъ Люй-дунь-биня глава духовъ, Чжунъ-ли, и вручилъ мыслителю саблю, которой ничто человѣческое не могло сопротивляться. Тогда Люй-дунь-бинь вышелъ изъ своей пещеры и, владѣя чудесною саблей, освободилъ Китай отъ демоновъ и свирѣпыхъ чудовищъ, опустошавшихъ страну. Изображается этотъ безсмертный ѣдущимъ на ци-линѣ или стоящимъ на улиткѣ.

Седьмой безсмертный, *Чжанъ-го-лао*, покровитель стилистики и красиваго письма, изображается имѣющимъ вазу для кистей. Онъ ѣдетъ на ослѣ или стоитъ на драконѣ. Оселъ Чжан-го-лао отличался, по сказаніямъ, необычайной быстротой бѣга и способностью превращаться въ такого крохотнаго, что безсмертный свободно помѣщалъ осла въ свою маленькую вазу. Когда же наступало время отправляться въ путешествіе, то Чжан-го-лао бралъ нѣсколько капель воды и брызгалъ ими на ослика, который принималъ тогда свой настоящій видъ.

Восьмая безсмертная, *женщина Хэ-сянь-гунь (янь)*, считается покровительницей женщинъ, женскаго труда и домашнихъ женскихъ работъ. О ней китайскія легенды разсказываютъ слѣдующее: когда ей было 15 лѣтъ отъ роду, то ей во снѣ явилось божественное существо, которое и предсказало ей безсмертіе. Подъ вліяніемъ этого сна Хэ-сянь-гунь посвятила себя религіозной жизни и созерцанію. Она имѣла способность никогда не ѣсть и обладала быстротою движенія, равною быстротѣ движенія свѣта. Свой даръ она примѣняла на то, чтобы доставать самые необыкновенные плоды для своей больной матери. Наконецъ она оставила землю, поднявшись среди дня на бѣломъ облакѣ на небо. Безсмертная все-же часто посѣщаетъ землю, спускаясь на облакахъ.

Принадлежности этихъ восьми безсмертныхъ часто изображаются китайцами-художниками на картинахъ, на лаковыхъ вещахъ, на вышивкахъ, на фарфоровыхъ чашкахъ и проч. Жизнь предъявляла китайскому народу все новыя и новыя требованія,

на которыя онъ отвѣчалъ, создавая новыхъ безсмертныхъ. Таковыми явились впослѣдствіи Ма-ванъ, покровитель лошадей, и особенно Гуан-ди, славимый во всемъ Китаѣ. Гуан-ди—личность историческая и жилъ въ эпоху троецарствія въ Китаѣ, т.-е. 220—263 г. по Р. Х. Китайскія лѣтописи разсказываютъ о немъ слѣдующее. Когда весь Китай раздирали междоусобія и войны и власть китайскаго императора становилась шаткой, явился нѣкій Чангъ, который поднялъ самое опасное возстаніе противъ императора, разглашая, что ему только свыше дана власть возстановить въ странѣ миръ и благополучіе. Измученный и разоренный народъ призналъ въ немъ своего спасителя и слѣпо за нимъ послѣдовалъ. Движеніе охватило всю страну; послѣдователи Чанга стали носить вокругъ головы желтыя повязки и въ отрядахъ своихъ употреблять желтыя знамена. Во всей странѣ китайскому императору осталась вѣрной только одна провинція Чили. Губернаторъ этой провинціи обратился къ народу съ воззваніемъ, приглашая идти всѣхъ на защиту императора. Воззваніе это подняло весь народъ, и къ губернатору явился Гуанъ-Юй, громаднаго роста, до девяти футъ, съ длинной черной бородой, бронзовымъ цвѣтомъ лица; глаза его блестѣли какъ у краснаго феникса, а брови были вытянуты какъ два шелковичныхъ червя. Такъ описываютъ лѣтописи наружность будущаго бога войны. Лѣтописи говорятъ, что до воззванія онъ занимался продажей вареныхъ бобовъ. Принятый губернаторомъ Гуанъ-Юй образовалъ союзъ съ двумя своими братьями, которые поклялись передъ Небомъ и Землей организовать борьбу для защиты имперіи. Къ братьямъ шелъ со всѣхъ сторонъ народъ, и скоро составилось громадное народное ополченіе. Гуанъ-юй выступилъ противъ Чанга, и послѣдній былъ первый разъ въ битвѣ разбитъ. Военное счастье окончательно перешло на сторону Гуан-Юй. Войско его все увеличивалось въ числѣ, мятежники терпѣли пораженія и одинъ городъ за другимъ переходили въ его руки. Но Чангъ еще не сдавался и далъ рѣшительную битву. Гуан-Юй, подкрѣпленный императорскими войсками, подъ начальствомъ знаменитаго генерала въ китайской исторіи, Цзао-Цзао, разбилъ Чанга въ этой битвѣ, и самъ онъ палъ. Страна стала умиротворяться; Гуанъ-Юй быстро возвышался, но возбудилъ къ себѣ зависть въ генералѣ Цзао-Цзао, который задумалъ отложиться отъ императора и захватилъ въ плѣнъ хитростью Гуан-Юй. Начались снова по всей странѣ мятежи и возстанія. Но Гуан-Юй, оставаясь по прежнему вѣрнымъ и преданнымъ императору, успѣлъ бѣжать изъ плѣна и снова началъ энергичную борьбу съ

мятежниками. Счастье ему, однако, на этотъ разъ измѣнило. Онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Гуан-Юй было въ это время 58 лѣтъ, и послѣднія десять лѣтъ его жизни прошли въ непрерывной войнѣ за императора, которому онъ оставался неизмѣнно вѣренъ. За свою вѣрность память его пользовалась у всѣхъ китайскихъ императоровъ громаднымъ почетомъ, а среди народа онъ сталъ славиться какъ защитникъ правды, другъ ученыхъ и покровитель торговли. Впослѣдствіи въ лицѣ Гуан-Юй олицетворяли довѣріе и честь. Онъ признанъ безсмертнымъ покровителемъ войска, какъ богъ войны, въ 1594 г. по Р. Х., по слѣдующему поводу. Нурхаци-ханъ, основатель нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи, еще до завоеванія Китая отправилъ въ Пекинъ посольство къ китайскому императору—просить, чтобы императоръ прислалъ ему изображеніе какого-нибудь бога. Китайскій императоръ послалъ Нурхаци-хану изображеніе Гуан-Юй. Въ лицѣ присланнаго изображенія Нурхаци усмотрѣлъ сходство съ лицомъ своего отца и призналъ божествомъ, присоединивъ вмѣсто имени „Юй“ слово „ди“, что значитъ: божество, властелинъ. Съ завоеваніемъ Китая манчжурами, Гуан-ди сталъ считаться покровителемъ всего сѣвернаго Китая и патрономъ царствующей династіи. День рожденія Гуан-ди торжественно празднуется 24-го дня шестой луны, т.-е. въ іюлѣ мѣсяцѣ. Уваженіе къ личности Гуан-ди такъ велико, что ни одинъ китаецъ не осмѣливается громко произнести его имя, равно какъ имя Конфуція, чтобы не осквернить ихъ память звукомъ своего голоса. Когда нужно назвать имя Конфуція, то китайцы говорятъ или „Великій учитель“, или просто „Онъ“, а когда нужно назвать Гуан-ди, то говорятъ „лао-е“, т.-е. господинъ, властелинъ.—Съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни явилось необходимымъ отмѣтить счастье, чины и долголѣтіе. Явилось поэтому новое божество—Фу лу-шоу. Фу представляется молодымъ человѣкомъ съ ребенкомъ; Лу представляетъ собою мандарина, а Шоу—старика съ большой головой и продолговатымъ черепомъ. Принадлежностями Шоу являются персикъ, вѣеръ, книга, трость, тыквенная горлянка, а иногда присоединяются еще аистъ, черепаха и змѣя. Все это служитъ у китайцевъ символомъ долголѣтія. Очень часто старца Шоу изображаютъ вмѣстѣ съ оленемъ и летучей мышью.

Всѣ народныя празднества китайцевъ соединены всегда съ какимъ-либо преданіемъ, миѳомъ или воспоминаніемъ о какой-либо легендарной личности. Въ числѣ наиболѣе распространенныхъ празднествъ находится праздникъ Драконовой лодки—

Дуань-у, совершаемый 5-го числа пятой луны (въ маѣ мѣсяцѣ). Этотъ праздникъ особенно распространенъ въ южныхъ провинціяхъ Китая, и объясняютъ его происхожденіе ученые китайцы слѣдующимъ образомъ. Въ 299 году до Р. Хр. знаменитый поэтъ Цзюэ-пинъ бросился въ рѣку И-ло-цзянъ съ камнемъ на шеѣ и утонулъ. Населеніе области, въ которой онъ жилъ, сильно горевало о потерѣ любимаго поэта и, свято храня его память, стало приносить жертвы своему погибшему любимцу, бросая въ рѣку трубочки бамбука, заполненныя вареннымъ рисомъ и обвитыя разноцвѣтными шелками, чтобы предохранить рисъ отъ похищенія его рыбами. Мало-по-малу это мѣстное чествованіе памяти поэта распространилось по сосѣднимъ областямъ и сдѣлалось народнымъ праздникомъ, во время котораго совершаются гонки на разукрашенныхъ лодкахъ. Въ Пекинѣ нѣтъ этого праздника, но время съ 1-го и по 5-ое число мая посвящено празднованію пяти ядовитыхъ пресмыкающихся „у-ду-жи“. По народному вѣрованію, въ эти дни бродятъ по землѣ ядовитыя пресмыкающіяся, злые духи и вообще всякая нѣчисть. Ядовитыя пресмыкающіяся—змѣя, ящерица, жаба, скорпіонъ и стоножка. О змѣяхъ и ящерицахъ существуетъ у разныхъ народовъ и до сего дня много повѣрій. Камчадалы считаютъ ящерицъ за развѣдчиковъ, которыхъ посылаетъ подземный владыка на землю, чтобы они извѣстили его, какому человѣку настало время умереть. На основаніи этого повѣрья камчадалъ убиваетъ ящерицу, какъ только увидитъ ее. Латыши въ лифляндской губерніи глубоко убѣждены, что ящерица оживляетъ убитыхъ змѣй. Китайцы вѣрятъ, что жаба обладаетъ способностью дыханіемъ своимъ высасывать силу человѣка. Стоножки китайцы страшно боятся, такъ какъ убѣждены, что она можетъ сонному человѣку влѣзть въ ухо, пройти въ мозгъ и, поселясь въ немъ, будетъ питаться мозгомъ человѣка. Змѣя также, по ихъ убѣжденію, можетъ вползти въ ротъ человѣка и животныхъ и жить въ желудкѣ. Чтобы предохранить себя отъ всего этого зла, въ каждомъ китайскомъ домѣ вѣшаются тѣ благодѣтельныя для здоровья человѣка растенія, о которыхъ уже было говорено, а затѣмъ на дверяхъ написываютъ заклинанія и изображенія Чжун-Гуя и Тянь-ши (небесный учитель). Чжун-Гуй изображается въ видѣ старика съ краснымъ отъ гнѣва лицомъ и приподнятой ногой. Принадлежностью его служатъ мечъ и летучая мышь, которую онъ гонитъ въ домъ. Летучая мышь—символъ счастья, причемъ здѣсь подтверждается еще разъ любовь китайцевъ—отвлеченныя понятія запечатлѣвать на видимыхъ предметахъ. Фу—летучая мышь, и фу—счастье. О личности Чжун-Гуя

китайскія преданія говорятъ, что жилъ онъ во времена Танской династіи, между 618—907 г.; наружность имѣлъ крайне безобразную, былъ ученымъ и добивался получить ученую степень, но не былъ удостоенъ ея полученія и умеръ, разгнѣванный этимъ. Китайцы глубоко вѣрятъ, что Чжун-Гуй поѣдаетъ злыхъ духовъ.

Тянь-ши назывался первоначально Чжанъ-дао-линь и, по китайскимъ преданіямъ, родился въ 34 году по Р. Хр. Онъ славился огромною ученостью и познаніями силъ природы. Когда ему было болѣе 60 лѣтъ отъ роду, онъ изобрѣлъ большую „драконово-тигровую пилюлю", принявъ которую—помолодѣлъ сразу на 30 лѣтъ. Изображается Тянь-ши всегда съ слѣдующими принадлежностями: мечъ съ семью звѣздами; коробочка, испаренія изъ которой уничтожаютъ злыхъ духовъ; книги, печать, бѣлый левъ и лазоревый драконъ. Всѣ эти вещи имѣютъ значеніе для объясненія дѣятельности Тянь-ши, который совершилъ на землѣ рядъ подвиговъ на пользу человѣчества. Такъ, въ одномъ мѣстѣ бѣлый тигръ любилъ пить человѣческую кровь, и населеніе вынуждено было разъ въ году убивать для тигра человѣка изъ своей среды. Тянь-ши наложилъ запрещеніе на тигра и освободилъ населеніе. Въ другой мѣстности жилъ громадный драконъ, который своимъ дыханіемъ отравлялъ всѣхъ проходящихъ мимо. Тянь-ши наложилъ запрещеніе и на дракона. Тянь-ши является главнымъ учителемъ даосовъ. Въ описаніи жизни Тянь-ши они разсказываютъ, что основатель даосизма, Лао-цзы, прислалъ въ 142 году Тянь-ши книги, два меча и печать. Изъ книгъ и при помощи мечей онъ и научился укрощать злыхъ духовъ. Подъ конецъ своей жизни Тянь-ши избралъ для постояннаго своего мѣстопребыванія горы Лун-ху-шань (горы дракона и тигра). Здѣсь, на 123 году своей жизни, выпивъ изобрѣтенный имъ эликсиръ безсмертія, онъ вознесся на небо. Даосскія легенды прибавляютъ, что титулъ Тянь-ши, вмѣсто своего человѣческаго имени, Чжонъ-дао-линь получилъ отъ самого властелина неба. Знанія свои, всѣ свои изобрѣтенія и секреты, тайны приготовленія чудесныхъ пилюль и эликсировъ безсмертія Тянь-ши передалъ своему сыну. Сыну же передалъ мечъ и печать, столь страшные для нечистой силы, и приказалъ ему сохранять эти вещи въ своемъ потомствѣ.

Потомки Тянь-ши поселились на горахъ Лунь-ху-шань и стали верховными главами даосской іерархіи; за ея жрецами китайскій народъ признаетъ и до сего дня особое знаніе всякаго волшебства и цѣлебныхъ средствъ, а также особое умѣнье входить въ сношенія съ духами. Вотъ почему даосскіе жрецы поль-

зуются большимъ почетомъ и значеніемъ среди китайцевъ буддистовъ и конфуціанъ. Права потомковъ Тянь-ши на гору Луньху-шань были впослѣдствіи подтверждены императорскимъ декретомъ въ 749 г. по Р. Хр. Званіе Тянь-ши осталось въ потомствѣ и стало переходить преемственно къ одному изъ членовъ фамиліи Чжан-дао-линь. Получившій званіе „Тянь-ши" изъ членовъ рода воплощаетъ въ себѣ, какъ убѣждены всѣ даосы, и душу своего предка. Можно встрѣтить на дверяхъ китайскихъ жилищъ изображеніе только аттрибутовъ Тянь-ши, но его самого нѣтъ.

По воззрѣніямъ китайцевъ тигръ является царемъ животныхъ, такъ какъ льва китайцы мало знаютъ. Тигръ считается животнымъ благороднымъ: онъ не нападаетъ первымъ на человѣка, если только человѣкъ не намѣревается убить тигра. Тигръ, будучи голоднымъ, не ѣстъ пьянаго человѣка, а ожидаетъ его вытрезвленія. Тигръ—страшно долголѣтнее животное: черезъ пятьсотъ лѣтъ вся его шерсть становится бѣлой, а черезъ тысячу лѣтъ у тигра выростаютъ рога. Самое названіе по-китайски льва словомъ „ши" многіе считаютъ заимствованнымъ съ персидскаго имени этого животнаго—„ширъ". Во время этихъ праздничныхъ дней родственники и друзья посѣщаютъ другъ друга съ поздравленіями, а также посылаютъ другъ другу подарки, состоящіе изъ вина, плодовъ, различныхъ съѣстныхъ блюдъ, посвященныхъ празднику, изъ которыхъ главное мѣсто занимаютъ небольшіе треугольники изъ густо свареннаго риса съ сахарнымъ тростникомъ. Это, быть можетъ, составляетъ остатокъ драконоваго праздника.

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ.

ФИНАНСОВЫЕ УСПѢХИ ИТАЛІИ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

По пути изъ Франціи въ Италію, въ концѣ августа настоящаго года, мнѣ хотѣлось на границѣ, въ „Ventimiglia“, размѣнять французское золото на итальянскія бумажныя лиры. Лира и франкъ номинально равноцѣнны. Мнѣ предложили у мѣнялы желѣзно-дорожнаго вокзала за сто франковъ золотомъ всего сто лиръ и тридцать сантимовъ. Я отказался, увѣренный, что далѣе найду болѣе выгодныя условія. На другой день, въ Генуѣ, гдѣ ночевалъ, вынужденный запастись мѣстными деньгами, я получилъ всего сто лиръ и пятнадцать сантимовъ за сто франковъ золотомъ. Привыкшій, въ чуть не ежегодныя мои посѣщенія Италіи, получать гораздо болѣе, какъ, напримѣръ, въ сентябрѣ прошлаго года, почти шесть процентовъ приплаты при промѣнѣ золота на бумажныя итальянскія деньги, я очень заинтересовался такимъ высокимъ ихъ курсомъ. Съ помощью многихъ старыхъ знакомыхъ, встрѣченныхъ въ „Viareggio“, гдѣ я поселился, мнѣ удалось собрать необходимыя свѣдѣнія и кое-какіе документы. Надѣюсь, результатъ моего, пожалуй, поверхностнаго изслѣдованія будетъ интересенъ для русскаго читателя [1]).

Въ истекшее десятилѣтіе итальянскія рента и другія бумаж-

[1]) Объ этомъ же предметѣ была помѣщена недавно въ „Вѣстникѣ Европы“ (августъ, 1902) статья Г. Э. Франкенштейна: „Экономическое пробужденіе Италіи“.

ныя цѣнности покупались на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ все въ болѣе увеличивающемся размѣрѣ самой Италіей, то-есть итальянскими сбереженіями. Въ биржевыхъ сферахъ говорятъ, что за десять лѣтъ такихъ бумагъ было переведено въ Италію на сумму около *четырехъ милліардовъ франковъ.* Точное опредѣленіе такой цифры, разумѣется, было бы интересно; но врядъ ли оно имѣетъ существенное значеніе въ данномъ случаѣ, при разсмотрѣніи факта повышенія курса бумажныхъ итальянскихъ денегъ. Важно положеніе итальянской ренты на заграничномъ денежномъ рынкѣ и сколько-нибудь значительная ея покупка Италіей, такъ какъ послѣдняя находится въ тѣсной связи съ курсомъ итальянскихъ денегъ. Очевидно, что итальянецъ—лицо или учрежденіе—для покупки за границей билета ренты или какой-либо вещи можетъ употребить только тѣ деньги, какими пользуется, т.-е. бумажныя, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ цѣнятся за границей, т.-е. по курсу ихъ. Какъ курсъ всякихъ денегъ, даже металлическихъ, такъ и цѣнность самыхъ крѣпкихъ бумагъ, подвергаются на денежномъ рынкѣ мелкимъ колебаніямъ, вслѣдствіе отношенія между спросомъ и предложеніемъ, измѣняющагося чуть не ежедневно въ ничтожныхъ размѣрахъ. Важны не дробныя измѣненія въ ту или другую сторону, а коренная, такъ сказать, цифра оцѣнки. Перечислять всѣ итальянскія бумаги, обращающіяся на иностранныхъ биржахъ, значило бы скорѣе затемнять общій вопросъ кредита страны, такъ какъ не всѣ бумаги имѣютъ одинаковыя основанія доходности; притомъ, пришлось бы имѣть дѣло съ порядочнымъ количествомъ разнородныхъ цѣнностей;—потому ограничусь итальянской пятипроцентной рентой и только на одной парижской биржѣ, очень заинтересованной въ иностранныхъ, не-французскихъ бумажныхъ цѣнностяхъ. Кстати, недавно въ итальянскихъ спеціальныхъ газетахъ было опубликовано, что во Франціи нынѣ помѣщено такихъ цѣнностей всего на тридцать милліардовъ франковъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: русскихъ—на 9.966 милліоновъ, испанскихъ—на 2.974 милл., австрійскихъ—на 2.850 милл., итальянскихъ—на 1.430 милл., и остальное падаетъ чуть не на всѣ государства въ мірѣ, въ гораздо меньшемъ размѣрѣ на каждое. Чтобы доказать связь итальянской ренты съ курсомъ итальянскихъ же бумажныхъ денегъ, возьмемъ цѣну этой ренты въ такой-то день въ Парижѣ и въ Италіи; а также и курсъ того дня. Беру 6 (19) сентября, на которомъ я остановился, дѣлая подсчеты. Въ этотъ день на парижской биржѣ рента котировалась 102—80; а на внутреннихъ итальянскихъ—

103—20. Курсъ же значился 35—40 сант. Разница въ цѣнѣ ренты почти математически-очевидно зависитъ отъ цѣны денегъ, посредствомъ которыхъ эта рента покупается. Мѣнялы, производящіе свои операціи съ мелкими суммами, руководствуются биржевымъ бюллетенемъ, но измѣняютъ его въ ту или другую сторону согласно тому, чтò выгоднѣе для нихъ: увеличить или уменьшить существующій курсъ. Вполнѣ понятно, что и мелкій размѣнъ—услуга, имѣющая право на вознагражденіе, которое при существующей конкурренціи преувеличеннымъ быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ, колеблющійся около $1/3\%$, можно признать достигшимъ равноцѣнности металлической валюты.

Итальянская рента номинально пяти-процентная; въ дѣйствительности же она даетъ только четыре процента дохода владѣльцу ея. Уже давно итальянское правительство обложило свою ренту двадцати-процентнымъ налогомъ; а 20% съ пяти оставляетъ владѣльцу ренты тольке четыре. При этомъ надо еще считаться съ курсомъ. Первоначально итальянское правительство, помѣстивъ свою ренту, преимущественно, на парижскомъ денежномъ рынкѣ, обязалось уплачивать проценты по ней, внѣ Италіи, франками, т.-е. золотомъ, а внутри ея—существующими въ государствѣ деньгами. Корреспонденты итальянскаго правительства за границей уплачивали и уплачиваютъ проценты золотомъ только по представленіи самихъ билетовъ и удостовѣренія (affidavit), что эти билеты принадлежатъ лицу, живущему за границей. Въ самой Италіи процентные купоны ренты уплачиваются мѣстными бумажными деньгами безъ всякихъ затрудненій. Казалось бы, что одинъ только способъ уплаты процентовъ въ дѣйствительности четырехъ-процентной итальянской ренты не долженъ былъ способствовать ея возврату въ отечество. Во всякомъ же случаѣ такой возвратъ не долженъ былъ содѣйствовать повышенію курса итальянскихъ бумажныхъ денегъ. Однако, мы видимъ параллельно идущими оба явленія. Къ слову сказать, наша русская четырехъ-процентная рента котируется на биржахъ гораздо ниже итальянской и врядъ-ли можно желать повышенія ея цѣнности. Теперь ея сравнительно высокая доходность привлекаетъ покупателя; съ уменьшеніемъ же таковой, при малѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ послѣдовать массовое ея предложеніе на денежномъ рынкѣ, чтò неминуемо поведетъ къ непріятнымъ финансовымъ осложненіямъ.

Еще прошлой зимой итальянскіе сенатъ и палата депутатовъ разрѣшили министерству произвести конверсію желѣзно-

дорожныхъ облигацій на сто-шестьдесятъ милліоновъ лиръ. Министерство оффиціально еще не приступило къ этой конверсіи, и условія выпуска новыхъ трехъ-съ половиной-процентныхъ облигацій оффиціально также еще неизвѣстны; однако биржевая спекуляція занялась этой несуществующей бумагой и сдѣлки съ нею все увеличивались и увеличиваются. Теперь цѣна ихъ колеблется около 97. Хотя всюду принято говорить и писать противъ биржевой спекуляціи, а также требовать ея обузданія всякими мѣрами, но такое обобщеніе врядъ ли вѣрно и справедливо. Несомнѣнно, биржевая игра, основанная на фальшивыхъ свѣдѣніяхъ, которыми привлекается и увлекается легковѣрная публика,—вредна, но это—обманъ, такъ или иначе всюду предусмотрѣнный, преслѣдуемый и наказуемый уголовнымъ порядкомъ [1]. Спекуляція же, основанная на правильномъ разсчетѣ выгодности того или другого задуманнаго предпріятія, или выпуска бумажныхъ цѣнностей,—скорѣе полезна. Это своего рода авангардъ, разъясняющій и расчищающій путь для арміи лицъ, ищущихъ помѣщенія для своихъ сбереженій. Чѣмъ многочисленнѣе эта армія, тѣмъ важнѣе роль ея авангарда. Въ биржевыхъ кругахъ Парижа и Италіи много высказываютъ положительнаго, а то и предположеннаго о томъ содѣйствіи, которое оказываетъ итальянское правительство выгодности предположенной конверсіи. Очень можетъ быть и даже весьма вѣроятно, что итальянское правительство сдѣлало и дѣлаетъ все ему доступное для улучшенія условій предпринимаемой имъ финансовой операціи; но оно безсильно создать основаніе этихъ условій. Несомнѣнно, для всякой финансовой операціи, какъ правительственной, такъ и частной, требуются спеціальныя знанія и умѣнье ими пользоваться, но въ тѣсныхъ предѣлахъ той почвы, на которой эти знанія и это умѣнье должны примѣняться. Никакой, самый искусный финансистъ не создаетъ такой почвы, а только болѣе или менѣе успѣшно пользуется той, на которой проявляетъ свою дѣятельность. Не министерство Занарделли уничтожило курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ и повысило ренту; курсъ понемногу таялъ, а рента постепенно повышалась давно. Вмѣшательство правительства въ искусственное направленіе обоихъ явленій должно быть крайне

[1]) Статья 413 итальянскаго уголовнаго кодекса гласитъ: „Кто невѣрными или искусственными способами, могущими обмануть или ввести въ заблужденіе чужое убѣжденіе (buona fede), и тѣмъ вводя кого-либо въ невѣрное понятіе, доставляетъ себѣ или другимъ несправедливый барышъ, причиняющій другому убытокъ, наказуется тюремнымъ заключеніемъ до трехъ лѣтъ и пеней выше ста лиръ". При далѣе поименованныхъ обстоятельствахъ заключеніе можетъ быть увеличено до пяти лѣтъ.

осторожное; иначе оно можетъ нарушить естественное дальнѣйшее развитіе естественнаго ихъ положенія. Всякая искусственность, вносимая въ экономически-финансовыя отношенія, рѣдко бываетъ прочна. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ предположенная конверсія настолько выгодна для правительственныхъ финансовъ, что успѣхъ ея долженъ благотворно подѣйствовать и на общія финансовыя сношенія Италіи, и тѣмъ—на дальнѣйшее ея экономическое развитіе.

Всѣ первоклассныя европейскія государства нынѣ болѣе или менѣе изнываютъ подъ тяжестью непосильнаго обложенія для удовлетворенія ихъ политическихъ потребностей—Италія, пожалуй, болѣе другихъ. Переставъ быть только географическимъ выраженіемъ, ей пришлось потратиться, чтобы быть утвержденной въ чинѣ первоклассной державы,—а затѣмъ и продолжать значельные расходы, чтобы сохранить достигнутое положеніе. Въ общемъ, экономическая жизнь населенія въ главныхъ европейскихъ государствахъ стала трудною. Безспорно настоящій, небывалый прогрессъ техники всякаго рода облегчаетъ, или, скорѣе, можетъ облегчать тягость этой жизни, но подъ условіемъ, чтобы этотъ прогрессъ былъ легко и свободно доступенъ для каждаго. Только одинъ частный и общественный починъ, не встрѣчающій ни малѣйшаго затрудненія или препятствія къ полному проявленію своей дѣятельности, можетъ улучшить частную и общественную жизнь, а при такомъ улучшеніи тягость правительственнаго обложенія становится, разумѣется, легче. Несомнѣнно, всякое сокращеніе правительственныхъ расходовъ, уменьшая стягиваніе средствъ страны въ правительственныя кассы и оставляя ихъ больше для свободнаго ея пользованія, облегчаетъ ходъ ея экономическаго развитія; но не всегда это возможно. Во всякомъ случаѣ, увеличеніе такого стягиванія также невозможно въ Италіи, гдѣ общественное мнѣніе имѣетъ, такъ сказать, оффиціальный авторитетъ. Итальянское правительство не можетъ постоянно искусственно поддерживать какъ курсъ своихъ бумажныхъ денегъ, такъ и высокую стоимость своей ренты, такъ какъ обѣ эти операціи потребовали бы значительныхъ средствъ, а слѣдовательно и расходовъ, скрыть которые—немыслимо. Въ Италіи есть парламентъ, а въ немъ оппозиція, которая зорко слѣдитъ за дѣятельностью находящагося во власти министерства. Я упоминалъ о вѣроятности расходовъ при предположенной конверсіи, но всякая такая операція всегда связана съ расходами въ томъ или другомъ видѣ. Другое дѣло—постоянное, весьма рискованное вмѣшательство въ частныя сдѣлки съ

рентой, или деньгами, хотя бы съ благонамѣренной цѣлью. Такую операцію скрыть невозможно; да ея и не было въ продолженіе времени, предшествовавшаго упомянутой конверсіи. Слѣдовательно, надо признать, что повышеніе стоимости итальянской ренты, а также постепенное улучшеніе курса итальянскихъ бумажныхъ денегъ, шли естественнымъ путемъ. Въ такомъ случаѣ эти явленія представляютъ собою весьма убѣдительное доказательство, что Италія, какъ страна, пріобрѣла самостоятельную кредитоспособность помимо своего правительства, бюджетъ котораго блестящимъ уже никакъ названъ быть не можетъ. Постараемся выяснить, насколько возможно, есть ли у Италіи прочное основаніе для такой кредитоспособности.

Обыкновенно принято выводить заключеніе объ экономическомъ положеніи данной страны на основаніи торговаго ея баланса. Мнѣ кажется, что денежные знаки—только способъ обмѣна всякихъ произведеній, имѣющій незначительное вліяніе на самый обмѣнъ, и потому не отъ ихъ количества преимущественно зависитъ благосостояніе большинства населенія всякой страны. Если мнѣ невозможно получить за мой трудъ или за мои произведенія достаточно для моей жизни,—какое мнѣ утѣшеніе, что у сосѣда въ столѣ заперты мѣшки съ золотомъ, имѣющимъ всюду одинаковую цѣнность? Впрочемъ, мои экономическія воззрѣнія ни для кого не интересны; притомъ, въ данномъ случаѣ, торговый балансъ имѣетъ безспорно значеніе. Мы говоримъ о покупкахъ Италіи за границей своей ренты въ связи съ ея же бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ. Дома, у себя, Италія за все получаетъ бумажныя деньги; покупая же что-либо за границей—будь это рента или что̀ другое, она для этого должна сначала обратить свои деньги въ такія, которыя имѣютъ всюду одинаковую цѣнность, т.-е. золото. Доискиваясь, откуда Италія черпаетъ свои средства для заграничныхъ покупокъ своей ренты, мы видимъ, что торговый балансъ пріобрѣтаетъ серьезное значеніе именно потому, что, несмотря на такія покупки, итальянскія бумажныя деньги не только не понижаются въ своей цѣнѣ, но повышаются. Вотъ торговый балансъ Италіи за послѣдніе три года, т.-е. 1899, 1900 и 1901, въ итальянскихъ лирахъ. Къ слову сказать,—для бо̀льшей достовѣрности, я его добылъ изъ итальянскаго министерства финансовъ.

	Ввозъ.	Вывозъ.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.
1899 г. . . .	1.512.090.888	1.447.262.298	64.828.590
1900 г. . . .	1.707.480.065	1.354.799.753	352.680.312
1901 г. . . .	1.729.364.408	1.390.844.096	338.470.312

Торговый балансъ состоитъ изъ семнадцати категорій (такъ онѣ названы), и было бы очень интересно разобрать каждую изъ нихъ, но это вышло бы за предѣлы настоящей статьи; а потому остановлюсь только на послѣдней, семнадцатой — драгоцѣнные металлы (metalli preziosi); эта категорія обыкновенно не помѣщается въ правительственныхъ публикаціяхъ торговаго баланса, а приводится отдѣльной статьей, и потому заслуживаетъ вниманія. Вотъ она:

	Ввозъ.	Вывозъ.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.
1899 г.	5.529.700	15.845.900	10.316.200 лиръ ит.
1900 г.	7.244.400	16 553.500	9.309.100
1901 г.	11.758.700	16.369.200	4.616.500

Значительное повышеніе ввоза и уменьшеніе вывоза въ 1900 г., сравнительно съ предъидущимъ 1899 г., увеличило превышеніе перваго надъ вторымъ болѣе чѣмъ въ пять разъ. Эта цифра поражаетъ своей величиной, и она должна была имѣть подавляющее вліяніе на курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ, какъ въ 1900 г., такъ и въ слѣдующемъ 1901 г., въ которомъ торговый балансъ весьма незначительно поправился въ пользу Италіи. Курсъ, однако, въ это время ничего особеннаго собою не представлялъ, и, какъ я уже говорилъ, въ сентябрѣ прошлаго 1901 года онъ не превышалъ шести процентовъ, что̀ крайне тяжкимъ уже никакъ назвать нельзя. Въ то же время покупка Италіей своей ренты за границей нисколько не останавливалась, а цѣна ренты росла постепенно. Не принимая въ разсчетъ тѣхъ денегъ, которыя Италія посылала за границу для покупки своей ренты, остановимся только на торговомъ балансѣ. Несомнѣнно, что если Италія не могла покрыть покупаемыя ею за границей необходимыя ей произведенія своими, за границу продаваемыми, то разницу она должна уплатить деньгами, имѣющими тамъ безпрепятственный ходъ и опредѣленную, постоянную стоимость, а такъ какъ у нея такихъ не имѣлось въ общемъ обращеніи, то — своими бумажными деньгами по ихъ курсу за границей. Болѣе трехсотъ милліоновъ въ годъ — сумма далеко не маловажная. Откуда же Италія брала или могла брать средства для такой расплаты? Вопросъ очень интересный. Постараемся его разъяснить, насколько это возможно въ бѣгломъ очеркѣ.

Принято указывать, что масса иностранцевъ, посѣщающихъ Италію, тратятъ въ ней привозимыя ими деньги, что̀, въ общей сложности, составляя изрядную сумму, даетъ странѣ значи-

тельную выгоду въ ея международномъ денежномъ обращеніи. Дѣйствительно, благодаря удешевленнымъ, такъ называемымъ циркулярнымъ, желѣзнодорожнымъ билетамъ (billet circulaire), а также удешевленію жизни въ гостиницахъ, благодаря конкурренціи между ними, количество путешественниковъ по Италіи изъ года въ годъ увеличивается. Несомнѣнно, расходы туристовъ представляютъ собою своего рода внутренній сбытъ мѣстныхъ произведеній иностраннымъ государствамъ въ лицѣ ихъ пріѣзжихъ представителей. Несомнѣнно также, что нѣкоторая часть населенія итальянскихъ городовъ, преимущественно привлекающихъ путешественниковъ, живетъ и, пожалуй, благоденствуетъ отъ ихъ расходовъ, но такіе, какъ, напримѣръ, Генуя, Миланъ, Туринъ, да и многіе другіе—въ своемъ значительномъ наглядномъ ростѣ обязаны уже никакъ не туристамъ, а преимущественно, и даже исключительно, развитію въ нихъ промышленности и торговли. Во Франціи и въ самомъ Марселѣ, гдѣ я былъ прежде Италіи, я только слышалъ жалобы, что конкурренція Генуи постепенно и все болѣе убиваетъ торговую дѣятельность главнаго порта на югѣ Франціи, т.-е. Марселя. Наконецъ, посѣщеніе туристами Италіи существовало издавна. Нашъ великій Гоголь провелъ не одну зиму въ Римѣ, и не онъ одинъ. Отчасти Италія, т.-е. нѣкоторые излюбленные въ ней города, давно жили на счетъ иностранцевъ (forestieri); но прежде иностранцы жили подолгу въ Италіи, теперь же значительное ихъ большинство только проѣзжаетъ по ней. Несомнѣнно, путешествіе по Италіи демократизировалось, и количество путешественниковъ по ней значительно возросло и ростетъ, но количество денегъ, оставляемыхъ ими въ странѣ, врядъ-ли значительно превышаетъ то, что̀ проживали въ ней прежніе осѣдлые посѣтители. Безспорно, деньги туристовъ играютъ видную роль въ международномъ денежномъ обращеніи Италіи, но самое поверхностное знакомство съ экономическимъ развитіемъ сѣверной Италіи и нѣкоторой части средней ясно указываетъ,—что также безспорно не туристы создали увеличившуюся и окрѣпшую кредитоспособность самой страны. Опредѣлить точный размѣръ общей суммы, оставляемой ежегодно иностранцами въ Италіи, невозможно. Приходится предположительно опредѣлять ежедневный, средній расходъ туриста и помножить его на число дней, проведенныхъ имъ, въ среднемъ, въ путешествіи, и затѣмъ помножить полученное на число путешественниковъ, взявшихъ упомянутые мною спеціальные желѣзнодорожные билеты. Цифра, полученная отъ

такого вычисленія, будетъ, однако, безусловно невѣрна. Много иностранцевъ не пользуется такими билетами; а вмѣстѣ съ тѣмъ много итальянцевъ, въ разъѣздахъ по дѣламъ, берутъ круговые билеты, которые въ высшей степени разнообразны. Самое основаніе разсчета, т.-е. точное количество путешественниковъ по Италіи, невозможно опредѣлить, а затѣмъ и самый разсчетъ дѣлается въ высшей степени гадательнымъ и невѣрнымъ. Говорятъ, что ежегодно иностранцы оставляютъ въ Италіи не менѣе ста милліоновъ франковъ. Такая цифра является довольно правдоподобной, но ею покрывается менѣе трети переплаты Италіи по ея торговому балансу.

По свѣдѣніямъ, встрѣчаемымъ въ печати, а также по разсказамъ, итальянскіе эмигранты—почти исключительно рабочій народъ. Получая рабочую плату за границей менѣе, чѣмъ мѣстные жители, итальянцы живутъ крайне экономно и умудряются присылать или привозить домой порядочныя деньги, которыя, въ общей сложности, составляютъ значительную сумму. По характеру эмиграціи трудно опредѣлить общее количество переселенцевъ, вслѣдствіе коренного ея различія. Изъ сѣверной Италіи переселеніе рабочихъ направляется небольшими партіями въ Швейцарію и особенно во Францію, и совершается по желѣзнымъ дорогамъ, внѣ правительственнаго контроля. Изъ южной Италіи переселеніе, напротивъ, гуртовое идетъ все на пароходахъ бо̀льшею частью въ Сѣверную и Южную Америку, а также, очень немного, въ Тунисъ. Тутъ подсчетъ переселенцевъ, уѣзжающихъ на пароходахъ, вполнѣ возможенъ, такъ какъ правительство за этимъ переселеніемъ строго наблюдаетъ, вслѣдствіе громадной смертности, бывшей между переселившимися въ Бразилію. Эмиграція въ эту страну почти совершенно прекратилась не отъ правительственнаго вмѣшательства, а вслѣдствіе удешевленія кофе на европейскихъ рынкахъ. Приманки, при прежнихъ цѣнахъ на кофе, составить себѣ въ два, три года состояніе—уже не было, а безъ нея рисковать жизнью на трудной работѣ въ бразильскихъ кофейныхъ плантаціяхъ не было никакого основанія. Нынѣ два главныхъ пути итальянской эмиграціи на пароходахъ—Нью-Іоркъ и Аргентинская республика. Характеръ переселенцевъ различенъ, сообразно съ мѣстомъ назначенія. Въ Сѣверной Америкѣ итальянцы очень рѣдко акклиматизируются и остаются тамъ. Не болѣе семи—десяти процентовъ дѣлается американцами; бо̀льшая же часть ѣдетъ, въ концѣ зимы, на желѣзнодорожныя и полевыя работы, и, по окончаніи ихъ, возвра-

щается, къ началу зимы, домой. Изъ отправляющихся же въ Аргентину болѣе половины—или на долго, или совсѣмъ остаются тамъ. Итальянская колонія въ Аргентинѣ уже давно значительна, и все болѣе увеличивается не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ. Нынѣ тамъ видную часть мѣстнаго населенія составляютъ такъ называемые Icos de Italianos (ico—сынъ; icos—множественное, сыновья), происходящіе отъ браковъ итальянцевъ съ мѣстными женщинами. Собственно въ Тунисъ, по правительственнымъ сообщеніямъ, выѣхало переселенцевъ въ первые шесть мѣсяцевъ настоящаго года нѣсколько менѣе десяти тысячъ душъ. Тамъ также издавна существовала итальянская колонія, и она увеличивается, но менѣе, чѣмъ въ Аргентинѣ.

Прежде всего постараемся выяснить, сколько можетъ выработать эмигрантъ-рабочій во время пребыванія своего внѣ своего отечества, а слѣдовательно, сколько, приблизительно, онъ могъ бы выслать или привезти домой. Изъ собранныхъ мною свѣдѣній наиболѣе типичными и вѣрными мнѣ показались тѣ, которыя я получилъ отъ стараго моего знакомаго, Е. С., лейтенанта итальянскаго флота, командированнаго правительствомъ сопровождать партію въ 2.400 переселенцевъ изъ Неаполя въ Нью-Іоркъ, на пароходѣ „Сѣверо-германскаго Ллойда“, „Неккеръ“, въ прошлую зиму. Постараюсь передать какъ можно короче сдѣланныя нами вычисленія.

Какъ я уже упоминалъ, итальянскіе эмигранты ѣдутъ въ Сѣверную Америку преимущественно на полевыя и желѣзнодорожныя работы, которыя продолжаются и могутъ продолжаться около шести мѣсяцевъ. Возьмемъ за основаніе сто-восемьдесятъ рабочихъ дней, за которые въ Америкѣ, въ среднемъ, платятъ по доллару въ день. Долларъ—это пять итальянскихъ лиръ. Предположимъ, что средній рабочій будетъ достаточно питаться и жить сколько-нибудь сносно. Такое содержаніе, при нелегкой работѣ, является необходимостью, и оно въ Америкѣ стòитъ не менѣе двухъ лиръ въ день. Слѣдовательно, у рабочаго ежедневно остается въ экономіи три лиры, чтò, за 180 дней, составитъ 540 лиръ. По существующему соглашенію итальянскаго правительства съ правительствомъ сѣверо-американскихъ штатовъ, въ Италіи къ переселенію въ Сѣверную Америку допускаются лишь такія лица, которыя, помимо уплаты стоимости пароходнаго билета, имѣютъ при себѣ достаточно средствъ, чтобы прожить на мѣстѣ назначенія нѣкоторое время, до полученія работы. На „Неккерѣ“, пароходѣ въ десять тысячъ тоннъ вмѣстимости, по-

мѣщеніе и содержаніе переселенцевъ было безукоризненное, но билетъ третьяго класса изъ Неаполя въ Нью-Іоркъ стоилъ 185 лиръ. На другихъ пароходахъ, приспособленныхъ для эмигрантовъ итальянскихъ, англійскихъ, французскихъ и австрійскихъ, стоимость такого билета дешевле, и потому въ дальнѣйшемъ вычисленіи мы ограничимся только стоимостью билета третьяго класса на „Неккерѣ“, не принимая въ разсчетъ той скудной суммы, которую требуется имѣть въ карманѣ на мѣстѣ назначенія. Разъ эмигрантъ можетъ предпочитать „Сѣверо-германскій Ллойдъ“ другимъ компаніямъ, это уже обозначаетъ нѣкоторое довольство. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что итальянскіе эмигранты, какъ по личному опыту, такъ и по опыту родныхъ и знакомыхъ, прекрасно поняли, что, экономничая на пароходномъ билетѣ, рискуешь здоровьемъ во время продолжительнаго морского путешествія, а слѣдовательно и работоспособностью. Изъ 2.400 человѣкъ, отправившихся на „Неккерѣ“, почти всѣ заявили о своемъ намѣреніи вернуться въ отечество по окончаніи работъ. Это совпадаетъ съ общимъ характеромъ эмиграціи въ Сѣверную Америку, и потому, обобщая вопросъ о частной выручкѣ рабочаго-эмигранта, мы смѣло можемъ вычесть изъ суммы 540 лиръ, сбереженной имъ, стоимость пароходнаго билета въ Америку и обратно, т.-е. 370 лиръ ($185 \times 2 = 370$);—останется 170 лиръ. Вотъ все, что̀ могъ бы такой рабочій привезти домой при благопріятныхъ условіяхъ.

Въ Аргентину, а также въ Тунисъ итальянцы эмигрируютъ скорѣе для поселенія, если не навсегда, то надолго, и бо̀льшею частью или прямо съ семьями, или съ выписываніемъ ихъ впослѣдствіи. При такихъ условіяхъ трудно предположить, чтобы эти переселенцы, особенно въ первое время и затѣмъ ежегодно, присылали въ свое отечество какія-либо опредѣленныя деньги. Эмигрирующіе временно рабочіе по желѣзнымъ дорогамъ во Францію и Швейцарію—какъ количественно, такъ и по части заработка не поддаются учету, — въ послѣднемъ вслѣдствіе самаго характера работы, очень разнообразной. Вообще, итальянецъ очень привязанъ къ своей родинѣ и всегда старается сохранить связь съ ней. Исключенія очень рѣдки. Приблизительно, количество эмигрирующихъ рабочаго класса ежегодно изъ Италіи опредѣляется въ полмилліона душъ, и скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе. По мнѣнію свѣдущихъ лицъ, можно смѣло предположить, что, въ общемъ, сто лиръ съ каждаго изъ нихъ возвращается или присылается на родину. Это составитъ ежегодный приливъ

денегъ въ Италію изъ-за границы въ пятьдесятъ милліоновъ металлическихъ лиръ.

Если приложить полученную сумму въ пятьдесятъ милліоновъ ко сту милл., оставляемымъ туристами въ Италіи, то получится всего сто-пятьдесятъ милліоновъ, составляющихъ менѣе половины приплаты этой страны по ея торговому балансу. Сумма эта, однако, можетъ быть еще нѣсколько увеличена. Количество рабочихъ, эмигрирующихъ ежегодно изъ Италіи, опредѣлено въ полмилліона душъ, на основаніи точныхъ свѣдѣній только относительно отправляющихся на пароходахъ, а именно, въ круглыхъ цифрахъ, вообще въ Америку — 230 тысячъ, а въ Тунисъ — 20 тысячъ. Что же касается до сухопутныхъ эмигрантовъ, то — цифра предположительная. Ихъ, однако, навѣрное болѣе, и они, имѣя менѣе путевыхъ издержекъ, могутъ гораздо болѣе присылать или перевозить денегъ въ свое отечество. Затѣмъ, въ Италіи, въ послѣдніе годы, мелкія бумажныя деньги, въ двѣ и одну лиру, совершенно изъяты изъ обращенія и замѣнены серебромъ, — что̀, несомнѣнно, должно было имѣть вліяніе на повышеніе курса ея денегъ. Вслѣдствіе того, полагаю, можно смѣло прибавить еще пятьдесятъ милліоновъ къ предъидущимъ полуторастамъ. Но и тогда останется болѣе ста милліоновъ, которые Италія должна уплатить по своему торговому балансу деньгами, имѣющими опредѣленную постоянную цѣнность на международномъ денежномъ рынкѣ, т.-е. золотомъ. Откуда же она беретъ это золото, когда добываніе его не имѣется у нея, а денежное ея обращеніе — фидуціарное, бумажное? Какимъ образомъ, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ никогда не былъ чрезмѣрно низкимъ, а въ настоящее время достигъ почти паритета, т.-е. равноцѣнности бумажныхъ денегъ съ металлическими? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ требуетъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія, — пожалуй, мало интереснаго и доступнаго общей читающей публикѣ. Во всякомъ случаѣ, фактъ безспорный, что Италія, какъ страна, развила и укрѣпила свою кредитоспособность, вслѣдствіе увеличенія своего благосостоянія. Правда, только сѣверная Италія представляетъ собою видимое развитіе; южная же, наоборотъ, очень отстала отъ сѣверной; но при возможности широкой личной дѣятельности, несомнѣнно, эта разница исчезнетъ мало-по-малу. Только возможностью широкой частной и общественной дѣятельности можно объяснить пріобрѣтенное нынѣ Италіей весьма успѣшное положеніе на міровомъ денежномъ рынкѣ, несмотря на очень

серьезныя, существенныя препятствія. Такая дѣятельность, крупная и мелкая, не поддается учету; да, наконецъ, не одни эмигранты-рабочіе привозятъ или присылаютъ на родину деньги въ Италіи. Если въ ней общее настоящее финансовое положеніе достигнуто вслѣдствіе производительности одной только части страны,—несомнѣнно, при малѣйшемъ улучшеніи другой, это положеніе еще болѣе упрочится и разовьется.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

Сентябрь, 1902 г.
Viareggio.

ШАТКІЯ ОСНОВЫ

ЭСКИЗЪ

— Wilhelm v. Polenz. „Wurzellocker“, Roman in zwei Bänden.

Окончаніе.

XXIX *).

Фрицъ Бертингъ получилъ отъ Лемфинка извѣстіе, что мать его умерла, и послалъ въ отвѣтъ письмо съ выраженіемъ самаго теплаго участія. Онъ зналъ, какъ его другъ любилъ свою мать, и искренно жалѣлъ его, но скоро это чувство отступило на второй планъ, а на первомъ планѣ остались по прежнему его стихи и Гедвига фонъ-Лаванъ. Онъ шелъ къ ней, выглядывая въ окнахъ цвѣточныхъ магазиновъ наиболѣе причудливую орхидею, чтобы привести въ восторгъ Гедвигу, большую любительницу этихъ цвѣтовъ, какъ вдругъ ему на встрѣчу попалась Альма. Она шла медленно, опустивъ голову, и не видѣла его. Въ первую минуту онъ хотѣлъ юркнуть въ дверь сосѣдняго магазина, чтобы остаться незамѣченнымъ, но ему стало совѣстно, и онъ окликнулъ молодую женщину. Альма вскрикнула отъ неожиданности и, краснѣя все больше и больше, сжимала крѣпко его руку. Еслибы онъ вò-время не отступилъ, то она, вѣроятно, бросилась бы ему на шею среди улицы. Ему было непріятно такое проявленіе влюбленности, точно въ первые дни ихъ знакомства. Онъ пошелъ рядомъ съ нею и спросилъ, куда она шла. Она смутилась и послѣ нѣкотораго колебанія отвѣчала:

---

*) См. выше: ноябрь, 251.

— Я думала о Людвигѣ Глюкѣ. Такъ грустно быть всегда одной съ своими мыслями. Ты вѣдь больше никогда не приходишь. Мнѣ хотѣлось пойти на его могилу. Ему тоже не легко жилось.

При этихъ словахъ, Бертинга охватило острое чувство жалости, но онъ ничего не сказалъ. Они молча шли рядомъ, и онъ, взглядывая сбоку на Альму, увидалъ, какъ она страшно измѣнилась за послѣднее время. Зимняя кофточка, плотно обхватывавшая ея талію, особенно рѣзко подчеркивала все безобразіе ея фигуры. И снова Фрицъ испыталъ невольное чувство физическаго отвращенія, вызываемаго въ немъ ея положеніемъ. Ему казалось, что всѣ прохожіе смотрѣли на нихъ многозначительно и насмѣшливо. Онъ предложилъ ей взять извозчика.

— Но вѣдь и ты со мной поѣдешь, Фрицъ, не правда ли? —спросила Альма такимъ голосомъ, что у Бертинга не хватило духу отказать ей. Ѣхать имъ пришлось долго. Въ экипажѣ Альма тѣсно прижалась къ Фрицу и хотѣла его поцѣловать, но онъ отстранился и, чтобы это движеніе не показалось слишкомъ рѣзкимъ, прибавилъ:

— Ну, ужъ это противъ договора.

Тогда она взяла его руку и прижала къ своей груди. Онъ почувствовалъ, какъ сильно и часто билось ея сердце. Она быстро нагнулась и прижала его руку къ своимъ губамъ. Фрицъ разсердился и сказалъ, что онъ сойдетъ, если она будетъ такъ продолжать. Альма вся съёжилась и робко попросила его открыть окно кареты. Она задыхалась и лицо у нея горѣло. Бертингъ опустилъ обѣ рамы. Былъ печальный зимній день, безснѣжный, но и безсолнечный. Фрицу было тяжело, что онъ сдѣлалъ Альмѣ больно. Онъ избѣгалъ ея взгляда и смотрѣлъ въ окно. Карета медленно подвигалась изъ одной узкой улицы въ другую. Вдругъ дома, окна и вывѣски показались Фрицу особенно знакомыми. Они ѣхали по улицѣ, гдѣ когда-то онъ жилъ съ Альмой. Онъ взглянулъ на нее, чтобы узнать, вспомнила ли она. Альма сидѣла, широко раскрывъ полные слезъ глаза.

— Фрицъ, тамъ... наверху,—произнесла она задыхающимся голосомъ, когда они поровнялись съ домомъ, гдѣ ей столько пришлось пережить.

Она уронила голову ему на плечо и разрыдалась, и онъ не отталкивалъ ее больше.

Пріѣхавъ на кладбище, онъ купилъ вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и передалъ его Альмѣ. Кладбище было ей повидимому хорошо знакомо, и она очень скоро провела Фрица по

лабиринту расходившихся въ разныя стороны дорожекъ къ могильной насыпи съ небольшимъ каменнымъ памятникомъ. На плитѣ стояло имя Людвига Глюка и слова: „До свиданья!". Она вся была обсажена цвѣтами, и видно было, что за могилой съ любовью ухаживали.

Фрицъ невольно подумалъ объ ироніи судьбы, посылавшей несуществующему Людвигу то, что сдѣлало бы его счастливѣйшимъ человѣкомъ при жизни. Альма стала на колѣни и начала молиться, а Бертингъ отошелъ и медленно направился къ выходу. Вскорѣ Альма догнала его. Видъ у нея былъ совсѣмъ другой: успокоившійся, ясный, почти веселый. Она попросила идти назадъ пѣшкомъ, взяла Фрица подъ руку и стала болтать, сообщая ему всѣ подробности своей незатѣйливой жизни. Они проходили мимо „Города Парижа", гдѣ въ былое время проводили столько вечеровъ, и Альма уговорила Бертинга зайти въ ресторанъ. Все было тамъ по прежнему, и кельнеръ привѣтствовалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Они усѣлись за тотъ самый столикъ, за который садились всегда прежде, и Альма вся предалась воспоминаніямъ, начиная каждую фразу словами:

— А помнишь, Фрицъ...

Но Фрицъ слушалъ ее разсѣянно. Напѣвы, сопровождавшіе его за послѣднее время всюду, какъ далекій шумъ моря, опять зазвучали у него въ душѣ и стали манить за собою.

Альма хорошо знала это особенное выраженіе въ его глазахъ, когда имъ овладѣвало его искусство. Въ такія минуты онъ только тѣломъ былъ возлѣ нея, а душа его странствовала гдѣто очень далеко, и у Альмы не было умѣнья и силъ вернуть его къ себѣ. Выйдя изъ ресторана, они очутились въ полумракѣ плохо освѣщенной улицы. Альма робко попросила Фрица зайти къ ней. Онъ не могъ себѣ представить, какъ безконечно долго и безотрадно тянулись для нея зимніе вечера и какъ она погибала отъ тоски по немъ. При каждомъ звукѣ шаговъ на лѣстницѣ, при каждомъ звонкѣ въ прихожей она начинала думать, что это онъ пришелъ. И каждый разъ ея надежда не оправдывалась. Голосъ измѣнилъ ей, и она замолчала.

— И что будетъ со мною!—продолжала она, снова овладѣвъ собою.—У меня никого нѣтъ, кто бы позаботился обо мнѣ. А ребенокъ уже началъ шевелиться. До сихъ поръ все правильно идетъ, но иногда мнѣ дѣлается такъ страшно, что я не знаю, что мнѣ и дѣлать съ собою. И если ты еще меня совсѣмъ бросишь!..

Фрицъ молчалъ. Онъ не былъ равнодушенъ къ тому, что̀ она говорила, но въ немъ все возростало чувство неловкости и желаніе какъ можно скорѣе уйти отъ нея. Конечно, она была достойна сожалѣнія,—онъ и не думалъ этого отрицать. Но кто былъ виноватъ въ этомъ? Она сама вызвала къ жизни невѣдомое существо, и этимъ совершенно измѣнила ихъ отношенія. Что̀ посѣешь, то и пожнешь. Она хотѣла сдѣлаться матерью, и нельзя требовать себѣ двойного счастья: и материнства, и страстной любви.

— Ты зайдешь ко мнѣ, Фрицъ, не правда ли?—снова повторила Альма и крѣпко ухватилась обѣими руками за его руку, когда они подошли къ дому, гдѣ она жила.

Онъ сталъ ей доказывать, что это было невозможно. У него была работа, и ему сегодня еще предстояло много писать. Съ силой оторвалъ онъ ея руки отъ своей руки и быстро ушелъ, чтобы избѣжать слезъ и просьбъ. Иначе поступить онъ не могъ. Ради своего творчества онъ долженъ былъ дѣйствовать жестоко и относительно ея, и относительно самого себя.

Вскорѣ мысли его приняли другое направленіе, и передъ нимъ всталъ другой женскій профиль, тонкій и изящный, а въ головѣ стали всплывать риѳмы и сложилась строфа, надъ которой онъ прежде долго бился. И Гедвига, и этотъ новый напѣвъ сливались для него въ одно. Стихами онъ былъ обязанъ ей, и стихи возвѣщали ему ее. Его охватило страстное, томительное желаніе увидать сегодня же своего очаровательнаго друга, и онъ сталъ обдумывать, можно ли еще пойти къ ней. Навѣрное еще не запирали на ночь крыльцо,—не было и девяти часовъ. И вмѣсто того, чтобы отправиться домой и засѣсть за работу, какъ онъ говорилъ Альмѣ, онъ пошелъ, почти побѣжалъ по направленію къ дому Гедвиги фонъ-Лаванъ.

XXX.

Настала весна, и Фрица потянуло отъ письменнаго стола за городъ, гдѣ можно было отдохнуть отъ городского шума и подышать чистымъ весеннимъ воздухомъ. Ему такъ хотѣлось, чтобы въ этихъ прогулкахъ его сопровождала Гедвига фонъ-Лаванъ, и онъ нарочно описывалъ ей подробно, какъ хорошо за городомъ и куда именно онъ собирается еще отправиться. Онъ надѣялся, что эти разсказы соблазнятъ и ее, но она ни разу не выразила желанія ему сопутствовать. А вмѣстѣ съ тѣмъ она не

могла не скучать. Кромѣ Бертинга и доктора, которому тетушки поручили надсмотръ за нею, она почти ни съ кѣмъ не видалась. Если Фрицъ пропускалъ одинъ день и не шелъ къ ней, то могъ быть увѣренъ, что на слѣдующее утро ему принесутъ отъ нея коротенькую записку съ просьбой позавтракать у нея или провести съ нею вечеръ. Кромѣ цвѣтовъ, онъ часто приносилъ ей книги. Гедвига получила очень неправильное и несистематическое образованіе, такъ что совсѣмъ не была знакома съ нѣкоторыми изъ современныхъ большихъ писателей. Фрицъ съ наслажденіемъ наблюдалъ, какъ подѣйствуетъ на нее Ибсенъ, и даже рѣшился познакомить ее съ Ницше. Но его ожидало полное разочарованіе. Гедвига съ интересомъ прочла новыя для нея произведенія и повидимому поняла ихъ, но они не вызвали въ ней никакого восторга. Трагическіе призраки не лишили ее спокойствія и привычной ей холодности, а „Пѣсня Заратустры“ не потрясла и не подавила ее своимъ величіемъ. Она наслаждалась только умомъ, душа ея оставалась безучастной. Способности беззавѣтно восхищаться у нея не было. А вмѣстѣ съ тѣмъ она очень тонко понимала красоту, сильно и быстро реагировала на каждое впечатлѣніе и была въ высшей степени нервной эстетической натурой. Чего же ей недоставало и что̀ мѣшало ей проникать въ сокровенную глубину души всякаго произведенія?

Чѣмъ больше онъ узнавалъ ее, тѣмъ болѣе она представлялась ему неразрѣшимой загадкой. Болѣе внимательной и легко все схватывавшей ученицы трудно было бы найти, но Фрицъ предпочелъ бы сдѣлаться ея ученикомъ, а не учителемъ. Онъ чувствовалъ, что могъ бы узнать отъ нея много новаго. Зачѣмъ же искать въ книгахъ то, чему люди могутъ научиться одинъ отъ другого? Но Гедвига умѣла окружать себя какою-то непроницаемой стѣною и придавать отношеніямъ дѣловитость, не допускавшую слишкомъ большого сближенія. Это очень тяготило Фрица. Ея безстрастность и всегда ровное дружелюбное чувство къ нему становились для него невыносимы. Какое было ему дѣло до того, что она восхищалась его умомъ, его познаніями и начитанностью! Онъ все только давалъ и давалъ, совершалъ въ ея честь самые головоломные умственные скачки, а въ награду не получалъ отъ нея ничего. Отъ этого вѣчнаго совмѣстнаго паренія въ высшихъ сферахъ у него захватывало дыханіе и кружилась голова. Онъ томился желаніемъ заставить Гедвигу смущенно опустить глаза или покраснѣть. Вѣдь въ концѣ концовъ она все-таки была женщина. Неужели у нея не

было свойственныхъ всякой женщинѣ слабостей или она только искусно скрывала ихъ? Неужели она не догадывалась объ его чувствѣ? Во всякомъ случаѣ она вела себя такъ, что онъ не могъ позволить себѣ ни одного лишняго слова или даже взгляда. Только одинъ разъ онъ не сдержался и выдалъ себя. Онъ принесъ ей въ подарокъ понравившійся ей офортъ, и Гедвига захотѣла сама повѣсить его на стѣну. Она встала на стулъ и, приложивъ офортъ къ стѣнѣ, попросила Фрица посмотрѣть, хорошо ли такъ будетъ. Вдругъ стулъ покачнулся, и молодая дѣвушка упала бы, еслибы Фрицъ не подхватилъ ее. Одно мгновеніе она лежала безпомощно въ его объятіяхъ, и ароматъ ея волосъ и ея близость опьянили его. Ему казалось, что онъ теряетъ сознаніе, и онъ пробормоталъ какія-то безсвязныя, безумныя слова. Она высвободилась изъ его рукъ, отступила назадъ и засмѣялась. Онъ съ трудомъ старался овладѣть собою, а въ ея лицѣ появилось выраженіе нескрываемаго презрѣнія, какъ будто бы говорившее:—„Однако ты все-таки не смѣешь“!

Съ этого мгновенья его положеніе сдѣлалось еще невыносимѣе. Онъ все время задавалъ себѣ вопросъ: не играетъ ли она съ нимъ? Можетъ быть, она смотрѣла на него только какъ на полезнаго человѣка, помогавшаго ей въ ея литературныхъ занятіяхъ?

Въ ея повѣсти героиня играла съ однимъ человѣкомъ, какъ кошка съ мышью, безсердечно, почти цинично. Фрицъ не былъ склоненъ видѣть въ каждомъ литературномъ произведеніи автобіографію, но тѣмъ не менѣе писатель долженъ хотя отчасти пережить то, что̀ описываетъ. Въ повѣсти Гедвиги былъ представленъ типъ утонченной безсердечной женщины, обнаруживавшій большую близость къ нему автора и его несомнѣнную симпатію. Не выдалъ ли ее этотъ торжествующій смѣхъ въ минуту его слабости? Но вскорѣ онъ забылъ о всѣхъ своихъ подозрѣніяхъ подъ вліяніемъ ея ласковой любезности. Въ ея внутреннемъ мірѣ были какія-то тайны, и онъ хотѣлъ разгадать ихъ во что бы то ни стало. Поэтому онъ сталъ усиленно уговаривать ее совершить съ нимъ прогулку за городъ, надѣясь, что весенняя природа вызоветъ ее на бо̀льшую откровенность и заставитъ позабыть обычную сдержанность. Онъ зналъ, что она была хорошій ходокъ, такъ какъ совершала трудныя восхожденія на швейцарскія горы въ обществѣ Вальдемара Геслова, и онъ совсѣмъ не вѣрилъ, когда она, въ объясненіе своего отказа, приводила слова доктора, яко бы запрещавшаго ей дѣлать далекія прогулки.

XXXI.

Благодаря содѣйствію Фрица Бертинга, рукопись Гедвиги фонъ-Лаванъ была принята редакціей „Импрессіониста“. Чтобы не смущать своихъ тетушекъ, Гедвига выбрала, по совѣту Фрица, безразличный мужской псевдонимъ. У „Импрессіониста“ теперь было собственное редакціонное помѣщеніе, состоявшее изъ конторы и пріемной. Писатель Кароль сдѣлался важной особой. Фрицъ убѣдился въ этомъ, посѣтивъ его въ его новой редакціи. Кароль былъ главнымъ редакторомъ, принималъ сотрудниковъ въ конторѣ, а пріемную оставлялъ „для дамъ“, о чемъ и сообщилъ Бертингу съ многозначительной улыбкой. Во внѣшности Зильбера тоже произошла большая перемѣна. Онъ замѣнилъ свой вѣчный засаленный сюртукъ новымъ, на ногахъ у него блестѣли лакированныя ботинки, а яркій пестрый галстухъ былъ приколотъ булавкой съ фальшивымъ камнемъ.

На вопросъ Бертинга, какъ идетъ журналъ, Зильберъ отвѣчалъ съ улыбкой, что хотя подписка и не велика, но много расходится нумеровъ въ отдѣльной продажѣ, а главное—журналъ страшно бранятъ.

При выходѣ изъ редакціи, Фрицъ столкнулся съ дамой, и хотя она прошла мимо него очень быстро и на лицѣ у нея былъ вуаль, тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же узналъ автора „Плюща“.

Черезъ нѣсколько дней Бертингъ встрѣтился съ Зильберомъ въ кофейной. Маленькій человѣчекъ подошелъ къ нему съ торжественной миной, раскланялся и произнесъ:

— Поздравляю, Бертингъ, васъ и всѣхъ насъ, ибо сегодня день вашего рожденья.

Фрица это очень позабавило. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ своей семьей, никто не помнилъ о днѣ его рожденья. Исключеніе, конечно, составляла Альма. И въ этотъ день утромъ она принесла и оставила его хозяйкѣ, для передачи ему, букетикъ альпійскихъ фіалокъ и еще свертокъ. Въ немъ оказалось нѣсколько галстуховъ, собственноручно сшитыхъ Альмой, и стихотвореніе, списанное ею очевидно изъ какого-то сборника.

Черезъ нѣсколько времени явился ливрейный лакей и передалъ Фрицу корзину съ рѣдкими фруктами и письмо отъ Анни Эшауеръ.

Она сообщала ему, что пріѣхала посовѣтоваться съ извѣстнымъ врачомъ по нервнымъ болѣзнямъ, остановилась у матери

и просила его навѣстить ее, такъ какъ докторъ велѣлъ ей лежать и она очень скучаетъ.

Фрицъ нашелъ, что она довольно легко отнеслась къ ихъ размолвкѣ въ Бинцѣ, и кромѣ того не могъ понять, откуда она узнала о днѣ его рожденія. Когда Зильберъ поздравилъ его въ кофейной, то Фрицу пришло въ голову, что это онъ разболталъ, такъ какъ ежедневно бывалъ у фрау Гильшіусъ въ качествѣ редактора издаваемаго ею журнала.

— Почему вы знаете, что сегодня мое рожденье, Зильберъ?— спросилъ онъ.

— Надѣюсь, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ для всякаго образованнаго человѣка будетъ стыдно не знать этого числа,—отвѣчалъ Зильберъ.

— Ну, а пока единственнымъ образованнымъ человѣкомъ въ этомъ смыслѣ является фрау Эшауеръ, не правда ли?

Зильберъ на минуту смутился, но тотчасъ же громко расхохотался.

— Это было нескромно съ моей стороны, но вы не сердитесь, Бертингъ? Еслибы вы знали, какъ эта дама объ васъ говоритъ! Вообще, всѣмъ извѣстно, что вы пользуетесь успѣхомъ у женщинъ. Я никогда не забуду очаровательнаго лица молодой особы, сидѣвшей съ вами тогда въ ложѣ. Но все-таки я себѣ позволю дать вамъ скромный совѣтъ: не заставляйте такого друга, какъ фрау Анни, слишкомъ долго томиться, ожидая васъ.

Была ли это дерзость со стороны Зильбера, или только безтактное любопытство? По его подвижному лицу трудно было угадать его внутреннія побужденія, и Фрицъ счелъ за лучшее перемѣнить тему разговора.

Черезъ нѣсколько дней Фрицъ получилъ приглашеніе къ обѣду отъ фрау Гильшіусъ. Ему не хотѣлось идти, потому что онъ былъ увѣренъ, что обязанъ этимъ приглашеніемъ Анни Эшауеръ, желавшей во что бы то ни стало его увидать, но отказаться было неловко. Къ большому удивленію Фрица, онъ не нашелъ фрау Эшауеръ въ гостиной ея матери. Послѣдняя извинилась за дочь, объясняя ея отсутствіе вновь повторившимся нездоровьемъ.

Въ числѣ гостей находились Маркусъ Гизель, Зигфридъ Зильберъ, одинъ изъ длинноволосыхъ поэтовъ и бѣлокурая поэтесса въ сопровожденіи своей матери. Это была упитанная особа въ жесткомъ и шуршавшемъ при малѣйшемъ движеніи атласномъ платьѣ. Ея видъ совсѣмъ не наводилъ на мысль о поэтическомъ дарованіи ея дочери. Зильберъ, къ неудовольствію Фрица, обра-

щался съ нимъ какъ съ лучшимъ своимъ другомъ и вообще чувствовалъ себя какъ дома. За обѣдомъ онъ произнесъ рѣчь и предложилъ тостъ за основателей и сотрудниковъ „Импрессіониста“.

Маркусъ Гизель почти ничего не ѣлъ, пилъ маленькими глотками вино и всячески показывалъ, какъ онъ страдаетъ отъ неэстетичности Зильбера. Теофиль-Алоизъ во всемъ подражалъ своему кузену, и добродушная фрау Гильшіусъ печально поглядывала на сына, слабымъ движеніемъ руки отсылавшаго отъ себя блюда съ кушаньями. Мать бѣлокурой поэтессы слушала, вытаращивъ глаза, разговоръ о литературѣ, завязавшійся у ея дочери съ Зильберомъ, и по ея виду было ясно, что она гораздо больше привыкла къ разговорамъ о прислугѣ и о рыночныхъ цѣнахъ.

Фрау Гильшіусъ, сидѣвшая рядомъ съ Фрицемъ, стала жаловаться на болѣзненное состояніе Анни, внушавшее серьезныя опасенія. Она не называла болѣзни, но говорила, что боли были невыносимы и докторъ находилъ положеніе небезопаснымъ. Тѣмъ болѣе былъ удивленъ Фрицъ, когда послѣ обѣда его попросили пройти въ комнату больной. Фрау Эшауеръ лежала на диванѣ въ полутемной комнатѣ. Фрица поразилъ сильный запахъ крѣпкихъ духовъ. Анни немного приподнялась съ подушекъ, чтобы протянуть руку вошедшему.

Она слабымъ голосомъ сказала Фрицу, что очень рада его видѣть, и попросила его взять стулъ и сѣсть поближе. Освоившись съ полумракомъ, Фрицъ былъ пораженъ перемѣной, происшедшей за это время въ наружности Анни. Она постарѣла на нѣсколько лѣтъ, глаза были окружены темными кругами, кожа поблекла. Непріязненное чувство къ ней Фрица сразу исчезло, и онъ участливо началъ разспрашивать ее о ея болѣзни: но эти разспросы были ей видимо непріятны. Она поспѣшно отвѣчала, что все пройдетъ, что ее утомила зима въ Берлинѣ, но что здѣсь она надѣется скоро поправиться.

Присутствіе Бертинга видимо оживило ее.

Голосъ сдѣлался сильнѣе и лицо казалось менѣе болѣзненнымъ.

Анни стала разсказывать объ общихъ знакомыхъ въ Бинцѣ, и въ этихъ разсказахъ было мало веселаго. Женихъ молодой богатой дѣвушки, страдавшей заиканіемъ, былъ уличенъ въ шулерствѣ; другой молодой человѣкъ изъ того же кружка оказался замѣшаннымъ въ процессѣ по какому-то дѣлу, о подробностяхъ котораго громко неудобно было говорить. И такъ далѣе въ томъ

же родѣ. Анни передавала эти исторіи съ большимъ легкомысліемъ, точно разсказывала смѣшные анекдоты. О мужѣ своемъ она не упомянула, и Фрицъ не счелъ удобнымъ освѣдомляться о немъ. Анни нѣсколько разъ повторяла, какъ она рада, что Фрицъ наконецъ явился. Она такъ скучала и мучилась. По ночамъ она могла спать только послѣ впрыскиванія морфія, и днемъ было не лучше. Читать она не могла въ полутьмѣ, но его повѣсть все-таки прочла. Возлѣ дивана на столикѣ лежалъ послѣдній нумеръ „Импрессіониста“. Потомъ она стала говорить о своемъ братѣ и Маркусѣ, и Фрицъ узналъ прежнюю Анни. Особенно остроумно издѣвалась она надъ статьей Теофиля подъ заглавіемъ: „Долой женщинъ!“. Въ этой статьѣ юный авторъ проповѣдывалъ, что съ слабымъ поломъ надо быть „суровымъ до жестокости“, и взялъ эпиграфомъ для своей статьи слова Ницше: „Ты идешь къ женщинамъ? Не забудь захватить хлыстъ“!

— Я бы много простила милымъ мальчикамъ,—заключила фрау Эшауеръ,—еслибы они не были такъ безнадежно скучны. Я ужъ предпочитаю маленькаго Зильбера. Тотъ, по крайней мѣрѣ, добивается своего. Послѣдній разъ я ему сказала, чтобы онъ носилъ чистыя рубашки и не кусалъ бы себѣ ногти, если хочетъ имѣть успѣхъ у женщинъ. Вы видѣли, какъ это подѣйствовало? Вообще, мы съ нимъ друзья, и я собираюсь его женить.

— На блондинкѣ?—полюбопытствовалъ Фрицъ.

— Ну, конечно.

— И на любимицѣ музъ?

— Отгадали, но, однако, довольно о нихъ. Разскажите мнѣ о себѣ, Фрицъ,—попросила Анни и повернулась на диванѣ такъ, чтобы лучше его видѣть.

Бертингъ не могъ разсказать ей о томъ, что̀ составляло главный интересъ его жизни, т.-е. объ отношеніяхъ съ Гедвигой фонъ-Лаванъ, и поэтому ограничился перечнемъ разныхъ внѣшнихъ событій.

— Замолчите!—перебила его наконецъ Анни.—Вы меня, кажется, за дурочку считаете? Неужели я повѣрю, что ваша жизнь вся посвящена ѣдѣ, питью и прогулкамъ!

— Однако это такъ,—возразилъ Фрицъ по возможности непринужденно.—Я ѣмъ, сплю и гуляю. Прибавьте къ этому много работы и немного чтенія—и вотъ передъ вами вся моя жизнь.

— Это неправда! — воскликнула Анни съ необыкновенной страстностью. — Я по вашимъ глазамъ вижу, что вы лжете. Кромѣ того, васъ выдаютъ ваши произведенія. Кто такъ описы-

ваетъ женщинъ, тотъ ихъ хорошо и близко знаетъ. Я хочу знать все, что̀ вы пережили, Фрицъ!

Бертингъ былъ смущенъ и не зналъ, что̀ сказать.

Изъ затрудненія его вывела сама Анни. Съ нею сдѣлался болѣзненный припадокъ, и все лицо исказилось отъ боли. Фрицъ въ ужасѣ вскочилъ и хотѣлъ позвать кого-нибудь, но фрау Эшауеръ простонала сквозь стиснутые зубы, чтобы онъ не уходилъ, и что это скоро пройдетъ. Она съ усиліемъ поднялась, намочила платокъ одеколономъ и стала нюхать его. Это немного оживило ее. Она подвинулась совсѣмъ близко къ Бертингу и съ горящими глазами проговорила умоляющимъ тономъ:

— Будьте откровенны со мною, Фрицъ, скажите мнѣ все! У васъ есть возлюбленная, вѣдь я знаю. Что̀ же изъ этого! Вы молоды. Но разскажите мнѣ про нее. Красива она? Живете вы вмѣстѣ? Что̀ вы дѣлаете цѣлый день? Часто ссоритесь? Нельзя же вѣчно только любить другъ друга. Разсказывайте, разсказывайте, Фрицъ! Вы же видите, я просто погибаю отъ жажды какой-нибудь... какой-нибудь перемѣны. Такъ ужасно все здѣсь лежать. Вы не можете себѣ представить, что̀ со мной дѣлается!

Голосъ ея сталъ звучать хрипло, она схватила со стола флаконъ и стала нюхать. Фрицъ молчалъ и, какъ зачарованный, смотрѣлъ на возбужденное, измученное лицо Анни. Видно было, что она боролась съ чѣмъ-то болѣе сильнымъ, чѣмъ физическое страданье.

Вдругъ она страдальчески улыбнулась и произнесла измѣнившимся тономъ:

— Ахъ, я вижу, что и отъ васъ ничего не добьюсь! Вы не хотите помочь бѣдной больной. А я такъ хорошо къ вамъ отношусь... такъ хорошо! Я бы не стала васъ упрекать, что̀ бы вы мнѣ ни сказали. Я вѣдь знаю, что̀ такое жизнь, и сама дѣлала такія вещи, послѣ которыхъ ничему не могу удивляться. Но лежать здѣсь день и ночь и переворачивать въ умѣ все прожитое—это, повѣрьте мнѣ, Фрицъ, можетъ свести съ ума. Я часто думала о васъ. Мнѣ слѣдовало милѣе поступить съ вами въ Бинцѣ, но когда измученъ ревностью, то и самъ не понимаешь, что̀ говоришь и что̀ дѣлаешь.

Она стиснула зубы.

— Опять начинаются боли. На этотъ разъ вы не должны при этомъ присутствовать. Обѣщайте мнѣ... Фрицъ... обѣщайте мнѣ, что придете опять! Не оставляйте меня одну. Приходите скорѣе и тогда разскажите мнѣ...—Она отвернулась и зарыла голову въ подушку, дѣлая знакъ рукою, чтобы онъ уходилъ.

XXXII.

Возвратясь домой, Бертингъ нашелъ записку Лемфинка, извѣщавшаго его о своемъ возвращенiи. Фрицу показалось, что онъ слышитъ зовъ человѣка изъ другого мiра—до такой степени онъ былъ далекъ послѣднее время отъ своего друга. Но все-таки у него явилось сильное желанiе увидать честное лицо Лемфинка, услыхать его голосъ и пожать ему руку. Хотя, въ сравненiи съ такими людьми, какъ Михаилъ Шубскiй или Маркусъ Гизель, онъ и казался безнадежно отсталымъ и во всѣхъ его взглядахъ было что-то старомодное, тѣмъ не менѣе онъ былъ настоящiй и оригинальный человѣкъ.

Было еще не поздно, и Фрицъ въ тотъ же вечеръ отправился къ Лемфинку. Его не было дома, и Фрица встрѣтила стройная женщина въ глубокомъ траурѣ. Это была Тони, сестра Лемфинка. Она привѣтствовала Бертинга просто и сердечно, и онъ съ большимъ интересомъ разглядывалъ высокую дѣвушку съ некрасивымъ, но оригинальнымъ и симпатичнымъ лицомъ, не узнавая въ ней „маленькую сестрёнку“ Лемфинка, знакомую ему по фотографiи, какъ всегда—безжизненной и обезличивающей.

Разговоръ ихъ не прерывался, и вскорѣ оба почувствовали себя какъ старые знакомые.

Говорили больше всего о Лемфинкѣ, при чемъ въ тонѣ его сестры Бертингъ подмѣтилъ что-то материнское. При всей своей безграничной любви къ брату, она очевидно не смотрѣла на него какъ на непогрѣшимый авторитетъ. Возрастъ Тони было трудно опредѣлить. У нея было одно изъ тѣхъ некрасивыхъ, но привлекательныхъ лицъ, для которыхъ годы не очень страшны.

По всему ея существу можно было судить, что жизнь она прожила не легкую. Въ домѣ ея отца единственной роскошью было образованiе, даваемое дѣтямъ, и эти дѣти были хорошо знакомы и съ науками, и съ голодомъ.

Тони очень рано сдала экзаменъ на учительницу и прожила нѣсколько лѣтъ въ окрестностяхъ Лондона, въ качествѣ учительницы нѣмецкаго языка. Вѣроятно благодаря этому въ ея манерахъ не было ничего провинцiальнаго, а швабскiй акцентъ ея рѣчи придавалъ ей своеобразную прелесть. Тони сообщила Бертингу, что теперь собиралась постоянно жить съ братомъ, занимаясь его хозяйствомъ и помогая ему въ его работахъ, для чего уже выучилась писать на пишущей машинѣ. Фрицъ, за послѣд-

нее время ничего не знавшій о занятіяхъ своего друга, освѣдомился о его послѣдней научной работѣ.

— Ахъ, вы еще ничего не знаете!—воскликнула Тони.—Развѣ онъ вамъ не разсказывалъ? Во всякомъ случаѣ, теперь это ужъ не тайна.

Она подошла къ письменному столу, вынула изъ ящика и передала Фрицу толстый томикъ. Онъ прочелъ заглавіе: „Сущность и развитіе личности въ Германіи“.

— Книга только-что вышла,—пояснила Тони;—онъ вамъ послалъ переплетенный экземпляръ, только вы еще не успѣли получить,—и видя, что Бертингъ заглядываетъ въ неразрѣзанныя страницы, она прибавила:—Я вамъ дамъ экземпляръ, который онъ мнѣ подарилъ, тоже въ переплетѣ; вы посидите и подождите брата,—теперь онъ ужъ скоро вернется,—а мнѣ надо пойти распорядиться по хозяйству.

Фрицъ усѣлся въ покойное кожаное кресло Лемфинка и сталъ просматривать его книгу. Прежде всему ему хотѣлось узнать планъ и цѣли перваго серьезнаго произведенія своего друга. Онъ зналъ, что если Лемфинкъ рѣшился выступить съ такой большой книгой, то, значитъ, его къ этому побудили внутренняя необходимость и глубокое убѣжденіе въ правотѣ своихъ выводовъ. Книга представляла собою въ нѣкоторомъ родѣ авторскую исповѣдь и заключала въ себѣ все его міровоззрѣніе; но въ этой исповѣди не было мистически-восторженныхъ пророчествъ или доктoральнымъ тономъ изложенной системы; все было сказано ясно и въ пластической формѣ, обнаруживавшей настоящаго художника. Черезъ все произведеніе красной нитью проходила мысль, выраженная въ началѣ первой главы:

Нѣмецкія натуры суть наиболѣе одаренныя, и намъ принадлежитъ первое мѣсто въ будущей исторіи народовъ, когда мы научимся самовоспитанію, какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Для достиженія этой цѣли авторъ не прописывалъ никакихъ рецептовъ, а только старался отыскать среди родного народа часто скрытые источники силы, чистоты и красоты, и въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ людей, отравлявшихъ эти источники. Въ современномъ обществѣ онъ осуждалъ болѣзненную утонченность и выискиваніе небывалыхъ ощущеній, доказывавшихъ только, что люди умираютъ отъ усталости и пресыщенія. Искусство, выросшее на такой почвѣ, не могло быть здоровымъ, а люди, воспитанные при такихъ условіяхъ, при всемъ ихъ образованіи, были лишены настоящей умственной глубины и отличались бездушной

производительностью и виртузностью. Чтобы спастись отъ всего этого, надо было выработать въ себѣ сильную твердую волю.

Мы нуждаемся въ культурѣ, но не внѣшней, которой у насъ даже слишкомъ много, а во внутренней. Только самоуглубленіе и самосознаніе отдѣльныхъ личностей даетъ возможность всѣмъ стремленіямъ культуры соединиться въ одно живое цѣлое.

Многое въ книгѣ Лемфинка поразило и задѣло за живое Фрица. Многія слова были какъ будто лично къ нему обращены. Во всякомъ случаѣ, это была живая книга, проникнутая сильной ненавистью и сильною любовью.

За чтеніемъ Фрицъ не замѣтилъ, какъ стемнѣло, и уже собрался уходить, когда раздались голоса Лемфинка и Тони, вышедшей къ нему на встрѣчу. Лемфинкъ быстро вошелъ въ комнату, шумно выражая свою радость при видѣ Фрица, и они крѣпко пожали другъ другу руки. Лемфинкъ, увидѣвъ раскрытую книгу, засмѣялся и проговорилъ:

— Какъ ты скоро съ ними обѣими познакомился—и съ моей старой сестрой, и съ моей юной книгой!

Фрицъ, воспользовавшись темнотой, всегда способствующей искреннимъ изліяніямъ, поспѣшилъ сообщить Лемфинку о впечатлѣніи, произведенномъ на него его книгой, что̀ доставило видимое удовольствіе автору.

Тони позвала ихъ обѣдать. За столомъ, глядя на брата и сестру, связанныхъ общностью интересовъ и всего вмѣстѣ пережитого, Фрицъ невольно позавидовалъ своему другу и съ горечью подумалъ о Констанціи, превратившей ихъ родственныя отношенія въ жалкую каррикатуру. Однако, отъ его наблюдательности не ускользнула комичная сторона въ отношеніяхъ Лемфинка и Тони. Братъ иногда начиналъ объяснять авторитетнымъ тономъ сестрѣ нѣкоторыя вещи, повидимому знакомыя ей не меньше, чѣмъ ему самому. Тони это было немножко смѣшно и досадно, но она такъ любила своего брата, что, въ присутствіи посторонняго, ни за что не рѣшилась бы обнаружить его заблужденіе, и терпѣливо выслушивала всѣ объясненія и совѣты.

XXXIII.

Послѣ поѣздки на кладбище, Фрицъ не встрѣчался больше съ Альмой. Онъ собирался самъ отнести ей деньги, чтобы уплатить за ея квартиру, но все откладывалъ это посѣщеніе. Въ одно прекрасное утро къ нему явилась его хозяйка и сообщила,

что его желаетъ видѣть та самая барышня, которая приносила ему альпійскія фіалки. Хозяйка прибавила сочувственнымъ тономъ, что лицо у барышни очень печальное.

Фрицъ быстро одѣлся и сказалъ хозяйкѣ, чтобы она попросила фрейлейнъ войти. Видъ у Альмы былъ, дѣйствительно, самый удрученный, и Фрицъ опять испыталъ чувство мучительной неловкости, какого-то страха и упрековъ совѣсти. Онъ усадилъ Альму, принесъ ей фруктовъ, присланныхъ Анни Эшауеръ, и спросилъ, не случилось ли чего-нибудь. Альма разсказала, сначала робко и запинаясь, но потомъ все рѣшительнѣе, что съ нею случилась странная вещь, о которой она сочла нужнымъ сообщить Фрицу.

Къ ней явился господинъ, подъ видомъ довѣреннаго отъ одного моднаго магазина, нуждавшагося въ опытной швеѣ. Въ этомъ собственно не было ничего удивительнаго, но этотъ господинъ, повидимому еврей, не былъ похожъ на купца, и началъ задавать ей совсѣмъ не относившіеся къ дѣлу вопросы, какъ напримѣръ: кто платитъ за ея квартиру, не имѣетъ ли она близкаго друга и не воспротивится ли онъ, если она захочетъ уѣхать изъ этого города. Чтобы отдѣлаться отъ надоѣдливаго посѣтителя, Альма объявила, что она никуда не думаетъ уѣзжать, но ея гость послѣ этого не ушелъ, а сообщилъ, что пришелъ къ ней по порученію одной знатной особы, имени которой не могъ назвать и которая принимала живѣйшее участіе въ печальной судьбѣ Альмы. Онъ показалъ деньги, присланныя этой благодѣтельницей съ условіемъ, чтобы фрейлейнъ Луксъ тотчасъ же покинула городъ и соблюдала о случившемся глубочайшую тайну. Отъ денегъ Альма, конечно, отказалась, и неизвѣстный господинъ удалился, прося ее, по крайней мѣрѣ, молчать, чтобы ему еще не досталось за его доброту.

Бѣдная женщина ничего не понимала, но это посѣщеніе было ей крайне непріятно и даже вызывало въ ней неопредѣленный страхъ. Бертингъ попросилъ ее подробно описать наружность таинственнаго незнакомца, и Альма словами создала очень живой портретъ Зигфрида Зильбера. Сомнѣнія не могло быть, что это былъ именно онъ, но для чего ему понадобилось удалять Альму изъ города?

Бертингъ одобрилъ поведеніе Альмы, попросилъ ее никому не разсказывать о случившемся и обѣщалъ непремѣнно къ ней зайти, такъ что она ушла отъ него совершенно счастливая и ободренная.

Въ тотъ же день Бертингъ отправился къ Зильберу и сталъ

требовать, чтобы онъ объяснилъ ему свое поведеніе. Зильберъ принялъ оскорбленный видъ и сначала отказался давать какія бы то ни было объясненія, но когда Фрицъ объявилъ, что не выйдетъ изъ редакціи, не выяснивъ этого дѣла, то Зильберъ произнесъ:

— Я согласенъ, что мое посѣщеніе фрейлейнъ Луксъ можетъ показаться страннымъ...

— Не страннымъ,—перебилъ его Бертингъ,—а просто нахальнымъ!

Темные глаза Зильбера злобно сверкнули, но онъ сдержалъ себя и съ усмѣшкой пожалъ плечами.

— Если вамъ угодно меня оскорблять, Бертингъ,—проговорилъ онъ, — то я, конечно, не могу вамъ этого запретить; только это меня нисколько не задѣваетъ. Еслибы вы знали мои внутреннія побужденія,—продолжалъ онъ, сдѣлавъ огорченную мину и опуская глаза,—то вы взяли бы назадъ ваши слова. Вы сказали бы только, что я былъ неостороженъ, взявъ на себя такое порученіе. Еслибы оно удалось, то мнѣ были бы благодарны; а такъ какъ оно не удалось, то я рискую потерять друга... такъ я имѣлъ смѣлость называть васъ до сихъ поръ.

Отъ всѣхъ этихъ фразъ Бертингъ пришелъ въ отчаяніе.

— Объясните мнѣ, какая у васъ была цѣль?—воскликнулъ онъ.—Я вѣдь знаю васъ, и потому увѣренъ, что вы не станете дѣйствовать, не разсчитывая на выгоду.

— Этими словами вы доказываете, что не знаете меня. Я дѣйствовалъ, какъ идеалистъ.

— Идеалистъ?!

— Изъ чувства идеальной и идеализирующей дружбы. Я давно замѣтилъ происшедшую въ васъ перемѣну, Бертингъ: вы стали совсѣмъ не тотъ, и я угадалъ, что̀ именно васъ угнетаетъ. Фрейлейнъ Луксъ, безспорно, красива, но развѣ можетъ такой человѣкъ, какъ вы, удовольствоваться одной физической красотой! Эта дѣвушка стала вамъ въ тягость, но вы, по свойственной вамъ деликатности, не могли сами освободиться отъ нея, и я, какъ безкорыстный другъ, рѣшился помочь вамъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.

— Знаете, Зильберъ,—едва сдерживаясь, проговорилъ Фрицъ,—что я не вѣрю ни единому вашему слову. Мнѣ только хотѣлось бы знать, какой благодарности вы ждете за вашъ поступокъ отъ фрау Эшауеръ?

При этихъ словахъ Зильберъ вздрогнулъ и видимо расте-

рялся. Голова его ушла въ плечи, и можно было даже подумать, что ему стало стыдно.

— Ну, если вы знаете, то глупо было бы скрывать,—проговорилъ онъ едва слышно, и прибавилъ, возвышая голосъ:—объ одномъ прошу васъ, Бертингъ, не приписывайте мнѣ какихъ-нибудь низменныхъ мотивовъ. Это было безразсудно, если хотите, я вмѣшался не въ свое дѣло, я съ этимъ согласенъ, но я не думалъ ни о какой выгодѣ. Вѣдь тутъ замѣшана женщина, больная женщина... и я сдѣлалъ это просто изъ жалости. Еслибы вы слышали, какъ фрау Анни меня умоляла! Увѣряю васъ, она просто сама не своя отъ ревности, и если я сразу не сказалъ вамъ правды, то именно потому, что не хотѣлъ выдавать чужую тайну. Я надѣюсь, Бертингъ, что теперь вы мнѣ вѣрите.

Послѣднія слова были произнесены съ обычною самоувѣренностью и даже съ паѳосомъ.

Бертингъ отвернулся, и взглядъ его упалъ на фотографію, стоявшую на письменномъ столѣ. Это былъ портретъ бѣлокурой поэтессы.

— Васъ удивляетъ, что у меня этотъ портретъ?—спросилъ Зильберъ, слѣдившій за его взглядомъ.

— Нисколько! Фрейлейнъ Бейерлейнъ—ваша сотрудница, о чемъ я узналъ изъ послѣдняго нумера.

— Ну, да, Богъ мой, чего не сдѣлаешь изъ вѣжливости! Стихи не очень-то литературны, но и не совсѣмъ плохи, и когда такая очаровательная авторша... Вы меня осуждаете?

— Нисколько. Я не мѣшаюсь въ чужія личныя дѣла, и совѣтую и вамъ впередъ придерживаться этого правила.

XXXIV.

За послѣдніе дни Фрицу ни разу не удалось побывать у Гедвиги фонъ-Лаванъ. Когда онъ, наконецъ, отправился къ ней, то не засталъ ея дома. Толстощекая горничная объявила ему, что барышня ушла къ доктору. Она повторяла это всегда, когда Гедвиги не бывало дома. Бертингъ раскрылъ какую-то книгу и, въ ожиданіи хозяйки, читалъ цѣлый часъ; но Гедвига все не возвращалась, и онъ ушелъ. На слѣдующее утро онъ получилъ отъ нея письмо съ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ не засталъ ее, и съ просьбой придти позавтракать. За столомъ Гедвига сообщила Фрицу, что ея тетушки возвращаются и что ей придется скоро водворять на прежнія мѣста всѣ отвратительныя

вещи, удаленныя ею изъ комнатъ. При этомъ она довольно ядовито подсмѣивалась надъ отсутствующими старушками, и ея шутки произвели непріятное впечатлѣніе на Фрица. Холоднѣе, чѣмъ когда-либо, глядѣли на него ея сѣрые глаза, и у него явилось такое чувство, какъ будто онъ былъ натурой, позирующей передъ опытнымъ художникомъ. Гедвигѣ только-что принесли корректуру ея повѣсти, и она попросила Фрица ее поправить, такъ какъ сама еще не умѣла этого дѣлать. Бертингъ продержалъ корректуру и ушелъ домой съ бóльшимъ, чѣмъ когда-либо, чувствомъ неудовлетворенности и недовольства. Чтобы разсѣять это чувство, онъ отправился къ Лемфинку. Братъ и сестра были ему очень рады и предложили сдѣлать прогулку за городъ. Лемфинкъ, воспользовавшись отсутствіемъ Тони, отправившейся одѣваться, спросилъ Бертинга о здоровьѣ Альмы и выразилъ удивленіе, что Фрицъ до сихъ поръ не заботился о томъ, чтобы удобно устроить Альму на время родовъ. По его мнѣнію, всего лучше было помѣстить ее въ женскую клинику. Приходъ Тони прекратилъ этотъ мучительный для Фрица разговоръ.

Они заняли столикъ въ загородномъ саду. Народа было очень много. Часть публики приходила пѣшкомъ, но большинство пріѣзжало на лошадяхъ или по желѣзной дорогѣ. Здѣсь попадались и нарядныя дамы, и учащаяся молодежь, и туристы. Фрицъ разсѣянно смотрѣлъ на проходившихъ, какъ вдругъ его вниманіе было привлечено одной парой. Мужчина и дама шли подъ-руку, отдѣлившись отъ остальной толпы. Бертингъ чуть не вскрикнулъ, узнавъ въ тонкой женщинѣ, въ изящномъ сѣромъ платьѣ, Гедвигу фонъ-Лаванъ, а въ высокомъ, безбородомъ мужчинѣ рядомъ съ нею—Вальдемара Геслова. Когда онъ немного пришелъ въ себя и хотѣлъ за ними броситься, то они уже исчезли въ толпѣ.

Лемфинкъ замѣтилъ его волненіе и участливо освѣдомился, что̀ съ нимъ. Фрицъ пробормоталъ, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, что, вѣроятно, это простуда, и ему лучше вернуться домой. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе быть одному, и онъ въ душѣ проклиналъ участливую заботливость своихъ друзей, объявившихъ, что они непремѣнно проводятъ его до станціи. Онъ не помнилъ, какъ взялъ билетъ и очутился одинъ въ купэ. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Ему почти дѣлалось дурно отъ остраго чувства ревности и отвращенія къ Гедвигѣ фонъ-Лаванъ. Конечно, она была вполнѣ свободна и никогда не давала ему права ревновать ее, но мысль, что она пред-

почла ему этого Геслова, все достоинство котораго состояло въ сильныхъ мускулахъ, и что она все время обманывала его, отправляясь на свиданія съ актеромъ,—была ему невыносима. Думать, что она предавалась самой грубой чувственности,—она, эта Гедвига, которой онъ столько времени приписывалъ самыя утонченныя чувства и самые воспріимчивые нервы художественной натуры! Онъ былъ съ нею деликатенъ, а стоило ему быть грубымъ и циничнымъ, какъ Гесловъ, и она принадлежала бы ему. Это сознаніе было для него всего мучительнѣе.

Вернувшись въ городъ, онъ пошелъ въ кафе́ и попробовалъ читать газеты, но ничего не понималъ изъ прочитаннаго, и отправился домой. Тамъ, на столѣ, лежало утреннее письмо Гедвиги—и ему живо представилась вся она, съ перомъ въ рукахъ и съ неуловимой насмѣшливой улыбкой на тонкихъ губахъ. Можетъ быть, интрига съ Гесловомъ доставляла ей особое наслажденіе, потому что была связана съ обманомъ и опасностью. Какъ она стала ему ненавистна! И эта-то женщина вдохновляла его, для нея онъ писалъ свои стихи! Но вдругъ на него нашло сомнѣніе: а можетъ быть, все это произошло случайно? Послѣ его ухода, могъ явиться актеръ и предложить ей загородную прогулку. Но почему она ему всегда отказывала въ этихъ прогулкахъ? Во всякомъ случаѣ, все это надо было выяснить—и онъ рѣшилъ пойти къ Гедвигѣ, чтобы посмотрѣть, какъ она объяснитъ свое отсутствіе.

Горничная объявила ему, что фрейлейнъ уѣхала по дѣламъ не болѣе какъ съ часъ тому назадъ, а весь день была дома. Одно ея желаніе сообщить болѣе того, чѣмъ ее спрашивали, уже доказывало, что она лгала. Слѣдовательно, и она была въ заговорѣ вмѣстѣ съ своей госпожею.

Бертингъ медленно сошелъ съ крыльца. Ему все-таки очень хотѣлось знать, когда вернется Гедвига и будетъ ли она одна. Опять въ немъ зашевелилась ревность, но онъ не скрежеталъ больше зубами и не презиралъ, а испытывалъ только глубокую тоску и готовъ былъ заплакать отъ чувства собственнаго безсилія. Онъ не могъ уйти, не повидавъ Гедвигу. Проѣзжали экипажи, но все мимо. Зажглись уличные фонари,—а онъ все ходилъ взадъ и впередъ. Наконецъ подъѣхалъ извозчикъ и остановился.

Бертингъ спрятался за уголъ сосѣдняго дома и смотрѣлъ, затаивъ дыханіе.

Изъ экипажа вышла Гедвига, закутанная въ темный плащъ, и стала, при свѣтѣ фонаря, искать деньги въ портмонэ.

Бертингъ вышелъ изъ своей засады и подошелъ къ ней.

— Не нужно ли вамъ мелочи?

Она быстро подняла голову.

— Ахъ, это вы? Какими судьбами такъ поздно?

— А вы какими?

— Я была у доктора. Меня тамъ такъ задержали...

— Но вѣдь докторъ живетъ въ двухъ шагахъ отсюда, — перебилъ ее Бертингъ и, обращаясь къ кучеру, спросилъ:

— Вы откуда взяты?

Кучеръ, боясь, чтобы ему не уменьшили платы, сталъ увѣрять, что дешевле взять не можетъ, и при этомъ назвалъ довольно отдаленный кварталъ.

— Тамъ живетъ Вальдемаръ Гесловъ? — спросилъ Фрицъ въ полголоса, чтобы Гедвига одна могла его слышать. Она ничего не отвѣчала, отдала кучеру деньги, подошла къ садовой калиткѣ и отворила ее, но Бертингъ загородилъ ей путь.

— Два слова только! — сказалъ онъ.

— Что̀ съ вами сегодня и чего вы отъ меня хотите? — проговорила Гедвига, и голосъ ея едва замѣтно дрогнулъ.

— Вы провели день съ Вальдемаромъ Гесловомъ? Вы станете это отрицать?

— Отрицать — зачѣмъ? Но что̀ же вы спрашиваете, если знаете?

— И были у него въ квартирѣ?

— Почему бы мнѣ и не быть?

— Что̀ это за плащъ? Днемъ его на васъ не было.

— Это плащъ Геслова. Я совсѣмъ не желаю простудиться, а ночь свѣжая. Завтра я его отошлю ему, или, можетъ быть, онъ самъ за нимъ зайдетъ. Довольно съ васъ?

При этомъ она направилась къ крыльцу, но Бертингъ схватилъ ее за руку.

— Гедвига, дойти до такого униженія! Это отвратительно, это пошло... я не могу найти настоящаго слова!

— Еслибъ вы знали, мой милый, какъ къ вамъ не идетъ это благородное негодованіе! Однако пустите меня, я устала и хочу спать.

Фрицъ топнулъ ногой, не выпуская Гедвигу. Ему безумно хотѣлось обидѣть ее, сдѣлать ей больно.

— Вы воображаете, что Гесловъ будетъ вамъ вѣренъ? Онъ и теперь навѣрное измѣняетъ вамъ.

— Боже мой, до чего вы безвкусны и глупы! Кто вамъ сказалъ, что я дорожу какой-то вѣрностью? — и она засмѣялась

и смѣялась до тѣхъ поръ, пока онъ не выпустилъ ея руки. Тогда она бѣгомъ бросилась къ крыльцу и, уже взявшись за ручку двери, окликнула его.

— Чего вамъ еще нужно?—спросилъ онъ.

— Давайте помиримся. Хотите придти завтра ко мнѣ позавтракать?

— Вы съ ума сошли?

— Приходите! Черезъ недѣлю пріѣдутъ тети, и тогда для меня, бѣдной, начнется постъ. Такъ придете?

Фрицъ повернулся къ ней спиной и, уходя, еще слышалъ ея презрительный смѣхъ.

XXXV.

Съ Гедвигой фонъ-Лаванъ у него все было кончено, но боль, причиненная ею, мучила его еще долго. Онъ не могъ простить себѣ, что его, знатока женщинъ, обманули и провели, какъ мальчишку, и обманули бы еще больше, если бы случай не открылъ ему глаза. Онъ бросилъ Альму, потому что она не подходила къ нему въ умственномъ отношеніи, потому что въ ней не было развитія, чуткости, вкуса. Все это нашелъ онъ въ Гедвигѣ, но это не только не возвысило его, а совершенно придавило къ землѣ. Ему было жаль, что онъ оттолкнулъ отъ себя единственное беззавѣтно любящее его существо, и онъ испытывалъ приливъ горячей нѣжности къ Альмѣ. Альма не стала его разспрашивать, почему онъ вернулся къ ней и что значила происшедшая въ немъ перемѣна. Она каждый день молилась Богу, чтобы Онъ вернулъ ей Фрица, и молитва ея была услышана. Въ психологію она никогда не вдавалась, а просто радовалась тому, что Фрицъ съ нею, и, значитъ, все теперь будетъ хорошо.

Лемфинкъ познакомилъ Бертинга съ молодымъ докторомъ Мошемъ, служившимъ въ городской женской клиникѣ, и Фрицъ нанялъ помѣщеніе для Альмы, на что потребовалась довольно большая сумма денегъ. Надо было думать о заработкѣ. Конецъ его повѣсти былъ напечатанъ въ „Импрессіонистѣ“, но редакція выговорила, чтобы онъ не печаталъ ее отдѣльнымъ изданіемъ раньше года, а написать что-нибудь новое—нечего было и думать. Исторія съ Гедвигой такъ на него подѣйствовала, что онъ не былъ въ состояніи написать ни строчки. Пришлось обратиться къ Вейсблейхеру и просить переводной работы. Издатель предложилъ ему перевести одинъ французскій романъ, отъ котораго

дама переводчица отказалась, объявивъ, что для нея онъ слишкомъ неприличенъ. Фрицъ съ радостью взялся за работу и удивлялъ Вейсблейхера своимъ прилежаніемъ. Образъ жизни онъ велъ теперь приблизительно такой же, какъ въ то время, когда они жили у фрау Клиппель. Весь день Фрицъ работалъ за письменнымъ столомъ, а вечера проводилъ у Альмы. Но тогда онъ работалъ надъ собственнымъ произведеніемъ, а теперь это была переводная работа изъ-за гонорара. Переводимый имъ романъ представлялъ собою одну изъ послѣднихъ раковинъ, выброшенныхъ на берегъ огромной натуралистической волной, прошедшей по французской литературѣ, но въ немъ не сохранилось того особеннаго запаха пота, крови, угольнаго дыма и пороха, которымъ проникнутъ гигантскій циклъ „Rougon-Macquart'овъ". У этого утонченнаго эпигона преобладалъ одурманивающій ароматъ теплицы. У него было больше вкуса, и подробности были больше выработаны, чѣмъ у великаго живописца al-fresco Зола съ его темной палитрой. Переводя какого-нибудь автора, начинаешь относиться къ нему совсѣмъ иначе, чѣмъ при обыкновенномъ чтеніи. Вдвойнѣ продумываешь всѣ его мысли, и на его, и на своемъ языкѣ, и невольно подсматриваешь за его скрытой внутренней работой. Фрицъ былъ пораженъ отсутствіемъ оригинальности и своеобразности и необыкновенной ловкостью, съ какой было написано это произведеніе. Онъ невольно задумался надъ вопросомъ: не сдѣлалось ли слишкомъ легко въ наши дни писать годныя для чтенія книги? Нужно имѣть только немного фантазіи, ума, вкуса и способности комбинировать и затѣмъ беззастѣнчиво пользоваться произведеніями другихъ авторовъ. Сокровищница мыслей, знаній и наблюденій, завѣщанная намъ прошлымъ,—неисчерпаема. И поэтому именно какъ страшно трудно создать что-нибудь свое, въ чемъ бы ярко выразилась индивидуальность и что могло бы просуществовать хоть десятокъ лѣтъ!

Обо всемъ этомъ онъ часто бесѣдовалъ съ Лемфинкомъ. Кромѣ этого поводомъ для споровъ являлась и книга Лемфинка. Другой на его мѣстѣ пришелъ бы въ отчаяніе отъ пріема, оказаннаго ей въ прессѣ. Ежедневныя политическія газеты замалчивали ее. Имъ были непріятны горькія истины, преподносимыя въ книгѣ всѣмъ партіямъ. Научные органы сожалѣли о недостаткѣ методы въ этомъ трудѣ, а остальная пресса пользовалась книгой Лемфинка для своихъ якобы остроумныхъ выходокъ. Но этотъ пріемъ именно доказывалъ автору, что онъ долженъ былъ написать свое сочиненіе, и онъ былъ доволенъ и спокоенъ.

Бертингъ пробовалъ оспаривать мнѣнія своего друга, стараясь защитить современную культуру, но Лемфинкъ возражалъ ему:

— Возьмемъ, напримѣръ, натурализмъ. Я не обвиняю его, конечно, въ неприличіи, какъ дѣлаютъ многіе, но для меня ясны его духовные недостатки. Онъ проникъ во многія важныя явленія, какъ, напримѣръ, въ физіологію, но отказался отъ метафизики. Въ его произведеніяхъ есть ширина, но нѣтъ горизонтовъ. Это точно обширная зала съ низкимъ потолкомъ. Драмы его не затрогиваютъ огромныхъ и самыхъ важныхъ жизненныхъ проблемъ, и поэтому не увлекаютъ, не восхищаютъ, а только смущаютъ и подавляютъ.

— А Ибсенъ?—возражалъ Бертингъ.

— Что же, ты думаешь, что Ибсенъ даетъ намъ новую нравственность? Онъ только указываетъ намъ, гдѣ началось самое сильное гніеніе и разложеніе. Онъ дѣлаетъ намъ ясной нашу болѣзнь, но онъ не врачъ и не исцѣляетъ насъ. Не таковы были Данте, Шекспиръ и Гёте, и я жалѣю, что этотъ сѣверный богатырь съ его огромнымъ эгоизмомъ имѣетъ такое вліяніе на нѣмецкую литературу. Совсѣмъ другихъ учителей желалъ бы я для молодого поколѣнія!

— Я не думаю,—замѣтилъ Фрицъ,—чтобы революція въ нашей умственной жизни была вызвана внѣшнимъ вліяніемъ. Переворотъ произошелъ бы и безъ Зола, Ибсена и Толстого.

— Конечно, натурализмъ и соціализмъ—два родные брата, и они до нѣкоторой степени очистили атмосферу, отяжелѣвшую отъ затхлаго филистерства и вредныхъ испареній разныхъ умственныхъ болотъ; но имъ можно было симпатизировать только пока они были молоды, а теперь они старѣютъ и сами превращаются въ сытыхъ буржуа. Научный соціализмъ—это то же, что̀ и натуралистическая литература. Онъ держится слишкомъ на поверхности. Говорятъ о свободѣ, а сами потворствуютъ инстинктамъ массы. Въ концѣ-концовъ все это приводитъ не къ освобожденію личности, а къ ея умерщвленію.

— Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь, Лемфинкъ, почему ты въ своей главѣ „Руководящіе умы“ не поставилъ Ницше?

— Ницше не хотѣлъ самъ быть руководителемъ, и никогда имъ не будетъ. Его слова—острый ножъ безъ рукоятки. Его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ разрушилъ аскетическую сторону христіанства.

— Но, милый Лемфинкъ, неужели ты ждешь чего-нибудь отъ христіанства? Мнѣ оно кажется давно умершимъ.

— А я, Бертингъ, скажу тебѣ, что втайнѣ мечтаю и надѣюсь, что христіанство, освободившись отъ вѣкового непониманія и ложныхъ толкованій, опутывавшихъ его и мѣшавшихъ его движенію, какъ ненужныя тяжелыя и темныя одежды, сдѣлается основаніемъ и свѣтомъ будущаго человѣчества.

За такими разговорами время проходило незамѣтно. Тони не вмѣшивалась въ споры двухъ друзей, но ея присутствіе было пріятно для обоихъ. Фрицъ съ большимъ интересомъ изучалъ этотъ новый типъ женщины.

Ея простая, многосторонняя, но не слишкомъ сложная натура дѣйствовала на него успокоительно. Мать свою онъ потерялъ рано, съ сестрою не былъ друженъ и на всѣхъ женщинъ привыкъ смотрѣть исключительно какъ на женщинъ; поэтому его особенно радовали завязавшіяся у него товарищескія отношенія съ Тони. Онъ охотно разсказалъ бы ей объ Альмѣ, но его удерживалъ страхъ, что Лемфинку это можетъ не понравиться.

Между тѣмъ Альма переселилась въ клинику, и докторъ Мошъ аккуратно сообщалъ Фрицу о состояніи ея здоровья.

XXXVI.

У Альмы родилась дѣвочка. Бертингъ узналъ объ этомъ отъ доктора Моша. Тотъ запиской увѣдомилъ его, что все обошлось благополучно и идетъ своимъ нормальнымъ путемъ.

Извѣстіе о томъ, что онъ сдѣлался отцомъ, произвело довольно странное и неожиданное впечатлѣніе на Бертинга. Оно не вызвало въ немъ ни малѣйшей радости; онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ, окончательно связаннымъ. Ему казалось, что на него навалилась какая-то тяжесть, и его охватывалъ ужасъ, когда онъ думалъ о будущемъ.

Онъ не чувствовалъ особенной потребности увидѣть Альму съ дочерью. Одно сознаніе, что у него родился ребенокъ, вызывало въ немъ ощущеніе неловкости.

Онъ получилъ рано утромъ записку отъ доктора Моша и днемъ отправился къ нему.

Докторъ поздравилъ отца. Онъ увѣрялъ его, что дѣвочка прелестна и голосъ у нея необыкновенно звонкій. Затѣмъ онъ вдался еще въ нѣкоторыя подробности относительно новорожденной. Фрицу пришло въ голову, ужъ не смѣется ли онъ надъ нимъ.

Домой онъ вернулся въ самомъ отвратительномъ настроеніи.

— А я, Бертингъ, скажу тебѣ, что втайнѣ мечтаю и надѣюсь, что христіанство, освободившись отъ вѣкового непониманія и ложныхъ толкованій, опутывавшихъ его и мѣшавшихъ его движенію, какъ ненужныя тяжелыя и темныя одежды, сдѣлается основаніемъ и свѣтомъ будущаго человѣчества.

За такими разговорами время проходило незамѣтно. Тони не вмѣшивалась въ споры двухъ друзей, но ея присутствіе было пріятно для обоихъ. Фрицъ съ большимъ интересомъ изучалъ этотъ новый типъ женщины.

Ея простая, многосторонняя, но не слишкомъ сложная натура дѣйствовала на него успокоительно. Мать свою онъ потерялъ рано, съ сестрою не былъ друженъ и на всѣхъ женщинъ привыкъ смотрѣть исключительно какъ на женщинъ; поэтому его особенно радовали завязавшіяся у него товарищескія отношенія съ Тони. Онъ охотно разсказалъ бы ей объ Альмѣ, но его удерживалъ страхъ, что Лемфинку это можетъ не понравиться.

Между тѣмъ Альма переселилась въ клинику, и докторъ Мошъ аккуратно сообщалъ Фрицу о состояніи ея здоровья.

XXXVI.

У Альмы родилась дѣвочка. Бертингъ узналъ объ этомъ отъ доктора Моша. Тотъ запиской увѣдомилъ его, что все обошлось благополучно и идетъ своимъ нормальнымъ путемъ.

Извѣстіе о томъ, что онъ сдѣлался отцомъ, произвело довольно странное и неожиданное впечатлѣніе на Бертинга. Оно не вызвало въ немъ ни малѣйшей радости; онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ, окончательно связаннымъ. Ему казалось, что на него навалилась какая-то тяжесть, и его охватывалъ ужасъ, когда онъ думалъ о будущемъ.

Онъ не чувствовалъ особенной потребности увидѣть Альму съ дочерью. Одно сознаніе, что у него родился ребенокъ, вызывало въ немъ ощущеніе неловкости.

Онъ получилъ рано утромъ записку отъ доктора Моша и днемъ отправился къ нему.

Докторъ поздравилъ отца. Онъ увѣрялъ его, что дѣвочка прелестна и голосъ у нея необыкновенно звонкій. Затѣмъ онъ вдался еще въ нѣкоторыя подробности относительно новорожденной. Фрицу пришло въ голову, ужъ не смѣется ли онъ надъ нимъ.

Домой онъ вернулся въ самомъ отвратительномъ настроеніи.

Работать онъ былъ не въ состояніи, и рѣшилъ отправиться къ Лемфинку. Онъ хотѣлъ сообщить о случившемся своему другу, смутно надѣясь найти у него утѣшеніе.

Братъ и сестра были дома. Бертингъ воспользовался минутой, когда Тони вышла изъ комнаты, и разсказалъ Лемфинку объ Альмѣ.

Лемфинкъ поздравилъ Фрица, хотя и въ нѣсколько другомъ тонѣ, чѣмъ докторъ Мошъ. Онъ сказалъ, что ему довольно трудно войти въ душевное настроеніе друга, но онъ представляетъ себѣ, что передъ тайной появленія на свѣтъ новаго существа, вызваннаго къ жизни взаимной любовью, смолкаютъ всѣ мелочныя тревоги и заботы. Онъ полагалъ, что сознаніе себя виновникомъ жизни будущаго человѣка вызываетъ въ душѣ страхъ и радость. Онъ считалъ рожденіе ребенка самымъ важнымъ и знаменательнымъ событіемъ въ жизни людей.

Генрихъ Лемфинкъ казался очень взволнованнымъ, говоря все это. Фрицъ даже не ожидалъ, что новость до такой степени задѣнетъ за живое его друга.

Вошла Тони съ кофейнымъ приборомъ, и разговоръ оборвался.

Бертингъ чувствовалъ, что въ своемъ настроеніи онъ всѣмъ въ тягость, и собрался уходить. Тони долго и безуспѣшно уговаривала его остаться. На прощанье она не выдержала и спросила, что̀ съ нимъ случилось. Онъ уклончиво отвѣтилъ, что у него дѣловыя непріятности.

Лемфинкъ пошелъ его проводить, и они опять вернулись къ прерванному разговору. Лемфинкъ сказалъ Фрицу, что понимаетъ всю трудность его положенія, но проситъ не забывать въ тяжелыя минуты, что у него есть другъ, всегда готовый помочь ему.

Фрицъ поблагодарилъ Лемфинка. Онъ надѣялся, что все уладится, и ему не придется затруднять Генриха.

На другой день утромъ Фрицъ получилъ отъ Альмы записку, написанную карандашомъ на измятомъ клочкѣ бумаги. Онъ съ трудомъ разобралъ ея царапанье.

Альма писала, что все идетъ хорошо, и она очень счастлива. Дѣвочка взяла грудь. У нея вся головка въ завиткахъ и она очень похожа на Фрица. Въ заключеніе Альма благодарила Фрица за все и выражала надежду скоро, очень скоро увидѣться съ нимъ и показать ему ихъ дочку.

Фрицъ отвѣтилъ Альмѣ. Онъ просилъ ее беречься, спрашивалъ, не хочется ли ей чего-нибудь, и увѣрялъ, что готовъ сдѣлать для нея рѣшительно все. Только придти къ ней онъ никакъ не могъ. Докторъ былъ противъ его посѣщенія.

Въ этотъ день онъ опять не могъ работать. Онъ чувствовалъ себя разстроеннымъ, и ему было грустно, грустно до слезъ. Ему представлялась Альма съ ребенкомъ на рукахъ, и ему становилось до боли жаль ее. Онъ сердился на себя, смѣялся надъ собственной сентиментальностью, но никакъ не могъ отогнать этихъ мыслей, и онѣ продолжали терзать его.

Онъ рѣшилъ опять пойти къ Лемфинку. Погода была чудесная; времени у него было много, такъ какъ работа положительно не клеилась, и онъ пошелъ пѣшкомъ.

Лемфинка не было дома, но, уходя, онъ распорядился, чтобы Фрица задержали, если онъ придетъ въ его отсутствіе. Онъ просилъ передать, что долженъ сообщить ему что-то очень важное.

Тони не могла объяснить, въ чемъ дѣло. Утромъ братъ ея получилъ какое-то письмо, но она не знала его содержанія. Во всякомъ случаѣ, ей казалось, что вѣсти были хорошія.

— Не пойдемъ ли мы прогуляться?—предложила она.—Пойдемъ куда-нибудь по близости, чтобы не заставить ждать Генриха.

Фрицъ согласился. Они вышли изъ дому и пошли по каменистой дорожкѣ къ возвышенности, съ которой открывался видъ на рѣку и весь городъ, а въ отдаленіи синѣли горы. Отсюда они повернули назадъ и направились домой.

Разговоръ какъ-то не клеился. Тони, противъ обыкновенія, была очень молчалива, и ея неразговорчивость показалась Фрицу подозрительной. У Тони былъ такой видъ, точно она все время собиралась его спросить о чемъ-то и не рѣшалась. Онъ искоса посмотрѣлъ на нее, и въ эту минуту ихъ взгляды встрѣтились. Тони вся вспыхнула.

Фрицъ подумалъ, что Лемфинкъ выдалъ его тайну сестрѣ, и ему захотѣлось узнать, что̀ думаетъ обо всемъ этомъ Тони. Онъ не могъ себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на нее неожиданное открытіе. И вдругъ Тони заговорила первая.

— Генрихъ разсказалъ мнѣ все, г-нъ Бертингъ. Какъ здоровье малютки?—прибавила она уже болѣе тихимъ голосомъ.

Фрицъ отвѣтилъ, что мать и ребенокъ, насколько онъ слышалъ, чувствуютъ себя отлично.

— Развѣ вы еще не видѣли вашей дѣвочки? — съ изумленіемъ воскликнула Тони.

Онъ возразилъ, что до сихъ поръ еще не имѣлъ возможности побывать въ больницѣ, да, откровенно говоря, и не особенно стремился къ этому.

— Я васъ не понимаю!—сказала Тони.

Фрицъ пробовалъ объяснить, что онъ положительно не знаетъ, какъ обращаться съ такимъ крошечнымъ существомъ.

— Но это просто неестественно!—съ негодованіемъ вырвалось у дѣвушки.

— Мы, мужчины, чувствуемъ себя крайне безпомощными относительно такихъ маленькихъ дѣтей. Никогда такъ ясно не сознаемъ мы нашу слабость и нашу односторонность. Можетъ быть, это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда мужчина и женщина должны взаимно пополнять другъ друга. Вы не согласны со мной?

Но Тони даже ничего не отвѣтила на этотъ вопросъ, и они молча дошли до дома. У самаго входа дѣвушка вдругъ остановилась.

— У меня къ вамъ большая просьба, г-нъ Бертингъ,—сказала она.—Позвольте мнѣ посмотрѣть вашу дочку. Мнѣ очень хотѣлось бы познакомиться съ Альмой. Генрихъ такъ много мнѣ разсказывалъ о ней.

Говоря это, она взяла его за руку. Фрицъ колебался всего одно мгновенье и затѣмъ отвѣтилъ, что будетъ очень радъ, если Тони познакомится съ Альмой.

Лемфинкъ былъ уже дома. Онъ обнялъ сестру и какъ-то многозначительно пожалъ руку Фрицу.

— Неужели вы не видите во мнѣ ничего особеннаго?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— У тебя такой видъ, точно ты выигралъ двѣсти тысячъ,—отвѣтилъ Фрицъ.

— И ты не ошибся. Я дѣйствительно выигралъ, хотя и не на выигрышный билетъ.

— Генрихъ! — воскликнула, задыхаясь отъ волненія, Тони. —Что съ тобой?

— А вотъ что: Фрицъ всегда увѣрялъ меня, что во мнѣ есть что-то профессорское, а теперь, кажется, этотъ взглядъ раздѣляютъ и другіе. Мнѣ предлагаютъ каѳедру исторіи современной литературы...

— Гдѣ?—воскликнула Тони.

Генрихъ Лемфинкъ взглянулъ на портретъ Фишера, стоявшій на его письменномъ столѣ.

— На родинѣ!—отвѣтилъ онъ.

— Генрихъ! — И Тони бросилась обнимать брата. — Жаль только, что отецъ съ матерью не дожили до этого!

И она разрыдалась, прижимаясь къ груди брата.

Бертингъ отошелъ къ окну. Ему не хотѣлось смущать ихъ своимъ присутствіемъ.

Когда улеглось первое волненіе, Лемфинкъ долженъ былъ разсказать подробно, какъ все случилось. Онъ самъ былъ пораженъ неожиданнымъ предложеніемъ, и думалъ, что до нѣкоторой степени обязанъ имъ одному знакомому изъ кружка Фишера. Насколько онъ слышалъ, этотъ человѣкъ пользуется теперь большимъ вліяніемъ. Но, во всякомъ случаѣ, Лемфинкъ не прибѣгалъ ни къ какой протекціи и утѣшался мыслью, что его новая книга повліяла на его избраніе гораздо болѣе всякихъ ходатайствъ и рекомендацій.

— Ты великолѣпенъ, какъ всегда!—воскликнулъ Фрицъ.— Удивляюсь, какъ это ты еще не отказался отъ мѣста! Вѣдь ты способенъ отвѣтить...

— Еслибы я былъ увѣренъ, что получилъ его благодаря протекціи, я не задумался бы ни на одну минуту,—отвѣтилъ Лемфинкъ.

Тони бросилась опять обнимать брата.

— Какъ проведемъ мы вечеръ, Генрихъ?—спросила она.— У меня такое чувство, что я могла бы пройтись по канату.

— Пускай рѣшаетъ Бертингъ,—отвѣтилъ Лемфинкъ.

Но Фрицъ молчалъ, и Тони сразу поняла, что̀ означаетъ его молчаніе.

— Вотъ что̀: мы останемся дома,—рѣшила она.

— Это будетъ самое лучшее. Я позабочусь объ ужинѣ.

И Тони вышла изъ комнаты.

— Что̀ съ тобой, Бертингъ?—спросилъ Лемфинкъ, когда они остались одни.—Ты какъ будто недоволенъ?

— Видишь ли, человѣкъ прежде всего—эгоистъ. Твое счастье должно было заставить меня позабыть рѣшительно все, а между тѣмъ...

— Прости пожалуйста! Я не понимаю, что̀ со мной сдѣлалось! Вѣдь я не спросилъ тебя ни объ Альмѣ, ни о дѣвочкѣ. Я—ужасный эгоистъ. Прости меня!

— Полно, Лемфинкъ,—остановилъ его Фрицъ.—Мнѣ тяжело подумать, что придется разстаться съ тобой. Вотъ что̀ удручаетъ меня.

XXXVII.

Совершенно неожиданно Бертингъ получилъ письмо изъ Берлина. Его сестра Констанція написала ему, что они рѣшили сдѣлать небольшое путешествіе и проѣздомъ остановиться дня на два въ городѣ, чтобы повидаться съ Фрицемъ.

Бертинга очень мало радовало предстоящее свиданіе, но избѣжать его было нельзя, и онъ покорился необходимости.

Констанція измѣнилась очень мало. Какъ только Фрицъ увидѣлъ ея тонкое лицо и бѣлокурые волосы, на него пахнуло чѣмъ-то далекимъ, полузабытымъ и все-таки роднымъ. Мужа ея не было дома, и Фрицъ былъ этимъ очень доволенъ. Присутствіе г-на Веднера всегда производило на него удручающее впечатлѣніе.

Разговоръ шелъ о самыхъ незначительныхъ вещахъ, но Констанція болтала безъ остановки и все время смѣялась. Фрицу она показалась даже какой-то неестественной въ этомъ непривычномъ для нея оживленіи.

Фрицъ освѣдомился о своемъ племянникѣ Артурѣ, единственномъ сынѣ четы Веднеръ, и Констанція объяснила ему, что мальчикъ остался еще въ Берлинѣ и они съѣдутся съ нимъ въ Гмунденѣ. Она много распространялась объ его успѣхахъ въ наукахъ и восхищалась его благонравіемъ. Фрицъ разсѣянно слушалъ сестру и немного удивлялся, почему она такъ волнуется и такъ сильно краснѣетъ, разсказывая о мальчикѣ. Этотъ многообѣщающій юноша мало интересовалъ его, и онъ не особенно желалъ его видѣть. Отсутствіе Веднера Бертингъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что его зять не хотѣлъ мѣшать свиданію брата съ сестрою.

Прощаясь съ Констанціей, Фрицъ обѣщалъ ей придти на другой день въ гостинницу къ опредѣленному часу. Въ общемъ, Констанція произвела довольно хорошее впечатлѣніе на Фрица. Ласковая, безобидная и веселая, она невольно располагала въ свою пользу; все непріятное въ ней онъ приписывалъ вліянію мужа.

На другой день рано утромъ Фрицъ купилъ букетъ розъ и самъ отнесъ его въ гостинницу. Ему хотѣлось, чтобы цвѣты передали сестрѣ, какъ только она проснется. Въ подъѣздѣ отеля онъ столкнулся съ своимъ зятемъ, въ сопровожденіи мальчика лѣтъ шестнадцати.

Веднеръ былъ въ высшей степени пораженъ этой неожиданной встрѣчей и довольно нелюбезно замѣтилъ Фрицу, что, насколько онъ понялъ, Констанція ждетъ его значительно позднѣе. Бертингъ вмѣсто отвѣта указалъ на розы. Блѣдный юноша молча и съ нескрываемымъ любопытствомъ разсматривалъ Бертинга. Сходство его съ Веднеромъ было поразительное, и Фрицъ не сомнѣвался, что это—его племянникъ Артуръ.

Веднеръ между тѣмъ объяснилъ Бертингу, что ѣдетъ про-

водить сына на вокзалъ, такъ какъ тотъ уѣзжаетъ съ ихъ хорошими знакомыми. Экипажъ стоялъ уже у подъѣзда, и Веднеръ ужасно торопился, хотя швейцаръ и увѣрялъ его, что времени болѣе чѣмъ достаточно.

И отецъ съ сыномъ уѣхали такъ поспѣшно, что дядя и племянникъ успѣли обмѣняться всего нѣсколькими ничего незначащими фразами.

Теперь только понялъ Бертингъ, что̀ означало смущеніе Констанціи и ея сбивчивые и уклончивые отвѣты на разспросы брата объ Артурѣ. Его считали настолько опаснымъ, что всѣми способами старались оградить отъ него своего единственнаго сына. Констанція лгала, когда говорила, что мальчика нѣтъ съ ними; но, вспоминая ея жалкій, растерянный видъ, Фрицъ понималъ, до какой степени ей трудно было обманывать брата. По всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ жизни, она повиновалась своему мужу.

Въ назначенный наканунѣ часъ Фрицъ пошелъ къ сестрѣ. Констанція казалась удрученной, и въ первую минуту всѣмъ было какъ-то не по себѣ, но потомъ постепенно все обошлось. Фрицъ ни словомъ не обмолвился объ утренней встрѣчѣ, а Веднеръ старался быть любезнымъ, хотя въ душѣ страшно злился на шурина. Они позавтракали втроемъ здѣсь же въ гостинницѣ, и послѣ завтрака Веднеръ отправился къ какимъ-то знакомымъ, а Фрицъ предложилъ Констанціи осмотрѣть городъ.

Безъ мужа Констанція стала опять другимъ человѣкомъ. Къ ней вернулось ея хорошее настроеніе, и въ обращеніи съ братомъ снова появились такъ подкупившія его наканунѣ искренность и ласка. Они долго бродили по городу и наконецъ зашли на выставку картинъ современныхъ художниковъ.

Оказалось, что Констанція не видѣла еще никогда ничего подобнаго. Мужъ не водилъ ее на выставки, и все, что̀ она теперь видѣла, произвело на нее сильное впечатлѣніе. Прислушиваясь къ ея наивнымъ, но иногда довольно мѣткимъ замѣчаніямъ, Фрицъ невольно удивлялся ея непосредственной чуткости, перемѣшанной съ мелочностью и пошлостью. Она видимо старалась выпытать у брата что-нибудь объ его личной жизни, но Фрицъ былъ на-сторожѣ. Онъ зналъ, что Констанція разскажетъ все мужу, и ему не хотѣлось имѣть своимъ повѣреннымъ г-на Веднера.

Констанція нашла, что у брата довольно плохой видъ. Онъ сильно похудѣлъ, и она сомнѣвалась, достаточно ли хорошо онъ питается. Она осторожно спросила его насчетъ его денежныхъ средствъ, но Фрицъ оборвалъ ея разспросы. Ему не хотѣлось

посвящать сестру въ свои дѣла, и онъ перевелъ разговоръ на другую тему.

Домой они вернулись къ обѣду. Веднеръ уже ждалъ ихъ. Онъ былъ оживленъ и видимо чѣмъ-то очень доволенъ. Онъ упомянулъ вскользь, что провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ кругу людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Фрицъ изъ разсказовъ сестры уже зналъ, что Веднеръ считаетъ своими всѣхъ тѣхъ, кто возмущается новыми вѣяніями, и онъ не могъ удержаться, чтобы довольно ядовито не упомянуть о выставкѣ картинъ, на которой онъ былъ утромъ съ Констанціей. Веднеръ насторожился.

— Какія же картины вы тамъ смотрѣли?—недовольнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Бёклина, Клингера, Либермана, Штука!

— Вотъ тоже вздоръ!—презрительно вырвалось у Веднера. —И охота тебѣ, Констанція, терять время на подобныя глупости!

Констанція покраснѣла и опустила глаза. Спорить и отстаивать свое мнѣніе она, конечно, не смѣла.

На слѣдующій день Бертингъ засталъ уже сестру одну. Онъ провелъ съ нею нѣсколько часовъ, и ему показалось, что она все время собиралась поговорить съ нимъ о себѣ и о своей далеко не радостной семейной жизни. Но Фрицъ сознавалъ, что не можетъ ничѣмъ помочь ей, и уклонялся отъ ея откровенности на эту тему. При прощаньи она видимо не удержалась и заговорила о томъ, что̀ всегда ее тревожило и возмущало въ братѣ. Она спросила его, неужели онъ совсѣмъ не умѣетъ писать иначе, чѣмъ онъ писалъ до сихъ поръ. Сама она не прочла ни одной строчки изъ его сочиненій, но отъ мужа знала, до какой степени все это ужасно. Она прибавила, что ей грустно и больно сознавать, что ея единственный братъ принадлежитъ къ сомнительному кружку людей, не признающихъ никакой нравственности и сѣющихъ смуту въ обществѣ.

Фрицъ ничего не отвѣтилъ Констанціи. Они говорили на разныхъ языкахъ, и никогда не могли понять другъ друга.

Въ день отъѣзда Веднеровъ Фрицъ получилъ письмо отъ Альмы. Она писала, что чувствуетъ себя здоровой, и что ей скучно лежать въ постели. Ей очень хотѣлось какъ можно поскорѣе выписаться изъ больницы, повидать Фрица, а главное, показать ему дочку.

Бертингъ отправился къ доктору Мошу и сообщилъ ему, что Альма желаетъ вернуться домой.

Докторъ отвѣтилъ, что не видитъ никакихъ причинъ задер-

живать свою паціентку въ больницѣ. Альма могла ѣхать домой, но еще долгое время ее слѣдовало очень и очень беречь, для полнаго возстановленія силъ и здоровья.

Альма поспѣшила перебраться къ себѣ. Вечеромъ въ день переѣзда къ ней пришелъ Фрицъ. Ему было очень грустно, что онъ не могъ принести ей никакого, хотя бы самаго маленькаго подарка. Денегъ у него совсѣмъ не было, и онъ даже остался долженъ въ больницѣ.

Конечно, Фрицъ не могъ вполнѣ раздѣлить восторга Альмы относительно ребенка. Молча и неподвижно стоялъ онъ передъ бѣльевой корзиной, замѣнявшей колыбель его дочери. Крошечное существо съ недовольнымъ старческимъ личикомъ вызывало въ немъ какое-то брезгливое чувство. Въ жарко натопленной, тѣсной комнатѣ стоялъ специфическій спертый и кислый запахъ, и Фрицъ, имѣвшій тонкое обоняніе, съ трудомъ скрывалъ свое отвращеніе.

Альма съ какимъ-то чисто материнскимъ упоеніемъ возилась съ пеленками и свивальниками. Взявъ ребенка на руки, она, нисколько не стѣсняясь Фрица, приложила его къ груди.

Радость ея въ первую минуту свиданія съ любимымъ человѣкомъ была безмѣрна, но теперь, когда ребенокъ лежалъ у ея груди, Фрицъ отступалъ уже на задній планъ.

Фрицъ понялъ это. Вглядываясь въ Альму, онъ былъ пораженъ происшедшей въ ней перемѣной. Она вся сдѣлалась точно другимъ существомъ. Она достигла своей цѣли, выполнила свое назначеніе, и любовница уступила мѣсто матери.

Ребенокъ сосалъ грудь, а Альма тихимъ голосомъ говорила Фрицу, что у нея нѣтъ самыхъ необходимыхъ вещей для ея дѣвочки. У квартирной хозяйки тоже былъ маленькій ребенокъ и она удѣлила ей немного дѣтскаго бѣлья, но его не хватало. Кромѣ того, необходимо было купить люльку и ванночку.

Слушая все это, Фрицъ недоумѣвалъ, откуда ему взять денегъ на всѣ эти покупки, а по мѣрѣ того какъ ребенокъ будетъ рости, ему предстояли еще новыя издержки и еще большіе расходы.

Альма замѣтила его удрученный видъ и стала горячо увѣрять, что вполнѣ понимаетъ, до какой степени ему трудно и тяжело. Она говорила, что будетъ жить какъ можно экономнѣе, и примется за работу, какъ только станетъ чувствовать себя немного покрѣпче. Для своей дѣвочки она готова была работать изо всѣхъ силъ. Ребенокъ долженъ имѣть все, что̀ ему нужно.

XXXVIII.

Однажды съ утренней почтой Бертингъ получилъ извѣщеніе о помолвкѣ г-на редактора Зигфрида Зильбера съ единственной дочерью вдовы г-жя Бейерлейнъ—Милли Бейерлейнъ. Это было отпечатано золотыми буквами на великолѣпной толстой бумагѣ. Фрицъ взялъ двѣ визитныя карточки, написалъ на обѣихъ „сердечное поздравленіе“ и отправилъ по назначенію. Зигфрида Зильбера онъ давно не видалъ, но послѣднее, чтò онъ о немъ слышалъ, это было то, что Кароль крестился.

Въ одинъ прекрасный день Зигфридъ Зильберъ самъ явился къ Бертингу. Прежде всего онъ поблагодарилъ Фрица за „сердечное поздравленіе“, а затѣмъ сообщилъ, что ему нужно поговорить о дѣлахъ.

Онъ разсказалъ, что составъ редакціи „Импрессіониста“ приходится существенно измѣнить, въ виду печальныхъ событій въ семьѣ Гильшіусъ-Эшауеръ. Зильберъ не сомнѣвался, что Бертингъ уже знаетъ о всемъ этомъ, и очень удивился, когда Фрицъ объяснилъ ему, что за послѣднее время онъ не имѣлъ ровно никакихъ свѣдѣній объ этомъ кружкѣ.

— Въ такомъ случаѣ вы, значитъ, ничего не знаете о банкротствѣ Эшауера и о тяжкой болѣзни его жены? Ее положили въ клинику, и она почти безнадежна,—сказалъ Зильберъ.

Извѣстіе о болѣзни Анни поразило Фрица гораздо болѣе, чѣмъ разореніе ея мужа. Онъ съ трудомъ могъ представить себѣ эту полную жизни женщину тяжело больною, почти безнадежною. По словамъ Зильбера, она умирала отъ какой-то мучительной женской болѣзни. Все раздраженіе противъ Анни сразу улеглось въ душѣ Фрица, уступивъ мѣсто мучительной жалости.

Г-жа Гильшіусъ слишкомъ довѣряла своему зятю, и его банкротство разорило и ее. Она не могла больше поддерживать „Импрессіониста“. Маркусъ Гизель собирался уѣзжать въ Вѣну, куда стремился послѣдовать за своимъ идоломъ и Теофиль-Алоизъ Гильшіусъ. Такимъ образомъ, редакціи въ прежнемъ составѣ уже не существовало. Зильберъ увѣрялъ, что въ литературномъ отношеніи журналъ отъ этого только выиграетъ; что же касается денежныхъ средствъ, то на этотъ счетъ у редактора „Импрессіониста“ открывались новые горизонты.

— Скажу вамъ по секрету, что Вейсблейхеръ очень интересуется нашимъ журналомъ, — съ таинственнымъ видомъ сообщилъ Фрицу его гость.

— Неужели это правда?—изумился Бертингъ.

— Да, это почти рѣшенное дѣло, — отвѣтилъ Зильберъ.— Вейсблейхеръ понялъ, наконецъ, что дружба съ нами представляетъ извѣстныя выгоды.

— А что же вы будете дѣлать?

— Я? Я остаюсь редакторомъ журнала. Вейсблейхеръ даетъ деньги—и все пойдетъ чудесно. Надѣюсь, что и вы, дорогой Бертингъ, не оставите насъ вашимъ сотрудничествомъ?

Фрицъ поблагодарилъ за честь, но уклонился отъ предложенія.

— Но развѣ вы можете пожаловаться на гонораръ? Кажется, мы всегда хорошо оплачивали вашъ трудъ? Неужели вы недовольны?

Фрицъ сказалъ, что считаетъ дѣло рѣшеннымъ, и не желаетъ вдаваться ни въ какія объясненія.

— Но что съ вами, Бертингъ? — воскликнулъ Зильберъ. — Значитъ, вы имѣете что-то противъ меня лично?

Фрицъ только пожалъ плечами. Ему не хотѣлось прямо сказать Зильберу, что онъ все на свѣтѣ предпочитаетъ зависимости отъ него и Вейсблейхера.

— Положительно ничего не понимаю!—горячился Зильберъ. —Вейсблейхеръ говорилъ мнѣ, что вы въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а между тѣмъ...

Бертингъ просилъ Зильбера не продолжать, такъ какъ всѣ дальнѣйшіе разговоры безполезны и рѣшенія своего онъ не перемѣнитъ.

— Вы слишкомъ горды, Бертингъ, слишкомъ горды!—весь поблѣднѣвъ отъ волненія, проговорилъ Зильберъ. — Когда-то, когда меня еще никто не зналъ и не поддерживалъ, вы приняли во мнѣ участіе, и я, въ свою очередь, искренно хотѣлъ быть вамъ полезнымъ. Но я вижу, что вы не въ мѣру горды! Берегитесь, чтобы съ вами не случилось того же, что и съ вашимъ другомъ, докторомъ Лемфинкомъ. Благодаря самомнѣнію, человѣкъ этотъ ничего не достигъ, да и не достигнетъ въ жизни.

Въ отвѣтъ на эти слова, Бертингъ громко разсмѣялся и съ удовольствіемъ сообщилъ гостю объ успѣхѣ своего друга.

Маленькій человѣчекъ весь насторожился, и лицо его выразило смѣсь удивленія, зависти и стремленіе побороть охватившую его злобу.

— Такое назначеніе—это просто находка для г-на Лемфинка, и всѣ знавшіе его печальное положеніе, конечно, отъ души порадуются за него,—проговорилъ онъ съ довольно кислой миной.

Фрицу стало просто невыносимо присутствіе Зильбера, и онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда его гость вдругъ заторопился уходить, ссылаясь на неотложныя редакціонныя дѣла. На прощанье, Зильберъ такъ крѣпко и такъ по дружески жалъ руку Бертингу, точно между ними не произошло ровно ничего непріятнаго и они разстаются въ самыхъ прекрасныхъ отношеніяхъ; а черезъ нѣсколько дней Фрицъ получилъ отъ него письмо съ приложеніемъ рукописи. Это была новая повѣсть Гедвиги фонъ-Лаванъ, присланная ею для напечатанія въ „Импрессіонистѣ". Зильберъ считалъ своимъ долгомъ познакомить Бертинга съ новымъ произведеніемъ талантливой писательницы, честь открытія которой принадлежала исключительно ему, Бертингу. Заглянувъ въ рукопись, Фрицъ сразу понялъ, что всѣ дѣйствующія лица повѣсти списаны цѣликомъ съ хорошо знакомыхъ ему людей. Вальдемаръ Гесловъ фигурировалъ въ образѣ опернаго пѣвца, а сама Гедвига изобразила себя подъ видомъ актрисы. Героиня занималась тѣмъ, что дурачила своихъ двухъ поклонниковъ. Въ лицѣ одного изъ одураченныхъ Бертингъ узналъ самого себя. Гедвига не только списала до малѣйшихъ подробностей наружность Фрица, но не постѣснилась привести почти цѣликомъ всѣ ихъ самые интимные разговоры.

Въ душѣ Фрица вдругъ проснулась прежняя боль, и ему стало обидно за себя, обидно за то серьезное чувство, съ какимъ онъ относился къ этой дѣвушкѣ.

Какъ разъ въ это время Бертингъ покончилъ съ переводомъ французскаго романа. Теперь, наконецъ, онъ былъ свободенъ и могъ осуществить свое давнишнее желаніе—написать критическій разборъ книги Лемфинка.

Этой книгѣ Бертингъ приписывалъ не только литературное, но и громадное воспитательное значеніе. Во многомъ Фрицъ расходился съ авторомъ, но раздѣлялъ вполнѣ основной взглядъ Лемфинка на развитіе личности, какъ на залогъ прогресса, и ему хотѣлось помочь распространенію и вѣрному пониманію идей своего друга.

Статья вышла довольно объемистая, и Бертингъ отправилъ ее въ Берлинъ, одному своему знакомому писателю, Максиміліану Накеде, съ предложеніемъ напечатать ее въ только-что имъ основанномъ журналѣ. Статья была принята. Ее обѣщали напечатать въ самомъ непродолжительномъ времени.

XXXIX.

Бертингу пришлось занять денегъ у Лемфинка. Теперь Альма имѣла все нужное для ребенка, а Фрицъ, пересиливая свое отвращеніе ко всѣмъ специфическимъ запахамъ, ежедневно, хотя и на очень короткое время, заходилъ навѣщать ее. Онъ былъ не особенно доволенъ видомъ Альмы. Ожиданіе ребенка истощило ее, а теперь она задалась мыслью сшить собственными руками все приданое для своей дочки.

— Не хочу я бросать на вѣтеръ деньги,—съ упрямствомъ заявила она, и принялась съ увлеченіемъ кроить и шить крошечныя вещи для ребенка.

Съ той поры, какъ она сдѣлалась матерью, съ ней стало трудно спорить относительно всего, что̀ имѣло хоть какое-нибудь отношеніе къ ея материнству. Во всемъ, что̀ касалось ребенка, у Альмы были свои опредѣленные взгляды, и она ихъ отстаивала съ несвойственной ей стойкостью.

Особенно категорически высказалась она относительно крестинъ. Она сама выбрала имя для маленькой. Ее, какъ и мать, должны были назвать Альмой; у нея должны были быть настоящіе крестные, а крестить ее долженъ былъ пасторъ въ церкви.

Фрицъ рѣшилъ, что въ этомъ случаѣ онъ покорится женской волѣ, и отправился къ Лемфинку просить брата и сестру быть воспріемниками его дочери.

Лемфинкъ уѣзжалъ въ Швабію, и не могъ быть на крестинахъ, но Тони съ радостью приняла приглашеніе и захотѣла непремѣнно повидать Альму и ея дѣвочку.

Въ день отъѣзда Лемфинка Фрицъ прямо съ вокзала проводилъ Тони до дверей Альмы, но самъ не вошелъ съ нею, изъ боязни, что его присутствіе стѣснитъ женщинъ.

Вечеромъ онъ заѣхалъ къ Тони. Ему хотѣлось знать, какое впечатлѣніе произвели на дѣвушку мать и дочь.

Какъ только онъ вошелъ, Тони сказала, что собиралась ему писать. Фрица поразилъ удрученный видъ дѣвушки,—и онъ довольно нерѣшительно спросилъ, какъ нашла она Альму и дѣвочку. Тони разомъ оживилась и стала хвалить его дочь въ такихъ выраженіяхъ и съ такой восторженностью, что Фрицъ почувствовалъ что-то похожее на отцовскую гордость.

— Однако я собиралась писать вамъ не только объ этомъ,—сказала Тони.—Мнѣ хотѣлось поговорить съ вами о матери. Мнѣ кажется, что Альма мало бережетъ себя.

— Я вполнѣ съ вами согласенъ и не разъ уже говорилъ съ ней по этому поводу, но она меня не слушаетъ,—отвѣтилъ Фрицъ.

— Но въ этомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ быть настойчивымъ. Меня серьезно безпокоитъ здоровье Альмы.

— Вы считаете ее больной?—спросилъ Фрицъ.—Мнѣ же кажется, что она только еще не совсѣмъ оправилась и немного слаба. Докторъ Мошъ увѣрялъ меня, что, въ смыслѣ здоровья, Альма не внушаетъ никакихъ опасеній.

— Докторъ Мошъ—еще слишкомъ молодой и неопытный докторъ. Онъ можетъ ошибаться. Мнѣ въ жизни приходилось имѣть много дѣла съ больными, и въ этомъ отношеніи у меня вѣрный глазъ. Альма не должна кормить дѣвочку. Вотъ объ этомъ я и собиралась писать вамъ.

Фрицъ поблагодарилъ Тони за ея участіе. Онъ и самъ подозрѣвалъ, что съ Альмой что-то неладно, а теперь, послѣ разговора съ дѣвушкой, рѣшилъ серьезно заняться вопросомъ о ея здоровьѣ.

Онъ пошелъ къ Альмѣ и посовѣтовалъ ей бросить кормить.

Альма пришла въ негодованіе, а когда Фрицъ сказалъ, что Тони Лемфинкъ навела его на эту мысль, то она окончательно вышла изъ себя.

— Вотъ какъ! Фрейлейнъ Лемфинкъ совѣтуетъ это! Что же, я этого ожидала отъ нея!

И при этомъ у нея былъ такой оскорбленный видъ, что Фрицъ раскаявался, что назвалъ имя Тони Лемфинкъ. Чтобы убѣдить Альму, Бертингъ обратился къ доктору Мошу. Мошъ осмотрѣлъ Альму и категорически объявилъ, что нужно перейти на искусственное кормленіе. Къ большому удивленію Фрица, ожидавшаго бурной сцены и слезъ, Альма довольно спокойно подчинилась приговору доктора. Она сказала, что перестанетъ кормить ребенка, и Фрицъ написалъ Тони, что все устроилось, какъ она совѣтовала. Послѣ этого онъ пересталъ безпокоиться о здоровьѣ Альмы, нисколько не сомнѣваясь, что теперь она начнетъ быстро поправляться.

Но черезъ недѣлю его спокойное настроеніе было нарушено новымъ письмомъ отъ Тони Лемфинкъ. Она писала, что Альмѣ нисколько не лучше, и что она попрежнему отказывается исполнять предписанія доктора: кормитъ сама ребенка и много шьетъ на машинкѣ. Тони просила Бертинга немедленно придти къ больной, и онъ бросился къ Альмѣ, внезапно охваченный предчувствіемъ надвигавшейся бѣды.

Тони ждала его въ комнатѣ Альмы. Онъ засталъ дѣвушку въ передникѣ, съ бутылочкой въ рукахъ. Она сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ не шумѣлъ, и молча указала на постель. Альма спала, закрытая одѣяломъ до самой шеи. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ отъ спущенныхъ сторъ, но теплый лѣтній воздухъ проникалъ черезъ раскрытое окно.

Задыхаясь отъ быстрой ходьбы, Фрицъ прерывающимся голосомъ спросилъ у Тони, что̀ случилось. Дѣвушка постаралась успокоить его. Никакой непосредственной опасности, по ея словамъ, пока не было.

Она шопотомъ разсказала ему, что провела у больной цѣлую ночь, хотя Альма относилась къ ней съ нескрываемымъ раздраженіемъ и совсѣмъ не хотѣла ее слушаться.

Фрицъ сдѣлалъ видъ, что не придаетъ этому особеннаго значенія. Онъ нисколько не сомнѣвался, что Альма ревнуетъ его, но ему не хотѣлось объяснять этого Тони.

Между тѣмъ, дѣвушка занялась ребенкомъ. Она стала поить его изъ бутылочки молокомъ и обратила вниманіе отца на то, съ какой жадностью дѣвочка ухватилась за бутылочку. Въ эту минуту сама Тони стала неузнаваемою. Въ худощавой, рослой дѣвушкѣ, съ энергичными чертами лица, вдругъ пробудилось что-то мягкое и женственное. Она стала невыразимо привлекательной, почти красивой.

Напоивъ ребенка, Тони вытерла ему тряпочкой ротъ и накинула платокъ на люльку. Потомъ она принялась мыть бутылочку, но съ постели послышался стонъ, и она поспѣшила туда. Альма все еще спала. Она простонала во снѣ. Поправивъ немного подушки, Тони вернулась къ ребенку.

Черезъ нѣсколько дней Альма стала чувствовать себя какъ будто немного лучше, порывалась встать съ постели и непремѣнно хотѣла быть въ церкви, когда будутъ крестить ея дочку.

Но однажды Тони Лемфинкъ пришлось отлучиться отъ больной на короткое время по очень важному дѣлу. Вернувшись, она застала Альму въ обморокѣ на полу, у люльки.

Съ этого дня Альму охватило полнѣйшее равнодушіе ко всему окружающему. О крестинахъ она точно забыла, и только слабо улыбнулась, когда Фрицъ, въ назначенный день, принесъ ей букетъ цвѣтовъ.

Тони встревожилась и умоляла Бертинга пригласить какъ можно скорѣе опытнаго доктора.

Крестины совершились при довольно удручающей обстановкѣ.

Пасторъ страшно торопился, потому что его ожидали многіе,

тоже съ младенцами на рукахъ. Акушерка была въ отвратительномъ настроеніи духа. Приглашенныхъ не было, и она не ждала никакой прибыли. Въ громадной, пустой церкви было холодно и темно.

Только присутствіе Тони дало возможность Фрицу кое-какъ вытерпѣть всю эту церемонію. Дѣвушка была необыкновенно мила, вся проникнутая сознаніемъ своихъ новыхъ серьезныхъ обязанностей, и одинъ видъ ея дѣйствовалъ успокоительно на Бертинга.

Послѣ возвращенія изъ церкви, Тони опять напомнила Фрицу о докторѣ. Рѣшено было устроить на другой день, утромъ, консультацію. Докторъ Мошъ пригласилъ къ больной одного изъ своихъ коллегъ.

Утромъ, когда Бертингъ уже собирался идти къ Альмѣ, чтобы узнать о результатахъ консультаціи, къ нему совершенно неожиданно явилась Тони Лемфинкъ.

Докторъ, приглашенный Мошемъ, осмотрѣвъ больную, потребовалъ, чтобы ее немедленно отправили въ больницу для операціи. Тони перевезла Альму и пришла къ Фрицу.

Разсказавъ все это, дѣвушка не выдержала и разрыдалась. Всѣ послѣдніе дни нервы ея были страшно напряжены, и она была больше не въ силахъ владѣть собою. Бертингъ далъ ей выплакаться, а затѣмъ сказалъ, что рѣшительно не знаетъ, что̀ ему дѣлать съ ребенкомъ.

При этихъ словахъ Тони сразу перестала плакать и вся какъ-то насторожилась. Потомъ робко и умоляющимъ тономъ она попросила Фрица позволить ей взять ребенка къ себѣ. Когда же онъ охотно согласился на это, она принялась восторженно благодарить его.

Фрицъ отправился въ больницу. Здѣсь его посылали то туда, то сюда, раньше чѣмъ ему удалось добиться чего-нибудь опредѣленнаго относительно больной. Наконецъ, ему дали справку, что фрейлейнъ Луксъ помѣщена въ общей палатѣ, куда мужчины не допускаются.

Тогда Фрицъ отыскалъ больничнаго доктора, того самаго, который консультировалъ съ Мошемъ и велѣлъ отправить Альму въ больницу. Отъ него онъ узналъ, что больной уже сдѣлали необходимую операцію, что все обошлось благополучно, но оперированная слаба отъ сильной потери крови. На дальнѣйшіе разспросы Фрица относительно положенія больной докторъ далъ довольно уклончивые отвѣты. Онъ, во всякомъ случаѣ, былъ того мнѣнія, что болѣзнь тяжелая, но не безнадежная. Фрицу ничего

не оставалось больше, какъ уйти, и онъ отправился къ доктору Мошу.

Отъ него онъ тоже не услышалъ ничего утѣшительнаго. Докторъ Мошъ, почти не отвѣчая на разспросы Бертинга, говорилъ ему о томъ, что̀ въ данную минуту казалось наиболѣе важнымъ для него самого. Онъ всячески старался обѣлить себя и доказать, что онъ ничѣмъ не виноватъ относительно своей паціентки. Она была неосторожна и не хотѣла исполнять докторскихъ предписаній—вотъ что̀, по его словамъ, было главной причиной ея болѣзни. Для большей убѣдительности, докторъ Мошъ нарисовалъ полную картину этой болѣзни и забросалъ и безъ того ошеломленнаго Фрица цѣлымъ залпомъ техническихъ и совершенно ему непонятныхъ выраженій и словъ.

Цѣлый день Фрицъ не находилъ себѣ мѣста. Сидѣть дольше дома онъ былъ не въ состояніи и пошелъ въ кофейную, гдѣ обыкновенно прочитывалъ газеты. Здѣсь онъ тоже оставался не долго и направился опять въ больницу.

Онъ не узналъ ничего новаго. Въ положеніи больной за это время не произошло никакой перемѣны. Видѣть ее было попрежнему нельзя. Мужчинъ пускали въ общую палату только въ исключительныхъ случаяхъ, и притомъ только самыхъ близкихъ родственниковъ. Бертингъ пожалѣлъ, что на вопросъ о томъ, какъ онъ приходится больной, назвался женихомъ Альмы. Было бы, пожалуй, удобнѣе сказать, что онъ ея братъ. Тогда, быть можетъ, его скорѣе пропустили бы къ ней.

Надзирательница надъ общей палатой обошлась съ нимъ очень сухо и довольно рѣзко отвѣтила ему на его просьбу пропустить къ больной.

Фрицъ едва не вышелъ изъ себя, но сдержался и сталъ упрашивать надзирательницу сдѣлать для него исключеніе и позволить ему повидать больную. Наконецъ, та, видимо, сжалилась надъ его страдальческимъ видомъ и сказала ему, что нужно спросить разрѣшенія у дежурнаго доктора.

Фрицу пришлось безконечно долго прождать въ пріемной. Уже темнѣло, когда явился наконецъ дежурный врачъ. Выслушавъ Бертинга, онъ далъ распоряженіе провести его въ палату.

Въ пріемную пришла молоденькая сестра милосердія. Она сказала Бертингу, что состоитъ сидѣлкой у нумера двадцать-перваго и предложила ему слѣдовать за нею.

Онъ пошелъ за сестрой, и шли они очень долго. Наконецъ они остановились у дверей общей палаты. Фрицъ слышалъ, какъ стучало его сердце. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ спросилъ

сестру, что думаетъ она о положеніи больной. Что-то похожее на состраданіе отразилось на кроткомъ и миловидномъ лицѣ дѣвушки.

— Сегодня утромъ старшій врачъ сказалъ, что надежда еще есть,—тихо проговорила она,—но, несмотря на дигиталисъ и ледъ, температура очень высокая. Приготовьтесь къ тому, что фрейлейнъ васъ не узнаетъ.

Съ этими словами она первая прошла въ дверь. Фрицъ вошелъ за дѣвушкой въ просторную залу, вдоль которой рядами стояли кровати, отдѣленныя другъ отъ друга узкими проходами. Больныя уже спали, и въ просторной, почти пустой комнатѣ было томительно тихо. Фрицъ шелъ за сестрой, безшумно двигавшейся въ узкомъ проходѣ. Двадцать-первый нумеръ помѣщался въ самомъ углу. Кровать Альмы была заставлена высокими ширмами, отдѣлявшими ее отъ остальныхъ больныхъ.

Фрицъ подошелъ къ кровати и пытливо заглянулъ Альмѣ въ лицо. Голова больной глубоко ушла въ подушки, но его поразили ея пылавшія отъ жара щеки и возбужденные блестящіе глаза. Дышала она часто и тяжело.

Сестра наклонилась къ Альмѣ, отстранила съ плеча одну изъ тяжелыхъ, туго заплетенныхъ косъ больной и, застегнувъ кофточку, вынула поставленный термометръ. Записавъ температуру, она показала листъ Фрицу. Послѣдняя запись показывала 41^0.

— Кажется, эта температура считается очень высокой?—спросилъ Фрицъ.

— Старшій врачъ приказалъ сдѣлать больной ледяную ванну въ случаѣ, если температура пойдетъ выше 41^0,—не отвѣчая Фрицу на вопросъ, проговорила сестра и снова поставила больной термометръ.

— Теперь мнѣ нужно пройти еще къ одной больной,—почти шопотомъ прибавила она.—Я попрошу васъ дать черезъ десять минутъ фрейлейнъ ложку ледяной воды. У нея страшная жажда. Если что-нибудь понадобится, позовите меня!

И она безшумно исчезла, предварительно повернувъ ширмы такъ, что за ними совершенно не было видно ни Альмы, ни Фрица.

Фрицъ опустился на стулъ около кровати и схватилъ горячія руки Альмы.

— Альма!—стономъ вырвалось у него.—Альма!

Она ничего не отвѣчала. Ея глаза были неподвижно устремлены въ одну точку и грудь поднималась судорожно отъ затрудненнаго дыханія.

Онъ приблизилъ къ ней свое лицо. Ему хотѣлось, чтобы она его узнала, но черты ея не дрогнули. Она по прежнему смотрѣла куда-то вдаль своими расширенными глазами. Ея мысли блуждали гдѣ-то далеко, въ таинственной области, недоступной здоровымъ. А кругомъ стояла зловѣщая тишина, прерываемая только стонами и тяжелыми вздохами больныхъ, и Фрицу чудилось, что гдѣ-то совсѣмъ близко крадется смерть.

Вдругъ гдѣ-то хлопнула дверь, послышались чьи-то осторожные тяжелые шаги, какія-то тѣни заколыхались по бѣлымъ стѣнамъ и чисто натертому, блестящему полу. Шаги все приближались и затихли недалеко отъ двадцать-перваго нумера. Затѣмъ послышалась какая-то возня, точно поднимали что-то тяжелое. Потомъ опять раздались шаги, опять заметались тѣни на стѣнахъ и на полу. Потомъ все стихло. Фрицъ почти обрадовался, когда наконецъ вернулась сестра. Взглянувъ на термометръ, она передала его Бертингу.

— Нужно сдѣлать ванну,—проговорила она.

Фрицъ понялъ, что ему пора уходить, и спросилъ сестру, когда можно придти, чтобы справиться о здоровьѣ больной. Та отвѣтила ему, что онъ можетъ зайти утромъ. Тогда, быть можетъ, лихорадка спадетъ и больная придетъ въ сознаніе.

Было около полуночи, когда Фрицъ вышелъ изъ больницы. Онъ положительно не зналъ, куда ему дѣваться, и былъ увѣренъ, что не сомкнетъ глазъ до самаго утра.

Онъ долго бродилъ по улицамъ безъ всякой цѣли, желая какъ-нибудь убить время, и ему захотѣлось уйти подальше отъ людей и домовъ. Онъ направился черезъ городъ и вышелъ на набережную къ рѣкѣ. И внезапно вспомнилась ему звѣздная августовская ночь два года тому назадъ. Рѣка попрежнему бурно несла свои воды къ далекимъ лѣсамъ и полямъ; все такъ же спокойно сіялъ надъ ней мѣсяцъ. Здѣсь все осталось по прежнему, только однѣ волны смѣнились другими. Такъ было и съ Фрицемъ. Здѣсь зародилась у него мысль о книгѣ, здѣсь почувствовалъ онъ въ себѣ творческую силу и пережилъ радость и муки творчества; а теперь все это уже стало прошлымъ, все исчезло, точно волны, и, какъ новыя волны на смѣну старымъ, явились новыя мысли, новое настроеніе. И Фрицу казалось, что въ эту ночь что-то неизвѣданное зарождается въ его душѣ. Онъ близко подошелъ къ смерти, и эта близость пробудила въ немъ предчувствіе новаго, болѣе глубокаго пониманія жизни. Ему ясно стало, что до сихъ поръ онъ шелъ съ закрытыми глазами и не слышалъ того, что̀ слышать было необходимо. Онъ увлекался

реализмомъ, не осиливъ смысла жизни, ея неисчерпаемой глубины и красоты.

Тамъ, на больничной койкѣ, умирала близкая ему женщина, и догоравшее пламя ея жизни новымъ свѣтомъ озаряло существованіе Фрица Бертинга.

XL.

Свѣтало. Надъ рѣкой поднялся туманъ, и Фрицъ, весь продрогшій, повернулъ къ городу. Идти въ больницу было еще рано, и онъ зашелъ на вокзалъ.

Въ этотъ часъ поѣздовъ не было, и въ залѣ онъ увидѣлъ только задремавшаго въ неловкой позѣ лакея. Бертингъ не сталъ будить его. Въ окна неопрятной комнаты, наполненной смѣшаннымъ запахомъ табака, кушаній и всевозможныхъ напитковъ, уже заглядывалъ блѣдный разсвѣтъ, боровшійся съ еще непотушеннымъ газомъ. Фрицъ окинулъ глазами комнату, и у него пропала всякая охота оставаться здѣсь.

Но вдругъ онъ почувствовалъ сильную слабость; ему показалось, что онъ не можетъ сдѣлать ни шагу дальше, и онъ опустился на ближайшій стулъ. Возбужденіе сразу упало; онъ былъ разбитъ и душою, и тѣломъ. И опять онъ сталъ провѣрять себя, стараясь выяснить все темное и непонятное, что̀ копошилось въ самой глубинѣ его души. Онъ не хотѣлъ имѣть тайнъ отъ самого себя,—ему хотѣлось одной правды.

Онъ съ ужасающей ясностью понялъ, что душа его не хочетъ, чтобы Альма жила. Онъ зналъ, что относительно ея онъ не измѣнится. Она хотѣла счастья, но онъ не могъ ей ничего дать кромѣ страданія. Ея смерть была для него освобожденіемъ!

Ужасъ охватилъ его при этой мысли, и ему представилось, что онъ—настоящій убійца женщины, отдавшей ему все, что̀ она имѣла.

Между тѣмъ зала начала наполняться людьми. Кругомъ Фрица поднялись суета и движеніе. Кто-то громко выкрикнулъ, что поѣздъ отходитъ, и всѣ бросились на платформу. Заспанный лакей подошелъ къ Бертингу и освѣдомился, не прикажетъ ли онъ чего-нибудь. Фрицъ велѣлъ подать себѣ кофе.

Наскоро проглотивъ чашку кофе, Бертингъ поспѣшилъ выйти на улицу. Было теплое солнечное лѣтнее утро, и въ городѣ уже начиналась привычная шумная и суетливая жизнь.

Часы у вокзала показывали шесть. Фрицъ подумалъ, что уже время идти въ больницу, и направился туда. На этотъ разъ

ему не дѣлали никакихъ затрудненій и сразу пропустили его къ больной. Альма лежала уже не въ общей палатѣ, а въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ кромѣ нея не было другихъ больныхъ.

Сестра сказала вѣрно: Альма къ утру пришла въ себя. Она сразу узнала Фрица, улыбнулась и сдѣлала привѣтственное движеніе рукой. Фрицъ спросилъ сидѣлку, какъ прошла ночь. Та сказала ему, что послѣ третьей ванны температура упала и теперь все зависитъ отъ дѣятельности сердца.

Сестра ушла, и только теперь, всмотрѣвшись при дневномъ свѣтѣ въ лицо больной, Фрицъ увидѣлъ, до какой степени она пожелтѣла и какъ заострились черты ея лица.

Съ помощью Фрица ей удалось немного приподняться на постели. Ей, видимо, хотѣлось что-то сказать ему, и Фрицъ былъ увѣренъ, что она заговоритъ о ребенкѣ и будетъ просить, чтобы ей принесли дѣвочку.

Но онъ ошибся. Она какъ-то вскользь упомянула о маленькой Альмѣ, слегка улыбнулась и, точно желая остановить самое себя, произнесла:—Она въ хорошихъ рукахъ!

Фрицъ удивился и понялъ, что она больше не ревнуетъ ни его, ни дѣвочку къ Тони Лемфинкъ.—Какъ ты себя чувствуешь, Альма?—спросилъ онъ.

— Я устала, страшно устала,—прошептала она.—Ахъ, эта ночь! Ты не можешь себѣ представить, Фрицъ, чего я только не перевидала за эту ночь!

При этихъ словахъ точно тѣнь набѣжала на ея лицо, глаза остановились и съ выраженіемъ застывшаго изумленія устремились куда-то вдаль.

Такъ пролежала она молча и неподвижно нѣсколько минутъ, потомъ точно пришла въ себя и проговорила:

— Сегодня ночью кто-то былъ около моей постели. Онъ сидѣлъ здѣсь и говорилъ со мной.

— Да вѣдь это былъ я, Альма,—остановилъ ее Фрицъ.—Сегодня ночью я долго сидѣлъ у тебя.

Она недовѣрчиво улыбнулась.—Нѣтъ, это былъ не ты. Тотъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ другой. Мнѣ кажется, что это былъ Людвигъ Глюкъ. Я узнала его по голосу. Ахъ, еслибы мнѣ только удалось припомнить, что̀ именно онъ говорилъ мнѣ!—съ тоской вырвалось у нея, и она вдругъ застонала.

— Теперь ты начнешь поправляться,—сказалъ Фрицъ, желая навести ее на другія мысли.—Я надѣюсь, что скоро ты будешь совсѣмъ здоровой.

Большіе, блестящіе глаза Альмы медленно повернулись въ

сторону Фрица и остановились на немъ. Ему казалось, что они заглядываютъ ему въ душу.

— Нѣтъ, этого никогда не будетъ, мой дорогой Фрицъ,— проговорила она.—Со мной уже все кончено. Я такъ устала, такъ сильно устала! А сегодня ночью мнѣ было совсѣмъ хорошо. Я не чувствовала никакой боли, и я видѣла моего покойнаго отца; потомъ пришелъ Людвигъ. Потомъ еще видѣла я у моей постели ангела, всего въ бѣломъ, съ сіяніемъ вокругъ головы. И всѣ они были такіе добрые, такъ ласково говорили со мной. И мнѣ было такъ хорошо, такъ хорошо!

Фрицъ былъ больше не въ силахъ слушать и въ изнеможеніи закрылъ глаза.

Больная подвинулась къ нему ближе на край постели.

— Ты вѣдь хоть самую чуточку все-таки любилъ меня, милый Фрицъ?—сказала она и провела рукой по его опущеннымъ вѣкамъ.

Онъ крѣпко стиснулъ зубы и утвердительно кивнулъ головой.

— Знаешь ли что̀, Фрицъ,—вдругъ медленно и какъ-то торжественно начала она:—вѣдь это хорошо, очень хорошо, что я умираю. И мнѣ, и тебѣ, да и ребенку такъ будетъ гораздо лучше. Я не гожусь для тебя. Тебѣ нужна совсѣмъ другая жена. Прежде я очень хотѣла, чтобы ты женился на мнѣ. Я не говорила этого, но мнѣ такъ хотѣлось, чтобы ты повѣнчался со мной. А вотъ теперь я думаю совсѣмъ по другому. Я увѣрена, что все случилось къ лучшему. Вѣдь въ концѣ концовъ ты все-таки ушелъ бы отъ меня, и этого я бы не вынесла. А вотъ теперь я ухожу отъ тебя, и такъ гораздо лучше.

Онъ сталъ на колѣни у ея постели, цѣловалъ ей руки и обливалъ ихъ слезами. Сказать ей онъ ничего не могъ.

— А все-таки мы были очень счастливы, мой ненаглядный! Помнишь ли ты ночь передъ тѣмъ, какъ ты уѣхалъ куда-то очень далеко? Помнишь ли ты, какъ мы прощались съ тобой?

Онъ только крѣпко пожалъ ей руку и она продолжала, склонившись надъ нимъ, точно мать надъ любимымъ ребенкомъ:

— Иногда вспоминай обо мнѣ, Фрицъ! Только не упрекай себя ни въ чемъ. Оба мы были молоды и неопытны, но я ни на что не жалуюсь, и ты не сдѣлалъ мнѣ ровно ничего дурного. Минутами я была счастлива, очень счастлива! И послѣднее время ты былъ такимъ добрымъ! И ребенокъ у меня отъ тебя! Мнѣ все хотѣлось мальчика, хотѣлось, чтобы онъ былъ похожъ на тебя, а вотъ теперь я рада, что это—дѣвочка. Когда я уйду, у тебя все-таки останется маленькая Альма. Только воспитай

ее какъ слѣдуетъ, мой дорогой! Нужно, чтобы она больше подходила къ тебѣ, чѣмъ твоя большая Альма. И какъ хорошо, что ты позволилъ ее назвать Альмой! Когда она подростетъ, разскажи ей про ея мать!

Фрицъ слушалъ Альму—и въ первый разъ представилась она ему во всемъ величіи своей любви. Только теперь видѣлъ онъ ея душу во всей ея красотѣ. Онъ зналъ ее какъ любовницу, но въ этотъ предсмертный часъ она стала его невѣстой.

Вошла сестра. Фрицъ все еще стоялъ на колѣняхъ и не сразу замѣтилъ ее. Альма обратила его вниманіе на вошедшую. Необходимо было оправить постель, и Фрицъ долженъ былъ выйти изъ комнаты.

Онъ обѣщалъ Альмѣ, что черезъ часъ опять придетъ къ ней. Когда онъ былъ уже у дверей, она поманила его къ себѣ.

Онъ поспѣшилъ къ кровати. Альма протянула къ нему руки, обняла его и прошептала:

— Не забывай меня!

Поцѣловавъ его, она, обезсиленная, упала назадъ, на подушки.

Фрицъ, какъ безумный, бросился изъ комнаты, и самъ не помнилъ, какъ очутился на улицѣ.

Дома у себя онъ засталъ цѣлый ворохъ писемъ. Одно изъ нихъ было отъ Генриха Лемфинка. Въ письмѣ говорилось о литературной работѣ и о какомъ-то предложеніи Накеде работать въ его журналѣ.

Фрицъ бросилъ письмо въ сторону. Самый близкій изъ его друзей былъ въ данную минуту такъ далекъ отъ него. Никто не зналъ, какую муку онъ переживаетъ!

Совершенно обезсиленный, онъ повалился на постель. Ему хотѣлось забыться, заснуть хоть на нѣсколько минутъ. И вдругъ, неожиданно для самого себя, онъ сразу заснулъ тяжелымъ, точно свинцовымъ сномъ.

Когда онъ проснулся, уже смеркалось. Онъ взглянулъ на часы. Они стояли.

Онъ побѣжалъ въ больницу. Тамъ ему сказали, что фрейлейнъ Луксъ сейчасъ понесутъ въ ванну, и видѣть ее никакъ нельзя. Ему предложили зайти черезъ часъ.

Онъ опять очутился на улицѣ, и вдругъ, къ своему удивленію и стыду, почувствовалъ, что страшно голоденъ. Цѣлый день онъ ничего не ѣлъ. Зайдя въ ближайшій ресторанъ, онъ спросилъ себѣ первое попавшееся кушанье.

Посѣтители съ удивленіемъ и безпокойствомъ оглядывали

Фрица, перешептываясь между собою. Видъ у него былъ странный, почти сумасшедшій.

Проглотивъ на̀скоро то, что̀ ему подали, онъ почти бѣгомъ отправился въ больницу. Его заставили долго ждать въ пріемной. Съ каждой минутой ожиданіе становилось все мучительнѣе. Наконецъ онъ не въ силахъ былъ выносить дольше это томительное состояніе. Никто не приходилъ за нимъ, онъ былъ увѣренъ, что всѣ забыли о его существованіи. Выйдя изъ пріемной, онъ самъ пошелъ отыскивать комнату Альмы, и довольно скоро нашелъ ее. Войти онъ не рѣшился и, приложившись ухомъ къ скважинѣ, сталъ прислушиваться.

Онъ услыхалъ за дверью чьи-то заглушенные голоса и постучался. Дверь отворилась. Передъ нимъ стояла сестра.

Онъ понялъ все по ея лицу.

— Полчаса тому назадъ она скончалась тихо и безъ страданій,—сказала сестра.—Вы можете взглянуть на нее.

Все, что̀ было дальше, онъ припоминалъ потомъ какъ смутный и тяжелый сонъ.

Онъ увидѣлъ Альму, всю застывшую и неподвижную на больничной постели. Строго и торжественно было выраженіе ея воскового лица.—„Я не знаю тебя!"—точно говорило оно ему. И Фрицу казалось, что передъ нимъ лежитъ уже не та женщина, которую онъ любилъ и зналъ до малѣйшихъ подробностей. Съ той онъ попрощался утромъ, а къ этой—чужой, безучастной и холодной — онъ не рѣшился прикоснуться, не нашелъ въ себѣ смѣлости поцѣловать ее.

XLI.

Альму похоронили. За ея гробомъ шли Фрицъ, Тони и Генрихъ Лемфинкъ, вызванный телеграммой сестры.

Послѣ похоронъ Бертингъ проводилъ бо̀льшую часть дня у Лемфинковъ, разговаривая съ своимъ другомъ и невольно присматриваясь и прислушиваясь къ постоянной вознѣ Тони съ ребенкомъ. Маленькая Альма наполняла жизнь дѣвушки, и Тони, со времени водворенія ребенка въ ихъ тихомъ домѣ, стала неузнаваемой. Она вся была поглощена заботами о дѣвочкѣ и зорко слѣдила за ея физическимъ и духовнымъ развитіемъ, радостно прислушиваясь къ пробужденію въ ней будущаго человѣка.

Генрихъ Лемфинкъ мужественно переносилъ всѣ неудобства, связанныя съ пребываніемъ въ домѣ такого маленькаго ребенка,

какъ Альма. Онъ сознавалъ, какъ много эта дѣвочка внесла въ жизнь его Тони.

— Меня всегда мучила мысль, что Тони, при ея потребности любви и материнства, не вышла замужъ, — какъ-то сказалъ Лемфинкъ Бертингу, — а теперь, благодаря Альмѣ, она вполнѣ удовлетворена и счастлива.

И въ душѣ Бертинга постепенно зарождалось какое-то новое чувство къ ребенку. Это была не любовь,—но видъ смѣшной круглой головки съ торчащимъ пушкомъ на затылкѣ трогалъ его до глубины души, и ему казалось, что широко открытые дѣтскіе глаза съ недоумѣніемъ спрашиваютъ его:—„Зачѣмъ ты далъ мнѣ жизнь“?

Между тѣмъ, Лемфинки усиленно собирались къ отъѣзду въ Швабію, и Бертингъ все чаще и чаще останавливался на мысли, что скоро онъ будетъ совсѣмъ одинъ среди своихъ тяжелыхъ воспоминаній.

Но однажды, почти передъ самымъ отъѣздомъ Лемфинковъ, Генрихъ встрѣтилъ Бертинга извѣстіемъ, что Максимиліанъ Накеде зоветъ его пріѣхать въ Берлинъ и предлагаетъ ему взять на себя фельетонный отдѣлъ въ его новомъ журналѣ. Въ смыслѣ гонорара, условія были пока очень скромныя, но увеличеніе платы вполнѣ зависѣло отъ успѣха журнала.

Фрицъ, ни минуты не колеблясь, согласился на это предложеніе. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Берлинъ, можно было совершенно исчезнуть, жить уединенно вдалекѣ отъ всѣхъ и работать. Правда, съ Берлиномъ у Фрица были связаны тяжелыя воспоминанія, но вѣдь и въ городѣ, гдѣ онъ схоронилъ Альму, ему жилось не легче. Кромѣ того, самъ Накеде, умный и практичный, былъ человѣкомъ вполнѣ свѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ, и совмѣстная съ нимъ работа представлялась пріятной Бертингу. Въ порученномъ ему отдѣлѣ онъ сохранялъ полную самостоятельность, и у него должно было оставаться достаточно времени для его другихъ литературныхъ занятій.

Почти одновременно съ отъѣздомъ Лемфинковъ въ Швабію, Бертингъ тоже оставилъ городъ и переѣхалъ въ Берлинъ.

О томъ, какъ устроить маленькую Альму, никто и не разговаривалъ. Всѣмъ троимъ представлялось настолько естественнымъ, что она навсегда остается у Тони, что всякіе разговоры по этому поводу казались излишними.

Наканунѣ отъѣзда Бертингъ и Генрихъ Лемфинкъ пошли на могилу Альмы. Тони собиралась идти съ ними, но въ послѣд-

нюю минуту вдругъ побоялась оставить безъ себя дѣвочку, и они отправились вдвоемъ.

— Это удивительно! Моя сестра уже неспокойна, когда дѣвочки нѣтъ у нея передъ глазами. Никогда я все-таки не думалъ, что материнство имѣетъ такую власть надъ женщинами,— сказалъ Лемфинкъ.

— И какъ это хорошо для меня лично! — воскликнулъ Фрицъ.—Ты только представь себѣ, что̀ я дѣлалъ бы съ моей дѣвочкой безъ твоей сестры.

Удрученные шли они съ кладбища и долго ни слова не говорили другъ съ другомъ, какъ вдругъ, почти уже у самаго дома, Генрихъ Лемфинкъ прервалъ молчаніе:

— Я часто думаю объ Альмѣ,—сказалъ онъ.—Есть люди, которые становятся болѣе ясными и понятными послѣ смерти. Она—одна изъ нихъ. Я только теперь вижу, какое это было своеобразное существо и съ какой ярко выраженной индивидуальностью! Вотъ кто обладалъ рѣдкимъ и драгоцѣннымъ даромъ любви! Она умерла, но то, что̀ было въ ней сильнаго и прекраснаго, переживетъ ее. И знаешь, какъ это ни дико звучитъ, но намъ, остающимся, нужны такія могилы. Онѣ—путеводные столбы на нашемъ жизненномъ пути, и только тотъ человѣкъ можетъ постичь всю глубину и смыслъ существованія, кто, благодаря этимъ могиламъ, повѣритъ въ безсмертіе.

Фрицъ ничего не отвѣтилъ на слова Лемфинка. Въ его душѣ происходила тяжелая внутренняя работа. Смерть Альмы была для него откровеніемъ, началомъ новой жизни, но какъ сложится эта жизнь—онъ самъ еще пока не зналъ.

Въ такомъ настроеніи онъ пріѣхалъ въ Берлинъ и принялся за свою обязательную журнальную работу. Временно ему хотѣлось ограничиться критическимъ разборомъ чужихъ произведеній; творить онъ былъ еще не въ силахъ. Ему необходимо было успокоиться и отдохнуть отъ только-что пережитыхъ мучительныхъ впечатлѣній.

Однажды, просматривая журналы, онъ натолкнулся на критическую статью Зигфрида Зильбера о Гедвигѣ фонъ-Лаванъ.

Зильберъ, разбирая ея новое произведеніе, „Непорочность", называлъ Гедвигу „многообѣщающей современной нѣмецкой писательницей" и говорилъ, что она въ высокой степени обладаетъ рѣдкимъ у женщины мужествомъ обнажать свою душу, прикрывая ее только легкимъ цѣломудреннымъ покровомъ своего искусства.

Бертингъ просмотрѣлъ статью, и ему захотѣлось познакомиться съ романомъ.

Въ своемъ новомъ произведеніи Гедвига затрогивала вопросъ о положеніи женщины главнымъ образомъ въ сферѣ любви. Основной ея мыслью было то, что чувственность освящаетъ всякія любовныя отношенія, тогда какъ бракъ безъ чувственности является не болѣе какъ проституціей. Это было иллюстрировано изображеніемъ жизни двухъ паръ. Была изображена дѣвушка, родившая своему возлюбленному нѣсколькихъ дѣтей, и все-таки сохранившая свою непорочность; тогда касъ ея сестра, вышедшая замужъ по разсудку и безъ всякой любви, унизилась до роли публичной женщины.

Бертингъ бросилъ книгу, не дочитавъ ее до конца. Она поразила его грубой циничностью, и кромѣ того, слишкомъ хорошо зналъ онъ Гедвигу фонъ-Лаванъ, чтобы вѣрить ея серьезности и искренности, когда она касалась такихъ вопросовъ, какъ любовь и материнство. Вообще, за послѣднее время, Бертингъ все болѣе и болѣе интересовался внутреннимъ міромъ каждаго писателя, съ произведеніями котораго ему приходилось знакомиться. Теперь ему было недостаточно болѣе или менѣе искуснаго изображенія жизни. Онъ хотѣлъ знать душу автора и понять его міросозерцаніе.

Занятый своей работой, Бертингъ не особенно торопился отыскать Веднеровъ, жившихъ въ Берлинѣ, но Констанція узнала его адресъ и первая пришла къ брату. Уходя отъ Фрица, она не пригласила его къ себѣ, и онъ понялъ, что Веднеръ попрежнему трепещетъ за сына и оберегаетъ его отъ тлетворнаго вліянія дяди.

Констанція стала довольно часто заходить къ брату, и чѣмъ болѣе Фрицъ присматривался къ ней, тѣмъ болѣе несчастной и забитой казалась ему эта женщина. Правда, словами она не жаловалась, но уже то, что она никогда не упоминала о мужѣ и сынѣ, говорило краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Увидѣвъ случайно на письменномъ столѣ брата портретъ маленькой Альмы, присланный ему Тони, она въ первую минуту была какъ будто сильно возмущена этимъ обстоятельствомъ, но потомъ успокоилась и принялась разспрашивать о ребенкѣ.

Фрицъ не предъявлялъ къ сестрѣ больше никакихъ требованій. Онъ просто жалѣлъ ее, и эта жалость создала между ними близость людей, чуждыхъ по духу, но соединенныхъ между собой узами крови и воспоминаніями далекаго дѣтства. Онъ разсказалъ ей про Альму, и она даже плакала при описаніи ея

смерти. Все чаще и чаще, во время своихъ посѣщеній, разспрашивала она брата про маленькую Альму.

Иногда, вспоминая все случившееся и пережитое за послѣдніе два года, Фрицъ ясно сознавалъ, что цѣлая пропасть отдѣлила его отъ прошлаго. Между нимъ и обществомъ, къ которому онъ привыкъ за время своего отсутствія изъ Берлина, послѣ смерти Анни Эшауеръ не оставалось ни малѣйшей связи. Объ ея смерти онъ узналъ случайно изъ газетъ. Это тоже была новая могила на пройденномъ имъ жизненномъ пути, и хотя эта могила не вызвала въ его душѣ ничего, кромѣ жалости къ безвременно погибшей жизни, но ему невольно вспомнились слова Генриха Лемфинка о мертвыхъ.

Альма послѣ смерти стала для него болѣе живой, чѣмъ при жизни. То, что̀ составляло ея силу, не могло исчезнуть. Ей, ея великой любви, былъ обязанъ Фрицъ своимъ нравственнымъ обновленіемъ; благодаря ей, онъ заглянулъ въ глубину жизни, и понялъ смыслъ существованія. Онъ, какъ и многіе ему подобные, искалъ и въ жизни, и въ женщинѣ одного наслажденія. Имъ не хватало смѣлости заглянуть въ глубину жизни, и они, въ силу этого, не могли понять ея величія. Превращая женщину въ куртизанку, они не видѣли ея нравственной красоты.

Бертингъ чувствовалъ, какъ, подъ вліяніемъ новыхъ мыслей, чувствъ и настроенія, крѣпнетъ зыбкая почва подъ его ногами. Онъ сознавалъ въ себѣ силу создать жизнь на иныхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ, при совершенно измѣнившемся отношеніи и къ жизни, и къ искусству.

Искусство и жизнь вызывали въ немъ чувство трепета и благоговѣнія. Онъ понялъ, что жизнь и литература тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ, и чтобы сдѣлаться настоящимъ писателемъ, нужно прежде всего и больше всего стремиться стать настоящимъ человѣкомъ. Только вполнѣ серьезное отношеніе къ жизни и тяжелая, упорная работа надъ самимъ собою дѣлаютъ человѣка достойнымъ названія истиннаго художника.

Съ нѣм. П—на С—ва.

ЕЩЕ

о

НАШЕЙ ШКОЛѢ

— Священникъ Г. Петровъ. Школа и жизнь. Спб. 1902.

I.

Книга о. Г. Петрова во многихъ отношеніяхъ способна остановить на себѣ общественное вниманіе. Будучи написана легко и общедоступно, она касается самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности и обнаруживаетъ въ авторѣ широкій кругозоръ идейныхъ и жизненныхъ интересовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе предвзятыхъ точекъ зрѣнія при сужденіи о самыхъ, если можно такъ выразиться, „боевыхъ" явленіяхъ текущей жизни. Она проникнута стройнымъ міросозерцаніемъ мыслителя-идеалиста, и вмѣстѣ, съ другой стороны, вноситъ свѣтъ и ясность пониманія, доступную даже школьнику, въ наиболѣе сложныя сѣти личныхъ и общественныхъ стремленій; не претендуя на спеціально-философскую глубину рѣшенія, авторъ обосновываетъ свои выводы на вѣчныхъ началахъ разума, справедливости и евангельской любви къ людямъ. Именно теперь, въ періодъ какого-то разброда мысли и спутанности понятій о самыхъ элементарныхъ предметахъ, выходящихъ за предѣлы житейской обыденности, пріятно отмѣтить появленіе такой книги, которая будитъ здоровую и плодотворную работу головы и сердца во взросломъ и является въ высшей степени воспитательной для крѣпнущаго міросозерцанія юноши.

Словомъ, это—прекрасная книга, и если, при всемъ томъ, она порождаетъ, быть можетъ, цѣлый рядъ недоумѣній, то это происходитъ отъ того, какъ намъ кажется, что она слишкомъ идеалистична, и многія указанія ея, при ихъ видимой простотѣ и логической послѣдовательности, сдѣланы, можно думать, безъ точной справки съ положеніемъ вещей въ современной дѣйствительности. Въ подобныхъ случаяхъ, страдательную роль играютъ не сами идеи, блестяще проведенныя и доказанныя, но техника ихъ приложенія къ жизни, ихъ жизнедѣятельность не вообще, но въ данное время, въ данныхъ обстоятельствахъ; допуская же, что книга свящ. Петрова не есть только отвлеченный философскій трактатъ, что она преслѣдуетъ и практическія жизненныя цѣли, —нельзя не признать этой излишней идеалистичности, которую ниже опредѣлимъ точнѣе, значительнымъ, можетъ быть, единственнымъ ея недостаткомъ.

Содержаніе книги не блещетъ новизною идей, но поражаетъ ихъ постановкой и взаимной связью, въ какой онѣ представляются автору при обозрѣніи современной жизни. „Духа не угашайте“,—беретъ авторъ девизомъ къ первой главѣ, посвященной „думамъ о школѣ“. Думы эти въ высшей степени безотрадны; онѣ обнаруживаютъ страшную пропасть между дѣйствительностью и идеаломъ. Школа наша, безъ различія направленій, безжизненна и механична. Происходитъ это отъ того, какъ кажется автору, что школа даетъ своимъ питомцамъ слишкомъ много сухихъ, неинтересныхъ знаній. „Мертвечина школы глушитъ, убиваетъ всякое живое чувство въ ученикѣ, притупляетъ всякій интересъ къ живому знанію, къ живому дѣлу, къ творчеству жизни... Уроки школы, *какъ улыбка чудной красавицы*, должны плѣнять и чаровать юное сердце. Школа этого не дѣлаетъ. На лицѣ ея нѣтъ игры жизни. Она спитъ, спитъ мертвымъ сномъ, и первое, что̀ надо сдѣлать, это разбудить нашу царевну, снять съ нея покровъ мертвечины, вдунуть въ нее душу живу. Это—первая и главная насущная реформа школы“. Осудивъ современную школу и сойдясь въ этомъ осужденіи, такимъ образомъ, со всѣми, кто писалъ и серьезно думалъ о ней, свящ. Петровъ указываетъ на особенную важность реформы средней школы, какъ фундамента, на которомъ возводится самое зданіе образованія, приравниваемое авторомъ къ университетскимъ курсамъ. Существеннымъ зломъ средней школы является, по мнѣнію автора, цеховой, ремесленный характеръ преподаванія, исключающій всякую возможность живого, художественно-педагогическаго воздѣйствія на душу учащагося. Между тѣмъ, истинное учительство—

не ремесло, но искусство,—притомъ, искусство не менѣе высокое и трудное, чѣмъ то, которое передали вѣкамъ имена Шекспира, Рафаэля, Торвальдсена. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ приводитъ знаменитый діалогъ между Гамлетомъ и Гильденштерномъ, который отказывался играть на флейтѣ, потому что для этого требовалось искусство, но готовъ былъ, не задумываясь, по приказанію короля, играть на душѣ Гамлета. „Неужели ты серьезно вообразилъ, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? —говоритъ ему Гамлетъ.—Ты можешь, пожалуй, разбить меня, но играть на мнѣ тебѣ не удастся“! Естественно, что такого рода искусство, имѣющее конечной цѣлью привести внутренній міръ ребенка въ стройную гармонію и извлечь изъ него, по выраженію автора, „дивную мелодію любви, добра и правды“, требуетъ и соотвѣтствующаго дарованія, и серьезнѣйшей подготовки. И люди для этого искусства несомнѣнно найдутся,—надо только на школу смотрѣть не какъ на ремесленную мастерскую, а какъ на художественную студію. „При этомъ понятно, что и отношеніе общества къ учительскому труду должно быть не какъ къ ремеслу, а какъ къ искусству. Нельзя учителя держать въ положеніи почтовой клячи, которой много гону и мало корму. Какъ бы человѣкъ идеально настроенъ ни былъ,—пить, ѣсть, содержать семью надо. Вѣдь если и говорятъ справедливо, что не хлѣбомъ однимъ живъ бываетъ человѣкъ, то не менѣе справедливо и то, что и безъ хлѣба не проживешь“...

Современная школа представляется о. Петрову заваленной огромнымъ количествомъ чисто механическихъ знаній, усвоеніе котораго требуетъ отъ учащихся огромнаго напряженія памяти, труда и связанной съ этимъ чрезмѣрной затраты силъ. Необходимо, по его мнѣнію, уменьшить учебный грузъ, образовать свободное время у учителя и ученика, чтобы дать имъ возможность вмѣстѣ и почитать, и подумать, и поговорить. Слѣдуетъ всѣми силами толкнуть юношу на самостоятельную работу мысли, и при этомъ не бояться возможныхъ увлеченій, сомнѣній и временныхъ уклоненій. Она неизбѣжна, какъ корь, эта критическая переоцѣнка дѣтскихъ сужденій и взглядовъ, передъ тѣмъ какъ юноша начинаетъ вырабатывать собственное міросозерцаніе. „И тутъ страшны не сомнѣнія, а отношеніе юноши къ нимъ: будетъ ли онъ предоставленъ самому себѣ, своимъ собственнымъ слабымъ силамъ, личному неопытному, незрѣлому уму, или же онъ будетъ производить перестройку подъ руководствомъ опытнаго, духовно-зрѣлаго и близкаго человѣка, который по праву зовется *учителемъ*“. Авторъ вспоминаетъ далѣе, что покойный

Влад. С. Соловьевъ былъ въ гимназическіе годы крайнимъ отрицателемъ и матеріалистомъ и доходилъ въ этомъ увлеченіи чуть не до иконоборчества, и онъ же первый въ Россіи подалъ голосъ противъ матеріализма и позитивизма и всю жизнь работалъ, какъ мыслитель, въ области христіанской философіи. „Этотъ примѣръ, —говоритъ авторъ,—лучшее доказательство, что не надо бояться молодого сока; нуженъ только при молодомъ винѣ опытный винодѣлъ".

Заваливая лишнимъ обременительнымъ балластомъ молодыя головы и не давая истиннаго образованія, современная школа, какъ свидѣтельствуетъ свящ. Петровъ, самъ педагогъ-законоучитель,—„совершенно не воспитываетъ въ своихъ питомцахъ честности и нравственной порядочности". Выпускные экзамены на аттестатъ зрѣлости—характерный образецъ того недовѣрія, съ которымъ относится учебное начальство къ своимъ питомцамъ, воспитывавшимся подъ его же руководствомъ, въ теченіе семи, восьми и десяти лѣтъ. Свящ. Петровъ справедливо видитъ въ этомъ доказательство полнаго банкротства школы.

Какова школа, таковы и воспитанники ея. Неудовлетворительная, съ давнихъ поръ, постановка учебнаго дѣла успѣла сказаться въ общественной жизни горькими плодами, характеристикѣ которыхъ посвящена вторая глава интересующей насъ книги. Дѣятели, выходившіе изъ школы съ среднимъ и высшимъ—одинаково неудовлетворительными—курсами, далеки въ огромной массѣ, отъ сознанія лежащей на нихъ культурной задачи передъ родиной. Они—въ большинствѣ, конечно,—черствые эгоисты, хищники, сухіе формалисты, нерадивцы во всемъ, что̀ касается общественнаго служенія и долга. Они—сердцемъ хладные скопцы. Автору подобнаго рода общественные дѣятели напоминаютъ дикарей-дагомейцевъ, у которыхъ на разрисованное красками голое тѣло натянутъ ограбленный у европейца фракъ, черезъ плечо—лента и въ рукахъ—модный цилиндръ. Въ такомъ видѣ дагомейскіе князьки думаютъ поразить заѣзжихъ сыновей культуры. Понятіе о дикаряхъ-дагомейцахъ, соединяющихъ европейскій фракъ съ звѣриною дикостью въ сердцѣ, авторъ распространяетъ на понятіе культурнаго человѣка, такъ сказать европейца съ ногъ до головы, вообще. Извѣстное изреченіе Наполеона: „поскобли русскаго—и найдешь татарина", авторъ находитъ возможнымъ примѣнить къ самому Наполеону и къ любому европейскому культуртрегеру, съ такимъ измѣненіемъ: „поскобли европейца, возьми его за живое—и найдешь дикаря". Цѣлый рядъ фактовъ изъ хроники послѣднихъ событій приводитъ

автора къ этому выводу. Вспоминаетъ онъ свое посѣщеніе Берлина въ началѣ китайской смуты. Толпа только-что узнала объ убійствѣ нѣмецкаго посланника на улицахъ Пекина, вспыхнула ненавистью и злобой и стала кричать: „Бить ихъ, косоглазыхъ!.. сжечь Пекинъ!.. Повѣсить императрицу!.. выпустить кишки Туану!..“ И хорошо, что китайскій посланникъ не случился подлѣ—его разорвали бы въ куски не хуже самихъ китайцевъ. Останавливается авторъ и на знаменитомъ Вильгельмовскомъ приказѣ: „Пощады не давать! Плѣнныхъ не брать! Всѣхъ колоть! Домà жечь! Дѣйствуйте такъ, чтобы ни одинъ китаецъ даже черезъ тысячу лѣтъ не посмѣлъ косо взглянуть на нѣмца!“—Слышать подобныя рѣчи, говоритъ авторъ,—„среди христіанской столицы, у подножія памятниковъ Лессинга, Шиллера и Гёте, не значитъ ли это—видѣть культурный фракъ на тѣлѣ дикаря? И это не исключеніе: это—всегда и вездѣ“. И цѣлый рядъ другихъ фактовъ приводитъ священника Петрова къ убѣжденію, что школа, и русская, и даже европейская, дѣлаетъ не настоящее дѣло. „Какимъ образомъ изъ университетовъ и академій могутъ выходить Чемберлены и Родсы,—просвѣщенные отравители Китая опіумомъ,—образованные Аттилы, дѣйствующіе огнемъ и мечомъ,—наши доморощенные Шатуновскіе,—всѣ эти коршуны-стервятники и за ними тысячи мелкихъ хищниковъ, копчиковъ и ястребовъ съ учеными значками?“

II.

Гр. Д. А. Толстой говорилъ открыто, что гимназія должна только учить: „гимназія даетъ четыре стѣны подъ крышей, кусокъ скамьи и стола, человѣка, который, какъ заведенный фонографъ, передаетъ требуемыя программой знанія, а остальное—дѣло семьи“. Священникъ Петровъ по всей справедливости усматриваетъ печальное недоразумѣніе въ томъ отношеніи, что семья, съ другой стороны, отдавая дѣтей въ школу, полагаетъ, что ея дѣло теперь—только кормить, одѣвать и платить за ученіе, а все остальное лежитъ на обязанности школы. „И выходитъ, что дѣти со стороны воспитанія остаются между двухъ стульевъ. Съ ними никто не говоритъ по душѣ; никто не слѣдитъ, какія думы шевелятся въ дѣтскомъ умѣ, какія чувства зарождаются въ сердцѣ“.

Вліяніе семьи сказывается особенно сильно въ первый, дошкольный періодъ жизни ребенка. Ребенокъ въ первые четыре года дѣтства, какъ замѣтилъ психологъ Перре, узнаетъ гораздо

больше, чѣмъ впослѣдствіи въ гимназіи и въ университетѣ: онъ узнаетъ огромное количество предметовъ, словъ, пріобрѣтаетъ много понятій, выработываетъ свои—дѣтскія. Въ эти годы опредѣляются и основныя черты характера. Но ни семья, ни позже школа, не считаются съ этими всѣмъ понятными и простыми соображеніями, и семья въ большинствѣ случаевъ такъ же, какъ и школа, стремится выработать изъ ребенка прежде всего будущаго инженера, чиновника, доктора, судью и позже всего—человѣка. Это происходитъ оттого, что и въ семьѣ, и въ руководителяхъ школы, затемнился коренной смыслъ жизни, стоящій въ непосредственной связи съ необходимостью переоцѣнки основныхъ понятій современной культуры.

Переходя—въ главѣ о современной культурѣ—къ характеристикѣ и критикѣ послѣдней, авторъ ставитъ вопросъ: современная намъ культура, если не есть расцвѣтъ, то не заря ли она заключительной *вѣчной* культуры, или же она представляетъ собою одну изъ разновидностей уже бывшихъ, существующихъ теперь и впредь имѣющихъ быть культуръ?

Этотъ вопросъ рѣшить тѣмъ важнѣе, что, по словамъ священника Петрова, „мы свыклись, сжились, сроднились со многими нравственными предразсудками и извращеніями, такъ сказать принюхались къ нравственнымъ безобразіямъ наличной дѣйствительности, и не замѣчаемъ ихъ неказистости, считаемъ грубыя проявленія животной природы неизбѣжными спутниками цивилизаціи, горделиво называемъ себя, свою культуру солью земли, свѣтомъ человѣчества". Если можно признать сравнительно высокой культуру европейской техники, культуру окружающей человѣка обстановки, то никакъ нельзя признать высокой культуру его самого, культуру человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи человѣчество представляется автору еще не совсѣмъ остывшей планетой, въ которой изнутри пылаетъ адскій огонь и клокочетъ лава. „Время отъ времени, нѣтъ-нѣтъ да и прорветъ пламя наружу, произойдетъ то землетрясеніе, то изверженіе, то вспышка національной, то религіозной, то соціальной вражды. Возьмите,—продолжаетъ онъ,—внутреннюю жизнь самыхъ культурныхъ европейскихъ народовъ: всѣ они, какъ громадные ежи (удачное сравненіе!), вооружены съ ногъ до головы милліонами стальныхъ штыковъ; повсюду не прекращается травля слабыхъ національностей; нѣтъ мира и единенія между представителями даже христіанскихъ церквей; высшіе классы, какъ, напримѣръ, члены парламента—панамисты, проѣдены политиканствомъ и продажностью, низшіе озлоблены до анархизма". Распростра-

неніе европейской культуры среди другихъ народовъ и племенъ обходится имъ очень ужъ дорого и солоно и можетъ утѣшать, по выраженію автора, развѣ наивныхъ простаковъ: она покупается цѣною свободы и полной экономической разоренности; отъ нея открещиваются, гдѣ только могутъ.

Современная культура — не безусловно высшая культура. Авторъ доказываетъ это положеніе еще и тѣмъ также соображеніемъ, что основнымъ идеальнымъ началомъ ея, высшимъ принципомъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, признается гуманизмъ, а онъ—„никоимъ образомъ не высшій безусловно, не вѣчный принципъ". Гуманизмъ—человѣчность,—какъ противовѣсъ бестіализма, торжества грубой физической силы среднихъ вѣковъ, отжилъ свой вѣкъ, и для нашего времени онъ недостаточенъ: „наше время удовлетворяться этимъ не можетъ. Мы на мѣсто гуманизма, торжества человѣчности, должны нести въ жизни начала божественности". И Ницше смутно чувствовалъ необходимость сверхчеловѣческаго начала въ жизни, но онъ не съумѣлъ понять, въ чемъ она должна проявиться: не въ освобожденіи отъ евангельскихъ началъ любви, а наоборотъ, въ полномъ подчиненіи имъ. „И это подчиненіе—дѣло будущаго, главная основа единой вѣчной, безусловно высшей культуры". Это начало внесетъ не разрушительный, но созидательный принципъ въ жизнь, придастъ внутреннюю устойчивость и красоту смыслу жизни и скажется пышнымъ расцвѣтомъ творческихъ силъ, заложенныхъ для созидательныхъ цѣлей въ природу человѣка.

Вотъ взглядъ автора и на вопросъ о женскомъ образованіи въ Россіи, особенно образованіи медицинскомъ: „Дѣло высшаго женскаго образованія у насъ—дѣло великое, общенародное,—говоритъ онъ.—Позволю себѣ высказать,—продолжаетъ онъ,—можетъ быть, смѣлую на первый взглядъ мысль,—что въ зависимости отъ хода этого образованія въ значительной степени зависитъ характеръ дальнѣйшаго внутренняго развитія нашей страны". Благотворное вліяніе образованной русской женщины скажется вездѣ—и въ семьѣ, гдѣ она „заставила бы серьезно подтянуться интеллигентнаго мужа", и въ обществѣ, гдѣ столько, по выраженію автора, „собакевичевщины", и въ школьномъ дѣлѣ, и въ особенности—въ деревнѣ, въ народной средѣ. Женщина-учительница и женщина-врачъ—лучшіе работники среди народа, который—„душой боленъ не менѣе, чѣмъ тѣломъ, и онъ ищетъ облегченія и въ той, и въ другой болѣзни. „Женщина-врачъ вмѣстѣ съ искусствомъ медицины дастъ народу и массу сестеръ милосердія, поправитъ больное тѣло и отогрѣетъ измученную непогодой жизни народ-

ную душу". И авторъ кончаетъ эту главу призывомъ къ русскому обществу—поддерживать всячески, и нравственно и матеріально, высшее женское образованіе, и—обращеніемъ къ русскимъ студенткамъ и курсисткамъ, которыя отвѣтственны за судьбу высшаго женскаго образованія и передъ народомъ, и передъ десятками дальнѣйшихъ поколѣній русскихъ женщинъ.

Въ предпослѣдней главѣ священникъ Петровъ дѣлаетъ попытку опредѣлить, въ чемъ должно состоять теперь „русское дѣло". Оно подсказывается нашей большой культурной отсталостью, замалчивать которую, закрывать глаза себѣ и другимъ—„и преступно, и вмѣстѣ съ тѣмъ неумно". „Неумно,—говоритъ авторъ,—потому, что наша отсталость—фактъ историческій, неоспоримый. Въ западной Европѣ существуетъ университетъ, которому насчитывается почти столько же лѣтъ, сколько русскому государству. Въ то время какъ въ Новгородѣ еще Гостомыслъ печаловался, что земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, на Западѣ этотъ порядокъ получилъ философское обоснованіе, тамъ право изучается какъ наука". Съ другой же стороны, наша отсталость не совсѣмъ оскорбительна для національнаго самолюбія, если мы представимъ себѣ сыгранную нами историческую роль отстоять, на рубежѣ Азіи и Европы, мирное развитіе европейской культуры отъ нашествія варваровъ.

Ломоносовъ указывалъ когда-то на естественныя богатства Россіи, ждущія прикладныхъ рукъ прилежныхъ и образованныхъ юношей. Свящ. Петровъ выдвигаетъ другую область ея—духовныя богатства народа,—и они ждутъ еще широкой разработки,—„и для русскихъ культурныхъ работниковъ по всѣмъ концамъ Россіи трудно найти другое, болѣе великое „русское" дѣло, какъ разработку уже извѣстныхъ, давно открытыхъ розсыпей и залежей народной геніальности". Авторъ ждетъ огромной пользы отъ образованія кружковъ, обществъ и собраній, которыя заботились бы о разработкѣ идей и образовъ, созданныхъ производительностью народнаго генія, и широко распространяли ихъ въ толпѣ. И время для такого дѣла, по мнѣнію автора, вполнѣ назрѣло. Переживаемый нами періодъ ознаменованъ не только экономической, но и духовной скудостью: искусство и литература, театръ и музыка падаютъ отъ недостатка внутренняго содержанія. Одной изъ главныхъ причинъ этого явленія авторъ считаетъ все усиливающееся прекращеніе духовной связи съ роднымъ, самобытнымъ геніемъ. Подобно древнему Антэю, обновлявшемуся отъ прикосновенія къ матери-землѣ, и современной русской мысли и чувству необходимо, по мнѣнію свящ. Петрова,

прикоснуться къ сокровищницамъ русскаго духа, „стать въ тѣсную связь со всѣмъ культурнымъ достояніемъ, добытымъ русскимъ народнымъ геніемъ въ прошломъ. Это наслѣдство—не изъ малоцѣнныхъ. Намъ даже древняя Русь оставила многое, чѣмъ мы вправѣ гордиться передъ Европой“.

Авторъ призываетъ всѣхъ къ единенію, къ совмѣстной работѣ на общественное и народное благо. „Необходимъ,—говоритъ онъ,—трудъ цѣлыхъ кружковъ, обществъ и собраній“, и приводитъ извѣстный отрывокъ стихотворенія А. М. Жемчужникова, какъ иллюстрацію отсутствія сознанія въ насъ обязанности принять участіе въ общемъ дѣлѣ:

Уподобляемся мы, баловни судьбы,
Надъ грязью дольнею стоящимъ на помостѣ;
Но снизу бережно насъ держатъ не столбы,
А мышцы рукъ людскихъ и спинъ согбенныхъ кости.
До нашей высоты порой доходитъ вздохъ,
Какъ будто кто-то тамъ, въ подпольѣ, тяжко дышитъ,
Но современникъ нашъ умышленно оглохъ,
Иль грезится ему, что гулъ веселья слышитъ...

Авторъ признаётъ истинными героями—героевъ долга и любви къ родинѣ и ближнимъ: одинъ изъ нихъ—земскій врачъ, другая—сельская учительница. Ихъ жизнь—сплошной трудъ, лишенія, самоотверженія. Побольше бы такихъ людей, больше идеализма и въ стремленіяхъ, и въ жизни,—и легче, свѣтлѣе и теплѣе станетъ жить всѣмъ, кому теперь непосильна жизненная ноша,—таковъ конечный выводъ, къ которому приводитъ автора анализъ современной русской жизни, и таковы общее содержаніе и характеръ книги.

III.

От. Петрову данъ высокій даръ плѣнять и подкупать читателя изяществомъ изложенія, оригинальностью сравненій и мѣткостью языка. Повидимому, богатый его личный жизненный опытъ и обширный кругъ чтенія возводятъ читателя на высокую ступень интеллектуальнаго отношенія къ предмету. Читатель не перестаетъ чувствовать, что съ нимъ говоритъ не человѣкъ сословія, касты или профессіи, но человѣкъ убѣжденія, основаннаго на общечеловѣческихъ началахъ, чуждыхъ односторонняго истолкованія и предразсудка. И это еще болѣе усиливаетъ и интересъ, и обаяніе книги свящ. Петрова. Но только очень внимательное чтеніе можетъ обезпечить читателю необходимое критическое отношеніе къ читаемому и дать ему возможность остано-

виться на тѣхъ пунктахъ, съ которыми онъ, можетъ быть, несогласенъ по существу.

Въ началѣ нашего изложенія мы замѣтили, по поводу книги свящ. Петрова, что она слишкомъ *идеалистична*. Объяснимъ точнѣе, что̀ мы понимаемъ въ данномъ случаѣ, и попытаемся сдѣлать это на основаніи примѣровъ, взятыхъ изъ той же книги. Такъ, прежде всего, авторъ, какъ намъ кажется, слишкомъ поднимаетъ положеніе школьнаго вопроса отъ бѣдной и убогой земли на идеальную высоту. Само по себѣ это превосходно, но чтобы приложить свои руки къ школьному дѣлу у *насъ* и *теперь*, отъ земли отрѣшаться нельзя. Краснорѣчиво рисуя печальное положеніе преподаванія Закона Божія, географіи, исторіи, литературы („Мы просиживаемъ на школьной скамьѣ долгіе скучные часы за сочиненіями Луки Жудяты, заточника Даніила, Сильвестра, Ломоносова и Кантемира, и, стыдно сказать, не знаемъ Достоевскаго, Тургенева, никого изъ новѣйшихъ писателей“),— авторъ по наиболѣе существенному вопросу—вопросу практической, необходимой, давно назрѣвшей реформы школы—бросаетъ какъ бы мимоходомъ двѣ-три фразы о томъ, что, молъ, много *толкуютъ* о необходимости коренной перемѣны школьной программы, настойчиво добиваются отмѣны мертвыхъ языковъ, а между тѣмъ - „корень зла не здѣсь; страшны не сами *мертвые языки*, страшна *мертвечина* учобы; страшно то, что какой предметъ ни возьми, все это—мертвый языкъ,—языкъ, который ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу ученика“. Встрѣтить такое разсужденіе и въ такой книгѣ какъ-то и странно, и неудобно,— не знаешь, какъ къ нему отнестись, даже и возражать не совсѣмъ удобно. Но и безъ возраженія оставить нельзя. Судя по нѣкоторымъ словамъ, от. Петрову хорошо извѣстенъ смыслъ и характеръ толстовско-катковской учебной системы, плоды которой къ нашему времени могутъ считаться опредѣлившимися вполнѣ: мертвые языки сыграли въ этой системѣ предназначенную имъ вполнѣ отчетливую роль, уже взвѣшенную судьбою, — отвлечь юную мысль отъ вопросовъ жизни и преуспѣянія родины и воспитать ее на отвлеченныхъ для нея правилахъ греческой и римской грамматики. Плоды этой системы вполнѣ подходятъ къ той главѣ разбираемой нами книги, которая характеризуетъ результаты современной школы: благодаря именно ей, наступило въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ полное духовное оскудѣніе, померкли свѣтлые идеалы и, взамѣнъ ихъ, развились низменные инстинкты человѣка-звѣря. Если корень зла не здѣсь (вѣрнѣе — одинъ изъ главныхъ корней), то къ кому же обра-

щаетъ от. Петровъ свое крылатое „Духа не угашайте“: къ несчастной школѣ, ея ближайшимъ руководителямъ и учителямъ? Опять-таки, судя по книгѣ, от. Петровъ—самъ педагогъ, и ему прекрасно извѣстно, въ какихъ условіяхъ проходитъ учительство въ школѣ; извѣстно, несомнѣнно, и то, что доброй воли учащихъ все-таки мало, чтобы поставить школьное дѣло на правильный путь. А остроумная игра словъ въ выраженіи: „страшны не мертвые языки, а страшна мертвечина учобы“, безъ болѣе точнаго опредѣленія, къ кому она относится,—падаетъ и бьетъ все ту же учительскую спину, которая давнымъ-давно принадлежитъ лежачему человѣку.

Дальнѣйшія слова того же злополучнаго абзатца заключаютъ въ себѣ и нѣкоторую, по правдѣ сказать, несообразность. „При такой постановкѣ дѣла („мертвечина учобы“), какъ предметы въ программѣ ни мѣняйте, — суть останется та же. Замѣните мертвые языки желаемыми большинствомъ естественными науками, — школа ничего не выиграетъ. Мы зубрили тысячи латинскихъ и греческихъ исключеній, наши дѣти будутъ зубрить тысячи названій видовъ, подвидовъ, мускуловъ, хрящей и позвонковъ“. Другими словами: пока дѣтей дурно учатъ, до тѣхъ поръ безразлично, чему бы ихъ ни учили. Намъ же думается, что если ужъ и учатъ дѣтей въ современной школѣ дѣйствительно дурно, то все-же лучше учить ихъ тому предмету, который имъ необходимъ и самъ по себѣ исполненъ живого интереса; пусть дѣти узнаютъ названія видовъ и подвидовъ, если безъ этого нельзя, благо эти названія познакомятъ ихъ хоть нѣсколько съ окружающимъ міромъ и мѣстомъ человѣка въ природѣ. Несомнѣнно, многое зависитъ отъ учителя и при современной постановкѣ учебнаго дѣла, но все-же можно скорѣе ждать талантливыхъ преподавателей изъ среды специалистовъ природовѣдѣнія, чѣмъ отъ такихъ „ученыхъ“ филологовъ, вся ученость которыхъ иногда въ томъ и состоитъ, какъ свидѣтельствуетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, что они подсчитали предлоги у Плавта или частицы у Аристофана.

Пройдутъ года и десятки лѣтъ, прежде чѣмъ въ жизнь школы войдутъ тѣ идеальныя начала, выясненію которыхъ посвящена книга. Но было бы обидно допустить, что пока эти начала будутъ осуществляться въ жизни и въ школѣ, преподаваніе древнихъ языковъ будетъ отнимать все время у нашего юношества, притомъ въ ущербъ ихъ умственному и нравственному развитію, въ ущербъ ихъ знакомству съ родной природой, исторіей, литературой...

О роли древнихъ языковъ въ нашей школѣ, ничего общаго,

конечно, не имѣющей съ изученіемъ античной культуры, какъ предмета исторіи, нельзя разсуждать такъ же спокойно, какъ объ окраскѣ крыльевъ у бабочекъ или четвертомъ измѣреніи. Это—самый больной вопросъ современной школы, и его слѣдуетъ касаться весьма осторожно, весьма внимательно и серьезно, или —не касаться вовсе. И пройди его свящ. Петровъ молчаніемъ, не подай своего вѣскаго голоса въ ту или другую сторону, мы объяснили бы это молчаніе стремленіемъ соблюсти извѣстнаго рода тактъ, опасеніемъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ, разнообразно волнующихъ общество и являющихся предметомъ насущной правительственной заботы. Однако вся книга свящ. Петрова написана съ цѣлью разобраться именно въ тѣхъ вопросахъ, а среди нихъ вопросъ о школѣ—едва ли не самый важный въ настоящее время, и съ него надо начинать и имъ надо кончать всякій серьезный разговоръ о школьной реформѣ.

Повторимъ употребленное свящ. Петровымъ выраженіе—„надо смотрѣть въ корень". Это совершенно справедливо,—надо смотрѣть въ корень, надо постигать причину явленія, и только тогда сужденіе о немъ можетъ претендовать на высшую степень достовѣрности. Если серьезно говорить о томъ, что наша школа мертва, и что необходимо ее оживить,—въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія,—то придется признать, что мертвятъ ее, дѣйствительно, не мертвые языки, не тѣ или другіе предметы, въ ихъ сущности, но мертвые люди, устроявшіе школу во имя не созидательныхъ началъ самой жизни, но предвзятыхъ принциповъ ложно понятой государственной мудрости. Впрочемъ, рѣчь не о мертвыхъ людяхъ прошедшаго и настоящаго нашей школы. Рѣчь— о школѣ, которую необходимо оживить, чего бы это ни стоило государству и обществу; необходимо сдѣлать ее жизненнымъ органомъ народной жизни, обезпечивающимъ ея культурное развитіе въ направленіи, уже указанномъ исторіей. Оживить же школу могутъ только живые люди, при томъ люди педагогическаго знанія и опыта, воспитатели юношества по призванію и по долголѣтней дѣятельности въ школѣ. И такихъ людей не мало среди учащихъ и воспитателей, какъ ни бѣденъ, повидимому, въ ихъ массѣ запасъ необходимой жизненности духа и идеальныхъ стремленій. Только ихъ имена не блещутъ на страницахъ газетъ, толпа не рукоплещетъ ихъ блестящимъ защитамъ диссертацій на схоластическія темы; ихъ знаютъ обыкновенно небольшіе кружки родителей да учениковъ,—да еще бывшіе питомцы, разсѣянные по всей Россіи, хранятъ трогательно-благодарное воспоминаніе о сѣменахъ добра и правды, посѣянныхъ

въ ихъ душѣ *старымъ* учителемъ. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда становились широко-популярными; не говоря объ Ушинскомъ, Пироговѣ, другихъ славныхъ дѣятеляхъ прежней педагогической семьи,—кто не знаетъ именъ недавно скончавшагося Виктора Острогорскаго, покойнаго В. П. Шереметевскаго и многихъ другихъ, бодрствующихъ, для счастія школы, понынѣ. Они-то ужъ не „угасили бы духа", еслибы кругъ ихъ дѣятельности не былъ такъ обидно ограниченъ внѣшними рамками, и еслибы мнѣніемъ ихъ руководствовались по существу, а не привлекали ихъ только въ качествѣ членовъ педагогическаго совѣта для формальнаго опроса. Педагоги вообще, кажется, не устрояли нашего просвѣщенія. Его устрояли болѣе всего чиновники (а извѣстно, что хорошій чиновникъ—плохой педагогъ, и это не обидно ни для того, ни для другого), у которыхъ содержаніе зачастую пассовало передъ формой; мудрили люди разныхъ профессій, и среди нихъ, этихъ постороннихъ школѣ вначалѣ людей, неожиданно открывались иногда прирожденные педагоги, замѣнявшіе здравымъ практическимъ смысломъ и сочувствіемъ къ нуждамъ просвѣщенія то, чего не дали личный опытъ и учебная подготовка. Но едва ли такое положеніе вещей можно признать, какъ правило. Педагогическая корпорація—не все мертвые люди, и многіе изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы спасаться отъ школьной голодовки въ акцизныхъ и контрольныхъ канцеляріяхъ, были бы достойны занять мѣсто рядомъ съ мужами совѣта и разума, чтобы дохнуть своимъ живымъ и врожденно-педагогическимъ духомъ на помертвѣвшую школу.

Прекрасенъ призывъ свящ. Петрова къ единенію, къ дружной работѣ на благо родины и народа. Что̀ можетъ быть лучше и для молодежи, и для взрослыхъ, какъ сойтись въ кружокъ для совмѣстнаго чтенія и бесѣды на идейную тему, для изученія писателя или поэта? Такіе кружки самообразованія, или, лучше сказать, самооблагороженія, сослужили бы великую службу особенно въ провинціи, въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ царитъ невообразимая жестокость и дикость нравовъ. Но знаетъ ли почтенный авторъ, насколько осуществимъ его призывъ и въ столицѣ, и въ провинціи, насколько каждая такая попытка встрѣчаетъ самыя невѣроятныя, непредвидимыя и непреодолимыя препятствія? Еще недавно усматривали благо въ отдаленіи профессоровъ и педагоговъ отъ студентовъ и учащихся; что же касается провинціи, авторъ могъ бы много поучительнаго въ этомъ отношеніи вынести изъ путешествія по глухимъ городишкамъ, деревнямъ и селамъ. Кстати сказать, въ книгѣ свящ. Петрова чрезвычайно

мало ссылокъ на наши родныя мѣста; гораздо чаще въ его наглядныхъ описаніяхъ мелькаютъ Берлинъ, Прага и тому подобное,—и только Крымъ нравится ему своей очаровательной красотой. Но по Крыму, Кавказу, Финляндіи — судить о россійской провинціи невозможно; для сужденій о ней недостаточно однихъ столичныхъ впечатлѣній и газетныхъ извѣстій. Русскій человѣкъ—существо въ высшей степени общительное, и если эта общительность не выходитъ въ большинствѣ случаевъ за предѣлы картъ, обѣденныхъ и иныхъ торжествъ и крайне рѣдко становится на идейную почву, то этому издавна служилъ препятствіемъ цѣлый строй вѣками укоренившихся внѣшнихъ препятствій. И получается невозможное положеніе, отмѣченное авторомъ: „вся провинція только и стонетъ, что дѣлать нечего, что люди задыхаются отъ бездѣлья. Выходитъ,—продолжаетъ онъ—какое-то роковое недоразумѣніе: на каждомъ шагу гòры неотложной работы, нѣтъ работниковъ; а люди, живущіе среди этого непочатаго дѣла, томятся бездѣйствіемъ, изнываютъ отъ скуки, отъ пустоты и безцѣльности провинціальной жизни“! Одинъ изъ ключей этого рокового недоразумѣнія обнаруживается довольно легко: это—взаимное недовѣріе и подозрительность. Церковная школа не вѣритъ земской, земская не вездѣ ладитъ со священникомъ, ближайшая власть подозрѣваетъ учителя и попечителя школы, мужикъ недовѣрчиво относится къ тѣмъ и другимъ и иногда не безъ основанія видитъ одни только мудрованія на его счетъ тамъ, гдѣ дѣло представляется простымъ и яснымъ. И выходитъ, по баснѣ Крылова, что пока „лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду“,—крестьянскій возъ ни на пядь не сдвинется съ мѣста...

Желательно было бы, чтобы поднимаемые свящ. Петровымъ вопросы трактовались съ бòльшей, въ предѣлахъ возможнаго, опредѣленностью и не оставляли мѣста недоумѣніямъ и неправильнымъ истолкованіямъ. Отъ недомолвокъ и вынужденныхъ умолчаній у насъ разлился невообразимый туманъ въ общественныхъ понятіяхъ, и, кажется, сами предметы начали мѣнять имена. Вотъ потому всѣхъ, кому дано горячее убѣжденіе и съ нимъ вмѣстѣ даръ высказывать его хорошими, ясными и простыми словами,—лежитъ великій долгъ разгонять этотъ туманъ и облегчать лучамъ истины доступъ въ помутившееся сознаніе и взволнованную душу русскаго человѣка.

Евг. Л.

СТАРЫЙ ДОМЪ

Лѣнивый вѣтерокъ въ травѣ чуть слышно бродитъ...
До полдня здѣсь пріютъ и влагѣ, и тѣнямъ,
А тамъ, на лѣстницѣ, гляди, какъ солнце всходитъ
Все выше, все теплѣй по ветхимъ ступенямъ.

Надъ лѣстницею—домъ, заросшій весь кустами.
Никто въ немъ не живетъ, покинутъ онъ давно,
И, какъ недобрый глазъ подъ хмурыми бровями,
Чернѣетъ и блеститъ подъ крышею окно.

Я такъ люблю идти заросшею тропою
Средь листьевъ и цвѣтовъ заброшенныхъ куртинъ!..
Вотъ ирисы встаютъ лиловою семьею
И одуванчики въ дыму своихъ сѣдинъ.

Я вечеромъ сюда усталый возвращаюсь;
Здѣсь ждетъ меня въ травѣ чуть видная скамья.
Съ воспоминаньями я ласково встрѣчаюсь,
И долго думаю—и жду чего-то я.

Мнѣ кажется тогда безвластнымъ время злое,
И, все одѣтое туманной тишиной,
По ветхимъ ступенямъ ко мнѣ идетъ былое,
Чтобъ о грядущихъ дняхъ бесѣдовать со мной.

П. С. Соловьева.

ЗАБЫТЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

— Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ. Фантастическій разсказъ въ трехъ частяхъ. Князя В. Мещерскаго. Спб., 1873.—Третье изданіе, 1894 г.

— Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ. Фантастическій этюдъ въ пяти частяхъ. Продолженіе сочиненія: „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“. Соч. князя В. Мещерскаго. Спб., 1879.

Князь В. Мещерскій очень хорошо извѣстенъ, какъ охранительный публицистъ и издатель „Гражданина“; публика знаетъ его также какъ автора повѣстей и разсказовъ изъ великосвѣтскаго быта; но никто, кажется, не подозрѣваетъ въ немъ сатирика, ядовито осмѣивающаго тѣ мнимо-консервативные принципы и шаблоны, которые съ такимъ упорнымъ усердіемъ защищаются имъ въ публицистикѣ. Между тѣмъ, перу князя В. Мещерскаго принадлежитъ одна изъ самыхъ рѣзкихъ и откровенныхъ сатиръ на поверхностныя реакціонныя теченія, овладѣвшія вліятельною частью нашего общества съ начала семидесятыхъ годовъ и нашедшія себѣ постоянный органъ въ „Гражданинѣ“.

Быть можетъ, нельзя считать совсѣмъ забытымъ романъ, напечатанный третьимъ изданіемъ еще сравнительно недавно (въ 1894 году); однако, содержаніе его, по всей вѣроятности, основательно забыто даже читавшими его въ свое время, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно не упускалось бы изъ виду при оцѣнкѣ консервативныхъ идей и проектовъ князя В. Мещерскаго. Дѣйствующими лицами этого „фантастическаго разсказа“ являются наиболѣе яркіе выразители общественныхъ стремленій, близко зна-

комыхъ автору. „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“ не блещетъ художественными достоинствами; но исторія его героя, графа Обезьянинова, даетъ интересный матеріалъ для характеристики эпохи, не особенно далекой отъ насъ. Само собою разумѣется, что „начальническая“ дѣятельность графа Обезьянинова остается всецѣло продуктомъ творческой фантазіи;—очевидно, въ его лицѣ авторъ хотѣлъ представить наглядный примѣръ несообразностей, къ которымъ привело бы на практикѣ послѣдовательное примѣненіе политическихъ рецептовъ, неуклонно излагаемыхъ въ „Гражданинѣ“. Романъ князя В. Мещерскаго не нуждается даже въ особомъ критическомъ разборѣ: достаточно напомнить его сущность и привести изъ него нѣсколько назидательныхъ сценъ, чтобы отдать справедливость сатирическому замыслу автора.

Графъ Иванъ Обезьяниновъ считалъ себя призваннымъ къ роли правительственнаго дѣятеля, „потому, что былъ очень недуренъ собою, воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ военно-учебныхъ заведеній, имѣлъ отъ роду 34 года, подъ судомъ и слѣдствіемъ никогда не находился, за исключеніемъ тѣхъ двухъ разъ, когда онъ попалъ подъ полуслѣдствіе за разбитыя, въ веселомъ видѣ, стекла на улицѣ въ домѣ такомъ-то и такомъ-то“; въ области политики онъ любилъ разсуждать о разныхъ вещахъ, мало ему знакомыхъ; „всякаго, кто слишкомъ много говорилъ о земствѣ, онъ называлъ, самъ не зная почему, либераломъ“. Получивъ назначеніе въ провинцію,—на постъ камаринскаго начальника, онъ отправился къ правителю канцеляріи и имѣлъ съ нимъ слѣдующій діалогъ:

...Скажите, пожалуйста, вы должны это знать: что̀ это, вообще, большая страна—Камарино?

— Да вотъ, взгляните на карту...

Графъ подошелъ очень ловко къ картѣ и началъ искать Камарино то наверху, то внизу, то на западѣ, пока Любакинъ, подойдя, не указалъ ему пальцемъ на Камарино, сказавъ: „вотъ“.

— А, вотъ оно, что же, оно не очень большое!—замѣтилъ графъ.

— Да, не очень большое, но дѣла много.

— Тамъ, говорятъ, того... земство вообще довольно... много себѣ позволяетъ. У меня тамъ есть большое имѣніе,—вѣдь я собственно потому и принялъ: я тамъ никогда не былъ, но управляющій мнѣ мой пишетъ, что они чортъ знаетъ какіе выдумали разные налоги... подати...

— То-есть, вы хотите сказать, земскія повинности?

— Ну, да, повинности,—по моему, это все равно, налоги, повинности, l'impot en général; я вообще удивляюсь, какъ это можно, чтобы

какое-нибудь земство назначало повинности... Скажите, пожалуйста, вотъ вы должны это знать,—мнѣ кажется, что слѣдовало бы на этотъ счетъ принять какія-нибудь мѣры...

— То-есть какъ?

— То-есть, напримѣръ, я полагалъ бы, что мнѣ слѣдовало бы въ особенности этимъ заняться поэнергичнѣе.

— Ну, я бы вамъ не совѣтовалъ, графъ, тѣмъ болѣе что...

— Нѣтъ, извольте видѣть, я долженъ вамъ сказать, что прежде чѣмъ того... принять это мѣсто, я немного занимался политикою, и признаться долженъ, что я сдѣлалъ себѣ во всемъ рѣшительно идеаломъ—Бисмарка! Вотъ человѣкъ, какой намъ нуженъ! Желѣзная воля, геніальный умъ...

Уходя отъ правителя канцеляріи, графъ вдругъ вспомнилъ что-то и вновь заговорилъ:

— А, да, вотъ еще, извините, я позабылъ еще очень важный вопросъ: скажите, пожалуйста, вѣдь у насъ есть особые законы о земствѣ, не правда ли,—гдѣ бы ихъ достать? И потомъ, мнѣ бы хотѣлось, знаете, достать какія-нибудь книги и вообще о Россіи, объ администраціи...

— Насчетъ земства есть, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, особое положеніе...

— А, да, знаю, знаю! Это я читалъ, но я... того... хотѣлъ бы знать насчетъ повинностей... есть что-нибудь?..

— Да, во-первыхъ, въ самомъ положеніи вы найдете...

— А, да, правда,... я позабылъ; я, знаете, читалъ очень скоро...

Графъ вышелъ, думая про себя: au fond c'est un rouge que ce monsieur! А когда надѣвалъ шинель, онъ сказалъ мысленно: однако же, чортъ возьми, есть какія-то положенія, а я совсѣмъ и не подозрѣвалъ, надо узнать...

Не имѣя еще понятія о дѣлахъ и задачахъ управленія, новый камаринскій начальникъ, однако, заранѣе установилъ точную программу своей дѣятельности; онъ рѣшилъ „устроить хорошую пожарную команду, истребить нищенство, заняться тюрьмою,—если можно, завести газъ по всему городу, и вообще прижимать всякія земства и тому подобные элементы“; затѣмъ „въ мелочи, детали и дрязги администраціи не входить, все это предоставить вице-начальнику и правителю канцеляріи, а самому только всѣмъ дирижировать, заниматься главнѣйшими только дѣлами и вообще руководить духомъ Камарина“... „Мое главное назначеніе,—говорилъ онъ,—поднять и усилить власть администраціи, которая очень распущена...“—„Да помилуйте, графъ,—возражалъ правитель его канцеляріи,—шутка сказать, за что̀ вы беретесь, да какъ же вы подымете власть администраціи вообще, если вы не будете входить именно въ подробности и изучать?“—„Какъ?! Очень просто, я устрою отличную систему полиціи, у

меня будутъ все честные и порядочные люди, черезъ нихъ я буду все изучать, вотъ вамъ и все".—„Да, ну, если такъ, такъ по вашему, что̀ администрація, что̀ полиція—все равно?"—„Все равно!"—„Ну, а съ земствомъ какъ же вы будете ладить,—тутъ вѣдь ваша полиція ни при чемъ?"—„Ну, съ земствомъ, батюшка, не трудно ладить, буду его держать въ ежовыхъ рукавицахъ, вотъ вамъ и все..."—„Да вѣдь, чтобы держать его въ ежовыхъ рукавицахъ, надо знать и отлично знать дѣло, помилуйте, графъ..."—„Ну, нѣтъ: учиться—это прекрасная вещь въ теоріи, а на дѣлѣ, гдѣ тутъ прикажете еще учиться, когда не хватаетъ даже времени на то, чтобы заниматься главными вопросами. Россія, батюшка мой, такое государство, гдѣ надо намъ не ученыхъ, а умныхъ людей..."

Въ дѣйствительности графу Обезьянинову не нужно было быть ни знающимъ, ни умнымъ человѣкомъ, чтобы оказаться на высотѣ положенія. Въ Камаринѣ ему былъ подготовленъ торжественный пріемъ; полиціймейстеръ Перепентьевъ „возвѣстилъ ему, что городское общество не знаетъ, можетъ ли оно дерзнуть поднести графу, въ ознаменованіе его пріѣзда, три тысячи рублей на устройство стипендіи имени графа въ гимназіи, и что вообще восторгъ въ городѣ такой, что просятъ позволенія устроить иллюминацію". На улицѣ, куда графъ вышелъ погулять, все было необыкновенно чисто; „у подъѣзда присыпано песочкомъ, полицейскіе почти напоминали петербургскихъ по структурѣ и нарядности, а въ довершеніе пріятной картины, всѣ дома въ окрестностяхъ дома графа и многіе изъ домовъ Большой улицы украшены были флагами..." Графъ былъ очень доволенъ усердіемъ полиціймейстера и возъимѣлъ высокое мнѣніе объ его заслугахъ; „а загляни онъ въ арестантскую парфентьевской части, именно въ это прекрасное утро, онъ увидѣлъ бы тамъ, что въ теченіе этой ночи забраны были шесть человѣкъ челобитчиковъ, намѣревавшихся подать графу жалобу на того же Перепентьева, и трое изъ мирныхъ гражданъ, по дѣлу о сопротивленіи и буйствѣ при предложеніи изъявить всеобщую радость, по случаю благополучнаго пріѣзда и вступленія въ должность его сіятельства. Но графъ не заглянулъ, и акціи Перепентьева въ одно это утро значительно поднялись".

Начальникъ вполнѣ вошелъ въ свою роль; мелочи и дрязги административной практики для него не существовали,—онъ ихъ не видѣлъ и не зналъ, такъ какъ интересовался только высшими соображеніями. При представленіи ему мѣстныхъ чиновъ и сословій, онъ сказалъ эффектную рѣчь, въ которой выразилъ рѣ-

шимость быть твердымъ и непоколебимымъ въ борьбѣ съ тайными недоброжелателями „администраціи, то-есть правительства вообще“. „Я, господа,—заявилъ онъ, между прочимъ,—первый уважаю свободу, но я не могу позволить, чтобы эта свобода была неблагонадежная или неблагонамѣренная. На мнѣ лежитъ, господа, обязанность объяснять, какую свободу я могу одобрять, а потому прошу васъ обращаться всегда ко мнѣ, а не слушать тѣхъ, которые среди васъ (здѣсь графъ невольно устремилъ взглядъ на земскую группу) думаютъ о свободѣ разныя небылицы и сбиваютъ съ толку общество“. Особенно онъ подчеркнулъ необходимость смотрѣть на него, какъ на „главнаго хозяина и блюстителя порядка, благоустройства и благочинія“. „А вы, господа члены земства,—продолжалъ онъ,—я надѣюсь, тоже поймете, что я здѣсь одинъ хозяинъ, и что никому, кромѣ меня, я не позволю у себя въ Камаринѣ хозяйничать; впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ не нужно вамъ это напоминать, такъ какъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣю до сихъ поръ, вы вели себя благоразумно; повторяю только мою просьбу—не слушать тѣхъ, которые хотятъ среди васъ играть роль и ссорить васъ со мною...“

Почему же и во имя чего онъ въ такомъ рѣзкомъ наставительномъ тонѣ обращался къ людямъ, съ которыми не имѣлъ еще никакихъ столкновеній? Чтò онъ разумѣлъ вообще подъ управленіемъ? Какія мысли связывалъ онъ съ своимъ положеніемъ хозяина края? „Съ нимъ происходило много,—говоритъ авторъ,—но самъ онъ не производилъ ничего, потому что въ немъ ничего не было; а если въ немъ ничего не было, то вопросъ: чтò значитъ управлять, чтò значитъ начинать управленіе,—какъ вопросъ съ содержаніемъ, съ глубокимъ внутреннимъ смысломъ, и притомъ жизненнымъ,—не могъ даже родиться въ умѣ графа“. Камарино вообще являлось ему въ какомъ-то неопредѣленномъ видѣ—„смѣсью полей, домовъ и людей, низко кланяющихся“; земство олицетворялось для него въ предсѣдателѣ управы, „а такъ какъ фигура предсѣдателя земской управы ему не нравилась, потому что этотъ предсѣдатель ему, графу, не воздавалъ поклоненія, то и все земство графу было антипатично; а такъ какъ, напротивъ, дворянство и чиновничество согласились ему дать обѣдъ, то графъ считалъ и это дворянство и это чиновничество весьма важными частями государства“.

На первыхъ порахъ графъ Обезьяниновъ имѣлъ около себя дѣльнаго и честнаго человѣка, который, въ качествѣ правителя канцеляріи, удерживалъ его отъ ложныхъ шаговъ и не стѣснялся откровенно высказывать ему свои мнѣнія; но разумные совѣты

Ивана Ѳомича были крайне непріятны для графа и возбудили энергическое противодѣйствіе со стороны другихъ его приближенныхъ. Чиновникъ особыхъ порученій Маклаковъ воплощалъ собою „ложь, обольщеніе, обманъ"; онъ поспѣшилъ доложить графу „о какихъ-то тайныхъ сборищахъ у предсѣдателя земской управы, гдѣ будто бы поносили его, графа, и правительство вообще, самыми ужасными словами"; на другой день онъ „ловко далъ графу понять, что Иванъ Ѳомичъ съ однимъ только предсѣдателемъ управы и познакомился; на третій день онъ сообщилъ графу, что въ городѣ много толкуютъ о вліяніи на графа Ивана Ѳомича и о томъ, что-де опасаются, что черезъ Ивана Ѳомича пріобрѣтутъ вліяніе и земскіе либеральные люди". Этого было достаточно. „Душонка графа оскорбилась смертельно:—ка́къ, я буду подъ вліяніемъ, и еще кого же, земскихъ людей, – твердилъ себѣ графъ внутренно со злостью,—я имъ покажу..., и съ этой минуты вопросъ о борьбѣ добра со зломъ былъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго. Бѣдный Иванъ Ѳомичъ былъ, какъ говорятъ, coulé, а бѣдный графъ, освобождая себя такъ храбро изъ-подъ добраго вліянія Ивана Ѳомича, и не подозрѣвалъ даже, что онъ становился гораздо менѣе самостоятельнымъ, подпадая подъ вліяніе такого человѣка, какъ Маклаковъ, и такого начала, какъ его сплетни и разсказы. Но таковъ міръ, и таковы люди". Маклаковъ близко сошелся съ полиціймейстеромъ Перепентьевымъ, и оба они великолѣпно устроили свои дѣла. „Перепентьевъ былъ олицетвореніемъ пошлой стороны житейской мудрости, въ ея мельчайшихъ оттѣнкахъ... Увидѣвъ, что графу пріятно, когда гладятъ его собаку, Перепентьевъ пришелъ къ заключенію, что кольми паче должно быть пріятно графу все то, что гладитъ и ласкаетъ его сіятельство самихъ, и наоборотъ, все, что идетъ и будетъ идти противъ графской шерсти, графу должно быть непріятно. Отсюда выводъ былъ очень простой: лесть и подлизыванье должны дѣйствовать на его сіятельство благотворно, а для Перепентьева выгодно..." Цѣлымъ рядомъ искусныхъ комбинацій обезпечено было свободное хозяйничанье нѣсколькихъ „пройдохъ" подъ прикрытіемъ авторитета новаго начальника, считавшаго себя единственнымъ хозяиномъ края. „Трудно себѣ представить —замѣчаетъ авторъ — что-нибудь пошлѣе всѣхъ этихъ удававшихся Перепентьеву коварствъ. А между тѣмъ, они случаются ежедневно и суть тѣ невидимыя сцѣпленія причинъ и событій, которыя производятъ порядокъ вещей, вдали для насъ, людей непривычныхъ, непонятный и заставляющій насъ дѣлать Богъ знаетъ какія глубокомысленныя соображенія".

Что касается общественнаго элемента, а именно дворянства, то графъ „раздѣлилъ его на двѣ неравныя половины: одну онъ назвалъ дворянствомъ или обществомъ, а другую—земствомъ. Первые были овцы, а вторые—козлища“. Такъ какъ вторые не участвовали въ угодничествѣ мѣстныхъ чиновъ, „держались вообще самостоятельно, занимались дѣлами, а не пустяками, то графъ отнесся къ нимъ недовѣрчиво и неблагосклонно, и назвалъ ихъ земствомъ, какъ бы именемъ, означающимъ не то учрежденіе, которое существуетъ въ силу закона о земскихъ учрежденіяхъ, а что-то вообще антипатичное, антиправительственное и неблагонадежно-политическое“. Однимъ изъ результатовъ „людской пошлости“ было то, что графъ, „осмотрѣвъ тюрьму и полицію, нашелъ ихъ недурными, несмотря на то, что онѣ были очень скверны, а затѣмъ, осмотрѣвъ земскую больницу, нашелъ ее скверною, несмотря на то, что она была хороша“. О земскихъ собраніяхъ онъ получалъ черезъ своего чиновника весьма неточныя свѣдѣнія. „Вечеромъ же, работящіе члены земства, тѣ же дворяне, собирались на квартиру предсѣдателя управы и до двухъ, трехъ часовъ ночи, въ потѣ лица, работали надъ каждымъ вопросомъ. Вотъ эти-то собранія, гдѣ рѣчь шла только о дѣлѣ и гдѣ никогда о графѣ не говорили, потому между прочимъ, что и говорить было нечего,—были представлены графу какъ тайныя, грозящія опасностью государству, политическія сходки. Графъ никакъ не могъ себѣ представить, какъ это можно цѣлые часы посвящать одному вопросу или вообще одному дѣлу, и вотъ причина, почему онъ охотно вѣрилъ въ политическій характеръ земскихъ совѣщаній“...

Свои служебныя обязанности графъ Обезьяниновъ понималъ довольно смутно, и на дѣлѣ онъ съ самаго начала избавилъ себя отъ всякой работы. Въ первомъ своемъ донесеніи высшему начальству онъ писалъ: „вступивши въ должность, я призналъ прежде всего необходимымъ ввести тѣ реформы, которыя могутъ, по моему, содѣйствовать къ усиленію моего авторитета, какъ представителя власти“. Реформы были очень простыя: онъ раздѣлилъ свои „многочисленныя и многотрудныя обязанности между подлежащими лицами, съ оставленіемъ за собою только главнаго надзора и руководства“, усилилъ штатъ своей канцеляріи и полиціи, учредилъ нѣсколько новыхъ коммиссій и разослалъ грозные циркуляры ко всѣмъ подчиненнымъ мѣстнымъ властямъ; затѣмъ онъ могъ свободно заняться „женскимъ вопросомъ“ при содѣйствіи услужливыхъ чиновниковъ. Общее благополучіе послѣ этого предполагалось само собою. Сообщая въ Петербургъ объ

этомъ благополучіи, нарушаемомъ только скрытой оппозиціей земскихъ и судебныхъ учрежденій, графъ прибавлялъ еще, что „крестьяне вообще пользуются большимъ благосостояніемъ, но, къ сожалѣнію, благодаря полному бездѣйствію посредниковъ и распущенной уѣздной полиціи, недостаточно исправно платятъ подати и повинности“. Въ циркулярѣ къ исправникамъ онъ предписывалъ „всѣмъ и каждому, подъ страхомъ немедленнаго взысканія и увольненія, въ теченіе двухъ недѣль собрать всѣ числящіяся по уѣзду недоимки“, и сверхъ того, „вообще имѣть строгое наблюденіе за духомъ и общимъ состояніемъ ввѣреннаго населенія и о всякой перемѣнѣ въ оныхъ доносить“. Когда этотъ циркуляръ былъ полученъ въ городѣ Сараховѣ, то исправникъ Иванъ Артемьевичъ рѣшилъ немедленно выѣхать въ уѣздъ для сбора недоимокъ, поручивъ письмоводителю разослать предписаніе становымъ насчетъ еженедѣльнаго донесенія о духѣ населенія. „И выѣхалъ Иванъ Артемьевичъ въ уѣздъ, и прибылъ въ первое село, какъ ураганъ, какъ вихрь, нечаянно, негаданно, къ общему смятенію и ужасу всего населенія, услыхавшаго роковой колокольчикъ исправнической тройки. И началась обычная сцена экстраординарнаго взысканія недоимокъ. Появленіе старшины, объявленіе о суммѣ, подлежащей взысканію, собраніе схода, говоръ, крики, угрозы, домашняя расправа въ правленіи, увѣреніе, что нечего платить, въ отвѣтъ вѣчное „врешь“, потомъ опись, смотръ курамъ, индѣйкамъ, гусямъ, коровамъ, лошаденкамъ, назначеніе въ продажу на слѣдующій базарный день,— вотъ что начало происходить въ первомъ селѣ, и вотъ что ожидало всѣ села, гдѣ были недоимки. Иванъ Артемьевичъ былъ добрый человѣкъ; онъ зналъ, что крестьяне не могутъ заплатить, онъ вѣрилъ въ ихъ плачъ и вопль, у самого болѣла душа при видѣ горя мужичковъ, но „дѣлать нечего“,—говорилъ онъ себѣ, —„надо, надо, надо“...

Между тѣмъ, графъ невольно поддавался обычнымъ соблазнамъ властнаго положенія; ему досталась интересная молодая дама, мужъ которой нуждался въ его протекціи; въ то же время явился купецъ Митридатовъ съ предложеніемъ провести желѣзную дорогу мимо имѣнія его сіятельства и взять это имѣніе въ аренду на необыкновенно выгодныхъ условіяхъ. Графъ охотно повѣрилъ, что для государственной пользы необходимо предоставить сооруженіе желѣзной дороги Митридатову, а не земству, хлопотавшему о концессіи на ту же почти линію,—тѣмъ болѣе, что по земскому проекту дорога проходила бы въ болѣе далекомъ разстояніи отъ графскаго имѣнія. Какъ арендаторъ имѣнія,

Митридатовъ выговорилъ себѣ право для производства нѣкоторыхъ работъ созывать крестьянъ при участіи полиціи, на что также послѣдовало согласіе графа. Незаконная сдѣлка съ Митридатовымъ относительно желѣзной дороги возбудила волненіе въ земскихъ кругахъ; предсѣдатель управы и три депутата отъ земства отправились къ графу и просили его оказать поддержку земскому ходатайству о концессіи, причемъ пытались объяснить важность этого проекта для цѣлыхъ трехъ уѣздовъ. Графъ очень сурово принялъ земскихъ дѣятелей и ясно далъ имъ понять, что интересы земства не имѣютъ для него никакого значенія:

— Мнѣ все равно, о комъ вы хлопочете—о себѣ или о земствѣ вашемъ,—я хозяинъ въ Камаринѣ, а не вы, и мнѣ, слѣдовательно, и принадлежитъ право распоряжаться, но никакъ не вамъ; вотъ все, что я могу вамъ сказать.

— Но во всякомъ случаѣ позвольте васъ предупредить, графъ, насчетъ нашего конкуррента и его проекта: во-первыхъ, онъ у насъ на очень дурномъ счету, какъ человѣкъ; денегъ у него нѣтъ ни гроша; а во-вторыхъ, линія, которую онъ хочетъ строить,—не угодно ли вамъ спросить, вотъ господа помѣщики вамъ скажутъ,—при этомъ предсѣдатель управы указалъ на трехъ гласныхъ,—рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго для насъ экономическаго значенія.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ,—напротивъ...

— Господа, еще разъ имѣю честь вамъ напомнить, что хозяинъ губерніи—это я...

— Знаемъ, ваше сіятельство,—сказалъ на это одинъ изъ гласныхъ,—но позвольте и намъ немного считать себя хозяевами губерніи, на точномъ основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ; вѣдь мы не съ вѣтра же говоримъ вамъ, мы вѣдь гласные, уполномоченные.

— Да хоть и распроуполномоченные,—какое мнѣ дѣло! Я вамъ не мѣшаю поѣхать въ Петербургъ, хлопотать о вашей концессіи, сколько вамъ угодно, но я вамъ не позволю требовать отъ меня, чтобы я былъ вашего мнѣнія,—никогда; я обдумаю, обсужу, и буду на той сторонѣ, на которой захочу самъ,—понимаете? Для меня въ Камаринѣ нѣтъ ни законовъ, ни приказовъ ни отъ кого; затѣмъ, очень жаль, но я ваше ходатайство уважу только тогда, когда признаю его достойнымъ правительственнаго вниманія.

При этихъ словахъ графъ всталъ, всѣ встали, и затѣмъ общій обмѣнъ холодно вѣжливыхъ поклоновъ, и одинъ за другимъ вышли господа гласные изъ кабинета его сіятельства. Когда графъ остался одинъ, онъ закурилъ папироску и, случайно взглянувъ въ зеркало, улыбнулся: ему показалось, что въ эту минуту онъ былъ никто иной, какъ Бисмаркъ,—твердый, умный и неумолимый; а потомъ промелькнула мысль:—если я съ земствомъ умѣю справиться, то неужели устоитъ противъ меня женщина?

Какъ и слѣдовало ожидать, хлопоты графа о концессіи въ пользу купца Митридатова увѣнчались успѣхомъ, и земству было

отказано въ его ходатайствѣ. Подоспѣли дворянскіе выборы, и кандидатомъ на постъ предводителя выдвинутъ былъ льстивый угодникъ Зубенко, „обратившійся въ домашнюю прислугу графа"; но старанія послѣдняго на этотъ разъ не привели къ желанной цѣли. За то сборъ недоимокъ завершился блестящимъ образомъ; отъ всѣхъ исправниковъ поступили вполнѣ утѣшительныя донесенія, и одинъ изъ нихъ, „чтобы еще ярче засвидѣтельствовать свою благопреданность и усердную дѣятельность, прибавлялъ, что деньги имъ собраны, не смотря даже на то, что населеніе этихъ деревень было въ самыхъ, повидимому, неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ, вслѣдствіе прошлогодняго неурожая, цѣны на хлѣбъ значительно вздорожали и крестьяне лишены возможности кормить свой скотъ и пріобрѣтать хлѣбъ выгодно". Графъ былъ очень доволенъ результатами своего управленія; онъ подписывалъ массу бумагъ и въ теченіе одного мѣсяца „предсѣдательствовалъ въ 56 засѣданіяхъ коммиссій, причемъ убиравшій послѣ засѣданій комнату сторожъ забралъ въ свою коллекцію 56 собственноручныхъ рисунковъ графа, изъ которыхъ 14 были разныя избушки и строенія, 34 женскія головки, и восемь—генеральскія фигуры въ лентахъ черезъ плечо". Закулиснымъ руководителемъ всѣхъ дѣлъ былъ уже не Иванъ Ѳомичъ, а Маклаковъ.

Очень подробно описанъ въ романѣ торжественный объѣздъ Камаринскаго края графомъ Обезьяниновымъ. Предварительно составлена была, по секретнымъ свѣдѣніямъ, характеристика всѣхъ служащихъ въ уѣздахъ лицъ. Объ одномъ исправникѣ сообщалось, что онъ много способствуетъ поддержанію въ народѣ духа „благочестія и благонравія вообще, но страдаетъ одною лишь слабостью—падкостью на женскій полъ, несмотря на то, что женатъ и имѣетъ семерыхъ дѣтей"; другой „занимается слишкомъ много метеорологическими и астрономическими наблюденіями, чѣмъ отвлекаетъ полицію вообще отъ присущихъ ей на землѣ обязанностей", и сверхъ того, „страдаетъ излишествомъ въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, преимущественно спиртуозныхъ"; третій, будучи „страстно привязанъ къ азартнымъ играмъ", отличается вмѣстѣ съ тѣмъ „излишнею набожностью и подъ предлогомъ религіозныхъ бесѣдъ вводитъ въ игру и въ соблазнъ городское духовенство". Изъ посредниковъ нѣкоторые „лѣнивы, но надежны"; другіе „весьма кутильнаго направленія, заподозрѣны въ учиненіи поборовъ съ крестьянъ, законами не дозволенныхъ", но „въ политическомъ отношеніи благонадежны"; третьи „неоднократно замѣчены въ тайномъ под-

стрекательствѣ населенія къ составленію тайныхъ обществъ подъ благовидными предлогами, а именно обществъ трезвости, обществъ грамотности и другихъ". Учитель исторіи „уличается въ неблагонамѣренномъ толкованіи дѣтямъ духа и смысла исторіи, преимущественно по поводу Семирамиды и Сарданапала"; другой чрезмѣрно увлекается естественными науками и проводитъ цѣлые дни въ лѣсахъ, „чѣмъ способствуетъ распространенію въ населеніи... матеріальнаго направленія, неизбѣжно отражающагося и на всемъ управленіи". Многія изъ этихъ свѣдѣній оказались совершенно фантастическими, и, руководствуясь ими, графъ впадаетъ въ рядъ забавныхъ недоразумѣній.

Графъ отправился въ путешествіе преимущественно для отдыха и развлеченія; служебныя обязанности были для него утомительны, какъ говоритъ авторъ, „главнымъ образомъ потому, что въ сущности онъ не исполнялъ изъ нихъ ни единой, а не исполнялъ потому, что ни въ одной изъ нихъ не понималъ смысла". Романъ съ интересною дамою затянулся; мужу ея доставлено хорошее мѣсто, а сама она получила отъ Митридатова сто тысячъ рублей, въ видѣ вознагражденія за устройство дѣла съ концессіею. Графъ думалъ укрѣпить ея привязанность временной разлукою. Во всѣ концы камаринской земли полетѣли оповѣщенія и циркуляры о предстоящемъ объѣздѣ; „единовременно по всѣмъ уѣздамъ крестьяне сотнями были согнаны на большія дороги, чистить оныя, мосты и гати, а пора была самая лучшая, самая горячая для работы въ полѣ". Исправники писали становымъ: съ крестьянъ такой-то волости „содрали мы въ уплату недоимокъ, пожалуй, и черезчуръ много;—смотрѣть, чтобы никто жаловаться не посмѣлъ"; а съ такой-то волости „содрать до послѣдней шкуры; обязались внести,—надули прохвосты,—такъ чтобы впредь не надували, взыскать безмилосердно и представить всю сумму въ наличности ко дню графскаго пріѣзда; да настоять, чтобы хлѣбъ-соль поднесли съ безпрекословнымъ и безпрепятственнымъ радушіемъ". Въ уѣздѣ, гдѣ было имѣніе графа, сдѣлано было такое распоряженіе: „Если крестьяне графскаго имѣнія захотятъ жаловаться на г. Митридатова за принужденіе ихъ будто бы къ даровой работѣ по устройству мельничной плотины, то вразумить ихъ мѣрами кротости и увѣщеваніемъ; а если не подѣйствуетъ, то черезъ волостного старшину и волостное правленіе, не свыше, впрочемъ, мѣры, опредѣленной закономъ. Чтобъ непремѣнно былъ написанъ адресъ отъ сихъ крестьянъ благодарственный, и хлѣбъ-соль, если можно, была поднесена на серебряномъ блюдѣ". Ознакомленіе съ краемъ

производилось при искусственной парадной обстановкѣ и закончилось грандіознымъ пиршествомъ въ имѣніи графа. Выводы изъ сдѣланныхъ наблюденій были приготовлены заранѣе. Въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ о поѣздкѣ графъ писалъ, что „крестьянское сословіе вообще вполнѣ обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и пользуется дарованными ему правами и благодѣяніями въ полномъ, такъ сказать, размѣрѣ", а потому необходимо „упраздненіе общиннаго начала и крестьянскаго самоуправленія"; затѣмъ настоятельно требуется „значительное усиленіе губернаторской власти какъ относительно всѣхъ вѣдомствъ въ губерніи, такъ въ особенности относительно земства"; одна только полиція превосходно исполняетъ свое назначеніе и „является самымъ лучшимъ учрежденіемъ" въ краѣ; изъ мѣстныхъ же полезныхъ дѣятелей можно указать на „весьма отрадную личность —купца Митридатова".

Два года пробылъ графъ въ Камаринѣ; большую часть своего времени онъ проводилъ въ будуарѣ своей фаворитки, куда являлись къ нему иногда и чиновники по текущимъ дѣламъ управленія. Всякіе вопросы разрѣшались имъ необыкновенно просто, по усвоенной разъ системѣ. Приходитъ, напримѣръ, правитель канцеляріи съ вопросомъ: какъ отвѣчать на министерскую бумагу насчетъ ходатайства земства?

— А, знаю, помню: отвѣчать, какъ мы отвѣчали прежде, что по мѣстнымъ политическимъ соображеніямъ я признаю неудобнымъ согласиться съ ходатайствомъ земства,—вотъ и все...

— Не будетъ ли это немного строго, — такъ какъ въ сущности ходатайство земства по этому предмету не противорѣчитъ никакому закону...

— Будетъ или не будетъ—мнѣ все равно,—отвѣчалъ графъ,—вы знаете очень хорошо мой коренной принципъ: на всякое ходатайство земства, пока предсѣдателемъ будетъ Калугинъ, протестъ съ моей стороны,—коротко и ясно.

„Какъ жаль",—говорилъ потомъ графъ своей фавориткѣ,— „что у этого земства такъ мало правъ, а то бы я имъ показалъ, что̀ значитъ борьба со мною, какъ съ администраторомъ, sapristi,—а такъ скучно: побѣда слишкомъ легко достается". „Я захотѣлъ быть администраторомъ, и сдѣлался,—продолжалъ графъ,—а теперь, черезъ какихъ-нибудь два года, да я не знаю, къ какой должности я не способенъ! Я все вижу насквозь, и ужъ знаю людей, да эту глупую матушку Россію, побольше всякаго министра,—ручаюсь".

Къ Пасхѣ графъ ждалъ награды, но ничего не получилъ и въ крайнемъ недоумѣніи уѣхалъ въ Петербургъ. Сидя инкогнито

въ вагонѣ, онъ слышалъ бесѣду какихъ-то пассажировъ о невозможныхъ порядкахъ его администраціи; онъ, конечно, рѣшилъ, что эти люди—враги правительства, и „еще болѣе убѣдился въ томъ, что общественное мнѣніе—это дрянь", и что „вся его задача, какъ администратора, въ томъ и заключается, чтобы приводить умы къ одному знаменателю—къ восхваленію администраціи въ его лицѣ". Люди, какъ сей графъ,—поясняетъ авторъ,—„такъ уже психически сложены: „я", а кромѣ „я"—ничего и никто. Во имя этой безсмыслицы, или, вѣрнѣе, этого помѣшательства на одномъ пунктѣ, многое должно быть имъ если не прощено, то все же вмѣнено въ меньшую вину". Въ Петербургѣ его ждало полное разочарованіе. Высшій начальникъ, князь Павелъ, сообщилъ ему, что на него поступаютъ жалобы самыя разнообразныя и повидимому не лишенныя основанія, и что нѣкоторыя изъ нихъ компрометируютъ правительство; графъ пытался свалить вину на либераловъ, которые будто бы составили противъ него цѣлую „шайку оппозиціи", но это увѣреніе не встрѣтило сочувствія, какъ несогласное съ фактическимъ содержаніемъ жалобъ. Графъ заключилъ, что у насъ не умѣютъ еще цѣнить людей, и что ему поэтому не стоитъ служить; однако, по совѣту своего великосвѣтскаго дяди, онъ отправился къ разнымъ крупнымъ сановникамъ, постарался произвести на нихъ впечатлѣніе своими смѣлыми и рѣшительными взглядами, сдѣлалъ визитъ прелестной и могущественной графинѣ Равинской, которой всецѣло подчиненъ одинъ сановный князь, — и очутился такимъ образомъ въ положеніи директора департамента. „Графъ Обезьяниновъ - разсуждаетъ князь Мещерскій—не понравился своему Камарину, и было за что Камарину находить своего начальника не по нраву... Графъ Обезьяниновъ не понравился своему министру, и было за что... Но за то графъ Обезьяниновъ понравился князю Семену Ивановичу, понравился графинѣ Равинской, понравился тому князю,—почему и чѣмъ—неизвѣстно,—и дѣло сдѣлалось само собою, просто и скоро. Судьба такъ захотѣла—и конецъ". Графу едва не помѣшала непріятная исторія, дошедшая въ это время до сената: по одному спорному дѣлу онъ остановилъ исполненіе сенатскаго указа и откровенно заявилъ, что никакого сената онъ не признаетъ, что сенатъ—ему не законъ, а онъ, камаринскій хозяинъ,—„самъ себѣ законъ"; но и это недоразумѣніе уладилось благодаря покровительству того же князя. Графъ былъ опять „на высотѣ" и небрежно излагалъ пріятелямъ свои будущія на-

мѣренія и предначертанія, причемъ иногда долженъ былъ выслушивать горькія истины:

— Да въ сущности, что за департаментъ? Какія тамъ дѣла у тебя будутъ?—спросилъ его одинъ изъ клубныхъ пріятелей.

— Какія?—Обыкновенно какія бываютъ въ департаментѣ дѣла.— Здѣсь графъ Обезьяниновъ призадумался. Этотъ вопросъ: „какія тамъ будутъ дѣла?“—не приходилъ еще ему въ голову ни разу, а князь ему ничего объ этомъ не говорилъ, и онъ самъ не догадался о томъ спросить князя.

— Однако, братъ, ты того—швахъ: принимаешь мѣсто, и не знаешь, что̀ будешь на немъ дѣлать; да этакъ тебѣ, пожалуй, предложатъ азіатскія дѣла, или посольство!

— Намъ нужны, братъ, не мѣста, а люди,— отвѣтилъ графъ.

— Такіе, какъ ты?

— Пожалуйста, безъ личностей; человѣкъ, который себѣ не знаетъ цѣны,—дрянь и никогда не будетъ ничѣмъ.

— Ну, а человѣкъ, который слишкомъ дорого себя цѣнитъ, годенъ на что-нибудь? Признайся, вѣдь ужъ, entre nous soit dit, ты вѣдь ровно ничего не знаешь и ничего не дѣлалъ,—ужъ признавайся! А также въ политику суется!

— Желаю тебѣ сдѣлать, сколько я сдѣлалъ: два года пробыть въ провинціи—попробуй!

— Да хоть десять лѣтъ, коль ты знаешь, что кромѣ глупостей ты ничего не сдѣлаешь.

— Да говори про себя, сдѣлай милость!

— Я, батюшка мой, про себя не говорю, потому что я никуда не суюсь и никому не навязываю свою башку. Но знаешь что̀, Ваня, я вотъ хоть и кутить не прочь... и ничего не дѣлаю, а все-таки, знаешь, я увѣренъ, что я полезнѣе чѣмъ ты.

— Ты?—И графъ презрительно на него взглянулъ.

— Да, я! И знаешь почему? По очень простой причинѣ: я по крайней мѣрѣ освобождаю отъ своего присутствія мое отечество, а ты—ты былъ вѣдь такой же кутила и неучъ, какъ я—ты суешься на такія мѣста, гдѣ ты вреденъ, потому что ничего не знаешь, да еще отнимаешь эти мѣста у порядочныхъ людей,—развѣ не такъ?

— Вздоръ!—Графъ нахмурился и стряхнулъ пепелъ съ сигары на правую сторону коляски.

Настало минутное молчаніе.

— Въ сущности, знаешь, что̀ я тебѣ скажу,—сказалъ графъ твердымъ и серьезнымъ вдохновеннымъ голосомъ:—въ Россіи нечего требовать отъ людей знанія, и то слава Богу, когда они, какъ я, преданы правительству.

— Полно вздоръ говорить: всякій мужикъ, всякій солдатъ преданъ правительству.

— Да, безсознательно, а сознательно преданныхъ мало.

— Такъ по твоему достаточно быть преданнымъ правительству, чтобы соваться на всякія мѣста: такъ послѣ этого, отчего я не министръ?

— Да, всякій, когда у него въ головѣ не солома, какъ у тебя...

— А кто тебѣ сказалъ, что у тебя не солома?

Графъ замолчалъ опять.

Въ должности директора департамента графъ Обезьяниновъ продержался не болѣе трехъ дней. Онъ началъ съ того, что вызвалъ къ себѣ Маклакова и предложилъ ему мѣсто вице-директора. „Когда Маклаковъ принялъ, графъ вспомнилъ, что есть вѣдь вице-директоръ, котораго прежде вѣдь надо спихнуть, а чтобы спихнуть—надо прежде съ нимъ увидѣться“. Графъ уже „былъ предрасположенъ противъ своего вице-директора. Читатели спросятъ: „Почему,—когда онъ его даже не зналъ?“ На это отвѣтъ простой. Великимъ людямъ à la графъ Обезьяниновъ нужны малѣйшіе поводы, чтобы жаловать людей въ благонадежные и разжаловывать ихъ въ неблагонадежные. Графу Обезьянинову кто-то сказалъ гдѣ-то, что онъ слышалъ что-то о какомъ-то вице-директорѣ въ какомъ-то департаментѣ его министерства“... Объ немъ говорили, „какъ о какомъ-то феноменѣ ума и способностей, а на самомъ дѣлѣ онъ не что иное, какъ нигилистъ“. Въ умѣ графа послѣ этихъ словъ „сложилось почти цѣльное представленіе о своемъ департаментѣ, какъ о сборищѣ нигилистовъ, которое нужно пообчистить, и порядкомъ пообчистить. Ничто такъ не улыбалось графу, какъ мысль о предстоящемъ ему процессѣ пообчищенія du personnel своего департамента“. При вступленіи въ должность онъ высказалъ подчиненнымъ свои общіе принципы, заключающіеся прежде всего въ требованіи безусловнаго повиновенія: „У васъ, напримѣръ, принято курить въ департаментѣ,—я прошу, чтобы этого не было; у васъ принято носить бороды и какое угодно платье,—я прошу, чтобы этого не было; у васъ принято, какъ я слышалъ, чтобы начальники отдѣленій имѣли свои мнѣнія и высказывали ихъ свободно,—я прошу, чтобы этого не было. А тотъ, кто хочетъ имѣть свои мнѣнія, можетъ служить, гдѣ ему угодно, только не у меня“. Вице-директора онъ призывалъ къ себѣ на домъ, но безуспѣшно, и затѣмъ при первомъ свиданіи въ департаментѣ объяснилъ ему, что смотритъ на него какъ на вѣрнаго исполнителя тѣхъ высшихъ соображеній, которыя онъ, графъ, имѣетъ въ виду осуществлять на этомъ мѣстѣ. Онъ сразу принялъ такой рѣзкій и высокій тонъ, что вице-директору оставалось только предложить свою отставку. „Я вице-директоръ не вашъ, а департамента,—отвѣтилъ графу обиженный „исполнитель“,—я исполняю не ваши распоряженія, какъ бы высоки они ни были, а ту часть дѣлъ, которая на меня будетъ вами возложена по департаменту, и исполняю ихъ подъ своею, а не вашею отвѣт-

ственностью. Что же касается нашихъ чиновниковъ, то полагаю, что вы имѣете право отъ нихъ требовать только одного—исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей; мнѣній же своихъ въ департаментѣ, какъ учрежденіи бюрократическомъ, они по дѣламъ имѣть не могутъ". Въ результатѣ вышло нѣчто въ родѣ департаментскаго кризиса: всѣ высшіе чиновники, начиная съ вице-директора, просили уволить ихъ отъ службы при новомъ директорѣ, и кризисъ разрѣшился удаленіемъ самого графа Обезьянинова. Графъ уѣхалъ за границу, въ ожиданіи лучшихъ временъ; въ Висбаденѣ онъ съ дядей критикуетъ ходъ дѣлъ въ Петербургѣ, и дядя въ утѣшеніе говоритъ племяннику: „я предчувствую, что твое время близко"... Этими словами кончается романъ.

Продолженіе „Одного изъ нашихъ Бисмарковъ", подъ заглавіемъ: „Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ", переноситъ насъ въ высшія петербургскія сферы, гдѣ вырабатывается текущая политика страны. Проведя нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи, въ заграничныхъ курортахъ и въ отечественныхъ салонахъ, графъ Обезьяниновъ не переставалъ разыгрывать изъ себя государственнаго человѣка, призваннаго водворить порядокъ въ русскихъ умахъ и дѣлахъ; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, когда къ нему вновь обратятся и предоставятъ ему подобающее мѣсто. Возникшее тогда славянское движеніе утвердило въ немъ вѣру въ свое призваніе; ему казалось, что онъ одинъ способенъ потушить разгорѣвшійся въ русскомъ обществѣ опасный политическій пожаръ, угрожавшій, по его мнѣнію, не только миру Европы, но и прежде всего авторитету правительства. Графъ искренно возмущается тѣмъ, что какія-то частныя лица самовольно волнуются по поводу турецкихъ звѣрствъ и вмѣшиваются въ иностранную политику, подлежащую исключительному завѣдыванію дипломатіи; онъ находитъ нѣчто ненормальное въ самомъ фактѣ публичнаго проявленія какихъ-то народныхъ чувствъ, которыя только повидимому направлены противъ Турціи, и въ сущности подкапываются подъ основы всего существующаго порядка. Онъ настойчиво повторяетъ всѣмъ и каждому, что необходимо принять крутыя мѣры для скорѣйшаго прекращенія славянской и всякой иной пропаганды; его взгляды встрѣчаютъ сочувствіе и поддержку среди вліятельныхъ салонныхъ дѣятелей, озадаченныхъ ростомъ добровольческаго движенія, и графу Обезьянинову удается получить полномочіе для изслѣдованія „народнаго духа" на мѣстѣ, въ Москвѣ и въ провинціи,

съ цѣлью выработки соотвѣтственныхъ способовъ обузданія. Графъ проектируетъ организацію особаго высшаго наблюдательнаго учрежденія, подъ главнымъ его начальствомъ, съ обширными штатами чиновниковъ; штаты и оклады вызываютъ финансовыя возраженія со стороны руководителя компетентнаго вѣдомства, за что этотъ сановникъ зачисленъ въ красные авторомъ проекта. Благодаря родственнымъ связямъ и при содѣйствіи очаровательной княжны, невѣсты графа, дѣло улаживается, и планъ осуществляется въ болѣе скромныхъ размѣрахъ; Обезьяниновъ становится фактическимъ „президентомъ" новой коммиссіи, устраивается въ роскошномъ оффиціальномъ помѣщеніи и собирается дѣйствовать въ духѣ своей программы. Предварительная краткая поѣздка въ Камарино даетъ ему матеріалъ для соображеній о главнѣйшихъ реформахъ, требуемыхъ для спасенія Россіи; во главѣ этихъ реформъ должно стоять превращеніе провинціальныхъ начальниковъ (или, по терминологіи автора, градоначальниковъ) въ полновластныхъ „пашей". Графъ предлагаетъ „объединить и сдѣлать всемогущею власть градоначальника, подчинить ему всѣ вѣтви мѣстной администраціи безъ исключенія"; „изъ каждаго градоначальника вездѣ сдѣлать диктатора относительно борьбы со всѣми проявленіями русскаго народнаго духа", и „создать вокругъ этого градоначальника провинціи дворъ со всѣми его престижами". Попутно являются у графа и другія болѣе общія мысли; такъ, подъ вліяніемъ разговора съ одною французскою кокоткою, онъ намѣчаетъ рядъ предположеній и мѣропріятій, которыя предстоитъ еще обдумать: „вернуться къ старой мысли объ общей неблагонадежности тайныхъ совѣтниковъ, изслѣдовать вопросъ объ усиленіи увеселительныхъ элементовъ для молодежи; два-три театра Буффъ, уличные кафè, кафешантаны..." „Не выписать ли побольше француженокъ? Не облегчить ли условія кредита спеціально для молодежи? Впрочемъ, это все мѣры отрицательныя; нужны положительныя. Газетамъ перемѣнить тонъ... Вообще быть энергичнымъ и зоркимъ". Но, устроившись на новомъ мѣстѣ, графъ не торопился приступать къ реальной дѣятельности; онъ „уже сидѣлъ передъ столомъ, похожимъ на министерскій, на креслѣ, похожемъ на министерское, имѣлъ уже свои постоянныя petites entrées къ министрамъ, —слѣдовательно уже часть его похоти была какъ будто насыщена и успокоена". „Графъ Обезьяниновъ—замѣчаетъ авторъ— настоящимъ Бисмаркомъ не былъ. Но за то какіе были у него директоры отдѣловъ,—чудо просто! Все изъ клуба, все его пріятели, промѣнявшіе балетъ на тушеніе русскаго народнаго духа".

Пока графъ готовился искоренить народный духъ своими циркулярами, въ политикѣ произошли событія, приведшія къ войнѣ, и спасительная коммиссія закрылась прежде чѣмъ успѣла преобразоваться въ особое министерство по проекту Обезьянинова. Графъ опять очутился на мели, и сановный дядя уговариваетъ его заняться финансами: только въ области финансовъ можно возвыситься и достигнуть прочнаго руководительнаго поста, такъ какъ въ финансахъ никто ничего не понимаетъ. „Rira bien qui rira le dernier", отвѣчаетъ графъ Обезьяниновъ.

Дальнѣйшая судьба графа Обезьянинова неизвѣстна; но, судя по многимъ признакамъ, онъ принимаетъ близкое участіе въ „Гражданинѣ", гдѣ нашли себѣ надежный пріютъ его любимыя идеи о „всемогуществѣ" провинціальныхъ начальниковъ, о земствѣ и общественномъ мнѣніи, о ненужности и вредѣ образованія, о государственномъ призваніи клубныхъ бонвивановъ, и даже о неблагонадежности тайныхъ совѣтниковъ. Несомнѣнно, что авторъ романа „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ" относится отрицательно къ типу графа Обезьянинова; онъ постоянно подчеркиваетъ его надменную пустоту, его круглое невѣжество, соединенное съ непоколебимымъ самомнѣніемъ, его сухой эгоизмъ и тщеславіе. Тѣмъ не менѣе графъ Обезьяниновъ выступаетъ какимъ-то орломъ среди массы ничтожныхъ свѣтскихъ и чиновныхъ личностей, бѣгло обрисованныхъ авторомъ; онъ все-таки значительно выше тѣхъ разслабленныхъ, болтливыхъ манекеновъ съ „государственными физіономіями", которые выводятся въ романѣ въ качествѣ будто бы вершителей судебъ оффиціальнаго міра. Женщины, въ изображеніи князя В. Мещерскаго, вообще умнѣе и лучше мужчинъ и часто высказываютъ имъ въ глаза убійственныя замѣчанія: „вы, то-есть всѣ ваши,—говоритъ княжна, невѣста героя,—вы служите никому другому, какъ самому себѣ; вы защитники того, что̀ вамъ выгодно; и еслибы завтра безпорядокъ обратился въ порядокъ вещей, я пари держу, что бо̀льшая часть изъ вашихъ принялась бы быть шампіонами этого новаго порядка. Я васъ знаю... Съ дѣтства я насматриваюсь на вашъ мірокъ; мой отецъ былъ изъ вашихъ, и мой дядя тоже. Другія дѣти играли въ куклы, а мои куклы (т.-е. моими куклами) были тѣ люди, которые вокругъ моего отца разыгрывали комедію государственныхъ людей. Вообразите, я, дитя, понимала, до какой степени они были нули, эти переполненныя и надутыя собою личности"... „Если что-нибудь у насъ,—говоритъ другая дама, графиня,—еще сохранило хоть сколько-нибудь здраваго смысла, ума, нравственности

и честности, такъ это женщины. Вы, господа мужчины, простите мнѣ мою откровенность, вы прогнили до мозга костей, и чѣмъ больше вы гніете, чѣмъ вы неспособнѣе, чѣмъ вы бездарнѣе и пошлѣе, тѣмъ вы заносчивѣе, тщеславнѣе, самоувѣреннѣе и надменнѣе". Въ романѣ князя В. Мещерскаго ясно проводится и подтверждается рядомъ живыхъ картинъ та основная мысль, что обычныя мнимо-охранительныя формулы, принимаемыя въ чисто-внѣшнемъ смыслѣ, служатъ удобнѣйшимъ, общедоступнымъ орудіемъ личнаго возвышенія и даютъ просторъ всевозможнымъ корыстнымъ, мелочнымъ и низменнымъ побужденіямъ; этими формулами чаще всего завладѣваютъ пустѣйшіе люди и примѣняютъ ихъ во вредъ государству и народу, такъ какъ, по справедливому мнѣнію автора, для усвоенія и примѣненія голыхъ принциповъ благонадежности въ духѣ графа Обезьянинова—не требуется ни знанія, ни способности, ни честности. Вражда къ серьезнымъ представителямъ земства и общественнаго мнѣнія объясняется въ романѣ не только потребностью „всемогущества" Маклаковыхъ и Перепентьевыхъ, но и органическимъ непониманіемъ того, что люди могутъ отдаваться работѣ на общую пользу, не имѣя въ виду матеріальныхъ выгодъ и не преслѣдуя какихъ-нибудь скрытыхъ цѣлей. Здравые взгляды, прямо или косвенно развиваемые въ забытомъ сатирическомъ романѣ князя В. Мещерскаго, бросаютъ своеобразный свѣтъ на многолѣтнюю публицистическую дѣятельность редактора „Гражданина" и должны были бы, пожалуй, способствовать измѣненію его общей литературной репутаціи...

Л. Слонимскій.

АЛЕКСАНДРЪ ОНУФРІЕВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ

Очеркъ изъ исторіи науки въ Россіи.

I.

Хотя въ настоящее время наука въ Россіи переживаетъ несомнѣнный кризисъ, и общее вниманіе отвлечено отъ нея въ сторону, тѣмъ не менѣе легко предвидѣть, что уже въ недалекомъ будущемъ она завоюетъ себѣ мѣсто, которое ей подобаетъ въ развитіи русской мысли и культуры. Вотъ почему мы считаемъ умѣстнымъ разсказать читателю исторію не такъ давно скончавшагося знаменитаго русскаго ученаго, труды и необыкновенно возвышенная личность котораго заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено вниманіе и не однихъ спеціалистовъ.

А. О. Ковалевскій занимался естественной исторіей низшихъ животныхъ, изученію которой онъ посвятилъ сорокъ лѣтъ своей жизни. Расцвѣтъ его научной дѣятельности падаетъ какъ разъ на тотъ періодъ русской жизни, когда интересъ къ положительнымъ наукамъ занялъ самое выдающееся мѣсто. Вотъ почему будетъ нелишнимъ представить читателю краткій очеркъ той эпохи, во время которой выдался талантъ Ковалевскаго. Эта эпоха совпадаетъ съ началомъ царствованія Александра II-го. Мысль зашевелилась повсюду, и, наряду съ проектами практическихъ реформъ въ Россіи, народилось и стремленіе къ научному развитію.

Въ средней школѣ въ то время не чувствовалось гнета ни со стороны классицизма, ни со стороны излишняго формализма. Греческій языкъ находился въ полномъ загонѣ и латынь снизошла на очень второстепенную роль.

Въ университетахъ преподаваніе шло во многомъ еще по старинному, но среди „адъюнктовъ" и нѣкоторыхъ молодыхъ профессоровъ уже обнаруживался новый духъ. Естественныя науки преподавались большею частью очень сухо, по учебникамъ и монографіямъ, чаще всего безъ практическихъ занятій и безъ сколько-нибудь правильнаго руководства.

Отбываніе уроковъ и экзаменовъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко не отнимало всего времени, оставляя много досуга для чтенія и саморазвитія. Въ этомъ отношеніи большую роль играли не только популярныя статьи въ русскихъ толстыхъ журналахъ, но также и общедоступныя книги и брошюры изъ иностранной литературы. Тутъ были на первомъ планѣ сочиненія по естествознанію, дававшія общій очеркъ тогдашнихъ воззрѣній на природу и жизнь. Между ними главное мѣсто занимала книжка Бюхнера: „Kraft und Stoff", распространившаяся не только среди студентовъ пятидесятыхъ годовъ, но проникшая также и въ старшіе классы гимназій. Многіе начали изучать нѣмецкій языкъ для того, чтобы читать произведенія Бюхнера, Фохта и Молешотта въ подлинникѣ. Въ Россіи эти сочиненія были, правда, запрещены цензурой, но это еще болѣе увеличивало ихъ цѣнность во мнѣніи молодежи. Вскорѣ, впрочемъ, появились и гектографированные русскіе переводы нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ, еще болѣе содѣйствовавшіе распространенію позитивнаго и матеріалистическаго міросозерцанія, которое, казалось, было способно отвѣтить на всѣ вопросы, задаваемые юными умами.

Но, помимо этой „подпольной" литературы, многочисленные переводы иностранныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ вліяли съ своей стороны на укрѣпленіе вкуса къ положительному знанію и на утвержденіе въ основахъ матеріалистическаго міровоззрѣнія.

Въ виду всего этого среди молодежи распространилось убѣжденіе, что только положительное знаніе способно вести къ истинному прогрессу, что искусства и другія проявленія духовной жизни могутъ, наоборотъ, лишь тормазить движеніе впередъ.

Чуткій ко всѣмъ стремленіямъ молодого поколѣнія, Тургеневъ изобразилъ въ Базаровѣ типъ молодого человѣка, вѣрящаго исключительно въ науку и относящагося презрительно къ искус-

ству и религіи. Для того, чтобы получить отвѣтъ на возникавшіе въ его душѣ общіе и основные вопросы, онъ углубляется въ міръ животныхъ и старается освѣтить такимъ образомъ все касающееся и человѣка. Отъ споровъ объ общественныхъ задачахъ онъ приглашаетъ своего друга уйти, чтобы...

„— Надо-всѣмъ глумиться, — подхватилъ Павелъ Петровичъ.

„— Нѣтъ, лягушекъ рѣзать". („Отцы и Дѣти", гл. X).

Замѣтивъ, что отецъ Аркадія читаетъ Пушкина, Базаровъ обращается къ своему другу со словами:

„— Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтикомъ въ нынѣшнее время! Дай ему что-нибудь дѣльное почитать.

„— Что̀ бы ему дать?—спросилъ Аркадій.

„— Да я думаю, Бюхнерово „Stoff und Kraft" на первый случай". (Тамъ же).

Появленіе въ концѣ пятидесятыхъ годовъ сочиненія Дарвина „О происхожденіи видовъ" дало новый и очень значительный толчокъ въ томъ же направленіи. Объединяя человѣка съ животнымъ міромъ общностью происхожденія, Дарвинъ тѣмъ самымъ усилилъ надежду рѣшить проблему человѣческаго бытія при помощи изученія законовъ, управляющихъ живыми существами.

Ученіе Дарвина, при содѣйствіи многочисленныхъ популяризацій и комментаторовъ, быстро проникло въ умы учащейся молодежи и завоевало всѣ ея симпатіи еще въ то время, когда многіе изъ профессоровъ относились къ нему скептически или равнодушно.

Неудивительно, что новое направленіе захватило собою все, что̀ было наиболѣе отзывчиваго и чуткаго среди молодого поколѣнія. Оно проникло не только въ гимназіи и университеты, гдѣ естествознаніе преподавалось систематически и болѣе или менѣе въ полномъ видѣ, но и въ такія учебныя заведенія, гдѣ мѣсто его было гораздо болѣе скромно. Въ Александровскомъ лицеѣ, куда поступали большей частью молодые люди изъ привилегированнаго слоя, въ надеждѣ сдѣлать блестящую служебную карьеру, гдѣ занятіе изящной литературой вошло въ плоть и кровь, и гдѣ на первомъ планѣ преподавались юридическія и историческія науки — и тамъ образовался кружокъ молодежи, увлекшейся стремленіемъ къ положительному знанію. Нѣкоторые члены этого кружка бросили даже лицей, чтобы немедленно же перейти къ занятію естествознаніемъ. Такъ какъ бо̀льшая часть лицеистовъ были люди съ матеріальными средствами, то многіе изъ нихъ, по выходѣ изъ лицея, уѣзжали прямо въ иностран-

ные, главнымъ образомъ, нѣмецкіе университеты. Этому переселенію за границу во многомъ содѣйствовали студенческие безпорядки 1861 года. Петербургскій университетъ былъ закрытъ, и тѣмъ юношамъ, которые жадно стремились къ пріобрѣтенію знаній, предстояло переселиться или въ провинцію, или за границу. Провинціальные университеты въ это время не блистали выдающимися талантами. Въ московскомъ университетѣ было, правда, не мало профессоровъ съ очень хорошимъ образованіемъ, но, среди естественниковъ, это были бо̀льшею частью начитанные и опытные ораторы, неспособные самостоятельно двигать науку. Въ заботахъ о выборѣ мѣста для серьезнаго изученія положительныхъ наукъ должно было безъ колебанія предпочесть иностранные университеты русскимъ.

Въ это время—мы говоримъ о началѣ шестидесятыхъ годовъ—особенной славой пользовался гейдельбергскій университетъ. Расположенный въ живописной и уютной долинѣ Неккара, Гейдельбергъ привлекалъ молодежь всѣхъ странъ цѣлой плеядой первоклассныхъ естествоиспытателей, между которыми достаточно назвать химика Бунзена, физика Кирхгофа, физіолога Гельмгольца, зоолога Бронна. Рядомъ съ ними было не мало второстепенныхъ, но, тѣмъ не менѣе, очень выдающихся ученыхъ. Неудивительно, что туда потянуло и жаждавшаго положительнаго знанія А. О. Ковалевскаго.

II.

Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій происходилъ изъ польскихъ дворянъ. Отецъ его, помѣщикъ, владѣлъ небольшимъ имѣніемъ въ динабургскомъ уѣздѣ, витебской губерніи. Онъ былъ католикъ, но женился на православной. Поэтому и два сына Ковалевскихъ, старшій, Александръ (родившійся 7-го ноября 1840 года) и младшій, Владиміръ (впослѣдствіи профессоръ геологіи), были крещены въ православную вѣру.

А. О. провелъ все дѣтство въ деревнѣ, на родинѣ, гдѣ и сталъ приготовляться къ поступленію въ учебное заведеніе. Объ этомъ періодѣ его жизни мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Дѣтскіе годы и обученіе въ родительскомъ домѣ шли какъ и въ другихъ помѣщичьихъ домахъ. Дѣтей нужно было помѣстить въ учебныя заведенія, при чемъ выборъ отца остановился на такихъ, которыя должны были обезпечить правильную хорошую карьеру. Старшаго, Александра, онъ приготовилъ къ корпусу путей сообщенія, который считался способнымъ въ короткое

время доставить значительное матеріальное благосостояніе. Желѣзно-дорожное дѣло представляло огромную будущность, и въ тѣ времена уже было не мало молодыхъ инженеровъ, получавшихъ сравнительно очень большое содержаніе.

Младшій сынъ, Владиміръ, готовился къ поступленію въ училище правовѣдѣнія, открывавшаго путь къ блестящей служебной карьерѣ.

Но ни одинъ изъ Ковалевскихъ не остался на пути, избранномъ для нихъ ихъ отцомъ. Они оба посвятили себя естественнымъ наукамъ. Поступивъ въ 1856 году въ третій классъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Ковалевскій подчиняется общему теченію и, спустя три года, выходитъ изъ корпуса съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться студентомъ естественно-историческаго отдѣленія физико-математическаго факультета петербургскаго университета. Очевидно, его тянуло не къ практической дѣятельности инженера, а въ храмъ чистой положительной науки.

Въ петербургскомъ университетѣ того времени были талантливые профессора, способные живо передавать главные результаты современной имъ науки, но не участвовавшіе лично въ научномъ движеніи. Исключеніемъ являлся Л. С. Ценковскій. Тогда еще молодой ученый, онъ былъ извѣстенъ своими самостоятельными изслѣдованіями въ области простѣйшихъ животныхъ и растеній. Такъ какъ онъ, кромѣ того, отличался необыкновеннымъ даромъ преподаванія, то неудивительно, что онъ болѣе другихъ повліялъ на А. О. Ковалевскаго. Въ послѣднемъ онъ возбудилъ жажду разработки научныхъ вопросовъ, примѣромъ искренняго и серьезнаго отношенія къ наукѣ.

Но Ковалевскій недолго пробылъ въ петербургскомъ университетѣ. Студенческіе безпорядки и общее неустройство университетскихъ дѣлъ въ Россіи, крайне затруднявшіе правильное занятіе въ лабораторіяхъ, побудили А. О. оставить петербургскій университетъ и со второго курса его перейти въ гейдельбергскій университетъ. Въ то время Ковалевскій особенно сошелся съ нѣкоторыми представителями лицейскаго кружка, о которомъ я уже упоминалъ выше. Въ числѣ ихъ я могу назвать давно умершаго Ножина и нынѣ живущаго барона А. Ф. Стуарта. Всѣ вмѣстѣ они проживали и учились въ Германіи. Ковалевскаго сначала привлекла лабораторія Бунзена, который въ то время былъ занятъ, вмѣстѣ съ Кирхгофомъ, разработкой открытія спектральнаго анализа. А. О. даже думалъ одно время сдѣлаться спеціалистомъ по химіи и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ напечаталъ двѣ небольшія работы, вышедшія изъ школы

Бунзена. Но вскорѣ онъ покинулъ химію и отдался изученію живого міра.

Профессоромъ зоологіи въ Гейдельбергѣ въ то время былъ Броннъ. Переводчикъ „Происхожденія видовъ" Дарвина и подготовленный своими предъидущими палеонтологическими изслѣдованіями къ принятію теоріи великаго аяглійскаго естествоиспытателя, Броннъ имѣлъ особенное вліяніе на Ковалевскаго въ смыслѣ привлеченія его въ число адептовъ новаго ученія. Бросивъ химію, Ковалевскій сдѣлался зоологомъ и сразу сталъ ревностнымъ поборникомъ дарвинизма.

Не удовлетворяясь, однакоже, общими мѣстами, Ковалевскій, съ свойственнымъ ему складомъ ума и характера, считалъ необходимымъ провести въ жизнь, облечь, такъ сказать, въ плоть и кровь, начала новой теоріи происхожденія видовъ. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе оказала на него небольшая брошюрка нѣмецкаго ученаго, давно переселившагося въ Бразилію,—Фрица Мюллера, брошюра, вышедшая въ 1864 году и озаглавленная „Für Darwin". Сочиненіе это было, вскорѣ послѣ его появленія, переведено на русскій языкъ ближайшимъ другомъ и сожителемъ Ковалевскаго, Ножинымъ. Въ ней основы ученія Дарвина прилагаются въ первый разъ къ исторіи развитія. На примѣрѣ ракообразныхъ, которыми Фрицъ Мюллеръ занимался долгое время, этотъ ученый показываетъ всю пользу, какую можно извлечь изъ примѣненія къ изученію ихъ принципа общаго происхожденія видовъ. При помощи личиночной стадіи развитія, найденной Мюллеромъ у нѣкоторыхъ высшихъ ракообразныхъ—креветокъ (Penaeus), этотъ ученый устанавливаетъ генеалогическую связь между ними и самыми низшими представителями класса (циклопами и проч.).

Небольшая книжка Фрица Мюллера послужила исходной точкой множества работъ по исторіи развитія низшихъ животныхъ, между которыми изслѣдованія Ковалевскаго занимаютъ первое мѣсто.

Но, прежде чѣмъ погрузиться въ глубь самостоятельной работы, необходимо было выполнить нѣкоторыя формальныя требованія и пріобрѣсти нужныя познанія по части спеціальной техники. Съ первой цѣлью Ковалевскій возвращается въ Петербургъ, гдѣ въ 1862 г. выдерживаетъ экзаменъ на кандидата естественныхъ наукъ. Въ качествѣ кандидатской диссертаціи онъ представляетъ свое первое изслѣдованіе объ анатоміи Idothea, одного изъ наиболѣе распространенныхъ представителей береговой фауны Финскаго залива. Работа эта была нѣсколько позже (въ 1864 г.) напечатана въ сборникѣ, изданномъ студентами с.-петербург-

скаго университета. Въ ней Ковалевскій является уже точнымъ, осторожнымъ и добросовѣстнымъ наблюдателемъ, но не даетъ еще никакихъ общихъ выводовъ.

Для самоусовершенствованія въ техникѣ микроскопическихъ изслѣдованій, Ковалевскій направляется въ Тюбингенъ, гдѣ пользуется руководствомъ еще нынѣ живущаго профессора Лейзига. Имя послѣдняго было очень извѣстно въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ. Лейзигъ отличался необыкновенной тщательностью и прилежаніемъ. Въ теченіе короткаго времени онъ успѣлъ произвести огромное количество спеціальныхъ работъ, направленныхъ къ выясненію микроскопическаго строенія множества самыхъ разнообразныхъ представителей животнаго царства. Уже въ 1857 онъ напечаталъ цѣлый томъ гистологіи, преизобилующій массою фактовъ, но отличающійся столь же полнымъ отсутствіемъ общихъ идей. Не подлежитъ сомнѣнію, что Лейзигъ могъ преподать Ковалевскому правила научной, осмотрительной и точной работы, но не могъ сколько-нибудь повліять на него въ смыслѣ общаго теоретическаго образованія.

Въ этомъ отношеніи А. О. скорѣе могъ почерпнуть что-либо среди окружавшей его молодежи, усердно впитавшей основы новой теоріи видовъ и съ нетерпѣніемъ жаждавшей примѣнить ихъ къ міру низшихъ животныхъ.

Подготовленный такимъ образомъ, всего болѣе во время своего пребыванія въ Тюбингенѣ, Ковалевскій составляетъ себѣ обширный планъ самостоятельныхъ работъ, для выполненія которыхъ онъ стремится въ обѣтованную землю зоологовъ—въ Неаполь.

III.

Прежде чѣмъ приступить къ выполненію своей задачи, Ковалевскому необходимо было вернуться въ Россію, для приведенія въ порядокъ своего матеріальнаго положенія. Средства его были очень ограниченны, и ему съ большимъ трудомъ и съ неимовѣрными лишеніями приходилось бороться за свою страсть къ наукѣ. Въ 1864 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ братъ его занимался изданіемъ переводныхъ сочиненій, главнымъ образомъ по естествознанію.

Вскорѣ послѣ того, лѣтомъ 1864 года, и мнѣ пришлось побывать въ Петербургѣ. Вращаясь среди профессоровъ тамошняго университета, я впервые услышалъ о Ковалевскомъ, какъ о молодомъ зоологѣ необыкновенно выдающемся и очень много обѣ-

щающемъ. Я тотчасъ же отправился на его квартиру. Открывшій мнѣ дверь мальчикъ-слуга спросилъ, какого изъ Ковалевскихъ мнѣ надо: того ли, который издаетъ книги, или же того, „который изслѣдуетъ". Послѣдняго уже не оказалось въ Петербургѣ: незадолго передъ моимъ пріѣздомъ, онъ отправился въ Неаполь.

Осенью того же 1864 года, на съѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Гиссенѣ прибыло нѣсколько молодыхъ русскихъ ученыхъ изъ недалекаго оттуда Гейдельберга. Въ числѣ ихъ былъ баронъ Стуартъ, сообщившій о томъ, что его друзья, Ковалевскій и Ножинъ, дѣятельно занимаются въ Италіи исторіей низшихъ животныхъ и что ими уже сдѣлано нѣсколько капитальныхъ открытій въ этой области, способныхъ пролить свѣтъ на генеалогію животнаго міра. Самый этотъ съѣздъ, происходившій подъ предсѣдательствомъ Лейкарта, самаго выдающагося изъ зоологовъ того времени, можетъ дать нѣкоторое представленіе о настроеніи умовъ по вопросу о сравнительной исторіи развитія организмовъ. Событіемъ на этомъ съѣздѣ было появленіе молодого ученаго Вейсмана (сдѣлавшагося впослѣдствіи столь извѣстнымъ, благодаря своимъ изслѣдованіямъ о происхожденіи видовъ и особенно благодаря своей теоріи наслѣдственности), обратившаго на себя всеобщее вниманіе своей талантливостью. Онъ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ изслѣдованіяхъ надъ исторіей развитія комаровъ и мухъ; по отзыву всѣхъ авторитетовъ, присутствовавшихъ на съѣздѣ, изслѣдованія эти должны были быть признаны за классическую работу, долженствующую лечь въ основаніе современныхъ представленій объ эмбріологіи животныхъ.

Работа Вейсмана была выполнена необыкновенно тщательно и изложена очень подробно. Главный ея выводъ сводился къ тому, что насѣкомыя развиваются по совершенно своеобразному типу и что немыслимо проводить какую бы то ни было параллель между эмбріологіей этихъ суставчатоногихъ и развитіемъ позвоночныхъ. Вейсманъ особенно налегъ на то, что образованія, которыя были ранѣе признаны у зародышей насѣкомыхъ соотвѣтствующими зародышевымъ пластамъ высшихъ животныхъ, не имѣютъ ничего общаго съ ними. Онъ описалъ ихъ какъ складки зачатка, исключительно свойственныя насѣкомымъ и не представляющія никакой параллели ни съ зародышевыми пластами, ни съ какими-либо другими принадлежностями позвоночныхъ.

Выводы Вейсмана являлись такимъ образомъ новой опорой

мнѣнію, которое въ тѣ времена было общепринято, что каждый типъ животныхъ — позвоночныя, мягкотѣлыя, суставчатоногія и проч.—представляетъ особое, строго замкнутое цѣлое, и что поэтому нѣтъ никакой возможности проводить параллель между анатомическимъ устройствомъ и исторіей развитія представителей этихъ различныхъ типовъ.

Мнѣніе это было особенно развито Гегенбауромъ въ его учебникѣ сравнительной анатоміи, а основаніемъ ему послужили соображенія и работы Кювье начала девятнадцатаго столѣтія.

Въ лабораторіи Лейкарта, куда очень часто пріѣзжали нѣмецкіе и иностранные ученые, обсуждалось много научныхъ вопросовъ, между которыми на первомъ планѣ была теорія Дарвина, но о сравнительной эмбріологіи сколько-нибудь серьезно не упоминалось. Если и затрогивались вопросы по исторіи развитія животныхъ, то не иначе какъ ради какихъ-либо спеціальныхъ сторонъ. Въ то время, напр., особенно интересовалъ фактъ размноженія личинокъ нѣкоторыхъ двукрылыхъ, открытый профессоромъ Н. Вагнеромъ въ Казани. Разработка этого замѣчательнаго явленія производилась очень дѣятельно и была направлена къ тому, чтобы объяснить происхожденіе зародышей, находимыхъ въ тѣлѣ личинокъ.

И вотъ, среди такого положенія вещей, въ лабораторіи Лейкарта было получено мною, весною 1865 года, длинное письмо отъ А. О. Ковалевскаго, въ которомъ онъ въ сжатой формѣ перечисляетъ цѣлый рядъ открытій, сдѣланныхъ имъ въ Неаполѣ. Большинство ихъ относилось къ исторіи развитія низшихъ животныхъ, и на первомъ планѣ стоялъ фактъ, что у ланцетника, Amphioxus, изъ яицъ вылупляются личинки, покрытыя рѣсничками и съ виду болѣе всего похожія на личинокъ столь низшихъ животныхъ, какъ медузы, морскія звѣзды и проч. Я тотчасъ же сообщилъ это изумительное и неожиданное открытіе Лейкарту, который сразу оцѣнилъ все его значеніе. Обстоятельное содержаніе письма и точность изложенія не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинности всего, что̀ сообщалъ Ковалевскій.

Въ то время я еще лично не былъ знакомъ съ А. О., но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, лѣтомъ 1865 года, баронъ Стуартъ и я, мы отправились въ Неаполь. На одной изъ пригородныхъ станцій этого города насъ встрѣтилъ Ковалевскій. Небольшого роста, но съ большой красивой головой, казавшейся еще большей вслѣдствіе огромной русой окладистой бороды, Ковалевскій всего болѣе поражалъ своими свѣтлыми, привѣтливыми и замѣ-

чательно добрыми глазами. Мы, тотчасъ послѣ перваго знакомства, разговорились о нашихъ работахъ и всѣ вмѣстѣ втроемъ поѣхали на Санта-Лючія, гдѣ жилъ А. О., и гдѣ мы съ барономъ Стуартомъ поселились рядомъ съ нимъ.

Въ Неаполѣ я могъ не только воочію убѣдиться въ истинности и важности открытія личинокъ ланцетника, но въ то же время оцѣнилъ возвышенный характеръ и научный складъ Ковалевскаго. Болѣе всего поражали его энергія и настойчивость. Съ ранняго утра онъ отправлялся на экскурсію въ море, въ сопровожденіи рыбака Джіованни, получившаго большую извѣстность среди зоологовъ, посѣщавшихъ Неаполь. Послѣ тщательной переборки собраннаго матеріала, А. О. принимался за изслѣдованіе его, прерывавшееся только кратковременнымъ отдыхомъ во время обѣда въ маленькомъ грязномъ ресторанѣ „Del'Harmonia".

Для того, чтобы закончить рядъ столь блестяще начатыхъ работъ, А. О. необходимо было прожить еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Неаполѣ; но такъ какъ матеріальныя средства его были крайне ограниченны, то ему приходилось дѣлать всевозможныя уловки и натяжки. Онъ долженъ былъ въ это время продать даже нѣсколько рубахъ, чтобы достать ничтожную сумму денегъ, безъ которой онъ не могъ обойтись.

Онъ не щадилъ ни средствъ, ни времени, ни здоровья. Ланцетники въ Неаполѣ находились въ тѣ времена съ большимъ трудомъ. Онъ переплачивалъ Джіованни, для того чтобы добыть ихъ въ достаточномъ количествѣ, и сосредоточивалъ всѣ свои усилія, чтобы заставить ихъ положить икру. Долгое время это ему не удавалось. Ланцетники, переполненные яйцами и сѣменными тѣлами, по нѣскольку дней живали въ его банкахъ. Обезпокоенные, они быстрыми движеніями всплывали, чтобы затѣмъ какъ можно скорѣе снова зарыться въ песокъ, выставляя оттуда лишь свою головную часть тѣла. Но изъ всего этого ничего не выходило, и ланцетники, выведенные изъ нормальной обстановки, отказывались метать икру. Наконецъ, однажды уже ночью, Ковалевскому удалось найти нѣсколько оплодотворенныхъ яичекъ въ одной изъ банокъ. Онъ не засыпалъ всю ночь, и тутъ-то ему представилась изумительная картина. Яйцо, раздѣлившись на цѣлый рядъ сегментовъ, превратилось въ пузырекъ, одна половина котораго углубилась въ другую. Вскорѣ поверхность зародыша стала покрываться мерцательными волосками. Овальный зародышъ закружился внутри яйцевой оболочки и, прорвавъ послѣднюю, выплылъ въ видѣ личинки.

Ланцетникъ въ прежнія времена считался рыбой и приравнивался

нивался скорѣе всего къ миногамъ, съ личинками которыхъ онъ имѣетъ нѣкоторое наружное сходство. Но по своей организаціи ланцетникъ еще гораздо ниже миноги, хотя это ему не мѣшаетъ обладать всѣми основными признаками позвоночнаго животнаго.

Теорія типовъ Кювье́, о господствѣ которой въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было уже сказано выше, не допускала и мысли о связи позвоночныхъ съ какою-либо изъ нынѣ существующихъ группъ животнаго царства. И вотъ, Ковалевскій открываетъ личинку ланцетника, которая представляетъ несравненно большее сходство съ личинками низшихъ безпозвоночныхъ, чѣмъ съ зародышами миноги или какого бы то ни было позвоночнаго вообще.

Ковалевскій, разумѣется, не остановился на открытіи личинки ланцетника. Несмотря на всѣ препятствія, онъ раздобылъ достаточное количество матеріала и разработалъ исторію развитія этого животнаго съ тщательностью и полнотою, лучше которой ничего нельзя было и желать. Не торопясь возвѣщать ученому міру о сдѣланномъ имъ важномъ открытіи, онъ сталъ шагъ за шагомъ расширять его. Тутъ онъ увидѣлъ, что кишечный каналъ ланцетника развивается посредствомъ углубленія зачатка, и что такимъ образомъ зародышъ распадается на два пласта: наружный—кожный, и внутренній—кишечный. Онъ прослѣдилъ образованіе нервной системы изъ кожнаго пласта и сдѣлалъ еще рядъ другихъ цѣнныхъ наблюденій.

Не удовольствовавшись исторіей развитія ланцетника, Ковалевскій, въ томъ же 1865 году, собралъ еще множество интересныхъ фактовъ, относящихся какъ къ анатоміи низшихъ животныхъ (анатомія загадочнаго животнаго—Balanoglossus), такъ и къ ихъ исторіи развитія (эмбріологія гребневиковъ, голотурій). Собравъ весь этотъ матеріалъ, Ковалевскій въ концѣ лѣта покинулъ Неаполь и направился въ Петербургъ, гдѣ ему нужно было подумать о своей служебной карьерѣ. Тамъ онъ выдержалъ экзаменъ на магистра зоологіи и защитилъ свою знаменитую диссертацію „объ исторіи развитія Amphioxus“.

Получивъ степень магистра, А. О. уже могъ искать мѣста штатнаго доцента при какомъ-либо университетѣ, но его ненасытная жажда научныхъ изслѣдованій отвлекла его отъ этого. Собравъ кое-какія средства, онъ въ 1866 году снова ѣдетъ въ Неаполь. Ему было недостаточно открытія, что позвоночныя и безпозвоночныя связаны неразрывнымъ звеномъ въ видѣ блуждающей посредствомъ рѣсничекъ личинки ланцетника. Ему хотѣлось ближе опредѣлить, съ какой именно группой безпозво-

ночныхъ находится въ ближайшемъ родствѣ эта поразительная личинка.

Съ свойственной ему энергіей и настойчивостью Ковалевскій разрабатываетъ исторію развитія цѣлаго ряда низшихъ животныхъ, причемъ ему удается открыть кое-какія родственныя черты съ ланцетникомъ. Но это его не удовлетворяетъ. Подмѣтивъ, что прозрачные зародыши асцидій (оригинальныхъ морскихъ животныхъ, прикрѣпленныхъ къ подводнымъ предметамъ и съ виду ничуть не похожихъ ни на какое позвоночное) представляютъ стадіи, напоминающія зародышей ланцетника, Ковалевскій дѣлаетъ усилія для того, чтобы изслѣдовать подробно эту тему. Но подходящій для этого видъ асцидій (Phallusia mammilata) довольно рѣдокъ въ Неаполѣ. Тогда онъ переѣзжаетъ на островъ Искію, гдѣ вступаетъ въ сношенія съ мѣстными рыбаками и добываетъ нужное ему животное въ большомъ количествѣ и въ достаточно свѣжемъ видѣ. Тотчасъ же онъ устроиваетъ свою маленькую подвижную лабораторію (онъ и въ Неаполѣ работалъ въ своей—единственной—комнатѣ) и засаживается за эмбріологію асцидій. Работа эта даетъ ему тотъ необыкновенно важный результатъ, что нервная система асцидій развивается въ видѣ трубки кожнаго пласта по способу, очень сходному съ тѣмъ, который былъ открытъ имъ у ланцетника. Шагъ за шагомъ Ковалевскій сравниваетъ развитіе послѣдняго съ асцидіями и уподобляетъ ихъ плавающую личинку позвоночному животному съ примитивной спинной струной, нервной трубкой и жабернымъ мѣшкомъ.

Изучая развитіе нѣкоторыхъ представителей изъ группъ асцидій, мнѣ сначала казалось, что наблюденные мною факты не вяжутся съ выводами Ковалевскаго. Но потомъ я самъ и многіе другіе естествоиспытатели вполнѣ подтвердили точность данныхъ, добытыхъ А. О.

Въ концѣ 1866 года Ковалевскій возвращается въ Петербургъ съ новой научной добычей, въ которой на первый планъ должна быть поставлена его работа о развитіи асцидій. Ему нужно было получить степень доктора зоологіи, для чего не требовалось экзамена, а слѣдовало лишь представить диссертацію. Темой для послѣдней А. О. избралъ „Анатомію и исторію развитія Phoronis“, низшаго животнаго изъ отдѣла червей, о которомъ ранѣе имѣлись лишь очень неопредѣленныя данныя. Ковалевскому удалось прослѣдить развитіе изъ яицъ Phoronis маленькихъ, свободно плавающихъ личинокъ, совершенно похожихъ на раннія стадіи существа, открытаго знаменитымъ Іоган-

номъ Мюллеромъ еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія и обозначеннаго имъ подъ названіемъ Actinstrocha. Мѣсто послѣдняго въ системѣ животнаго царства вполнѣ опредѣлялось лишь благодаря изслѣдованіямъ Ковалевскаго.

Въ этой докторской диссертаціи, которую онъ защитилъ зимою 1867 года, Ковалевскій затронулъ еще нѣсколько вопросовъ общей эмбріологіи, не рѣшаясь, однакоже, еще подводить сколько-нибудь опредѣленные общіе итоги.

Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ, трехъ лѣтъ Ковалевскій обогатилъ науку множествомъ цѣнныхъ вкладовъ. Пора было ему послѣ этого осмотрѣться и позаботиться о своей участи. Получивъ степень магистра, А. О. сдѣлался приватъ-доцентомъ зоологіи петербургскаго университета и началъ читать лекціи по нѣкоторымъ спеціальнымъ отдѣламъ. Но преподавательская дѣятельность не удовлетворяла его. Къ ней онъ чувствовалъ гораздо менѣе призванія, чѣмъ къ самостоятельной разработкѣ чисто-научныхъ вопросовъ. Пользуясь тѣмъ, что обязанности приватъ-доцента оставляли ему много свободнаго времени, онъ старался сколь возможно болѣе уѣзжать изъ Петербурга и работать на берегу моря. Но, сдѣлавшись докторомъ, А. О. получилъ право на мѣсто профессора. Въ петербургскомъ университетѣ въ то время каѳедра зоологіи была замѣщена уже двумя ординарными профессорами: К. Ф. Кесслеромъ, преподававшимъ зоологію и сравнительную анатомію, и Ф. В. Овсянниковымъ, преподававшимъ физіологію. Свободнаго штатнаго мѣста не было; о созданіи новой профессуры нельзя было и помышлять при тогдашнихъ условіяхъ. Вотъ почему А. О. согласился на предложеніе, сдѣланное ему со стороны казанскаго университета, и принялъ должность экстраординарнаго профессора въ 1867 г. Комбинація эта пришлась тѣмъ болѣе по сердцу А. О., что, передъ прибытіемъ къ мѣсту своего новаго служенія, онъ получилъ возможность снова на нѣсколько мѣсяцевъ отправиться за границу, для работъ на берегу моря. Въ концѣ 1867 года онъ уѣхалъ въ Неаполь, но не одинъ, какъ прежде, а въ сообществѣ молодой жены, Татьяны Кирилловны, урожденной Семеновой. Съ этихъ поръ жизнь его, ранѣе того посвященная исключительно наукѣ, раздѣляется между научной работой и привязанностью къ семьѣ. Послѣдняя, однако, никогда не мѣшала его занятіямъ: Татьяна Кирилловна поняла значеніе научныхъ интересовъ для мужа и съ полной преданностью и самозабвеніемъ всю свою жизнь сообразовалась съ ними. Въ этомъ же направленіи воспитала она и дѣтей своихъ.

Въ Неаполѣ на этотъ разъ А. О. оставался недолго. Работа прежнихъ лѣтъ уже собрала, такъ сказать, сливки съ неаполитанскаго зоологическаго матеріала, и Ковалевскій съ женою и новорожденной дочерью переѣзжаетъ въ Мессину. Здѣсь А. О. принимается за изученіе плавающихъ на поверхности моря животныхъ, столь многочисленныхъ въ Мессинскомъ проливѣ. Между ними онъ останавливается особенно долго на своеобразномъ низшемъ животномъ, извѣстномъ подъ названіемъ сагитты. Когда-то была сдѣлана попытка (Мейснеромъ) причислить сагитту къ низшимъ позвоночнымъ, и потому со стороны А. О. было совершенно естественно спросить себя, нельзя ли и въ ней найти звено, объединяющее двѣ основныя группы животнаго царства? Подробное изслѣдованіе исторіи развитія сагитты дало ему отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но въ то же время позволило Ковалевскому установить нѣсколько интересныхъ новыхъ фактовъ.

Любящій мужъ и отецъ, А. О. старался однакоже сколь возможно болѣе отдавать свое время научной работѣ. Но тѣмъ не менѣе семейныя обязанности иногда по необходимости отвлекали его. Новорожденную дочь, Ольгу, нужно было крестить. Для этого былъ приглашенъ священникъ греческой церкви въ Мессинѣ. Я держалъ дитя въ качествѣ крестнаго отца. Ковалевскій же былъ особенно озабоченъ тѣмъ, какъ бы остатки восковыхъ свѣчей, употребленныхъ во время церемоніи, не были потеряны, а послужили бы матеріаломъ для заливанія препаратовъ, которые въ тѣ времена заключались въ смѣсь воска съ оливковымъ масломъ. Этотъ техническій пріемъ А. О. заимствовалъ у Штриккера въ Вѣнѣ, къ которому онъ ѣздилъ нарочно для того, чтобы изучить наилучшую методу техники разрѣзовъ, съ цѣлью примѣнить ее къ эмбріологическимъ изслѣдованіямъ.

Изъ Мессины Ковалевскій уѣхалъ на нѣкоторое время въ Неаполь, а оттуда онъ направился къ мѣсту своего служенія— въ Казань. Тутъ онъ тотчасъ же принимается за работу. За неимѣніемъ морскихъ животныхъ, онъ изучаетъ фауну большого озера Кабанъ и находитъ въ немъ нѣсколько кольчатыхъ червей, надъ которыми предпринимаетъ рядъ интереснѣйшихъ эмбріологическихъ изслѣдованій. Въ то же время онъ принимается за разработку исторіи развитія водолюба, и, при помощи техники разрѣзовъ, которою онъ такъ хорошо владѣлъ, онъ открываетъ подробности первыхъ стадій образованія органовъ. Въ мемуарахъ с.-петербургской академіи 1870 года А. О. печатаетъ

большую работу подъ заглавіемъ: „Embryologische Studien an Würmern und Arthropoden“, въ которой онъ соединилъ результаты своихъ мессинскихъ и казанскихъ изслѣдованій. Въ этомъ сочиненіи Ковалевскій подробно описываетъ зародышевые пласты у множества безпозвоночныхъ животныхъ и устанавливаетъ рядъ новыхъ фактовъ относительно первыхъ стадій развитія червей и суставчатоногихъ. Уже нѣсколько ранѣе, ученіе Вейсмана объ отсутствіи этихъ пластовъ у безпозвоночныхъ было окончательно опровергнуто, но тѣмъ не менѣе новыя и точныя данныя, добытыя А. О., содѣйствуютъ во многомъ укрѣпленію новыхъ взглядовъ въ наукѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что и эта монографія Ковалевскаго внесла основательный и прочный вкладъ въ сравнительную эмбріологію.

Всѣ свои мемуары Ковалевскій излагалъ строго научнымъ образомъ, но придавалъ имъ часто довольно сухую внѣшнюю форму. Онъ долго останавливался на описаніи фактовъ; часто съ большими подробностями описывалъ рисунки, приложенные къ тексту; но общіе выводы излагалъ очень, иногда даже черезчуръ кратко. Вслѣдствіе этого сочиненія его не всегда легко усвоивались, и нѣкоторыя изъ нихъ не обращали на себя достаточнаго вниманія. Всѣмъ, конечно, были извѣстны самые главные результаты, но этого было мало, такъ какъ въ нихъ заключалась масса самаго цѣннаго матеріала.

Изъ нѣмецкихъ ученыхъ Клейненбергъ первый оцѣнилъ по достоинству работы Ковалевскаго, что онъ и высказалъ въ своей замѣчательной монографіи гидры. Клейненбергъ былъ въ то время (въ началѣ семидесятыхъ годовъ) ассистентомъ у профессора Геккеля въ Іенѣ. Вниманіе послѣдняго было такимъ образомъ обращено на мемуары Ковалевскаго. Геккель принялся усердно ихъ штудировать и долго бесѣдовалъ по поводу ихъ съ своими ассистентами. Видя это, Клейненбергъ сейчасъ же сообразилъ, что такое усердіе его принципала должно повлечь за собою какія-нибудь особенныя послѣдствія. „Вы увидите,—говорилъ онъ своимъ товарищамъ,—что Геккель, который теперь только начинаетъ понимать Ковалевскаго, не преминетъ воспользоваться имъ для какого-нибудь громкаго подвига“. Клейненбергъ не ошибся. Вскорѣ послѣ того, въ 1872 году, Геккель высказалъ свою „теорію гастрэа“, которая долгое время занимала умы зоологовъ и несомнѣнно служила возбудителемъ множества новыхъ спеціальныхъ изслѣдованій.

Такъ какъ я въ правѣ предположить, что не всѣ мои чита-

тели достаточно знакомы съ этой теоріей, то считаю нелишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ.

По теоріи Геккеля, всѣ многоклѣточныя животныя (Metazoa) произошли отъ общаго прародителя, который представлялся въ видѣ плавающаго посредствомъ рѣсничекъ двойного мѣшка. Наружный слой послѣдняго служилъ для защиты и для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, а внутренній слой исполнялъ роль органа пищеваренія. Этотъ первобытный кишечный каналъ имѣлъ форму большого слѣпого мѣшка съ единственнымъ отверстіемъ, которое служило какъ для принятія пищи, такъ и для прохожденія непереваренныхъ остатковъ ея. Это гипотетическое первобытное существо было названо Геккелемъ: „гастрэа". Оно было мысленно возсоздано имъ на основаніи фактовъ, добытыхъ главнымъ образомъ Ковалевскимъ, и состоящихъ преимущественно въ томъ, что какъ у ланцетника, такъ равно и у множества безпозвоночныхъ, въ теченіе зародышеваго развитія, наблюдается переходная стадія, когда зародышъ представляется именно въ видѣ двойного мѣшка съ однимъ наружнымъ отверстіемъ. Эту стадію развитія Геккель назвалъ „гаструла" и призналъ ее за сохранившуюся донынѣ страницу изъ генеалогіи многоклѣточныхъ животныхъ, за остатокъ когда-то жившей гастрэа. Впослѣдствіи Геккель описалъ нынѣ существующихъ животныхъ, по организаціи вполнѣ соотвѣтствующихъ гастрэа. Но отъ этихъ такъ называемыхъ гастрэадъ въ наукѣ ничего не осталось. Принятіе ихъ Геккелемъ было основано на ошибкѣ. Теорія же гастрэа имѣла послѣдствіемъ то, что многочисленные молодые ученые принялись усердно за разработку исторіи развитія всевозможныхъ животныхъ, причемъ имъ во множествѣ случаевъ удалось найти переходную зародышевую стадію—гаструла. Вслѣдствіе этого казалось, что теорія Геккеля дѣйствительно оправдывается всей суммой наличныхъ фактовъ.

Многіе ученые даже спрашивали, почему же Ковалевскій самъ,—такъ какъ именно онъ доставилъ главный фактическій матеріалъ для теоріи Геккеля,—не додумался до этого обобщенія? Этотъ вопросъ былъ, между прочимъ, выдвинутъ проф. Заленскимъ въ его прекрасной рѣчи о Ковалевскомъ, произнесенной на прошлогоднемъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ.

Мнѣ кажется, что я въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ. Съ самаго начала научной дѣятельности Ковалевскаго, съ 1865 года вплоть до его преждевременной кончины, я находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ. Мы часто и подолгу живали другъ у друга и посвящали много времени на обсужде-

ніе научныхъ вопросовъ. Къ тому же Ковалевскій въ этомъ отношеніи не былъ скрытенъ: онъ охотно дѣлился своими мыслями съ товарищами по наукѣ и любилъ подвергать ихъ строгой критикѣ. Въ немъ не было и слѣда нетерпимости, столь нерѣдкой у нашей братіи.

Совершенно естественно, что, открывъ у ланцетника стадіи развитія, которыя почти буквально повторяли то, что̀ ранѣе было замѣчено Агасси̂ у зародышей морскихъ звѣздъ, Ковалевскому пришла мысль о всеобщемъ значеніи такихъ фазъ. Онъ самъ тотчасъ же убѣдился въ справедливости наблюденій американскаго зоолога и сталъ искать соотвѣтствующихъ стадій у множества другихъ животныхъ. Ковалевскій, столь сильно и страстно увлекавшійся наукой, вообще былъ очень осторожень въ своихъ выводахъ и подвергалъ ихъ самой строгой критикѣ, отличаясь и въ этомъ отношеніи отъ большинства своихъ сотоварищей по наукѣ вообще, а отъ Геккеля въ особенности.

Несмотря на свои несравненныя качества какъ точнаго наблюдателя, Ковалевскому, однакоже, такъ сильно хотѣлось подвести главныя фазы развитія подъ общій законъ, что и онъ одно время не уберегся отъ увлеченія. Изслѣдуя исторію развитія низшихъ безпозвоночныхъ, ему казалось, что образованіе кишечнаго канала посредствомъ углубленія зародышеваго пузыря (бластодермы) составляетъ дѣйствительно всеобщій фактъ. Онъ думалъ найти его и у сифонофоръ. Равнымъ образомъ обстоятельство, что единственное отверстіе зародышеваго пищеварительнаго канала у ланцетника и у морскихъ звѣздъ не есть ротъ, показалось ему также признакомъ, общимъ всѣмъ многоклѣточнымъ животнымъ. Вотъ почему, въ своей докторской диссертаціи, онъ высказался за то, что первоначальное отверстіе кишечнаго мѣшка у личинки Phoronis соотвѣтствуетъ тому, чрезъ которое выбрасываются негодные остатки пищи.

Но такой ученый, какъ Ковалевскій, не могъ долго оставаться въ заблужденіи. Вскорѣ онъ убѣдился какъ въ томъ, что у нѣкоторыхъ низшихъ безпозвоночныхъ (гидрополиповъ и др.) кишечный каналъ появляется не вслѣдствіе углубленія бластодермы, такъ равно и въ томъ, что первоначальное отверстіе у личинки Phoronis соотвѣтствуетъ ротовому. Этого было достаточно для того, чтобы удержать Ковалевскаго отъ излишнихъ обобщеній и чтобы помѣшать ему высказать теорію, подобную Геккелевской теоріи гастрэа.

Геккель, наоборотъ, не работая самостоятельно надъ исторіей развитія животныхъ, не углублялся въ истинную сущность

фактовъ, а, порхая по вершкамъ, легко могъ обходить и даже игнорировать препятствія, которыя останавливали Ковалевскаго. Вотъ почему А. О. относился всегда очень сдержанно къ теоріи гастрэа. Масса новыхъ фактовъ, накоплявшихся въ естественной исторіи низшихъ организмовъ, убѣждала все болѣе и болѣе въ томъ, что первобытныя животныя не могли быть построены по типу двойного мѣшка съ однимъ отверстіемъ и большой пищеварительной полостью. Наоборотъ, они должны были являться въ видѣ существъ, наполненныхъ сплошь пищеварительными клѣтками. Полость, въ которой совершалось внѣклѣточное пищевареніе, должна была развиться лишь болѣе поздно, какъ спеціальное приспособленіе. Съ этимъ представленіемъ легко мирился какъ фактъ, что многія низшія безпозвоночныя вовсе не проходятъ стадіи гаструла, такъ равно и несоотвѣтствіе между гаструлой различныхъ животныхъ, какъ, напр., ланцетника и Phoronis.

То обстоятельство, что Ковалевскій не формулировалъ самолично теоріи, подобной теоріи гастрэа, доказываетъ только, что онъ, какъ ученый, былъ неизмѣримо выше Геккеля. Объ этомъ еще легче будетъ судить будущимъ поколѣніямъ ученыхъ, которые увидятъ, какъ много осталось отъ Ковалевскаго, и какъ мало, напротивъ, прочныхъ слѣдовъ оставитъ Геккель.

IV.

Въ предъидущей главѣ мы обозрѣли первый и несомнѣнно самый блестящій періодъ дѣятельности Ковалевскаго. Онъ сводится къ открытію массы первостепенной важности фактовъ по сравнительной эмбріологіи и къ укрѣпленію въ томъ, что животные типы не составляютъ строго обособленныхъ группъ, а могутъ быть связываемы при помощи общихъ чертъ развитія.

Этотъ періодъ заканчивается изслѣдованіями, произведенными А. О. во время его пребыванія въ Казани. Но на этомъ отдаленномъ русскомъ востокѣ онъ оставался недолго. Уже въ 1869 году онъ переходитъ въ кіевскій университетъ, которому было лестно имѣть въ своей средѣ такого первокласснаго и знаменитаго ученаго. Переходомъ этимъ Ковалевскій пользуется опять для того, чтобы снова поработать на морскомъ берегу. Онъ открываетъ крайне поразительный фактъ. У оригинальнаго червя Bonellia до него не были извѣстны самцы, и Ковалевскій находитъ ихъ въ видѣ маленькихъ существъ, живущихъ въ ка-

чествѣ паразитовъ въ тѣлѣ самокъ. Ковалевскій обставляетъ это парадоксальное открытіе такими доводами, что сомнѣваться въ немъ не оказывается никакой возможности, и оно сразу становится общимъ достояніемъ науки.

Не удовлетворяясь рессурсами Адріатическаго и Средиземнаго морей, фауну которыхъ Ковалевскій уже узналъ въ совершенствѣ, онъ предпринимаетъ длинное и трудное путешествіе къ берегамъ Краснаго моря. Вмѣстѣ съ женой, никогда не покидавшей его въ его многочисленныхъ странствованіяхъ за научной добычей, и крошечной, незадолго передъ тѣмъ родившейся — второй дочерью, А. О. пробирается на верблюдахъ въ арабское мѣстечко Эль-Торъ.

Ковалевскій для работы не нуждался въ великолѣпной обстановкѣ зоологическихъ станцій, изъ которыхъ самая лучшая — неаполитанская — возникла въ значительной степени именно благодаря блестящимъ работамъ Ковалевскаго, произведеннымъ въ Неаполитанскомъ заливѣ. Пріѣхавъ въ какое-нибудь мѣсто, А. О. тотчасъ же раскладывалъ микроскопъ и все необходимое для работы, вступалъ въ сношеніе съ рыбаками и моряками и, спустя очень короткое время, вполнѣ оріентировался при новыхъ условіяхъ.

Надежды Ковалевскаго найти въ Красномъ морѣ особенно богатый новый матеріалъ оправдались лишь отчасти. Ему удалось открыть оригинальное новое животное, относящееся къ гребневикамъ (Ctenophora), и въ то же время родственное съ морскими планаріями, животное, названное имъ Coeloplana. Кромѣ того, онъ сталъ собирать матеріалъ по исторіи развитія и анатоміи цѣлаго ряда интересныхъ безпозвоночныхъ.

Благодаря главнымъ образомъ его же трудамъ, эмбріологія безпозвоночныхъ стала приходить все въ болѣе и болѣе стройный порядокъ. Оставалось лишь очень немного группъ, относительно которыхъ наука не имѣла сколько-нибудь опредѣленныхъ данныхъ. Къ ихъ числу относились такъ называемыя плеченогія (Brachiopoda), оригинальныя, покрытыя двустворчатой раковиной животныя, принимавшіяся за ближайшихъ родичей настоящихъ мягкотѣлыхъ. Пробѣлъ этотъ зависѣлъ отъ того, что плеченогія живутъ въ морѣ на значительной глубинѣ и могутъ быть добываемы съ большимъ трудомъ. Ихъ доставляютъ ловцы кораллловъ, которые съ своихъ продолжительныхъ странствованій привозятъ лишь одиночные, мало живущіе экземпляры.

Съ твердымъ намѣреніемъ освѣтить исторію развитія плеченогихъ, Ковалевскій въ 1873 году отправляется къ берегамъ

Алжиріи и, не удовлетворяясь плохимъ матеріаломъ, который ему доставляли коральеры, онъ отправляется съ ними на ихъ баркахъ, проводитъ по нѣскольку дней на морѣ, часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и, въ концѣ концовъ, добивается желаннаго результата. Онъ открываетъ интереснѣйшіе факты изъ эмбріологіи плеченогихъ и показываетъ, что личинки ихъ стоятъ гораздо ближе къ кольчатымъ червямъ, нежели къ моллюскамъ. Изслѣдованіе это и до сихъ поръ остается наилучшимъ въ этой области. Несмотря на всѣ удобства, которыми въ настоящее время обставлены научныя изслѣдованія, еще никому не удалось уйти впередъ послѣ работы Ковалевскаго.

Пребываніе А. О. въ Кіевѣ не было лишь продолженіемъ тріумфальнаго въѣзда въ университетъ св. Владиміра. На богатую коллекцію, привезенную имъ изъ Краснаго моря, пожелали наложить руку лица, къ которымъ А. О. не питалъ достаточнаго довѣрія. Это послужило поводомъ къ непріятностямъ, которыя сильно возросли еще оттого, что Ковалевскій открыто порицалъ систему выбора профессоровъ по уставу 1863 года. Онъ находилъ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы каѳедры замѣщались не факультетскими и совѣтскими собраніями, а коммиссіей изъ соотвѣтствующихъ профессоровъ другихъ университетовъ. Напримѣръ, если гдѣ-нибудь освобождалась каѳедра зоологіи, то кандидатъ на нее долженъ быть избранъ не остальными профессорами того же университета, не имѣющими должной компетенціи, а профессорами зоологіи другихъ университетовъ, какъ единственными компетентными судьями. Такая ересь доставила Ковалевскому не мало враговъ въ кіевскомъ университетѣ. Крайне впечатлительный, застѣнчивый и вовсе несклонный къ университетскимъ распрямъ и интригамъ, А. О. сталъ чувствовать себя въ Кіевѣ очень не по себѣ, что̀ и подало поводъ къ его переходу въ одесскій университетъ.

Благодаря содѣйствію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, въ одесскомъ университетѣ оказалась возможность учредить въ 1874 г. новую ординатуру при каѳедрѣ зоологіи. Несмотря на оппозицію со стороны нѣкоторыхъ коллегъ, которые боялись, чтобы переходъ Ковалевскаго въ Одессу не повелъ къ тому, „что каждый годъ то Ковалевскій, то Мечниковъ, будутъ проситься за границу“, намъ удалось извлечь А. О. изъ Кіева и устроить его въ Одессѣ. Вскорѣ онъ освоился съ новой жизнью, и послѣ кіевскихъ передрягъ жизнь въ Одессѣ, среди преданныхъ ему друзей, показалась ему настолько пріятной, что онъ купилъ себѣ домъ съ

садомъ на Молдаванкѣ и поселился въ немъ со всей семьей, состоящей изъ двухъ дочерей и сына. Въ Одессѣ А. О. прожилъ 16 лѣтъ и покинулъ ее только потому, что въ 1890 г. онъ былъ избранъ на болѣе подходящее для такого ученаго, какъ онъ, мѣсто члена академіи наукъ въ Петербургѣ.

На Одессу выпалъ, такимъ образомъ, самый длинный періодъ научной дѣятельности Ковалевскаго. Основныя данныя сравнительной эмбріологіи были добыты еще до его перехода на югъ. Теперь подлежало разобраться въ этой новой отрасли знанія и подвести по возможности общіе итоги. Теоріей Геккеля, какъ мы уже видѣли, Ковалевскій увлечься не могъ: слишкомъ было ясно, что явленія развитія гораздо болѣе запутаны и сложны, чѣмъ это предполагалъ іенскій зоологъ. Необходимо было найти какую-нибудь точку опоры, для того, чтобы въ явленіяхъ эмбріональнаго развитія отдѣлить первобытныя черты отъ вторичныхъ наслоеній и отмѣтить все то, что̀ можетъ разъяснить истинную генеалогію животныхъ. Ковалевскій и раньше имѣлъ случай сравнивать у одного и того же животнаго процессы, происходящіе при развитіи зародыша изъ яйца, съ тѣми, которые совершаются при почкованіи.

Вначалѣ своего одесскаго періода Ковалевскій особенно усердно принялся за изученіе процессовъ почкованія. Съ этой цѣлью онъ остановился съ особенной тщательностью на Pyrosoma, ради чего и отправился къ Средиземному морю, во французскую Виллафранка. Онъ, разумѣется, открылъ при этомъ много новыхъ и интересныхъ фактовъ, но, съ общей точки зрѣнія, результаты были скорѣе неутѣшительны, на томъ основаніи, что сравненіе развитія изъ яйца и изъ почки не давало возможности разобраться въ сложной смѣси первичныхъ явленій съ вторичными. Оказалось, что даже пониманіе зародышевыхъ пластовъ затемнялось обиліемъ второстепенныхъ наслоеній. Одинъ и тотъ же о̀рганъ одного и того же животнаго могъ обнаруживать различное происхожденіе, смотря по тому, развивался ли онъ изъ яйца, или изъ почки.

Въ сравнительной эмбріологіи, послѣ столь блестящаго періода ея возникновенія, наступилъ несомнѣнный кризисъ. Молодое поколѣніе ученыхъ старалось выйти изъ него, направивъ все вниманіе на явленія оплодотворенія, изученіе котораго удалось значительно подвинуть впередъ, благодаря усовершенствованной техникѣ, а также введенію опытнаго метода. Можно было не только прослѣдить проникновеніе сѣмянного тѣла въ яйцевую клѣтку, но и изучить въ подробностяхъ процессы, совершаю-

щіеся при созрѣваніи яйца и слѣдующіе за вхожденіемъ сѣменныхъ тѣлъ. Эти изслѣдованія дали поводъ къ новымъ теоріямъ наслѣдственности, но Ковалевскій, несмотря на весь интересъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ науки, самъ не пошелъ по этому пути.

Свою неутомимую жажду самостоятельной разработки научныхъ вопросовъ онъ пытался утолить на другомъ полѣ. Посвятивъ столько лѣтъ на изученіе исторіи развитія зародыша изъ яйца и изъ почки, онъ перешелъ въ Одессѣ къ изслѣдованію процессовъ, происходящихъ во время превращенія насѣкомыхъ. Онъ избралъ одну изъ обыкновенныхъ мухъ и разработалъ исторію ея метаморфозы съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Онъ шагъ за шагомъ прослѣдилъ исчезновеніе личиночныхъ органовъ, причемъ онъ показалъ, что главнѣйшіе изъ нихъ, какъ, напр., мускулы и слюнныя железы, исчезаютъ, потому что поѣдаются и перевариваются блуждающими клѣтками личинки. Эти клѣтки, столь прожорливыя по отношенію къ нѣкоторымъ тканямъ, становятся, однакоже, безсильными, чтобы поѣсть молодыя нарождающіяся ткани, которыя успѣваютъ развиться въ новые органы взрослой мухи.

Эти результаты изслѣдованій Ковалевскаго были нѣсколько разъ оспариваемы нѣкоторыми молодыми наблюдателями, но безъ малѣйшаго успѣха. Данныя, добытыя Ковалевскимъ и по этому вопросу, остались прочнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ науку.

Неожиданные и быстрые успѣхи морфологическаго изученія животныхъ привели, однакоже, въ концѣ концовъ, къ такому выводу, что для сужденія о значеніи явленій развитія и организаціи необходимо имѣть ясное представленіе о физіологическомъ отправленіи органовъ и тканей. Въ одномъ и томъ же зародышѣ могутъ быть соединены уже не функціонирующіе остатки первобытныхъ органовъ съ еще не совершающими никакого отправленія зачатками, и, притомъ, рядомъ съ органами и тканями, исполняющими опредѣленную физіологическую роль. Не ограничиваясь однимъ лишь наблюденіемъ, необходимо было еще ввести въ сравнительную зоологію экспериментальную методу. Другими словами, нужно было приняться за сравнительную физіологію низшихъ организмовъ. Ковалевскій быстро освоился съ этой необходимостью, и съ неменьшей, чѣмъ прежде, энергіей принялся за изученіе дѣятельности нѣкоторыхъ мало изученныхъ органовъ.

Изученіе превращенія мухъ дало Ковалевскому случай лично убѣдиться въ важномъ значеніи явленія, названнаго *фагоцитозомъ* и состоящаго въ поглощеніи нѣкоторыми клѣтками орга-

низма различныхъ твердыхъ веществъ. Во время исчезновенія личиночныхъ органовъ у мухъ, многія ткани становятся жертвою фагоцитоза. При помощи того же явленія различныя посторонія тѣла, не исключая и вредоносныхъ паразитовъ, могутъ быть истребляемы подвижными клѣтками. Съ цѣлью выяснить это явленіе, Ковалевскій занялся изученіемъ фагоцитоза у различныхъ безпозвоночныхъ, и вскорѣ открылъ цѣлый рядъ такихъ фагоцитарныхъ органовъ, которые можно поставить въ параллель съ селезенкою и лимфатическими железами человѣка и высшихъ животныхъ. Здѣсь нѣтъ надобности входить въ подробности, и достаточно упомянуть, что онъ опытнымъ путемъ доказалъ присутствіе такихъ органовъ у улитокъ, раковъ, сверчковъ, кольчатыхъ червей и проч.

Рядомъ съ этими изслѣдованіями нужно поставить большое число опытовъ и наблюденій Ковалевскаго о мочеотдѣлительныхъ органахъ безпозвоночныхъ животныхъ. Впрыскивая въ ихъ тѣла разнообразныя красящія вещества, Ковалевскому удалось опредѣлить отдѣлы мочеотдѣлительныхъ органовъ, которые поглощаютъ эти краски съ цѣлью удаленія ихъ изъ организма. Эти изслѣдованія, систематически продолжавшіяся болѣе десяти лѣтъ, превратили главу о мочеотдѣлительныхъ органахъ безпозвоночныхъ въ одинъ изъ наиболѣе обработанныхъ отдѣловъ сравнительной физіологіи.

Изученіе фагоцитарныхъ и выдѣлительныхъ органовъ натолкнуло Ковалевскаго на систематическое изслѣдованіе піявокъ.

Сначала эти животныя заинтересовали А. О. съ точки зрѣнія лишь тѣхъ органовъ, физіологіей которыхъ онъ занимался. Но, мало-по-малу, онъ втянулся въ подробное ихъ изученіе. Разыскивая, во время своихъ постоянныхъ путешествій, наиболѣе оригинальныхъ представителей этого отряда, Ковалевскій остановился особенно на Archaeobdella, Acanthobdella, Haementaria и Helobdella. Послѣдніе его мемуары, изъ которыхъ нѣкоторые появились въ свѣтъ лишь послѣ смерти, въ значительной степени посвящены детальному изученію піявокъ и нѣкоторыхъ очень своеобразныхъ моллюсковъ (Hedyle, Chaetoderma, Pseudovermis).

V.

Въ 1890 году А. О. Ковалевскій былъ приглашенъ ординарнымъ академикомъ въ Петербургъ. Это мѣсто вполнѣ соотвѣтствовало всему его складу. Болѣе всего на свѣтѣ цѣнившій

спокойную работу въ лабораторіи и, по своей застѣнчивости, неохотно выступавшій на каѳедрѣ, А. О. была очень пріятна перспектива отдаться всецѣло любимой наукѣ. Но произошло нѣкоторое осложненіе. Оказалось, что у Ковалевскаго недоставало нѣсколькихъ лѣтъ службы въ университетѣ для выслуги пенсіи; и это обстоятельство обнаружилось лишь послѣ его переѣзда въ Петербургъ. Тогда была придумана слѣдующая комбинація. Оставаясь академикомъ, А. О. долженъ былъ поступить профессоромъ петербургскаго университета и читать курсъ гистологіи. Ему это было тѣмъ болѣе непріятно, что приходилось преподавать новую для него вѣтвь науки. Разумѣется, занимаясь всю жизнь микроскопическими изслѣдованіями, онъ очень хорошо зналъ и гистологію. Но все-же, для чтенія съ каѳедры, ему нужно было запастись множествомъ новаго, подчасъ мало интересовавшаго его матеріала. Вотъ почему А. О. особенно тяготился этимъ послѣднимъ актомъ своей профессуры, и почувствовалъ себя особенно счастливымъ, когда, въ 1894 году, онъ могъ выйти въ отставку изъ университета и сосредоточить всю свою дѣятельность въ академіи наукъ.

Эта должность академика не была для него синекурой. Съ юношескимъ рвеніемъ принялся онъ за разработку вопросовъ, о которыхъ было упомянуто въ концѣ предъидущей главы. Физически очень бодрый и крѣпкій, онъ часто уѣзжалъ изъ Петербурга и ѣздилъ для добыванія нужнаго ему матеріала то въ Петрозаводскъ—на сѣверѣ, то въ Крымъ и Аккерманъ—на югѣ Россіи. Нерѣдко онъ ѣздилъ и за границу, какъ для изслѣдованій, такъ и для различныхъ научныхъ справокъ у сотоварищей и въ коллекціяхъ.

Особенно энергично принялся Ковалевскій за организацію севастопольской біологической станціи. Учрежденіе это существовало уже давно, но оно вело незамѣтную и вялую жизнь, и въ него нужно было вдохнуть душу. Никто не былъ болѣе для этого способенъ, какъ Ковалевскій. Сдѣлавшись вполнѣ безвозмездно главнымъ директоромъ станціи, онъ сталъ усиленно хлопотать какъ о матеріальномъ ея благополучіи, такъ и о томъ, чтобы пріискать подходящій персоналъ. Подолгу Ковалевскій живалъ въ Севастополѣ, уѣзжая оттуда въ сосѣднія мѣста, для пріисканія морскихъ животныхъ. Такимъ образомъ онъ посѣщалъ часто Константинополь и работалъ на берегахъ Мраморнаго моря, гдѣ добылъ цѣнный матеріалъ для своихъ послѣднихъ работъ, а также животныхъ для лелѣяннаго имъ аквариума біологической станціи. Заботы объ этомъ учрежденіи наполняли послѣднее

время его жизни, и даже смертельное кровоизліяніе въ мозгу случилось съ нимъ во время визита у г. товарища министра народнаго просвѣщенія Мѣщанинова,—визита, имѣвшаго цѣлью исходатайствовать субсидію для станціи.

Несмотря на то, что А. О. всего болѣе отдавалъ себя на служеніе чистой наукѣ, онъ не мало увлекался и нѣкоторыми сторонами практической дѣятельности. Заботы о севастопольской станціи еще можно было, пожалуй, отнести отчасти на счетъ желанія обставить и себя наилучшими условіями для спеціальныхъ изслѣдованій. Но этого нельзя никакъ сказать о трудахъ Ковалевскаго по вопросу о филлоксерѣ.

Когда этотъ бичъ винодѣлія былъ открытъ въ Бессарабіи, Ковалевскій тотчасъ же принялся, съ свойственными ему энергіей, добросовѣстностью и безкорыстнымъ увлеченіемъ, за изученіе филлоксернаго вопроса. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ во Францію, гдѣ воспользовался указаніями своего давнишняго друга, марсельскаго профессора Маріона, имѣвшаго уже значительную опытность въ дѣлѣ истребленія филлоксеры. Ковалевскій предложилъ примѣнить въ Бессарабіи методу радикальнаго истребленія, посредствомъ сѣрнистаго углерода,—методу, зарекомендовавшую себя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Европы. По этому поводу А. О. пришлось выступить на новую для него арену практической дѣятельности и вытерпѣть множество непріятностей.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ни въ наукѣ, ни въ практической жизни никогда не слѣдуетъ останавливаться предъ авторитетами, каковы бы они ни были. Критика есть необходимое орудіе преуспѣянія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы, не раздѣляя мнѣнія людей, безупречныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и снискавшихъ себѣ глубокое уваженіе всѣхъ компетентныхъ судей, критики набрасывались съ злобной яростью на лицъ, осмѣливающихся не раздѣлять ихъ мнѣнія. Долгое время Ковалевскому пришлось выносить настоящую травлю со стороны многочисленныхъ, призванныхъ и непризванныхъ журналистовъ. Тѣмъ не менѣе, до конца своего пребыванія въ Одессѣ, А. О. оставался завѣдующимъ борьбой противъ филлоксеры. Вопросъ этотъ очень сложенъ, и я недостаточно знакомъ съ нимъ, чтобы высказывать окончательное сужденіе. Но я слишкомъ хорошо зналъ Ковалевскаго, чтобы быть несомнѣнно убѣжденнымъ въ томъ, что въ дѣлѣ огражденія виноградниковъ онъ всегда руководился лишь желаніемъ принести посильную пользу дѣлу и былъ безусловно глухъ къ голосу самолюбія, не говоря уже о какихъ-либо иныхъ побужденіяхъ личнаго характера.

Точно такъ же, какъ и въ этомъ прикладномъ вопросѣ, велъ себя Ковалевскій и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда ему приходилось соприкасаться съ жизнью. Во время своей продолжительной профессорской дѣятельности, онъ очень не любилъ вѣчныхъ интригъ, которыми наполняется закулисная жизнь нашихъ университетовъ. Изъ „лекторіи", гдѣ обыкновенно усиленно обсуждались „дѣла", онъ убѣгалъ въ лабораторію, гдѣ онъ дѣлалъ свое настоящее дѣло. Избѣгая, елико возможно, вмѣшиваться въ профессорскія распри, ему приходилось, однакоже, время отъ времени принимать въ нихъ участіе. Когда онъ былъ избранъ проректоромъ одесскаго университета, первымъ его движеніемъ было отказаться отъ этого званія. Друзьямъ стоило большого труда уговорить его принять должность, на что онъ согласился, надѣясь быть полезнымъ студентамъ. Послѣдніе его вообще очень любили и уважали, но это не мѣшало имъ, однакоже, ставить его нерѣдко въ очень тяжелое положеніе и требовать отъ него невозможнаго. Ковалевскій былъ, поэтому, очень радъ, когда ему удалось избавиться отъ этой проректорской службы и болѣе, чѣмъ когда-либо, зарыться въ своей лабораторіи. Тутъ онъ чувствовалъ себя въ соотвѣтствующей средѣ и дѣлился охотно своими открытіями съ лицами, которыя его посѣщали. Тутъ же онъ принималъ учениковъ, изъ которыхъ вышло не мало профессоровъ зоологіи. Назовемъ, въ числѣ ихъ, Бобрецкаго, Насонова, Остроумова.

Ковалевскій не только давалъ совѣты по своей спеціальности, но содѣйствовалъ рѣшительно всѣмъ, чѣмъ могъ, преуспѣванію молодежи. Вѣчно онъ отправлялся съ разнаго рода ходатайствами, просьбами о пріемѣ въ университеты, о снисхожденіи и проч. Часто ему приходилось возвращаться съ пустыми руками, но когда попытка его увѣнчивалась успѣхомъ, тогда онъ истинно сіялъ.

Вообще, въ свою дѣятельность Ковалевскій вносилъ всю душу.

Будучи почетнымъ попечителемъ городскихъ школъ въ Одессѣ, онъ принималъ въ нихъ самое живое участіе, какъ относительно преподаванія, такъ и улучшенія положенія учителей и учительницъ. Зная его теплое отношеніе, послѣдніе всегда обращались къ нему съ полнымъ довѣріемъ.

Многіе годы А. О. былъ предсѣдателемъ „Общества естествоиспытателей" въ Одессѣ, а затѣмъ—въ Петербургѣ. Всегда онъ старался внести живой интересъ въ эти общества. Онъ постоянно дѣлалъ въ нихъ самъ сообщенія и поощрялъ къ тому же другихъ.

Уже изъ всего предъидущаго видно, что Ковалевскій былъ безконечно преданный дѣлу, благородный служитель науки. Въ то же время онъ не былъ узкимъ, сухимъ ученымъ. Онъ страшно чутко относился ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, сильно волновался ими, постоянно слѣдилъ за всѣми отраслями науки, радовался новымъ открытіямъ въ нихъ; онъ живо интересовался литературой и искусствомъ.

Всѣ вопросы культуры страны его занимали, и послѣднее время онъ даже усиленно мечталъ о разведеніи образцоваго сада на кавказскомъ побережьи.

Характерными чертами А. О. были доброта, необыкновенная кротость, безграничныя скромность и деликатность. Въ обращеніи съ людьми онъ не только никогда не импонировалъ и не стремился къ этому, но, напротивъ, былъ очень простъ, терпимъ и часто даже застѣнчивъ. Онъ не любилъ дѣлать визитовъ безъ дѣла. Вѣчно поглощенный изслѣдованіемъ какого-нибудь вопроса, если ему приходилось идти къ кому-нибудь за справкой или разъясненіемъ, то онъ начиналъ съ извиненій въ томъ, что обезпокоилъ и отнимаетъ время. Спустя нѣсколько минутъ, онъ брался за часы, и движеніе это сдѣлалось у него привычнымъ. Съ одной стороны, онъ оберегалъ время своихъ собесѣдниковъ, а съ другой—боялся оторвать минуту отъ излюбленныхъ занятій.

Неудивительно, что, при своихъ душевныхъ качествахъ, Ковалевскій былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Въ наукѣ его имя сдѣлалось знаменитымъ послѣ первыхъ же самостоятельныхъ работъ. Многія иностранныя академіи (въ ихъ числѣ: англійское „Королевское Общество“, парижская, римская, вѣнская, брюссельская, туринская и др. академіи) и общества избрали его своимъ членомъ. Въ Россіи онъ былъ почетнымъ членомъ, кажется, всѣхъ университетовъ, медицинской академіи и всѣхъ обществъ естествоиспытателей. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ избранъ почетнымъ докторомъ наукъ кэмбриджскаго университета и кавалеромъ прусскаго ордена „pour le mérite“, даваемаго за научныя заслуги.

Но не формулярный списокъ Ковалевскаго я хочу представить читателю. Цѣлью моей было охарактеризовать, по мѣрѣ силъ, высокую личность почившаго ученаго, для котораго служеніе наукѣ и безусловная вѣра въ нее, составляли все содержаніе и весь смыслъ жизни. Такихъ людей у насъ очень немного, и потому весьма желательно, чтобы память и свѣдѣнія о нихъ сохранялись и распространялись какъ можно болѣе.

Было время, когда, какъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго

вѣка, молодые люди охотно отдавались наукѣ и вѣровали въ то, что она поможетъ имъ обрѣсти душевное равновѣсіе и получить отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы, мучащіе человѣчество. Но потомъ, болѣе нетерпѣливое поколѣніе отшатнулось отъ науки и стало искать истины въ иныхъ областяхъ. Это ложное направленіе затянулось надолго и плоды его не замедлили обнаружиться. Я уже не говорю о томъ, что не нашлось людей для того, чтобы заполнить пробѣлъ, оставленный такою исключительной личностью, какъ Ковалевскій. Но каждый разъ, когда приходится думать о выборѣ лицъ для выполненія серьезныхъ культурныхъ цѣлей въ Россіи, поражаешься прискорбнымъ фактомъ общаго безлюдья.

Можно надѣяться, что такое положеніе продлится недолго, что роль науки въ жизни будетъ снова признана въ должной мѣрѣ, и что среди чуткой и стремящейся къ добру молодежи найдутся многіе, которые пойдутъ по стопамъ А. О. Ковалевскаго.

Илья Мечниковъ.

Парижъ.

ВОЛОСТЬ

как

ЗАЧАТОКЪ МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Въ послѣднее время въ обществѣ и печати съ особеннымъ оживленіемъ обсуждался вопросъ о мелкой земской единицѣ. При всей широтѣ и серьезности постановки этого вопроса обсужденіе его, намъ думается, отличалось извѣстной отвлеченностью: споры сторонниковъ мелкой земской единицы и ея противниковъ носили скорѣе теоретическій характеръ, въ нихъ до нѣкоторой степени чувствовалось отсутствіе той практической подкладки, которая обыкновенно придаетъ аргументамъ спорящихъ сторонъ особенную жизненность и убѣдительность.

Такой жизненной опорой въ обсужденіи поднятаго вопроса, мы полагаемъ, могло бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служить сопоставленіе проектируемыхъ мелкихъ земскихъ организацій съ дѣятельностью существующихъ уже четыре десятилѣтія органовъ крестьянскаго самоуправленія.

Правда, мы чрезвычайно бѣдны фактическимъ матеріаломъ, освѣщающимъ внутреннюю жизнь этого мѣстнаго общественнаго самоуправленія.

Предоставленное исключительно силамъ народной массы и находящееся подъ близкимъ контролемъ властной опеки, крестьянское самоуправленіе мало доступно для объективнаго изученія и рѣдко, поэтому, является предметомъ широкаго общественнаго вниманія и обсужденія. Между тѣмъ, внимательное изученіе сельской общественной жизни и той эволюціи, которая несомнѣнно совершается въ этой жизни, дало бы весьма поучительный матеріалъ, который, между про-

чимъ, помогъ бы лучше разобраться и въ вопросѣ о мелкой земской единицѣ.

Возьмемъ основной вопросъ всякаго самоуправленія—право самообложенія, и посмотримъ, какъ пользуется этимъ правомъ наше крестьянское самоуправленіе.

Оговариваемся при этомъ, что районъ нашихъ наблюденій не обширенъ—одна ярославская губернія; что свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ, доставлены корреспондентами статистическаго бюро ярославскаго губернскаго земства въ маѣ мѣсяцѣ текущаго 1902 года.

Крестьянское самоуправленіе, какъ извѣстно, выражается въ формѣ двухъ самоуправляющихся союзовъ, тѣсно между собою связанныхъ: сельскаго и волостного обществъ.

Изъ этихъ самоуправляющихся единицъ волость ближе всего подходитъ къ мелкой всесословной земской единицѣ.

На территоріи волости живетъ не одно только крестьянское населеніе, но очень часто бываютъ расположены поселки и усадьбы населенія иныхъ сословій. Хотя юридически волость и является организаціей чисто крестьянской, по фактически она составляетъ продолженіе системы òргановъ общаго управленія и постепенно пріобрѣтаетъ характеръ всесословный.

Волостная администрація несетъ свою службу въ интересахъ не только крестьянъ, но и другихъ сословій, населяющихъ волость (полицейская служба, свидѣтельствованіе сдѣлокъ и договоровъ, доставленіе всякаго рода свѣдѣній и вообще сношенія съ правительственными и общественными учрежденіями); къ волостному суду можетъ обращаться все населеніе волости, безъ различія сословій.

Несмотря, однако, на очевидный общесословный характеръ дѣятельности волостныхъ учрежденій, содержаніе ихъ всецѣло лежитъ на одномъ только крестьянскомъ сословіи и почти исключительно на надѣльной землѣ.

Понятно, такое положеніе дѣла не могло не вызвать въ самомъ сельскомъ населеніи сознанія его неудовлетворительности и несправедливости обложенія на волостныя нужды только лицъ одного сословія. Правда, пока не-крестьянское населеніе волости незначительно и не обременяетъ замѣтнымъ образомъ своими нуждами и требованіями волостныхъ учрежденій,—въ такихъ волостяхъ и не возникаетъ вопросовъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи между различными группами мѣстнаго населенія волостныхъ сборовъ. Но съ развитіемъ въ волостяхъ крестьянскаго населенія, а въ особенности—посторонняго и пришлаго, самой жизнью выдвигаются на очередь вопросы о болѣе справедливомъ и равномѣрномъ участіи въ волостныхъ

расходахъ лицъ всѣхъ сословій, живущихъ въ предѣлахъ волости. Наиболѣе развитымъ въ этомъ отношеніи самосознаніемъ плательщиковъ волостныхъ сборовъ отличаются волости, въ которыхъ есть крестьянскіе и мѣщанскіе поселки пришлаго населенія, живущаго на купленной или арендованной землѣ и не приписаннаго къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ. Это населеніе, и по своему культурному уровню, и по укладу своей общественной и обыденной жизни, очень мало отличается отъ коренного крестьянскаго населенія. Селится оно такими поселками, которые очень близко напоминаютъ собою крестьянскія деревни, и ведетъ свое полевое хозяйство въ большинствѣ случаевъ на тѣхъ же самыхъ основахъ, какъ и окружающіе ихъ крестьяне (трехполье, черезполосица).

Изъ многообразныхъ повседневныхъ столкновеній населенія такихъ поселковъ съ коренными жителями волости возникаетъ цѣлая сѣть общественныхъ отношеній, регулированіе которыхъ возможно только при дѣятельномъ участіи волостного правленія и суда.

А между тѣмъ, населеніе такихъ поселковъ либо совершенно не участвуетъ въ содержаніи волостныхъ учрежденій, либо несетъ свою долю въ волостныхъ расходахъ,—когда поселки приписаны къ волости,—наравнѣ съ безземельными крестьянами волости.

Ненормальность такого положенія вещей уже обращала на себя вниманіе нѣкоторыхъ земствъ. Такъ, въ ямбургскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, с.-петербургской губерніи, въ сессію 1892 г., гласные отъ крестьянъ заявили, что увеличивающаяся изъ года въ годъ численность пришлаго населенія въ уѣздѣ вынуждаетъ мѣстныя волостныя общества увеличивать мірскіе расходы, такъ какъ половина дѣлъ и переписки въ волостныхъ правленіяхъ и судахъ производится по дѣламъ пришлаго населенія. По обсужденіи этого заявленія, уѣздное собраніе постановило ходатайствовать, чтобы пришлое населеніе, имѣющее осѣдлость въ уѣздѣ, было привлечено къ участію въ мірскихъ расходахъ сельскихъ и волостныхъ обществъ. Затѣмъ вопросъ этотъ обсуждался и въ прочихъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ с.-петербургской губерніи и нѣсколько разъ доходилъ до губернскаго земскаго собранія, въ послѣдній разъ—въ 1897 году, когда собранію губернской управою былъ представленъ обстоятельный докладъ „о привлеченіи пришлаго населенія къ отбыванію мірскихъ повинностей и о пересмотрѣ, въ связи съ этимъ, законоположеній сельскаго и волостного устройства и самоуправленія“.

Правда, по различнымъ причинамъ, отъ земства не зависѣвшимъ, вопросъ этотъ дальше губернскаго собранія въ с.-петербургской губерніи не пошелъ. Но изъ собранныхъ въ упомянутомъ докладѣ матеріаловъ видно, какое жизненное значеніе для коренного населенія

нѣкоторыхъ уѣздовъ этой губерніи имѣетъ удовлетворительное разрѣшеніе назрѣвшаго вопроса о равномѣрномъ распредѣленіи волостныхъ сборовъ между всѣми категоріями мѣстнаго осѣдлаго населенія.

Въ самое послѣднее время аналогичную земскую попытку къ разрѣшенію этого вопроса мы видимъ въ одной изъ южныхъ губерній.

Херсонская уѣздная земская управа уже два года останавливаетъ вниманіе своего собранія на обременительности волостныхъ сборовъ для надѣльнаго населенія, которое одно только и отбываетъ ихъ, несмотря на общегосударственную и общесословную службу волостныхъ учрежденій. Совмѣстно съ управой, надъ этимъ вопросомъ за послѣдній годъ работала особая коммиссія. Результаты этой работы, судя по газетнымъ сообщеніямъ, могутъ быть выражены въ нижеслѣдующихъ предположеніяхъ земства.

Пока нѣтъ болѣе мелкихъ, чѣмъ уѣздное земство, самоуправляющихся безсословныхъ единицъ, которыя могли бы сами удовлетворять мѣстныя нужды своего района,—на земствѣ лежитъ обязанность принять участіе въ расходахъ волостныхъ правленій, чтобы тѣмъ самымъ оплатить ту работу, которую они несутъ по порученію уѣздной и губернской земской управъ. На ряду съ этимъ, херсонское уѣздное земство считаетъ необходимымъ возбудить ходатайство, съ одной стороны, объ отнесеніи части волостныхъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственный характеръ, на счетъ государственнаго казначейства, а съ другой—„о привлеченіи къ обложенію на волостныя надобности недвижимыхъ имуществъ въ районѣ волости, принадлежащихъ на правѣ собственности непричисленнымъ къ данной волости крестьянамъ и поселянамъ, съ предоставленіемъ этимъ лицамъ права выборовъ на волостные сходы“ [1]).

Оказывается, что и сѣверное, и южное, земства въ вопросѣ о болѣе правильномъ распредѣленіи волостныхъ сборовъ пришли къ однороднымъ заключеніямъ, свидѣтельствующимъ о неудовлетворительности существующаго порядка содержанія волостныхъ учрежденій.

Въ ярославской губерніи ни одно изъ уѣздныхъ, ни губернское земство, еще не касались этого вопроса. Между тѣмъ, пришлое населеніе составляетъ и здѣсь довольно значительный процентъ среди постоянно живущаго: крестьянскіе и мѣщанскіе поселки встрѣчаются во всѣхъ уѣздахъ ярославской губерніи и въ большей части волостей.

По приблизительному подсчету, въ 100 волостяхъ ярославской губерніи (изъ 166-ти) насчитывается не менѣе 400 поселковъ, не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ. Первыя мѣста въ ряду уѣздовъ

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1902 г., № 152.

по числу поселковъ занимаютъ: романово-борисоглѣбскій (105 поселковъ), рыбинскій (85) и пошехонскій (80) уѣзды, а послѣднія принадлежатъ даниловскому (11) и ростовскому (11) уѣздамъ.

Большинство поселковъ, особенно въ уѣздахъ: романово-борисоглѣбскомъ, рыбинскомъ, пошехонскомъ и любимскомъ, образованы переселенцами изъ сосѣднихъ губерній, преимущественно изъ тверской. Поселки первыхъ двухъ уѣздовъ населены почти исключительно тверяками, извѣстными здѣсь подъ общимъ названіемъ „кореляковъ“ [1]).

Въ пошехонскомъ и любимскомъ уѣздахъ преобладаютъ вологжане, встрѣчаются новгородцы и эсты.

Происхожденіе остальной части поселковъ чисто мѣстное. Они образовались изъ жителей мѣстнаго края, выселившихся на купленные участки земли. Нерѣдко ихъ происхожденіе объясняется просто переходомъ крестьянъ въ мѣщане. Въ волостяхъ съ развитымъ отходомъ извѣстная часть населенія, тяготясь общественными повинностями, выписывалась въ мѣщане, и такимъ образомъ выходила изъ состава крестьянскихъ сельскихъ обществъ.

Вообще, невходящіе въ составъ сельскихъ обществъ крестьянскіе и мѣщанскіе поселки получили довольно широкое распространеніе въ ярославской губерніи. И здѣсь, несомнѣнно, мысль населенія давно уже работаетъ въ направленіи наиболѣе справедливаго распредѣленія волостныхъ расходовъ между плательщиками, какъ о томъ свидѣтельствуютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи и упоминавшіеся выше матеріалы, доставленные въ статистическое бюро мѣстными жителями.

Мысль о привлеченіи поселковъ къ обложенію на волостныя нужды чаще всего возникала и получала практическое осуществленіе въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ они чаще всего встрѣчаются: романовскомъ, пошехонскомъ, любимскомъ и рыбинскомъ, а также моложскомъ и угличскомъ. А вообще въ губерніи въ настоящее время насчитывается 17 волостей, въ которыхъ населеніе невходящихъ въ составъ сельскихъ обществъ поселковъ облагается въ той или другой формѣ волостными сборами.

Оказывается, что въ большинствѣ случаевъ облагаются поселки посторонняго населенія, приписаннаго къ волости. Дѣло въ томъ, что обложеніе этой категоріи населенія волости не встрѣчаетъ препятствій въ нынѣ дѣйствующихъ законоположеніяхъ о крестьянахъ. Другое дѣло—населеніе, не приписанное къ волостямъ. Обложеніе его въ настоящее время возможно только въ томъ случаѣ, когда оно само не протестуетъ противъ этого обложенія. Но стòитъ только такимъ поселкамъ не согласиться съ приговоромъ волости и „дойти до земскаго“, какъ приговоръ сейчасъ же отмѣняется.

---

[1]) Большинство переселенцевъ—крестьяне бѣжецкаго уѣзда, корельскаго его края.

Въ ярославской губерніи попытки къ обложенію поселковъ мѣщанъ и крестьянъ, не приписанныхъ къ волости, дѣлались неоднократно, но далеко не всегда успѣшно. Кромѣ тѣхъ 17 волостей, гдѣ обложеніе поселковъ уже совершившійся фактъ, въ 29 волостяхъ губерніи попытки къ обложенію поселковъ окончились неудачей. Особенно оживленная борьба между волостями и поселками ведется въ уѣздахъ: романовскомъ, рыбинскомъ, пошехонскомъ и любимскомъ, т.-е. какъ разъ въ тѣхъ уѣздахъ, которые отличаются наибольшимъ количествомъ поселковъ.

Въ шаготской волости, романовскаго уѣзда, неоднократно дѣлались попытки къ обложенію переселенцевъ-тверяковъ на волостныя нужды, „но каждый разъ поселки уклонялись, доходя до земскаго начальника со своими прошеніями",—какъ сообщаетъ корреспондентъ.

Въ томъ же уѣздѣ понгиловская волость съ 1901 года постановила „облагать, наравнѣ съ надѣльными землями, купленныя при посредствѣ крестьянскаго банка земли поселковъ, но собственники этихъ земель (тверяки) запротестовали. Хотя уѣздный съѣздъ приговоръ волости утвердилъ, но тверяки подали жалобу въ губернское присутствіе".

Въ романовскомъ уѣздѣ дѣлались попытки привлечь къ обложенію землю поселковъ еще въ четырехъ волостяхъ и тоже окончились неудачей—были опротестованы властями". Нужно замѣтить при этомъ, что одна изъ этихъ волостей думаетъ возобновить свою попытку примѣнительно ко 2-му примѣчанію 42-й ст. общаго положенія о крестьянахъ [1]).

Особенно интересная попытка была сдѣлана въ рыбинскомъ уѣздѣ: ивановскій волостной сходъ здѣсь „составилъ приговоръ, чтобы обложить всѣхъ проживающихъ въ волости частныхъ землевладѣльцевъ". „Но уѣздный съѣздъ,—прибавляетъ нашъ мѣстный корреспондентъ,—въ этомъ отказалъ".

Въ пошехонскомъ уѣздѣ, въ двухъ волостяхъ, „поселки одно время (года три) облагались волостными и сельскими сборами, но по жалобѣ нѣкоторыхъ—сборы отмѣнены". „Коренное населеніе недовольно",—по словамъ корреспондента. Въ волостяхъ пошехонской и соколовской, того же уѣзда, были тоже попытки къ привлеченію поселковъ къ сборамъ на нужды волости, но „начальство считаетъ это незаконнымъ", и обложеніе ихъ не осуществилось.

---

[1]) Въ этомъ примѣчаніи говорится слѣдующее: „Въ составъ мѣстныхъ волостей включаются устроенныя крестьянскими поземельными товариществами, пріобрѣвшими земли съ содѣйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка, новыя селенія до образованія изъ членовъ переселенческихъ товариществъ новыхъ сельскихъ обществъ или приписки ихъ къ существующимъ селькимъ обществамъ".

Въ любимскомъ уѣздѣ въ четырехъ волостяхъ поднимался вопросъ объ обложеніи поселковъ. „Неоднократно дѣлались попытки привлечь переселенцевъ, а равно и мѣщанъ, живущихъ на собственной землѣ, къ отбыванію волостныхъ и сельскихъ сборовъ, но удовлетворенія не было, по неимѣнію на то закона", — пишетъ одинъ изъ волостныхъ старшинъ.

Мысль о распространеніи волостныхъ сборовъ на населеніе поселковъ, несмотря на внѣшнія препятствія къ ея осуществленію, не замираетъ среди крестьянскаго населенія губерніи, а наоборотъ, все больше и больше распространяется. Кромѣ перечисленныхъ уже волостей, въ нашихъ матеріалахъ имѣются указанія, что подобная мысль возникала и еще въ 13 волостяхъ губерніи, но очевидно еще недостаточно назрѣла, и до оффиціальнаго обсужденія на сходахъ въ этихъ волостяхъ дѣло не доходило.

Насколько вообще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наболѣлъ вопросъ о привлеченіи посторонняго населенія къ участію въ волостныхъ расходахъ, можно судить по нѣкоторымъ замѣткамъ нашихъ корреспондентовъ.

„Намъ хотѣлось бы знать, — пишутъ изъ спасской волости, мышкинскаго уѣзда, гдѣ попытка привлечь поселки къ волостнымъ расходамъ окончилась неудачей, — почему они живутъ безданно-безпошлинно въ районѣ нашей волости, пользуясь нашими услугами. Иногда даже возникаютъ жалобы на волостной судъ, и мы не знаемъ, куда обратиться".

Крестьяне якимовской волости, угличскаго уѣзда, „сколько разъ хотѣли обложить тверяковъ, но мѣстное начальство не допускало, за неимѣніемъ закона. Но очень жаль: волостной старшина и волостной судъ обременены ихъ дѣлами; ими возбуждается больше дѣлъ, чѣмъ кореннымъ населеніемъ; они же тянутъ коренное населеніе къ суду за потравы, самовольный проѣздъ и пр.; они смотрятъ на насъ свысока, какъ на своихъ работниковъ".

„Мысль возникала не разъ, — пишетъ корреспондентъ изъ панфиловской волости, рыбинскаго уѣзда: — населеніе поселковъ пользуется различными услугами волостного и сельскаго управленія по различнымъ случаямъ, а потому мѣстному населенію весьма было бы желательно привлечь населеніе поселковъ къ отбыванію сборовъ по содержанію сельскаго и волостного управленія".

Поселки „живутъ на счетъ коренного населенія, пользуясь безвозмездно волостнымъ и сельскимъ управленіемъ, волостнымъ судомъ, полицейскими, десятскими, сотскими и пр. Напримѣръ, они часто требуютъ волостной судъ; за каждый выѣздъ суда волость платитъ пять рублей; за все расплачивается одна надѣльная земля" (черностанская

волость, любимскаго уѣзда). Населеніе поселковъ „судится въ волостномъ судѣ очень часто, и всѣ бумаги, какъ-то: паспорта и всякая переписка, которой по ихъ дѣламъ очень много, идутъ черезъ волостное правленіе“ (максимовская волость, романово-борисоглѣбскаго уѣзда).

Коренные жители, дѣйствительно, недовольны тѣмъ, что жители поселковъ не несутъ ни натуральныхъ, ни денежныхъ повинностей. Въ послѣднее время мѣщанъ обязали имѣть хлѣбозапасные магазины или продовольственные капиталы,—вся отчетность опять возложена на волостное правленіе (софроновская волость, пошехонскаго уѣзда).

Коль скоро въ населеніи созрѣла мысль о привлеченіи къ обложенію на волостныя нужды поселковъ, дальнѣйшей стадіей ея развитія является распространеніе волостныхъ сборовъ на купчія земли вообще, а въ частности и на земли, пріобрѣтенныя въ личную собственность кореннымъ населеніемъ.

Это и понятно. Самый фактъ владѣнія внѣнадѣльными землями ставитъ собственника ихъ въ необходимость прибѣгать къ услугамъ волостныхъ учрежденій: совершается ли договоръ о сдачѣ купчей земли въ аренду,—его нужно свидѣтельствовать въ волостномъ правленіи; случится ли потрава посѣвовъ и луговъ или порубка въ лѣсу купчаго участка,—дѣло доходитъ до волостного суда; даже полученіе окладного листа на купчую землю тоже не обходится безъ посредства волостного правленія. При такихъ условіяхъ совершенно естественнымъ является привлеченіе къ платежу волостныхъ сборовъ наряду съ землями пришлаго населенія и купчихъ земель коренного населенія.

Въ настоящее время въ ярославской губерніи обложеніе купчихъ крестьянскихъ земемь на волостныя нужды практикуется въ семнадцати волостяхъ семи уѣздовъ.

Въ пречистинской (любимскаго уѣзда) и ериловской (пошехонскаго уѣзда) волостяхъ купчія земли обложены только у безнадѣльныхъ крестьянъ. Въ послѣдней волости такой порядокъ вызываетъ недовольство среди населенія поселковъ, расположенныхъ на купчей землѣ, такъ какъ этимъ поселкамъ приходится платить за всю землю, находящуюся въ ихъ владѣніи, а коренному надѣльному населенію— только за землю надѣльную.

Въ андреевской волости (романовскаго уѣзда) купчія земли коренного населенія, облагаемыя волостнымъ сборомъ съ 1899 г., раздѣлены, въ цѣляхъ болѣе равномѣрнаго обложенія, на два разряда: къ первому отнесены болѣе удобныя, а ко второму—такъ-называемыя

„приболотистыя земли“; обложеніе земель перваго разряда вдвое выше второго (10 и 5 коп. съ десятины). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ— кѣмъ, когда и какъ произведенъ этотъ своеобразный мѣстный поземельный кадастръ. Но уже самый фактъ этотъ свидѣтельствуетъ, что мысль о поземельномъ кадастрѣ проникаетъ въ область мірского волостного обложенія, и что кадастру, повидимому, предстоитъ серьезная роль въ дѣлѣ упорядоченія этого обложенія.

Обложеніе купчихъ земель на волостныя нужды—дѣло вообще въ ярославской губерніи сравнительно новое, только-что начинающееся. Въ романовскомъ, рыбинскомъ и пошехонскомъ уѣздахъ обложеніе это практикуется лѣтъ 8—10; въ моложскомъ оно возникло годъ тому назадъ, а въ двухъ волостяхъ ростовскаго (гарской и карашской) установлено только съ текущаго года.

Правда, нужно отмѣтить при этомъ, что попытки привлечь къ волостному обложенію купчія земли дѣлались еще въ рядѣ волостей (четырнадцати), но окончились, по разнымъ причинамъ, неудачей. Напр., въ черностанской волости (любимскаго уѣзда), „по приговору волостного схода 1901 года,—какъ сообщаетъ мѣстный волостной старшина,—были обложены купчія земли крестьянъ и мѣщанъ (по 1 р. 20 коп. съ каждаго двора); но сбора этого не платятъ“.

Въ муравьевской волости (мышкинскаго уѣзда), „годъ тому назадъ, купчія земли были обложены, на волостныя нужды, по 12 коп. съ десятины, но потомъ этотъ сборъ отмѣнили“. Очевидно, на волостномъ сходѣ взяли перевѣсъ интересы „своеземцевъ“. То же случилось и въ курякинской волости (романовскаго уѣзда), гдѣ купчія земли облагались волостными сборами въ теченіе четырехъ лѣтъ, вплоть до 1900 года, когда вопросъ обсуждался снова и былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ спасской волости (мышкинскаго уѣзда) хотя купчія земли и облагаются уже два года, но сборы (волостные) поступаютъ съ нихъ неаккуратно; причиною тому служитъ трудность установить территоріальныя границы волости: „многіе собственники по плану не принадлежатъ къ нашей волости, а потому сборовъ не платятъ“,—пишетъ корреспондентъ статистическаго бюро.

Въ трехъ волостяхъ пошехонскаго уѣзда (пошехонской, соколовской и щетинской) вопросъ о мірскомъ обложеніи купчихъ земель обсуждался на волостныхъ сходахъ, но „собственники пересилили“—и вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно.

Такая же точно участь постигла подобную попытку въ двухъ волостяхъ ростовскаго уѣзда (воржской и щениковской) и двухъ—рыбинскаго уѣзда (ивановской и троицкой).

Неудачи съ привлеченіемъ къ мірскому обложенію купчихъ земель

имѣютъ все-таки временный характеръ. Въ существующихъ законоположеніяхъ нѣтъ препятствій къ такому обложенію; и если, тѣмъ не менѣе, во многихъ волостяхъ дѣло оканчивалось неудачей, такъ это зависѣло отъ случайнаго состава волостныхъ сходовъ и отъ энергичнаго протеста „своеземцевъ", людей наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ въ волости. Съ ослабленіемъ этого вліянія и вообще съ развитіемъ болѣе сознательнаго и внимательнаго отношенія сельскаго населенія къ своему самоуправленію возникшее въ населеніи стремленіе къ большей уравнительности волостныхъ сборовъ получитъ и болѣе широкое практическое примѣненіе.

Привлеченіе къ мірскому обложенію купчихъ земель вызываетъ въ практикѣ этого обложенія еще новый вопросъ,—вопросъ объ основаніяхъ раскладки мірскихъ сборовъ между плательщиками.

Въ началѣ своей дѣятельности и сельское, и волостное общества знали одну раскладочную единицу—мужскую ревизскую душу или—что почти одно и то же—душевой земельный надѣлъ. Но затѣмъ, какъ мы выше видѣли, съ развитіемъ и усложненіемъ мѣстной общественной жизни это основаніе раскладки мірскихъ сборовъ постепенно теряло свое жизненное значеніе и не могло удовлетворять требованіямъ элементарной справедливости и равномѣрности обложенія: явилась необходимость привлечь къ обложенію пришлое крестьянское населеніе и вообще крестьянъ и мѣщанъ, поселившихся на купчихъ земляхъ. Далѣе, отъ обложенія купчихъ земель постороннихъ крестьянъ и мѣщанъ къ обложенію купчихъ земель коренного населенія оставался только одинъ шагъ. Но тутъ сейчасъ же возникалъ практическій вопросъ: на какихъ же основаніяхъ ввести обложеніе купчихъ земель вообще, какую же ввести для нихъ раскладочную единицу? Практика земскаго и государственнаго обложенія подсказывала, что такимъ основаніемъ должно быть подесятинное обложеніе.

Вводя подесятинное обложеніе на волостныя нужды купчихъ земель, волость неизбѣжно должна была поставить на очередь вопросъ и о переходѣ отъ душевой раскладки сборовъ съ надѣльной земли къ подесятинной.

Кромѣ названныхъ соображеній, вопросъ о переходѣ съ подушнаго обложенія на мірскія нужды надѣльныхъ земель къ подесятинному нерѣдко вызывается также большимъ неравенствомъ земельныхъ надѣловъ: въ предѣлахъ одной и той же волости очень часто встрѣчаются общины, получившія въ надѣлъ, съ одной стороны, менѣе двухъ десятинъ на душу, а съ другой — болѣе пяти или шести десятинъ. Несправедливость одинаковаго обложенія столь различныхъ по вели-

чинѣ земельныхъ надѣловъ, понятно, не ускользаетъ отъ вниманія мѣстнаго населенія. Въ ярославской губерніи въ настоящее время насчитывается уже 16 волостей, въ которыхъ подушная раскладка волостныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель замѣнена подесятинной раскладкой.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей новая система раскладки волостныхъ сборовъ, не вызывая никакихъ недоразумѣній и затрудненій, дѣйствуетъ уже сравнительно давно, лѣтъ около 10—15, въ другихъ—лѣтъ 7—8. Въ самое послѣднее время новый окладной порядокъ волостного обложенія введенъ въ двухъ волостяхъ—марьинской (съ 1901 г.) и гарской (съ 1902 г.).

Кромѣ 16 волостей, вопросъ о переходѣ съ подушнаго къ подесятинному обложенію надѣльныхъ земель поднимался еще въ 12 волостяхъ десяти уѣздовъ ярославской губерніи, но, очевидно, онъ здѣсь еще недостаточно назрѣлъ и разрѣшенъ пока отрицательно.

„Кому не выгодно,—сообщаютъ, напр., изъ воржской волости, ростовскаго уѣзда,—тѣ отклонили, а большинство—не поняли".

Приведенныя выше фактическія данныя изъ податной практики крестьянскаго самоуправленія даютъ намъ основаніе заключить, что, несмотря на современныя неблагопріятныя для него условія, крестьянское самоуправленіе далеко не можетъ считаться мертвой организаціей, неспособной къ дальнѣйшему развитію; наоборотъ, въ области самообложенія оно показало себя настолько жизнедѣятельнымъ общественнымъ союзомъ, что съумѣло отрѣшиться отъ архаической подушной раскладки мірскихъ сборовъ съ надѣльной земли, перейти къ раскладкѣ подесятинной, и, на ряду съ этимъ, привлекло къ обложенію на мѣстныя общественныя нужды купчія земли какъ коренного, такъ и пришлаго (посторонняго) крестьянскаго и мѣщанскаго населенія.

Правда, всѣ эти прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ самоуправленіи замѣчаются еще пока въ немногихъ мѣстностяхъ и не всегда оканчиваются успѣхомъ. Но въ данномъ случаѣ практическій успѣхъ или неуспѣхъ новыхъ теченій имѣетъ второстепенное значеніе; гораздо важнѣе—основныя тенденціи совершающейся въ крестьянскомъ самоуправленіи эволюціи.

Тенденціи же эти совершенно опредѣленно складываются въ направленіи къ расширенію и преобразованію крестьянской волости въ общественный союзъ *всесословный*.

Характерно въ этомъ отношеніи постановленіе ивановскаго волостного схода (рыбинскаго уѣзда), рѣшившаго распространить волостное обложеніе на всѣ частновладѣльческія земли волости.

Конечно, приговоръ этотъ не былъ практически осуществленъ. Мы не знаемъ также, во сколькихъ волостяхъ тотъ же вопросъ поднимался, но не доходилъ до оффиціальнаго обсужденія на сходахъ, въ виду полной безнадежности положительнаго его разрѣшенія. Тѣмъ не менѣе, уже самое возникновеніе и постановка вопроса о всесословномъ волостномъ обложеніи въ сельскомъ населеніи очень знаменательны.

При такихъ условіяхъ созданіе болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской единицы встрѣтило бы въ современныхъ крестьянскихъ волостяхъ уже до нѣкоторой степени подготовленную почву и явилось бы естественнымъ развитіемъ и завершеніемъ начавшагося движенія по упорядоченію мѣстнаго обложенія, придавъ этому движенію болѣе правильныя и нормальныя формы.

Не нужно, при этомъ, забывать еще и того обстоятельства, что упорядоченіе мѣстнаго обложенія, съ созданіемъ мелкихъ земскихъ органовъ, шло бы въ двухъ направленіяхъ: развиваясь вширь, т.-е. распространяясь на владѣльцевъ всѣхъ сословій, мѣстное обложеніе стало бы развиваться, такъ сказать, еще и вглубь, захватывая на ряду съ земельными и различные виды не-земельныхъ недвижимыхъ имуществъ.

Между прочимъ, изъ практики андреевской волости (романово-борисоглѣбскаго уѣзда) мы видимъ, что переходъ отъ подушнаго къ подесятинному обложенію привелъ общественную мысль къ сознанію необходимости поземельнаго кадастра, который бы далъ возможность сообразовать обложеніе земель съ ихъ доходностью.

Дальнѣйшимъ послѣдовательнымъ развитіемъ этой мысли нужно считать распространеніе мѣстнаго обложенія на не-земельныя недвижимыя имущества, приносящія ихъ владѣльцамъ доходъ, какъ-то: фабрики, заводы, мелкія промышленныя и торговыя заведенія.

Но крестьянскому самоуправленію, если оно будетъ находиться въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ сейчасъ находится, едва ли подъ силу справиться съ этой задачей, хотя она, безъ сомнѣнія, рано или поздно и будетъ поставлена во всей своей широтѣ на очередь самой жизнью. И только созданіе мелкой земской единицы наиболѣе цѣлесообразно разрѣшило бы этотъ серьезный вопросъ мѣстной общественной жизни.

Кл. Я. Воробьевъ.

Ярославль.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1902.

Новое Главное Управленіе.—Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 года.—Общіе результаты продовольственной кампаніи.—Тенденціозныя газетныя нападенія на земство.—Частная благотворительность.—Дальнѣйшее направленіе продовольственнаго дѣла.—Положеніе вопроса о мелкой земской единицѣ.—Новыя свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ.—Пересмотръ земскаго избирательнаго ценза.—Postscriptum.

7-го ноября состоялся слѣдующій Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

„Въ постоянномъ попеченіи объ упорядоченіи правительственнаго завѣдыванія торговымъ мореплаваніемъ и портами, Нами учреждены были при Министерствѣ Финансовъ совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія, отдѣлъ торговаго мореплаванія и комитетъ по портовымъ дѣламъ.

„Признавая нынѣ за благо дѣла торговаго мореплаванія и портовъ сосредоточить въ самостоятельномъ учрежденіи въ ряду государственныхъ установленій, повелѣваемъ:

„1) Совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія, комитетъ по портовымъ дѣламъ и отдѣлъ торговаго мореплаванія, со всѣми подвѣдомственными имъ учрежденіями, а равно управленіе строительныхъ и ремонтныхъ, для торговыхъ судовъ, заведеній выдѣлить изъ состава Министерства Финансовъ и предоставить вѣдѣнію особаго Главнаго Управленія торговаго мореплаванія и портовъ, подчинивъ оное главноуправляющему, облеченному правами, въ статьѣ 159 учр. Мин. (Св. Зак. т. I, изд. 1892 г.) указанными.

„2) Присвоить главноуправляющему права и обязанности, принадлежащія нынѣ: по части торговаго мореплаванія и портовъ—министрв Финансовъ, а по части технической въ портахъ — министру Путей Сообщенія.

„и 3) Главноуправляющему озаботиться внесеніемъ въ установлен-

номъ порядкѣ на Наше утвержденіе проекта учрежденія и штата подвѣдомственнаго ему Главнаго Управленія, а также предположеній о тѣхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ законахъ о торговомъ мореплаваніи и портахъ, которыя вызываются новымъ порядкомъ управленія оными".

Того же 7 ноября предсѣдателю совѣта по дѣламъ торговаго мореплаванія, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михаиловичу, Всемилостивѣйше повелѣно быть Главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами.

Когда, въ предъидущемъ нашемъ обозрѣніи, мы коснулись вопроса о временныхъ правилахъ, регулирующихъ народное продовольствіе, намъ не былъ еще извѣстенъ всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 года. Въ этомъ докладѣ одинаково важны и фактическія свѣдѣнія о продовольственной кампаніи—первой, веденной при дѣйствіи новаго порядка,—и предположенія относительно продовольственнаго устава, который долженъ замѣнить собою временныя правила. Мы узнаемъ, прежде всего, что „своевременное опредѣленіе размѣровъ продовольственныхъ потребностей, на основаніи приблизительнаго ихъ подсчета, представило немало затрудненій, такъ какъ для выясненія продовольственныхъ нуждъ цѣлыхъ уѣздовъ и губерній недостаточно подсчета урожаевъ на однѣхъ крестьянскихъ земляхъ и сопоставленія собранныхъ свѣдѣній съ нормой крестьянскаго потребленія и наличностью общественныхъ запасовъ, а требуется еще соображеніе этихъ данныхъ со всѣми условіями экономической жизни края, вліяющими на обезпеченіе народнаго продовольствія". Что система „приблизительнаго подсчета", введенная бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (циркуляромъ 17 августа 1901-го года), должна была оказаться недостаточною и нецѣлесообразною—на это мы указали вслѣдъ за ея установленіемъ [1]. „Какъ бы удачно"—говорили мы тогда—„ни были придуманы основанія для приблизительнаго исчисленія ссуды, замѣнить собою разсчетъ, сдѣланный на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ, оно не можетъ; средній сборъ съ десятины—величина обманчивая, средняя семья—понятіе сплошь и рядомъ не соотвѣтствующее дѣйствительности". Неудивительно, затѣмъ, что „точность подсчетовъ не явилась общимъ правиломъ": въ губерніяхъ воронежской, екатеринославской, таврической, тамбовской и харьковской „заблаговременно опредѣлить точно размѣръ продовольственныхъ ссудъ не удалось", и

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1901 г., стр. 763.

еще болѣе „неустойчивыми всѣ предварительныя исчисленія размѣровъ продовольственной помощи оказались въ губерніяхъ пермской, томской, тобольской и области акмолинской". Въ европейской Россіи предварительные разсчеты—тамъ, гдѣ они не подтвердились на самомъ дѣлѣ,—грѣшили въ сторону щедрости; въ Сибири, наоборотъ, они были черезчуръ низки. Въ томской губерніи, напримѣръ, потребовалось количество хлѣба въ полтора раза бо̀льшее противъ опредѣленнаго сначала. Отсюда ясно, что новый способъ вычисленія размѣровъ помощи не служитъ ручательствомъ противъ крупныхъ ошибокъ—даже противъ ошибокъ того рода, въ которыхъ всего чаще и всего сильнѣе упрекали земство: ошибокъ въ смыслѣ преувеличенія нужды. Вслѣдствіе несвоевременнаго выясненія потребностей населенія, доставка хлѣба (не только въ сибирскія губерніи, гдѣ размѣръ нужды былъ сначала опредѣленъ слишкомъ низко, но и въ пермскую, гдѣ была допущена ошибка противоположнаго свойства) „настолько замедлилась, что лишь вслѣдствіе необычно поздняго наступленія весны удалось снабдить сѣменами нуждающіяся мѣстности до окончанія времени посѣва". При нормальной погодѣ обширное пространство яровыхъ полей осталось бы, слѣдовательно, незасѣяннымъ. Изъ приложеній къ докладу, вмѣстѣ съ нимъ напечатанныхъ во всеобщее свѣдѣніе, видно, что не обошлось и безъ случаевъ несвоевременнаго полученія сѣмянъ. Въ четырехъ уѣздахъ томской губерніи, по мнѣнію губернатора, недосѣвъ яровыхъ хлѣбовъ составляетъ около 30%; но по удостовѣренію уполномоченнаго министерства внутреннихъ дѣлъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ кузнецкаго уѣзда онъ доходитъ до 70%. Мѣстная администрація удостовѣряла, что къ первой половинѣ марта на станцію Обь можетъ быть доставлено $1\frac{1}{2}$ милліона пудовъ сѣменной пшеницы — а на самомъ дѣлѣ къ этому времени оказалось возможнымъ доставить лишь съ небольшимъ 250 тысячъ пудовъ. Въ той же губерніи часть доставленнаго агентами министерства финансовъ зерна была забракована крестьянскими учрежденіями; приняты были, за невозможностью ихъ замѣны или переочистки, нѣкоторыя партіи сѣмянъ, засоренность которыхъ опредѣлялась до 10%. Выборъ сѣмянъ ячменя, доставленнаго въ старобѣльскій уѣздъ (харьковской губ.), въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказался неудачнымъ; потребовалась дополнительная очистка зерна на мѣстѣ... Не было, такимъ образомъ, ни одного фазиса продовольственной кампаніи, вполнѣ свободнаго отъ упущеній, и опытъ 1901—1902 г. едва ли говоритъ безусловно въ пользу системы, установленной временными правилами.

„Во всѣхъ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ"—читаемъ мы въ всеподданнѣйшемъ докладѣ—„обезпечена была врачебная помощь заболѣвающимъ. За исключеніемъ уфимской губерніи, гдѣ въ періодъ

наибольшаго распространенія цынги, передъ весною, общее число больныхъ въ четырехъ уѣздахъ достигло 24 тысячъ, и хвалынскаго уѣзда саратовской губерніи, гдѣ заболѣванія наблюдались, хотя и не въ большомъ числѣ, въ теченіе цѣлаго года,—эпидемія цынги нигдѣ не получила широкаго распространенія и не была продолжительна"... Изъ приложенія къ докладу видно, однако, что довольно интенсивнаго развитія цынга достигла и въ акмолинской области, гдѣ, въ періодъ наибольшей ея силы, число заболѣвшихъ ею доходило до двухъ тысячъ,—и въ вятской губерніи, гдѣ, въ восьми уѣздахъ, цынга приняла эпидемическій характеръ и больныхъ было около $1^1/_2$ тысячъ; еще въ августѣ мѣсяцѣ больныхъ цынгою было здѣсь 370 человѣкъ (до августа продолжалась эпидемія цынги и въ уфимской губерніи). Въ екатеринославской губерніи эпидемическія заболѣванія брюшнымъ тифомъ, цынгою и куриною слѣпотою продолжались до наступленія лѣтняго времени. Для народнаго здоровья неурожай 1901 года прошелъ, такимъ образомъ, далеко не безслѣдно. На народномъ благосостояніи онъ, по выраженію всеподданнѣйшаго доклада, „отозвался крайне тяжко и засвидѣтельствовалъ общее пониженіе уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія".

Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ реакціонная печать съумѣла отыскать то, чего въ немъ нѣтъ и слѣда—осужденіе земской дѣятельности въ прошедшемъ и настоящемъ. Какимъ путемъ эта печать приходитъ къ такому выводу—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Изъ того, что неурожай 1901-го года коснулся 17 губерній и 2 областей, „Московскія Вѣдомости" заключаютъ, что онъ „едва ли уступалъ памятному неурожаю 1891-го года"—а такъ какъ послѣдній стоилъ государственному казначейству втрое больше, чѣмъ первый, то эта разница должна быть поставлена въ пассивъ земства, вѣдавшаго продовольственное дѣло десять лѣтъ тому назадъ, и въ активъ администраціи, вѣдающей его въ настоящее время. Это выводъ безусловно и, утверждаемъ безъ колебаній, завѣдомо невѣрный. Московская газета не можетъ не знать, что неурожай 1901-го года былъ „пестрый", поразившій, въ большинствѣ случаевъ, не сплошь цѣлыя губерніи, даже не цѣлые уѣзды, а отдѣльныя мѣстности. „Особенно неблагополучными по неурожаю", на основаніи циркуляра 17-го августа минувшаго года, было объявлено, если мы не ошибаемся, лишь около тридцати уѣздовъ. Раскроемъ приложеніе къ всеподданнѣйшему докладу—и мы увидимъ, что въ харьковской губерніи, напримѣръ, „сколько-нибудь значительной правительственной помощи" потребовали только *два* уѣзда; въ оренбургской губерніи пострадали *три* уѣзда, „но лишь въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ"; для нижегородской губерніи понадобилась лишь ссуда въ 25 тысячъ рублей; орловская

губернія вовсе не потребовала правительственной помощи. Какое же значеніе, въ виду всего этого, остается за грозной, съ перваго взгляда, цифрой *семнадцати* губерній и *двухъ* областей? Во что̀ обращается сравненіе съ 1891-мъ годомъ, когда районъ бѣдствія былъ, можетъ быть, приблизительно такой же, но интенсивность—несравненно больше?..

Не сильнѣе и другой аргументъ московской газеты, заимствуемый изъ той поддержки, которую продовольственная кампанія 1901—1902 г. нашла въ крестьянскихъ хлѣбныхъ магазинахъ. Если хлѣбные запасы оказались теперь болѣе обильными, чѣмъ въ 1891 г., то это объясняется весьма просто: въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ на пополненіи ихъ настаивали должностныя лица, облеченныя властью—властью, которою не располагали и не располагаютъ земскія учрежденія. Не отъ земства, наконецъ, зависѣло и закрытіе *центральныхъ* хлѣбныхъ магазиновъ, оплакиваемое „Московскими Вѣдомостями“. Трудно предположить, что единственной причиной этой мѣры была передача продовольственнаго дѣла въ руки земства; гораздо вѣроятнѣе, что центральные магазины были признаны въ то время не достигающими цѣли. Для того, чтобы собранный въ немногихъ магазинахъ хлѣбъ безъ труда и просрочки могъ быть доставленъ въ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ, нужно такое развитіе путей сообщенія, которымъ Россія, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, не обладала [1]).

Въ вину земства ставится, далѣе, недостаточное участіе въ тѣхъ способахъ борьбы съ послѣдствіями неурожая, которые и при дѣйствіи новыхъ правилъ не изъяты изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Если общественныя работы не получили широкаго развитія, то причину этому, по мнѣнію обвинителей, слѣдуетъ искать въ несоставленіи или несвоевременномъ составленіи земствами проектовъ, плановъ и смѣтъ, на основаніи которыхъ работы должны были производиться. Кредитъ на устройство дорожныхъ общественныхъ работъ (съ обезпеченіемъ будущими поступленіями въ дорожный капиталъ) остался въ бо̀льшей своей части незатронутымъ. Не воспользовалось большинство земствъ и предложенными имъ безпроцентными ссудами на устройство продажи хлѣба по заготовительной цѣнѣ и на заготовку корма для скота. Таковы обвиненія: посмотримъ теперь, въ какой степени они подтверждаются оффиціальными данными. Общественныя работы устраивались не только земствами, но и различными вѣдомствами, и крестьянскими учрежденіями — и тѣмъ не менѣе не съиграли видной роли въ борьбѣ съ неурожаемъ. Это прямо указываетъ на существованіе *общихъ* препятствій, не зависѣвшихъ отъ дѣятельности или

---

[1]) Центральныхъ хлѣбныхъ магазиновъ было всего семь, на громадномъ пространствѣ отъ Камы до Чернаго моря.

бездѣйствія земскихъ учрежденій. О характерѣ такихъ препятствій даетъ понятіе, отчасти, ссылка на климатическія условія, сдѣланная въ приложеніи къ всеподданнѣйшему докладу: въ уфимской губерніи „какъ лѣсныя, такъ и желѣзнодорожныя работы встрѣчали зимою большія затрудненія въ необычайномъ обиліи выпавшаго снѣга“. Снѣжною и продолжительною минувшая зима была не только въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи. Въ харьковской губерніи — читаемъ мы въ томъ же приложеніи — „земство возбудило рядъ ходатайствъ о сооруженіи, съ продовольственными цѣлями, новыхъ желѣзнодорожныхъ и шоссейныхъ линій въ предѣлахъ губерніи, которыя не могли быть удовлетворены немедленно, а ассигновать кредитъ на общественныя работы въ распоряженіе крестьянскихъ учрежденій не оказалось возможности, за позднею разработкой предположеній по этому предмету“. Отсюда ясно, съ одной стороны, что не всегда отсутствіе, въ данной губерніи, общественныхъ работъ зависѣло отъ земства, съ другой — что запаздывали съ составленіемъ плана общественныхъ работъ и крестьянскія учрежденія. Проектировать работы безусловно полезныя и вмѣстѣ съ тѣмъ осуществимыя въ данное время и при данныхъ условіяхъ — очевидно не такъ легко, какъ думаетъ московская газета. Въ оренбургской губерніи, гдѣ земства нѣтъ, изъ ассигнованной на общественныя работы не особенно большой суммы (60 тыс. руб.) образовался значительный остатокъ. Въ сибирскихъ губерніяхъ общественныя работы, повидимому, вовсе не производились (кромѣ предпринятыхъ по распоряженію комитета домовъ трудолюбія). Почему земства мало воспользовались ссудами за счетъ дорожнаго капитала—угадать нетрудно: во многихъ губерніяхъ взносы въ этотъ капиталъ поступаютъ неисправно, и отвѣтственность за ссуду могла бы пасть на общеземскія, и безъ того, въ большинствѣ случаевъ, крайне недостаточныя средства. Аналогичнымъ опасеніемъ, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада, былъ вызванъ и отказъ многихъ земствъ отъ ссудъ на устройство продажи хлѣба по заготовительной стоимости и на заготовку кормовъ для скота [1]). Стараніе избѣжать непосильной задолженности заслуживаетъ, какъ намъ кажется, не порицанія, а одобренія. Добавочнаго труда земство, очевидно, не боялось: когда средства на покупку кормовъ для скота предоставлялись нуждающимся безъ возложенія отвѣтственности на земство, послѣднее охотно становилось посредникомъ между администраціей и населеніемъ. Въ тамбовской губерніи, какъ видно изъ приложенія къ всеподданнѣйшему докладу, всю

[1]) Цѣны на хлѣбъ, въ продолженіе послѣдней продовольственной кампаніи, не поднимались особенно высоко, такъ что едва ли и была надобность въ повсемѣстной организаціи продажи хлѣба по заготовительной цѣнѣ.

распорядительную дѣятельность по этой операціи приняли на себя, по предложенію губернатора, мѣстныя уѣздныя земскія управы. То же самое, судя по всеподданнѣйшему докладу, можно сказать и о саратовской губерніи. Были, впрочемъ, случаи, когда расходы на продажу хлѣба по заготовительной цѣнѣ и на покупку кормовъ для скота производились непосредственно изъ земскихъ средствъ: вятское земство, напримѣръ, издержало на этотъ предметъ свыше 450 тысячъ рублей... Подчеркивая мнимую апатію земства, московская газета замалчиваетъ все то, что̀ свидѣтельствуетъ объ активномъ участіи земскихъ учрежденій въ смягченіи послѣдствій неурожая. „Борьба съ цынгой“—читаемъ мы въ приложеніи къ всеподданнѣйшему докладу—„*энергично* велась мѣстнымъ (вятскимъ) земствомъ *на собственныя средства* и на суммы, ассигнованныя изъ мѣстнаго губернскаго продовольственнаго капитала... Борьба съ цынгою въ уѣздахъ мензелинскомъ и белебеевскомъ (уфимской губерніи) потребовала усиленныхъ расходовъ со стороны мѣстныхъ *земствъ*... Больничекъ *земства* и Краснаго Креста въ одномъ мензелинскомъ уѣздѣ было открыто шестьдесятъ“. Да и вообще, возможна ли была бы сравнительно удачная борьба съ эпидеміями, еслибы не существовало постоянной земской медицинской организаціи?... Существенно важную услугу оказало земство еще въ одномъ отношеніи: въ всеподданнѣйшемъ докладѣ прямо признано, что задача крестьянскихъ учрежденій была облегчена въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они могли воспользоваться данными мѣстной сельско-хозяйственной статистики. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о *земской* статистикѣ. Затруднительность опредѣленія размѣровъ нужды въ Сибири докладъ объясняетъ, между прочимъ, „отсутствіемъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній“—а въ сибирскихъ губерніяхъ нѣтъ земскихъ учрежденій.

Въ большую заслугу администраціи реакціонная печать ставитъ „еще болѣе рѣшительное, чѣмъ прежде, обузданіе преувеличеній“ частной благотворительности. „Едва обозначалось гдѣ-либо бѣдствіе“—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“,—„какъ появлялись люди злонамѣренные, чтобы, пользуясь тяжелымъ положеніемъ народа, подкапываться подъ основы его государственнаго существованія. Въ послѣднюю кампанію этому вредному попустительству былъ положенъ рѣшительный предѣлъ... Правительство вполнѣ справедливо, повидимому, полагало, что въ крайнемъ случаѣ лучше даже обойтись совсѣмъ безъ частной помощи, чѣмъ подъ ея покровомъ допускать внесеніе въ населеніе политической смуты“. Читая эти строки, можно подумать, что частная благотворительность во время прежнихъ неурожаевъ была *только* прикрытіемъ агитаціи, не встрѣчавшей, притомъ, никакихъ серьезныхъ препятствій. Ничего подобнаго, конечно,

не было въ дѣйствительности. Что въ отдѣльныхъ случаяхъ за помощью голодающимъ скрывались намѣренія другого рода—это возможно, хотя никакихъ фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ такое предположеніе, во всеобщее свѣдѣніе сообщено не было; но исключенія, по всей вѣроятности рѣдкія, нельзя же возводить на степень общаго правила. Никогда частная помощь голодающимъ не достигала такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ 1891-мъ году—и тѣмъ не менѣе она пользовалась широкой свободой и въ 1892-мъ году, очевидно потому, что никакихъ серьезныхъ злоумышленій во время предъидущей продовольственной кампаніи обнаружено не было. Избыткомъ довѣрчивости и тогдашняя администрація не отличалась; о „попустительствѣ“ съ ея стороны не могло быть и рѣчи. Сначала она даже расположена была отрицать серьезность бѣдствія и необходимость усиленной борьбы съ его результатами; частному почину былъ открытъ достаточный просторъ лишь послѣ того какъ цѣлый рядъ фактовъ съ поразительною яркостью доказалъ его плодотворность и его безопасность. Система ограниченій была пущена въ ходъ только весною 1898-го года, при первыхъ приступахъ къ организаціи частной благотворительности, когда о направленіи, которое она приметъ, мыслимы были только догадки. То же самое, повидимому, можно сказать и о позднѣйшемъ обостреніи мѣръ предосторожности, затруднявшемъ для частныхъ лицъ и учрежденій *активную* помощь голодающимъ [1]). Между тѣмъ, отсутствіе такой помощи составляетъ пробѣлъ, ничѣмъ другимъ невосполнимый. Только она можетъ раскрыть всѣ нужды населенія; только она, не довольствуясь простымъ поддержаніемъ существованія голодающихъ, можетъ хоть сколько-нибудь противодѣйствовать „пониженію уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія“, всегда составляющему неизбѣжное послѣдствіе неурожая. Припомнимъ, что именно частной иниціативѣ лукояновскій уѣздъ былъ обязанъ, ранней весной 1892-го года, избавленіемъ отъ бездушной политики мѣстныхъ уѣздныхъ властей, сдѣлавшей все отъ нея зависѣвшее, чтобы въ конецъ разорить населеніе; припомнимъ, что частная иниціатива создала лучшую форму помощи голодающимъ—деревенскія столовыя, открываемыя теперь и офиціальными учрежденіями. Не даромъ же самая свѣтлая страница въ исторіи послѣднихъ голодовокъ отмѣчена именами гр. Л. Толстого и В. Г. Короленко. Дорогà, притомъ, не одна матеріальная поддержка, оказываемая частною благотворительностью: невѣсома и неизмѣрима, но тѣмъ не менѣе громадна цѣнность той связи, которую она установляетъ между раз-

---

[1]) Подъ именемъ *активной* помощи мы разумѣемъ организацію столовыхъ, пекарень, яслей, пріютовъ и т. п. въ неурожайныхъ мѣстностяхъ.

личными группами населенія. Нравственный подъемъ, которымъ ознаменовано начало девятидесятыхъ годовъ, не прошелъ безслѣдно для русскаго общества. Чѣмъ безцвѣтнѣе и тусклѣе наша будничная жизнь, тѣмъ ярче выдѣляется на ея фонѣ масса безкорыстнаго, часто самоотверженнаго труда, вызваннаго борьбою съ голодомъ и эпидеміями—и тѣмъ чувствительнѣе потеря, сопряженная съ его предупрежденіемъ или прекращеніемъ... Пропаганда, пріурочиваемая къ народному бѣдствію, возможна, притомъ, и безъ прикрытія благотворительностью; несомнѣннымъ доказательствомъ этому служатъ недавнія событія въ полтавской и харьковской губерніяхъ. Изъ требованій охраны можетъ вытекать надзоръ надъ законными формами дѣятельности, но не стѣсненіе ихъ, равносильное запрещенію.

Весьма важную часть всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ составляютъ указанія на то, въ какомъ смыслѣ долженъ вестись дальнѣйшій пересмотръ узаконеній о народномъ продовольствіи. „Необходимо"—читаемъ мы въ докладѣ—„точно выяснить и опредѣлить положеніе и обязанности земства въ области продовольственнаго дѣла. По сложности своей этотъ вопросъ требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія и соображенія съ возложенными на крестьянскія учрежденія закономъ 12-го іюня 1900-го года полномочіями, *измѣнять коихъ не предполагается*". Позволительно надѣяться, что предположеніе, выраженное въ этихъ словахъ, не имѣетъ силы окончательнаго рѣшенія. Проектъ общаго продовольственнаго устава, какъ видно изъ доклада, скоро будетъ подвергнутъ обсужденію „въ особомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣщаніи, при участіи нѣкоторыхъ губернаторовъ и лицъ, близко стоящихъ къ продовольственному дѣлу по службѣ своей въ крестьянскихъ и земскихъ учрежденіяхъ". При такомъ направленіи дѣла едва ли возможно предопредѣлять заранѣе одну изъ главныхъ его сторонъ, съуживая, такимъ образомъ, задачу и права совѣщанія. Вопросъ о томъ, кому должно быть ввѣрено веденіе продовольственнаго дѣла, подлежитъ разсмотрѣнію наравнѣ со всѣми другими уже потому, что онъ имѣетъ ближайшую связь съ нуждами сельско-хозяйственной промышленности, обсуждаемыми теперь въ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы уже знаемъ, подали голосъ за возвращеніе продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій; трудно допустить, что мнѣніе ихъ останется вовсе безъ обсужденія. Въ томъ же смыслѣ могутъ высказаться и нѣкоторые изъ земскихъ членовъ будущаго совѣщанія, въ особенности если къ „служащимъ" въ земствѣ, т.-е. къ предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ, будутъ при-

соединены и земскіе гласные. Результатъ одной продовольственной кампаніи едва ли достаточенъ для того, чтобы признать за крестьянскими учрежденіями безусловное превосходство надъ земствомъ. При крайней скудости неоффиціальныхъ сообщеній изъ неурожайныхъ мѣстностей, едва ли возможна теперь полная картина всего достигнутаго и недостигнутаго, всего сдѣланнаго и несдѣланнаго. Только по прошествіи нѣкотораго времени выяснятся окончательно послѣдствія неурожая, а слѣдовательно и степень успѣшности мѣръ, принятыхъ во время продовольственной кампаніи. Съ другой стороны, въ пользу возвращенія продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земства говоритъ одно важное соображеніе, прекрасно выставленное на видъ въ статьѣ г. В. Соколова: „По поводу предстоящихъ работъ по составленію общаго продовольственнаго устава" („С.-Петербургскія Вѣдомости", №№ 304 и 305). „Земство"—говоритъ г. Соколовъ—„уже многое сдѣлало для народа. Оно предпринимаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію хозяйственной зажиточности населенія, стремится дать ему возможность предотвращать неурожаи и вооружить его средствами для борьбы съ продовольственною нуждою. Эта творческая дѣятельность въ хозяйственной области навсегда останется за земствомъ. Неурожаи, градобитія и вообще всяческія бѣдствія, постигающія населеніе—это лишь другая сторона жизненной медали, сторона отрицательная. Мы никакъ не можемъ уяснить себѣ, почему сторона положительная, и къ тому же самая важная, ввѣряется земству, а другая, обратная, предоставляется вѣдѣнію крестьянскихъ учрежденій. Такое раздвоеніе, не оправдываемое никакими теоретическими соображеніями, въ практическомъ отношеніи неминуемо можетъ причинить вредъ. Заботясь о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, объ улучшеніи скотоводства, о распространеніи земледѣльческихъ орудій и машинъ, о травосѣяніи и т. д., земство должно имѣть увѣренность, что его труды въ этой сферѣ не пропадутъ даромъ, не будутъ уничтожены какою-нибудь несчастною случайностью. При нынѣ существующей двойственности, такой увѣренности не можетъ быть у земства... Не во-время поданная помощь, какъ нахлынувшая волна, мигомъ смоетъ все, что годами насаждало земство... Какъ нельзя медицинскую часть расчленять на двѣ совершенно самостоятельныя половины—санитарную и лечебную, распредѣливъ ихъ между двумя вѣдомствами, такъ нельзя дѣлить хозяйственную область крестьянской жизни, предоставляя заботу о ея подъемѣ земству, а заботу о продовольствіи—другимъ учрежденіямъ". Здѣсь намѣченъ какъ нельзя лучше слабѣйшій пунктъ существующаго порядка. Если, по словамъ всеподданнѣйшаго доклада, „широкое развитіе трудовой помощи недостижимо безъ живого участія земскихъ учрежденій", то не

менѣе цѣнно это живое участіе и въ другихъ видахъ продовольственной помощи, точно такъ же требующихъ близости къ населенію, знанія его нуждъ, сердечнаго отношенія къ нимъ и основательнаго знакомства со всѣми сторонами мѣстнаго хозяйства. Вполнѣ осуществимыми эти условія сдѣлаются только съ введеніемъ мелкой земской единицы; но и теперь земство удовлетворяетъ имъ въ гораздо бòльшей мѣрѣ, чѣмъ крестьянскія учрежденія.

Другіе вопросы, намѣчаемые въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, касаются включенія общественныхъ работъ въ число предписываемыхъ закономъ постоянныхъ мѣръ борьбы съ продовольственною нуждою, измѣненія порядка возмѣщенія продовольственныхъ ссудъ, установленія продовольственнаго налога и образованія центральныхъ хлѣбныхъ складовъ. Что общественныя работы, въ неурожайные годы, могутъ служить значительнымъ подспорьемъ для населенія — это безспорно; весьма важно опредѣлить точнѣе, на какія средства, по чьему распоряженію и подъ чьимъ контролемъ онѣ должны быть производимы—но едва ли возможно признать ихъ устройство безусловно обязательнымъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ—напр. при раннемъ наступленіи и позднемъ окончаніи зимы, при эпидеміяхъ, ослабляющихъ трудоспособность и не допускающихъ скопленія въ одномъ мѣстѣ многочисленныхъ пришлыхъ рабочихъ, при эпизоотіяхъ, быстро уменьшающихъ количество лошадей, — общественныя работы, въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, могутъ оказаться совершенно неосуществимыми; видѣть въ нихъ *замѣну* другихъ формъ продовольственной помощи было бы неосторожно.—Измѣненіе порядка возмѣщенія продовольственныхъ ссудъ мотивируется желаніемъ съ одной стороны устранить благотворительный характеръ помощи, получаемый въ тѣхъ случаяхъ, когда ссуда не взыскивается, съ другой—не отягощать быстрымъ взысканіемъ ослабѣвшія отъ неурожая хозяйства. Проектируется, слѣдовательно, назначеніе болѣе продолжительныхъ сроковъ для возвращенія ссудъ. На практикѣ, въ большинствѣ случаевъ, отсрочки и разсрочки и до сихъ поръ допускались весьма широко; тѣмъ не менѣе значительная часть продовольственнаго долга, не сложенная со счетовъ въ силу милостивыхъ манифестовъ, все-таки оставалась и остается неуплаченною. Крестьянскія хозяйства, пострадавшія отъ неурожая, поправляются такъ медленно, неурожаи повторяются такъ часто, общая сумма народнаго богатства такъ невелика, что ничего другого нельзя и ожидать, какіе бы ни были установлены сроки возврата ссудъ. Единственнымъ исходомъ изъ ненормальнаго положенія мы продолжаемъ считать, поэтому, систему безвозвратныхъ пособій, производимыхъ отчасти изъ страховыхъ сборовъ, отчасти изъ общегосударственныхъ средствъ [1]). Будетъ ли этотъ послѣдній рас-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ предъидущей книжкѣ нашего журнала.

ходъ обращенъ на существующіе уже источники государственныхъ доходовъ, будетъ ли созданъ, для его покрытія, спеціальный налогъ— во всякомъ случаѣ, онъ не долженъ упадать всецѣло на крестьянъ, безъ того уже несущихъ тяжелое податное бремя. Повторяемъ еще разъ, поддержаніе голодающихъ—задача государственнаго характера; въ успѣшномъ ея исполненіи заинтересовано не одно только земледѣльческое населеніе. Продовольственный налогъ, если онъ будетъ установленъ, долженъ быть налогомъ всесословнымъ. Съ точки зрѣнія удобства цѣлесообразнѣе было бы, однако, не прибѣгать къ новому налогу, который усложнилъ бы еще больше и безъ того уже сложную податную систему. — Что касается, наконецъ, до устройства центральныхъ хлѣбныхъ складовъ, то оно несомнѣнно можетъ облегчить и ускорить доставку хлѣба, въ неурожайные годы, въ мѣстности, отдаленныя отъ главныхъ желѣзнодорожныхъ линій и отъ средоточій хлѣбной торговли. Рядомъ съ такими складами могли бы существовать и сельскіе магазины, въ особенности тамъ, гдѣ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Соколовъ, они служатъ не столько для продовольствія во время голодовокъ, сколько для обсѣмененія полей въ нормальные годы.

Два мѣсяца тому назадъ мы выразили надежду, что вниманіе, съ которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ отнесся къ работамъ курскаго земства по вопросу о мелкой земской единицѣ, устранитъ препятствія, встрѣчаемыя нѣкоторыми земствами при обсужденіи этого вопроса. Эта надежда не оправдалась: образъ дѣйствій администраціи въ разныхъ губерніяхъ по прежнему остается различнымъ. Въ ярославской губерніи, напримѣръ, вопросъ о мелкой земской единицѣ свободно обсуждался въ губернскомъ экономическомъ совѣтѣ и въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ—а въ пермской губерніи постановленія уѣздныхъ собраній по этому предмету опротестованы губернаторомъ; опротестовано также аналогичное постановленіе нижегородскаго уѣзднаго земскаго собранія, и принятый собраніемъ докладъ уѣздной управы не допущенъ губернаторомъ къ печати. Что земство, высказываясь за устройство мелкой земской единицы, не выходитъ изъ предѣловъ, въ которые оно поставлено закономъ—это мы старались показать неоднократно [1]). Столь же несомнѣнна, въ нашихъ глазахъ, и *своевременность* постановки этого вопроса въ земскихъ собраніяхъ. О мелкой земской единицѣ спорятъ въ газетахъ и на съѣздахъ, говорятъ въ уѣздныхъ комитетахъ, думаютъ, повидимому, въ правительственныхъ сферахъ; какимъ же образомъ можетъ молчать о ней земство, къ ко-

---

[1]) См., напр., Внутр. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1902 г.

торому она подходитъ такъ близко, котораго касается такъ прямо?.. За отсутствіемъ юридическихъ доводовъ, реакціонная печать пускаетъ въ ходъ привычные ей намеки: она даетъ понять, что вся кампанія за мелкую единицу ведется вслѣдствіе какого-то тайнаго соглашенія, въ силу какого-то—mot d'ordre. Что ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ—лучшимъ доказательствомъ тому служитъ разнообразіе мнѣній, высказываемыхъ земскими собраніями. Въ ярославской губерніи, напримѣръ, губернскій экономическій совѣтъ примкнулъ къ сторонникамъ мелкой земской единицы, но изъ числа пяти уѣздныхъ земскихъ собраній, мнѣнія которыхъ приведены ярославскимъ корреспондентомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 311), за нее рѣшительно высказались два, столь же рѣшительно противъ нея—тоже два, а одно не пошло дальше пожеланія, чтобы продолжалось изученіе вопроса губернскимъ земствомъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, нѣтъ причины стѣснять свободу дѣйствій земства. Еще не упущено время для осуществленія ея по отношенію къ губернскимъ земскимъ собраніямъ, сессія которыхъ предстоитъ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Различные взгляды на мелкую земскую единицу—различные въ особенности относительно ея своевременности или несвоевременности—высказываются и въ уѣздныхъ комитетахъ. Въ кременчугскомъ комитетѣ, напримѣръ, вопросъ о мелкой земской единицѣ остался открытымъ, вѣроятно подъ вліяніемъ рѣчей предсѣдателя комитета, утверждавшаго [1]), что „нѣсколько лѣтъ тому назадъ *всѣ* земства стояли за введеніе мелкой земской единицы, но съ прошлаго года перешли къ противоположной точкѣ зрѣнія" (!). Ни къ какому рѣшительному заключенію не пришелъ и костромской уѣздный комитетъ. Въ малоархангельскомъ уѣздномъ комитетѣ большинство высказалось противъ всесословной волости, находя, что крупные землевладѣльцы будутъ въ ней подавлены представителями крестьянства. Къ присутствовавшему въ комитетѣ волостному старшинѣ одинъ изъ помѣщиковъ обратился съ вопросомъ, желательна ли крестьянамъ всесословная волость? Не желательна—отвѣчалъ старшина. „Больше ничего не надо"—радостно воскликнулъ вопрошавшій [2]), упуская изъ виду, что мнѣніе волостныхъ старшинъ далеко не всегда совпадаетъ съ мнѣніемъ крестьянской массы; многіе изъ нихъ прямо заинтересованы въ сохраненіи дѣйствующихъ порядковъ, при которыхъ лицу, облеченному властью, такъ легко составить себѣ удобное и привилегированное положеніе. Само собою разумѣется, однако, что между волостными старшинами есть и такіе, которые способны смотрѣть на дѣло

---

[1]) См. № 291 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".
[2]) См. № 9588 „Новаго Времени".

не съ точки зрѣнія своихъ личныхъ выгодъ. Въ рузскомъ уѣздномъ комитетѣ, напримѣръ, волостной старшина Ѳедотовъ прямо предложилъ „учредить всесословныя волости или приходы для помощи земству, такъ какъ одно земство за всѣмъ уѣздомъ слѣдить не можетъ“ [1]). Къ тому же выводу приходить, другимъ путемъ, волостной старшина Константиновъ, высказываясь за привлеченіе всѣхъ сословій къ участію въ расходахъ на содержаніе волостного управленія и къ отбыванію мірскихъ повинностей, съ превращеніемъ ихъ изъ натуральныхъ въ денежныя. За мелкую земскую единицу подали голосъ, между прочимъ, уѣздные комитеты таганрогскій, нижегородскій, воронежскій, самарскій, белебеевскій, тираспольскій, бѣльскій (смоленской губ.). Въ ея активъ слѣдуетъ внести и тѣ многочисленныя мнѣнія уѣздныхъ комитетовъ, которыя направлены къ уравненію крестьянъ съ другими сословіями. Еслибы такое уравненіе состоялось, естественнымъ послѣдствіемъ его было бы упраздненіе спеціально крестьянской волости, на мѣсто которой неизбѣжно должна была бы стать другая самоуправляющаяся единица.

Въ дѣятельности уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, судя по свѣдѣніямъ, проникающимъ въ печать, продолжаютъ преобладать теченія, отмѣченныя нами въ предъидущихъ обозрѣніяхъ. За широкое распространеніе народнаго образованія высказываются не только многіе комитеты въ внутреннихъ, земскихъ губерніяхъ—напр. белебеевскій, обоянскій, макарьевскій (нижегородской губерніи), костромской, самарскій, елецкій, воронежскій,—но и терскій областной комитетъ, составленный, повидимому, исключительно изъ лицъ должностныхъ. Выслушавъ доклады секретаря статистическаго комитета и чиновника особыхъ порученій при м—вѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, терскій комитетъ призналъ необходимымъ введеніе въ области обязательнаго всеобщаго обученія. Столь же знаменательно и то, что многіе комитеты въ не-земскихъ губерніяхъ — напр. кіевскій, липовецкій, звенигородскій, сквирскій, таращанскій, староконстантиновскій, новоградъ-волынскій [2]), луцкій, гродненскій — подали голосъ за введеніе въ западномъ краѣ земскихъ учрежденій, на общихъ съ земскими губерніями основаніяхъ. Въ гродненскомъ уѣзд-

---

[1]) Тотъ же волостной старшина доказываетъ, въ особой запискѣ, необходимость „сдѣлать для всѣхъ судъ одинъ“, съ примѣненіемъ къ крестьянамъ общихъ гражданскихъ законовъ, отмѣнить тѣлесное наказаніе и увеличить число гласныхъ отъ крестьянъ.

[2]) Въ составъ этого комитета входили три мировыхъ посредника, податной инспекторъ, помощникъ исправника, лѣсной ревизоръ, семь помѣщиковъ и два крестьянина.

номъ комитетѣ указано было на необходимость измѣненія правового положенія крестьянъ и сравненія ихъ въ гражданскихъ правахъ съ лицами другихъ сословій, а также на необходимость подъема народнаго образованія, способнаго дать народу не только одну грамоту, но и развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ, и комитетъ призналъ эти указанія „въ высокой степени важными“. Вопросъ о юридической равноправности крестьянъ съ другими сословіями поднятъ и разрѣшенъ утвердительно и въ одномъ изъ сибирскихъ комитетовъ—нижнеудинскомъ (иркутской губерніи), въ средѣ котораго было выражено мнѣніе, что въ Сибири правовое положеніе крестьянина еще хуже, чѣмъ въ европейской Россіи. Въ земскихъ губерніяхъ число комитетовъ, выдвигающихъ на первый планъ юридическую равноправность сословій и расширеніе общественной самодѣятельности, постоянно растетъ; къ названнымъ нами прежде присоединились комитеты воронежскій, костромской, рязанскій, белебеевскій, макарьевскій, елецкій, вольскій. Съ какою горячностью обсуждается эта тема—можно судить по отрывкамъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ костромскомъ уѣздномъ комитетѣ [1]). „Обладай земство расширенными правами и увеличенными средствами“ — сказалъ В. С. Соколовъ,—„мы бы помогли невѣжеству и крестьянской слабости. А теперь попробуйте-ка почитать вечеромъ въ той же школѣ мужичкамъ что-нибудь назидательное. Сейчасъ же вопросъ: а по какому праву? И пока мы будемъ тщетно искать этого права въ городѣ у начальства, мужикъ, чтобы убить время (чѣмъ же ему въ самомъ дѣлѣ заняться?), пойдетъ въ кабакъ. Да и у насъ съ вами дѣло обстоитъ не лучше въ этомъ отношеніи. Пока мы поѣдемъ въ Москву, чтобы испросить ходатайство прочитать что-нибудь по печатному, половина будущихъ слушателей пойдетъ въ клубъ и засядетъ тамъ въ карты или навѣститъ какой-нибудь кафе-шантанъ. Надо самимъ подняться, самимъ сдѣлаться культурнѣе и стараться культурнѣе сдѣлать другихъ. Необходимо самимъ подняться и поднять земство! На одномъ вагонѣ всѣхъ нашихъ нуждъ не увезешь“! Ю. А. Спаскій замѣтилъ, что „однимъ образованіемъ мучительный процессъ, переживаемый русской деревней, не облегчится; главную роль играетъ здѣсь ненормальность соціальныхъ условій, въ которыхъ тяжело жить темному мужику, а еще тяжелѣе будетъ мужику образованному. Намъ говорятъ: сдѣлайте мужика культурнѣе; и эти печальныя условія падутъ сами собою. Но вѣдь это значитъ обѣщать больному лекарство послѣ того, какъ онъ выздоровѣетъ. Говорятъ—рано давать мужику самостоятельность, онъ съ ней не справится; мы не созрѣли, мы не поднялись до возмож-

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе ихъ см. въ № 9585 „Новаго Времени“.

ности регулировать жизнь собственными своими силами! Но историческое прошлое нашей родины говоритъ иное. Вѣдь точно такія же рѣчи о неимѣніи привычки, о трудности приспособленія къ новымъ условіямъ мы слышали и при введеніи земскихъ учрежденій. А между тѣмъ результаты реформы, которой черезчуръ благоразумные люди слѣпо боялись, оказались блестящими. Населеніе, бывшее сначала подъ татарскимъ игомъ, а потомъ подъ игомъ разнообразныхъ правопорядковъ, не остановилось въ недоумѣніи передъ освободительной реформой и сразу обнаружило огромную приспособляемость. Все хорошее въ русской жизни, на чемъ можно отдохнуть, дала эпоха великихъ реформъ, дали 60-е годы! Извѣстный строй жизни всегда самъ за себя постоитъ; подготовленность здѣсь играетъ незначительную роль. И вотъ поэтому-то, я думаю, странно говорить о культурности, отнимая у населенія орудіе, которымъ оно можетъ успѣшно бороться съ невѣжествомъ. Начало просвѣщенія народа лежитъ въ устраненіи соціальныхъ золъ, подтачивающихъ современную деревню, и въ предоставленіи земству правъ и возможности взять на себя это многотрудное дѣло". А вотъ, въ видѣ контраста, отрывокъ изъ сказаннаго (въ рязанскомъ уѣздномъ комитетѣ) представителемъ противоположнаго направленія, земскимъ начальникомъ Тютчевымъ [1]). „Нашъ крестьянинъ—развитой и умный. Если онъ увидитъ, что сосѣдъ завелъ какое-нибудь усовершенствованіе, приносящее пользу, то и самъ заведетъ, если у него будутъ средства. Безъ средствъ не поможетъ никакая культурность. Чтобы улучшить сельскохозяйственную промышленность, не нужно заботиться объ особомъ поднятіи культурности; не нужно крестьянамъ быть свободными гражданами. Дайте въ рязанскомъ уѣздѣ побольше земли—и крестьяне заведутъ хорошихъ лошадей, купятъ плуги и всякія машины, поднимутъ культуру. Крестьянинъ безсиленъ потому, что имѣетъ только $2^1/_2$ десятины надѣла. Стало быть, экономическія условія важнѣе культуры". Что экономическія условія въ высокой степени важны—это безспорно; но развѣ улучшенію ихъ не способствуетъ культурность? Никто не утверждаетъ, что *все* сводится къ улучшенію правового положенія крестьянъ; но какимъ образомъ можно отрицать тѣснѣйшую связь его съ матеріальнымъ благосостояніемъ—это для насъ загадка. Непонятно и то, почему развитымъ и умнымъ людямъ, какими г. Тютчевъ признаетъ крестьянъ, „не нужно" быть свободными гражданами... Въ аккерманскомъ уѣздномъ комитетѣ выслушанъ былъ докладъ инспектора народныхъ училищъ, Д. Д. Сухорукова, о необходимости отмѣны тѣлесныхъ наказаній для крестьянскаго населенія по приговорамъ волостныхъ судовъ и усмотрѣ-

---

[1]) См. № 257 „Русскихъ Вѣдомостей".

нію административныхъ властей. Земскій начальникъ Штанге возразилъ докладчику, что возбужденіе этого вопроса не имѣетъ, для аккерманскаго уѣзда, практическаго значенія, такъ какъ съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ тѣлесныя наказанія здѣсь болѣе не примѣняются. Другое возраженіе г. Штанге, болѣе общаго характера, заключалось въ томъ, что административныя власти не имѣютъ *права* подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что послѣднее обстоятельство было очень хорошо извѣстно г. Сухорукову; но вѣдь уѣзднымъ комитетамъ не возбранено касаться фактовъ, не основанныхъ на правѣ. Что касается до практики, введенной аккерманскими земскими начальниками, то она держится на волоскѣ, пока остается въ силѣ законъ, уполномочивающій волостные суды приговаривать къ тѣлесному наказанію, а земскихъ начальниковъ—допускать исполненіе подобныхъ приговоровъ.

Среди массы серьезныхъ вопросовъ, затронутыхъ комитетами, есть и финансовые (комитеты самарскій и воронежскій высказались, напримѣръ, за введеніе подоходнаго налога; елецкій комитетъ—противъ крайностей протекціонизма; мензелинскій комитетъ указалъ на тяжесть выкупныхъ платежей), и общеземскіе (комитеты елецкій и тираспольскій представили рядъ соображеній противъ фиксаціи земскихъ смѣтъ; макарьевскій комитетъ подалъ голосъ за пересмотръ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, рузскій—за возвращеніе къ безсословному земству), и экономическіе (во многихъ комитетахъ заходила рѣчь о малоземельѣ, какъ объ одномъ изъ препятствій къ развитію народнаго благосостоянія; высказывались разнообразныя мнѣнія объ общинномъ владѣніи), и юридическіе (рузскій комитетъ обратилъ вниманіе на безправное положеніе крестьянской женщины, причемъ одинъ изъ крестьянъ выразился такъ: отъ тѣлеснаго наказанія женщина избавлена, а отъ дурака-кулака—нѣтъ). Встрѣчались предложенія, направленныя къ обостренію каръ за нарушеніе правъ собственности, за неисполненіе договоровъ—но, въ большинствѣ случаевъ, они не находили поддержки. Въ рузскомъ комитетѣ, напримѣръ, указаніе на необходимость бòльшаго обезпеченія сельскихъ хозяевъ противъ нарушенія условій найма со стороны рабочихъ вызвало возраженіе даже со стороны одного изъ земскихъ начальниковъ. „Установленіе для рабочихъ различныхъ стѣсненій“—замѣтилъ, по этому поводу, крестьянинъ Ѳедотовъ,— „это возвращеніе къ крѣпостному праву. Какъ заставить человѣка работать? У насъ есть контракты—судись. А владѣть человѣкомъ—нельзя. Если рабочій уходитъ, то самъ хозяинъ виноватъ“. Въ томъ же комитетѣ другой крестьянинъ (Моченовъ) предлагалъ „для сокращенія порубокъ налагать строгія наказанія“, да и вообще „повысить наказанія за всѣ проступки“; но въ концѣ

концовъ комитетъ единогласно призналъ, что борьба съ преступностью должна быть ведена не усиленіемъ каръ, а путемъ поднятія благосостоянія и культурности населенія. Такое же противодѣйствіе мысль объ усиленіи репрессіи вызвала и въ комитетахъ черкасскомъ (донской области) и елецкомъ; въ послѣднемъ она была заявлена крестьяниномъ, но крестьяне противъ нея и возстали. Знаменитый чернскій комитетъ остается, кажется, единственнымъ въ своемъ родѣ; по крайней мѣрѣ, намъ не случалось видѣть въ реакціонной печати похвальныхъ отзывовъ о какомъ-нибудь другомъ комитетѣ.

Какъ ни драгоцѣненъ матеріалъ, представляемый заключеніями комитетовъ, онъ могъ бы быть еще богаче, еслибы всѣ предсѣдатели комитетовъ одинаково широко воспользовались своимъ правомъ приглашенія и призвали къ участію въ комитетахъ по меньшей мѣрѣ всѣхъ уѣздныхъ гласныхъ. На самомъ дѣлѣ нѣкоторые предсѣдатели не пошли дальше состава, прямо указаннаго особымъ совѣщаніемъ, или присоединили къ нему весьма немногихъ изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно въ такихъ комитетахъ работа шла съ наименьшимъ оживленіемъ и дала всего меньше крупныхъ результатовъ. Немногаго достигли комитеты особенно въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстностяхъ, въ родѣ сибирскихъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ пишутъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ (№ 312) изъ Барнаула: „наши комитеты имѣютъ по сравненію съ россійскими ту особенность, что въ нихъ совершенно лишенъ участія почти единственный землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ въ Сибири—крестьянинъ. Въ комитетахъ засѣдаютъ исключительно чиновники различныхъ вѣдомствъ. Гласность въ засѣданіяхъ большинства какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ комитетовъ отсутствуетъ; ни публика, ни корреспонденты туда не допускаются; этой доли общественности комитеты не лишались въ метрополіи даже самыми ретроградными предсѣдателями [1]). Комитеты рѣдко и плохо собираются, а иные даже совсѣмъ не собираются; матеріаловъ они имѣютъ весьма скудное число; это указываетъ на отсутствіе общественнаго интереса къ нимъ. Въ уѣздныхъ комитетахъ предсѣдательствуетъ предсѣдатель съѣзда крестьянскихъ начальниковъ, т.-е. одинъ изъ крестьянскихъ начальниковъ, и онъ по своему усмотрѣнію набираетъ весь составъ комитета; это обстоятельство дѣлаетъ составъ уѣздныхъ комитетовъ окончательно случайнымъ. Да, наконецъ, и су-

---

[1]) Корреспондентъ ошибается: случаи устраненія гласности бывали и въ европейской Россіи—напр. въ николаевскомъ (самарской губерніи) уѣздномъ комитетѣ, откуда, вслѣдствіе этого, удалились нѣкоторые члены, въ томъ числѣ представитель казны, управляющій имѣніемъ человѣколюбиваго общества и два предсѣдателя сел.-хоз. обществъ („С.-Петерб. Вѣд.“, № 302).

ществованіе уѣздныхъ комитетовъ здѣсь тоже случайность: открыть или не открыть въ извѣстномъ городѣ уѣздный комитетъ зависитъ отъ мѣстнаго губернатора. Поэтому, напримѣръ, въ тобольской губерніи вмѣсто уѣздныхъ комитетовъ, имѣющихъ самостоятельное значеніе, учреждены уѣздныя предварительныя совѣщанія, работы которыхъ служатъ только матеріаломъ для губернскаго комитета. Въ другихъ губерніяхъ, большею частью, уѣздные комитеты учреждены не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ: не изъ кого ихъ составить... Пока еще не поздно, слѣдовало бы устранить для сибирскихъ комитетовъ всѣ эти ненормальности, если только мы дѣйствительно хотимъ узнать нужды нашей далекой и обширной окраины, которой грозитъ въ недалекомъ будущемъ то же страшное оскудѣніе, которое такъ гнететъ сердце Россіи: припомнимъ только послѣднюю двухлѣтнюю голодовку, охватившую значительную часть Западной Сибири, и сосчитаемъ тѣ усиленные расходы, которые понесла казна за эти два года на нашу окраину"!.. Въ виду разнохарактернаго, часто случайнаго состава комитетовъ, серьезнаго вниманія заслуживаютъ двѣ мѣры, намѣченныя комитетами: кременчугскимъ—предварительное разсмотрѣніе на мѣстахъ (съ точки зрѣнія ихъ осуществимости) предположеній, на которыхъ остановится совѣщаніе; рузскимъ—образованіе при совѣщаніи особой коммиссіи для пересмотра земскихъ ходатайствъ, имѣющихъ отношеніе къ сельско-хозяйственной промышленности и еще не разрѣшенныхъ. Послѣдняя мѣра предлагается лишь условно, на тотъ случай, если земскія собранія не будутъ опрошены особымъ совѣщаніемъ. Нужно надѣяться, что это условіе не наступитъ. Губернскія земскія собранія важно было бы выслушать уже потому, что они лучше губернскихъ комитетовъ, съ ихъ преимущественно административнымъ составомъ, могли бы обобщить массу мнѣній, высказанныхъ уѣздными комитетами. По отношенію къ самимъ губернскимъ собраніямъ ту же работу могли бы выполнить ихъ уполномоченные, призванные для того въ особое совѣщаніе.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ виду неоднократныхъ земскихъ ходатайствъ, нашло необходимымъ приступить къ общему пересмотру нормъ, опредѣляющихъ право участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Успѣшное осуществленіе такой работы возможно лишь при наличности матеріаловъ, дающихъ полное понятіе о положеніи уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, и точныхъ цифровыхъ данныхъ, которыя могли бы быть приняты за основаніе новыхъ цензовыхъ нормъ. Исходя изъ этой мысли, министерство предложило земскимъ учрежденіямъ подвергнуть тщательному обсужденію вопросъ, насколько существующій размѣръ ценза какъ для землевладѣльцевъ,

такъ и для владѣльцевъ другихъ недвижимыхъ имуществъ, соотвѣтствуетъ современному положенію вещей. Привѣтствуя приступъ къ реформѣ, настоятельность которой давно уже стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, мы думаемъ, что необходимымъ дополненіемъ долженъ служить пересмотръ постановленій, относящихся къ избранію гласныхъ отъ крестьянъ и составляющихъ самый слабый пунктъ нынѣшней избирательной системы.

Postscriptum. — Наше обозрѣніе было уже окончено, когда мы прочли, въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“ (№ 313) интересную статью г. Л. Дашкевича: „Продовольственное дѣло въ тамбовской губерніи“. Общій ея выводъ заключается въ томъ, что новый порядокъ не подвинулъ впередъ продовольственное дѣло. Такъ какъ продовольственная нужда могла наступить въ тамбовской губерніи не раньше весны, — нѣкоторые земскіе начальники не спѣшили доставлять губернатору данныя о ея размѣрѣ. Тогда губернаторъ, котораго торопилъ Петербургъ, распорядился въ одинъ и тотъ же день (6-ое декабря) собрать во всей губерніи сельскіе сходы, которые сами, взамѣнъ недоставленныхъ по формамъ свѣдѣній, должны были сказать, сколько имъ потребуется въ будущемъ продовольственной помощи отъ правительства. Такая мѣра вызвала во многихъ мѣстахъ неумѣренныя требованія и подала крестьянамъ несбыточныя надежды. Осенью же было приступлено къ закупкѣ хлѣба. Тамбовская губернія—по преимуществу ржаная губернія. По количеству производства ржи она стоитъ во главѣ всѣхъ другихъ губерній; въ прошломъ году, особенно изъ ея южныхъ уѣздовъ, было вывезено много милліоновъ пудовъ этого хлѣба. Тѣмъ не менѣе, и для этихъ уѣздовъ было рѣшено въ Петербургѣ покупать рожь извнѣ. А такъ какъ и по качеству тамбовская рожь выше ржи всѣхъ другихъ губерній, то свой хорошій хлѣбъ сталъ вывозиться въ другія губерніи и замѣняться худшимъ изъ другихъ губерній. Такъ напримѣръ, послѣ того, какъ въ ноябрѣ въ кирсановскій уѣздъ было рѣшено ввезти извнѣ, черезъ уполномоченнаго отъ министерства финансовъ, 70 тысячъ пудовъ ржи, въ тотъ же уѣздъ въ декабрѣ пріѣхалъ уполномоченный того же министерства, закупилъ и вывезъ оттуда въ пермскую губернію по льготному тарифу около 60 тысячъ пудовъ ржи. Въ февралѣ губернаторъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ отмѣнѣ такого порядка, что̀ ему и удалось: для южныхъ уѣздовъ была закуплена только мѣстная рожь. Что касается продовольственныхъ требованій, то разница между ними по отдѣльнымъ земскимъ участкамъ объяснялась не столько дѣйствительной нуждой, сколько разницею въ личныхъ взглядахъ отдѣльнаго земскаго начальника. Иногда мало нуждающійся участокъ требовалъ болѣе сильно нуждаю-

щагося, рядомъ съ нимъ лежащаго. Объединить эту разницу во взглядахъ многіе уѣздные съѣзды и не пытались. Сколько земскій начальникъ требовалъ, столько онъ и получалъ. Когда было приступлено къ составленію списковъ нуждающихся, большинствомъ земскихъ начальниковъ это было предоставлено всецѣло волостному и сельскому начальству; личная провѣрка дѣлалась въ рѣдкихъ случаяхъ. Хлѣбъ раздавался бо̀льшею частью по спискамъ, составленнымъ сельскими писарями. Каждому земскому начальнику былъ данъ опредѣленный хлѣбный бюджетъ; выдача въ бо̀льшемъ или меньшемъ количествѣ ставилась земскимъ начальникамъ въ вину. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказалось, что заранѣе составленные бюджеты не имѣютъ никакого значенія. Во многихъ участкахъ они оказались слишкомъ недостаточными, и весною открылась нужда, которая не могла быть удовлетворена; въ другихъ остались излишки. Въ годъ средняго урожая, который прежде проходилъ, обыкновенно, безъ особыхъ заботъ о продовольствіи, губернская власть должна была посвятить все время этому вопросу. Изъ губерніи постоянно шли распоряженія, предписанія, запросы, большею частью по телеграфу, на имя исправниковъ, которые разсылали ихъ земскимъ начальникамъ съ особенными нарочными отъ земства. Эти нарочные такъ и сновали изъ города въ уѣздъ. О движеніяхъ хлѣбныхъ запасовъ требовались, и теперь требуются, чрезмѣрныя по своимъ подробностямъ вѣдомости, составленіе которыхъ перешло въ волостныя канцеляріи. Управлять изъ губернскаго города, а тѣмъ болѣе изъ Петербурга, живымъ дѣломъ и регулировать издали подробности этого развѣтвленнаго дѣла оказалось труднымъ. Посланныя бумаги часто не сходились съ дѣйствительностью... Насколько такая картина, основанная на личныхъ наблюденіяхъ, подтверждаетъ взглядъ на продовольственную реформу, выраженный нами выше—это не требуетъ поясненій.

НА ПЕРВЫХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РАБОТАХЪ

По личнымъ наблюденіямъ.

Объ общественныхъ работахъ, предпринятыхъ въ помощь пострадавшимъ отъ голода въ 1891—92 годахъ, подъ управленіемъ и руководствомъ покойнаго генерала Н. М. Анненкова, составилось представленіе, какъ о работахъ мало производительныхъ, не достигшихъ результатовъ; что суммы, употребленныя и затраченныя на работы, явились брошенными деньгами; что отъ работъ не осталось никакихъ слѣдовъ и т. д.

Такія отрицательныя заключенія объ этихъ работахъ создались не безъ поспѣшности, страдаютъ односторонностью и далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

По крайней мѣрѣ, это такъ по отношенію работъ по обводненію и возведенію плотинъ, прудовъ и другихъ водозадерживающихъ сооруженій въ тамбовскомъ и усманскомъ уѣздахъ тамбовской губерніи, въ бассейнѣ р. Битюга, т.-е. того отдѣла общественныхъ работъ, который признавался наиболѣе важнымъ и имѣющимъ огромное экономическое значеніе.

Говоря такъ, въ данномъ случаѣ, мы отнюдь не опираемся исключительно только на собственныя наблюденія. На этотъ вопросъ весьма краснорѣчиво отвѣчаютъ добытые факты и научныя изслѣдованія, произведенныя лѣтомъ 1900 года, подъ руководствомъ А. А. Фока, завѣдующаго геодезической частью экспедиціи по изслѣдованію источниковъ рѣкъ; всѣ эти факты и изслѣдованія опубликованы въ отчетѣ экспедиціи [1]). Всѣ сооруженія генерала Анненкова, произведенныя во время общественныхъ работъ, были осмотрѣны, обмѣрены и всесторонне обслѣдованы экспедиціей, причемъ по каждому пруду, путемъ опроса мѣстныхъ жителей, возстанавливалась исторія его жизни, выяснялась степень необходимости пруда для ближайшаго населенія, отмѣчались мѣры ухода, примѣняемыя къ пруду, выяснялись причины размыва, если плотины пострадали, и даже опредѣлялась примѣрная стоимость ремонта пострадавшаго сооруженія. Въ результатѣ изслѣдованія начальникомъ геодези-

---

[1]) Фактическія свѣдѣнія объ изслѣдованіи А. А. Фока цитируются по „Русскимъ Вѣдомостямъ“, № 15—1902 г.

ческаго отдѣла экспедиціи сгруппированы всѣ осмотрѣнные пруды въ слѣдующія четыре категоріи: 1) пруды съ плотинами непромытыми, дѣйствующими исправно—37 сооруженій, или *40*%; 2) пруды съ плотинами промытыми, но исправляемыми ежегодно кое-какъ,—такихъ прудовъ съ пониженнымъ горизонтомъ воды—24 сооруженія, или 26%; 3) пруды съ плотинами промытыми и оставленными безъ исправленія—27 сооруженій, или 29%; и 4) пруды непромытые, но не наполняющіеся водой—5 сооруженій, или 5%.

Такимъ образомъ, изъ полученныхъ экспедиціей данныхъ видно, что изъ 93 осмотрѣнныхъ сооруженій *только 29*% промыты и оставлены безъ исправленія.

Такіе результаты превосходятъ, можно сказать, даже тѣ ожиданія, которыя можно было бы высказывать въ данномъ случаѣ.

Въ моментъ изслѣдованія прошло со времени общественныхъ работъ почти 10 лѣтъ, и что же мы видимъ? *71*% сооруженныхъ плотинъ являются до сихъ поръ способными дѣйствовать и приносить пользу населенію (въ 5 плотинахъ, не наполняющихся водой, могутъ быть вызваны источники, почему эти плотины необходимо отнести къ неутратившимъ утилитарнаго значенія).

Вспомнимъ, при какихъ условіяхъ организовались и происходили общественныя работы 1892 года. Прежде всего, основная ихъ цѣль—скорая, лихорадочная помощь истощенному и голодавшему населенію. Нужно было дать *какъ можно скорѣе и всѣмъ* голодающимъ заработокъ. Въ данномъ случаѣ, *о послѣдствіяхъ* работъ и сооруженій, строго говоря, почти не думалось. Минуты были тяжелыя. Нужно было думать только и исключительно о работѣ, о хлѣбѣ для населенія. Это былъ первый опытъ, наскоро предпринятый, общественныхъ работъ. Думать особенно не приходилось. Въ силу уже одного этого обстоятельства, безпристрастіе требуетъ признанія возможности и ошибокъ, и промаховъ, и не тѣхъ послѣдствій, которыя можно было бы ожидать отъ общественныхъ работъ въ томъ случаѣ, если бы онѣ были предприняты и ведены спокойно, обдуманно, не съ той лихорадочностью, которая требовалась въ 1892 году. Ничего не было заготовлено, все нужно было организовать вновь. Пришлось наскоро составить контингентъ техниковъ и производителей работъ. Вознагражденіе ихъ колебалось отъ 75 руб. до 150 рублей,—для техниковъ, привыкшихъ обычно къ крупнымъ кушамъ, оно не Богъ знаетъ какое. Почему ѣхали техники на работы не особенно-то охотно и скоро. Прибавьте сюда холеру, свирѣпствовавшую въ то время въ районѣ общественныхъ работъ. Перспектива зараженія удерживала многихъ отъ поѣздки на мѣсто работъ, а нѣкоторые, пріѣхавшіе туда, убоялись и бѣжали обратно. Не были заготовлены матеріалы и ору-

дія производства работъ. Требовался громадный, многотысячный транспортъ желѣзныхъ лопатъ. Высылка ихъ постоянно задерживалась и подолгу, такъ какъ не только на ближайшихъ рынкахъ, въ Липецкѣ, Мордовѣ и др., лопатъ не находилось, но и съ отдаленныхъ рынковъ онѣ скоро не могли быть получены.

Все вышесказанное привело къ тому, что общественныя работы замедлились, затянулись до осени, и къ зимѣ оказались недоконченными нѣкоторыя изъ сооруженій, хотя очень немногочисленныя. Такъ что весенняя полая вода въ этихъ недоконченныхъ плотинахъ нашла свою первую и вѣрную жертву. Нѣтъ сомнѣнія, что такія недоконченныя плотины находятся въ числѣ 29% промытыхъ и недѣйствующихъ плотинъ.

Далѣе. Отношеніе крестьянъ къ общественнымъ работамъ, къ ихъ руководителямъ, какъ видно будетъ изъ моихъ дальнѣйшихъ воспоминаній, было *безусловно отрицательное*, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ,—оно покоилось на невѣжествѣ и безпросвѣтной тьмѣ нашего народа. Населеніе относилось недовѣрчиво и къ наѣхавшимъ техникамъ, и къ работамъ, и къ прудамъ. И съ этой недовѣрчивостью осталось зимовать около сооруженныхъ прудовъ, которыхъ *боялось* (sic!).

При такихъ условіяхъ, глубокой ошибкой была надежда на то, что весной населеніе употребитъ всѣ усилія и заботы къ огражденію сооруженныхъ плотинъ отъ дѣйствія полой воды, будетъ бороться съ ней и устроитъ правильный надзоръ за ними и надлежащій уходъ. Къ тому же населеніе тѣхъ мѣстностей и понятія не имѣло о такихъ, сравнительно, крупныхъ сооруженіяхъ, какія имъ оставили общественныя работы.

— Ну-у, и прудищи!—говорили крестьяне, охая отъ изумленія;—у насъ теперича пруды-то соломкой запружены, курица въ бродъ перемахнетъ, а энти—э-эвона кака̀ махина!

Отсюда—непривычка, неумѣнье и незнаніе, какъ обращаться и охранять отъ напора воды большія плотины.

Поэтому необходимъ былъ, весной 1893 года, правильно организованный, техническій, правительственный надзоръ за сооруженными плотинами, чего не было въ надлежащемъ видѣ въ дѣйствительности. Можетъ быть, это произошло потому, что и тогда уже считали лишнимъ даже говорить объ общественныхъ работахъ; можетъ быть, въ то время звѣзда генерала Анненкова закатывалась. Не знаю. Все это уже post factum. А я могу и буду говорить только о томъ, что̀ было во время самыхъ общественныхъ работъ.

Отсутствіе надлежащаго ухода и надзора за сооруженіями было всюду. Но особенно плохой уходъ—за плотинами. Экспедиція А. А. Фока

отмѣчаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда прудъ располагается на двухъ смежныхъ владѣніяхъ. Тутъ каждый владѣлецъ надѣялся на своего сосѣда, и сооруженіе оставлялось въ жертву стихіямъ.

Теперь, принявъ въ соображеніе всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ происходили общественныя работы,—отсутствіе хорошаго и надзора, и ухода за прудами и плотинами—развѣ не дается право сказать, что результаты общественныхъ работъ превосходятъ тѣ надежды, какія можно было возлагать на нихъ.

Весенняя вода шутки не любитъ. Плотины—больное мѣсто всѣхъ владѣльцевъ имѣній, мельницъ и прочихъ предпріятій, въ которыхъ онѣ имѣются. У самаго осмотрительнаго и дѣятельнаго владѣльца слишкомъ часто плотины уносятся и разрушаются полой водой, а иногда и сильными ливнями.

И что̀ же мы видимъ? Изъ сооруженныхъ во время общественныхъ работъ плотинъ, черезъ десять лѣтъ послѣ ихъ сооруженія, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ ихъ постройки, охраны и ухода за ними, оказываются не утратившими своего утилитарнаго значенія 70%.

А. Ѳ. Фортунатовъ, въ то время еще профессоръ Петровско-Разумовской земледѣльческой академіи, въ концѣ лѣта 1892 года, на мой вопросъ,не знаетъ ли онъ гдѣ-либо мѣста или работы, сказалъ мнѣ:

— Поѣзжайте, если хотите, на общественныя работы. Я только-что получилъ оттуда свѣдѣнія, что тамъ нуждаются въ производителяхъ работъ.

На другой день поѣздъ меня уже уносилъ къ югу Россіи. Мнѣ нужно было ѣхать по желѣзной дорогѣ до станціи Мордово, грязе-царицынской линіи, а оттуда на лошадяхъ до села Политова—центральнаго пункта работъ въ тамбовскомъ и усманскомъ уѣздахъ, гдѣ находилась контора работъ и жилъ завѣдующій участковыми работами.

Я не буду описывать, какъ громыхалъ поѣздъ и какъ и о чемъ думалъ я подъ его громыханья. И большіе художники, и поэты, и фотографы-бытописатели, сотни сотенъ разъ искали для своихъ твореній настроенія въ грохотѣ вагоновъ. О чемъ я думалъ? Все воображеніе, всѣ мои мысли неслись туда, куда уносилъ меня поѣздъ. Время было страшное и тяжелое. Пережитой голодъ, пережитая и переживаемая холера, давившіе, какъ страшный кошмаръ, холерные безпорядки, жертвами которыхъ явились прежде всего тѣ лучшіе русскіе люди, которые несли и силу, и трудъ, и знанія, и, въ данномъ случаѣ, жизнь—ему, этому же темному, страшному въ своемъ невѣжествѣ народу, который, будучи ослѣпленъ безпросвѣтной тьмой, рвалъ на части этихъ людей. И я ѣхалъ какъ разъ въ ту мѣстность, гдѣ только-что

разыгралась одна изъ страшныхъ трагедій русской жизни,—холерныя волненія,—именно, въ мѣстность около злополучнаго села Абакумовки. Было немножко и жутко за свое будущее. Но желаніе увидѣть, узнать, что̀ дѣлается тамъ, внутри черноземной Россіи, внутри страданій и отъ голода, и отъ холеры, и отъ невѣжества, перечувствовать все на мѣстѣ—было сильнѣе, интенсивнѣе, и личное жуткое чувство казалось смѣшнымъ передъ этимъ моремъ народнаго горя.

Близилась осень, а тамъ—и зима. Съ работами надо было спѣшить. Я пробылъ въ селѣ, гдѣ помѣщалась контора, два дня, получилъ всѣ руководящія начала отъ завѣдующаго участковыми работами, забралъ нивеллиръ, желѣзныя лопаты и уѣхалъ на границу усманскаго и тамбовскаго уѣздовъ строить плотины.

Ужасовъ голода и холеры я уже не встрѣтилъ. Въ мѣстности моихъ работъ урожай въ 1892 году былъ хотя и не хорошій, но посредственный, холера прекратилась; въ окрестныхъ селахъ, верстахъ въ десяти-пятнадцати, она еще вспыхивала кое-гдѣ, но это были ея послѣдніе отголоски.

Населеніе входило въ свою почти обычную колею недоѣданія...

Нѣсколько наиболѣе яркихъ фактическихъ наблюденій и впечатлѣній, вынесенныхъ мною съ общественныхъ работъ, о которыхъ я хочу здѣсь разсказать, рисуютъ ту страшную, безпросвѣтную тьму и поразительное невѣжество, соединенное съ недомысліемъ, которыя держатъ въ своихъ объятіяхъ нашъ народъ. И до тѣхъ поръ, пока эта тьма не разсѣется и свѣтъ широкаго образованія и просвѣщенія, а не механической грамотности только, не озаритъ русскую землю,—всѣ прогрессивныя начинанія, всѣ экономическія и другія реформы будутъ разбиваться о твердыни народной косности. Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, покуда народъ нашъ не усвоитъ хотя бы простую элементарную грамотность, никакія мѣропріятія, никакія реформы имѣть прочнаго благотворнаго значенія не могутъ. Для прочнаго воплощенія ихъ въ жизненныя формы необходимо самосознаніе народной массы; а разъ его нѣтъ, не будетъ и народнаго успѣха. А какое же самосознаніе и какой свѣтъ можно отыскать тамъ, гдѣ возможны такія явленія, какъ холерные безпорядки, или такое міросозерцаніе, какое я видѣлъ среди крестьянъ во время общественныхъ работъ?

Какъ относились крестьяне къ общественнымъ работамъ, къ ихъ руководителямъ и производителямъ, къ техникамъ?

Здѣсь я нахожу полную аналогію съ отношеніемъ населенія многихъ мѣстностей къ медицинскому персоналу во время эпидеміи холеры. Тотъ же скептицизмъ, то же недовѣріе, та же фанатическая

темнота. Только отношеніе къ производителямъ общественныхъ работъ нигдѣ не перешло въ активное,—оно осталось потенціальнымъ. Отрицательное отношеніе къ общественнымъ работамъ высказывалось словами открыто, въ словахъ чувствовалось подчасъ „сердце", призывъ „къ дѣйствію", но, однако, послѣдняго нигдѣ не случилось. Какъ холерные безпорядки происходили только въ началѣ появленія холеры и впослѣдствіи не возникали,—какъ населеніе, на первыхъ порахъ враждебно относившееся къ медицинскому персоналу, затѣмъ привыкало къ нему и во многихъ мѣстахъ, по окончаніи холеры, провожало врачей, фельдшеровъ и студентовъ съ глубокой благодарностью, напутствуя ихъ иконами,—такъ и къ производителямъ общественныхъ работъ отношеніе было и недовѣрчивое, и отрицательное только въ началѣ работъ. Вотъ нѣсколько эпизодовъ и фактовъ, иллюстрирующихъ это отношеніе.

Какъ извѣстно, въ тамбовской губерніи разразились холерные безпорядки въ селѣ Абакумовкѣ, абакумовской волости, тамбовскаго уѣзда. Врачъ абакумовской больницы, г. Цвѣтаевъ, былъ съ трудомъ спасенъ и скрытъ отъ озвѣрѣлой толпы. Тяжелый эпизодъ такъ страшно повліялъ на г. Цвѣтаева, что онъ уже не въ силахъ былъ возвратиться къ медицинѣ и, разбитый и въ конецъ разстроенный нервно, скороталъ послѣдніе годы жизни въ канцеляріи тамбовской губернской земской управы, скончавшись въ 1898 году. Во время происходившихъ безпорядковъ въ селѣ Абакумовкѣ, на земляхъ, принадлежащихъ сосѣднимъ съ Абакумовкой селеніямъ, происходили общественныя работы по сооруженію плотинъ и прудовъ. Руководители работъ, чувствовавшіе къ себѣ отрицательное отношеніе крестьянъ и предупрежденные о томъ, что имъ можетъ грозить участь врачей, принуждены были прекратить работы и уѣхать въ Липецкъ, какъ ближайшій городъ. Но одинъ изъ руководителей работъ,—человѣкъ пожилой, переживавшій уже закатъ жизни, не уѣхалъ—„все равно, рѣшилъ я,—передавалъ онъ мнѣ послѣ,—убьютъ, такъ убьютъ, умирать надо, а я ужъ жизнь прожилъ"—и остался одинъ-одинёшенекъ среди возбужденнаго населенія въ селѣ Куксовѣ,—томъ самомъ Куксовѣ, „барышни-помѣщицы котораго пускали въ народъ *шмару* (заразу) изъ подзорныхъ трубъ съ балкона барскаго дома" (см. отчетъ по дѣлу о холерныхъ безпорядкахъ въ селѣ Абакумовкѣ). Двигавшіяся на безпорядки въ Абакумовку толпы народа проходили мимо квартиры убѣленнаго сѣдинами производителя общественныхъ работъ, и ему, по своему адресу, пришлось выслушать не мало угрозъ съ послѣдовавшими потрясаніями въ воздухѣ кулаковъ обезумѣвшей толпы: „Уѣзжай скорѣе,—кричали ему изъ толпы,—а то и тебѣ тоже будетъ, что̀ мы сдѣлаемъ сейчасъ

докторамъ. И тебѣ также кишки выпустимъ! Ишь, окаянные, понаѣхали народъ-то морить"!

Но гроза пронеслась. Дальше угрозъ дѣло не пошло. И старца миновала горькая чаша растерзанія толпой, — можетъ быть, почтенная старость только и спасла его; страсти понемногу улеглись. Черезъ три-четыре дня, возбужденный, а потомъ успокоившійся народъ опять сталъ понемногу собираться на пруды и плотины, и работы продолжались спокойно. Какъ я упомянулъ, я пріѣхалъ на работы, когда уже и голодъ и холера остались въ прошломъ, когда населеніе успокоилось и перешло къ нормальному влаченію тяжелой жизненной лямки. Между тѣмъ, вотъ что̀ я услышалъ и увидѣлъ.

Первымъ моментомъ работъ при возведеніи плотинъ являлись развѣдочныя работы и изслѣдованія, съ цѣлью опредѣленія, насколько великъ въ „балкахъ" и оврагахъ почвенный, наносный слой. Въ случаяхъ, когда до „грунта", до глиняной подпочвы было слишкомъ глубоко, сооруженіе плотинъ въ такихъ мѣстахъ признавалось неудобнымъ и нежелательнымъ. Прочность такихъ плотинъ была бы сомнительна, а постройка обходилась бы значительно дороже. Поэтому изслѣдованія и работы начинались съ буренія. Когда я, по пріѣздѣ на общественныя работы, на земляхъ первой деревни, гдѣ намѣчены были плотины, началъ производить буреніе оврага, гдѣ имѣлъ въ виду построить плотину, около меня начала собираться постепенно большая толпа народа. Скоро посмотрѣть на невиданную диковинку высыпало все село отъ мала до велика, и оврагъ на всемъ протяженіи усѣянъ былъ и малышами, и мужиками, и бабами, и сѣдыми патріархами деревни. Сѣдые старцы, можетъ быть, много лѣтъ не сползавшіе съ печи, теперь стояли здѣсь и, оперпшись на свои костыли и „бадоги", сосредоточенно и зорко смотрѣли за моими дѣйствіями и „ковыряніемъ" земли; бабы-старухи вздыхали и по молчаливой, сосредоточенной толпѣ то-и-дѣло проносилось: „о, Боже!" „о, Господи!". Всѣ недоумѣвали. Даже обычно шумливая и веселая дѣтвора жалась къ сарафанамъ своихъ „мамокъ".

Понемногу до меня стали доноситься и протестующіе, глупые по своей нелѣпости, замѣчанія и выводы, которые начали во мнѣ возбуждать чувство боязни этой загадочной въ своемъ невѣжествѣ толпы.

— Вишь,—слышалось мнѣ,—пріѣхалъ. Вотъ, наковыряетъ *ямъ-то*, а потомъ напуститъ туда *яду*. Потомъ прудъ-отъ запрудитъ, *а ядъ изъ ямъ выйдетъ* и отравитъ всѣхъ насъ и всю нашу скотину!

„Боже, что̀ это? Сонъ это, или дѣйствительность? — думалось мнѣ. — Гдѣ же у этихъ людей разсудокъ? И какъ мы ни освѣдомлены о невѣжествѣ народной массы, имѣемъ ли мы понятіе о всей бездонной пропасти этого невѣжества и этой темноты"?

Когда же я, окончивъ произведенное въ нѣсколькихъ мѣстахъ оврага буреніе и рѣшивъ, что въ оврагѣ возвести плотину представляется возможнымъ, вынулъ изъ ящика нивеллиръ, поставилъ и укрѣпилъ его на треножникѣ и приступилъ къ нивеллировкѣ,—вся громадная толпа какъ-то замерла въ нѣмомъ ожиданіи. Всѣ пересуды, всѣ возгласы, замѣчанія—прекратились. Нѣмая тишина длилась нѣсколько минутъ. Пока я возился около нивеллира, устанавливалъ его,—казалось, что около меня толпы въ 200—300 человѣкъ совсѣмъ не было, что я стою одинъ среди пустыннаго оврага. Старики и старухи крестились и въ безмолвномъ молчаніи уходили. Когда же десятникъ съ рейкой ушелъ саженъ на 50 и я началъ смотрѣть на рейку въ нивеллиръ, а потомъ заносить въ памятную книжку результаты нивеллировки, изъ толпы до меня стало доноситься:—„Ну, какъ же не нечистая сила,—нèшто можно изъ такой дали какую ни на есть тамъ цифирь разобрать!“—„И впрямь черти,—гнать ихъ надо,—вотъ что̀!“—Кое-кто отхаркивался и въ негодованіи плевалъ.

Становилось жутко...

По окончаніи нивеллировки, я предложилъ крестьянамъ взглянуть въ нивеллиръ на дѣленія рейки.

— Только, смотрите, осторожнѣе,—не уроните, не сдвиньте!—предупредилъ я крестьянъ.

„— Вишь ты, живая!“—почему-то раздалось изъ толпы.

Но затѣмъ толпа стала выходить изъ оцѣпенѣнія. Появились на лицахъ улыбки. Стоявшіе впереди не особенно охотно, съ опасеніемъ стали приближаться къ нивеллиру. Рѣшилась подойти молодежь. Старики, косо поглядывая, не подавались. Піонеры, послѣ замѣтнаго колебанія, рѣшились, наконецъ, взглянуть въ „чортову рогулину“, какъ, смѣясь впослѣдствіи надъ своей темнотой, крестьяне наименовали нивеллиръ.

И каждый смотрѣвшій въ нивеллиръ ахалъ и охалъ отъ необычайнаго изумленія, видя дѣленія и цифры рейки, тогда какъ простымъ глазомъ, какъ кто ни старался разсмотрѣть что-нибудь, прикладывая къ глазамъ кулаки, на манеръ бинокля, и защищая глаза отъ солнца ладонью, но ничего разглядѣть не могъ. Вся толпа понемногу продефилировала передъ нивеллиромъ, заглядывая въ него, щупая и трогая и самый нивеллиръ, и треножникъ, и ящикъ, въ который нивеллиръ складывается. Казалось, толпа никакъ не могла уйти безъ того, чтобы не отъискать въ нивеллирѣ хоть маленькаго чертенка.

„— И што за штука такая, што за орудія?“—слышалось изъ толпы, уже мягче и примиреннѣе настроенной.

Бояться мнѣ больше было нечего. Толпа была побѣждена вполнѣ. Не устояли и старики.

На другой день утромъ въ оврагѣ опять собралась вся деревня, но

уже въ праздничныхъ костюмахъ, съ радостно настроенными лицами и съ сердцами, открытыми для добрыхъ, хорошихъ чувствъ и движенiй. Мы молились передъ открытiемъ работъ. Мѣстнымъ церковнымъ причтомъ былъ отслуженъ молебенъ. И работы закипѣли.

Перехожу къ другимъ картинамъ.

Въ одной изъ деревень, гдѣ я намѣтилъ сооруженiе плотины, мнѣ такъ и не пришлось приступить къ ней, по безусловно отрицательному настроенiю крестьянъ къ такому сооруженiю. Когда я прiѣхалъ въ деревню и отправился осматривать балки и овраги,—въ деревнѣ собралась сходка. Въ результатѣ ко мнѣ явились парламентеры-ходаки и заявили мнѣ, чтобы я уѣзжалъ отъ нихъ:—„А то, господинъ, кабы худо не было,—старики, вишь, противятся. Баютъ, каку тамъ воду намъ привезли. Нешто мы безъ ихъ воды-то не проживемъ. И-шшо отравимся“. Когда я проѣзжалъ по улицѣ, какой-то бородатый Власъ, потрясая посохомъ, крикнулъ по моему адресу: „Проваливай...“; далѣе слѣдовала чисто русская, отборная брань.

А черезъ двѣ недѣли крестьяне этой самой деревни приходили ко мнѣ за шесть верстъ и умоляли сдѣлать имъ прудъ.

„Ты ужь насъ прости. Темный народъ. Ишь ты, вѣдь мы дураки. Ахъ, ты, Господи!“—твердили крестьяне, въ числѣ которыхъ, съ покорной головой, стоялъ и дѣдъ, выливщiй на меня ушатъ брани.

Осень приближалась. Я боялся не окончить къ заморозкамъ пруда. Такъ крестьяне и остались безъ него.

Завѣдующiй участковыми работами нашего района, окончившiй курсъ въ Петровско-Разумовской земледѣльческой академiи, П. Ѳ. М—скiй, былъ сильный брюнетъ, южанинъ-хохолъ, съ черными громадными выпуклыми глазами, большимъ, широкимъ лбомъ и черными, смоляного цвѣта волосами, любившiй носить на пальцахъ громадные ногти. Въ то время слишкомъ усталый, нервно-болѣзненный, онъ смотрѣлъ на собесѣдника, если можно такъ выразиться, напряженно-тоскливо, оставляя впечатлѣнiе какого-то магнетизера-чревовѣщателя. Темное населенiе утвердилось во мнѣнiи, что „этотъ черный“—не кто иной, какъ *антихристъ*; остальные же производители работъ—его *подручные*, а попросту—*черти*. Толки среди населенiя о длинныхъ ногтяхъ М—го, которые должны были служить, несомнѣнно, главнѣйшимъ признакомъ и аттрибутомъ антихриста, были настолько сильны и упорно-надоѣдливы, что обладателю ихъ пришлось разстаться съ ними и срѣзать ихъ.

А вотъ и еще случай, указывающiй, какiя хитросплетенiя выдѣлываетъ народная психологiя по канвѣ невѣжества.

Разсчетъ за произведенныя работы производился нами еженедѣльно, по воскресеньямъ. Порядокъ составленiя вѣдомостей, по ко-

торымъ дѣлалась выдача заработанныхъ денегъ, былъ слѣдующій. Десятникъ каждой возводимой плотины вносилъ ежедневно къ себѣ въ книжку всѣхъ работавшихъ на плотинѣ и вечеромъ, ежедневно, послѣ окончанія работъ, передавалъ списки конторщику. Конторщикъ составлялъ еженедѣльную вѣдомость, по которой разсчетъ производился всегда самимъ производителемъ работъ.

При производствѣ перваго по началу работъ разсчета, у меня оказалось нѣсколько человѣкъ, и довольно много, заявившихъ мнѣ о томъ, что они всѣ работали на прудахъ,—между тѣмъ *въ составленной вѣдомости ихъ не оказалось.* Я пересмотрѣлъ еще разъ всю вѣдомость,—работало на каждомъ пруду по нѣскольку сотъ мужчинъ и женщинъ,—и въ ней выражавшихъ претензію не оказывалось. Призванные десятники и конторщики снова тщательно провѣрили свои записи и свѣрили вѣдомость. По заявленію десятника и конторщика все было вѣрно. При очной ставкѣ десятника и всѣхъ заявившихъ о томъ, что они работали на плотинѣ, десятникъ сказалъ, что, какъ онъ помнитъ, всѣ эти лица, дѣйствительно, работали на прудѣ и въ вѣдомость были имъ всѣ занесены. Такъ ничего и не выяснялось. Я приходилъ въ полное отчаяніе и недоумѣніе. Плутовства какого-либо со стороны десятника я не подозрѣвалъ,—онъ внушалъ мнѣ довѣріе, считался у меня лучшимъ десятникомъ; да и какой смыслъ былъ ему не заносить работавшихъ на пруду въ списки? Единственное предположеніе, возможное здѣсь, которое могло бы руководить десятникомъ, это—месть. Но месть къ десятку, двумъ людей, да еще и въ чужой деревнѣ (десятники всегда брались изъ другихъ, по возможности, отдаленныхъ деревень, во избѣжаніе „связей“ съ населеніемъ, лицепріятія и проч.), особенно же на первыхъ порахъ работъ, когда для образованія такихъ злыхъ чувствъ еще не было и времени, предположить было нельзя. Къ тому же и десятникъ призналъ всѣхъ работавшихъ на прудахъ, заявляя лишь настойчиво, что всѣ они въ вѣдомость занесены.

Съ другой стороны, въ вѣдомости оказалось очень много лицъ, *не явившихся за разсчетомъ.* Это также казалось страннымъ. Въ деньгахъ была неимовѣрная нужда у каждаго. На разсчетъ каждый спѣшилъ съ нетерпѣніемъ. И въ конторѣ, и около, и на всей улицѣ была масса народа. Едва ли кто усидѣлъ дома. И вдругъ многихъ нѣтъ.

При выкликаніи нѣкоторыхъ именъ и фамилій, присутствующіе крестьяне выражали недоумѣніе (какъ видно будетъ послѣ, напускное). При вызовѣ одного крестьяне заявляли, что такого у нихъ въ селеніи никогда и не было. О другомъ говорили, что такой, дѣйствительно, былъ, да давнымъ давно покоится на кладбищѣ. Выкличка третьяго вызывала чуть не гомерическій хохотъ: оказывалось, что такой крестьянинъ или крестьянка „есть на селеніи, да старые, ста-

рые, и не только на прудахъ работать, но и съ печи-то еле слѣзаютъ“.

Я недоумѣвалъ, и меня начинало это сердить. Воображеніе рисовало признакъ насмѣшки или издѣвательства. Но въ общемъ все казалось страннымъ и крайне меня озадачивало.

Побившись безъ толку еще нѣсколько времени, я записалъ имена и фамиліи всѣхъ заявлявшихъ, что они работали на прудахъ, но оказались незанесенными въ списки и вѣдомость, велѣлъ десятнику и конторщику еще разъ свѣрить тщательно свои ежедневныя записи съ вѣдомостью и отложилъ разсчетъ до слѣдующаго дня.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ разсчета, уже ночью, часовъ въ 11—12, ко мнѣ пришли десятникъ и конторщикъ и сообщили слѣдующую разгадку происшедшаго недоумѣнія.

У крестьянъ, еще до возникновенія работъ, создалась легенда, будто *въ построенныхъ прудахъ будутъ впослѣдствіи топить всѣхъ работавшихъ на нихъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ.*

Самый лучшій и вѣрный исходъ избавленія отъ такой страшной перспективы былъ бы въ томъ, еслибъ молодыя силы деревни совсѣмъ не посѣщали общественныхъ работъ; но какъ же пропустить рублишко-другой, когда этотъ рублишко страшно дорогъ и когда представляется возможность его заработать! Что же тутъ дѣлать? Послѣ продолжительныхъ размышленій и была придумана слѣдующая комбинація: работать необходимо, но записываться надо именами дѣдушекъ и бабушекъ, живыхъ и мертвыхъ; съ умершаго ничего не возьмешь, а живого дѣда или живую бабку и утопятъ потомъ, такъ бѣда небольшая. Пожили и довольно,—слава тебѣ, Господи! Да ихъ и не утопятъ, потому кому дряхлыхъ-то да старыхъ надо,—вѣдь топить собираются только молодыхъ.

Создавъ такую фантасмагорическую комбинацію, молодыя силы деревни и приступили къ работамъ подъ прикрытіемъ тѣней своихъ предковъ, живыхъ и мертвыхъ.

— Ловкую штуковину мы придумали!—рѣшила деревня.

Когда я, получивъ эти разъясненія отъ конторщика и десятника, подсчиталъ *число приходившихъ за разсчетомъ и оказавшихся, якобы, незанесенными въ списки и вѣдомость, и число тѣхъ, которые оказались занесенными въ вѣдомость, но неявившимися за разсчетомъ* и не могшими явиться потому, что одни изъ нихъ лежали давно въ сырой могилѣ, а другіе были прикованы старческими недугами къ печи, и сравнилъ два полученныя числа—они были тождественны! При производствѣ разсчета на другой день всѣхъ оставшихся неразсчитанными наканунѣ, пришлось отыскивать ихъ по записаннымъ въ вѣдомости именамъ ихъ бабушекъ и дѣдушекъ, живыхъ и отошед-

шихъ въ вѣчность. Разсчитывая этихъ наивно-хитроумныхъ парней и дѣвицъ, молодыхъ мужиковъ и бабъ, я обращалъ вниманіе на возрастъ ихъ. Это былъ, дѣйствительно, народъ все молодой: старшему было 26 лѣтъ.

Не мало было смѣха самихъ крестьянъ въ этотъ день и въ послѣдующее время надъ своей хитросплетенной выдумкой. Я помню, постоянно послѣ вышучивалъ ею крестьянъ, и это вышучиваніе, вызывая горькую и добродушную вмѣстѣ съ тѣмъ иронію надъ собой, надъ собственнымъ бездоннымъ невѣжествомъ, сближало меня и крестьянъ все больше и больше. Этотъ смѣхотворный и одновременно грустный эпизодъ былъ послѣднимъ актомъ скептическаго ко мнѣ недовѣрія, и къ концу работъ оно совершенно сгладилось и исчезло.

Замѣчательна въ этомъ эпизодическомъ случаѣ та сторона, что крестьяне сами не раскрыли мнѣ при разсчетѣ свою выдумку, будучи, очевидно, готовыми не получить разсчета за труды своего молодого поколѣнія. Можетъ быть, ими руководила та мысль и соображеніе, что въ концѣ концовъ я признаю пропускъ и виновность со стороны десятника, и разсчетъ все-таки произведу. „Записаны“ въ антихристовы книги работавшіе такъ и не будутъ, а деньги все-таки получатъ. Только уже десятнику и конторщику, какъ ближе стоящимъ къ народу и пользующимся, очевидно, бо̀льшимъ его довѣріемъ, чѣмъ мы, классъ интеллигентный, удалось напасть на слѣдъ столь смутившаго меня, непонятнаго вначалѣ эпизода и разъяснить его!

Такъ вотъ каково міросозерцаніе нашего народа, и вотъ каково было мнѣніе крестьянъ о производителяхъ общественныхъ работъ въ началѣ ихъ.

Населеніе, привыкшее вѣками къ тому, чтобы все только отдавать да отдавать, не могло себѣ и представить возможности, чтобы вотъ такъ, ни съ того, ни съ сего, пришли къ нему добрые люди, и не только безплатно понастроили ему пруды, но еще дали и заработокъ. Тутъ что-нибудь да не такъ,—работала непривыкшая къ такимъ явленіямъ, темная народная мысль, полная суевѣрій и скептицизма. Это-молъ не добрые люди, а злые, и не только люди, а пожалуй, и сверхъестественныя силы, подъ видомъ добра, явились завлечь въ свои сѣти народъ. И надо ихъ остерегаться.

И фантазія налегала на фантазію, выдумка одной старухи погоняла выдумку другой. Легенды росли и обращались въ цѣлыя фантасмагоріи. Темная, невѣжественная, невооруженная никакими научными знаніями, отторгнутая отъ культуры, разобщенная съ интеллигенціей толпа, не находя выхода и объясненія непонятныхъ для нея и мучившихъ ее вопросовъ, рѣшала, что понаѣхали злые люди,

прикинувшіеся овечками, посланники антихриста. Да онъ и самъ тутъ. Вонъ, тотъ самый „черный“, съ когтями.

Но проходили недѣли, мѣсяцы. Плотины выростали, пруды наполнялись водой; стали пить ее крестьяне, стали купаться въ прудахъ. „И ничего,—вреды никакой не видно“. Всѣ радовались такому небывалому еще въ той степной мѣстности обилію воды. А когда никто изъ ожидавшихъ смерти и страшнаго суда и со страхомъ прикасавшихся къ антихристовой водѣ не умиралъ -- тогда уже всякимъ опасеніямъ и подозрѣніямъ не стало ни почвы, ни мѣста.

Итакъ, съ плотинами, созданными общественными работами, дѣло обстоитъ, какъ теперь видно, не такъ плохо, какъ то принято думать. 40% изъ нихъ дѣйствуютъ вполнѣ исправно и не требуютъ никакихъ исправленій; 30% исправляются *кое-какъ* крестьянами и, слѣдовательно, нуждаются въ капитальныхъ исправленіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и остающіеся 30% могли бы быть въ значительной степени, а можетъ быть и цѣликомъ, возвращены къ дѣятельности и жизни. Начальникъ геодезическаго отдѣла экспедиціи въ указанномъ отчетѣ считаетъ чрезвычайной необходимостью исправленіе плотинъ, сооруженныхъ общественными работами, и предлагаетъ приступить къ ремонту и возобновленію плотинъ немедленно. Отчетъ говоритъ, что нынѣ сами крестьяне, буквально, умоляютъ о поддержкѣ и возобновленіи прудовъ, предлагая свой безплатный трудъ и выражая желаніе собрать ту или иную сумму на ремонтѣ,—напримѣръ, крестьяне с. Сосновки. Стоимость ремонта плотинъ исчисляется въ суммѣ около 19 тыс. рублей. Но эта сумма будетъ и того меньше, такъ какъ крестьяне, внѣ всякаго сомнѣнія, дадутъ свои рабочія руки. Имъ нужно только руководительство и техническія указанія. Исправленіе плотинъ безусловно необходимо и возможно скорѣйшее. Въ той мѣстности нужда въ водѣ громадная. А между тѣмъ, неисправленныя плотины будутъ приходить съ каждымъ годомъ въ болѣе безнадежный видъ. Надобно думать, что мѣстное тамбовское земство поспѣшитъ взяться за это дѣло.

Н. М—скій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1902.

Печальныя событія въ Македоніи.—Роль европейской дипломатіи въ устройствѣ турецкихъ дѣлъ.—Мысль о созваніи европейской конференціи.—Политика Вильгельма II и внутренніе вопросы въ Германіи.

Положеніе дѣлъ въ Македоніи и въ другихъ христіанскихъ областяхъ Турціи ухудшается съ каждымъ днемъ. Турецкія власти предоставляютъ башибузукамъ усмирять населеніе по испытанному турецкому способу: убійства, грабежи и всевозможныя насилія свирѣпствуютъ повсюду, гдѣ обыватели принадлежатъ къ числу безправныхъ „гяуровъ". Въ спеціальномъ журналѣ „Mouvement macédonien", о которомъ мы упоминали уже въ прошломъ обозрѣніи, печатаются длинные списки жертвъ турецкой расправы, съ точнымъ указаніемъ обстоятельствъ ихъ гибели. Въ салоникскомъ вилайетѣ жандармы и солдаты распоряжаются какъ въ непріятельской странѣ; мусульманамъ раздается оружіе для повальныхъ избіеній, которыя могутъ начаться въ каждый данный моментъ по первому сигналу, ожидаемому изъ Константинополя. Во многихъ селахъ христіане подвергаются публичному сѣченію и затѣмъ заключаются еще въ тюрьму, гдѣ ихъ ждетъ мучительная смерть; священниковъ пытаютъ, чтобы добиться отъ нихъ свѣдѣній о мнимыхъ революціонныхъ замыслахъ и ихъ участникахъ; женщины, начиная съ дѣвочекъ-подростковъ, захватываются съ опредѣленною цѣлью, для удовольствія башибузуковъ и ихъ командировъ. Въ вилайетахъ монастырскомъ и коссовскомъ образовались разбойничьи шайки, дѣйствующія съ вѣдома и согласія властей, и всякое сопротивленіе нападающимъ признается за бунтъ или государственную измѣну.

Что же дѣлаетъ въ это время европейская дипломатія? Она довольствуется иногда робкими напоминаніями Портѣ о необходимости возстановленія порядка и спокойствія, въ интересахъ всеобщаго мира, и выражаетъ полное довѣріе къ мудрости султана, съ которымъ руководящія великія державы стараются теперь поддерживать самыя лучшія отношенія. Между тѣмъ обязанности дипломатіи относительно христіанскихъ подданныхъ Турціи ясно опредѣлены постановленіями берлинскаго трактата. Въ силу 23-ей статьи этого трактата, Порта должна была назначить особыя коммиссіи для выработки новаго административнаго устройства отдѣльныхъ провинцій, при участіи выбор-

ныхъ представителей заинтересованнаго населенія; составленные такимъ образомъ проекты подлежали обнародованію и введенію въ дѣйствіе тотчасъ же по разсмотрѣніи ихъ въ европейской коммиссіи, учрежденной по дѣламъ Восточной Румеліи. Въ 1880 году турецкое министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило кабинетамъ, что предположенные проекты реформъ уже выработаны, и что остается только обсудить ихъ въ упомянутой международной коммиссіи; въ іюнѣ того же года коммиссія собралась въ Константинополѣ и вскорѣ убѣдилась въ совершенной непригодности представленной ей работы, изготовленной въ турецкихъ канцеляріяхъ безъ малѣйшаго вниманія къ нуждамъ и желаніямъ жителей. Посвятивъ шестнадцать засѣданій коренному пересмотру и передѣлкѣ проекта, коммиссія заключительнымъ актомъ 23 (11) августа высказала надежду, что новый регламентъ, поставленный подъ заботливую охрану Европы, „принесетъ благотворные плоды населенію провинцій и обезпечитъ безопасность и миръ оттоманской имперіи“. Но турецкіе сановники не имѣли вовсе въ виду осуществлять благодѣтельныя предположенія иностранныхъ дипломатовъ; проектъ былъ похороненъ Портою безъ всякихъ церемоній, и о немъ забыли, повидимому, сами составители его, хотя относящаяся къ нему дипломатическая переписка была въ свое время напечатана въ англійской „синей книгѣ“, въ двухъ томахъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ, и европейскіе кабинеты, поглощенные другими дѣлами, перестали уже интересоваться безотраднымъ положеніемъ турецкихъ христіанъ. Дипломатія избѣгаетъ вообще серьезныхъ предупредительныхъ мѣръ и вмѣшивается лишь при наступленіи кровавыхъ катастрофъ, въ родѣ армянскихъ избіеній или критскаго возстанія, приведшаго къ греко-турецкой войнѣ; но даже колоссальная рѣзня въ армянскихъ округахъ Малой Азіи прошла въ сущности безплодно и не послужила поводомъ къ энергическому вмѣшательству, отчасти потому, что событія въ мало-азіатскихъ владѣніяхъ Турціи затрогивали только интересы Россіи. Разумѣется само собою, что великія державы не могутъ относиться равнодушно къ опаснымъ внутреннимъ столкновеніямъ и безпорядкамъ на Балканскомъ полуостровѣ, и еслибы турки рѣшились повторить въ Македоніи опытъ повальнаго истребленія христіанъ, то иностранные кабинеты, безъ сомнѣнія, протестовали бы въ той или другой формѣ. Этотъ ужасный взглядъ,—что только потоки крови способны привлечь вниманіе Европы къ судьбамъ христіанскаго населенія Турціи,—побудилъ горсть македонцевъ приняться за оружіе безъ всякихъ шансовъ успѣха, съ единственною цѣлью вызвать кровопролитіе, за которымъ послѣдуетъ, быть можетъ, европейское вмѣшательство. Македонскій революціонный комитетъ, руководимый извѣстнымъ туземнымъ патріотомъ, Бо-

рисомъ Сарафовымъ, рѣшительно высказался противъ возстанія, пока населеніе не снабжено оружіемъ и пока не собрано достаточно средствъ для надлежащей организаціи добровольческихъ отрядовъ; онъ находилъ пагубными для Македоніи преждевременныя мѣстныя вспышки. такъ какъ возлагалъ свои надежды не на дипломатію, а на цѣлесообразныя и сознательныя освободительныя усилія самихъ македонцевъ и сочувствующихъ имъ болгаръ. Другого мнѣнія держался комитетъ, во главѣ котораго стоятъ Цончевъ и Михайловскій; эти дѣятели полагали, что даже частичныя волненія, заранѣе обреченныя на неудачу, могутъ повліять на Европу и ускорить ея заступничество. Въ сущности, оба комитета расходились только въ оцѣнкѣ тѣхъ условій, при которыхъ можетъ быть достигнуто европейское вмѣшательство: Сарафовъ и его единомышленники считали для этого необходимымъ дѣйствительное и всеобщее народное возстаніе, требующее долгой и обдуманной подготовки, тогда какъ Цончевъ и Михайловскій думали добиться того же результата немедленнымъ устройствомъ партизанской борьбы въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется для этого подходящій матеріалъ. Подъ руководствомъ Цончева и товарищей начались военныя дѣйствія: небольшія „четы“ повстанцевъ сражались съ геройскимъ самоотверженіемъ, мстили за разгромъ своихъ селъ и ускользали отъ преслѣдованія, послѣ чего турки жестоко расправлялись съ безоружнымъ населеніемъ. Кровь лилась и льется, но не настолько, чтобы вывести Европу изъ ея пассивной роли. Однако, мысль о томъ, что требуются груды жертвъ для желательнаго воздѣйствія на дипломатію, заключаетъ въ себѣ нѣчто чудовищное. Неужели въ самомъ дѣлѣ иностранные кабинеты нуждаются въ подобныхъ возбудительныхъ средствахъ для исполненія задачи, предписываемой не только интересами человѣчности, но и требованіями здравой политики? Почему надо ждать новыхъ крупныхъ избіеній, чтобы приняться за осуществленіе мѣръ, намѣченныхъ еще берлинскимъ конгрессомъ для обезпеченія безопасности и спокойствія христіанскихъ народностей Турціи?

Конечно, еслибы въ судьбѣ Македоніи заинтересована была Германія или Англія, вопросъ былъ бы уже давно поднятъ надлежащимъ образомъ и вѣроятно разрѣшился бы благополучно; но, къ несчастью, обѣ эти державы не имѣютъ никакого интереса въ прочномъ устройствѣ балканскихъ дѣлъ и особенно заботятся въ настоящее время о сохраненіи дружественныхъ отношеній съ султаномъ. Австро-Венгрія занята упроченіемъ и расширеніемъ своего собственнаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, и она откровенно отстаиваетъ status quo для турецкихъ областей, тяготѣющихъ къ Болгаріи и Сербіи. Что же касается нашей дипломатіи, то принципы безусловнаго миролюбія не

позволяютъ ей выступать съ проектами, могущими нарушить взаимное согласіе державъ. Между тѣмъ не трудно было бы найти такую форму дипломатическаго вмѣшательства, которая не возбуждала бы ничьихъ опасеній насчетъ европейскаго мира. Анатоль Леруа-Болье, въ обстоятельной статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Européen", предлагаетъ созвать международную конференцію по турецкимъ дѣламъ, причемъ инициатива должна бы принадлежать, по его мнѣнію, французскому правительству. „Созваніе такой конференціи—говоритъ онъ—оправдывалось бы многими вѣскими мотивами. Нѣкоторыя изъ существенныхъ статей берлинскаго трактата остались мертвой буквою; только европейская конференція могла бы обезпечить и контролировать ихъ примѣненіе. Конференція съ точно опредѣленнымъ кругомъ задачъ не вызывала бы тревоги ни въ правительствахъ, ни среди приверженцевъ общаго мира. Вмѣсто того, чтобы создавать или поощрять конфликты, она, напротивъ, предупреждала бы ихъ. Сама Турція и всѣ народы, подвластные султану, какъ христіанскіе, такъ и мусульманскіе, несомнѣнно выиграли бы при этомъ, такъ какъ и для нихъ нѣтъ другого способа обезпеченія мира и безопасности. Конференція имѣла бы своею цѣлью разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ неисполненіемъ берлинскаго трактата, и чтобы разрѣшить ихъ, было бы большею частью достаточно лишь настоять на исполненіи трактата. Такъ было бы между прочимъ съ армянскимъ вопросомъ. Чтобы спасти остатки наиболѣе европейской изъ азіатскихъ народностей, слѣдовало бы только заставить Порту соблюдать 61-ую статью трактата. Точно такъ же относительно европейскихъ провинцій, оставленныхъ конгрессомъ подъ властью султана, конференціи пришлось бы только потребовать введенія тѣхъ учрежденій, которыя обѣщаны были этимъ провинціямъ берлинскимъ трактатомъ и въ которыхъ Порта продолжаетъ упорно отказывать имъ до настоящаго времени. Рядомъ съ этими вопросами, наиболѣе настоятельными и наиболѣе угрожающими миру Европы, есть еще другіе, которые естественно привлекли бы вниманіе европейской конференціи, собравшейся съ цѣлью умиротворенія Востока. Положеніе Восточной Румеліи, присоединенной фактически къ Болгаріи съ согласія самого султана, могло бы быть опредѣлено съ большею точностью; равнымъ образомъ выяснилось бы двусмысленное нынѣ положеніе Крита. Общее состояніе Европы не только не противорѣчитъ, но скорѣе благопріятствуетъ созыву подобной конференціи. Если континентальная Европа раздѣлена на двѣ группы державъ, то обѣ эти группы одинаково проникнуты миролюбивыми намѣреніями. Между участниками обоихъ союзовъ—тройственнаго и двойственнаго—установились въ послѣднее время особыя соглашенія, которыя значительно облегчили бы ком-

промиссъ между обѣими группами, тѣмъ болѣе что переговоры относились бы къ точно опредѣленному предмету и направлены были бы къ охранѣ всеобщаго мира, одинаково необходимаго для всѣхъ правительствъ. Главное затрудненіе заключается въ вопросѣ о томъ, какая группа или какая держава рѣшится взять на себя иниціативу въ данномъ случаѣ. Мы желали бы, чтобы эту иниціативу приняла на себя Франція. Это была бы роль, достойная ея прошлаго и согласная съ лучшими ея традиціями... Пусть не говорятъ, что это было бы опасное донкихотство. Единственною опасностью было бы отсутствіе поддержки со стороны другихъ державъ; но еслибы даже никто не послѣдовалъ за Франціею, она имѣла бы заслугу въ томъ, что осмѣлилась быть самостоятельною и вѣрною себѣ, вмѣсто того, чтобы вѣчно тянуться за другими".

Можетъ быть, Анатоль Леруа-Болье обнаруживаетъ слишкомъ большой оптимизмъ по отношенію къ международнымъ конференціямъ и соглашеніямъ, которыя именно въ области восточнаго вопроса чаще всего доказывали на дѣлѣ свою несостоятельность. Македонскій вопросъ, какъ мы видѣли, былъ уже разрѣшенъ константинопольскою коммиссіею 1880 года, согласно постановленіямъ берлинскаго трактата, и если достигнутое тогда соглашеніе не привело ни къ чему, то и новая конференція можетъ остаться безрезультатною по тѣмъ же причинамъ. Крайне трудною задачею представляется, во-первыхъ, устраненіе принципіальныхъ и практическихъ разногласій между державами по такимъ вопросамъ, относительно которыхъ каждый изъ кабинетовъ имѣетъ свои особые взгляды и интересы; но когда послѣ долгихъ дипломатическихъ совѣщаній установится наконецъ нѣкоторое подобіе единомыслія, на сцену неизбѣжно выступитъ второе затрудненіе, гораздо болѣе существенное,—необходимость прямого воздѣйствія на Порту, чтобы добиться отъ нея подчиненія предположеннымъ мѣрамъ и заставить ее добросовѣстно примѣнить ихъ на практикѣ. Какія принудительныя средства должны быть употреблены противъ Турціи для новаго устройства ея провинцій, при категорическомъ несогласіи султана? Мирныя увѣщанія или совмѣстная военная экзекуція? Но мирныя увѣщанія безполезны, а военныя дѣйствія или угрозы означаютъ войну, которой никто не желаетъ; притомъ, для совмѣстной военной экзекуціи нужна та степень единодушія державъ, которая въ дѣйствительности почти недостижима. Англія и Австро-Венгрія никогда не будутъ искренно и до конца дѣйствовать, напримѣръ, заодно съ Россіею въ сферѣ восточно-турецкихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, способъ, предлагаемый Анатолемъ Леруа-Болье, самъ по себѣ нисколько не гарантировалъ бы успѣха. Для того, чтобы конференція практически разрѣшила спорные вопросы, недостаточно было бы

простого соглашенія кабинетовъ, по почину Франціи или другой державы, а требовалась бы еще твердая рѣшимость по крайней мѣрѣ одного изъ участвующихъ правительствъ во что бы то ни стало довести начатое дѣло до желаннаго результата. Сознательная энергія одной изъ могущественныхъ державъ имѣла бы больше реальнаго значенія и вѣрнѣе достигла бы цѣли безъ войны, чѣмъ сложныя дипломатическія комбинаціи, лишенныя единства и вдохновляемыя лишь пассивнымъ миролюбіемъ; только присутствіе такой твердой руководящей воли дѣлало бы конференцію полезнымъ орудіемъ для осуществленія поставленныхъ цѣлей. Не всѣ кабинеты присоединились бы къ настойчивымъ и послѣдовательнымъ мѣрамъ въ пользу Македоніи и другихъ турецкихъ областей; но можно быть заранѣе увѣреннымъ, что ни одинъ изъ кабинетовъ не затѣялъ бы войны для защиты существующаго турецкаго режима, и сама Турція предпочла бы уступить, чѣмъ рисковать своимъ спокойствіемъ и безопасностью, еслибы вопросъ объ автономіи ея христіанскихъ провинцій былъ поставленъ прямо и твердо одною изъ тѣхъ великихъ международныхъ группъ, на которыя дѣлится теперь Европа. Разумная, энергическая политика, ясно сознающая свои цѣли и точно разсчитывающая свои средства, не приводитъ и не можетъ приводить къ опаснымъ замѣшательствамъ и конфликтамъ, такъ какъ она своевременно предупреждаетъ ихъ; нагляднымъ примѣръ такой политики представляетъ намъ Германія, сохраняющая внѣшнее миролюбіе уже болѣе тридцати лѣтъ и тѣмъ не менѣе преслѣдующая свои національные интересы въ международныхъ дѣлахъ съ непреклонною энергіею и съ постояннымъ успѣхомъ. Какъ бы то ни было, мысль Леруа-Болье о созывѣ конференціи заслуживаетъ полнаго сочувствія, и попытка сдѣлать что-нибудь для прекращенія хроническихъ кровавыхъ неурядицъ на европейскомъ юго-востокѣ едва ли встрѣтила бы отпоръ даже среди всегдашнихъ охранителей турецкаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ.

Германія несомнѣнно принадлежитъ къ числу державъ, которыя отлично знаютъ, чего хотятъ и что̀ имъ нужно; въ этомъ отношеніи императоръ Вильгельмъ II является вѣрнымъ выразителемъ интересовъ и потребностей своего государства. Вильгельмъ II систематически упрочилъ свои связи съ Турціей и извлекъ изъ этого сближенія значительныя выгоды для германской націи; онъ открылъ для нѣмецкой предпріимчивости и нѣмецкихъ капиталовъ обширное поле дѣйствія въ Малой Азіи, устроивъ для нѣмцевъ концессію новой желѣзнодорожной линіи, имѣющей огромную будущность не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ смыслѣ. Вильгельмъ II ста-

рательно поддерживаетъ близкія дружественныя отношенія съ британскимъ правительствомъ, въ то время какъ неустанное и весьма успѣшное соперничество съ Англіею въ разныхъ частяхъ свѣта служитъ однимъ изъ руководящихъ принциповъ его политики. Германія, можно сказать, вырвала изъ рукъ англичанъ богатѣйшую добычу въ Китаѣ, не допустивъ подготовленнаго ими перехода долины Ян-тзе-Цяна въ сферу исключительнаго англійскаго вліянія. Мечтая о превращеніи германской имперіи въ первоклассную морскую державу, Вильгельмъ II ревниво слѣдитъ за каждымъ шагомъ Англіи и нерѣдко предупреждаетъ или парализуетъ ея пріобрѣтенія. Будучи близкимъ родственникомъ англійской королевской фамиліи, въ качествѣ внука королевы Викторіи и племянника короля Эдуарда VII, Вильгельмъ II умѣетъ пользоваться этой близостью въ интересахъ своей страны. Тѣсное сближеніе съ Англіею составляетъ также одну изъ давнишнихъ цѣлей его дипломатіи, такъ какъ для Германіи было бы чрезвычайно удобно расширять свое морское владычество при прямомъ или косвенномъ содѣйствіи англичанъ или по крайней мѣрѣ при ихъ оффиціальномъ дружескомъ сочувствіи. Вильгельмъ II отрекся отъ нѣмецкихъ симпатій къ бурскимъ вождямъ, чтобы доставить невинное удовольствіе англичанамъ и заслужить ихъ признательность передъ поѣздкою своею въ Англію; но поѣздка его на этотъ разъ не была удачна и вѣроятно не имѣла предположенныхъ политическихъ результатовъ: она совпала съ непріятными разоблаченіями и разсужденіями англійской печати относительно внѣшней политики Германіи.

Въ ноябрьской книжкѣ журнала „National Review“, вышедшей въ свѣтъ за нѣсколько дней до прибытія Вильгельма II, помѣщены весьма рѣзкія обличительныя статьи противъ нѣмецкихъ патріотовъ и ихъ императора; одна изъ статей подписана дипломатомъ, бывшимъ британскимъ посломъ въ Вѣнѣ, сэромъ Горасомъ Рембольдомъ; другая принадлежитъ самому издателю, а подъ третьею значится таинственная подпись „A. B. C. etc.“—коллективный псевдонимъ для разныхъ политическихъ дѣятелей, считавшихъ себя спеціалистами по внѣшней политикѣ. Общее вниманіе обратила на себя статья сэра Рембольда, какъ лица, занимавшаго еще недавно высокій постъ въ дипломатическомъ мірѣ и имѣвшаго возможность основательно изучить закулисныя пружины германской дипломатіи; этотъ компетентный авторъ, подъ предлогомъ восхваленія императора Франца-Іосифа, дѣлаетъ весьма язвительную характеристику его союзника, Вильгельма II, и отзывается крайне враждебно о Германіи, которая, по его „твердому убѣжденію“, остается „потенціально опаснѣйшимъ и неустаннымъ врагомъ Англіи“. Сэръ Горасъ Рембольдъ сохраняетъ еще вѣжливость относительно германскаго императора и отдаетъ

справедливость его личнымъ дружественнымъ чувствамъ, не соотвѣтствующимъ настроенію германской націи; но въ другихъ статьяхъ высказываются довольно безцеремонныя замѣчанія и догадки о вѣроятныхъ политическихъ мотивахъ и цѣляхъ наружнаго англофильства Вильгельма II. Почти одновременно съ открытіемъ этой журнальной кампаніи противъ нѣмцевъ, появились въ газетахъ оффиціозныя свѣдѣнія о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Германіи при переговорахъ, предшествовавшихъ очищенію Шанхая, и о попыткахъ ея вмѣшательства въ вопросъ объ уступкѣ англичанамъ португальской бухты Делагоа въ южной Африкѣ. Въ наиболѣе вліятельной части англійской прессы устанавливается общій тонъ недовѣрія и раздраженія относительно Германіи, и этотъ тонъ достигъ наибольшей рѣзкости во время пребыванія Вильгельма II въ Англіи. Въ привѣтственной передовой статьѣ по поводу прибытія „почетнаго гостя короля и націи", лондонскій „Times" замѣчаетъ, между прочимъ: „Привѣтствіе, съ какимъ мы встрѣчаемъ его, не должно быть понято въ томъ смыслѣ, что страна не помнитъ характера политики, преслѣдуемой германскимъ правительствомъ, или думаетъ смотрѣть на будущее развитіе ея съ небрежнымъ безразличіемъ. Ни чувства обязательной вѣжливости, ни уваженіе къ его сильной и притягательной личности не увлекутъ насъ на путь, по которому запрещаютъ намъ идти истинные интересы націи. Изъ прошлаго мы должны вспоминать примѣры, какіе слѣдуетъ вспоминать по соображеніямъ благоразумія. Мы надѣемся жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ Германіею, и постараемся не забывать, что рѣзкость ея дипломатическихъ пріемовъ испытываютъ на себѣ и другіе, точно также какъ и мы. Но мягкая, податливая довѣрчивость, въ которую мы впадаемъ слишкомъ охотно, должна быть признаваема неумѣстною при сношеніяхъ съ державою, которая такъ ясно показала свою готовность наносить раны и свою терпѣливую бдительность въ захватѣ всякой выгоды, крупной или мелкой;—эти качества и стремленія не станутъ слабѣе подъ вліяніемъ нашихъ уступокъ и любезностей". Вильгельму II было, конечно, не особенно пріятно видѣть въ Англіи этотъ враждебный поворотъ въ сужденіяхъ о германской внѣшней политикѣ; но, въ сущности, нѣмецкое патріотическое чувство должно бы считаться удовлетвореннымъ: англичане признали нѣмцевъ своими достойными соперниками и ставятъ имъ въ вину только чрезмѣрные и систематическіе успѣхи въ преслѣдованіи тѣхъ крупныхъ и мелкихъ выгодъ, которыя прежде доставались одной Англіи. Упреки англійскихъ патріотовъ равносильны похваламъ съ національной нѣмецкой точки зрѣнія. Осуждаемый англичанами за свою разсчетливую, чисто дѣловую дипломатію, Вильгельмъ II можетъ

утѣшаться сознаніемъ, что эта дипломатія приноситъ посильную реальную пользу отечеству и народу.

Въ дѣлахъ внутренней политической жизни Германіи оффиціальные представители власти играютъ нѣсколько иную роль, и Вильгельмъ II не всегда довольствуется выраженіемъ и защитою того, что̀ составляетъ дѣйствительный интересъ націи; онъ можетъ свободнѣе высказывать свои личныя чувства и идеи, не опасаясь практическихъ послѣдствій своихъ сужденій, и эти сужденія гораздо чаще противорѣчатъ господствующимъ взглядамъ, чѣмъ въ иностранной политикѣ. Когда умеръ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, Вирховъ, Вильгельмъ II ограничился оффиціальною телеграммою къ его семейству, съ выраженіемъ своего соболѣзнованія; а недавняя смерть одного изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ заводчиковъ, Круппа, превращена была въ оффиціальное событіе первостепенной важности, и императоръ произнесъ цѣлую рѣчь противъ лицъ, печатавшихъ о покойномъ какія-то клеветы и сплетни. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что Круппъ былъ болѣе цѣннымъ украшеніемъ нѣмецкой націи, чѣмъ Вирховъ, или что пушечное дѣло важнѣе, чѣмъ развитіе и процвѣтаніе наукъ; но каждый понимаетъ, что, напр., военное вѣдомство должно было ближе интересоваться издѣліями заводовъ Круппа, чѣмъ сочиненіями величайшихъ ученыхъ. Случайныя или произвольныя разногласія въ оцѣнкѣ людей и событій проходятъ безслѣдно при обычномъ свободномъ просторѣ національнаго общественнаго мнѣнія въ Германіи.

Парламентскіе и политическіе споры, поднятые проектомъ новаго таможеннаго тарифа, продолжаютъ волновать нѣмецкое общество и печать. По мѣрѣ того какъ подвигается впередъ обсужденіе его въ имперскомъ сеймѣ, оппозиція становится все болѣе энергическою и настойчивою, и борьба противъ аграрнаго протекціонизма все сильнѣе сосредоточивается въ рукахъ вождей соціально-демократической партіи. Чтобы помѣшать торжеству крупныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, добивающихся искусственнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ при помощи покровительственнаго тарифа, представители нѣмецкаго рабочаго класса прибѣгаютъ не только къ доводамъ логики и справедливости, но и къ спеціальнымъ пріемамъ парламентской тактики, напоминающимъ отчасти систематическую обструкцію; они вносятъ десятки поправокъ къ каждому параграфу проекта, требуютъ поименныхъ голосованій по всякому вопросу или предложенію, произносятъ безконечныя рѣчи и стараются затянуть пренія всевозможными способами, къ великой досадѣ противниковъ. Большинство въ имперскомъ сеймѣ стоитъ за протекціонизмъ; консерваторы, націонал-либералы и многочисленная партія центра имѣютъ противъ себя

только разрозненныя либеральныя группы и тѣсно сплоченную партію социаль-демократовъ. Меньшинство не имѣетъ уже шансовъ побѣды и располагаетъ единственнымъ лишь оружіемъ для противодѣйствія большинству—обструкціею въ различныхъ, болѣе или менѣе благовидныхъ ея формахъ; но и это оружіе можетъ быть отнято или значительно ослаблено волею большинства, путемъ соотвѣтственнаго измѣненія парламентскаго порядка обсужденія законопроектовъ. Одинъ изъ способовъ обструкціи, касающійся поименнаго голосованія, уже ограниченъ рѣшеніемъ большинства, принятымъ послѣ горячихъ двухдневныхъ преній; засѣданіе 13 ноября, посвященное этому второстепенному вопросу, продолжалось почти десять часовъ безъ перерыва и было закрыто по чисто внѣшней причинѣ—вслѣдствіе прекращенія дѣйствія электрическихъ аппаратовъ, освѣщающихъ залу палаты. Соціалистъ Гейне говорилъ въ теченіе трехъ съ половиною часовъ; внесено было болѣе двадцати предварительныхъ предложеній, и споры о голосованіи ихъ заняли значительную часть засѣданія; только на слѣдующій день удалось большинству провести предположенную ограничительную мѣру. Представители большинства грозятъ дальнѣйшими ограниченіями, если оппозиція не откажется отъ обструкціи, и не трудно предвидѣть, что всѣ усилія меньшинства останутся въ концѣ концовъ напрасными. Неутомимая энергія, обнаруженная соціально-демократическою партіею имперскаго сейма въ борьбѣ противъ аграрнаго протекціонизма, имѣла одинъ практическій результатъ: она заставила аграріевъ понизить свои требованія и согласиться на примирительныя предложенія правительства, такъ что проектъ тарифа будетъ вѣроятно принятъ безъ особенно крупныхъ измѣненій. Возможно ли будетъ, по принятіи новаго таможеннаго тарифа, возобновить торговые договоры съ другими державами и, главнымъ, образомъ съ Россіею на прежнихъ основаніяхъ—это другой вопросъ, о которомъ пока еще нельзя сказать ничего опредѣленнаго и который сильнѣе всего озабочиваетъ вліятельныя промышленныя сферы въ Германіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1902.

— Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Томъ первый. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра Перваго (1802 г. сентября 8—1825 г. ноября 19). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе канцеляріи Ком. мин. (Къ столѣтію Комитета министровъ 1802—1902). Спб. 1902.
— Томъ второй. Часть I. Комитетъ министровъ въ царствованіе императори Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18). Спб. 1902.
— Томъ второй. Часть II. (Тотъ же историческій періодъ). Спб. 1902.

Нынѣшній годъ и слѣдующій отмѣчены особымъ богатствомъ историческихъ юбилеевъ. Въ нынѣшнемъ году совершилось столѣтіе съ основанія министерствъ, и сколько извѣстно, издаются ихъ исторіи, которыя, надо ожидать, представятъ важный историческій матеріалъ; въ будущемъ году совершится двухсотлѣтіе основанія Петербурга.

Столѣтіе Комитета министровъ уже ознаменовано названнымъ выше изданіемъ. Обзоръ вѣковой дѣятельности учрежденія требовалъ, конечно, весьма продолжительнаго труда, и въ предисловіи мы читаемъ, что первое предположеніе объ этомъ обзорѣ исходило отъ управляющаго дѣлами Комитета, статсъ-секретаря Куломзина, когда предсѣдателемъ Комитета министровъ былъ М. Х. Рейтернъ, еще въ 1885 году.

На первый разъ, исполненіемъ этого плана имѣлось въ виду „открыть наукѣ доступъ къ хранящимся въ архивѣ Комитета министровъ историческимъ матеріаламъ, относящимся къ эпохѣ царствованія имп. Александра I и не подлежащимъ безусловной тайнѣ". Такимъ образомъ, въ 1888—91 годахъ изданы были два тома „Журналовъ Комитета министровъ" за 1802—1812 годы съ обширнымъ предисловіемъ, гдѣ изложена исторія возникновенія Комитета и разсмотрѣны его устройство и компетенція за время царствованія имп. Александра I. Дальнѣйшая работа была задержана тѣмъ, что въ 1892 г. учрежденъ былъ комитетъ сибирской желѣзной дороги, все дѣлопроизводство котораго сосредоточено было въ канцеляріи Комитета министровъ, что

и отвлекло ея наличныя силы; но затѣмъ работа возобновилась, и составленіе обзора было поручено г. Середонину.

При составленіи „Обзора“ приняты были мѣры къ тому, чтобы внести въ него лишь тѣ стороны дѣятельности Комитета министровъ, которыя имѣли историческій интересъ. Иначе, дѣйствительно, „Обзоръ“ могъ быть загроможденъ массою архивнаго матеріала, совсѣмъ излишняго съ этой точки зрѣнія. Такимъ образомъ, отсюда исключены очень многочисленныя дѣла по личному составу управленія: назначенія, увольненія, отпуски, пособія и т. п. О такихъ дѣлахъ предполагалось только упомянуть, какъ о разрѣшаемыхъ Комитетомъ. Такимъ же образомъ опускались дѣла, поступавшія въ Комитетъ только къ свѣдѣнію и которыя принадлежатъ собственно разнымъ министерствамъ и инымъ вѣдомствамъ.

Главное вниманіе обращено было на тѣ дѣла, въ рѣшеніи которыхъ Комитетъ принималъ непосредственное участіе,—и именно, во-первыхъ, дѣла, по которымъ состоялись рѣшенія Комитета, составляющія новыя законоположенія или доставлявшія образецъ для рѣшенія однородныхъ дѣлъ; во-вторыхъ, дѣла, по которымъ послѣдовали особыя Высочайшія резолюціи и по которымъ возникали въ Комитетѣ пренія; дѣла эти, между прочимъ, важны тѣмъ, что опредѣляли положеніе Комитета министровъ въ ряду другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій и его дѣятельность, „направленную къ согласованію закона съ дѣйствительностью“.

„На многихъ положеніяхъ Комитета находятся собственноручныя Высочайшія резолюціи; по многимъ дѣламъ подаваемы были особыя мнѣнія. Такимъ образомъ, помимо того интереса, который представляютъ вносимыя въ Комитетъ дѣла и его положенія, русской исторической наукѣ и литературѣ открывается рядъ документальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о стремленіяхъ и воззрѣніяхъ государей Россіи XIX вѣка и ихъ главныхъ сотрудниковъ“.

Интересъ къ новѣйшей русской исторіи, столь естественный, въ послѣднее время очень распространенъ въ нашемъ обществѣ и постоянно возростаетъ. Поэтому нельзя не встрѣтить съ особымъ сочувствіемъ слѣдующія замѣчанія предисловія, указывающаго взглядъ самого вѣдомства:

„Разработка новѣйшей исторіи, столь необходимой для *общественнаго самосознанія*, у насъ только еще начинается; сложившіяся и слагающіяся представленія о ея главнѣйшихъ дѣятеляхъ основываются частью на показаніяхъ, свидѣтельствахъ и впечатлѣніяхъ современниковъ этихъ лицъ, частью же на заключеніяхъ о характерѣ принятыхъ и проведенныхъ мѣропріятій.

„Даннымъ перваго рода, т.-е. показаніямъ современниковъ, обык-

новенно слишкомъ субъективнымъ, журналы Комитета противополагаютъ показанія документальныя, подлинныя мнѣнія государственныхъ дѣятелей по многимъ вопросамъ управленія; сужденія, основанныя на общемъ характерѣ принятыхъ кѣмъ-либо мѣръ, журналы Комитета часто измѣняютъ или исправляютъ указаніемъ на условія и обстоятельства, при которыхъ проведены были эти мѣропріятія, и которыя, т.-е. обстоятельства и условія, оставались доселѣ неизвѣстными".

Оба источника историческихъ свѣдѣній несомнѣнно имѣютъ великую важность; но, во всякомъ случаѣ, для нашихъ историческихъ изученій имѣетъ первостепенную важность извлеченіе данныхъ изъ архивовъ государственныхъ учрежденій, на первый разъ хотя въ общихъ обзорахъ, какъ настоящій,—и чѣмъ подробнѣе эти обзоры, тѣмъ, конечно, лучше.

Словомъ, „Обзоръ" представляетъ очень цѣнный вкладъ въ новѣйшую русскую исторіографію.

— А. С. Борецкій. Милліонъ. Разсказъ. Спб. 1902. (Изданіе *редакціи* журнала „Образованіе").

Въ предисловіи „издателя" объясняется, что разсказу г. Борецкаго, помѣщенному въ журналѣ „Образованіе", повидимому, удалось заинтересовать нѣкоторые слои нашего интеллигентнаго общества: „этотъ интересъ вызывается отнюдь не художественной стороной разсказа, а обусловливается исключительно тѣми *чисто практическими* задачами, которыя поставлены въ немъ авторомъ". А именно, разсказъ „имѣетъ своею цѣлью обратить вниманіе общества на неотложную необходимость возможно болѣе активной и систематической дѣятельности въ области внѣ-школьнаго образованія народа". У автора сложилась цѣлая программа, совмѣстившая „всѣ разнообразныя, *наиболѣе важныя* и *существенныя*" (кажется, это—одно и то же) „нужды внѣ-школьнаго образованія народа".

Затѣмъ, „издатель" замѣчаетъ, что фабула разсказа невольно напоминаетъ „извѣстный англійскій романъ Вальтера Безанта, романъ, въ которомъ авторомъ былъ детально нарисованъ планъ „Народнаго Дворца" въ Истъ-Эндѣ. ...Роману Безанта суждено было съиграть *крупную* и *выдающуюся*" (кажется, это—одно и то же) „роль въ дѣлѣ культурнаго развитія рабочихъ массъ, благодаря тому, что среди англійскаго общества тотчасъ же нашлись лица, которыя поспѣшили предложить свои средства для осуществленія плана, развитаго романистомъ".

Издатель выражаетъ надежду, что, быть можетъ, и настоящій

разсказъ, подобнымъ образомъ, возъимѣетъ практическія послѣдствія для „скорѣйшаго *осуществленія* этихъ задачъ, *проведенія ихъ въ жизнь*" (кажется, это—одно и то же).

Фабула разсказа немногосложна. Существуетъ нѣкто Вьюгинъ, сотрудникъ журнала „Новыя Вѣянія". Вьюгинъ—даровитый публицистъ, въ особенности горячій проповѣдникъ народнаго образованія, сколько возможно широкаго. Въ одно прекрасное утро является къ нему нѣкто Полозовъ, „архимилліонеръ", который начитался статей Вьюгина, увлекся ими за себя и за своихъ брата и сестру, и въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ послѣдними, рѣшилъ сдѣлать пожертвованіе для прекраснаго дѣла, проповѣдуемаго Вьюгинымъ. Всѣ Полозовы богаты; они сложились по нѣскольку сотъ тысячъ, такъ что новый знакомецъ Вьюгина предоставилъ въ его распоряженіе для цѣлей народнаго образованія—милліонъ. Они начинаютъ разсуждать, что̀ нужно сдѣлать на этотъ милліонъ,—Полозовъ, впрочемъ, предоставилъ это на полное усмотрѣніе Вьюгина, который и развиваетъ цѣлую программу образовательныхъ изданій для народа, разъясняетъ, какъ составить редакцію этихъ изданій, какія излагать народу науки, съ какихъ книгъ начать и т. д., какъ задавать писателямъ темы, назначать конкурсы, и пр. Вьюгинъ все волновался, говорилъ... Наконецъ, онъ услышалъ стукъ въ дверь. Онъ остановился; пошелъ отворить дверь и встрѣтилъ посыльнаго изъ типографіи, пришедшаго за статьей. Было утро. Оказалось, что „архимилліонеръ" и вся восторженная бесѣда съ нимъ—былъ сонъ.

Намѣреніе автора было, конечно, самое лучшее. Но пріемъ намъ не очень нравится. Беллетристическія манеры (какъ пришелъ къ Вьюгину редакторъ, какъ „пронеслась юркая горничная", какъ редакторъ закурилъ папиросу и „выпустилъ огромную струю дыма" и т. д.), по нашему крайнему разумѣнію, совершенно ненужны, потому что слишкомъ банальны; не нуженъ вовсе и самый сонъ. Неужели самый предметъ такъ мало значителенъ, что къ нему надо привлекать такими беллетристическими приманками? Примѣръ Вальтера Безанта сюда не совсѣмъ идетъ—по разнымъ причинамъ; между прочимъ, потому, что въ нашемъ обществѣ вовсе нѣтъ, какъ въ англійскомъ, такихъ просвѣщенныхъ „архимилліонеровъ", которые способны были бы на подобныя широкія предпріятія; затѣмъ, есть громадная разница въ нравахъ, въ положеніи общественной иниціативы, и т. д.

Одна изъ первыхъ задачъ для просвѣтительной филантропіи, которой преданы даровитый публицистъ и благожелательный „архимилліонеръ", состоитъ не въ томъ, какую „программу" установить для „внѣ-школьнаго образованія", какую книжку издать сначала, и какую потомъ: „мракъ невѣжества" у насъ безграниченъ, и съ какой полез-

ной книжки ни начинать—совершенно безразлично. Прежде, чѣмъ надѣяться на поддержку „общества“, надо бы вспомнить о цѣломъ положеніи вопроса. Несмотря на всѣ горькіе опыты, которые грозятъ продолжаться и впредь, опыты голодовъ и сельско-хозяйственнаго разстройства народа, въ чемъ несомнѣнно участвовало и отсутствіе порядочной школы,—у насъ все еще господствуетъ недовѣріе къ настоящей народной школѣ (нужна ли она, не довольно ли простой дьячковской школы?), даже прямо враждебное къ ней отношеніе. Не однажды можно было читать въ современной „прессѣ“, что народная школа ненужна,—потому что „народомъ невѣжественнымъ управлять легче“! Это почти невѣроятно, но мы это читали даже недавно, и такія соображенія отзывались на судьбѣ школы. Это — одно глубокое и поистинѣ гибельное заблужденіе. Другимъ прискорбнымъ явленіемъ общественной жизни было издавна и донынѣ крайне неясное, необезпеченное положеніе общественной иниціативы. Можно сказать, съ немалымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, что за послѣдніе десятки лѣтъ въ нашемъ обществѣ было много замѣчательныхъ примѣровъ дѣятельнаго интереса къ несомнѣнно благотворнымъ вопросамъ просвѣщенія, общественной и народной пользы,—какъ высшіе женскіе курсы (общіе и медицинскіе), комитетъ грамотности; но извѣстно, съ какими трудностями соединялось для общественной иниціативы достиженіе этихъ задачъ, и, къ сожалѣнію, эти трудности бывали иногда неодолимы. Нѣкоторыя изъ самыхъ симпатичныхъ и полезныхъ предпріятій падали — не отъ недостатка къ нимъ интереса общества... Однимъ словомъ, предстоитъ еще задача — разъяснить основной вопросъ, который давно уже былъ поставленъ, но все еще не вошелъ въ общественное сознаніе, ни въ высшихъ вліятельныхъ кругахъ общества, ни въ народныхъ массахъ. Намъ кажется, было бы убѣдительно и полезно разъясненіе дѣла, не теоретическое только, и не лирическое, въ беллетристическихъ сновидѣніяхъ, а именно разъясненіе фактическое и наглядное. Въ настоящую минуту, въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ, работающихъ для правительственнаго Особаго Совѣщанія,—насколько эти труды бываютъ извѣстны въ печати,—является не мало очень цѣнныхъ указаній между прочимъ объ „умственныхъ и духовныхъ нуждахъ“ народной жизни. Собрать фактическія данныя подобнаго рода было бы очень полезно и, думаемъ, интересно для общества,—и вѣроятно, убѣдительнѣе, чѣмъ фантастическій сонъ, даже съ его украшеніями во вкусѣ новѣйшей беллетристики („редакторъ выпустилъ огромную струю дыма“—изъ одной папиросы, что̀ даже сомнительно; „юркая горничная пронеслась“ и т. п.).

Намѣренія автора „Милліона“ были прекрасныя; но кажется намъ,

что предметъ, который онъ такъ близко принимаетъ къ сердцу, требовалъ бы иного изложенія, именно фактическаго. Матеріала разсѣяно очень много въ журнальной и газетной печати, и стоило бы труда собрать эти осязательныя данныя народной нужды, которыя указывали бы, что̀ необходимо для „внѣ-школьнаго“ образованія народа, а прежде всего для его образованія „школьнаго“.

— Обзоръ кустарныхъ промысловъ Россіи. Составленъ по порученію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, членомъ-дѣлопроизводителемъ Кустарнаго Комитета означеннаго министерства Н. В. Пономаревымъ, подъ редакціею Д. А. Тимирязева. Спб. 1902.

Прекрасно исполненное по внѣшности изданіе министерства земледѣлія и госуд. имуществъ очень любопытно и поучительно по своему содержанію. Кустарные промыслы русскаго народа въ послѣднее время стали предметомъ особеннаго интереса и изученія; недавняя выставка кустарныхъ издѣлій привлекла къ себѣ большое вниманіе и, вѣроятно, способствовала болѣе серьезному пониманію въ обществѣ этого обширнаго явленія народнаго труда. Изданіе министерства можетъ послужить, между прочимъ, цѣннымъ вкладомъ въ бытовое изученіе русскаго народа.

Книга открывается обширнымъ предисловіемъ Д. А. Тимирязева, гдѣ авторъ разъясняетъ вопросъ объ экономическомъ значеніи кустарной промышленности, относительно котораго, какъ извѣстно, существуютъ мнѣнія положительныя и отрицательныя. Именно многіе думаютъ, что кустарная промышленность составляетъ принадлежность только болѣе или менѣе первобытнаго экономическаго строя и что, съ дальнѣйшимъ развитіемъ его, она должна неизбѣжно падать; что развитіе техническихъ знаній и другія условія экономическаго прогресса неизбѣжно поведутъ къ спеціализаціи и дробности труда и, въ концѣ концовъ, къ поглощенію мелкихъ производствъ крупными. Само собою разумѣется, что одно усовершенствованіе техники способно возъимѣть большое дѣйствіе на кустарные промыслы, можетъ—если не уничтожить, то видоизмѣнить ихъ; что фабричное производство также окажетъ свое вліяніе, и производство кустарное можетъ, въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ, или падать, или получать иное направленіе,—но въ цѣломъ намъ представляются очень любопытными и поучительными общія замѣчанія г. Тимирязева объ условіяхъ и особенностяхъ нашего кустарнаго промысла. Возражая противъ упомянутыхъ ожиданій, что этотъ промыселъ долженъ упасть съ развитіемъ экономическаго строя и именно стать жертвою капитализма, авторъ

ставитъ общее положеніе, что „кустарная промышленность зиждется на началахъ, которыя находятся въ коренномъ противорѣчіи съ характеромъ такъ называемой капиталистической эволюціи". „Въ чистой своей формѣ кустарная промышленность представляетъ собою прежде всего соединеніе занятія земледѣліемъ съ занятіемъ какимъ-либо ремесломъ или какою-либо отраслью обработывающей промышленности. Затѣмъ, подъ кустарями слѣдуетъ разумѣть исключительно хозяевъ самыхъ мелкихъ предпріятій, въ основѣ которыхъ лежитъ преимущественно трудъ членовъ собственной семьи"... Общее развитіе техники и капиталистическаго производства имѣетъ, безъ сомнѣнія, неблагопріятное значеніе для кустарной промышленности,—но, замѣчаетъ г. Тимирязевъ,—„въ нашемъ отечествѣ ходъ подобнаго рода эволюціи встрѣчаетъ трудно преодолимыя препятствія въ естественныхъ условіяхъ"—прежде всего въ нашихъ безконечныхъ пространствахъ и продолжительныхъ зимахъ,—послѣднее даетъ много досуга на время прекращенія полевыхъ работъ, и этотъ досугъ можетъ идти на домашнюю кустарную работу, гдѣ, какъ въ побочномъ дѣлѣ, рабочій можетъ довольствоваться скромнымъ заработкомъ. Наконецъ, подавляющее вліяніе капитала можетъ устраняться артельнымъ началомъ. „Опытъ свидѣтельствуетъ, что преимущество капитала весьма успѣшно парализируется при помощи такихъ мѣръ, какъ образованіе мелкими предпріятіями союзовъ съ спеціальными цѣлями совмѣстной закупки сырыхъ матеріаловъ, совмѣстнаго сбыта своихъ произведеній, совмѣстнаго пользованія кредитомъ и т. п.". „Въ настоящее время начало этого движенія наблюдается и у насъ. Исконная же склонность нашего населенія къ образованію артелей и наличность столь широко распространеннаго союза, какова община, представляютъ собою весьма благодарную и воспріимчивую почву для успѣшнаго примѣненія началъ коопераціи". Авторъ приводитъ любопытные примѣры того, какъ промыселъ кустарный можетъ сохраняться рядомъ съ фабричнымъ производствомъ, какъ работа кустарная, напр. въ изготовленіи земледѣльческихъ орудій, представляетъ даже свои преимущества, когда въ своей передѣлкѣ упрощаетъ и удешевляетъ эти орудія, и т. п.

Можно было бы прибавить, что въ извѣстныхъ случаяхъ ручная, т.-е. кустарная работа предпочитается фабричной, напр. домотканный холстъ, кружево ручной работы и т. п.

Наконецъ, авторъ вкратцѣ упоминаетъ исторію отношеній правительства къ кустарнымъ промысламъ. Еще Екатерина II обращала на нихъ вниманіе и указывала пользу „разсѣянной промышленности"; но главнымъ образомъ интересъ къ этому вопросу развился только въ послѣднія десятилѣтія: онъ выразился сначала экономическимъ и статистическимъ изученіемъ вопроса, а затѣмъ, съ 1888 г., когда вопросъ

о кустарной промышленности перешелъ въ вѣдѣніе министерства госуд. имуществъ, стали приниматься практическія мѣры къ поддержанію и развитію кустарныхъ промысловъ по программѣ, выработанной министерствомъ.

Затѣмъ, самая книга заключаетъ въ себѣ описаніе разнообразныхъ кустарныхъ промысловъ: обработка дерева;—волокнистыхъ веществъ;—металловъ; — минераловъ. Описываются способы производства, указывается мѣстность промысла; наконецъ, приложены 34 рисунка, изображающіе обстановку работы.

— П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ Спб. 1902.

Г-нъ Милюковъ сдѣлалъ несомнѣнно большое удовольствіе своимъ читателямъ и почитателямъ, собравши въ книгу статьи по исторіи русской интеллигенціи, разбросанныя въ журналахъ и газетахъ, гдѣ, послѣ данной минуты, ихъ было бы трудно разыскивать. Статьи извлечены изъ „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостей“, „Міра Божьяго“ и т. д.; въ текстѣ „не сдѣлано никакихъ измѣненій, кромѣ очень немногихъ стилистическихъ поправокъ, имѣвшихъ цѣлью облегчить чтеніе“. „Поводомъ собрать въ одинъ сборникъ всѣ статьи, относящіяся къ „Исторіи русской интеллигенціи“, было желаніе автора сдѣлать эти статьи доступными для читателей его „Очерковъ по исторіи русской культуры“,—чтобы тѣмъ самымъ освободить себя отъ необходимости повтореній въ составляемомъ теперь III томѣ „Очерковъ“.

Своими „Очерками“ и обзоромъ русской исторіографіи авторъ пріобрѣлъ такой, вполнѣ заслуженный, авторитетъ, что нѣтъ надобности говорить о великомъ интересѣ и поучительности новой его книги. Это—рядъ историческихъ очерковъ, на пространствѣ послѣднихъ полутора вѣковъ русской общественности, очерковъ, написанныхъ съ обычной у автора вдумчивостью въ содержаніе историческихъ явленій и опредѣленностью ихъ изображенія. Въ книгѣ помѣщены слѣдующія статьи: „Верховники и шляхетство“ — новое изложеніе и освѣщеніе событій вступленія на престолъ имп. Анны Іоанновны; „Сергѣй Тим. Аксаковъ“; „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“ (Станкевичъ; Бѣлинскій; А. И. и Н. А. Герцены); „Памяти Герцена“ (главныя черты его жизни); „По поводу переписки В. Г. Бѣлинскаго съ невѣстой“; „Надеждинъ и первыя статьи Бѣлинскаго“; „Университетскій курсъ Грановскаго“ (обозрѣніе историческихъ взглядовъ Грановскаго и роль его въ исторіи университетскаго историческаго препо-

даванія); „Разложеніе славянофильства“ (Н. Данилевскій, К. Леонтьевъ, Вл. С. Соловьевъ).

Собирая свои разбросанныя въ журналахъ и другихъ изданіяхъ статьи, г. Милюковъ сдѣлалъ къ нимъ и весьма любопытное дополненіе—въ иллюстраціяхъ.

„Благодаря любезному разрѣшенію г. директора Государственнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, С. М. Горяинова, и содѣйствію служащаго въ Архивѣ, Н. П. Павлова-Сильванскаго, оказалось возможнымъ приложить къ настоящему изданію факсимиле интереснаго историческаго документа—„кондицій“ имп. Анны, сперва подписанныхъ ею, а потомъ разорванныхъ, но сохранившихся въ Государственномъ Архивѣ. Спимокъ съ рельефнаго изображенія Станкевича сдѣланъ былъ, по моей просьбѣ, уважаемой Н. С. Бакуниной, у которой хранится оригиналъ. Снимокъ съ малоизвѣстнаго портрета Герцена—въ томъ возрастѣ, къ которому относится его переписка съ будущей женой, Н. А. Захарьиной,—и съ портрета самой Н. А., сдѣланнаго въ Италіи въ 1847 году, любезно сообщены мнѣ извѣстной изслѣдовательницей сороковыхъ годовъ, Е. С. Некрасовой. Портретъ молодого Бѣлинскаго,—тоже въ томъ возрастѣ, къ которому относятся главныя событія его сердечной исторіи (27—28 лѣтъ, въ 1837—1838 году),—недавно былъ изданъ въ краскахъ во II томѣ „Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго“, п. р. С. А. Венгерова“.—А. И.

— По Москвѣ и ея окрестностямъ. Путеводитель-справочникъ для туриста и москвича. Изданіе постоянной коммиссіи по техническому образованію. М. 1903. Состав. П. Ѳ. Горностаевъ и Я. М. Богуславскій. Ц. 1 р. 25 к.

Изящно изданная книжка, съ многими иллюстраціями и картами, составлена по строго обдуманному плану—представляетъ въ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ не только внѣшній видъ, но и внутреннюю жизнь Москвы, въ связи ея настоящаго съ ея историческимъ прошлымъ. Отсюда включеніе въ „Путеводитель“ историческаго очерка Москвы, очерка развитія Москвы въ художественно-архитектурномъ отношеніи, очерка жилищныхъ и санитарныхъ условій города, дѣятельности городского общественнаго управленія и т. д. Въ общемъ, книжка составлена очень хорошо и полно, но въ будущихъ изданіяхъ этого несомнѣнно полезнаго и предназначеннаго для усиленія средствъ образовательныхъ учрежденій московскаго отдѣленія императорскаго русскаго техническаго общества труда желательно видѣть исправленіе нѣкоторыхъ частностей. Такъ, напр., въ историческомъ очеркѣ Москвы совершенно категорически утверждается, что Лжедимитрій I

былъ инокъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ, и что Наказъ Екатерины II написанъ по сочиненіямъ Монтескье и энциклопедистовъ, тогда какъ современное состояніе вопроса о первомъ самозванцѣ не даетъ основанія для такого рѣшительнаго взгляда на происхожденіе и личность послѣдняго, а послѣ труда С. М. Заруднаго о Беккаріи можно считать доказаннымъ, что Наказъ въ значительной части есть переводъ сочиненія знаменитаго итальянскаго писателя „Dei delitti e peni“. Неяснымъ представляется сообщеніе о томъ, что старые бояре, съ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ, *воспользовались* присутствіемъ поляковъ въ Москвѣ, чтобы низложить и убить самозванца. Слишкомъ односторонне охарактеризованъ кружокъ Станкевича, и едва ли правильно помѣщена консультація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ среди ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Нельзя не замѣтить, что и прекрасная мысль указать могилы русскихъ писателей выполнена не совсѣмъ удачно. Не указаны многія памятныя имена, а нѣкоторыя охарактеризованы неполно и поверхностно. Такъ, забыта могила—въ Донскомъ монастырѣ—Н. И. Крылова, одного изъ талантливѣйшихъ и любимѣйшихъ профессоровъ московскаго университета, и въ Новодѣвичьемъ—Владиміра Сергѣевича Соловьева; не указаны мѣста, гдѣ лежатъ въ Даниловскомъ монастырѣ Николай Рубинштейнъ и Перовъ; Ѳ. М. Дмитріевъ, авторъ солиднѣйшихъ ученыхъ трудовъ, отмѣченъ лишь какъ авторъ *брошюры* „О революціонномъ консерватизмѣ“ и т. п.

Цѣна книжки — 1 р. 25 коп. въ переплетѣ — можетъ быть признана довольно умѣренной. — К.

Въ теченіе ноября, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры.

Абамелекъ-Лазаревъ, кн.—Вопросъ о нѣдрахъ и развитіе горной промышленности въ XIX столѣтіи. Спб. 902.

Анненская, А. Н.—Анна, романъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 902. Ц. 50 к.

Бабинъ, Мих.—Индивидуализмъ римскаго права. Ярославль. 902.

Бехтѣевъ, С. С. — Хозяйственные итоги истекшаго сорокапятилѣтія и мѣры къ хозяйственному подъему. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Блиновъ, Н.—Жизнь Робинзона. Съ 102 рис. Изд. 3-е. М. 902. Ц. 70 к.

Блюменталь, д-ръ, Ф. М.—Объ амбулаторіяхъ для легочныхъ больныхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи и значеніе ихъ въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ. Спб. 902.

Богдановъ, А. — Краткій курсъ экономической науки. Изд. 3-е. М 902. Ц. 1 р. 20 к.

Богословскій, Н. А.—Матеріалы для изученія нижнемѣловой аммонитовой фауны центральной и сѣверной Россіи. Съ 18-ю палеонтологическими таблицами. Спб. 902.

Болконскій, А.—Ученіе гр. Л. Н. Толстого о всеобщемъ мирѣ. Критическій этюдъ, съ очеркомъ развитія дѣла всеобщаго мира съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Воронежъ. 902. Стр. 83. Ц. 50 к.

Боровиковскій, А. Л.—Конституція семьи, по проекту гражданскаго уложенія. Спб. 902.

Брандесъ, Георгъ.—Собраніе сочиненій. Съ датскаго, п. р. М. В. Лучицкой. Т. VII: Реакція во Франціи. Кіевъ. 902. Т. VIII: Романтическая школа во Франціи. Кіевъ. 902. Ц. за всѣ 12 томовъ—5 руб.

Браунъ, Лили.—Женскій вопросъ, его историческое развитіе и экономическое значеніе. Спб. 903. Ц. 2 р.

Бэрингъ-Гульдъ и *Брунэ*.—Въ лѣсахъ Флориды. Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Составл. М. Гранстремъ. Спб. 903.

Вегетаріанка.—Нѣчто о вегетаріанствѣ. Вып. 1. Спб. 902. Ц. 15 к.

Витте, С.—Повѣсти: У озера.—На волоскѣ. Од. 901. Ц. 75 к.

——— Разсказы: Три встрѣчи. — Новое счастье. — Сенька. Од. 1899. Ц. 40 к.

——— Первый опытъ, пов. Од. 1898. Ц. 75 к.

Головинъ, К. (К. Орловскій). — Полное собраніе сочиненій. Т. VI: Блудный братъ, ром. въ 2 ч. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Горностаевъ, П. Ѳ., и *Богуславскій*, Я. М. — По Москвѣ и ея окрестностямъ. Путеводитель-справочникъ для туриста и москвича. Съ 50 иллюстр., картин. окрестностей Москвы и планомъ города. М. 902. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

Гриммъ, братья.—Сказки и Легенды. Перев. А. С. Фридеманъ. Съ иллюстраціями. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 903. Ц. за 2 т.—2 р. 40 к.

Дебольскій, Н. Н. — Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Дитрихъ, Г., д-ръ. — Леченіе свѣтомъ и его примѣненіе при болѣзняхъ кожи, почекъ, разстройствѣ обмѣна веществъ, ревматизмѣ, подагрѣ, волчанкѣ, малокровіи; болѣзней печени, общей слабости и т. д. Перев. В. К—ой, п. р. и съ примѣч. Г. Цѣханскаго. М. 903. Ц. 50 к.

Дорошевичъ, В. М. — Сахалинъ. (Каторга). Съ иллюстраціями. М. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Зайцевъ, проф., А. М.—Озеро Шира и его окрестности. Съ 15-ью фототип. и картою. Томскъ. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Зеленковъ, д-ръ мед., А. П. — Біологическія бесѣды. Вып. 1. Спб. 902. Ц. 35 к.

Зелинскій, В. — Методическая хрестоматія для обученія русскому языку. III: Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и образцовыхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 3-е. М. 902. Ц. 1 р.

Ильенко, И.—Закаспійская область. Очеркъ. М. 902. Ц. 25 к.

Катаевъ, К.—Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи. М. 902. Ц. 25 к.

Каллашъ, В. В.—Puschkiniana. I. Библіографическіе труды о Пушкинѣ, ихъ общій характеръ и научное значеніе. II. Стихотворенія о Пушкинѣ. 1817—1849. Кіевъ. 902.

Каривинъ, Ю. И.—Разсказы о пѣсняхъ и пѣвцахъ. Очерки изъ исторіи литературы. Сарат. 902. Ц. 15 к.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга Древней исторіи. Съ историческими картами. 2-е изд. Первое допущ. Учен. Комит. мин. нар. просв., какъ учебное руковод., въ старшихъ классахъ гимназіи. Спб. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Кожевникова, Марія.—Материнство и умственная работа. М. 902. Ц. 25 к.

Кондратьевъ, д-ръ, А. П. — Краткій курсъ военной гигіены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ сраженія. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Кирпичниковъ, А.—Повѣсти и разсказы. Кн. I. М. 902. Ц. 70 к.

Косичъ, М. Н.—Литвины-Бѣлоруссы черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни. Спб. 902.

Котляръ, Д. И. — Срединное царство. Очеркъ жизни и исторіи Китая. Съ 21 рис. въ текстѣ. Изд. О. Поповой. Спб. 903. Ц. 80 к.

Лависсъ, чл. франц. акад.—Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, среднихъ вѣкахъ и объ исторіи новаго времени. Т. II. Современная эпоха. Перев. съ 12-го изд. Е. Кончаловской. М. 903. Ц. 35 к.

Ландсбергъ, Г.—Долой Гауптмана. Съ нѣм. М. Семенова. М. 902. Ц. 70 к.

Левинъ, Е. Б. — Сборникъ ограничительныхъ законовъ и постановленій о евреяхъ по 1-е іюля 1902 г. Спб. 902.

Липпсъ, Т.—Самосознаніе. Съ нѣм. М. Лихаревъ. Спб. 903. Ц. 30 к.

Лохвицкая (Жиберъ), М. А.—Стихотворенія. Т. IV. 1900—1902. Спб. 903. Ц. 2 р.

Лугаковскій, В. А. — Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. I: Гоголь. Спб. 903. Ц. 40 к.

Лютостанскій, И.—Талмудъ и Евреи. I. Талмудъ есть религіозный катихизисъ и въ немъ вся сила злобно-ядовитаго ученія противъ христіанъ. II. Евреи и тайныя дѣянія ихъ по ученію Талмуда. Компиляція изъ разныхъ талмудовъ и комментаріевъ. Книга первая, изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Мельшинъ, Л. — Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. II. 2-е. изд. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Менвиль-Феннъ.—Живчикъ. Разсказъ для дѣтей. Съ англ. М. Гранстремъ. Съ 20 рис. 2-е изд. Одобрено Учен. Комит. по учрежд. имп. Маріи для ученич. библ. и младш. классовъ средне-учебн. заведеній. Спб. 902. Ц. 2 р.

Милюковъ, П. — Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Съ портретами: Н. Станкевичъ; В. Бѣлинскій; Н. А. Герценъ; А. И. Герценъ, и снимокъ съ „Кондицій" имп. Анны. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Можаровскій, Ал.—Звѣріада. Сказка-поэма изъ русскаго животнаго эпоса. Тамб. 902. Ц. 60 к.

Мутеръ, Р.—Исторія живописи въ XIX-мъ вѣкѣ. Т. III. Перев. З. Венгеровой. Спб. 902.

Нордау, Максъ. — Собраніе сочиненій. Съ нѣм., п. р. В. Н. Михайлова. Т. VIII: I. Болѣзнь вѣка. II. Анализы души. Кіевъ. 902. Ц. за 12 том. 5 р.

Оболенскій, Л. Е.—Максимъ Горькій и причины его успѣха. (Опытъ параллели съ А. Чеховымъ и Глѣбомъ Успенскимъ). Критическій этюдъ. Спб. 903. Стр. 142. Ц. 50 к.

Ожешко, Элиза. — Собраніе сочиненій. Т. X: I. Одна сотня. II. Хамъ. Съ польск. п. р. С. С. Зелинскаго. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т.—4 р.

Пекаторосъ, Г.—Современныя настроенія. Діалоги. Од. 902. Ц. 20 к.

Першке, Л. Л.—Отчетъ завѣдующаго акцизными сборами Закавказскаго края о ходѣ акцизнаго дѣла въ 1900 г.

Пиленко, Ал.—Право изобрѣтателя. Привилегія на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ. Историко-догматическое изслѣдованіе. Т. II. Спб. 903. Ц. 2 р.

Платоновъ, А. — Вокругъ маяка. I. Давно рѣшенный вопросъ и новый споръ по поводу него. II. Что намъ говорятъ „Исповѣдники" Боборыкина? III. Изъ мрака въ царство свѣта. Красноярскъ. 902.

Подкольскій, В. В.—Вечеромъ. Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Позняковъ, Н. И.—Ничего. Разсказы про людей. Спб. 903. Ц. 1 р.

Пономаревъ, Н. В.—Обзоръ кустарныхъ промысловъ Россіи, составл. п. р. Д. А. Тимирязева. Изд. Мин. Землед. и Г. Им. Спб. 902.

Прокоповичъ, С. Н.—Кооперативное движеніе въ Россіи. Спб. 903. Ц. 2 р.

Р., И.—Рабиновичъ и Сіонизмъ. Спб. 902. Ц. 15 к.

Рагозина, З. А. — Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Ассиріи, отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. Съ 101 рис. и 2-мя картами, печат. красками. Спб. Изд. Изд. А. Маркса. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Роберовскій, В. И.—Труды экспедиціи Имп. Русск. Географ. Общ. по Центральной Азіи, совершенной въ 1893—95 гг. Ч. II. Спб. 99.

Рёскинъ, Дж.—Сочиненія. Серія I, кн. 8: Радость на вѣки и ея рыночная цѣна, или политическая экономія искусства... Двѣ лекціи, читанныя въ Манчестерѣ, въ 1857 г. Перев. Л. Никифоровъ. М. 902. Ц. 60 к.

Реформатскій, А.—Неорганическая химія. Начальный курсъ. Съ 7 портр. и 95 рисунками. М. 903. Ц. 2 р.

Риманъ, Г. — Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, п. р. Ю. Энгеля. Вып. VIII. М. 903.

Россіевъ, П.—Сѣверная Русь. Очерки и картинки. Съ 16 рис. 903. М. Ц. 20 коп.

Самаринъ, Өедоръ. — О мірской надѣльной землѣ. Замѣчаніе на статьи Б. Н. Чичерина по поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ. М. 902. Ц. 60 к.

Сергіевъ, протоіерей I. И. (Кронштатскій). — Полный годичный кругъ поученій. Безплатное иллюстрированное приложеніе къ журналу „Православное Русское Слово" на 1902-й годъ. Спб. 902.

Сикорскій, проф., И. А. — О книгѣ В. Вересаева: „Записки врача". Чтò даетъ эта книга наукѣ, литературѣ и жизни. Кіевъ. 902.

Смольскій, И. И.—Учебникъ гинекологической анатоміи. съ указаніемъ на физическія отправленія женскихъ половыхъ органовъ. Спб. 902. Ц. 1 р 40 р.

Соколовъ, М. Е.—Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губерніи о Стенькѣ Разинѣ. Сарат. 902. Ц. 20 к.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ.—Собраніе сочиненій. Т. IV и V: 1883—1897. Спб. 902. Въ 8 томахъ, ц. 12 руб.

Тарновская, П. Н., вр.—Женщины-убійцы. Антропологическое изслѣдованіе. Съ 163 рис. и 8 антропометр. табл. Спб. 902. Ц. 4 р.

Таубе, бар., М. А.—Христіанство и организація международнаго мира. Спб. 902. Ц. 60 к.

Твэнъ, М.—Принцъ и нищій. Съ англ. З. Журавской. Съ 142 рис. въ текстѣ. Спб. 902.

Тезяковъ, Н. И., земскій санитарный врачъ.—Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. 3-е. изд., съ 5 рис. Ц. 40 к.

——— I. Заболѣваемость населенія Воронежской губерніи въ 1899 г. II.

Частный обзоръ главнѣйшихъ заразныхъ заболѣваній, составл. В. Успенскимъ и др. Вор. 902.

Урванцовъ, Левъ.—Ночь и другіе разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р.

Уэльсъ, Г.—Предвидѣнія о воздѣйствіи процесса механики на человѣческую жизнь и мысль. Перев. съ 6-го англ. изд. А. Каррикъ. М. 902. Ц. 1 р. 50 коп.

Фелонинъ, А. В. — Д. В. Веневитиновъ. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 902. Ц. 30 к.

Фирсовъ, П. П.—Введеніе къ изученію научнаго метода. Логическія основанія элементарной алгебры. Пособіе къ самообразованію. 2-е изд. Спб. 902.

Цейнеръ, М.—стихотворенія. Изд. 2-е. Томскъ. 902. Ц. 75 к.

Цигенъ, проф., Т.—Отношеніе мозга къ душевной дѣятельности. Съ нѣм. Спб. 902. Ц. 40 к.

Чайковскій, М. — Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. III, вып. 22. 188—93. М. 902.

Чириковъ, А. В.—Отчетъ по командировкѣ на р. Вислу. Спб. 902.

Шевченко, Т. Г.—Мотивы поэзіи. Перев. С. Дремцова. Вып. I. Съ иллюстрац. и фрагментами музыки М. Лисенко. Вятка. 902. Ц. 45 к.

Щепкина-Куперникъ, Т.—Около кулисъ. М. 903. Ц. 1 р.

Я., П.—Стихотворенія. Т. I: 1878—1897. Т. II. 1898—1902. 5-е и 2-е изд. Спб. 902. Ц. 2 р.

Якимовъ, Василій. — По слѣдамъ голода. Изъ] воспоминаній. Спб. 903. Ц. 1 р.

Lanceray, Olga.—Anthologie des poètes russes, traduits en vers français. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Pellissiér, G.—Précis de l'histoire de la Littérature Française. Illustré de 85 portraits. Par.

Vinogradoff, Paul, D. C. L. — The reforming work of the Tzar Alexander II and the meaning of the present development in Russia. Cambridge, University Press. 902.

— Библіотека для самообразованія. XXII: М. А. Гансъ. Краткое руководство по стереохиміи. Съ франц. М. 902. Ц. 1 р.

— Библіотека Попечительства о Домахъ трудолюбія и Работныхъ домахъ. Спб. 902.

— Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1902 г. Іюнь—Августъ. № 9 (4). Полт. 902.

— Изъ рукописнаго собранія Одесской городской Публичной Библіотеки. I: Письмо И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ. Изд. М. М. Толстого, п. р. М. Попруженка. Од. 903.

— Николай Федоровичъ фанъ-деръ-Флитъ. Опытъ біографическаго очерка. Спб. 902.

— Обзоръ дѣятельности Правительства на пользу кустарной промышленности. 1888—1902. Изд. Мин. Земл. и Гос. Им. Спб. 902.

— Отказъ проф. А. И. Введенскаго отъ третейскаго разбирательства. (Документы). Изданіе А. Н. Нечаева. Спб. 902.

— Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1900 годъ.

— Отчетъ о состоянiи Училища при реформатскихъ церквахъ за 1901—1902 г. Спб. 902.

— Протоколы засѣданiй Общества психiатровъ въ С.-Петербургѣ за 1900—1901 гг. Спб. 902.

— Русское Общество акклиматизацiи животныхъ и растенiй. Вып. 7, 8 и 9: Дневникъ отдѣла Ихтiологiи, п. р. В. Погоржельскаго. М. 902. Ц. по 20 к.

— Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 112. Спб. 901. Ц. 3 р.

— Сводъ статистическихъ свѣдѣнiй по сельскому хозяйству Россiи къ концу XIX-го вѣка. Съ приложенiемъ картограммъ и дiаграммъ. Вып. I. Изд. Мин. Земл. и Г. Им. Спб. 902.

— Сельскiй трудъ. № 5: Ив. Поповъ, О ковкѣ лошадей и объ уходѣ за копытомъ. Съ 4 рис. Ц. 2 к. № 6: В. Бажаевъ, Какъ завести правильное полевое травосѣянiе. Съ 4 рис. Спб. 902. Ц. 7 к.

— Справочный Указатель кустарныхъ промысловъ и кустарныхъ мастеровъ. Вып. V. Изд. Мин. Земл. и Г. Им. Спб. 902.

— Труды Карабугазской экспедицiи. Отчеты Мин. Землед. и Госуд. Им. Съ 12 карт., 13 дiаграммами, 6 разрѣз. и 5 снимками. Спб. 902.

— Труды опытныхъ лѣсничествъ. 1902 г. 1-й вып. Спб. 902.

— Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1899 годъ. Составилъ А. Д. Педашенко. Спб. 902.

— Указатель Всероссiйской Кустарно-Промышленной Выставки 1902 г. Спб. 902.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

N. A. Nekrassow. Gedichte. Im Versmass des Originals von *F. Fiedler.* Стр. 97. Leipzig. Verl. von Ph. Reclam jun.

Въ текущемъ году, 27-го декабря, исполняется двадцать-пять лѣтъ со дня смерти Некрасова, и чествованіе его памяти уже началось— съ появленія нѣмецкаго перевода его лирическихъ стихотвореній. Фридрихъ Фидлеръ, хорошо извѣстный въ Россіи и Германіи переводчикъ русскихъ поэтовъ, пріурочилъ къ предстоящему двадцатипятилѣтію изданіе сборника стихотвореній Некрасова на нѣмецкомъ языкѣ. Г. Фидлеръ—очень ревностный распространитель русской поэзіи въ Германіи; зная въ одинаковой степени оба языка, и относясь съ величайшей добросовѣстностью и любовью къ своему дѣлу, точно передавая и смыслъ и краски русскихъ поэтовъ въ своихъ переводахъ, онъ ежегодно знакомитъ иностранную публику съ какимъ-нибудь изъ выдающихся русскихъ стихотворцевъ, и успѣлъ уже составить довольно полное собраніе русскихъ поэтовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Только-что вышедшій переводъ Некрасова принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ въ серіи, изданной г. Фидлеромъ. Онъ вполнѣ овладѣлъ размѣромъ подлинника, вѣрно передаетъ духъ Некрасовской поэзіи, такъ что его нѣмецкіе читатели смогутъ вполнѣ понять въ его передачѣ поэта „мести и печали", а также ознакомиться и съ нѣжно лирической стороной таланта Некрасова. Выборъ стихотвореній для перевода сдѣланъ съ большимъ вкусомъ и съ пониманіемъ всѣхъ сторонъ творчества Некрасова. Конечно, не все могло войти въ небольшой сборникъ. Г. Фидлеръ ограничился, во-первыхъ, только лирикой Некрасова; къ тому же нѣкоторыя изъ его эпическихъ поэмъ („Кому жить на Руси хорошо" и „Русскія женщины") переведены имъ уже раньше, въ настоящій же сборникъ вошли только стихотворенія и нѣсколько менѣе длинныхъ поэмъ: „Рыцарь на часъ", „Саша", „У параднаго подъѣзда". Изъ стихотвореній г. Фидлеръ перевелъ все, что наиболѣе извѣстно и цѣнно въ поэзіи Некрасова. Нѣмецкіе читатели ознакомятся по его сборнику съ поэтомъ-гражданиномъ, скорбящимъ о жертвахъ общественныхъ условій въ „Убогой и нарядной", съ печальникомъ народнаго горя въ „Размышленіи у параднаго подъѣзда", съ

пѣвцомъ суровой крестьянской доли въ „Забытой деревнѣ“, а также и съ глубиной чистаго лиризма Некрасова въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Мать“, поэма „Рыцарь на часъ“ и др. Есть въ сборникѣ и сатирическіе стихи, и такіе, въ которыхъ сказывается умѣнье Некрасова описывать унылую бѣдную природу, какъ напр. „Несжатая полоса“—такъ что, въ общемъ, Некрасовъ представленъ очень полно, и всѣ струны его поэзіи звучатъ въ выбранныхъ г. Фидлеромъ для перевода стихотвореніяхъ. Кое-какіе недочеты есть въ его выборѣ; жаль, напримѣръ, что онъ не включилъ въ сборникъ „Крестьянскихъ дѣтей“, гдѣ любовь поэта къ народу сказывается въ бодрыхъ звукахъ и свѣтлыхъ сельскихъ картинахъ; но г. Фидлеръ, очевидно, стѣсненъ опредѣленными размѣрами своего сборника, и ограничился поэтому самыми характерными стихотвореніями.

Что касается достоинствъ перевода, то, какъ мы уже сказали, духъ поэзіи Некрасова сохраненъ въ переводѣ. Некрасовъ—глубоко національный поэтъ, и по внутреннему содержанію, и по языку. Но чисто русская окраска его поэзіи выражается очень конкретно, и потому легче поддается передачѣ на другой языкъ, чѣмъ болѣе индивидуальная по настроеніямъ, хотя и менѣе обособленная по колориту поэзія Лермонтова, Тютчева—не говоря уже о Пушкинѣ, всѣ переводы котораго не могутъ и отдаленно сравниться съ оригиналомъ, хотя, казалось бы, его общечеловѣческая, классическая по формѣ поэзія могла бы быть создана на какомъ угодно языкѣ. Но дѣло въ томъ, что колоритъ, составляющій національную особенность, всегда ясенъ и осязателенъ, и потому можетъ быть возсозданъ на другомъ языкѣ—конечно при умѣньѣ переводчика справиться съ этой задачей; непередаваема же именно индивидуальная основа, quid proprium поэта, потому что это составляетъ нѣчто неуловимое, таинственное, скрывающееся за словами. Колоритъ поэта, національный на своемъ языкѣ, становится экзотичнымъ на другомъ; то же, что̀ не относится къ духу языка, а составляетъ сущность даннаго поэта, также непередаваемо, какъ нельзя передать на одномъ и томъ же языкѣ настроеній одного человѣка словами другого. Много примѣровъ доказываютъ, что колоритъ возможнѣе передать, чѣмъ лирическую сущность: изъ всѣхъ стихотвореній Лермонтова наиболѣе удачно переведена „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ на нѣмецкій языкъ. Первый переводчикъ Лермонтова, Боденштедтъ, вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу успѣхъ своего перевода этой, казалось бы, чисто русской поэмы. Но онъ не отдавалъ себѣ отчета, что чисто русскія черты этой поэмы заключаются во внѣшнихъ предметныхъ и фактическихъ чертахъ, о которыхъ можно дать представленіе и словами другого языка; гораздо труднѣе передать хотя бы, напр., „Ангела“, гдѣ всѣ слова обыкновен-

ныя, существующія на всѣхъ языкахъ, между тѣмъ, какъ сочетаніе ихъ создаетъ единственную въ своемъ родѣ гармонію—и ее никакими иными словами передать нельзя. Некрасовъ, въ силу своей колоритности, представляетъ благодарную задачу для переводчика, и съ этой задачей г. Фидлеръ превосходно справился. Нѣмецкимъ читателямъ поэзія Некрасова покажется, конечно, экзотичной, описывающей чуждыя имъ печали и незнакомыя картины природы и жизни; но это только увеличитъ вѣроятно ихъ интересъ къ поэту, также какъ экзотичность среды, описываемой Горькимъ, способствовала успѣху его на Западѣ. Общечеловѣческая сторона поэзіи Некрасова, его скорбная любовь къ матери, его умиленное чувство передъ тихими печальными зрѣлищами родной природы, все это настолько ясно и конкретно, что можетъ быть вполнѣ понято въ точной и красочной передачѣ столь опытнаго и хорошо знающаго свое дѣло переводчика, каковъ г. Фидлеръ. Онъ хорошо справился даже съ такой трудной для перевода поэмой, какъ „Рыцарь на часъ", вѣрно передавъ общій тонъ настроенія и колоритъ унылаго сельскаго пейзажа. Къ числу лучшихъ переводовъ принадлежитъ также „Внимая ужасамъ войны" и „Убогая и нарядная"—особенно трудное для передачи стихотвореніе, въ виду картинной сжатости опредѣленій. Не особенно удачно переданы знаменитые два стиха: „И на лбу роковыя слова-Продается съ публичнаго торга". Г. Фидлеръ переводитъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Auch steht annonciert auf der Stirn: „Wird öffentlich ausgeboten". Тутъ неумѣстенъ галлицизмъ „annonciert" и не передано отношеніе поэта къ описываемому факту: видную его внутреннему взору надпись на лбу онъ называетъ „роковыми словами"—этого г. Фидлеръ не передалъ.

II.

Lucien Muhlfeld. L'associée. Roman. Стр. 351. Paris, 1903. (Librairie Paul Ollendorf).

Люсьенъ Мюльфельдъ, молодой романистъ, прославился нѣсколько лѣтъ тому назадъ романомъ „La Carrière d'André Tourette"; въ немъ онъ проявилъ много „паризіанизма" и спокойное ироническое отношеніе къ тѣмъ средствамъ, которыми достигаются жизненные успѣхи и создаются видныя положенія въ Парижѣ. Въ авторѣ „Карьеры Андрэ Турета" виденъ ученикъ Анатоля Франса, и вліяніе самаго утонченнаго и „мудраго" изъ современныхъ французскихъ романистовъ еще болѣе замѣтно въ только-что вышедшемъ и встрѣченномъ въ кри-

тикѣ съ большимъ сочувствіемъ романѣ Мюльфельда „L'Associée" („Союзница").

Идя по слѣдамъ Франса, авторъ романа смотритъ съ нѣкоторой высоты на описываемую имъ дѣйствительность, не морализируетъ, не думаетъ, что можно что-нибудь исправить, а только съ грустной скептической улыбкой указываетъ на диссонансы жизни — незамѣтные для тѣхъ, кто ихъ порождаетъ, но трагичные для болѣе тонкихъ, ищущихъ гармоніи натуръ.

Новый романъ Мюльфельда интересенъ оригинальностью своей основной идеи, или, вѣрнѣе, тѣмъ, что авторъ освѣщаетъ съ новой стороны вопросъ, составляющій общее содержаніе французской беллетристики. Въ „Союзницѣ" рѣчь идетъ о семейной жизни, объ отношеніяхъ мужа и жены, т.-е. о томъ, о чемъ говорится въ любомъ изъ современныхъ французскихъ романовъ, но для большинства французскихъ романистовъ семейная жизнь становится сюжетомъ психологическаго романа лишь съ того момента, когда въ ней образуется трещина, когда одинъ изъ супруговъ нарушилъ обѣтъ вѣрности, когда обычное теченіе жизни смѣняется драмой—или комедіей отношеній, построенныхъ на лжи и обманѣ. Въ болѣе легкомысленныхъ романахъ интересъ сосредоточивается на измѣнѣ жены, на психологіи ея сложныхъ отношеній къ обманутому мужу и къ одному или нѣсколькимъ „друзьямъ". Въ болѣе „нравственныхъ" романахъ измѣняетъ мужъ, и психологія сводится къ оскорбленнымъ чувствамъ обманутой и непонятой жены. Въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ русскаго романа, французскіе романисты занимаются вопросами о примиреніи и прощеніи измѣнъ, совершенныхъ кѣмъ-нибудь изъ супруговъ, т.-е. опять-таки центромъ дѣйствія становится супружеская измѣна. Мюльфельдъ въ первый разъ подступаетъ къ вопросу о семейной жизни съ совершенно новой для французовъ стороны; онъ говоритъ не о разстроенной семьѣ, не о разбитомъ семейномъ счастьѣ, которое нужно какъ-нибудь склеить, для того, чтобы его хватило на дальнѣйшую жизнь, а о нормальномъ, благополучномъ и, казалось бы, даже счастливомъ супружествѣ, безъ измѣнъ со стороны жены, почти безъ измѣнъ со стороны мужа. Изображая внутреннюю исторію такого брака, Мюльфельдъ задается вопросомъ о томъ, чѣмъ долженъ быть истинный бракъ, и чѣмъ онъ становится въ современной французской жизни подъ вліяніемъ среды, житейскихъ интересовъ и т. д. Не гонясь за драматическими эффектами и одушевленный исканіемъ внутренней правды, Мюльфельдъ видитъ враждебныя семейному началу силы не въ разнузданности страстей, не въ жаждѣ новыхъ и запретныхъ наслажденій, а въ болѣе прозаическихъ и болѣе роковыхъ—именно вслѣдствіе своей незамѣтности—причинахъ. Трудно бо-

роться противъ того, что̀ вкрадывается въ жизнь исподоволь, невидимо, неосязательно, какъ болѣзнь, разрушающая организмъ. Эта разрушительная сила заключается въ роковомъ взаимномъ непониманіи двухъ людей, сошедшихся для совмѣстной жизни въ лучшемъ случаѣ по любви, которая вовсе не связана непремѣнно съ внутренней гармоніей; слѣдствіемъ же непониманія является столь же роковая скука, которая зарождается и ростетъ въ отношеніяхъ двухъ людей, даже если есть любовь, но нѣтъ гармоніи. Мюльфельдъ, съ необычной для француза серьезностью въ этомъ вопросѣ, строитъ идеалъ совершеннаго брака на взаимопониманіи, на совмѣстной духовной жизни, на общности стремленій—и показываетъ всю пустоту и неприглядность семейной жизни, въ которой отсутствуетъ внутренняя солидарность. Онъ беретъ случай, когда одна изъ сторонъ понимаетъ, чѣмъ долженъ былъ бы быть бракъ, и страдаетъ отъ несоотвѣтствія дѣйствительности со своими ожиданіями и стремленіями. Часто оба супруга безсознательно довольствуются формой, лишенной содержанія, живутъ въ бракѣ, не задумываясь надъ его сущностью, любятъ уже больше въ силу привычки, скучаютъ другъ подлѣ друга, но считаютъ себя безупречными только потому, что неповинны въ измѣнѣ;—такова обычная средне-добродѣтельная семья во Франціи, не замѣчающая сѣрости своей жизни. Но трагедія начинается съ просвѣтленія одной изъ сторонъ, мужа или жены—и такую трагедію изображаетъ Мюльфельдъ; трагедія эта внутренняя, безъ потрясающихъ событій, скрытая подъ внѣшнимъ блескомъ жизненныхъ удачъ и безпечной свѣтской жизни, но тѣмъ не менѣе глубокая и безнадежная.

Женевьева Телье любитъ своего мужа и думаетъ, что несчастіе ея въ томъ, что она любитъ его больше, чѣмъ онъ. Но это невѣрно. Онъ ее любитъ, нѣженъ съ ней, цѣнитъ ея красоту и ея душевныя качества, не измѣняетъ ей—кромѣ одного только короткаго увлеченія умирающей паціенткой, о мимолетной связи съ которой Женевьева даже не узнаетъ. Но эта любовь мужа не удовлетворяетъ Женевьеву, именно потому, что она видитъ сущность брака въ объединенной дѣятельности духа, а мужъ ея чисто внѣшнимъ образомъ относится къ своей женѣ и даже не понимаетъ ея стремленій къ союзу душъ; живя всю жизнь подъ одной кровлей съ нею, онъ не подозрѣваетъ о томъ, что̀ происходитъ въ ея душѣ. Гордая и замкнутая, она никогда не выдаетъ себя; а когда, наконецъ, она не въ силахъ скрыть своихъ страданій, своихъ разочарованій, онъ приписываетъ ея „нервность и дурное расположеніе духа“ болѣзни, неврастеніи. Женевьева энергична. Уже послѣ первыхъ лѣтъ она поняла, что мужъ не относится къ ней съ той полнотой и исключительностью чувства, съ какой она относится къ нему. Полная силъ и надеждъ, она задается

цѣлью завоевать то, что̀ она называетъ истинной любовью мужа. Нужно, чтобы жена была не игрушкой, не отдохновеніемъ для мужа, а подругой его, союзницей всѣхъ его жизненныхъ предпріятій—и Женевьева становитси идеальной союзницей, незамѣтной, неутомимой и вѣрной, ведущей своего мужа и товарища къ высокому положенію въ обществѣ, къ успѣхамъ въ научной дѣятельности. Она знаетъ, какой врагъ грозитъ счастью ихъ молодой любви. Врагъ этотъ—скука и равнодушіе, порождаемое жизнью безъ заботъ и дѣла. Телье — натура нѣсколько пассивная, и ему тѣмъ болѣе нѣтъ надобности работать, что отецъ оставилъ ему большое состояніе. Но Женевьева будитъ въ немъ честолюбіе—не изъ собственнаго тщеславія, а для того, чтобы создать общее дѣло, въ которомъ она была бы подругой мужа. Телье—врачъ, и по ея настоянію онъ открываетъ лечебницу для чахоточныхъ. Лечебница эта благотворительная; въ ней лечатъ больныхъ рабочихъ примѣненіемъ разныхъ гигіеническихъ мѣръ. Телье сводитъ всю медицину къ гигіенѣ—въ этомъ оригинальность его системы, обращающей на себя общее вниманіе. О „dispensaire Tellier" много говорятъ въ прессѣ и въ обществѣ; всѣ газеты отправляютъ журналистовъ для осмотра и описанія филантропическаго предпріятія, въ которомъ работаютъ выдающіеся врачи. Душой лечебницы становится Женевьева; она одѣляетъ приходящихъ рабочихъ деньгами и нужными для поддержанія ихъ силъ лекарствами, виномъ и т. д., завоевываетъ ихъ симпатіи участливыми вопросами, но дѣлаетъ это незамѣтно. Самъ Телье менѣе всего подозрѣваетъ роль своей жены, натолкнувшей его на мысль о лечебницѣ и содѣйствующей успѣху его предпріятія. Женевьева отдаетъ всю душу на то, чтобы содѣйствовать успѣху мужа и создавать все новыя и новыя удовлетворенія порожденному ею же въ немъ честолюбію. Она и не хочетъ, чтобы онъ цѣнилъ ея помощь; она стремится только сдѣлать его жизнь полной и разнообразной, и тѣмъ самымъ завоевать его любовь, т.-е. работать съ нимъ въ общемъ дѣлѣ. Занятая его славой, она любезничаетъ съ журналистами, которые, очарованные ею, дѣлаютъ блестящую рекламу мужу. Своимъ умомъ и тактичностью она создаетъ для мужа полезныя связи, знакомитъ его съ нужными людьми и незамѣтно, неутомимо устраиваетъ его карьеру. Внимательное наблюденіе парижскихъ нравовъ показываетъ ей силу женскаго вліянія. Поучительнымъ примѣромъ служитъ для нея и жена президента сената, которая довела своего посредственнаго и мало симпатичнаго мужа до вершинъ общественнаго положенія. Но Женевьева не похожа на жену президента. Та отличается безграничной добротой и заботливостью обо всѣхъ, и постоянно старается кого-нибудь пристроить и устроить. Женевьева же поглощена исключительно

мыслью о мужѣ, безмѣрной любовью къ нему, и сама признается въ этомъ въ письмахъ къ своему крестному отцу. „Я не люблю всѣхъ", —пишетъ она,—я люблю только одного". Къ своему сыну, маленькому Максиму, Женевьева относится съ надлежащей заботливостью, находитъ ему отличнаго воспитателя, присутствуетъ иногда на урокахъ, но, убѣдившись въ томъ, что мальчикъ въ отличныхъ рукахъ, считаетъ свой долгъ по отношенію къ сыну исполненнымъ; ему она не нужна, но мужу—хотя онъ этого и не сознаетъ—она необходима; она потому служитъ ему вѣрной союзницей, и радуется развитію его дѣятельности, сознавая себя тайной пружиной всѣхъ его начинаній. Всѣ считаютъ ее тщеславной, даже ея крестный отецъ журитъ ее за чрезмѣрное рекламированіе всякаго шага доктора Телье въ газетахъ, за любезность къ журналистамъ; но Женевьева объясняетъ ему, что дѣйствуетъ не изъ тщеславія, а только изъ любви къ мужу. Ея единственная награда въ томъ, что мужъ любитъ отдохнуть иногда наединѣ съ нею отъ постоянныхъ сношеній съ посторонними людьми, сношеній, вызванныхъ его возростающей популярностью. Въ такія минуты Женевьевѣ кажется, что она приближается къ идеалу семейнаго счастья, что мужъ ея дѣйствительно нуждается въ душевной близости съ нею.

Благодаря неутомимымъ стараніямъ Женевьевы, Телье пріобрѣтаетъ все бо́льшую популярность. Она внушаетъ редактору одной газеты мысль о томъ, чтобы поручить ея мужу веденіе популярныхъ бесѣдъ о гигіенѣ, сама придумываетъ и удачныя названія для этихъ бесѣдъ, и указываетъ на темы, интересныя для публики, сама редактируетъ первыя статьи—дѣлая все это незамѣтно, такъ что Телье не только не видитъ иниціаторской роли жены и ея умственной силы, но считаетъ ее обыкновенной свѣтской женщиной, тщеславію которой льститъ общее вниманіе къ ея мужу. Онъ увѣренъ, что вниманіе ея поглощено туалетами, визитами и пріемами, и совершенно не подозрѣваетъ о наростающей въ ея душѣ драмѣ. А между тѣмъ драма эта ростетъ. Женевьева начинаетъ замѣчать тщетность своихъ стараній. Чѣмъ болѣе усложняется общественная жизнь ея мужа, тѣмъ менѣе чувствуетъ онъ активную близость жены. Онъ радуется, что доставляетъ ей удовольствіе своимъ возростающимъ вліяніемъ въ обществѣ и „снисходительно" относится къ ея тщеславію, къ ея нескрываемому восторгу передъ каждымъ новымъ доказательствомъ его популярности. Ей пріятно,—думаетъ онъ,—быть женой извѣстнаго человѣка — это, конечно, простительная слабость въ красивой свѣтской женщинѣ. Что она орудіе его успѣховъ—это ему и въ голову не приходитъ, также какъ онъ не видитъ ея мучительныхъ стремленій слиться съ нимъ въ единой жизни. Союзницы и товарища онъ

не видитъ—а смотритъ на жену только какъ на случайную свидѣтельницу своихъ удачъ и охотно разсказываетъ о своихъ успѣхахъ; ея восхищеніе онъ спокойно принимаетъ какъ должную дань своимъ талантамъ. Лечебница, которая создала его популярность, вскорѣ перестаетъ его занимать,—онъ предоставляетъ работу въ ней своимъ помощникамъ, занятый самъ новыми предпріятіями, журнальными работами и участіемъ въ разныхъ научныхъ ассоціаціяхъ; къ участію въ нихъ его приглашаютъ, какъ моднаго популярнаго гигіениста. Славу эту ему создала, главнымъ образомъ, Женевьева, придумавшая громкія заглавія для двухъ трактатовъ о туберкулезѣ,—„La tuberculose assassine“ для перваго, гдѣ говорилось о статистикѣ чахоточныхъ заболѣваній; „La tuberculose guérissable“—для второго, гдѣ рекомендовались гигіеническія мѣры для борьбы съ туберкулезомъ. Ничего новаго по существу Телье въ этихъ трактатахъ не далъ, но удачная популяризація нѣмецкой системы санаторій и эффектность заглавій, вмѣстѣ съ умѣлой и умной рекламой, создали Телье видное положеніе въ медицинскомъ мірѣ. Никому, и менѣе всего самому Телье, не приходитъ въ голову, что и шумъ, возбужденный „системой д-ра Телье“, и талантливое изложеніе его статей по гигіенѣ—дѣло ума и рукъ скромной, занятой свѣтской суетней жены его. Она вѣдь только была отчасти секретаремъ мужа, исполняла его указанія, просматривала корректуры и писала по его указаніямъ письма, которыя всегда завоевывали ему симпатіи нужныхъ людей. Телье еще и потому не замѣчаетъ участія жены въ своихъ успѣхахъ, что онъ очень невысокаго мнѣнія о женщинахъ. По возвращеніи изъ Турина, куда онъ ѣдетъ на конгрессъ съ женой и нѣсколькими товарищами, заходитъ разговоръ о женщинахъ по поводу выступившей на конгрессѣ нѣсколько смѣшной польской докторессы. Всѣ выражаются за или противъ женской эмансипаціи, и Телье очень снисходительно и великодушно доказываетъ, что нужно предоставлять женщинамъ всѣ занятія, не требующія силы и иниціативы, но что въ общемъ назначеніе женщины вовсе не въ продуктивномъ трудѣ. Когда дѣло идетъ о четѣ супруговъ, то весь трудъ долженъ быть на сторонѣ мужа—его силъ вполнѣ достаточно для матеріальнаго обезпеченія семьи и для выполненія всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ обязанностей, выпадающихъ на его долю; жена же должна только украшать жизнь мужа своимъ присутствіемъ и пользоваться праздностью, для которой она создана. Женевьевѣ очень тяжело слушать слова мужа. Для нея это не безразличный отвлеченный разговоръ, а приговоръ ея личному семейному счастью. Ея мужъ сознательно отдѣляетъ свою внутреннюю жизнь отъ жизни жены—жена создана для досуга, а не для совмѣстныхъ усилій ума и души. Чѣмъ удачнѣе складывается жизнь

и общественная дѣятельность Телье,—благодаря скрытымъ стараніямъ Женевьевы,—тѣмъ болѣе она убѣждается въ крушеніи своихъ надеждъ; занятія Телье не сближаютъ его съ женой, а раздѣляютъ ихъ. Онъ занятъ своими больными, въ томъ числѣ молоденькой, очень больной дѣвушкой; увлеченный ея красотой и жалостью къ ея болѣзни, онъ сходится съ ней, тщательно скрывая мимолетную и не особенно серьезную интригу отъ жены. Но эта мелкая измѣна, если бы даже Женевьева узнала о нею, не такъ бы огорчила ее, какъ безсознательное духовное отчужденіе ея мужа отъ нея, полное невниманіе его къ ея всепоглощающей любви. Онъ занятъ новымъ предпріятіемъ, возникшимъ тоже благодаря ей. Она внушила разбогатѣвшему купцу мысль пожертвовать огромную сумму на устройство первой санаторіи для бѣдныхъ чахоточныхъ работницъ; купецъ изъ тщеславія, для того, чтобы создать себѣ славу „филантропа-милліонера" (richissime philantrope—это соблазняющее купца слово тоже придумано Женевьевой) жертвуетъ милліонъ на санаторію и назначаетъ Телье главнымъ врачомъ. Телье вскорѣ убѣждается, что польза отъ санаторіи не велика, что гигіеническихъ условій недостаточно для леченія; являются также разныя затрудненія въ администраціи,—но онъ настолько не привыкъ раздѣлять своихъ мыслей съ женой, что даже не посвящаетъ ее въ свои заботы и отдѣлывается общими словами отъ ея разспросовъ. О своихъ успѣхахъ онъ разсказываетъ ей изъ снисхожденія къ ея тщеславію—такъ ему по крайней мѣрѣ кажется,—но серьезныхъ сомнѣній въ себѣ онъ ей не открываетъ, какъ не открылъ бы ихъ чужому,—и только позже, въ безразличномъ разговорѣ онъ говоритъ Женевьевѣ о несостоятельности медицины вообще, т.-е. скрываетъ личныя чувства подъ общими разсужденіями. Женевьева съ ростущимъ въ душѣ отчаяніемъ убѣждается въ тщетности своихъ усилій: вся жизнь ея уходитъ на то, чтобы стать „союзницей" мужа, чтобы обрѣсти его истинную любовь, сдѣлать ихъ бракъ союзомъ душъ,—и каждое ея усиліе обращается противъ нея. Въ своемъ отчаяніи она обращается за совѣтомъ къ представителю церкви, къ учителю своего сына, почтенному аббату. Она разсказываетъ ему подъ видомъ несчастій своей подруги свою собственную исторію и проситъ дать совѣтъ, который она и передастъ подругѣ. Разговоръ съ аббатомъ въ высшей степени характеренъ; онъ рисуетъ взгляды и общества, и католическаго духовенства на бракъ, отмѣчаетъ несоотвѣтствіе, казалось бы, совершенно естественныхъ желаній Женевьевы съ обычнымъ во французскомъ обществѣ взглядомъ на семью. Женевьева говоритъ, что ея подруга несчастна, потому что больше любитъ своего мужа, чѣмъ онъ ее; на это аббатъ отвѣчаетъ, что можетъ ей только посовѣтовать молиться о возвращеніи ей привязан-

ности мужа. „Не посовѣтуете же вы ей, надѣюсь, — возражаетъ Женевьева,—молиться святому Антонію Падуанскому, который славится тѣмъ, что возвращаетъ потерянные предметы?“—„Почему же и не обратиться къ нему? Антоній Падуанскій—великій святой, творящій много чудесъ... Есть, впрочемъ, и другіе святые, которые могли бы заступиться за вашу подругу, не говоря о томъ, что она можетъ прямо обратиться къ Господу Богу“.—„Но, помимо молитвы, что̀ ей посовѣтовать?“—„Кромѣ молитвы я ни на что не могу указать“. Тогда Женевьева объясняетъ аббату, что страданія ея подруги не таковы, какъ можетъ предположить аббатъ. Мужъ ей не измѣняетъ, не чуждается ея, но все-таки она страдаетъ душевно, потому что она ищетъ счастья только въ любви мужа, въ томъ, чтобы раздѣлять его заботы, его трудъ, его надежды, всѣ ея мысли сосредоточены на мужѣ,—онъ же не раздѣляетъ съ ней своей души. Аббатъ находитъ, что это еще не такъ трагично, что у мужа могутъ быть занятія и заботы, къ которымъ жена непричастна; что, можетъ быть, онъ къ тому же боленъ или занятъ матеріальными заботами, омрачающими его расположеніе духа. „Нѣтъ, — говоритъ Женевьева, — характеръ у него ровный, здоровье цвѣтущее, жизнь полна удачъ, семейныхъ непріятностей нѣтъ, и его состояніе превышаетъ всѣ его потребности; кромѣ того, бракъ благословленъ прекрасными дѣтьми“. На это аббатъ отвѣчаетъ уже съ явнымъ раздраженіемъ противъ слишкомъ требовательной женщины: „Вы слишкомъ добры, сударыня,—говоритъ онъ, —что принимаете къ сердцу горе вашей подруги. Ея мужъ богатъ, здоровъ, обходителенъ и уменъ, преуспѣваетъ въ своихъ дѣлахъ. Богъ благословилъ ихъ союзъ потомствомъ—чего же ей еще надо? Чтобы мужъ ея былъ новымъ Ромео? Передайте ей мой совѣтъ: пусть она молится Пречистой Дѣвѣ, чтобы она сохранила ей ея счастье“. Когда же Женевьева все-таки съ жаромъ настаиваетъ на несчастіи подруги, аббатъ говоритъ, что, дѣйствительно, люди часто страдаютъ и отъ воображаемыхъ несчастій, и потому совѣтуетъ неудовлетворенной женѣ заняться или благотворительностью, или воспитаніемъ дѣтей. Женевьева съ горечью выслушиваетъ его, и только напоминаетъ ему, что ея подруга предъявляетъ чисто христіанскія требованія къ браку, стремясь къ тому, чтобы мужъ и жена составляли нѣчто единое, и что ей странно поэтому негодованіе представителя церкви противъ ея требованій. Аббатъ отвѣчаетъ уклончиво, доказывая безсиліе католической церкви въ этомъ вопросѣ. „Я знаю,—говоритъ онъ,—что дозволено надѣяться на счастье въ супружествѣ. Христосъ благословилъ бракъ, апостолы и соборы регламентировали таинство. Но не слѣдуетъ слишкомъ многаго ожидать отъ брачнаго союза. Святой Павелъ сказалъ глубокое слово, о которомъ слѣдуетъ помнить: „бракъ—

великая тайна",—а передъ тайной слѣдуетъ преклониться безъ излишней гордыни". Изъ всего разговора съ аббатомъ Женевьева только запоминаетъ слова святого Павла и обѣщаетъ передать ихъ подругѣ. Этотъ разговоръ—одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ въ романѣ и доказываетъ, съ какой всесторонностью авторъ трактуетъ вопросъ о пониманіи брака въ французскомъ обществѣ и какъ онъ понимаетъ безсиліе обычныхъ рѣшеній его. Женевьева продолжаетъ усердно трудиться, устроивая дѣла своего мужа. Онъ достигаетъ высокихъ почестей, выбранъ въ сенаторы, въ члены академіи, и мечты Женевьевы объ истинномъ союзѣ окончательно разрушены. Когда мужъ разсказываетъ ей о злобномъ отношеніи къ нему нѣкоторыхъ ученыхъ, не сдѣлавшихъ такой блестящей карьеры, какъ онъ, и когда она возмущается людской завистью и злобой, Телье говоритъ ей съ безсознательной жестокостью слова, глубоко ранящія ея душу: „Они, быть можетъ, правы,—говоритъ онъ:—противъ меня не только завистливые неудачники, но и одинокіе ученые, которые работаютъ въ тиши лабораторій; они противъ меня, потому что я пожертвовалъ одиночествомъ, необходимымъ для истинныхъ служителей науки, ради суетнаго свѣтскаго тщеславія, ради семьи. Они противъ меня, потому что я восторжествовалъ, благодаря счастливымъ случайностямъ, а не исключительно упорнымъ и безкорыстнымъ трудамъ, ведущимъ къ истинѣ". Его слова окончательно убѣждаютъ Женевьеву въ томъ, что ея мужъ просто не замѣтилъ своей союзницы, работавшей вмѣстѣ съ нимъ и за него всю жизнь. Все, что она совершила, онъ приписываетъ счастливымъ случайностямъ, и считаетъ ее скорѣе помѣхой въ своей жизни, думаетъ, что правы одинокіе труженики, не берущіе на себя семейныхъ обязательствъ. Онъ полагаетъ, что жертвовалъ собой для удовлетворенія ея тщеславія, въ то время какъ она знаетъ, до чего она чужда тщеславія, и какъ она, напротивъ того, пожертвовала своимъ идеаломъ тихой интимной и семейной жизни, чтобы создать ему дѣятельность и положеніе, удовлетворяющія его. Она видитъ, что взаимное непониманіе слишкомъ глубоко и нѣтъ возможности его разсѣять. Ея грусть Телье принимаетъ за разстройство нервовъ, и совѣтуетъ ей успокоиться. Она, дѣйствительно, успокоивается, т.-е. примиряется съ неизбѣжнымъ: „бракъ—великая тайна". Она уѣзжаетъ на время въ деревню, къ своему крестному отцу, старому барону, человѣку „другого вѣка", врагу суеты и рекламности современнаго Парижа; онъ понимаетъ интимное горе своей крестницы и сочувствуетъ ей. Телье уѣхалъ на конгрессъ въ Бернъ, пишетъ оттуда восторженныя письма объ оказываемыхъ ему почестяхъ—онъ вѣдь знаетъ, что это обрадуетъ его жену, будетъ льстить ея тщеславію. Женевьева все покорно принимаетъ. Ея жизнь разбита,

но мужъ ея не подозрѣваетъ ни о крушеніи ея надеждъ, ни о той мечтѣ, которая, воодушевляя ее, была причиной его „случайныхъ“ успѣховъ.

Романъ оканчивается пессимистически: совершенный бракъ—пустая мечта, неосуществимая въ условіяхъ лихорадочной и суетной современной жизни, при полномъ непониманіи смысла брачныхъ союзовъ. Жертвой падаетъ тотъ, кто при общей слѣпотѣ тянется къ свѣту. Можетъ быть, выводъ Мюльфельда—слишкомъ мрачный, и возможны новыя удовлетворительныя рѣшенія этого столь важнаго вопроса. Можетъ быть, создадутся новые идеалы семейной жизни и откроются новые пути къ ихъ достиженію,—но пока очень знаменательно, что во Франціи, гдѣ семейное начало болѣе расшатано, чѣмъ гдѣ-либо, нашелся искренній и смѣлый писатель, который такъ ярко освѣтилъ роковыя недоразумѣнія, на которыхъ построена семья въ современномъ обществѣ.

Романъ Мюльфельда очень интересенъ также и съ бытоописательной стороны;—описанія литературныхъ и свѣтскихъ нравовъ необычайно тонки, блестящи, и сказывающаяся въ нихъ иронія дѣлаетъ автора достойнымъ послѣдователемъ Анатоля Франса.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1902.

Интересное сообщеніе и неудачные къ нему комментаріи.—Инцидентъ въ казанскомъ юридическомъ обществѣ.—Проектируемое общество московскихъ журналистовъ.—Предстоящій юбилей русской періодической печати.—Одесская эпидемія и городское самоуправленіе.— „Благая вѣсть".—Корреспонденція изъ курской губерніи.—Письмо П. А. Тверского въ Редакцію.

Чѣмъ больше въ нашемъ ближайшемъ прошломъ сторонъ, погруженныхъ въ глубокую тьму, чѣмъ меньше доступно для русскаго общества знакомство со многими недавними моментами величайшей исторической важности, тѣмъ цѣннѣе все то, что̀ даетъ возможность заглянуть хоть мимоходомъ за кулисы нашей жизни. Пускай недостовѣренъ, вообще, источникъ, изъ котораго идетъ сообщеніе, пускай невысоки мотивы, его вызвавшіе: если оно содержитъ въ себѣ хоть малую долю истины,—ее можно распознать среди чуждыхъ ей наслоеній, отдѣлить отъ извращающихъ ее толкованій. Все это примѣнимо вполнѣ къ одному изъ послѣднихъ „Дневниковъ" кн. Мещерскаго („Гражданинъ", № 82), недостаточно обратившему на себя вниманіе русской печати. Вспоминая день кончины императора Александра III-го, редакторъ „Гражданина" утверждаетъ, что въ послѣдніе годы жизни почившаго монарха его „томилъ вопросъ: работа надъ грудами бумагъ не изображаетъ ли собою гораздо болѣе мертвящій культъ бюрократизма, чѣмъ живительную силу самодержавія, и, отнимая у него свободу и время, не отнимаетъ ли эта груда бумагъ свободу и у народа, вездѣ, гдѣ она ему нужна для труда и для жизни"? Мысль государя,—продолжаетъ кн. Мещерскій,—„приходила къ другому вопросу: конституція Россіи не нужна, но ей нужно другое; ей нужна свобода, ей нужно то же, что̀ и русскому царю—освобожденіе отъ гнета бюрократизма и централизаціи, ей нужны пути правды къ нему. И развѣ это такъ трудно?—думалъ правдолюбивый самодержецъ. Сто̀итъ только измѣнить теченіе: благодаря мнимымъ союзникамъ самодержавія—бюрократіи и централизаціи,—ихъ все захватывающая волна снизу все возноситъ къ верху, въ зародышѣ туша всякую свободу на мѣстѣ; не лучше ли тихой волнѣ идти сверху книзу и приносить повсюду свободу для каждой плодотворной мысли, для каждаго жизненнаго труда"?

Что мы имѣемъ дѣло, на этотъ разъ, не съ вымысломъ, а съ чѣмъ-то хоть отчасти реальнымъ—доказательство тому мы видимъ

какъ въ неудовольствіи, съ которымъ отнеслись къ сообщенію „Гражданина“ обычные его единомышленники, такъ и въ полной дисгармоніи между сообщеніемъ и руководящими взглядами „Гражданина“. Судя по одному изъ позднѣйшихъ „Дневниковъ“ (№ 88), „консерваторы“ отказываются считать своимъ того, кто позволяетъ себѣ „говорить за свободу“—и, въ добавокъ, говорить за нее не отъ своего собственнаго, а отъ неизмѣримо болѣе авторитетнаго имени. И нельзя не признать, что съ своей специфической точки зрѣнія „консерваторы“, привыкшіе идти рука объ руку съ „Гражданиномъ“—консерваторы, къ которымъ больше подходило бы названіе реакціонеровъ,—совершенно правы. Уличить кн. Мещерскаго въ противорѣчіи имъ было бы нетрудно: стоило бы только напомнить одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, когда онъ и его сотрудники оказывались злѣйшими врагами свободы—не только свободы дѣйствій, но и свободы мысли [1]).

Не въ этомъ, однако, дѣло: вопросъ не въ томъ, вѣренъ ли самъ себѣ редакторъ „Гражданина“, сочувственно останавливаясь на извѣстномъ фактѣ, а въ томъ,—достовѣренъ ли самый фактъ. Опроверженія его въ печати мы до сихъ поръ не встрѣчали... Само собою разумѣется, что къ ложкѣ чужого меду кн. Мещерскій не преминулъ прибавить изрядное количество собственнаго дегтя. „Рядомъ лѣтъ“—восклицаетъ онъ—„убѣдительно доказано, что бюрократизмъ и централизація неумышленно, но въ порядкѣ вещей, гораздо болѣе союзники активныхъ либераловъ, чѣмъ правительства... Многоголовая гидра бюрократизма и централизаціи, требуя исполненія своихъ бумагъ, мирилась и мирится съ негласными попытками ослабленія самодержавія въ его животворящей, народолюбивой и свободолюбивой сущности, и оттого мы всегда видѣли бюрократа невольно ближе къ активному либералу, чѣмъ къ той великой идеѣ порядка, которой онъ обязанъ быть исполнителемъ“. Когда же, однако, и въ чемъ выразилась эта близость? Конечно, не въ области самоуправленія и не въ области мѣстнаго управленія, въ которой, при одобрительныхъ кликахъ „Гражданина“, все больше и больше торжествуютъ бюрократическіе принципы [2]); не въ области также печати, и т. д. Союзъ между бюрократіей и либералами, да еще „активными“—одно изъ самыхъ курьезныхъ измышленій, когда-либо появлявшихся на столь богатыхъ ими страницахъ „Гражданина“.

„*Нужны пути правды*“—вотъ центръ тяжести настроенія, о которомъ повѣствуетъ „Гражданинъ“. Пути существуютъ, отчасти, и теперь

[1]) „*Идея* всесословной волости“—читаемъ мы, напримѣръ, въ одной изъ недавнихъ статей „Гражданина“—„есть величайшая дерзость, величайшее историческое *преступленіе*, которому имени нѣтъ“...

[2]) Съ какою легкостью „Гражданинъ“ переходитъ отъ нападокъ на бюрократію

—но не вполнѣ обезпечено шествованіе по нимъ правды. Раскрытію и освѣщенію правды могла бы служить повременная печать — но она не пользуется уже той свободой, какая была предоставлена ей тридцать-семь лѣтъ тому назадъ, закономъ 6-го апрѣля 1865-го года. Много важныхъ общественныхъ явленій обнаруживается на судѣ — но многіе процессы, которые имѣютъ наибольшее общественное значеніе, производятся, въ послѣднее время, при закрытыхъ дверяхъ и проходятъ незамѣченными, почти никому неизвѣстными. Земскимъ ходатайствамъ, ставящимъ на очередь неотложныя нужды населенія, противополагаются иногда препятствія формальнаго свойства, надолго останавливающія ихъ движеніе. Стѣснена дѣятельность, непрочно самое существованіе ученыхъ обществъ, отъ которыхъ, при другихъ условіяхъ, можно было бы ожидать яркаго освѣщенія тѣхъ или другихъ сферъ государственной и общественной жизни. Отсюда ясно, какимъ образомъ могли бы быть созданы настоящіе, широкіе „пути правды", необходимость которыхъ такъ блистательно подтверждена сообщеніемъ „Гражданина".

При какой обстановкѣ работаетъ у насъ иногда общественная мысль—объ этомъ даетъ понятіе недавній инцидентъ въ казанскомъ юридическомъ обществѣ [1]). Въ засѣданіи 2-го ноября предсѣдатель общества, В. В. Сергіевскій, заявилъ, что какъ онъ самъ, такъ и товарищъ его, Н. К. Моисеенко, вынуждены сложить съ себя свои званія, такъ какъ исполненіе обязанностей, съ ними сопряженныхъ, ставится въ условія, съ которыми онъ, Сергіевскій, двадцать пять лѣтъ прослужившій дѣлу правосудія, примириться не можетъ. На вопросъ членовъ общества, въ чемъ заключаются эти условія, г. Сергіевскій объяснилъ слѣдующее. Еще весною былъ назначенъ къ слушанію рефератъ члена общества Н. В. Рейнгардта: „Романъ гр. Л. Н. Толстого („Воскресеніе") и вопросы уголовнаго права, имъ возбуждаемые". По желанію администраціи, рефератъ былъ снятъ съ очереди, въ виду тѣхъ чрезвычайныхъ событій, которыя нарушили мирное теченіе университетской жизни. Находя условія настоящаго времени вполнѣ благопріятными для мирныхъ научныхъ занятій, предсѣдатель

къ ея поддержкѣ — объ этомъ можно судить по тѣмъ поправкамъ, которыя онъ предлагаетъ къ положенію о земскихъ начальникахъ (№ 88): „Нужно дать земскому начальнику отвѣтственнаго завѣдующаго канцеляріей; нужно увеличить канцелярскія средства земскаго начальника; нужно сдѣлать назначеніе его срочнымъ, дабы хорошій начальникъ могъ продолжать свою службу, а нехорошій—устранялся отъ нея". Не ясно ли, что всѣ эти мѣры насквозь пропитаны „бюрократизмомъ"?

[1]) См. № 46 газеты „Право".

назначилъ на 28-ое сентября засѣданіе для выслушанія реферата Н. В. Рейнгардта. Однако, до засѣданія онъ былъ приглашенъ черезъ полиціймейстера къ начальнику губерніи, который высказалъ пожеланіе, чтобы рефератъ г. Рейнгардта вовсе не читался. Мотивами къ тому служили тѣ нападки на установленный судебный порядокъ, которыми отличается романъ Толстого, тотъ „инквизиціонный“ процессъ, о которомъ говорится въ печатныхъ положеніяхъ референта, наконецъ, та сенсація, которую можетъ произвести рефератъ. Такъ какъ предсѣдатель объяснилъ, что по уставу онъ не въ правѣ снять безъ воли самого референта назначенный докладъ, то начальникъ губерніи пригласилъ присяжнаго повѣреннаго Рейнгардта и предложилъ ему реферата не читать. Присутствовавшій въ засѣданіи членъ общества Н. В. Рейнгардтъ подтвердилъ все сказанное предсѣдателемъ и заявилъ, что онъ лично отъ себя подастъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія губернатора. Многіе изъ членовъ общества не согласились примириться со смертью общества и рѣшили еще разъ собраться, чтобы обсудить дальнѣйшій образъ дѣйствій.

Почти одновременно съ извѣстіемъ о затрудненіи, въ которое поставлено казанское юридическое общество, въ печати появилось сообщеніе о слушаніи въ первомъ общемъ собраніи прав. сената жалобы бывшаго предсѣдателя московскаго юридическаго общества С. А. Муромцева и бывшаго члена общества П. Н. Обнинскаго, на закрытіе общества распоряженіемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, состоявшимся *въ іюнѣ 1899-го года.* Подобною медленностью отличается, въ большинствѣ случаевъ, и движеніе другихъ аналогичныхъ дѣлъ, по которымъ сенатъ долженъ имѣть въ виду заключеніе подлежащаго министра. Такъ какъ вопросъ, возникшій въ Казани, можетъ перейти изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ прав. сенатъ, то на скорое его разрѣшеніе разсчитывать, очевидно, нельзя. Юридическому обществу угрожаетъ или распаденіе, или, въ лучшемъ случаѣ, вынужденное бездѣйствіе. Какъ трудно вновь пустить въ ходъ однажды прерванное дѣло—это показываетъ примѣръ Москвы. Закрывая московское юридическое общество, министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ совѣту московскаго университета войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго юридическаго общества, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) всѣ профессора юридическаго общества состоятъ членами общества по своей должности, и 2) предсѣдатели общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаемы министромъ народнаго просвѣщенія. Прошло болѣе трехъ лѣтъ—и о возстановленіи общества до сихъ поръ ничего не слышно. Отчасти, безъ сомнѣнія, это зависитъ отъ указанной нами

въ свое время [1]) строгости и непрактичности поставленныхъ условій— но и безъ нихъ не легко было бы вновь собрать disjecta membra общества, воскресить замершую жизнь. Между тѣмъ, исчезновеніе ученаго общества, особенно въ провинціи, оставляетъ пробѣлъ, нелегко восполнимый. Пока оно дѣйствуетъ, для его членовъ, да и для всѣхъ интересующихся предметомъ его занятій, существуетъ умственный центръ, обладающій бо̀льшей или меньшей притягательной силой. Онъ будитъ мысль, которую сѣрая и дряблая дѣйствительность располагаетъ къ усыпленію; онъ напоминаетъ объ университетскихъ завѣтахъ, такъ легко забываемыхъ среди житейской суеты и однообразнаго полу-ремесленнаго труда; онъ поддерживаетъ связь между наукой и практикой—связь, разрывъ которой особенно опасенъ въ судебномъ мірѣ. Чѣмъ меньше ученыхъ обществъ—или чѣмъ ограниченнѣе ихъ сфера дѣйствій, чѣмъ безжизненнѣе и безнадежнѣе ихъ работа,—тѣмъ меньше шансовъ для успѣшной борьбы съ картами и другими засасывающими привычками различныхъ mondes où l'on s'ennuie... Казанскій инцидентъ кажется намъ прискорбнымъ еще и потому, что сколько-нибудь серьезныхъ основаній для административнаго veto въ данномъ случаѣ не имѣлось. Не было ихъ ни въ внѣшнихъ условіяхъ казанской жизни, вошедшей, къ осени текущаго года, въ свою нормальную колею, ни въ содержаніи реферата, подвергшагося запрету. Если нападки гр. Л. Н. Толстого на установленный судебный порядокъ не помѣшали широкому распространенію его романа, то почему же онѣ явились препятствіемъ къ чтенію реферата, который могъ только воспроизвести, но не обострить ихъ? Если въ выраженіи: *инквизиціонный процессъ* былъ усмотрѣнъ намекъ на сходство нашего судопроизводства съ пріемами инквизиціи, то не было ли при этомъ упущено изъ виду, что въ примѣненіи къ процессу слово *инквизиціонный* имѣетъ другой, совершенно невинный смыслъ, означая то же самое, что *слѣдственный*, *розыскной*—а изъ розыскного процесса кое-что, безспорно, до сихъ поръ сохранилось и у насъ, и даже въ континентальныхъ государствахъ западной Европы... Что касается до „сенсаціи“, то въ засѣданіи ученаго общества, хотя бы и доступномъ не для однихъ его членовъ, она едва ли представляетъ какую бы то ни было опасность.

Чѣмъ быстрѣе растетъ число профессіональныхъ писателей, чѣмъ шире сфера интересовъ, затрогиваемыхъ періодическою и не-періодическою печатью, тѣмъ больше чувствуется потребность въ объединеніи литературныхъ силъ—объединеніи свободномъ, непринужденномъ,

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

создаваемомъ и регулируемомъ ихъ собственной иниціативой. Приближающійся двухсотлѣтній юбилей періодической прессы вызвалъ на свѣтъ мысль объ учрежденіи московскаго общества журналистовъ. Аналогичное общество, не пріуроченное къ одному городу и къ одной категоріи литераторовъ, существовало недавно въ Петербургѣ, подъ именемъ союза взаимопомощи русскихъ писателей, и успѣло развить, въ теченіе четырехъ лѣтъ, довольно разностороннюю дѣятельность. Его закрытіе (въ мартѣ 1901-го года), мотивированное единичнымъ фактомъ, остановило естественный ходъ дѣла, но не уничтожило и не могло уничтожить тѣхъ причинъ, благодаря которымъ оно возникло. Все то, къ чему оно стремилось, находитъ себѣ мѣсто въ проектѣ устава новаго общества: рѣчь идетъ здѣсь и объ общеніи между писателями, и объ улучшеніи матеріальнаго ихъ положенія, и объ охраненіи добрыхъ литературныхъ нравовъ. Для послѣдней цѣли предполагается учрежденіе, въ составѣ общества, суда чести—и за него высказывается, въ принципѣ, даже та петербургская газета, которая долго стояла въ первыхъ рядахъ его противниковъ. Осуществится ли московскій проектъ, получитъ ли онъ болѣе широкую сферу дѣйствій—это покажетъ будущее; характерно, во всякомъ случаѣ, самое его появленіе. Въ Россіи общества писателей трудно осуществимы, болѣе чѣмъ гдѣ-либо окружены подводными камнями; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они были невозможны. Слишкомъ пессимистическимъ кажется намъ мнѣніе, высказанное по этому предмету „С.-Петербургскими Вѣдомостями“ (№ 310). „На Западѣ“—читаемъ мы здѣсь — „различіе направленій не можетъ помѣшать объединенію всей печати по нѣкоторымъ, касающимся только ея вопросамъ, потому что тамъ всѣ направленія пользуются одинаковыми правами гражданства и существуютъ при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ. На Западѣ силы разныхъ направленій болѣе привыкли цѣнить другъ друга за общія всѣмъ имъ профессіональныя внутреннія качества; тамъ нѣтъ мѣста личному раздраженію въ тѣхъ элементахъ, которые, какъ въ Россіи, не могутъ проявить въ желательной степени свой талантъ, знанія, искренность. Какое же можетъ быть сближеніе и единеніе между полноправными и правоспособными элементами съ одной стороны и едва терпимыми—съ другой“? Сочувствуя мотивамъ, изъ которыхъ исходитъ эта аргументація, мы видимъ въ ней, однако, двѣ важныя ошибки. И въ западно-европейской печати не всѣ направленія поставлены въ „одинаковыя внѣшнія условія“; и тамъ возможны „привилегіи“, пріобрѣтаемыя „направленіемъ“ (припомнимъ хотя бы прусскій Reptilienfond); и тамъ существуютъ ȯрганы „улицы“, унижающіе достоинство печатнаго слова. Съ другой стороны, „едва терпимыхъ элементовъ“ у насъ такъ много, что вполнѣ

мыслимо и весьма цѣнно ихъ объединеніе, хотя бы къ нему и не примыкалъ никто изъ „полноправныхъ“. И между послѣдними, впрочемъ, есть возможные участники объединенія: въ профессіональномъ союзѣ важна не столько сущность взглядовъ, сколько ихъ искренность, безупречность побужденій, руководящихъ ихъ защитой. Конечно, еслибы двери писательскаго союза были широко раскрыты для *всѣхъ* пишущихъ и выступающихъ въ печати, существованію его скоро наступилъ бы конецъ, вслѣдствіе слишкомъ большихъ разногласій по элементарнымъ нравственнымъ вопросамъ; но уставы обществъ, за рѣдкими исключеніями, обусловливаютъ принятіе въ члены согласіемъ большинства—и это, при хорошемъ составѣ учредителей, служитъ достаточной гарантіей противъ переполненія общества нежелательными элементами.

Отрицательно относясь къ союзамъ или обществамъ писателей, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ предвѣщаютъ неудачу и другому проекту, также связанному съ юбилеемъ періодической печати: проекту Г. К. Градовскаго, предлагающаго образовать, путемъ пожертвованій, особый пенсіонный фондъ литераторовъ и ученыхъ [1]). „На Западѣ“—говоритъ газета—„читатель имѣетъ свою любимую газету, такъ какъ она въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ его политическимъ и общественнымъ взглядамъ и не стѣснена въ сообщеніи всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ фактовъ текущей жизни. Русскій читатель не встрѣчаетъ въ своей газетѣ ни того, ни другого, въ желательной ему степени, не вѣритъ въ то, что̀ говоритъ ему газета, не вѣритъ даже въ самую прочность ея существованія, постоянно жалуется на ея пустоту, скудость, даже въ столь содержательную эпоху, какъ переживаемая—и это обѣщаетъ продолжиться in saecula saeculorum. Въ этихъ разсужденіяхъ упущено, прежде всего, изъ виду, что пенсіонный фондъ предназначается не для однихъ редакторовъ и сотрудниковъ газетъ, но для всѣхъ вообще дѣятелей литературы, такъ много внесшей добра и свѣта въ русскую жизнь, имѣющей такъ много правъ на благодарность всякаго сколько-нибудь образованнаго русскаго. Нуждались многіе изъ нашихъ крупныхъ, даже великихъ писателей, нуждались, послѣ ихъ смерти, ихъ семейства—и слишкомъ недостаточной была и продолжаетъ быть поддержка, которую оказывало и оказываетъ имъ общество, черезъ посредство литературнаго фонда и другихъ аналогичныхъ учрежденій. Заслуживаютъ общественной поддержки и болѣе скромные дѣятели печати, работающіе въ періодическихъ изданіяхъ. Совершенно невѣрно, что у русскаго читателя нѣтъ и не можетъ быть

---

[1]) Этотъ проектъ принятъ, въ главныхъ чертахъ, общимъ собраніемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

любимой газеты или любимаго журнала. Не выходя за предѣлы болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, назовемъ „Русскій Вѣстникъ“ конца пятидесятыхъ годовъ, „Современникъ“ того же и нѣсколько позднѣйшаго времени, „Голосъ“ въ послѣднее десятилѣтіе его существованія, „Отечественныя Записки“ редакціи Некрасова и Салтыкова; неужели можно сомнѣваться въ томъ, что читатели всѣхъ этихъ изданій были соединены съ ними самою тѣсною связью, находили въ нихъ отраженіе своихъ взглядовъ, *любили* ихъ, какъ любятъ совѣтника и друга? Неполноту свѣдѣній, сообщаемыхъ русскими періодическими изданіями, недостаточную опредѣленность выражаемыхъ ими мнѣній читатель не ставитъ имъ въ вину, зная, что ни то, ни другое отъ нихъ не зависитъ. Среди тѣхъ, къ кому примѣнимо выраженіе Салтыкова: „читатель-другъ“, симпатія къ газетѣ или журналу не ослабляется, а, наоборотъ, усиливается непрочностью ихъ существованія. Мы также далеко не увѣрены въ успѣхѣ проекта, предложеннаго Г. К. Градовскимъ, но не по тѣмъ соображеніямъ, которыя приводятъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, а просто въ виду инерціи и апатіи, слишкомъ еще распространенной въ нашемъ обществѣ. Мы не можемъ забыть, что число членовъ литературнаго фонда, сорокъ лѣтъ спустя послѣ его основанія, все еще не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ, клонясь скорѣе къ пониженію, чѣмъ къ повышенію; мы не можемъ забыть, что если капиталы фонда достигли полу-милліона рублей, то этому гораздо больше способствовали крупныя пожертвованія самихъ писателей (Плещеева, Елисеева, Надсона, завѣщавшаго фонду право изданія своихъ стихотвореній) и нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ (напр. покойнаго генерала Дамича), чѣмъ скромные взносы, становящіеся силой только при постоянно растущей ихъ многочисленности. Очень мало дали литературному фонду и „Дружининская копѣйка“, и „читательскій рубль“. Отъ души желаемъ, чтобы болѣе плодотворнымъ оказался краснорѣчивый призывъ къ пожертвованіямъ въ пользу литературнаго фонда, напечатанный В. В. Лесевичемъ въ № 313 „Русскихъ Вѣдомостей“.

Въ одномъ только мы вполнѣ согласны съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“: какъ и имъ, намъ кажутся несвоевременными *празднества*, пріуроченныя къ юбилею печати. Для праздничнаго настроенія у современной русской печати—кромѣ немногихъ òрагановъ, довольныхъ судьбой именно потому, что ею недовольны всѣ остальные,—слишкомъ мало основаній. Юбилейнымъ днемъ ея будетъ не тотъ, который напоминаетъ о давно минувшемъ и, въ сущности, не особенно важномъ событіи (первыя „Вѣдомости“ не имѣли большого значенія, расходились плохо и издавались не безъ перерыва), а тотъ, который принесетъ съ собою давно желанную законную свободу печати.

сятся и перемѣны, внесенныя, судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ проектъ преобразованія с.-петербургскаго городского общественнаго управленія. Сохраненъ выборный характеръ должностей городского головы и его товарищей; созывать думу предположено не только по усмотрѣнію городского головы или министерства внутреннихъ дѣлъ, но и по постановленію самой думы, а также по заявленію *пяти* гласныхъ (въ первоначальномъ проектѣ требовалось заявленіе *трети* всего состава гласныхъ, т.-е. нѣчто почти неосуществимое). Остается неизвѣстнымъ рѣшеніе важнаго въ будущемъ для думы вопроса относительно предсѣдательства въ ней: будетъ ли дума имѣть своего предсѣдателя, а не предсѣдателя подчиненной ей управы, какъ то, къ сожалѣнію, было до сихъ поръ? Исполнительныя коммиссіи до сихъ поръ разрѣшались единолично градоначальникомъ, а теперь предполагается поставить вопросъ о ихъ разрѣшеніи въ зависимость отъ особаго присутствія по городскимъ дѣламъ, что̀ будетъ, конечно, лучше.

Въ № 317 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ появилось важное сообщеніе, озаглавленное: „Благія Вѣсти“. „Три года тому назадъ“— читаемъ мы здѣсь, — „въ нашу печать проникъ слухъ, что въ военномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, примѣняемыхъ нынѣ въ дисциплинарномъ порядкѣ къ нижнимъ чинамъ, состоящимъ въ разрядѣ штрафованныхъ, и что, въ числѣ другихъ высшихъ воинскихъ начальниковъ, за полную своевременность этой реформы высказался такой высокій военный авторитетъ, какъ М. И. Драгомировъ. Затѣмъ, въ прошломъ году, въ одной изъ статей профессора военно-юридической академіи А. С. Лыкошина, напечатанной въ „Русскомъ Инвалидѣ“, проскользнуло извѣстіе о предстоящей отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ и по судебнымъ приговорамъ, какъ средства замѣны въ извѣстныхъ случаяхъ для штрафованныхъ нижнихъ чиновъ заключенія въ военной тюрьмѣ. Наконецъ, въ послѣднее время, „Финляндская Газета“ сообщила отзывъ финляндскаго генералъ-губернатора на заключеніе финляндскаго сената о военномъ судѣ въ частяхъ, пополняемыхъ преимущественно финляндскими уроженцами, въ которомъ генералъ-адъютантъ Бобриковъ, указывая, что военное законодательство не должно ни въ чемъ различаться по отношенію частей единой арміи въ ея цѣломъ составѣ, между прочимъ, пишетъ: „полагалъ бы необходимымъ допустить лишь одно отступленіе —въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній, примѣненіе которыхъ, не практикуемое въ гражданскомъ строѣ Финляндіи и способное уменьшить въ глазахъ финскаго населенія почетное званіе солдата, могло бы и не быть обязательнымъ для финскихъ войскъ въ виду возможной от-

мѣны ихъ и въ русскихъ войскахъ". Идея о совершенномъ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ военномъ вѣдомствѣ имѣетъ почти сорокалѣтнюю давность, такъ какъ еще въ вѣчно памятномъ Высочайшемъ повелѣніи 17 апрѣля 1863 г. было положительно выражено, что тѣлесное наказаніе въ войскахъ по судебнымъ приговорамъ оставляется лишь въ видѣ временной мѣры, впредь до устройства военныхъ тюремъ и исправительныхъ заведеній. Съ тѣхъ поръ стремленіе къ возможному уменьшенію случаевъ употребленія розогъ характеризуетъ всѣ важнѣйшія работы по усовершенствованію нашего военно-уголовнаго законодательства. Въ 1875 г. было признано необходимымъ отмѣнить тѣлесное наказаніе, какъ замѣну заключенія въ военной тюрьмѣ, для нижнихъ чиновъ вообще и оставить его только для лицъ, состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ. Тогда же возникалъ и вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, но былъ рѣшенъ отрицательно, такъ какъ казалось, что съ отмѣною этого взысканія переводъ въ разрядъ штрафованныхъ утратилъ бы значеніе. Преувеличенность этого опасенія вскорѣ доказали русскіе военные юристы, примѣнявшіе въ 1879 г. русское военно-уголовное законодательство къ войскамъ только-что освобожденной отъ тяжкаго турецкаго ига Болгаріи: включивъ въ лѣстницу наказаній ограниченіе правъ по службѣ, сопровождающее и у насъ переводъ въ разрядъ штрафованныхъ, они вовсе изгнали розги изъ военныхъ кодексовъ княжества. Съ того времени прошло около четверти вѣка. Въ военномъ вѣдомствѣ расширены мѣста заключенія; казармы сдѣлались господствующимъ типомъ размѣщенія войскъ. Сознаніе, что тѣлесныя наказанія совершенно не соотвѣтствуютъ условіямъ службы комплектованія и нравственному уровню нижнихъ чиновъ и не составляютъ незамѣнимаго пробѣла въ системѣ наказаній, повидимому безповоротно окрѣпло въ высшихъ военныхъ сферахъ и приблизило русское общество къ новой, давно желанной реформѣ, въ духѣ гуманнаго закона 17 апрѣля 1863 г.— совершенной отмѣнѣ этихъ наказаній въ нашемъ *вооруженномъ народѣ*".—Сообщеніе какъ будто бы не доведено до конца, что-то остается недосказаннымъ; но самое заглавіе его заставляетъ думать, что обѣщаемая имъ реформа предстоитъ въ близкомъ будущемъ. Если это такъ, то вѣсть дѣйствительно можетъ быть названа *благою*. Отмѣненное въ войскахъ, тѣлесное наказаніе едва ли можетъ остаться въ силѣ для какихъ бы то ни было другихъ группъ населенія. Исчезнувъ изъ воинскаго устава о наказаніяхъ, оно должно исчезнуть изъ положенія о волостныхъ судахъ; исчезнувъ безслѣдно изъ закона, оно должно исчезнуть и изъ внѣ-законной практики. Только тогда въ русскомъ народѣ будетъ безпрепятственно расти и укрѣпляться чувство лич-

наго достоинства, все больше и больше, несмотря на неблагопріятныя условія, проявляющееся въ немъ и въ настоящее время.

Чрезвычайно замѣчательны, съ этой точки зрѣнія, слова, сказанныя въ кременчугскомъ уѣздномъ комитетѣ однимъ изъ присутствовавшихъ въ немъ крестьянъ. Когда зашла рѣчь объ уравненіи крестьянъ съ другими сословіями, предсѣдатель комитета сталъ утверждать, что крестьяне сами не согласятся на подобную реформу. „Въ правовомъ отношеніи“ — воскликнулъ онъ, — „крестьяне обладаютъ преимуществами передъ дворянами; за однородный проступокъ крестьянинъ отдѣлывается легкимъ наказаніемъ, а дворянина привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности“. Чтò разумѣлось здѣсь подъ „легкимъ наказаніемъ“ — административныя ли кары, налагаемыя на крестьянъ земскимъ начальникомъ, или уголовныя, налагаемыя волостнымъ судомъ (имѣющимъ право присудить крестьянина къ розгамъ за проступокъ, для лицъ другихъ сословій влекущій за собою арестъ или тюрьму)—мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ предполагалось, что крестьянамъ свойственно особенное понятіе о *лѐгкости* наказанія — понятіе, въ которомъ честь не играетъ никакой роли. И чтò же? *Мы согласны на уравненіе*—таковъ былъ крестьянскій отвѣтъ на увѣреніе предсѣдателя. Въ дальнѣйшихъ словахъ крестьянина ясно слышится ироническая нотка: „нехай“—сказалъ онъ—„добре наказують и насъ, мы тоді не будемъ часто попадаться, для насъ же буде краще“. И въ самомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ странно считать *преимуществомъ* крестьянъ передъ дворянами мѐньшую строгость наказанія за простое мошенничество или простую кражу. Дорожить такимъ „преимуществомъ“ могутъ только мошенники и воры, а отнюдь не крестьянская масса, чувствующая и сознающая, насколько правовое положеніе ея хуже положенія другихъ сословій... Взглядъ, выраженный предсѣдателемъ кременчугскаго уѣзднаго комитета, является, къ счастію, скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Ковровскій комитетъ, напримѣръ, согласился во всемъ съ крестьяниномъ Носковымъ, о запискѣ котораго мы говорили въ предъидущей хроникѣ, и высказался за уравненіе крестьянъ съ другими сословіями въ правахъ личныхъ и гражданскихъ, за освобожденіе ихъ отъ административной опеки, подчиненіе общимъ судебнымъ установленіямъ и избавленіе отъ позорнаго тѣлеснаго наказанія.

Въ № 319 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Суджи, курской губерніи: „предсѣдатель нашей уѣздной земской управы, кн. П. Д. Долгоруковъ, оставилъ службу. Этотъ нашъ дѣятель безспорно обладалъ особой энергіей во всѣхъ

дѣлахъ, касавшихся благоустройства населенія, всегда во все вникалъ и лично проводилъ въ жизнь съ успѣхомъ. Благодаря его энергіи и неутомимости въ дѣятельности, суджанскій уѣздъ поднялся на много выше другихъ. По иниціативѣ князя Долгорукова и его стараніями почти осуществлена сѣть школъ всеобщаго обученія, организованы при школахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ библіотеки-читальни, народныя чтенія, преобразована женская прогимназія—въ гимназію, открыта торговая школа и т. п. При земской управѣ организованы экономическій и санитарный совѣты; при управѣ и въ селахъ организованы склады сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ и желѣза, отпускаемыхъ населенію въ кредитъ на льготныхъ условіяхъ; введена ссуда безлошаднымъ крестьянамъ на покупку лошадей; учреждены сельско-хозяйственныя общества; учреждено нѣсколько земскихъ кустарныхъ мастерскихъ: кожевенная, сапожная, коверная, корзиночная и друг.; организованъ кредитъ кустарямъ и кустари изолированы отъ эксплоатаціи продавцовъ сырья и скупщиковъ; введена въ уѣздѣ агрономія; устроена, въ огражденіе крестьянъ отъ эксплоатаціи скупщиковъ, ссыпка земствомъ крестьянскаго хлѣба и продажа его земствомъ же интендантству; учреждено нѣсколько товариществъ мелкаго кредита; организована въ уѣздѣ телефонная сѣть; медицина въ уѣздѣ постановлена возможно доступнѣе для населенія: открыто нѣсколько лечебницъ и пріемныхъ покоевъ; организованъ врачебный совѣтъ и санитарный уѣздный надзоръ; введена правильная ветеринарія; введены дѣтскіе пріюты-ясли; введенъ техническій дорожный надзоръ и дорожныя сооруженія приведены въ возможное состояніе и т. п. Достаточно ясно видно изъ краткаго перечня, насколько дѣятельность кн. Долгорукова была широка и плодотворна: она захватывала всѣ нужды нашей деревни".

„Русскимъ Вѣдомостямъ" телеграфируютъ изъ Суджи, 17-го ноября: „городская дума поднесла кн. Петру Дмитріевичу Долгорукову дипломъ о возведеніи его, съ Высочайшаго соизволенія, въ званіе почетнаго гражданина города Суджи. По поводу оставленія имъ должности предсѣдателя земской управы на состоявшемся обѣдѣ выражалось единодушное сожалѣніе; получена масса сочувственныхъ телеграммъ".

Мы получили на дняхъ письмо П. А. Тверского, изъ Лосъ-Анжелесъ, въ Калифорніи, отъ 3-го ноября нов. ст.:

„Года два тому назадъ, я, пропутавшись болѣе года съ попытками помочь духоборамъ въ Канадѣ и издержавъ на нихъ нѣсколько тысячъ долларовъ, пытался затѣмъ особыми брошюрами раскрыть глаза русской читающей публикѣ на то безвыходное, ужасное поло-

женіе, въ которое оказались поставленными семь слишкомъ тысячъ темныхъ русскихъ людей. Въ русской печати мнѣ не повѣрили, и съ самыми грубыми комментаріями печатали мнѣ возраженія, стараясь закидать меня грязью. Полагая всякую дальнѣйшую полемику и безполезной, и излишней—фактической же стороны моихъ сообщеній отрицать однако никто не могъ,—я и молчалъ, такъ какъ только время могло бы разрѣшить, кто изъ насъ былъ правъ—я ли, съ моимъ 20-ти-лѣтнимъ опытомъ и знаніемъ американскихъ жизненныхъ условій, или мои противники, съ ихъ теоретическими представленіями о томъ, что̀ необходимо для „царства божія" на нашей планетѣ. Теперь это время пришло, и результаты таковы, что оспаривать ихъ ни подъ какимъ видомъ *нельзя.* Пробившись четыре года и убѣдившись въ совершенной невозможности существовать при тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыя ихъ затащили мои противники, духоборы бросили свои земли и деревни, и ударились пѣшкомъ, съ женщинами и дѣтьми, на югъ, безъ руководителей, безъ опредѣленнаго или даже предполагаемаго мѣста, гдѣ бы они могли приткнуться, поздней осенью, безъ съѣстныхъ припасовъ и теплаго платья и обуви. Еще въ прошломъ году они безусловно отказались подчиниться разнымъ требованіямъ мѣстныхъ законовъ относительно порядка владѣнія землей, метрической регистраціи рожденій и смертей, явки браковъ и т. д. и находились съ тѣхъ поръ въ состояніи открытаго сопротивленія—конечно, пассивнаго—мѣстнымъ властямъ, которыя потеряли голову и рѣшительно не знали, что̀ съ ними дѣлать. Все прошлое лѣто прошло въ броженіи, въ подачѣ прошеній правительствамъ разныхъ странъ объ отводѣ имъ земель для жительства, и съ наступленіемъ зимы и вѣрной голодной смерти они побросали свои поселенія и двинулись куда глаза глядятъ. Вызванный канадскимъ правительствомъ изъ Англіи, В. Ч., повидимому, не успѣлъ ничего съ ними подѣлать: они теперь, очевидно, пришли въ отчаяніе, благодаря безвыходности,—и переселеніе духоборовъ въ Канаду превратило ихъ, послѣ четырехъ-лѣтнихъ ужаснѣйшихъ усилій, въ толпу босяковъ-нищихъ, въ числѣ около семи тысячъ душъ [1]), блуждающихъ по закованной морозомъ, крайне мало населенной странѣ, и уже своимъ числомъ исключающей возможность пропитываться подаяніемъ. Изъ пріѣхавшихъ съ ними руководителей не осталось ни одного; кто проживаетъ въ Швейцаріи, кто вернулся въ Россію, и эта несчастная невѣжественная толпа совершенно покинута на произволъ судьбы, безъ какого бы то ни было осмысленнаго руководства. Мои послѣднія свѣдѣнія таковы,

---

[1]) Только не болѣе 30 семей изъ бывшихъ богачей между ними остались на мѣстахъ жительства.

что многіе уже поморозили себѣ руки и ноги, и что первая значительная снѣжная буря, которыя тамъ очень обыкновенны въ это время года, можетъ смести бо̀льшую ихъ часть съ лица земли...

„Я получилъ въ свое время много писемъ изъ Россіи по духоборческому дѣлу, и знаю, что мое къ нему отношеніе и мои брошюры стоили мнѣ многихъ друзей и до извѣстной степени возстановили многихъ противъ меня. Но, какъ говоритъ пословица, шила въ мѣшкѣ не утаишь, и истина, конечно, должна была бы обнаружиться и безъ меня. Пишу эти нѣсколько строкъ, чтобы познакомить васъ съ тѣмъ, что̀ теперь происходитъ въ Канадѣ, чтобы вы могли видѣть, что я былъ безусловно правъ во всемъ, что я сообщалъ о духоборахъ.

„Канадское правительство, въ виду опасности для жизни женщинамъ и дѣтямъ отъ холода и голода, остановило духоборческую толпу посредствомъ mounted police, и отдѣлило ихъ отъ мужчинъ, продовольствуя на казенный счетъ; мужчины же, несмотря ни на что, бросили остановленныхъ женщинъ и дѣтей на попеченіе правительства, и продолжаютъ свой путь пѣшкомъ на югъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, и другое поселеніе духоборовъ—въ Prince Albert Province, на рѣкѣ Swan River'ѣ—тоже бросило свои земли и деревни и тоже пѣшкомъ, въ числѣ тысячи душъ, идетъ на югъ, куда глаза глядятъ. Изъ полученныхъ живущими здѣсь духоборами писемъ я знаю, что всѣ они побросали все свое имущество, всю привезенную изъ Россіи теплую одежду, и идутъ въ однѣхъ рубахахъ. Оставленный на волѣ скотъ и лошади, всего до 200 головъ, были переловлены мѣстнымъ начальствомъ и проданы съ аукціона на пополненіе долговъ“.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ въ геліо-гравюрахъ (на мѣди) съ художественнымъ воспроизведеніемъ картинъ изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III.

Открытыя письма будутъ выходить послѣдовательно серіями по 20 штукъ въ каждой, попеременно копій съ картинъ Музея и Эрмитажа. Цѣна каждой серіи, 20 разныхъ открытыхъ писемъ—2 рубля, или по 10 к. за письмо. Первыя 2 серіи будутъ изготовлены къ началу декабря.

Адресныя стороны открытыхъ писемъ снабжены штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императ. Женск. Патріот. Общ.“, а также украшены художественными виньетками.

Подписка на серіи открытыхъ писемъ принимается у почетнаго старшины Фридриха Борисовича Бернштейна: Спб., Фонтанка, 134, гдѣ и можно получать справки по сему изданію.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ въ геліо-гравюрахъ (на мѣди) съ художественнымъ воспроизведеніемъ картинъ изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III.

Открытыя письма будутъ выходить послѣдовательно серіями по 20 штукъ въ каждой, попеременно копій съ картинъ Музея и Эрмитажа. Цѣна каждой серіи, 20 разныхъ открытыхъ писемъ—2 рубля, или по 10 к. за письмо. Первыя 2 серіи будутъ изготовлены къ началу декабря.

Адресныя стороны открытыхъ писемъ снабжены штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императ. Женск. Патріот. Общ.“, а также украшены художественными виньетками.

Подписка на серіи открытыхъ писемъ принимается у почетнаго старшины Фридриха Борисовича Бернштейна: Спб., Фонтанка, 134, гдѣ и можно получать справки по сему изданію.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1902 году.

Въ 1902-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Харьковск..	203	23. Томская . .	59	45. Лифляндск.	50
2. Кіевская. .	193	24. Бакинская .	59	46. Амурск. об.	49
3. Херсонск. .	178	25. С.-Петерб. .	59	47. Терская об.	48
4. Екатериносл.	129	26. Рязанская .	59	48. Витебская .	48
5. Саратовск. .	116	27. Примор. об.	59	49. Казанская .	47
6. Варшавск. .	113	28. Тульская. .	59	50. Минская. .	46
7. Тифлисская.	112	29. Гродненская	57	51. Сыръ-Д. об.	45
8. Тавpическ .	106	30. Московская.	57	52. Симбирская.	45
9. Черниговск.	98	31. Воронежск..	57	53. Псковская .	43
10. Полтавская.	93	32. Закасп. об.	57	54. Тобольская.	42
11. Курская. .	79	33. Пред. Китая.	56	55. Астраханск.	41
12. Тамбовская.	78	34. Владимірск.	55	56. Ковенская .	41
13. Бессарабск.	77	35. Обл. В. Дон.	54	57. Уфимская .	40
14. Иркутская .	70	36. Ярославская	53	58. Виленская .	40
15. Орловская .	68	37. Самарская .	53	59. Оренбургск.	35
16. Подольская.	66	38. Калужская .	53	60. Енисейская.	34
17. Смоленская.	66	39. Нижегород.	53	61. Ломжинская.	34
18. Забайк. об.	65	40. Могилевск..	52	62. Пензенская.	34
19. Пермская. .	64	41. Кубанск. об.	52	63. Эстляндская.	28
20. Тверская. .	63	42. Кутаисская.	52	64. Акмол. об.	26
21. Новгородск.	60	43. Вятская. .	51	65. Вологодская.	25
22. Волынская .	59	44. Костромская	51	66. Люблинская	24

67.	Плоцкая .	23	78.	Сувалкская.	19	89.	Калишская.	11
68.	Эриванская.	23	79.	Олонецкая .	19	90.	Кѣлецкая.	10
69.	Курляндск.	23	80.	Радомская .	18	91.	Вазаская .	9
70.	Карсская об.	23	81.	Семипал. об.	18	92.	С.-Михельск.	8
71.	Елисаветпол.	22	82.	Черном. окр.	18	93.	Тавастгусск.	8
72.	Архангельск.	22	83.	Сѣдлецкая .	17	94.	Тургайск. об.	8
73.	Самарк. об.	20	84.	Выборгская.	16	95.	Або-Бьернеб.	4
74.	Ставропольск.	20	85.	Ферган. об.	16			
75.	Петроковск.	20	86.	Уральск. об.	14			4.713
76.	Семирѣч. об.	20	87.	Нюландская.	13			
77.	Дагест. обл.	20	88.	Якутск. об.	13			

II. Въ С.-Петербургѣ 1.119

III. Въ Москвѣ. 540

IV. За границей 153

Всего: экз. 6.525

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1902 году.

Хроника.

взаимопомощи; о церковныхъ школахъ; объ артеляхъ и др. — Post-scriptum: Бесѣда г. министра внутреннихъ дѣлъ съ представителями курскаго земства (стр. 746). — Ноябрь: — Продолженіе занятій уѣздныхъ комитетовъ.—Роль правительства, земства и городовъ въ области охраненія народнаго здравія.—Недоимки земскихъ сборовъ. Примѣненіе временныхъ правилъ о народномъ продовольствіи.—Земскіе члены училищныхъ совѣтовъ.—Новый газетный походъ противъ земства. —Инцидентъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. — Участіе членовъ губернской земской управы въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (стр. 374). — Декабрь: — Новое Главное Управленіе. — Всеподданнѣйшій докладъ министра вн. дѣлъ о мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 г. —Общіе результаты продовольственной кампаніи. — Тенденціозныя газетныя нападенія на земство.—Частная благотворительность. — Дальнѣйшія направленія продовольственнаго дѣла.—Положеніе вопроса о мелкой земской единицѣ.—Новыя свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ.—Пересмотръ земскаго избирательнаго ценза. — Post-scriptum (стр. 812).

II. Иностранное Обозрѣніе. —Январь:—Политическія событія истекшаго года.—Общее международное положеніе и китайскій вопросъ.—Война въ южной Африкѣ и британская политика.—Возможная перемѣна министерства въ Англіи.—Колоніи и внѣшніе союзы.—Германскій проектъ таможеннаго тарифа въ парламентѣ. — Печальный прусско-польскій инцидентъ. — Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ (стр. 378).—Февраль:—Рѣчи графа Бюлова въ германскомъ парламентѣ. — Оффиціальный патріотизмъ и внѣшняя политика Германіи. — Внутреннія дѣла въ Пруссіи. — Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ. —Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ (стр. 821).—Мартъ: — Программы французскихъ политическихъ партій. — Парламентскій споръ о франко-русскомъ союзѣ.—Пренія о законахъ для охраны рабочихъ.—Реформа французской средней школы.—Попытка голландскаго посредничества въ бурской войнѣ.—Англо-японскій союзъ. — Китайскія дѣла (стр. 359).—Апрѣль:—Франко-русская декларація.—Отношенія державъ на Дальнемъ Востокѣ.—Рѣчь Делькассе въ сенатѣ.—Новыя проявленія жизненности франко-русскаго союза.—Французскія парламентскія пренія. — Г. Делькассе и „Новое Время“ о багдадской желѣзной дорогѣ.—Южно-африканская война.—Сесиль Родсъ (стр. 814).—Май: — Правительственное сообщеніе о манчжурской конвенціи.—Спорные вопросы и затрудненія на Дальнемъ Востокѣ. — Парламентскіе выборы во Франціи. — Политическія волненія въ Бельгіи. — „Избранная раса“ и военные обычаи (стр. 390). — Іюнь: — Поѣздка президента Лубе въ Россію. — Оффиціальные тосты. — „Франко-русскія“ манифестаціи и „патріотическая“ печать — Внутреннія дѣла во Франціи.—Дѣло Эмберъ. — Отмѣна закона объ охранѣ въ Эльзасѣ-Лотарингіи.—Рѣчь графа Голуховскаго и русско-австрійское соглашеніе (стр. 857). — Іюль:—Конецъ южно-африканской войны. —Печальные итоги.—Содержаніе и характеръ мирныхъ условій.—Отсроченная коронація Эдуарда VII. —Политическія дѣла во Франціи.—Польскій вопросъ въ прусскомъ сеймѣ (стр. 364).—Августъ:—Международное положеніе Италіи.—Рѣчь Делькассе о франко-итальянской дружбѣ. — Возобновленный тройственный союзъ и общая политика въ Европѣ.—Борьба съ клерикализмомъ во Франціи.—Перемѣны въ составѣ британскаго правительства — Лордъ Сольсбери, Бальфуръ и Чемберлэнъ (стр. 789). —Сентябрь:—Бурскіе вожди въ Капской колоніи и въ Англіи. —Политическое движеніе въ южной Африкѣ. — Капскій парламентъ и Чемберленъ. — Македонскій вопросъ.—Брюссельскій конгрессъ въ защиту армянъ (стр. 356).—Октябрь: — Внутреннія дѣла во Франціи.—Военный судъ надъ полковникомъ де-Сенъ-Реми.—Война съ клерикалами и рѣчи министровъ.—Примѣры славянскаго единенія: событія въ Хорватіи.—Попытка американскаго вмѣшательства въ европейскую политику. — Международный судъ въ Гагѣ —Берлинскій трактатъ и Румынія (стр. 783).—Ноябрь:— Бурскіе генералы въ Европѣ.—Англійская политика и ея континентальные обличители. — Нѣкоторыя иллюстраціи къ вопросу о политической этикѣ.—Положеніе Македоніи. — Парламентскія дѣла во Франціи. — Развязка каменноугольнаго кризиса въ Соединенныхъ-Штатахъ (стр. 391). - Декабрь:—Печальныя событія въ Македоніи.—Роль европейской дипломатіи въ устройствѣ турецкихъ дѣлъ.—Мысль о созваніи европейской конференціи.— Политика Вильгельма II и внутренніе вопросы въ Германіи (стр. 846).

III. Литературное Обозрѣніе. —Январь:—Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ 4-хъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса.—„На трудовомъ пути“,

лит. худож. сборникъ.—**А. П.**—Мандельштамъ, проф. О характерѣ Гоголевскаго стиля.—**Е. Л.**—Новыя книги и брошюры (стр. 392).—Февраль: — „Подъ знаменемъ науки", юбил. сборникъ въ честь Н. И. Стороженка. — Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, п. р. и съ предислов. А. Ѳ. Кони.—Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова, гр. П. Шереметева.—П. А. Кулишъ, В. Шенрока. — **А. П.**—Новое о Пушкинѣ, Ив. Щеглова.—**Е. Л.**—Новыя книги и брошюры (стр. 833).—Мартъ:—А. Ермоловъ, Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. —Божеряновъ, И., „Невскій проспектъ", 1703—1903 г. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка.—XVIII-XIX.—Н. В. Гоголь въ русской поэзіи, состав. В. В. Каллашъ. — **А. П.**—Новыя книги и брошюры (стр. 388).—Апрѣль:—Н. К. (Н. Е. Кудринъ), Очерки современной Франціи.—**Н. Карѣева**.—А. А. Кауфманъ, Сибирское переселеніе на исходѣ XIX-го вѣка.—Харьковскій Календарь на 1902 годъ.—**В. В.**—Ѳ. Д. Батюшковъ, Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ.—**С—ій**.—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, Судъ и раскольники-сектанты.—**К. А.**—„Крестьянинъ", ром. ф.-Поленца, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры (стр. 827).—Май:—В. Д. Завитневичъ, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, т. I-ый, кн. 1 и 2.—**Д.**—Маркъ Басанинъ, Записки эмигранта въ Южной Америкѣ.—П. Н. Ардашевъ, Абсолютная монархія на Западѣ.—**Л. С.**—Данте Алигіери, Божественная Комедія. „Адъ". Перев. Д. Минъ.—**А.**—Е. Д. Максимовъ. Происхожденіе нищенства и мѣры борьбы съ нимъ.—Н. И. Тезяковъ, Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 404). — Іюнь: — Арс. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литературы—житія святыхъ.—**М.** Бородкинъ, Славянофильство Тютчева и Герцена.—Мэтью Арнольдъ, Задачи современной критики.—**А. П.**—М. Н. Капустинъ и его переписка съ А. А. Борзенко.—**Z.**—Новыя книги и брошюры (стр. 874).—Іюль:—Луи де Сентъ-Обенъ. Тридцать девять портретовъ 1808—1815. Фототип. воспроизвед. съ біограф. очерк. Изд. в. кн. Н. М.—И. П. Минаевъ, Путешествіе Марко Поло.—**А. П.**—Петръ Струве. На разныя темы (1893—1901). Сборникъ статей.—С. Г. Алексѣевъ, Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ, XVIII—XIX вв.—**Л. С.**—П. Г. Ганзенъ, Опытъ оздоровленія деревни.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 378).—Августъ:—Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина.—**А. П.** — А. Никольскій. Земля, община и трудъ.—**Л. С.**—Д. Н. Вергунъ. Червонно-русскіе отзвуки. — **Д.**—Новыя книги и брошюры (стр. 803).—Сентябрь:—В. А. Францевъ, Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи конца XVIII и первой половины XIX стол.—**А. П.**—Графъ Павелъ Шереметевъ, Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край.—**Е. Л.**—А. Зотовъ. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности.—**А.** А. Зубрилинъ, Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ. —**В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 381).—Отябрь: — Головачевъ, Сибирь: Природа, Люди и Жизнь.—**Е. Л.**—Умеръ талантъ, пов. А. Луговото.—**Д.**— Б. Ф. Брандтъ, Торгово-промышленный кризисъ въ западной Европѣ и въ Россіи, ч. I.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 795).—Ноябрь:—Гр. Новополинъ, Въ сумеркахъ литературы и жизни.—**Д.**—Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи, п. р. В. И. Покровскаго, т. I.—Обзоръ податного состоянія курской губерніи за 1900 годъ.—**В. В.**—Очеркъ всеобщей и русской исторіи, М. Коваленскаго. —**К.**—Народное образованіе въ Петербургѣ, Ю. Н. Лавриновича.—**Z.**—Новыя книги и брошюры (стр. 404).—Декабрь:—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ въ царств. имп. Александра I и Николая I.—А. С. Борецкій, Милліонъ, разсказъ.—Н. В. Пономаревъ, Обзоръ кустарныхъ промысловъ въ Россіи.—П. Милюковъ, Изъ исторіи русской интеллигенціи.—**А. П.**—По Москвѣ и ея окрестностямъ, путеводитель-справочникъ.—**К.**—Новыя книги и брошюры (стр. 856).

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь:—I. Louis Bertrand. La Cina. — II. Max Messer. Moderne Essays.—**З. В.** (стр. 405).—Февраль:—I. Der rote Hahn, v. G. Hauptmann.—II. Lebendige Stunden, v. Arthur Schnitzler.—**З. В.** III. Positive Ethik, v. G. Ratzenhofer.—**Э. Р.** (стр. 846).—Мартъ:—I, René Bazin, „Les Oberlé".—II. Wilhelm Bölsche, „Hinter der Weltstadt".—**З. В.** (стр. 400).—Апрѣль:—I. Brunetière. Victor Hugo.—II. Leo Berg, Henrik Ibsen.—**З. В.** (стр. 857).—Май:—I. Hermann Bahr, Der Apostel.—II. Edouard Estaunié, L'Epave. — III. André Beaunier, La poésie nouvelle. — **З. В.**

(стр. 428).—Іюнь:—I. W. Jensen, Wilhelm Raabe.—II. Brieux, La petite amie. —З. В. (стр. 891). — Іюль: — I. Max Dreyer, Drei Schelmenstücke.—II. Anatole France, L'affaire Crainquebille. — З. В. (стр. 891).—Августъ:—I. Maurice Maeterlinck. Monna Vanna. Pièce en trois actes.—II. Gabriele d'Annunzio. Francesca da Rimini.—З. В. (стр. 820).—Сентябрь:—I. Gustave Kahn, L'Adultère Sentimental.—II. Robert de la Sizeranne, Miroir de la vie (Essais sur l'évolution esthétique).—З. В. (стр. 396) — Октябрь:—I. G. Frensen, „Jorn Uhl".—II. Ad. Bartels, Geschichte der deutschen Literatur.—З. В. (стр. 820).—Ноябрь: —I. G. Reval: „Les Sévriennes", „Les Lycéennes".—II. Hans Ostwald, „Vervorfene".—З. В. (стр. 424). —Декабрь:—I. Nekrassow, Gedichte, übers. von F. Fiedler. — II. L. Muhlfeld, L'Associée, roman.—З. В. (стр. 871).

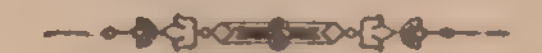
V. Изъ Общественной Хроники.—Январь:—„Вѣстникъ Европы" сто лѣтъ тому назадъ.—Старые и новые земцы.—Земство и печать.—Три громкихъ земскихъ имени: Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ (†), Д. Д. Дашковъ (†).—Систематическое извращеніе истины въ „Моск. Вѣд."—Десятилѣтіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — Чествованіе П. И. Вейнберга и Н. И. Стороженка.—P. S. — Правительственныя сообщенія (стр. 420).—Февраль:—Значеніе яслей въ голодные годы.—Поучительный опытъ.—Пироговскій съѣздъ врачей.—Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ.—Юбилей „Гражданина". — Возобновленіе занятій коммиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мушкетовъ, Н. И. Цухановъ и А. В. Плетнева †(стр. 864).—Мартъ:—Чествованіе памяти Гоголя.—Столѣтіе со дня рожденія Виктора Гюго. — Параллель между его „Misérables" и „Воскресеніемъ" гр. Л. Н. Толстого.—Полемика по поводу „Записокъ врача", г. Вересаева.—Правительственное сообщеніе о дѣлѣ сектантовъ села Павловокъ (стр. 415).—Апрѣль:—Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ переводу романа: „Крестьянинъ".—Ступеньки литературной лѣстницы въ Англіи и въ Россіи.—Задачи и формы литературной критики.—Различные способы борьбы съ расколомъ.—Двадцатипятилѣтіе с-петербургскаго юридическаго общества.—Ф. Д. Нефедовъ † (стр. 871).—Май:—Пятидесятилѣтіе со дня смерти В. А. Жуковскаго.—Планъ „раціональнаго устроенія" русской жизни.—„Гражданинъ" и свобода печати. — Рѣчь и письмо чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства.—Два рѣшенія сената.—Г. И. Успенскій, В. П. Острогорскій и Д. Д. Семеновъ † (стр. 450).—Іюнь:—Новый фазисъ въ исторіи одного изъ старѣйшихъ русскихъ журналовъ. — „Русскія рѣчи" обновленнаго „Русскаго Вѣстника". какъ вкладъ въ сокровищницу реакціонной печати.—Нѣчто о „сердечности" и „твердости". — Судьба трехъ земскихъ ходатайствъ.—Новыя назначенія.—С. А. Рачинскій † (стр. 904).—Іюль:—Десятилѣтіе Городового Положенія 1892-го года и совпадающее съ нимъ правительственное „обозрѣніе" с.-петербургскаго городского общественнаго управленія.—Своеобразный критерій оцѣнки правительственныхъ мѣропріятій и назначеній.— Предостереженіе, данное „Гражданину".—„Логика жизни" и обыкновенная логика.—Еще о дѣлѣ чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства. — Постоянное и временное устройство средней школы (стр. 410).—Августъ: — Двадцатипятилѣтіе дѣятельности петербургской училищной коммиссіи по начальному народному образованію и главнѣйшіе результаты ся. — „Городскія" училища думы и причина ихъ успѣха.—Вопросъ о городскихъ исполнительныхъ коммиссіяхъ.—Проектъ созыва съѣзда городскихъ учащихъ въ Москвѣ, и общеобразовательные курсы для учащихъ въ г. Павловскѣ.—Несправедливыя обвиненія.—Оригинальная городская дума.—А. Н. Бекетовъ † (стр. 847).—Сентябрь: — Временныя росписанія уроковъ въ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.—Циркуляръ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Пересмотръ Городового Положенія.—Букетъ изъ мнѣній „Гражданина" о земствѣ и крестьянахъ, о начальной школѣ и университетѣ, о кассаціонныхъ рѣшеніяхъ и крестьянскомъ банкѣ. — Крестьянскій банкъ и „Московскія Вѣдомости". — Нѣсколько словъ по адресу „Русскаго Вѣстника" (стр. 410).—Октябрь:—Правила о профессорскомъ судѣ, о кураторахъ, курсовыхъ собраніяхъ и старостахъ. — Спб. политехническій институтъ. — „Университетъ или политехникумъ"?—Десятилѣтіе финансоваго управленія.—Конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ.—Рѣзкіе контрасты.—Странныя разсужденія предпринимателя. — Возможная судебная ошибка. — Интересный вопросъ. — С. И. Старынкевичъ †. — Post-scriptum (стр. 838). — Ноябрь:—Университетская реформа и рѣчь г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. — Своеобразная децентрализація, проповѣдуемая

въ „Гражданинѣ“.—Пересмотромъ Городового Положенія 1892 г. въ примѣненіи къ одному городу Петербургу.—Вопросы: о способѣ замѣщенія должности городского головы; о распространеніи избирательнаго права; о порядкѣ производства выборовъ; объ исполнительныхъ коммиссіяхъ (стр. 439).—Декабрь:—Интересное сообщеніе и неудачные къ нему комментаріи.—Инцидентъ въ казанскомъ юридическомъ обществѣ.—Проектируемое общество московскихъ журналистовъ.—Предстоящій юбилей русской періодической печати.—Одесская эпидемія и городское самоуправленіе.—„Благая вѣсть“.—Корреспонденція изъ г. Суджи.—Письмо П. А. Тверского въ Редакцію (стр. 883).

Библіографическій Листокъ.—Январь:—Гейне, Собраніе сочиненій, п. р. П. И. Вейнберга, т. VII.—Гоголь, Мертвыя души, поэма, съ 355 иллюстр.; изд. А. Ф. Маркса.—„Невскій проспектъ“, 1703—1903, юбилейное изданіе, т. I, вып. 1.—Автобіографія Абдурахана, съ англ. М. Грулевъ.—Собраніе сочиненій Шиллера въ перев. русск. писателей, п. р. С. Венгерова, т. III.—Февраль:—Отчужденіе недвижимой собственности для государственной или общественной пользы, В. В. Салова.—Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, П. Новгородцева.—Стихотворенія, кн. Д. Н. Цертелева.—Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, П. Лесгафта.—Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, А. И. Дмитріева-Мамонова.—Учебные годы стараго барчука, Евг. Маркова.—Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. III.—Мартъ:—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Т. I: 1802—1825, состав. С. М. Середонинъ.—Русскія юридическія древности, В. Сергѣевича, т. I.—Введеніе въ римскую исторію, В. И. Модестова, ч. I.—Недопѣтыя пѣсни, С. Я. Надсона.—Горюнъ, разсказъ В. I. Дмитріевой.—Апрѣль:—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. П. Барсукова, кн. 16-ая.—Стихотворенія П. И. Вейнберга, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній „Гейне изъ Тамбова“.—Сабанинъ, В. В., Систематическая Роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи—за 1899-й годъ, т. I, вып. 1.—П. Сергѣенко, Сократъ, драмат. хроника.—Д. Мережковскій, „Любовь сильнѣе смерти“, „Наука любви“, „Микель-Анджело“.—Малый Энциклопедическій Словарь, вып. VII, послѣдній.—Май:—Изданіе Спб. Городской Думы: Ч. I.—В. А. Жуковскій; ч. II: Н. В. Гоголь.—М. П. Розенгеймъ, Стихотворенія. М. Винаверъ, Очерки объ адвокатурѣ.—Головачевъ, П., Сибирь: Природа Люди, Жизнь.—Фришмутъ, Марія, Критическіе очерки и статьи.—Іюнь:—В. Д. Спасовичъ, Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 13 не-земскихъ губерній.—П. Таннери, Первые шаги древне-греческой науки, перев. Э. Радлова и Г. Церетели, съ пред. А. И. Введенскаго.—Шиповъ, П., капитанъ, Русская одежда.—Н. Азбелевъ, Единство въ устройствѣ вселенной.—И. И. Игнатовичъ, Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.—Русскій Біографическій Словарь: Павелъ преподобн.—Петръ (Илейка).—Іюль:—Владиміръ Соловьевъ, очеркъ В. Л. Величко.—Спасовичъ, В., и Пильцъ, Е., Очередные вопросы въ царствѣ польскомъ.—А. Манцони, очеркъ М. Ватсонъ.—Графъ Э. П. Беннигсенъ. Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ. Изъ замѣтокъ практика.—Августъ:—Н. Н. Карабчевскій. Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебные очерки.—Курсъ семейнаго права. Проф. А. И. Загоровскаго.—Л. Е. Оболенскій. Научныя основы красоты и искусства.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Е. Водовозовой. Турки.—Второй сборникъ статей. 1901—1902. Александра Новикова.—Стихотворенія Владиміра Соловьева.—Сентябрь:—Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ (1893—1902). П. П. Мигулина, проф. харьк. университета.—М. В. Кечеджи-Шаповаловъ, Женское движеніе въ Россіи и за границей.—В. Гурко, Устои народнаго хозяйства Россіи.—Аграрно-экономическіе этюды.—Октябрь:—Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина, т. II.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. X.—Путеводитель по окрестностямъ Петербурга, изд. Коммиссіи по народному образов. въ Спб.—Цѣли воинскаго наказанія, А. Фалѣева.—Русскій Китай, барона А. Буксгевдена.—Преступный міръ и его защитники, Н. В. Никитина.—Ноябрь:—Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ, д-ра А. И. Скребицкаго.—Россія въ дорожномъ отношеніи, состав. В. Мейенъ.—Шекспиръ—въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.—Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Т. Гексли и Г. Мартинъ.—Синтаксисъ русскаго языка, Д. Овсянико-Куликовскаго.—Декабрь:—Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева, т. IV.—Женщины-убійцы, вр. П. Н. Тарновской.—Сахалинъ (Каторга), В. М. Дорошевича.—Сборникъ Историческаго Русскаго

Общества, т. 112.—Повѣсти и разсказы Я. Крюковскаго (Я. Я. Гуревича).

VII. Извѣщенія.—I. Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.—II. Извлеченіе изъ Положенія о Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ (Январь, 436).—Отъ городской Коммиссіи по народному образованію (Февраль, 881; Мартъ, 431; Май, 466).—I. Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Вспоможенія.—II. Отъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ (Апрѣль, 884; Май, 466).—Отъ Попечительства о глухонѣмыхъ (Октябрь, 858; Ноябрь, 456).—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества (Декабрь, 898).

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь. — Декабрь. 1902.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніе сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева. Т. IV, стр. 588. Т. V, стр. 552. Ц. за всѣ 8 томовъ—12 рублей.

Новые выпуски обнимаютъ собою пятнадцатилѣтній періодъ литературной и публицистической дѣятельности покойнаго Влад. Соловьева, начиная съ 1883 года и до 1897 г. Болѣе двухъ третей четвертаго тома занимаетъ „Исторія и будущность теократіи",—трудъ, названный самимъ авторомъ:—Изслѣдованіе всемірно-историческаго пути къ истинной жизни. „Оправдать вѣру нашихъ отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія; показать, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и народнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчною и вселенскою истиной—вотъ, говоритъ изслѣдователь, общая задача моего труда"... Сверхъ того, въ этомъ томѣ содержатся слѣдующія статьи: „Великій споръ и христіанская политика"; „Соглашеніе съ Римомъ и московскія газеты"; „Еврейство и христіанскій вопросъ"; „Какъ пробудить наши церковныя силы"?—письмо къ С. А. Рачинскому, которое авторъ называлъ не возраженіемъ ему, а дополненіемъ къ его призыву, обращенному къ людямъ изъ образованной мірской среды—идти въ сельскіе священники „для самоотверженнаго служенія церкви и народу". Пятый томъ посвященъ, главнымъ образомъ, „Національному вопросу въ Россіи" и другимъ 15-ти болѣе мелкимъ статьямъ, разсѣяннымъ по газетамъ и журналамъ.

Женщины-убійцы, антропологическое изслѣдованіе врача П. Н. Тарновской. Спб. 902. Стр. 512. Ц. 4 р.

Почтенный авторъ очень скромно называетъ свой обширный трудъ „копотливымъ и невиднымъ" и смотритъ на него „какъ на подвозку матеріаловъ", которые онъ предоставляетъ „будущимъ зодчимъ для дальнѣйшей кладки зданія криминальной антропологіи, еще ожидающей своего обобщателя". Но эта зарождающаяся въ наше время наука будетъ не мало обязана настоящему собранію матеріаловъ для нея, выполненному на строго-точныхъ научныхъ основаніяхъ. Авторъ ограничивается въ своемъ изслѣдованіи субъектами исключительно изъ крестьянской среды, и притомъ безъ всякой примѣси посторонней крови, изъ среднихъ губерній; такимъ образомъ, въ настоящемъ трудѣ приведено 160 наблюденій, субъектами которыхъ послужили исключительно уроженки центра европейской Россіи, великорусскихъ губерній. Самыя наблюденія иллюстрированы 163 рисунками и 8-ю антропометрическими таблицами. Авторъ, выходя изъ положенія, что „преступленіе, въ смыслѣ криминальной антропологіи, имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ юридическомъ", — приходитъ, опираясь на свои наблюденія, къ тому выводу, что „нельзя на основаніи анатомическихъ данныхъ, или прирожденныхъ нравственныхъ отклоненій, на основаніи только однихъ этихъ условій считать человѣка преступникомъ; въ этомъ смыслѣ типъ прирожденнаго преступника Ломброзо долженъ быть отвергнутъ"; но основная мысль его, „что преступленіе совершается, въ большинствѣ случаевъ, въ силу врожденныхъ или пріобрѣтенныхъ отклоненій и недостатковъ организаціи—эта мысль, заключаетъ авторъ, безмѣрно чревата послѣдствіями". Мы надѣемся еще возвратиться къ интересному и замѣчательному труду П. Н. Тарновской, чтобы ближе ознакомить читателя съ его богатымъ содержаніемъ.

Сахалинъ (Каторга). В. М. Дорошевича. Въ двухъ частяхъ. М. 903. Стр. 437+199. Ц. 3 р. 50 к.

Какъ бы въ дополненіе къ предъидущему труду явилось настоящее изданіе, которое можно было бы, подобно тому, озаглавить „Мужчины-убійцы". Но авторъ вовсе не имѣлъ въ виду приготовить научное изслѣдованіе, какимъ является предъидущее, и далъ, въ другомъ отношеніи, также богатый и интересный матеріалъ для ознакомленія съ бытомъ сосланныхъ на каторгу во всѣхъ ея подробностяхъ и обстановкѣ, независимо отъ описанія природы остр. Сахалина и жизни его обитателей. Изданіе весьма роскошно иллюстрировано массою рисунковъ, съ видами Сахалина, постройками на немъ и работами, а также лицъ ссыльно-каторжныхъ. Съ ихъ словъ записаны авторомъ многочисленные разсказы изъ ихъ жизни, подробности совершенныхъ ими звѣрскихъ убійствъ и грабежей, судъ надъ ними и житье на каторгѣ. Особый интересъ въ книгѣ составляетъ статья, посвященная „Уроженцамъ о. Сахалина", съ цѣлью осужденія „несчастной идеи о сахалинской колоніи". По наблюденіямъ автора, „больше 25 лѣтъ на Сахалинѣ рождались дѣти, росли среди каторги, въ атмосферѣ крови и грязи, и съ самой колыбели были сами обречены на каторгу; это былъ большой грѣхъ противъ этихъ несчастныхъ".

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 112. Спб. 901. Стр. 740. Ц. 3 р.

Настоящій томъ представляетъ одну особенность: до сихъ поръ было принято за правило въ отношеніи обнародованія документовъ, останавливаться на вѣнскомъ конгрессѣ, 1814 года; нынѣ же впервые сдѣлано французскимъ правительствомъ исключеніе для „Историческаго Общества", а потому явилась возможность приступить къ изданію дипломатической переписки нашего и французскаго правительства, начиная съ 1814 г. по 1830 годъ. Изъ этого одного можно заключить, насколько любопытны и вмѣстѣ драгоцѣнны для исторіи той мало изслѣдованной эпохи выходящіе нынѣ въ свѣтъ документы и дипломатическая переписка упомянутыхъ правительствъ.

Я. Крюковскій (Я. Я. Гуревичъ). Повѣсти и разсказы. Спб. 1902.

Въ разсказахъ г. Крюковскаго изображаются преимущественно типы и нравы, господствующіе въ мірѣ „забитыхъ людей". Авторъ добросовѣстно вникаетъ въ описываемую имъ печальную дѣйствительность, и очерки его производятъ на читателя впечатлѣніе своимъ искреннимъ, задушевнымъ тономъ. Въ сочиненіяхъ г. Крюковскаго замѣчается отчасти вліяніе Максима Горькаго; наиболѣе удачными и интересными слѣдуетъ признать разсказы: „Павелъ Залетный" и „Богъ театра".

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1903 г.
(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ.

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.